

Археологические вести

— 43 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

43
(2024)

Saint Petersburg
2024

Археологические вести

43
(2024)

Санкт-Петербург
2024

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН
П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН
Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

А. А. Пескова (отв. редактор), М. Т. Кашуба, Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова, М. Ю. Вахтина,
Н. В. Хвоцинская, Н. Н. Скакун

Издательская группа:

Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), А. Р. Лада (редактор иллюстраций), Е. В. Новгородских (редактор),
Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — Вып. 43 /
[Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2024. — 358 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В выпуск 43 журнала «Археологические вести» включены статьи по различным аспектам археологии. В двух разделах публикуются материалы конференций, проведенных на базе ИИМК РАН. Одна из них — международная, организованная при участии Государственного Эрмитажа и Северо-Западного университета (КНР), была посвящена 75-летию со дня рождения С. С. Миняева — крупнейшего специалиста по истории и археологии хунну. Вторая — всероссийская, «Древнерусский город: архитектура и материальная культура», была посвящена 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя в этой области М. К. Каргера. В разделе «Новые открытия и исследования» представлены статьи, в которых рассматриваются возможности использования данных петрографии для реконструкции производства керамики и особенности состава клеев для крепления рукоятей ножей древних эскимосов. Кроме того, в научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся материалы изучения Рюрикова городища. В статьях, включенных в рубрику «Актуальные проблемы археологии», обсуждаются вопросы социальной структуры раннеземледельческого общества в Юго-Восточном Туркменистане (по данным био- и археологического анализа могильника Гонур-депе) и хронологии поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму. Также представлена рецензия на книгу Е. В. Беляевой по раннему палеолиту Закавказского нагорья. Среди авторов — ученые из Республик Молдова и Беларусь и различных научных центров России: Москвы, С.-Петербурга, Владивостока, Новосибирска, Барнаула, Кемерово, Иркутска, Саратова.

Issue 43 of the journal *Archaeological News* includes articles on various aspects of archaeology. The materials of conferences held on the basis of IHMC RAS are published in two sections. One of them, an international one, organized with the participation of the State Hermitage and Northwestern University (PRC), was dedicated to the 75th anniversary of the birth of S. S. Minyaev, a leading specialist in the history and archaeology of the Xiongnu. The second — all-Russian, “Old Russian city: architecture and material culture”, was dedicated to the 120th anniversary of the birth of the outstanding researcher in this field M. K. Karger. The section “New discoveries and studies” presents articles that discuss the possibilities of using petrographic data to reconstruct ceramic production and the composition of adhesives for attaching the handles of ancient Eskimo knives. In addition, previously unpublished materials from the study of the Rurik settlement are being introduced into scientific circulation. The articles included in the section “Actual Problems of Archaeology” discuss issues of the social structure of the early agricultural society in South-Eastern Turkmenistan (according to the bio- and archaeological analysis of the Gonur-Depe burial ground) and the chronology of the Late Bronze Age settlement Bagai 1 in North-Western Crimea. A review of E. V. Belyaeva’s book on the Early Paleolithic of the Transcaucasian Highlands is also presented. Among the authors are scientists from the Republics of Moldova and Belarus and various scientific centers of Russia: Moscow, St. Petersburg, Vladivostok, Novosibirsk, Barnaul, Kemerovo, Irkutsk, Saratov.

Первая и четвертая страницы обложки — ажурные пряжки из могильников Ала-Тей 1 и Терезин, Центральная Тува
First and fourth pages of cover — openwork buckles from Ala-Tei 1 and Terezin burial grounds in Central Tuva

Содержание

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. С. МИНЯЕВА

<i>Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова, М. В. Медведева.</i> Международная научная конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи», посвященная 75-летию со дня рождения С. С. Миняева (1948–2020)	9
<i>В. А. Алёшкин.</i> По следам державы сюнну. К 75-летию со дня рождения С. С. Миняева (18.12.1948–11.04.2020)	15
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Культурные и хронологические признаки эпохи хунну в Туве	25
<i>Н. Н. Крадин.</i> Северный город Хуннской державы	35
<i>Н. Н. Николаев.</i> Китайские бронзовые зеркала в погребальной практике хунну	46
<i>Н. В. Полосьмак.</i> Искусство сочетания. Войлочные ковры из могил хуннской аристократии	54
<i>Н. Н. Серегин, С. С. Матренин.</i> Хронологические индикаторы предметного комплекса населения Северного Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак-I)	68
<i>О. С. Советова, О. О. Шишкина.</i> О некоторых «знаках отличия» у персонажей наскального искусства Минусинской котловины тесинского времени	81
<i>Д. А. Топал, В. Г. Бубулич.</i> Нефритовое перекрестье из Буджака	94
<i>И. В. Уланов, В. С. Николаев.</i> Погребения хуннского времени лесостепного Предбайкалья	100

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. К. КАРГЕРА

<i>К. А. Михайлов, А. А. Пескова.</i> Всероссийская научная конференция «Древнерусский город: архитектура и материальная культура: к 120-летию со дня рождения археолога, искусствоведа и историка М. К. Каргера» (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2023 г.)	116
<i>Н. В. Пивоварова.</i> М. К. Каргер в Русском музее. Из истории создания экспозиции древнерусского искусства	120
<i>В. И. Кошман.</i> Фундаменты храма на Минском замчище: результаты исследований, интерпретации и вопросы датировки	128
<i>И. В. Антипов, А. В. Жервэ.</i> Церковь Николая на Липне 1292 г. и постройки Липенского монастыря: новые археологические исследования	140
<i>В. Н. Матвеев.</i> Каменно-смальтовые мозаичные полы в технике <i>opus sectile</i> в храмах домонгольской Руси	154
<i>М. В. Медведева, О. Е. Этингоф.</i> Архивные фотографии фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде 1930-х (?) годов	165
<i>Д. Д. Ёлишин, А. Ю. Кононович, Д. С. Прокуратов.</i> Неопубликованное погребение XII–XIII вв. из раскопок Десятинной церкви в Киеве в 1908 г. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа и полевой документации Д. В. Милеева)	173
<i>А. А. Пескова.</i> Об атрибуции «кацеи XII в. из Изяславля»	182

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. Житенева.</i> Надпись на мощевике из Спасо-Преображенского собора в Чернигове	193
<i>Н. В. Жилина.</i> Стил «золотой середины» в декоративном искусстве Руси в середине XII в.	199
<i>В. Ю. Коваль.</i> Археологические признаки древнерусской древо-земляной фортификации	211
<i>И. А. Жарких, Е. Р. Михайлова, А. В. Русаков, В. Ю. Соболев.</i> Вал Надбельского городища	220
<i>Л. В. Колединский.</i> Городище Слуцк: изучение и сохранение археологического наследия.....	236
<i>Н. А. Почобут.</i> Музеефикация объектов археологии на городище Турова.....	247
<i>А. В. Курбатов.</i> Особенности полоцкого кожевенного ремесла древнерусского периода	259
<i>В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова.</i> Технологическая характеристика кузнечной продукции из Твери	267

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. В. Терехина.</i> К вопросу о клеях исторических эскимосов (по материалам могильника Эквен и этнографическим коллекциям)	273
<i>Е. В. Кузнецова, М. Н. Растегаева, Д. А. Шелепов.</i> Технология производства античной керамики по данным петрографии	283
<i>А. В. Плохов.</i> Южная часть раннесредневекового Рюрикова городища (по материалам раскопок 1960-х гг.).....	298

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. В. Куфтерин, О. В. Сычева, А. В. Фрибус, Н. А. Дубова.</i> О взаимосвязях элементов обряда и биологических характеристик погребенных (на примере объекта Гонур 20)	327
<i>М. А. Кулькова, А. А. Горошников, З. В. Горошникова, М. А. Стрельцов, М. А. Маркова.</i> Первые радиоуглеродные даты памятника позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму	339

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. К. Анисюткин.</i> Ранний палеолит Закавказского нагорья в свете открытий начала XXI в. Рецензия на книгу: Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022 (Archaeologica Petropolitana). 276 с.	347
--	-----

IN MEMORIAM

Памяти Петра Петровича Толочко (21 февраля 1938 г. — 28 апреля 2024 г.)	353
Список сокращений	355

Contents

TO THE 75TH ANNIVERSARY OF S. S. MINYAEV

<i>N. N. Nikolaev, V. B. Trubnikova, M. V. Medvedeva.</i> The International Scientific Conference “‘Singing Arrows of Maodun’: Xiongnu from obscurity to empire”, dedicated to the 75 th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev (1948–2020)	9
<i>V. A. Alyokshin.</i> In the footsteps of the Xiongnu Empire. To the 75 th anniversary of S. S. Minyaev (18.12.1948–11.04.2020)	15
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.</i> Cultural and chronological signs of the Xiongnu epoch in Tuva	25
<i>N. N. Kradin.</i> The Northern city of the Xiongnu Empire	35
<i>N. N. Nikolaev.</i> Chinese bronze mirrors in Xiongnu funerary practice	46
<i>N. V. Polosmak.</i> The art of matching. Felt carpets from the graves of the Xiongnu aristocracy	54
<i>N. N. Seregin, S. S. Matrenin.</i> Chronological indicators of the object complex of the Northern Altai population of the Rouran time (on the materials of the Choburak-I necropolis)	68
<i>O. S. Sovetova, O. O. Shishkina.</i> About some “insignia” of rock art characters from Minusinsk Basin of the Tes’ time	81
<i>D. A. Topal, V. G. Bubulici.</i> Jade crosshairs from Bugeac	94
<i>I. V. Ulanov, V. S. Nikolaev.</i> Burials of the Xiongnu time of the forest-steppe Cisbaikalia	100

TO THE 120TH ANNIVERSARY OF M. K. KARGER

<i>K. A. Mikhailov, A. A. Peskova.</i> All-Russian scientific conference “Old Russian city: architecture and material culture: To the 120 th anniversary of the archaeologist, art historian and historian M. K. Karger” (St. Petersburg, 24–26 October 2023)	116
<i>N. V. Pivovarova.</i> M. K. Karger in the Russian Museum. From the history of the creation of the exposition of Old Russian art	120
<i>V. I. Koshman.</i> Foundations of the temple at Minsk Zamchishche: research results, interpretations and dating issues	128
<i>I. V. Antipov, A. V. Gervais.</i> The St. Nicholas on Lipno Church (1292) and the buildings of the Lipno Monastery: new archaeological research	140
<i>V. N. Matveev.</i> Stone-smalt mosaic floors in the <i>opus sectile</i> technique in the temples of pre-Mongolian Rus’	154
<i>M. V. Medvedeva, O. E. Etinhof.</i> Archival photos of the frescoes of the St. George Cathedral of the Yuryev Monastery in Novgorod of the 1930s (?)	165

CONTENTS

<i>D. D. Jolshin, A. Yu. Kononovich, D. S. Prokuratov.</i> Unpublished burial of the 12 th –13 th centuries from the excavations of the Church of the Tithes in Kiev, 1908 (according to the materials of the State Hermitage Museum collection and field documentation by D. V. Milejev)	173
<i>A. A. Peskova.</i> On the attribution of the “12 th century <i>katseya</i> from Izyaslavl”	182
<i>A. M. Zhiteneva.</i> Inscription on a reliquary from the Transfiguration Cathedral in Chernigov	193
<i>N. V. Zhilina.</i> The “golden mean” style in the decorative art of Rus’ in the middle of the 12 th century	199
<i>B. Yu. Koval.</i> Archaeological signs of Old Rus’ timber-earthen fortification	211
<i>I. A. Zharkikh, E. R. Mikhailova, A. V. Rusakov, V. Yu. Sobolev.</i> The rampart of Nadbelye fortified site	220
<i>L. V. Koledinsky.</i> The fortified site of Slutsk: study and preservation of archaeological heritage	236
<i>N. A. Pochobut.</i> Museumification of archaeological objects at the fortified site of Turov	247
<i>A. V. Kurbatov.</i> Peculiarities of Polotsk leather craft of the Old Rus’ period	259
<i>B. I. Zavyalov, N. N. Terekhova.</i> Technological characteristics of forge production from Tver	267

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V. V. Terekhina.</i> To the question of glues of the historical Eskimo (on the base of the burial ground Ekven and ethnographic collections)	273
<i>E. V. Kuznetsova, M. N. Rastegaeva, D. A. Shelepov.</i> Technology of production of antique ceramics according to petrography	283
<i>A. V. Plokhov.</i> Southern part of the early medieval Rurikovo Gorodishche (on the materials of excavations of the 1960s)	298

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>V. V. Kufterin, O. V. Sycheva, A. V. Fribus, N. A. Dubova.</i> Exploring relations between funerary treatment and skeletal data: A case of Gonur 20 archaeological site	327
<i>M. A. Kulkova, A. A. Goroshnikov, Z. V. Goroshnikova, M. A. Streltsov, M. A. Markova.</i> The first radiocarbon dates of the Late Bronze Age settlement Bagay 1 in the North-Western Crimea	339

REVIEWS

<i>N. K. Anisyutkin.</i> Early Paleolithic of the Transcaucasian Highlands in the light of discoveries of the early 21 st century. Book review: Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022 (Archaeologica Petropolitana). 276 с.	347
---	-----

IN MEMORIAM

In memory of Peter Petrovich Tolochko (February 21, 1938 — April 28, 2024)	353
List of abbreviations	355

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. С. МИНЯЕВА

Международная научная конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи», посвященная 75-летию со дня рождения С. С. Миняева (1948–2020)¹

Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова, М. В. Медведева²

Ключевые слова: С. С. Миняев, хунну, сюнну, рубеж эр, Китай, Монголия, междисциплинарные исследования, история науки, научное взаимодействие, П. К. Козлов, Ноин-Ула.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-9-14

14–17 ноября 2023 г. Институтом истории материальной культуры РАН совместно с Государственным Эрмитажем, Северо-западным университетом (КНР) при поддержке Фонда «История Отечества» была проведена международная научная конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи», посвященная 75-летию со дня рождения Сергея Степановича Миняева (1948–2020). Дата конференции была выбрана неслучайно — 18 декабря 2023 г. исполнилось бы 75 лет Сергею Степановичу Миняеву, одному из крупнейших в мире специалистов по истории и археологии хунну, проработавшему в стенах ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН более 50 лет. Он принимал участие в раскопках или руководил исследованиями археологических памятников, которые после их введения в научный оборот стали эталонными. С. С. Миняевым были актуализированы многие проблемы хуннской археологии. Конференция стала свидетельством признания его научных достижений. Необходимо отметить, что тематическая

конференция, посвященная хуннской проблематике, в Санкт-Петербурге состоялась впервые.

Неугасающий интерес к истории и археологии хунну, сопровождающийся совершенствованием методики раскопок, поиском новых исследовательских подходов при изучении и осмыслении полученных данных и кратное увеличение археологических источников к началу третьего десятилетия XXI в. предопределили необходимость проведения узкоспециализированной «хуннской» конференции. К началу ее работы был издан сборник материалов, включавший 60 статей, разделенных на шесть тематических блоков: «Евразийские степи и Центральная Азия до хунну»; «Новые исследования по археологии и истории хунну»; «Искусство и предметный комплекс хунну»; «Хуннское влияние в культурах сопредельных территорий»; «Ойкумена после хунну»; «История науки и естественно-научные исследования в археологии» («Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020) / Отв. ред. Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 272 с.).

На конференции выступили более 80 ученых из России, Китая, Монголии, Японии и Кореи (рис. 1). Помимо этого в работе конференции приняли участие исследователи из Казахстана. В состав программного комитета конференции вошли ведущие специалисты из России, Китая, Монголии и Японии. Не будет преувеличением сказать, что среди участников конференции оказались представители всех стран, территория и население которых когда-то входили в состав

¹ Исследование проведено Н. Н. Николаевым и В. Б. Трубниковой в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014), М. В. Медведевой — «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022–0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru, barbarera@gmail.com, marriyam@mail.ru.

© Николаев Н. Н., Трубникова В. Б., Медведева М. В., 2024

Рис. 1. Международная научная конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи». Общая фотография участников конференции (14 ноября 2023 г., ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Fig. 1. The International Scientific Conference “ ‘Singing Arrows of Maodun’: Xiongnu from obscurity to empire”. Group photo of conference participants (November 14, 2023, IHMC RAS, St. Petersburg)

хуннской державы или же испытали сильное военно-политическое давление, экономическое и культурное влияние хунну. Сопредседателями организационного комитета конференции выступили представители России и Китая: сотрудник ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа канд. ист. наук Н. Н. Николаев, и профессор международного центра археологии и наследия Шелкового пути Северо-Западного университета PhD Пань Лин.

Открытие конференции состоялось 14 ноября 2023 г. в ИИМК РАН, в Дубовом зале Ново-Михайловского дворца. С приветственными словами к участникам конференции обратились генеральный директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский, директор ИИМК РАН А. В. Поляков, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН Н. Н. Крадин, главный научный сотрудник Института архео-

логии и этнографии Сибирского отделения РАН Н. В. Полосьмак, профессор Китайского народного университета Вэй Цзянь, директор Института археологии Академии наук Монголии Г. Эрэгзэн и директор Института археологии им. А. Х. Маргулана комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан А. Онгарулы. Во время конференции между Институтом истории материальной культуры РАН и Институтом археологии Академии наук Монголии было подписано соглашение о сотрудничестве (рис. 2, б).

На заседаниях прозвучало 68 докладов, большая часть которых была сделана в очном формате. Выступления на китайском языке переводились на русский, перевод осуществлялся выпускниками китайских отделений Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Высшей школы экономики.

Рис. 2. Международная научная конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи»: 1 — А. В. Поляков, 2 — А. Онгарулы, 3 — Н. Н. Крадин, 4 — Вэй Цзянь, 5 — Пань Лиин); 6 — подписание договора о сотрудничестве между ИИМК РАН и Институтом археологии Академии наук Монголии, слева направо — А. В. Поляков, Г. Эрэгзэн; 7 — участники конференции; 8 — Н. В. Полосьмак; 9 — Н. Н. Николаев (14 ноября 2023 г., ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Fig. 2. The International Scientific Conference “‘Singing Arrows of Maodun’: Xiongnu from obscurity to empire”: 1 — A. V. Polyakov, 2 — A. Ongaruly, 3 — N. N. Kradin, 4 — Wei Jian, 5 — Pan Liying); 6 — signing of an agreement on cooperation between the IHMC RAS and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Mongolia, from left to right — A. V. Polyakov, G. Eregzen; 7 — conference participants; 8 — N.V. Polosmak; 9 — N. N. Nikolaev (November 14, 2023, IHMC RAS, St. Petersburg)

Научному наследию С. С. Миняева было посвящено выступление В. А. Алёкшина. Актуальные вопросы археологии Центральной Азии в предхуннское время нашли отражение в докладах П. И. Шульги, Д. П. Шульги, Ван Юйфу, Пань Лин, С. А. Комиссарова, М. А. Кудиновой, А. И. Соловьева, Ван Хуэй, Ван Ифэй и Мао Жуйлинь.

Самой представительной оказалась серия докладов, посвященная результатам исследований последних лет: княжеского могильника Ноин-Ула (Н. В. Полосьмак); могильника хунно-сяньбэйского времени Айрагийн Гозгор (Вэй Цзянь, Нага Тэрбаяр); Иволгинского могильника (Н. Н. Крадин); княжеского могильника Оргойтон (Н. Н. Николаев); хуннских поселений (Сарэнбилидж Цахар); петроглифов рубежа эр у горы Тепсей (О. С. Советова, Н. Н. Моор, О. О. Шишкина) и в горах Оглахты (Е. А. Миклашевич); могильников Смирновка-4 и Хызыл Салда-9 (В. М. Лурье, В. Б. Трубникова); хуннских могильников Ала-Тей-1 и Терезин (М. Е. Килуновская, П. М. Леус); могильников постхуннского времени Цзихуланту (Сун Гуодун) и Чжалайнор (Пань Лин); постхуннской культуры Тувы (Т. Р. Садьков); постхуннских могильников Яломан-II (А. А. Тишкин), Чобурак-1 (Н. Н. Серегин) и Оглахты (С. В. Панкова); о работах по реконструкции маршрута похода полководца Ли Лина в 99 г. до н. э. (А. А. Ковалев). В рамках обсуждения этих докладов была затронута проблема выделения и уточнения критериев культурной дифференциации хуннских и единовременных с ними памятников иной культурной принадлежности, в материалах которых, прежде всего в погребальной и поминальной обрядности, предметном комплексе и художественной традиции, фиксируется хуннское влияние.

Многие докладчики посвятили свои выступления изучению различных изделий предметного комплекса хунну (Л. Эрдэнэблд, Е. С. Богданов, Чжао Дэюнь, Лян Юнь, Чжэн Юйсун, С. А. Яценко, Чон Сокбэ, А. В. Варенов, Ма Янь, Ву Хун, В. С. Бусова, О. В. Андреева). Особо следует отметить серию докладов об исследовании хуннских наконечников стрел, в рамках которых для определения их эффективности проводились экспериментальные стрельбы из луков различных типов. Стрельба велась стрелами, оснащенными наконечниками, аналогичными хуннским. Одним из показателей, которые фиксировались в ходе экспериментов, был звук, производимый «поющими» стрелами в полете (О. А. Митько, И. С. Половников, Р. В. Давыдов, А. И. Поселянин, А. Л. Петренко). Эти выступления стали созвучны названию конференции.

Динамика, тенденции и характер проявления хуннского влияния в культурах таежной зоны Средней Сибири были проанализированы в докладах Г. Л. Иванова, П. В. Мандрыки, П. О. Сенотрусовой.

Введению в научный оборот новой информации о содержании надписей на лаковых изделиях, обнаруженных в археологических комплексах хунну, были посвящены доклады Хун Ши и Икуэ Отани. Полученные результаты позволили авторам скорректировать хронологические рамки существования элитных курганов хунну и обозначить перспективы дальнейших работ по хронологии и периодизации хуннских памятников. Был сделан предварительный вывод о необходимости пересмотра ряда устоявшихся датировок эталонных памятников хунну.

В докладах, посвященных анализу этнокультурных процессов в степях Евразии в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э., авторами были рассмотрены причины (социально-экономические, природно-климатические, этно-психологические и др.), которые могли способствовать становлению и развитию кочевых империй (Ван Цзяньсинь, Д. Эрдэнэбаатар, Борджигин Кишиси, Ван Лисинь). Традиционно несколько сообщений касались результатов естественно-научных исследований. Были представлены данные, полученные на современном технологическом уровне с использованием новых методических подходов, которые позволили уточнить облик и антропометрические показатели носителей хуннской культуры Забайкалья и Монголии. Помимо этого, был определен рацион их питания, косвенно свидетельствующий о хозяйственной деятельности различных групп населения, интегрированных в племенное объединение хунну (докладчики Цуй Иньцю, А. И. Бураев, Я. В. Дикий, А. А. Хубанова, В. Б. Хубанов, Д. А. Миягашев, Б. А. Биликто, И. В. Смолева, Н. В. Именохоев). Историографическим вопросам были посвящены доклады Н. А. Сутягиной, П. С. Дремовой и М. В. Мандрик.

Достаточно много внимания на конференции было уделено Средней Азии и Восточной Европе, территориям, которые в разной степени испытали последствия от возникновения или крушения хуннской державы (доклады Тан Юньпэна, В. П. Никонова, С. В. Воронятова, К. И. Ташбаевой, В. Л. Денисенко, С. В. Ярцева, Е. В. Шушуновой, А. А. Внукова).

В заключительный день конференции, 17 ноября 2023 г., в ИИМК РАН при поддержке Министерства культуры Монголии состоялся международный семинар «Ноин-Ула сквозь столетие», приуроченный к 100-летию начала Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926) под руководством известного русского путешественника П. К. Козлова, а также одному из важнейших археологических открытий, сделанному этой экспедицией в горах Ноин-Ула на севере Монголии, где было исследовано несколько элитных погребений хунну (рис. 3). Несмотря на то, что курганы были ограблены,

Рис. 3. Международный семинар «Ноин-Ула сквозь столетие», приуроченный к 100-летию начала Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926) под руководством П. К. Козлова (17 ноября 2023 г., ИИМК РАН, Санкт-Петербург): 1 — А. В. Поляков; 2 — Н. Чинбат; 3 — участники семинара; 4 — Ю. И. Елихина; 5 — С. Чулуун; 6 — Т. И. Юсупова; 7 — Г. Эрэгзэн; 8 — М. В. Мандрик; 9 — М. В. Медведева; 10 — Н. Эрдэнэ-Очир; 11 — Н. А. Сутягина

Fig. 3. International seminar “Noin-Ula through a century”, dedicated to the 100th anniversary of the beginning Mongol-Tibetan expedition (1923–1926) under the leadership of P. K. Kozlov (November 17, 2023, IHMC RAS, St. Petersburg): 1 — A. V. Polyakov; 2 — N. Chinbat; 3 — seminar participants; 4 — Yu. I. Elikhina; 5 — S. Chuluun; 6 — T. I. Yusupova; 7 — G. Eregzen; 8 — M. V. Mandrik; 9 — M. V. Medvedeva; 10 — N. Erdene-Ochir; 11 — N. A. Sutyagina

в ходе раскопок был получен богатый археологический материал. В наши дни Ноин-Ула входит в число эталонных памятников хунну и является источником ценной информации при изучении различных аспектов материальной культуры и традиций хунну.

Ответственными за организацию семинара стали: со стороны России — заведующая научным архивом ИИМК РАН канд. ист. наук М. В. Медведева, со стороны Монголии — директор музея Чингисхана академик Академии наук Монголии С. Чулуун. В работе семинара приняли участие ведущие ученые из России и Монголии. Присутствующим приветствовала министр культуры Монголии госпожа Номин Чинбат, выступившая с сообщением о перспективах российско-монгольских взаимоотношений в контексте проблем, касающихся сохранения мирового историко-культурного наследия.

Доклады первой части заседания были посвящены деятельности П. К. Козлова и работе Монголо-Тибетской экспедиции. Выступавшими подробно рассматривалась история формирования коллекций и различные аспекты изучения научного наследия путешественника в музейных и архивных собраниях России и Монголии (ИИМК РАН, РГО, Государственный Эрмитаж, Академия наук Монголии), также были проанализированы материалы отечественной и зарубежной прессы 1920–1930-х гг., посвященные деятельности экспедиции и ходу раскопок в Ноин-Уле (докладчики М. В. Медведева, Н. А. Сулягина, Д. А. Кукина, С. Чулуун, М. Ф. Матвеева, М. В. Мандрик, Ю. И. Елихина, Т. И. Юсупова). Кроме того, прошла презентация монографии М. В. Медведевой, Н. А. Сулягиной, Н. Эрдэнэ-Очира, Д. А. Кукиной «Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг.» (СПб.: ИИМК РАН, 2023 (Архивное наследие ИИМК РАН; Т. II). 420 с.) и

были представлены основные результаты работы в рамках совместного российско-монгольского проекта, направленного на изучение и введение в научный оборот архивных собраний и музейных коллекций России и Монголии, связанных с исследованиями уникальных ноин-улинских древностей из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова (РФФИ-МОКСНМ, проект № 20-59-44005 Монг_а).

Во второй части юбилейного заседания прозвучали доклады о материалах новейших исследований Ноин-Улы и памятников хунну. Докладчики затронули проблемы этнической идентичности хунну и вопросы изучения китайского шелка, происходящего из хуннских комплексов (Н. Н. Крадин, Н. В. Полосьмак). Монгольские археологи рассказали о впечатляющих открытиях, сделанных во время недавних раскопок элитных курганов хунну в могильниках Дуурлиг-Нарс и Бэлхийн ам, а также подвели итоги исследований Ноин-улинского памятника в 2006–2023 гг. и сообщили о проектах его музеефикации и перспективах будущих археологических исследований (Г. Эрэгзэн, Н. Эрдэнэ-Очир, Н. Батболд).

Прошедшая 14–17 ноября 2023 г. в Санкт-Петербурге конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи» продемонстрировала необходимость создания единой платформы для обмена мнениями между российскими и зарубежными исследователями, способствующей введению в научный оборот новых материалов и обнародованию результатов проведенных исследований. Конференция с узкой тематической направленностью, где каждый участник оказывается максимально вовлеченным в область своих научных интересов, позволяет создать благоприятную атмосферу для завязывания научных контактов и планирования совместных исследований.

The International Scientific Conference “‘Singing Arrows of Maodun’: Xiongnu from obscurity to empire”, dedicated to the 75th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev (1948–2020)

N. N. Nikolaev, V. B. Trubnikova, M. V. Medvedeva³

Keywords: S. S. Minyaev, Xiongnu, turn of the eras, China, Mongolia, interdisciplinary studies, history of science, scientific interaction, P. K. Kozlov, Noin-Ula.

³ Nikolay N. Nikolaev, Varvara B. Trubnikova, Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru, barbarera@gmail.com, marriyam@mail.ru.

По следам державы сюнну. К 75-летию со дня рождения С. С. Миняева (18.12.1948–11.04.2020)¹

В. А. Алёкшин²

Аннотация. Статья посвящена Сергею Степановичу Миняеву (18.12.1948–11.04.2020), крупнейшему русскому исследователю древностей сюнну. Описаны основные вехи жизни и путь становления ученого. Дана оценка его раскопок археологических памятников, которые вошли в мировую сокровищницу изучения сюнну/хунну (особенно Дырестуйский могильник и курган Царам). Обозначен вклад С. С. Миняева в науку, отмечены его нравственный авторитет и человеческое обаяние.

Ключевые слова: Сергей Степанович Миняев, Забайкалье, Республика Бурятия, сюнну, поселение Дурёны I, Дырестуйский могильник, могильник Царам, могильник Оргойтон.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-15-24

Крупнейший русский исследователь древностей сюнну Сергей Степанович Миняев (рис. 1, 1) родился в Ленинграде 18 декабря 1948 г. Интерес к постижению далекого прошлого сложился у него уже в школьные годы, и в 1966 г. выпускник средней школы поступил на вечернее отделение кафедры археологии исторического факультета ЛГУ. Вскоре у него завязались контакты с главным археологическим учреждением на берегах Невы — Ленинградским отделением Института археологии (ЛОИА) АН СССР (с 1991 г. — Институт истории материальной культуры (ИИМК) РАН), куда Сергея Степановича вначале пригласили как временного сотрудника для работы по договорам в экспедициях и реставрационных мастерских, а в мае 1968 г. зачислили в штат лаборатории археологической технологии ЛОИА, где новоиспеченный лаборант стал заниматься спектральным анализом древних металлических изделий.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.

© Алёкшин В. А., 2024

В студенческие годы Сергей Степанович прошел прекрасную полевую школу, освоив методику раскопок курганов бронзового и железного веков на юге европейской части России и в Южной Сибири. Но главную роль в его становлении как археолога сыграло участие студента в полевых работах на известном памятнике сюнну — Иволгинском городище в Бурятии. Его исследования проводила организованная кафедрой археологии ЛГУ Забайкальская экспедиция, которой руководила доцент кафедры кандидат ист. наук А. В. Давыдова, ставшая учителем Сергея Степановича. Очевидно, здесь, на берегах Селенги и Иволги, он сделал окончательный выбор в пользу такой увлекательной области археологии, как изучение древностей сюнну — народа, создавшего одну из первых великих кочевых империй. У меня нет никакого сомнения в том, что Сергей Степанович был увлечен выбранной специализацией. На все мои вопросы об азиатских гуннах (так в 1960–1970-х гг. называли сюнну) он отвечал ярко, образно и вместе с тем просто, с таким знанием общих и частных сторон предмета, которым занимался, что у меня, человека весьма далекого от проблематики сюнну, сложилось четкое и ясное представление о кочевнической культуре Забайкалья в развитом железном веке. Видимо, специалист высокого класса не может работать без увлечения, ибо оно пробуждает устойчивый интерес, который стимулирует процесс познания. Несомненно, Сергей Степанович

Рис. 1. С. С. Миняев: 1 — 2008 г.; 2 — на раскопках кургана 7 могильника Царам, Забайкалье, Бурятия, 2005 г.
 Fig. 1. S. S. Minyaev: 1 — 2008; 2 — at the excavation of the barrow 7 of Tsaram burial mound, Transbaikalia, Buryatia, 2005

обладал редким даром искусного рассказчика. Отмечу, что кроме него мне был известен лишь один такой же талантливый лектор — Павел Александрович Раппопорт.

Увлеченность сочеталась у Сергея Степановича с глубоким рациональным началом. Создавалось впечатление, что уже к концу обучения в университете он продумал тщательный план изучения древностей сюнну, которому следовал на протяжении всей жизни. Эта программа, которую исследователь никогда не афишировал, включала не только изучение китайского языка для самостоятельной работы с письменными источниками и археологической литературой, но и систематические раскопки различных видов памятников сюнну — поселений и могильников. В конечном счете, такая схема предусматривала: во-первых, анализ с помощью современных естественно-научных методов артефактов, как вновь полученных, так и добытых предшественниками Сергея Степановича; во-вторых, современную интерпретацию этого обширного корпуса археологических источников; в-третьих, публикацию конечных результатов проделанной работы.

Однако жизнь вносит коррективы в любые планы. В 1972 г. после окончания ЛГУ Сергей

Степанович был призван на службу в Советскую армию. В те годы призывник, имевший высшее образование, находился в ее рядах лишь один год. Демобилизовавшись в 1973 г., молодой специалист восстановился в лаборатории археологической технологии ЛОИА и продолжил задуманные исследования.

В 1978 г. он поступил в аспирантуру ЛОИА без отрыва от производства. Поскольку деятельность Сергея Степановича в лаборатории протекала на стыке археологии и химии, темой своей кандидатской диссертации он избрал изучение металлических изделий сюнну посредством типологического и спектрального методов. Квалификационной работой аспиранта, получившей название «Бронзовые изделия хунну (типология, производство, распространение)», руководил выдающийся исследователь древностей Сибири, доктор ист. наук М. П. Грязнов, консультировал химик-аналитик ЛОИА, специалист по спектральному анализу кандидат хим. наук В. А. Галибин. В начале 1982 г. Сергей Степанович досрочно окончил аспирантуру с предоставлением текста диссертации, которая была успешно защищена им на ученом совете ЛОИА 3 марта 1982 г.

Оппонентами выступили крупнейшие отечественные специалисты в области археологии Сибири (доктор ист. наук профессор Л. Р. Кызласов) и в сфере изучения древней металлургии (доктор ист. наук Е. Н. Черных).

В своей квалификационной работе исследователь пришел к выводу о высоком уровне развития бронзолитейного производства у сюнну. Об этом свидетельствуют существовавшие в центрально-азиатских степях различные горно-металлургические очаги: мастера работали с местным сырьем и использовали характерные для каждого из очагов типы сплавов. На археологических материалах Западного Забайкалья Сергей Степанович показал, что в пределах одного очага функционировало несколько металлургических и металлообрабатывающих центров, в которых было налажено производство различных изделий. Основой для развития бронзолитейного производства у сюнну явились традиции металлургии обитавшего в центральноазиатских степях населения позднего скифского времени. Сюнну не просто использовали рудную базу и металлургические знания своих предшественников, но и освоили новые источники сырья без влияния других металлургических провинций. Изучив состав бронз сюннских типов из Ордоса, Забайкалья и Южной Сибири, Сергей Степанович привел доводы в пользу существования в этих регионах хорошо организованного в различных горно-металлургических очагах воспроизводства, репродуцирования бронзовых изделий по сюннским образцам и, возможно, для самих сюнну, но с использованием в каждом случае местных металлургических рецептов. На территории, занятой во II-I вв. до н. э. сюнну, производство свойственных им типов бронз прекращается с падением здесь влияния этого племенного союза. В целом на памятниках, относящихся ко времени, которое сменяет эпоху сюнну, характерные для них типы бронз не встречаются. Возможно, последние были вытеснены изделиями из железа (Миняев, 1982. С. 13-18).

Эти же идеи ученый развивает и в другой публикации, посвященной металлургии сюнну. Упомянутая работа была дополнена выводом о том, что распространение на Среднем Енисее, в Забайкалье и Ордосе анализируемых изделий связано с преобладанием в этих регионах влияния сюнну, которое привело к возникновению здесь во II-I вв. до н. э. единой социально-экономической структуры, хотя для нее не выявлен какой-либо один центр, где бы отливались и откуда бы распространялись рассматриваемые артефакты.

Бронзовые изделия из памятников, оставленных самими сюнну, по своим металлургическим характеристикам практически не находят себе аналогов на сопредельных территориях (Миняев, 1983. С. 79, 80).

После защиты кандидатской диссертации Сергей Степанович был переведен в сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА (ныне — отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК) на должность сначала младшего, позднее старшего научного сотрудника. К этому времени он был уже сложившимся ученым, полностью раскрывшим свой организационный потенциал полевого исследователя. Об этом свидетельствует исполнение им в 1981 и 1982 гг. обязанностей заместителя начальника Сибирской экспедиции ЛОИА, работавшей в зоне строительства Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса.

С 1982 г. Сергей Степанович, возглавив Забайкальский отряд ЛОИА (с 1992 г. — Забайкальская экспедиция ИИМК), приступил к систематическому исследованию опорных археологических памятников сюнну в Забайкалье. Прежде всего он подключился к раскопкам крупнейшего земледельческо-ремесленного центра Дурёны I. В полевых работах на этом уникальном поселении ученый принимал участие еще в студенческие годы в составе Забайкальской экспедиции ЛГУ, сотрудники которой изучали Дурёны I в 1971-1983 гг. В 1982-1984 гг. в раскопках городища принял участие и Забайкальский отряд ЛОИА. Результаты изысканий на этом важном для археологии сюнну памятнике Сергей Степанович, к сожалению, смог опубликовать лишь после смерти своего учителя, последовавшей в 2000 г. (Давыдова, Миняев, 2003).

Далее ученый исследовал эталонный Дыре-стуйский могильник, который он полностью раскопал в 1984-1996 гг., причем с 1992 г. полевые изыскания Забайкальская экспедиция ИИМК осуществляла совместно с Научно-производственным центром охраны памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Бурятия. Результаты этих масштабных работ, включая описание погребальных комплексов, анализ планиграфии могильника, определение его хронологической позиции и места, занимаемого им в системе древностей сюнну, опубликованы Сергеем Степановичем в монографии, выдержавшей два издания (Миняев, 1998; 2007).

Одно из самых блестящих археологических открытий начала нынешнего столетия, по праву вошедшее в мировой фонд археологии, было сделано Сергеем Степановичем в пади Царам, где

в 1997–2005 гг. он раскопал погребальный комплекс крупнейшего на территории России элитного кургана сюнну (рис. 1, 2). Типология обнаруженного в гробнице инвентаря, фрагменты ханьских зеркал, особенности надписи на лакированной шкатулке, обнаруженной в кургане, позволяют датировать захоронение I в. до н. э. — I в. н. э. Монументальность погребальной конструкции, наличие престижных (несмотря на двойное ограбление могилы) золотых, серебряных и лакированных предметов, остатков колесницы и сопроводительных захоронений человеческих жертв указывает на то, что под этим курганом был похоронен человек высокого социального ранга, возможно, предводитель (шаньюй) кочевого объединения сюнну. Детальное изучение этого погребального комплекса существенно обогатило наши знания о похоронах знати у сюнну и социальной стратификации этого кочевнического общества (Миняев, Сахаровская, 2002; 2006; 2007а; 2007б). За исследование этого уникального захоронения Сергей Степанович получил от Евразийского археологического института награду «За выдающийся вклад в гуннскую археологию», которая была вручена ему в 2007 г. на I Международном конгрессе по археологии Евразии в г. Измире (Турция) (Алёкшин, 2013. С. 156, 158).

В 2009–2019 гг. Сергей Степанович в качестве консультанта принимал участие в работах Центральноазиатской экспедиции Государственного Эрмитажа, которая проводит полевые изыскания могильника сюнну в пади Оргойтон (рис. 2, 1, 2).

Весь цикл полевых работ, осуществленный ученым в 1982–2019 гг. в сложных природных условиях Бурятии, несомненно, является примером подвижнического служения археологии.

Сергей Степанович работал и в зарубежных экспедициях. Прежде всего, речь идет о его сотрудничестве со специалистами из Южно-вьетнамского института стабильного развития (г. Хошимин), благодаря которому исследователю в 1986 и 2008–2010 гг. довелось раскапывать поселения позднего бронзового и железного веков на юге Вьетнама (рис. 2, 3, 4). В 2007 г. он координировал совместные работы Забайкальской экспедиции ИИМК и Смитсониевского института (США) на могильнике сюнну Бага-Газыр Чулуу в Среднегобийском аймаке Монголии.

Благодаря своим исследованиям материальной и духовной культуры сюнну Сергей Степанович стал ведущим отечественным специалистом в этой области археологии. Выводы ученого еще при его жизни были приняты коллегами как

в России, так и за рубежом. Признанием своих заслуг Сергей Степанович во многом обязан уже упоминавшейся рациональности. Она развила в нем внутреннюю дисциплину и сформировала высокую исследовательскую культуру. Именно эти качества позволили ему добиваться поставленных целей в оговоренные сроки. Успешное выполнение порученных Сергею Степановичу дел создало ему репутацию человека, на которого можно положиться. Он вовремя сдавал полевые отчеты и статьи, был основным участником многих отечественных и международных научных грантов. В последнее десятилетие жизни исследователь был в составе научных групп трех важных международных проектов: «Археологические памятники вдоль северных границ», университет Цзилинь (Чанчунь, КНР); «Металлургия железа сюнну» (США, Южная Корея, Россия); «Основные археологические открытия в Центральной Азии за последние 50 лет» (университет Сунь Ятсена, Гуанчжоу, КНР), причем в университете он прочитал цикл лекций по археологии сюнну. Кроме того, Сергей Степанович являлся экспертом программы Фулбрайта (США) и фонда Старра (Метрополитен-музей, США), а также экспертом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия).

Сергей Степанович регулярно участвовал в различных конференциях, и его доклады всегда производили впечатление на аудиторию. Он в совершенстве владел искусством логически передавать информацию и доводить свои умозаключения до слушателей, перед которыми выступал. Хотя говорил Сергей Степанович негромко и даже глуховато, аудитория с большим интересом внимала ему. Все свои оценки он тщательно взвешивал, заранее продумывал вопросы, которые ему могли задать после доклада, и готовил аргументированные ответы на них. Выводы, полученные в результате его научного поиска, Сергей Степанович изобретательно отстаивал и никогда не сдавал заявленных позиций. Его отличала исключительно корректная манера ведения дискуссий, в которых он принимал участие. Можно лишь посочувствовать, что лекторский дар Сергея Степановича не был использован в должной мере при обучении отечественных студентов-археологов. Лишь однажды в 1985 г. он получил возможность организовать специальный курс по археологии Китая на кафедре археологии ЛГУ.

Описанный способ представления своей научной позиции сближал ученого, как это ни парадоксально, с его старшим коллегой по отделу

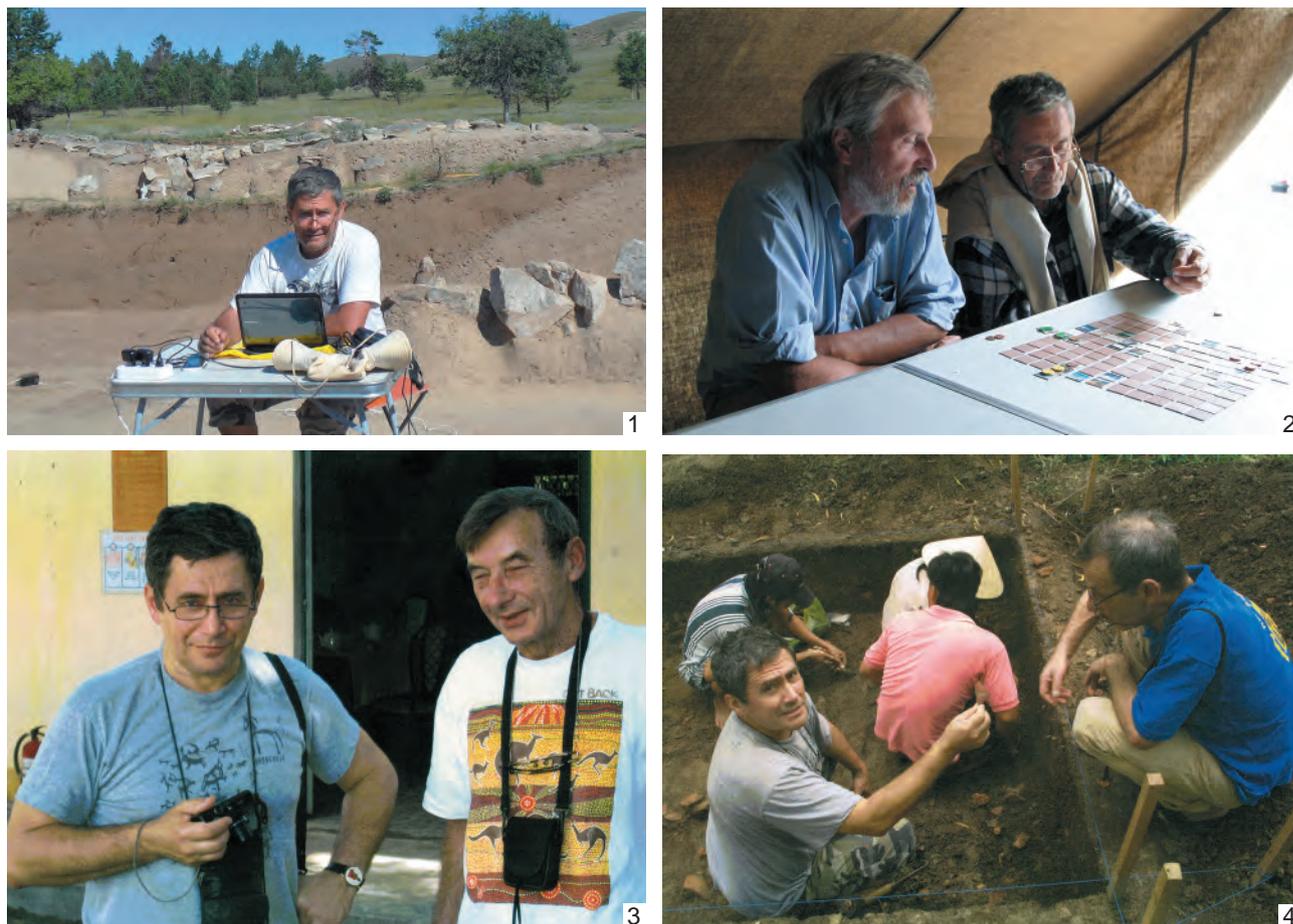

Рис. 2. С. С. Миняев: 1, 2 — на раскопках могильника Оргойтон, Забайкалье, Бурятия (1 — 2011 г.; 2 — 2018 г., слева — Н. Н. Николаев); 3 — Хошимин, Вьетнам, 2008 г. (справа — В. А. Завьялов); 4 — на раскопках поселения позднего бронзового века Ба Дао, культура Донгнай, Вьетнам, провинция Тэйнинь, 2009 г. (справа — В. А. Завьялов)

Fig. 2. S. S. Minyaev: 1, 2 — at the excavations of the Orgoiton burial ground, Transbaikalia, Buryatia (1 — 2011; 2 — 2018, left — N. N. Nikolaev); 3 — Ho Chi Minh City, Vietnam, 2008 (right — V. A. Zavyalov); 4 — at the excavations of the Late Bronze Age settlement Ba Dao, Dong Nai culture, Vietnam, Tay Ninh Province, 2009 (right — V. A. Zavyalov)

Средней Азии и Кавказа Анатолием Максимилиановичем Мандельштамом, с которым по какой-то причине у Сергея Степановича не сложились личные отношения.

Достижения исследователя в археологии сюнну весьма значительны и разнообразны. Многовекторность его научных интересов проистекала из убеждения в том, что сюнну оказали существенное влияние на ход исторических процессов в евразийском степном поясе. Распространившие свою власть на огромную территорию от Маньчжурии до Енисея, эти кочевники способствовали крушению сложившихся здесь в скифское время племенных союзов. Интенсивные перемещения больших масс населения при активном взаимодействии различных культурных традиций привели в эпоху сюнну к существенной трансформации культурного и антропологического облика

населения Сибири. Это способствовало постепенному возникновению фундамента племенных объединений эпохи Средневековья, во многом определивших этническую карту Центральной Азии и в Новое время.

По мнению Сергея Степановича, столь мощное и влиятельное политическое образование, каким был племенной союз сюнну, необходимо изучать, начиная с его истоков. Поэтому в своих исследованиях особое внимание он обращал на проблему происхождения культурного комплекса сюнну, различные элементы которого в большинстве случаев являются диагностирующим признаком той или иной культуры или памятника. Часто встречающиеся в археологических комплексах сюнну, как правило, надежно датированные импортные китайские вещи, а также подробные сведения письменных источников

выдвигают памятники сюнну в число опорных при разработке проблем хронологии развитого железного века Центральной Азии и сопредельных регионов, в том числе Южной Сибири, где известны аналогии различным категориям изделий сюнну.

Сергей Степанович возражал против общепринятой датировки памятников сюнну концом III в. до н. э. — I в. н. э. Проведенный им детальный анализ письменных и археологических источников указывает на неразрешимое противоречие, которое возникает при решении вопроса о формировании культурного комплекса сюнну и установлении его хронологии.

В соответствии с трудом Сыма Цяня (145–87 гг. до н. э.) завоевания сюнну и распространение их влияния в Центральной Азии приходится на годы правления шаньюя Маодуня (209–174 гг. до н. э.). Этот же источник позволяет предположить, что исходный район кочевий сюнну и ставка шаньюя находились в этот период в северных районах древних китайских княжеств Янь и Чжао, по современному административному делению КНР — на востоке провинции Шаньси, севере провинции Хэбэй, западе провинции Ляонин, а также на территории ряда юго-восточных аймаков Внутренней Монголии.

Однако в этих областях нет ни одного относящегося к концу III — началу II в. до н. э. памятника, которому был бы свойственен культурный комплекс сюнну. Такие памятники находятся лишь в Забайкалье, Северной и отчасти Южной Монголии и датируются в соответствии с найденными на них китайскими монетами, зеркалами и артефактами с надписями I в. до н. э. и отчасти I в. н. э. (Миняев, Елихина, 2010). Эту несогласованность археологических и исторических источников Сергей Степанович устранил, сформулировав концепцию, в соответствии с которой в позднюю скифскую эпоху протосюнну были одним из скотоводческих племен, обитавших на севере Китая и во Внутренней Монголии. Именно они оставили погребения в могильниках Наньшаньгэнь, Дуннаньгоу, Чжоуцзяди, Юйхуанмяо, а также захоронения, впущенные в верхний слой стоянки Сяцзядянь. Все эти могилы характеризуются рядом признаков, присущих впоследствии памятникам сюнну, а некоторые категории инвентаря указанных погребений можно рассматривать как прототипы сюннских.

Завоевания сюнну, начавшиеся в конце III в. до н. э., вызвали интенсивные перемещения больших масс населения, которые завершились

не ранее I в. до н. э. формированием типичного комплекса новаций, каковым является культурный комплекс сюнну, распространенный теперь на контролируемой ими огромной территории. Этот ареал не включал, однако, районы исконного обитания сюнну, которые уже в конце II в. до н. э. были оставлены ими после неудачной войны с Ханьской империей. Предлагаемая корректировка хронологии культурного комплекса сюнну существенно повлияла на локальную периодизацию археологических памятников Сибири. На основании сведений письменных источников можно допустить, что с рубежа III–II вв. до н. э. сюнну контролировали здесь ряд областей. Однако между установлением политического и военного контроля и распространением в Сибири различных категорий вещевого комплекса сюнну прошел, вероятно, определенный промежуток времени. Данная концепция изложена Сергеем Степановичем в его монографии, посвященной раскопкам Дырестуйского могильника (Миняев, 1998. С. 71–75, 78–83; 2007. С. 72–76, 79–84).

Значительное место в исследованиях Сергея Степановича занимал ранее малоизученный процесс развития сюннских художественных бронз. Специалисты ограничивались, как правило, сопоставлением их с произведениями «скифо-сибирского звериного стиля» алтайских и сибирских племен, а также с изделиями причерноморских скифов и сарматов, причем отмечалось, что «скифо-сибирское» искусство возникло под влиянием ассиро-вавилонского (VI в. до н. э.), ахеменидского (V–IV вв. до н. э.) и греко-бактрийского (середина III — конец II в. до н. э.) искусства. При таком подходе бронзы сюнну считались грубыми репликами ранее созданных «скифо-сибирских» образцов. Сергей Степанович существенно скорректировал подобный вывод и доказал, что многие мотивы и сюжеты художественной бронзы сюнну, восходящие к скифо-сибирскому звериному стилю, выполнены в своеобразной манере, характерной только для сюнну. Последние, воспринимая образы скифо-сибирского искусства, вносили в их трактовку свои стилистические особенности. Некоторая условность изображенных на бронзах сюнну животных не мешает их распознаванию, так как эти фигуры реалистичны в своей основе. Поэтому Сергей Степанович трактовал искусство сюнну как позднюю стадию развития скифо-сибирского звериного стиля.

Наряду с зооморфными сюжетами в искусстве сюнну представлены так называемые геометрические композиции. Они размещены

на решетчатых или ажурных поясных пряжках различной формы, ажурных пряжках ремней, а также на изделиях мелкой бронзовой пластики (наконечниках и пуговицах). Сергей Степанович показал, что «геометрический» стиль сложился в процессе переработки и схематизации изначально зооморфных скифо-сибирских сюжетов, большинство из которых, в свою очередь, сформировалось под влиянием восточного искусства. Это наблюдение позволило исследователю предположить, что эстетические критерии важнейшего феномена духовной культуры — изобразительного искусства — возникли у сюнну вне зоны скифо-сибирского мира. Такое наблюдение важно для определения хронологии раннего этапа их культуры.

Сергей Степанович выявил в искусстве сюнну и оригинальный стиль, представленный гравированными изображениями на предметах из органического материала — в основном на пряжках и застежках пояса. Художественные особенности этих изображений демонстрируют принципиальное отличие данного стиля от скифо-сибирского направления в искусстве Центральной Азии и свидетельствуют о высоком потенциале художников и ювелиров сюнну. Они не только творчески перерабатывали скифскую основу сибирского искусства, но и развивали собственное, не имеющее каких-либо аналогий, направление в художественном творчестве Центральной Азии. Самостоятельный сюннский пласт в орнаментике звериного стиля оказал значительное влияние на развитие искусства народов Сибири и Центральной Азии (Миняев, 1995. С. 133, 134; Давыдова, Миняев, 2008. С. 39–47).

К этому же направлению в творческом наследии Сергея Степановича примыкает книга, посвященная публикации коллекции бронзовых изделий из музея Европейского института исследований Китая (Брюссель). Собрание артефактов, которые он атрибутировал, состоит из 96 предметов. Большинство из них представляют собой уникальные образцы украшений пояса и одежды. Эти изделия свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла у скотоводческих племен Центральной Азии в I тыс. до н. э. Основная часть коллекции (более 70 предметов) относится к эпохе сюнну, хотя в собрании представлены также предметы скифского времени и эпохи бронзы. В книге подробно описан каждый предмет, приведены его стилистические и типологические характеристики, а также рассмотрены аналогии из археологических памятников, на основе кото-

рых определено назначение каждого изделия и подробно обоснована датировка вещей (Miniaev, Smolarsky, 2002).

Сергея Степановича интересовала также дальнейшая судьба племенного союза сюнну. Для изучения этого сложного вопроса он использовал материалы, полученные при раскопках городища Дурёны I, которое возникло в процессе расселения сюнну в Забайкалье (конец II — начало I в. до н. э.), в излучине Чикоя. Его обитатели занимались не только сельским хозяйством, но и ремесленным производством, прежде всего изготовлением бронзовых и железных изделий, что позволило выделить Чикойский очаг металлообработки.

Этот крупнейший ремесленно-земледельческий центр был основан не только сюнну, но и людьми, сохранившими иные культурные традиции, которые, возможно, восходили к обычаям местного населения эпохи, предшествующей скифской. Отличительные признаки культуры сюнну свойственны поселению Дурёны I в течение длительного времени. Взаимодействие различных бытовых традиций привело к формированию в Забайкалье новых культур, которые типичны для племенных объединений эпохи Средневековья. Характерные для второй половины I тыс. н. э. фрагменты керамики встречаются в средней и верхней частях культурного слоя памятника Дурёны I. Традиции керамического производства сюнну существовали вплоть до эпохи Уйгурского каганата. Следовательно, часть населения, входившего во II в. до н. э. — I в. н. э. в сюннский племенной союз, продолжала обитать в Центральной Азии и после распада этого объединения номадов, в том числе, видимо, и в III–V вв. н. э. (Давыдова, Миняев, 2003. С. 41, 42).

Миняев изучал также некоторые вопросы социального развития общества сюнну. Например, датирующие материалы из Дырестуйского могильника он рассматривал с учетом системы их размещения в погребениях, которая впервые была выявлена Забайкальской экспедицией ИИМК. Достоверность последней была подтверждена при исследовании других кладбищ сюнну. Исследователь выяснил, что захоронения сюнну образуют комплексы, состоящие из центрального кургана и расположенных вокруг него «сопроводительных» погребений. Эти комплексы включают несколько групп, находящихся в десятках метров друг от друга, при этом наиболее крупные курганы сосредоточены, как правило, в северной части каждой группы. Можно предполагать,

что в каждом случае большие курганы сооружены первыми и являются поэтому самыми ранними в каждой группе. Рядом с большими курганами располагаются захоронения двух типов: человеческие жертвоприношения и погребения людей, видимо, состоящих в той или иной степени родства с усопшим, лежащим под большим курганом. Последние также иногда сопровождалась жертвенными захоронениями. Таким образом, большой курган и находящиеся рядом с ним жертвенные погребения можно рассматривать как единовременный комплекс, созданный в процессе одной похоронной церемонии. Этот вывод справедлив и для тех захоронений второго типа, которые сопровождалась жертвенными погребениями. Выявленная система захоронений, опосредованно отражая реальные связи и отношения внутри отдельных коллективов и общества в целом, была, вероятно, нормой похоронной практики сюнну. Установленные особенности планиграфии их могильников существенно расширяют возможности определения внутренней хронологии кладбищ этих кочевников. Очевидно, что дату одного из захоронений комплекса или группы, установленную на основании надписи или находки монет либо зеркал, можно распространить и на весь комплекс в целом. Эти данные дают основания и для суждений о демографической структуре общества сюнну (Миняев, 1988. С. 102; 1992. С. 110–112; 2007. С. 70–72, 78–79; Миняев, Сахаровская, 2002; 2007а; 2007б).

В этом же направлении Сергей Степанович анализировал один из основных маркеров археологического комплекса сюнну — наборные пояса, представленные несколькими вариантами. Наиболее сложные комплекты состоят из многочисленных бронзовых украшений, центром которых является пара бронзовых пластин-пряжек с сюжетными или зооморфными композициями. Менее сложные пояса украшены мелкими бронзовыми кольцами или подвесками и бусами из минералов. Самые простые наборы включают железное кольцо или пряжку и одну-две подвески из минералов. Находки различных поясных наборов в могилах привели к формированию представлений о связи этих вещей с полом и возрастом погребенных и различном социальном статусе обладателей таких поясов (Давыдова, Миняев, 1993. С. 56–58).

Однако позднее Сергей Степанович дал иную трактовку данной категории изделий. Изучение новых находок из могильников Дырестуй и Царам показало отсутствие предполагавшейся ранее

корреляции типов поясного набора с полом и возрастом умерших. Кроме того, наборные пояса любой степени сложности были обнаружены только в сопроводительных погребениях, в большинстве из которых находились скелеты со следами насильственной смерти, что позволяет рассматривать их как жертвенные захоронения. Видимо, люди, похороненные с наборными поясами, являлись представителями покоренных племен, которые по своему происхождению не были связаны с сюнну. Следовательно, указанные вещи не являются маркерами культурного комплекса последних (Miniaev, 2020).

Одним из первых Сергей Степанович обратился к использованию методов естественных наук в археологии сюнну. Например, для анализа их керамики он привлек глиняную посуду из 10 памятников, включая такие эталонные, как Иволгинское городище, поселения Дурёны I и Дурёны II, могильники Иволгинский, Дырестуйский и Царам. При исследованиях сосудов с помощью метода рентгеновской флюоресценции и нейтронной активации ученому удалось установить, что, хотя каждая группа сюнну использовала местные источники глины для производства гончарных изделий, существовал ограниченный обмен ими между восточной и западной частями этого кочевнического объединения. Учитывая простоту керамических форм, распространенных у сюнну, Сергей Степанович заключил, что их глиняная посуда не имела особой ценности и не являлась индикатором особого социального статуса. По его мнению, вероятной причиной упомянутого перемещения некоторых категорий сосудов из одной части территории сюнну в другую стало использование керамики в качестве тары для товаров, подлежащих обмену, например, зерна.

Несмотря на бытующие стереотипы, продукты земледелия у кочевников являются необходимой составляющей рациона питания. Как свидетельствуют археологические находки, по крайней мере, отдельные племена сюнну практиковали земледелие. Две различные группы керамики, обнаруженные в погребениях Царама, могут быть интерпретированы как сосуды для хранения приношений умершим. Если Царам являлся могильником, предназначенным для похорон шаньюев, то логично предположить, что погребальный инвентарь доставляли сюда от разных племен указанного союза кочевников (Холл, Миняев, 2002).

Сергей Степанович также обращался к помощи специалистов-химиков, которые посредством метода полиполяризации установили, что один

из войлочных ковров из кургана 6 могильника сюнну в Ноин-Уле (Северная Монголия) был изготовлен из верблюжьей шерсти (Куликов и др., 2011).

Для определения относительной хронологии погребений сюнну ученый использовал радиоуглеродные даты, полученные с помощью методики AMS-датирования, основываясь на том, что эти кочевники размещали захоронения группами, формирование которых происходило с севера на юг. Таким образом, северные погребения являются самыми ранними в каждом памятнике, а южные — самыми поздними. Кроме того, в университете Каназава (Япония) методом AMS-датирования выполнен анализ 10 образцов дерева, кости и лака из могильников Ильмовая падь, Дырестуй, Царам и Оргойтон. В процессе этого исследования впервые была доказана возможность датирования археологических находок на основании радиоуглеродного анализа лакированных покрытий.

Научные достижения Сергея Степановича невозможно рассматривать в отрыве от его нравственного авторитета и человеческого обаяния, которым он был щедро наделен, и даже от его интересов, не имевших, казалось бы, прямого отношения к археологии. Не хлебом единым сыт человек. Хотя увлечение Сергея Степановича охотой, которое побуждает человека иногда оставлять свое уютное жилище и бродить по лесам с ружьем в руках, можно рассматривать как своеобразную реализацию полевого маршрута, проложенного не так уж далеко от родного дома. Сергей Степанович был страстным футбольным болельщиком, в деталях разбиравшимся во всех тонкостях этой замечательной игры, которая происходит на специально предназначенном для нее

поле. Опять поле... Нельзя не сказать и о его технических пристрастиях. Сергей Степанович был не чужд фотографическому мастерству, одним из первых в институте овладел компьютером и другими цифровыми технологиями. Он постоянно осваивал новые модели сканеров, принтеров, ноутбуков, совершенствуя качество своей печатной продукции и делаясь усвоенными им навыками с коллегами.

Люди, близко знавшие Сергея Степановича, ценили его как принципиального, доброжелательного, обладавшего тонким чувством юмора человека. Его уважали сотрудники ЛОИА/ИИМК как исследователя и как личность. Именно поэтому он оставил глубокий след в научной и общественной жизни института, много лет входя в состав его ученого совета, являясь членом институтской комиссии по приему аспирантских экзаменов и членом аттестационной комиссии учреждения.

Осуществление дальнейших планов Сергея Степановича оборвала безвременная кончина. Ослабленный химиотерапией организм не смог устоять против коронавируса COVID-19. 11 апреля 2020 г. ученый скончался. С его уходом российская археология кочевников понесла большую утрату, но дело исследователя продолжается, а начатые им проекты не угаснут. В настоящее время коллеги Сергея Степановича, Н. Н. Николаев и В. Б. Трубникова, готовят к публикации его рукопись — монографическое издание результатов раскопок элитного комплекса сюнну (кургана 7 в пади Царам).

Отечественные и зарубежные специалисты будут помнить вклад Сергея Степановича в мировую археологию и его яркую притягательную личность.

Алёкшин, 2013 — Алёкшин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Давыдова, Миняев, 1993 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // АВ. 1993. Вып. 2. С. 55–65.

Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у с. Дурёны. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.

Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008 (Археологические памятники сюнну; Вып. 6). 120 с.

Куликов и др., 2011 — Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Е. Ю., Миняев С. С. Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Ула методом полиполяризации // АВ. 2011. Вып. 17. С. 119–121.

Миняев, 1982 — Миняев С. С. Бронзовые изделия хунну. Типология. Производство. Распространение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1982. 20 с.

Миняев, 1983 — Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири: Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю. В. Кирюшин. Барнаул: Алтайский ГУ, 1983. С. 47–84.

Миняев, 1988 — Миняев С. С. Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике // КСИА. 1988. Вып. 194: Железный век. С. 99–103.

Миняев, 1992 — Миняев С. С. Изучение погребений сюнну в Забайкалье // АВ. 1992. Вып. 1. С. 107–115.

- Миняев, 1995* — Миняев С. С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // АВ. 1995. Вып. 4. С. 123-136.
- Миняев, 1998* — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. 1-е изд. СПб.: АзиатИКА, 1998 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.
- Миняев, 2007* — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.
- Миняев, Елихина, 2010* — Миняев С. С., Елихина Е. Ю. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК. 2010. № 5. С. 169-182.
- Миняев, Сахаровская, 2002* — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. 2002. Вып. 9. С. 86-118.
- Миняев, Сахаровская, 2006* — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьское зеркало из могильника Царам // Записки ИИМК. 2006. № 1. С. 77-83.
- Миняев, Сахаровская, 2007а* — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам // АВ. 2007. Вып. 14. С. 130-140.
- Миняев, Сахаровская, 2007б* — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159-166.
- Холл, Миняев, 2002* — Холл М., Миняев С. С. Рентгеновский флуоресцентный анализ керамики сюнну // АВ. 2003. Вып. 10. С. 80-89.
- Miniaev, 2020* — Miniaev S. S. Some features of “Xiongnu” composite belts // The art and archaeology of bodily adornment. Studies from Central and East Asian / Eds. Sh. A. Lullo, L. Wallace. London; New York: Routledge, 2020. P. 41-58.
- Miniaev, Smolarsky, 2002* — Miniaev S., Smolarsky Ph. Art of the steppes. Brussels: Foundation Richard Liu, 2002. 105 p.

In the footsteps of the Xiongnu Empire. To the 75th anniversary of S. S. Minyaev (18.12.1948–11.04.2020)

V. A. Alyokshin³

Keywords: Sergey Stepanovich Minyaev, Transbaikalia, Republic of Buryatia, Xiongnu, Duryony I settlement, Dyrestuy burial ground, Tsaram burial ground, Orgoyton burial ground.

Sergey Stepanovich Minyaev (18.12.1948–11.04.2020) was the prominent Russian researcher of the antiquities of the Xiongnu, a people who created one of the first great nomadic empires. His academic career began in 1968, when he was enrolled on the staff of the Laboratory of Archaeological Technology of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (now the Institute for the History of Material Culture (IHMC) of the RAS). In 1972 he graduated from the evening department of the Department of Archaeology of the Faculty of History of the Leningrad State University, and in 1982 he defended his PhD thesis “Xiongnu bronze articles (typology, production, distribution)”. After his defense, S. S. Minyaev was transferred to the Central Asia and Caucasus Sector of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (now the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus of the IHMC of the RAS), first as a junior and later as a senior researcher.

Since 1982, Minyaev, as head of the Transbaikalia LOIA detachment (since 1992 — the Transbaikalia Expedition of the IHMC), began a systematic study of reference archaeological sites of the Xiongnu in Transbaikalia. In 1982–2005 he excavated the Duryony I settlement, the Dyrestuy burial ground, barrow No. 7 in Tsaram valley, and in 2009–2019 he was a consultant of the Central Asian Expedition of the State Hermitage Museum, which is investigating the Xiongnu burial ground in Orgoyton valley. The scholar’s conclusions were accepted by his colleagues both in Russia and abroad during his lifetime. Minyaev’s achievements in the archaeology of the Xiongnu are very significant and diverse. He paid special attention to the origin of the Xiongnu cultural complex, studied Xiongnu art bronzes (he revealed an original style in Xiongnu art), considered some questions of social development of the Xiongnu society and the further fate of the Xiongnu tribal union. He was one of the first to use the methods of natural sciences in the Xiongnu archaeology. Minyaev’s professional achievements cannot be considered in isolation from his moral authority and human charm, which he was generously endowed with. Those who knew the researcher closely appreciated him as a principled, benevolent person with a fine sense of humour. Domestic and foreign specialists will remember Sergei Stepanovich Minyaev’s contribution to world archaeology and his bright attractive personality.

³ Vadim A. Alyokshin — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.

Культурные и хронологические признаки эпохи хунну в Туве¹

М. Е. Килуновская, П. М. Леус²

Аннотация. При раскопках могильников Ала-Тей 1 и Терезин были выделены культурные и хронологические признаки, маркирующие памятники хуннского времени в Туве. Это определенные категории предметов и детали погребального обряда, относящиеся именно к культуре хунну. Все перечисленные в статье индикаторы этой культуры исчезают в Туве вместе с хунну.

Ключевые слова: хунну, сюнну, Тува, Ала-Тей, Терезин, погребальный обряд, керамика, ажурные бронзы, гагатовые пряжки, китайские зеркала.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-25-34

Статья посвящена выделению хронологических и культурных признаков эпохи хунну в Туве. Исторически это время, последовавшее за северным походом хуннского шаньюя Маодуня, когда территория Тувы оказалась вовлечена в сферу культурного и политического влияния хунну, находившихся тогда на пике своего могущества. Китайские исторические источники дают нам мало сведений относительно Тувы, расположенной вдалеке от интересов ханьского Китая и полей сражений хунно-китайских войн. Тем не менее можно предположить, что уже во II в. до н. э. хунну появляются в Туве и через нее проникают дальше, в Минусинскую котловину. Эпоху хунну в Туве можно датировать II–I вв. до н. э.

Следует отдельно заметить, что, говоря о хунну, мы используем это название в очень широком смысле слова. Этногенез хунну, происхождение языка и некоторые другие важные вопросы их истории остаются дискуссионными и, возможно, останутся таковыми навсегда. Государство хунну

представляло собой, так или иначе, конфедерацию степных племен, поэтому вполне очевидно, что в составе хуннских воинских контингентов и переселенцев в Туве могли оказаться представители разных племен и народов, объединенные под властью шаньюя и имеющие схожую материальную культуру хуннского облика.

Появление хунну в Туве находит отражение в материальной культуре и погребальном обряде, поэтому важно выделить их характерные признаки, имеющие аналогии в археологических памятниках, соотносимых с классической культурой хунну и расположенных на территории их проживания в изучаемую эпоху. Помимо элитных курганов хуннской знати в Монголии и Забайкалье, это и могильники рядового населения, часть которых дошла до нас в непо потревоженном виде. Особенно важны могильники с большим количеством захоронений, то есть с десятками или даже сотнями могил, дающие многочисленный сравнительный материал. Это Иволгинский и Дыре-стуйский могильники в Забайкалье, Даодуньзцы на севере Китая и некоторые другие. С приходом хунну местная скифская культура в Туве прекращает свое существование, население, вероятно, уходит или постепенно ассимилируется, перенимая культурные традиции победителей. Это хорошо прослеживается в появлении здесь новой археологической культуры — улуг-хемской, отличающейся от предшествующей культуры скифского облика (Килуновская, Леус, 2018). Ее погребальные памятники представлены как классическими

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-014).

² М. Е. Килуновская, П. М. Леус — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: kilunmar@mail.ru, leuss@mail.ru.

© Килуновская М. Е., Леус П. М., 2024

хуннскими захоронениями, где погребенные лежат вытянуто на спине в деревянных гробах или каменных ящиках, так и скорченными погребениями в каменных ящиках или грунтовых ямах. При этом оба типа погребений сосуществуют в одном могильнике и практически не имеют различий в инвентаре, где широко представлены предметы культуры хунну.

Ближе к рубежу эр под влиянием различных факторов хунну теряют свои позиции в регионе. Прерываются торговые и культурные связи, исчезают многие характерные предметы материальной культуры и детали погребальной обрядности. Хунну покидают Туву, но какая-то их часть могла остаться и сыграть свою роль в формировании кокэльской культуры.

В ходе работ Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН на дне и по берегам Саяно-Шушенского водохранилища в Центральной Туве за последние годы накоплен значительный объем материалов, относящихся к рассматриваемому периоду. Он происходит из двух непо потревоженных грунтовых могильников, Ала-Тей 1 и Терезин, давших множество ярких находок культуры хунну. Полученные данные радиоуглеродного анализа, китайские зеркала, монеты и другие характерные предметы датируют их II–I вв. до н. э. (Килуновская, Леус, 2021). Эти могильники сейчас можно считать опорными археологическими памятниками для рассматриваемого времени не только в Туве, но и в других регионах, так или иначе входивших в сферу влияния хунну. Раскопки пока не завершены, на Ала-Тее 1 найдено уже 120 объектов, на Терезине — 42.

Благодаря исследованиям на Ала-Тее 1 и Терезине появилась возможность выделить ряд характерных культурных и хронологических признаков, маркирующих эпоху хунну в Туве. Говоря о таких признаках, мы подразумеваем определенные комплексы предметов и детали погребального обряда, которые можно отнести именно к рассматриваемому времени и культуре хунну.

Безусловно, в это же время появляются предметы и погребальные традиции, которые существуют вплоть до Средневековья, так же как и некоторые более ранние культурные элементы переживают эпоху хунну. Они могут служить культурными и хронологическими признаками лишь в контексте нахождения рядом других вещей или деталей погребального обряда, то есть являются своего рода второстепенным доказательством и в настоящей работе подробно не рассматриваются.

В случае обнаружения их в отрыве от хорошо определяющегося комплекса находок или отдельных, но однозначных культурно-хронологических индикаторов сложности с идентификацией таких материалов неизбежны. Это могут быть случайные находки, сильно разграбленные или разрушенные захоронения с невыразительным или полностью отсутствующим материалом, поселения и т. д.

Погребальный обряд

Несмотря на разительные отличия в погребальном обряде уюкско-саглынской культуры позднескифского времени и улуг-хемской культуры эпохи хунну, в нем оказывается не так и много признаков, которые помогли бы идентифицировать именно хуннские погребения. Особенно если рассматривать погребальный обряд безотносительно сопроводительного инвентаря, который может быть слишком невыразительным или же отсутствовать вовсе, как в разграбленных, так и в непо потревоженных захоронениях.

Напомним, что характерной чертой погребального обряда позднескифского времени являются коллективные захоронения в деревянных срубах в 4–5 венцов, подквадратной в плане формы. Срубы могут быть довольно внушительными по площади, но в среднем от 2 × 2 до 3 × 3 м. Глубина могильных ям иногда достигает 4–6 м. Погребенные, число которых на завершающем этапе культуры может превышать 10 человек, были захоронены на левом, реже правом боку, с подогнутыми ногами. Ориентированы погребенные обычно в западный сектор, бывают и исключения. В редких случаях в срубах встречаются захоронения вытянуто на спине или ничком (Семенов, 2003).

Погребальный обряд улуг-хемской культуры отличается прежде всего индивидуальными погребениями, реже встречаются парные, в основном детские или взрослого с ребенком. Погребальные сооружения находятся в грунтовых ямах, глубиной в среднем от 0,5 до 1,5 м, и представлены несколькими типами.

1. Подпрямоугольные ящики из каменных плит, часто очень массивные, с двумя-тремя слоями перекрытия (рис. 1, 1а, 1б). Бывают ящики неправильной формы, ладьеобразной или же повторяющей контуры подогнутых ног погребенного (рис. 1, 2). Захоронения в них как вытянутые, так и на боку с подогнутыми ногами.

2. Деревянные гробы и так называемые гробовища (из более массивного дерева, не досок) (рис. 1, 5) с перекрытием из двух продольных

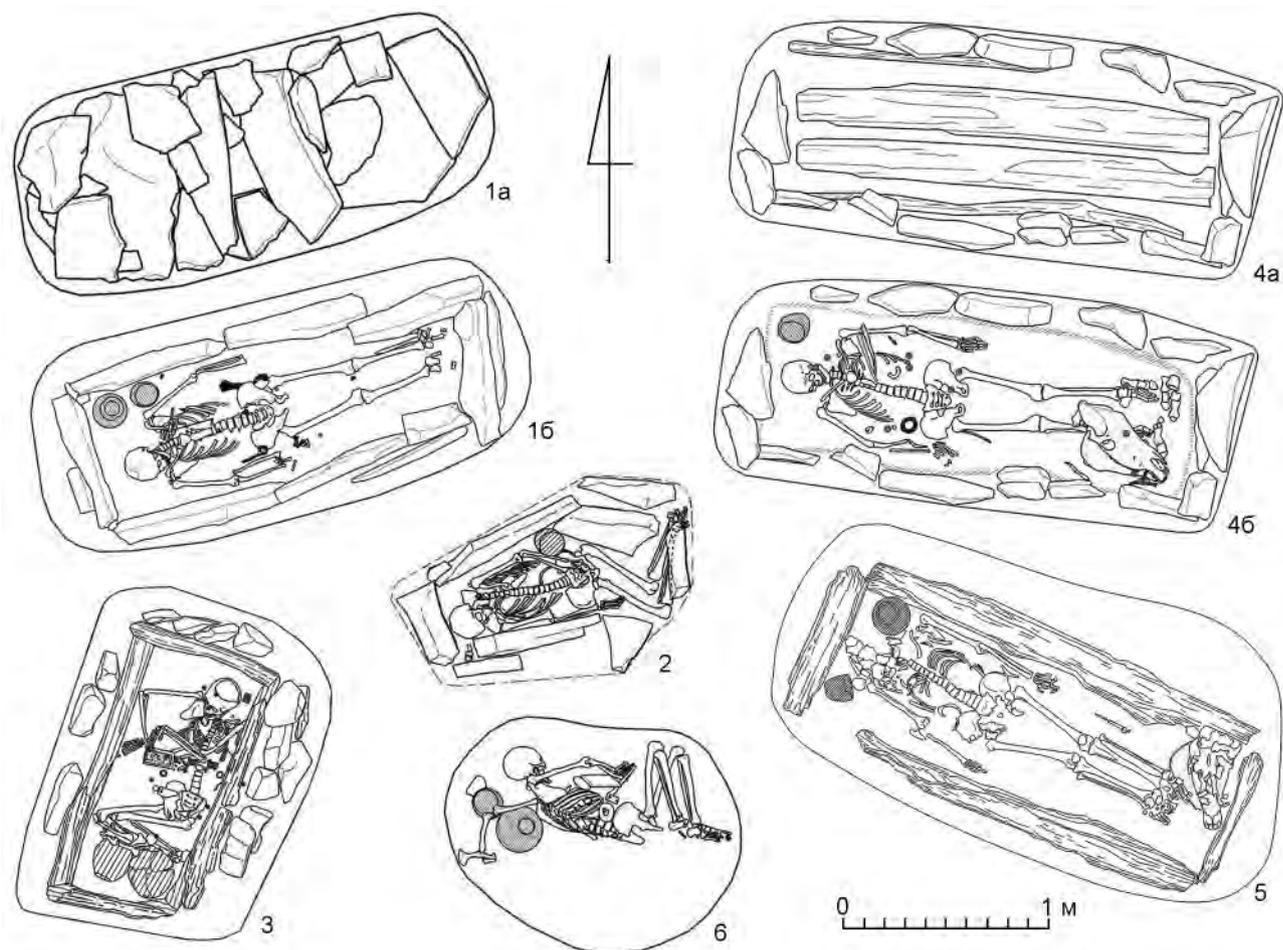

Рис. 1. Типы погребений, относящихся к культуре хунну в Туве: 1а, 1б — АТ1/44; 2 — АТ1/8; 3 — Т/31; 4а, 4б — АТ1/46; 5 — АТ1/113; 6 — АТ1/86

Fig. 1. Types of burials belonging to the Xiongnu culture in Tuva: 1а, 1б — АТ1/44; 2 — АТ1/8; 3 — Т/31; 4а, 4б — АТ1/46; 5 — АТ1/113; 6 — АТ1/86

досок. Яма часто имеет небольшие заплечики по уровню перекрытия, на которых по периметру установлены на торцы фрагменты плит или небольшие камни (рис. 1, 4а, 4б). Захоронения вытянутые, но есть исключение на Терезине — на боку с подогнутыми ногами (рис. 1, 3).

3. Грунтовые ямы без каких-либо следов внутримогильного сооружения (рис. 1, 6). И на Ала-Тее, и на Терезине в них только скорченные захоронения.

Погребенные на Ала-Тее 1 лежат в большинстве случаев вытянуто на спине, но встречается и положение на боку, обычно правом, с подогнутыми ногами (около 10 % от всех погребений). На Терезине, наоборот, все целые захоронения были на боку с подогнутыми ногами³, лишь одно дет-

³ Часть захоронений на Терезине была разрушена водоохранилищем, и от них сохранился лишь неко-

ское погребение было, вероятно, на спине (Т/40⁴). Там же найдено необычное детское погребение, совершенное, скорее всего, в сидячем положении с вытянутыми ногами (Т/41). Важно отметить, что для погребенных на спине на Ала-Тее 1 существует устойчивая традиция положения рук, у мужчин они вытянуты вдоль тела, у женщин — сложены на животе или груди.

На наш взгляд, положение погребенного не может являться четким маркирующим

торый погребальный инвентарь, каменные плиты и в ряде случаев фрагменты скелетов погребенных, чье первоначальное положение в могиле неизвестно. Среди них могли быть и вытянутые погребения.

⁴ Здесь и далее приводятся сокращенные названия памятников: АТ1 — Ала-Тей 1; Т — Терезин, далее через черту — дробь номер объекта/погребения. ПМ — подъемный материал.

признаком эпохи хунну: хотя вытянутые захоронения на спине распространяются в Туве именно благодаря появлению здесь хунну, но, тем не менее, встречаются в единичных случаях в позднескифских могилах и существуют позднее, в кокельской культуре и средневековых памятниках. Погребения с подогнутыми ногами известны в Туве с эпохи бронзы и доживают как минимум до начала кокельской культуры, например, на могильнике Азас I в Тодже (Дэвлет, 2010. С. 176).

Из нескольких перечисленных выше типов внутримогильных сооружений к числу бесспорно хуннских можно отнести большие прямоугольные каменные ящики с захоронениями в вытянутом положении на спине. Такой вариант был неизвестен в Туве в скифское и более раннее время, а также в памятниках кокельской культуры. Сюда же относятся деревянные гробы и гробовища с каменной обкладкой по периметру перекрытия на заплечиках ямы. Они хорошо известны на могильнике Аймырлыг XXXI (Стамбульник, 1983), более того, там они были в отличной сохранности и позволяют уточнить некоторые конструктивные детали, не сохранившиеся на Ала-Тее 1 из-за воздействия водохранилища⁵. Датировка и культурная атрибуция захоронений Аймырлыга XXXI пока окончательно не определены, а сами материалы ждут полноценной публикации. Исходя из ряда аналогий с Ала-Теем 1 часть этих захоронений вполне может относиться к хуннскому времени.

Деревянные гробы, простые грунтовые ямы и каменные ящики для скорченных погребений не являются исключительными признаками погребального обряда хуннского времени, они известны в Туве и в культурах других эпох.

Примерно в 40 км от Ала-Тей 1, недалеко от г. Шагонара, расположен могильник Бай-Даг 2, где были исследованы большие курганы с выкладками трапециевидной формы (по сути имитацией дромоса. — П. Л.) и глубокой ямой с деревянным срубом, в котором находился гроб (Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 197, 198). По типу сооружения это характерные именно для хунну захоронения знати, хорошо известные в Монголии и Забайкалье (Миняев, Сахаровская, 2007. С. 159, 162, 163; Давыдова, Миняев, 2008. С. 35; Коновалов, 2008. С. 35, 36; Erdenebaatar et al., 2011). Для Тувы это также может считаться характерным признаком культуры хунну и наличия здесь

захоронений хуннской знати. Подобно аналогичным захоронениям в других регионах курганы Бай-Дага 2 были сильно разграблены. Материалы этого памятника до настоящего времени остаются неопубликованными.

Предметы материальной культуры

Керамика. В захоронениях встречаются следующие виды керамических сосудов: вазовидные с вертикальным лощением, сделанные на простом гончарном круте, лепные горшки, лепные невысокие сосуды с перегородкой. Внутри каждого вида выделяются отдельные типы, но для настоящего исследования это несущественно.

Вазовидные сосуды черного или темно-серого цвета с вертикальным лощением и квадратным следом от поворотной подставки на дне можно отнести к характерным признакам культуры хунну. Эти сосуды часто декорированы двумя горизонтальными и волнистой линиями по плечикам (рис. 2, 1а, 1б, 2а, 2б). Они неизвестны в более раннее и позднее время и, очевидно, исчезают из обихода вместе с носителями хуннских традиций. Такие вазовидные сосуды характерны для большинства хуннских памятников Монголии, Забайкалья, Китая.

Аналогии *перегородчатым* сосудам (рис. 2, 3а, 3б, 4а, 4б) пока известны только в нескольких грунтовых погребениях тесинской культуры в Минусинской котловине, инвентарь из которых предполагает возможность синхронности их с Ала-Теем 1. При этом на Ала-Тее 1 они имеют одну особенность — у большинства экземпляров внизу перегородки сделано отверстие, что позволяет видеть в них своеобразные светильники.

Лепные сосуды разделяются на несколько типов: баночные, с отогнутым венчиком, с поддном или же кубкообразные, с наклепанными ушками. Тем не менее, на наш взгляд, пока не представляется возможным отнести какие-то из них только к материальной культуре хунну.

Поясной набор. Характерными деталями поясного набора, неизвестными в скифское время и кокельской культуре, которые можно однозначно отнести к культуре хунну, являются⁶ следующие.

1. Большие пряжки-пластины (рис. 3, 21, 22) и поясные бляшки (рис. 3, 23–26) из сибирского гагата (богхэда), украшенные гравировками в зверином стиле или инкрустированные полудрагоценными камнями или металлическими гвоздиками (Килуновская, Леус, 2020б).

⁵ Могильник Ала-Тей 1 с конца 1980-х гг. большую часть года находится под водой Саяно-Шушенского водохранилища на глубине 17 м.

⁶ Большинство этих предметов подробно рассматривались нами в отдельных статьях.

Рис. 2. Типы сосудов, характерные для культуры хунну в Туве: 1а, 1б — АТ1/112; 2а, 2б — АТ1/86; 3а, 3б — АТ1/76; 4а, 4б — АТ1/91. 1а-4а — керамика

Fig. 2. Vessel types characteristic of the Xiongnu culture in Tuva: 1a, 1b — АТ1/112; 2a, 2b — АТ1/86; 3a, 3b — АТ1/76; 4a, 4b — АТ1/91. 1a-4a — ceramics

2. Большие ажурные пряжки и пряжки-пластины из бронзы, выполненные в характерном для искусства эпохи хунну зверином или геометрическом стиле (рис. 3, 1-3, 14-17). Сюда же относятся и поясные бляшки, иногда являющиеся уменьшенными копиями больших пряжек (рис. 3, 4, 5, 9) (Килуновская, Леус, 2020а).

3. Ажурные кольца из бронзы (рис. 3, 6). Возможно, они появились у кочевников в качестве подражания китайским ажурным кольцам из нефрита.

4. Бронзовые колокольчики «китайского облика» с железным язычком (рис. 4, 6, 7). В Туве они являются частью украшений пояса.

5. Бронзовые ложечковидные наконечники ремней, обычно орнаментированные в зверином стиле (рис. 3, 29, 30). Встречаются экземпляры из кости или железа, но они очень невыразитель-

ны, а сохранность зачастую оставляет желать лучшего. В большом количестве они известны в памятниках тесинской культуры Минусинской котловины (Кунгурова, Оборин, 2013. С. 131, 132) и Забайкалье (Миняев, 2007. С. 38).

6. Когтевидные подвески из камня или металла. На Ала-Тее 1 есть три бронзовых экземпляра из одного погребения (рис. 3, 19, 20). Несколько каменных подвесок и их фрагментов найдены на песчаных выдувах недалеко от г. Шагонара (Кызласов, 1969. С. 117, 118). Они также могли появиться у кочевников в качестве упрощенного подражания китайским подвескам схожей формы из нефрита.

7. Коромыслообразные подвески, или так называемые ПНН⁷. Один экземпляр из бронзы,

⁷ Предметы неизвестного назначения.

Рис. 3. Вещевой комплекс, характерный для хунну в Туве: 1–3, 14–17, 21, 22 — ажурные пряжки и пряжки-пластины; 4, 5, 9, 23–26 — поясные бляшки; 6 — ажурное кольцо; 7, 8, 10, 11 — имитация раковин каури; 12, 13 — монеты *у-шу*; 18 — предмет неизвестного назначения (ПНН); 19, 20 — когтевидные подвески; 27 — кольцо; 28 — застежка-пуговица; 29, 30 — ложечковидные наконечники ремней. 1 — АТ1/23; 2 — Т/8; 3 — АТ1/59; 4, 30 — Т/5; 5 — Т/31; 6, 9, 23–25 — АТ1/12; 7, 8 — АТ1/112; 10–13, 21 — АТ1/29; 14 — АТ1/2; 15 — АТ1/43; 16 — АТ1/64; 17 — АТ1/42; 18–20 — АТ1/47; 22, 26 — АТ1/86; 27 — Т/23; 28 — АТ1/50; 29 — АТ1/49. 1–6, 9–20, 28–30 — бронза; 7, 8, 27 — камень; 21–26 — богхэд / сибирский gaḡat

Fig. 3. A material complex typical of the Xiongnu in Tuva: 1–3, 14–17, 21, 22 — openwork buckles and buckle-plates; 4, 5, 9, 23–26 — belt plaques; 6 — openwork ring; 7, 8, 10, 11 — imitation of kauri shells; 12, 13 — the *Wu Zhu* coins; 18 — object of unknown purpose; 19, 20 — claw pendants; 27 — ring; 28 — button clasp; 29, 30 — spoon-shaped belt tips. 1 — АТ1/23; 2 — Т/8; 3 — АТ1/59; 4, 30 — Т/5; 5 — Т/31; 6, 9, 23–25 — АТ1/12; 7, 8 — АТ1/112; 10–13, 21 — АТ1/29; 14 — АТ1/2; 15 — АТ1/43; 16 — АТ1/64; 17 — АТ1/42; 18–20 — АТ1/47; 22, 26 — АТ1/86; 27 — Т/23; 28 — АТ1/50; 29 — АТ1/49. 1–6, 9–20, 28–30 — bronze; 7, 8, 27 — stone; 21–26 — torbanite / Siberian jet

с тремя отверстиями, найден на Ала-Тее 1 (рис. 3, 18), к нему на нитях бисера крепились три вышеупомянутые когтевидные подвески. Можно утверждать, что такие ПНН и когтевидные подвески составляли одно поясное украшение. Подобные совместные находки ПНН и когтевидных подвесок, изготовленных из камня, известны в классических хуннских памятниках Забайкалья, например на Иволгинском и Дырестуйском могильниках (Давыдова, 1996. С. 51, 52, табл. 28–31; Миняев, 2007. С. 90, 91, табл. 31, 33, 34).

8. Крупные (диаметром до 10 см и более) кольца из камня (рис. 3, 27).

9. Имитации раковин каури из бронзы или каких-то подходящих пород (рис. 3, 7, 8, 10, 11), например, аргиллита и т. п. Если в предшествующее время в скифских захоронениях раковины каури были натуральными, то в эпоху хунну в Туве найдены в основном их бронзовые имитации. На женском поясе их могло быть 2–3 штуки или несколько десятков. В Дырестуйском могильнике в Забайкалье также есть имитации каури из бронзы, но в большинстве случаев они каменные или натуральные (Миняев, 2007. С. 36). На Иволгинском могильнике встречены как натуральные каури, так и их имитации из глинистого известняка или стенок речных раковин (Давыдова, 1996. Табл. 73).

Украшения. С культурой хунну можно связать полихромные подвески и бусы, серьги из бронзы и золота, пуговицы-застежки.

Полихромные подвески и бусы (рис. 4, 17–19), найденные на Ала-Тее 1 и Терезине, являются импортом, вероятно, из каких-то производственных центров Средиземноморья. Начало их бытования в Северном Причерноморье принято относить к I в. до н. э. (Алексеева, 1978. С. 43, табл. 27). Они хорошо известны в тесинских захоронениях и кладах Минусинской котловины (Вадецкая, 1999. С. 170, 173) и Монголии (Treasures..., 2011. P. 118, fig. 135).

Полусферические бронзовые застежки-пуговицы (рис. 3, 28), часто орнаментированные полусферами, находятся обычно по одной или две в районе шеи.

Однотипные серьги из бронзы или золота (рис. 4, 13–15) представляют собой скрученное из проволоки кольцо с маленькой петелькой, вероятно, для подвесок из несохранившихся материалов. Конец проволоки, образующий петельку, расплюсчен. В одном из женских захоронений Ала-Тее 1 (АТ1/112) у таких сережек сохранились подвески из веточек средиземноморского коралла (рис. 4, 16) (Килуновская, Леус, 2022). Аналогии тувинским находкам происходят, к примеру, из могильника Даодуньцзы (Kost, 2014. P. 207, pl. 99), могильника Кешенжуан в Шанси (Pan Ling, 2011. P. 466, fig. 4) и могильника Яломан II в Горном Алтае (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 36, рис. 3, 10–13, 15). Похожие серьги с подвесками распространены в это время в Минусинской котловине (Вадецкая, 1999. С. 136, рис. 65).

Характерной деталью мужского костюма на Ала-Тее 1 являются небольшие **железные пряжки, находимые в районе стоп**, по одной на каждой ноге (рис. 4, 8). Это пряжки для застегивания ремешка обуви. В одном случае вместо железных пряжек были бронзовые, украшенные в зверином стиле (рис. 4, 9).

Бронзовые зеркала, найденные на Ала-Тее 1 и Терезине (рис. 4, 1–5), представлены в основном местными литыми копиями и тремя оригинальными экземплярами зеркал Западной Хань (II–I вв. до н. э.). Основную их часть составляют зеркала с орнаментом «звездные туманности» и зеркала с иероглифической надписью «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе». Несколько зеркал и их фрагментов относятся, скорее, к завершающему периоду эпохи Сражающихся царств. Все зеркала найдены только

Рис. 4. Вещевой комплекс, характерный для хунну в Туве: 1-5 — зеркала; 6, 7 — колокольчики; 8, 9 — пряжки на обувь; 10-12 — наконечники стрел; 13-15 — серьги; 16 — подвеска; 17-19 — полихромные подвески. 1 — АТ1/11; 2 — АТ1/25; 3 — Т/32; 4 — Т/ПМ; 5 — АТ1/50; 6 — АТ1/91; 7 — АТ1/101; 8 — АТ1/15; 9 — АТ1/97; 10 — Т/ПМ; 11 — АТ1/96; 12 — Т/ПМ; 13 — АТ1/29; 14, 16 — АТ1/112; 15 — АТ1/21; 17, 18 — Т/23; 19 — АТ1/86. 1-7, 9, 13, 14 — бронза; 8 — железо; 10-12 — кость/рог; 15 — золото; 16 — коралл; 17-19 — стекло. Масштаб: а — для 1-12; б — для 13-19

Fig. 4. A material complex typical of the Xiongnu in Tuva: 1-5 — mirrors; 6, 7 — bells; 8, 9 — shoe buckles; 10-12 — arrowheads; 13-15 — earrings; 16 — pendant; 17-19 — polychrome pendants. 1 — АТ1/11; 2 — АТ1/25; 3 — Т/32; 4 — Т/ПМ; 5 — АТ1/50; 6 — АТ1/91; 7 — АТ1/101; 8 — АТ1/15; 9 — АТ1/97; 10 — Т/ПМ; 11 — АТ1/96; 12 — Т/ПМ; 13 — АТ1/29; 14, 16 — АТ1/112; 15 — АТ1/21; 17, 18 — Т/23; 19 — АТ1/86. 1-7, 9, 13, 14 — bronze; 8 — iron; 10-12 — bone / horn; 15 — gold; 16 — coral; 17-19 — glass. Scale: a — for 1-12; b — for 13-19

в женских погребениях. Пока нет ни одного зеркала, датирующегося временем Восточной Хань, то есть I-II вв. н. э. (Леус, 2018). Западно-ханьские и хронологически предшествующие им зеркала эпохи Сражающихся царств (то есть датируемые III-I вв. до н. э.) могут считаться хронологическим признаком эпохи хунну, даже учитывая, что большинство из них являются копиями или копиями копий.

Сказанное выше вполне относится и к двум найденным на Ала-Тее 1 китайским монетам *у-шу* (рис. 3, 12, 13). Состав металла в них отличается от большинства других бронзовых изделий, поэтому вполне вероятно, что они неместного производства. Однако металл китайских монет *у-шу* при династии Хань не был однородным (Metallurgical..., 2005. P. 1, 2, fig. 2), поэтому не всегда возможно однозначно уточнить их происхождение.

Обращает на себя внимание бронзолитейное мастерство хуннской эпохи, представленное

на Ала-Тее 1 и Терезине. Помимо большого количества разнообразных высокохудожественных пряжек мастера отливали копии неметаллических предметов — когтевидные подвески, раковины каури. Найдено несколько видов уменьшенных копий больших пластин-пряжек, использовавшихся в качестве поясных бляшек. Большинство китайских зеркал также являются местными отливками.

Оружие. Предметы вооружения хунну в Туве встречаются редко. К клинковому оружию можно отнести единственный пока железный кинжал из могильника Ала-Тей 1 с круглым навершием — подобные кинжалы встречаются в тесинских захоронениях Минусинской котловины (Кузьмин, 2011. С. 350, табл. 39, 14; 364, табл. 53, 4, 6). Костяные накладки на сложносоставной лук появляются в Туве вместе с хунну, но продолжают существовать и дальше, оказываясь в нашем случае лишь своеобразным *terminus post quem*. Из известных в Туве наконечников стрел отнести

к хуннскому времени можно большие ромбовидные уплощенные наконечники из кости или рога (рис. 4, 10–12). Остальные известные сейчас типы костяных наконечников имеют, на наш взгляд, более широкую хронологию, поэтому в качестве точного временного индикатора не подходят. Большинство из них встречается, хотя и редко, в поздних захоронениях скифского периода (Семенов, 2003. Табл. 104). Железные наконечники стрел в погребениях Ала-Тей 1 и Терезина пока не обнаружены. Бронзовый наконечник найден один — трехгранный втульчатый прорезной. Подобные хорошо известны в памятниках хунну Забайкалья (Миняев, 2007. С. 28, рис. 13, 3–5), в позднескифских срубках в Туве (Семенов, 2003. Табл. 3, 28–30; 104, 5) и Северо-Западной Монголии (Там же. Табл. 95, 5, 6).

Заключение

Территория Тувы на некоторое время оказалась в составе мощной державы хунну, контролировавшей обширные территории и значительные отрезки торговых путей. Носители культуры хунну в Туве имели доступ к определенным товарам или материалам, неизвестным здесь ранее.

Это подтверждают находки западных античных импортов, такие как полихромные бусы и подвески, кораллы. В гробницах хуннской знати в Монголии встречаются уникальные предметы, например, чаша из римского стекла в кургане 1 могильника Гол Мода 2 (Erdenebaatar et al., 2011. P. 311, fig. 11, 1) или серебряный фалар в двадцатом кургане Ноин-Улы (Полосьмак и др., 2011. С. 110–117). Еще больше предметов материальной культуры связано с ханьским Китаем — зеркала, монеты, колокольчики, детали поясных наборов и т. д. При этом Тува являлась далекой провинцией хунну и была в сфере их культурного влияния относительно короткое время. На территории Северного Китая и Монголии оригинальных китайских изделий в памятниках хунну значительно больше. Перечисленные выше индикаторы культуры хунну в Туве исчезают вместе с ними самими.

Выделение хронологических и культурных признаков культуры хунну в Туве проведено в данной статье на основании актуальных данных археологии. Новые находки и публикации материалов прошлых раскопок могут скорректировать и дополнить этот список.

Алексеева, 1978 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Г1–12/2). 104 с.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Фонд «Петербургское Востоковедение», 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.

Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. СПб.: Гамас, 2008 (Археологические памятники сюнну; Вып. 6). 120 с.

Дэвлет, 2010 — Дэвлет М. А. Могильник Азас I эпохи хунну в Тоджинском кожууне Тувы // Савинов Д. Г. и др. Памятники кокельской культуры Тувы: материалы и исследования / Под. ред. Д. Г. Савинова, Г. В. Длужневской, Н. А. Лазаревской. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 164–186.

Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.

Килуновская, Леус, 2020а — Килуновская М. Е., Леус П. М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 97–125.

Килуновская, Леус, 2020б — Килуновская М. Е., Леус П. М. Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве // АВ. 2020. Вып. 30. С. 223–253.

Килуновская, Леус, 2021 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Датировка памятников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 79–92.

Килуновская, Леус, 2022 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Женское погребение с коралловыми сережками из могильника хунну Ала-Тей 1 в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2022. № 1 (33). С. 110–120.

Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2008. 98 с.

Кузьмин, 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Кунгурова, Оборин, 2013 — Кунгурова Н. Ю., Оборин Ю. В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Вып. 2 (54). С. 126–136.

Кызласов, 1969 — Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969 (МИА; № 169). С. 115–124.

- Леус, 2018 — Леус П. М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Вторая Всерос. конф. «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посв. 90-летию со дня рождения А. Д. Грача (С.-Петербург, 10–14 декабря 2018 года): Тезисы. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 104–110.
- Мандельштам, Стамбульник, 1992 — Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Андрианов Б. В., Боковенко Н. А., Вадецкая Э. Б. и др. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время Азии / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 196–205.
- Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007. 233 с.
- Миняев, Сахаровская, 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.
- Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Семенов, 2003 — Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Стамбульник, 1983 — Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках Азии / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 34–40.
- Тишкин, Горбунов, 2006 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.
- Erdenebaatar et al., 2011 — Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: University of Bonn, 2011 (BCAA; Vol. 5). P. 303–314.
- Kost, 2014 — Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BC). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 401 p.
- Metallurgical..., 2005 — Metallurgical analysis of Chinese coins at the British Museum / Eds. S. Bowman, M. Cowhell, J. Cribb et al. London: The British Museum, 2005. 100 p.
- Pan Ling, 2011 — Pan Ling. Summary of Xiongnu sites in Northern China // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: University of Bonn, 2011 (BCAA; Vol. 5). P. 463–475.
- Treasures..., 2011 — Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia / Ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Institut of Archaeology, 2011. 296 p.

Cultural and chronological signs of the Xiongnu epoch in Tuva

М. Е. Kilunovskaya, P. M. Leus⁸

Keywords: Xiongnu, Tuva, Ala-Tei, Terezin, burial rites, ceramics, openwork bronzes, jet buckles, Chinese mirrors.

Based on the materials obtained during the excavations of the Ala-Tei 1 and Terezin burial grounds in Central Tuva, it became possible to identify a number of characteristic cultural and chronological features marking the Xiongnu epoch in this region. These are certain complexes of objects and details of funeral customs belonging specifically to the time and culture of the Xiongnu: elongated burials in rectangular stone boxes, wooden coffins and *grobovishcha*; certain types of pottery, Chinese mirrors, details of the belt set, such as large bronze and jet buckles, openwork rings, spoon-shaped belt tips, imitations of cowrie shells and others. A number of artifacts' categories often found in burials are not, nevertheless, unambiguous signs of Xiongnu culture, as they are present in both earlier and later sites. The listed indicators of Xiongnu culture in Tuva disappear together with them.

⁸ Marina E. Kilunovskaya, Pavel M. Leus — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: kilunmar@mail.ru, leuss@mail.ru.

Северный город Хуннской державы¹

Н. Н. Крадин²

Аннотация. В кочевой империи хунну Иволгинское городище являлось крупным ремесленно-земледельческим центром. На нем была выявлена компактная уличная застройка. По размерам жилищ, сделанным в них находкам и на основе изучения синхронного могильника выделяется примерно три-четыре социальных ранга, при этом в планиграфии городища общественная сегрегация не фиксируется. По своим характеристикам городище соответствует археологическим признакам города. На настоящий момент это единственный известный город Хуннской империи.

Ключевые слова: хунну, археология, Забайкалье, города у кочевников.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-35-45

Мировой археологической науке культура древних хунну стала известна благодаря раскопкам уникальных элитных Ноин-Улинских курганов (Козлов, 1925; Руденко, 1962; Полосьмак и др., 2011; Елихина, 2017; Сулягина, 2021), с момента раскопок которых минуло уже сто лет. Именно в подобных курганах археологи обычно находят богатый материал, уникальные произведения искусства, которые экспонируются затем в крупнейших музеях мира. За последние несколько десятилетий было исследовано немало уникальных гробниц представителей элиты Хуннской державы, результаты которых опубликованы в массивных томах с высококачественными иллюстрациями и представлены в каталогах многих международных выставок (Mongolie..., 2003; Kopovalov, 2008; Миняев, Сахаровская, 2007; Полосьмак и др., 2011; Erdenebaatar et al., 2011; Treasures..., 2011; Erdenebaatar, 2016; Полосьмак, Богданов, 2015; 2016; Xiongnu, 2017; и др.).

Параллельно с этим хуннская археология оказалась в тренде основных изменений современной археологической науки. С началом нового тысячелетия в археологии произошла настоящая рево-

люция. Использование новых методов, а также более совершенные способы датирования открывают новые возможности для понимания тех или иных аспектов истории древних обществ. Как пишет К. Кристиансен, нынешняя научная революция — уже третья в археологии (Kristiansen, 2014; 2022; The Indo-European..., 2023). Первая прошла во второй половине XIX в. и была связана с заимствованием классификации и эволюционизма из биологии, а также периодизации из геологии. Вторая началась в середине XX в. с изобретением радиоуглеродного метода датировки, а потом дополнилась другими важными естественно-научными достижениями (изучением пыльцы растений, трасологическим анализом, моделями расселения в географии и др.), оказавшими влияние на различные направления археологии. В определенной степени это совпало с появлением так называемой новой (процессуальной) археологии, а также неоэволюционизмом в культурной антропологии.

Наконец, третья революция проходит в наши дни и связана с использованием новых методов (изотопного анализа, палеогенетики, палеопатологии и др.), а также более совершенных инструментов датирования. Это открывает новые возможности для понимания различных аспектов истории древних обществ, таких как изучение миграций и путей расселения человека и домашних животных, исследование болезней, палеопатологий, травматизма и насилия в обществе, реконструкции этнической истории народов и цивилизаций.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-00-00081).

² Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН; Владивосток, Россия; e-mail: kradin@ihaefe.ru.

© Крадин Н. Н., 2024

Уже сейчас можно говорить о некоторых важных достижениях в хуннской археологии, действительно имеющих революционное значение. Первое из них касается хронологии элитных захоронений хунну (так называемых террасных могил). Все они сейчас датируются в узких хронологических рамках I в. до н. э. — I в. н. э. Если это так, то нужно объяснить, почему самые масштабные и богатые захоронения появляются на заключительном этапе существования Хуннской державы, когда она уже клонилась к упадку, а также в постимперский период после 48 г. н. э. у северных хунну (Brosseder, 2009). Отсюда вытекает важный вопрос: где и как хоронили хуннских шаньюев в период расцвета Хуннской державы? Получается, что ни одно из таких мест до настоящего момента не найдено. Почему погребальная обрядность элитных захоронений у хунну претерпела изменения?

Другое революционное открытие связано с палеогенетическими исследованиями и давней дискуссией о происхождении и этнической природе хунну. Как известно, по этому поводу существует несколько разных точек зрения. Одни полагают, что хунну произошли от носителей культуры так называемых плиточных могил Монголии и Забайкалья, другие связывают их с так называемыми культурами ордосских бронз, третьи — с памятниками «скифо-сибирского» ареала. Не менее спорен вопрос о языковой принадлежности хунну. Здесь наиболее популярны тюркская и монгольская гипотезы. Между тем новейшие палеогенетические открытия позволяют перевести доказательность предварительных гипотез на совершенно иной уровень. Это принципиальным образом отличает выводы современной археологической науки от предшествующих им. Так, в частности, было с давней дискуссией о происхождении индоевропейцев. Современные открытия палеогенетиков дают надежные основания отвергнуть анатолийскую гипотезу и признать верной степную (The Indo-European..., 2023). В нашем случае, согласно последним данным, западная часть хунну представляла собой конгломерат разных народов, включая ханьцев и даже население, родственное сарматским культурам. Среди данного массива преобладали потомки носителей чандманьской культуры, близкой к уюкской культуре Тувы. Восточная часть населения была однородной: с одной стороны, ее представители являлись потомками культуры плиточных могил, с другой — прослеживается генетическая преемственность между хунну и современными

монголами, что теоретически должно свидетельствовать в пользу монголоязычности восточной части хунну (Jeong et al., 2020). Все это свидетельствует о том, что Хуннская держава была полиэтничной и многоязычной кочевой империей, для которой была характерна расовая и этническая терпимость. Это подтверждается письменными источниками (наличием в среде элиты китайских советников и военачальников, самый известный из которых — знаменитый полководец Ли Лин), а также новейшими археологическими и генетическими данными, согласно которым у хунну среди воинов с высоким статусом имелись выходцы с Апеннин (Kim et al., 2010).

В отличие от погребальных комплексов, городища и поселения хунну исследованы в меньшей степени. Поскольку китайские историки единодушны в том, что у хунну не было оседлости и городов (Таскин, 1968. С. 34, 112), а подъемный материал с хуннских и других городищ крайне невыразителен (в основном строительные материалы, керамика), особого стремления у исследователей заниматься городами не было. На настоящий момент известно более 20 поселений и городищ хунну на территории Монголии и Западного Забайкалья (Киселев, 1957; Пэрлээ, 1957; 1961; Шавкунов, 1978; Hayashi, 1984; Давыдова, 1985; 1995; Давыдова, Миняев, 2003; Данилов, 2004; Danilov, 2011; Эрэгзэн и др., 2014; Данилов и др., 2016; Коновалов и др., 2016; Ramseyer, 2016; Анхбаяр, 2017; Ивлиев и др., 2017; Крадин и др., 2018; Miller et al., 2019; Миягашев, Базаров, 2020; и др.).

Среди них представлены памятники разных типов. Во-первых, это открытые поселения различных размеров — от небольших хуторов из нескольких жилищ, подобных Бороо в Северной Монголии (Pousaz et al., 2013; Ramseyer, 2016), до протянувшихся на километры больших поселений, таких как Дурёны в Забайкалье (Давыдова, Миняев, 2003). Они концентрируются в бассейне р. Селенги, где много территорий, благоприятных для занятия земледелием. Во-вторых, небольшие крепости с жилищными комплексами внутри. На настоящий момент известно одно такое городище — Баян-Ундэр в Забайкалье, которое было интерпретировано как «резиденция наместника» (Данилов, 1998; 2011). В-третьих, защищенные валами городища с компактной жилой застройкой. На сегодняшний день у хунну известен только один такой памятник — Иволгинское городище (Давыдова, 1985; 1995; 1996). В-четвертых, «городища» со зданиями на платформах, но без культурного слоя. Они локализованы в двух

местах — в историческом центре Монголии, в долине р. Орхон, а также в долине р. Керулен (Эрэгзэн и др., 2014; Анхбаяр, 2017; Крадин и др., 2018; Крадин и др., 2020; Эрэгзэн, 2020; Ochir et al., 2020; Ochir, Tserenbyamba, 2020). Из них наиболее изученным является городище Гуа-дов в долине р. Керулен. Раскопки выявили наличие здесь стен, крытых двускатной черепичной крышей, а также массивных ворот, сооруженных по подобию таковых в ханьской столице Чанъани. Внутри были возведены здания на платформах с черепичной крышей (Эрэгзэн, 2020). На одном из памятников найден концевой диск черепицы с надписью «Шаньюй — Сын Неба» (Идэрхангай, 2021). Руководитель раскопок Т. Идэрхангай довольно смело отождествляет изучаемое городище с легендарным хуннским городом Лунчэном. Однако функция данных хуннских городищ до конца не выяснена. Исследователи полемизируют по поводу того, что представляли собой эти городища — сезонные ставки представителей хуннской элиты, религиозные центры или заупокойные храмы в честь усопших шаньюев и других знатных лиц (Крадин и др., 2018; Васютин, 2022; и др.).

Несмотря на официально декларируемый китайскими хронистами тезис об отсутствии у хунну оседлости и городов, письменные источники неоднократно подтверждают существование у них «городков» с колодцами и башнями для хранения зерна или хотя бы планов их строительства (Таскин, 1968. С. 65, 68, 91, 155, примеч. 30; 165, примеч. 30; 1973. С. 23, 24, 137, примеч. 19; 138, примеч. 24). В состав Хуннской империи входило оседлое население. Хунну неоднократно угоняли жителей соседних стран в плен, чтобы заставить заниматься земледелием и, возможно, ремеслом. При этом выделяется несколько периодов активизации походов за пленниками в Китай (Крадин, 2020. С. 98, 99, 159, 160). Пленников должны были селить в местах, отдаленных от их родины, но благоприятных для занятия сельским хозяйством.

Так или иначе, единственный археологический памятник Хуннской державы, который в настоящее время соответствует археологическим критериям города, — это Иволгинское городище на территории Бурятии, в непосредственной близости от г. Улан-Удэ. По форме городище представляет собой неправильный прямоугольник. С трех сторон оно было защищено фортификационными сооружениями (четыре вала и три рва), с четвертой — примыкает к реке. Восточная часть памятника была смыта р. Селенгой. Сейчас на этом месте находится ее сухое русло. По уточ-

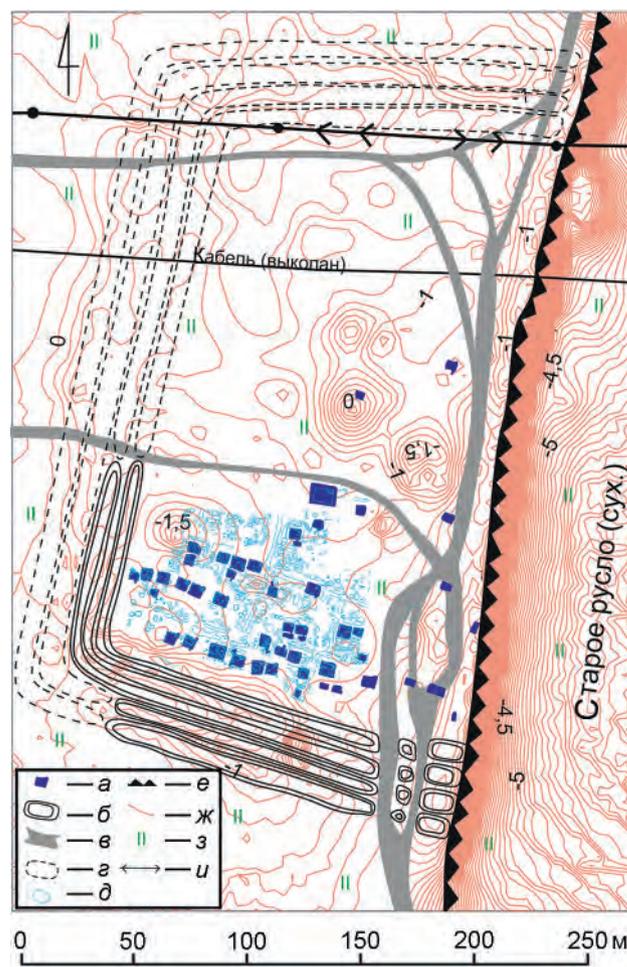

Рис. 1. Иволгинское городище. Топографический план, составитель С. Д. Прокопеч, 2016 г. Высоты условные, горизонтали проведены через 0,1 м (а — жилище; б — вал; в — дорога; г — условно вал; д — объекты; е — обрыв; ж — изолинии; з — травянистая растительность; и — электрокабель)

Fig. 1. Ivolga fortified site. Topographic plan, compiled by S. D. Prokopets, 2016. Heights are conditional, horizontals are drawn after 0,1 m (a — dwelling; б — rampart; в — road; г — rampart (conditionally); д — objects; е — cliff; ж — isolines; з — grassy vegetation; и — electric cable)

ненным данным размеры по периметру внешнего вала — 335 × 228 м; размеры внутри валов — 265 × 168 м. Общая площадь памятника — 7,6 га. Площадь внутри валов — 4,5 га. В советское время площадь вокруг памятника и частично само городище интенсивно запахивались. По этой причине вал сохранился только в южной и юго-западной частей городища (рис. 1).

Памятник был открыт и обследован В. В. Поповым в 1927 г. (историю изучения см.: Дашибалов и др., 2011). Наиболее масштабные раскопки

были проведены А. В. Давыдовой. В результате многолетних исследований было раскопано более 50 жилищ и множество хозяйственных построек. Жилища-полуземлянки располагались рядом друг с другом, компактно, вдоль улиц. Дома были небольших размеров, прямоугольной формы, глубиной от 0,5–1,0 м, с входом с южной стороны. В северной части жилища, как правило, располагался кан с дымоходом и очагом, сверху закрытый плоскими камнями, которые нагревались от горячего дыма и были замазаны глиной. Камни покрывались шкурами и циновками, это было место для ночлега обитателей жилища. Двускатная крыша делалась из жердей и сверху покрывалась дерном. Снаружи жилища располагались погребов и ямы для хранения запасов. Рядом с городищем располагался синхронный могильник, где было раскопано 216 погребений (Давыдова, 1985; 1995; 1996).

Наши исследования, проводимые с 2017 г., а также естественно-научные методы анализа полученных материалов позволили уточнить ряд важных вопросов — реконструировать природную среду хуннского времени, восстановить некоторые важные особенности развития земледелия и животноводства, уточнить планиграфию, исследовать стратиграфию памятника, выделить разные строительные горизонты (Крадин и др., 2016; 2020; 2022; Клементьев и др., 2020; 2021; Khenzykhenova et al., 2020; Kradin et al., 2021; Хубанова и др., 2021a; 2021b).

Основное население Иволгинского городища вело оседлый образ жизни и занималось земледелием. Это подтверждается находками специфических орудий труда и большими запасами зерен проса, а также изотопным анализом (Давыдова, 1985; Сергушева и др., 2020; Хубанова и др., 2021a; 2021b). Кроме того, жители разводили крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. Охота не имела для них большого значения, в отличие от рыболовства. Часть жителей занималась ремеслом. Так, на территории городища исследованы кузнечные горны и многочисленные производственные площадки. По концентрации находок разных категорий в отдельных жилищах можно проследить специализацию их обитателей. В одном из жилищ обнаружено большое количество изделий и заготовок из кости, в другом — железные орудия труда и формочки для отливки металла, в третьем — много керамики и керамического брака, в четвертом — панцирные пластины и другие предметы вооружения (Давыдова, 1985. С. 20, 75–80).

Хронология существования памятника дискуссионна. Еще полвека назад С. С. Миняев вы-

сказал мнение, что городище было построено после 123 г. до н. э., когда хунну были вынуждены переселиться на север после войн, начатых ханьским императором Уди (Миняев, 1975). Впоследствии его точка зрения критиковалась Пан Лин, которая полагает, что наиболее ранним памятником культуры хунну на территории Китая является могильник Даодуньцзы. Он как раз был синхронен Иволгинскому комплексу из Забайкалья. Данные памятники датируются примерно II–I вв. до н. э. и относятся автором к эпохе Западной (Ранней) Хань. Другие памятники Забайкалья рассматриваются как одновременные с Иволгой, но они могли существовать включительно до раннего этапа Восточной (Поздней) Хань (Пань Лин, 2007; Yang Jianhua et al., 2020). Интересно, что раннюю хронологию (начальный период империи хунну) дают анализы дерева, угля костей собак из Иволги, а также дерева из синхронного Иволге могильника (Ташак, 2005; Бросседер, Марсадолов, 2010; Losey et al., 2018). Однако, возможно, такой ранний возраст был обусловлен наличием фосфора из-за большого количества костей рыб (так называемый резервуарный эффект). Так или иначе, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Среди населения Иволгинского городища были выходцы из Китая. Это подтверждается, в частности, наличием ряда артефактов, на которых имелись знаки китайской письменности. К их числу относится, например, каменное точило (Давыдова, 1995. С. 37, табл. 15, 15), сосуды из жилища 13 (Там же. Табл. 29, 1; 179, 6, 9), жилища 21 (Там же. С. 28, табл. 38, 7; 179, 3), жилища 50 (Там же. Табл. 197, 8; 179, 1). Некоторые оттиски на керамике не поддаются прочтению (Там же. Табл. 134, 4; 179, 2, 5, 7), однако не исключено, что это могли быть клейма мастеров. Поскольку даже элита хуннского общества часто не знала китайской письменности, то едва ли простые кочевники были грамотными. Поэтому вышеперечисленные надписи, скорее всего, были сделаны не хунну, а китайцами.

Исследование расположенного рядом Иволгинского могильника позволяет сделать вывод о наличии нескольких социальных групп среди населения городища (Крадин, 2002; Крадин и др., 2004). Среди мужских погребений выделяются четыре группы: первая — безынвентарные, вторая — с инвентарем, третья — с поясом, четвертая — с поясом и сбруей. Несколько более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях. Здесь выявлено пять групп. Первая группа погребений безынвентарная,

во второй — встречается только керамика, в третьей — появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой — инвентарь отличается большим разнообразием (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой — данные признаки становятся массовыми, а заупокойная тризна — разнообразной. Для детских захоронений обычно характерна более размытая стратификация. Здесь выделяются три группы — безынвентарные погребения, захоронения с керамикой и погребения с разнообразным сопроводительным инвентарем. Отдельный кластер составляют погребения младенцев в сосудах.

Планиграфический анализ Иволгинского могильника дает основания предполагать существование у населения городища нуклеарной семьи. Многие захоронения расположенных рядом мужчин и женщин имеют одинаковый или близкий статус, в частности указанные на плане могильника захоронения 3 и 7, 24 и 25, 48 и 49, 68 и 69, 119 и 120, 134 и 138, 129 и 140, 142 и 151, 189 и 190, 191 и 194, 193 и 195 и др. (Давыдова, 1996. С. 86, 87. Табл. 2) Кроме этого, визуально прослеживается некоторая концентрация более богатых захоронений в условно южной и юго-западной частях могильника, тогда как многие безынвентарные захоронения концентрируются в северо-западной и условно северной. Это может косвенно свидетельствовать о существовании определенного неравенства среди иволгинского населения и наличии более-менее престижных территорий на кладбище. Одновременно с этим на кладбище отсутствовали четко сегрегированные участки для погребения богатых лиц и низших социальных групп.

Если говорить о социальной структуре населения городища в целом, то можно выделить несколько уровней общественной дифференциации населения Иволгинского городища, выделяемых по результатам анализа погребальной обрядности. С одной стороны, выделяются безынвентарные захоронения групп общества, имевших низкий имущественный и социальный статус. На другом полюсе общества — обеспеченные жители городища. Их погребения сопровождаются разнообразным инвентарем, оружием, обильной заупокойной пищей. Между этими крайними точками фиксируется несколько прослоек (в мужских захоронениях — до трех, в женских — от двух до четырех, в детских — одна). Так или иначе, все это свидетельствует о наличии нескольких социальных рангов у населения Иволгинского городища.

Данные выводы коррелируются с результатами изучения жилищ Иволгинского городища, где по размерам и наличию инвентаря были выделены четыре кластера (Крадин, 2002. С. 255–260). Первый — самые маленькие по размеру и наиболее бедные по находкам жилища. Они расположены на периферийных участках, а одно — в непосредственной близости от самого большого жилища 9 на платформе — вероятно, резиденции местного лидера или руководителя (это строение относится к отдельному, пятому, кластеру). Учитывая, что в небольших жилищах вряд ли могли проживать целые семьи, можно предположить, что их обитателями были бессемейные лица самого низкого статуса, возможно, рабы.

Для трех остальных кластеров характерны предметы быта, украшения, орудия земледелия и ремесла, предметы вооружения, находки, которые можно связать с рыболовством или охотой. Все это дает основание заключить, что их обитатели занимались присваивающе-производящим хозяйством и, возможно, в той или иной степени ремесленной деятельностью. Самые существенные отличия зафиксированы по количеству керамических сосудов. Больше количество сосудов встречается не в кластере самых крупных жилищ, а в следующем по их величине кластере. Напротив, в самых крупных жилищах усредненное количество сосудов сопоставимо с количеством сосудов в кластере третьих по величине жилищ. Тот факт, что наиболее крупные жилища несколько уступают по разнообразию инвентаря и количеству керамических сосудов представителям других кластеров, можно интерпретировать, например, спецификой пространственного распределения материала. Большая плотность предполагает более вероятную концентрацию следов человеческой активности на полу жилища. Другое возможное объяснение — обитатели наиболее крупных жилищ были меньше других групп вовлечены в процесс производства пищи и ремесленную деятельность. Так или иначе, изучение жилищ подтверждает наличие нескольких общественных рангов среди жителей городища.

Эти выводы коррелируются с результатом изучения социальной планиграфии Иволгинского городища, где отсутствовали специальные места для проживания знатных/богатых и бедных. Дома лиц с более высоким статусом перемежались жилищами обычных семей и неполноправных категорий (Крадин и др., 2016). Все это подтверждает вывод об отсутствии развитого социального неравенства среди иволгинцев. У кочевников

не существовало развитых форм эксплуатации и аппарата для сбора налогов. Неслучайно жизнь в среде степняков казалась жителям государств с оседлым образом жизни населения более легкой, и по этой причине многие рабы и представители других подобных им социальных категорий хотели бы убежать к хунну (Таскин, 1973. С. 41). В этой связи необходимо напомнить важную мысль антрополога Дж. Скотта (Скотт, 2020. С. 258–260), что с этой точки зрения защитные стены древних цивилизаций были воздвигнуты не столько против соседей-кочевников, сколько против соблазна собственных подданных ускользнуть от налогообложения.

Основная часть населения Иволгинского городища занималась земледелием. На основе этнографических аналогий была построена модель жизнеобеспечения Иволгинского городища (Крадин, 2000; 2005). Исходя из минимальных норм плотности (1,8–3,6 кв. м на человека) и гипотетического количества жилищ, было высказано предположение, что максимальная численность одновременно живущих жителей Иволгинского городища могла составлять 2500–3000 человек. Было подсчитано, что местное население вполне обеспечивало себя, а также могло частично снабжать хлебом, например, в качестве пищевой добавки зимой, большую часть кочевавших на территории Западного Забайкалья кочевников хунну. При проведении оценок мы руководствовались архивными данными XIX в. об урожайности на землях данных территорий и сведениями по урожайности в Северной Маньчжурии примерно того же времени (Яинов, 1926. С. 122).

К сожалению, при построении модели не было учтено одно важное обстоятельство. Одна из слабых сторон классической процессуальной археологии заключалась в том, что ее основоположники напрямую заимствовали многие данные и концепции из этнологии и иногда механически переносили эти выводы в доисторическую реальность. Современная археология призывает к осторожному использованию этнологических данных по обществам эпохи колониализма применительно к ранним эпохам и акцентирует внимание на необходимости получения новой источниковой базы, которая позволит более точно реконструировать далекое прошлое. Наши реконструкции основывались на данных по урожайности XIX в., однако мы не учли, что основной земледельческой культурой населения Иволгинского городища было просо, а не пшеница (Сергушева и др., 2020; Хубанова и др., 2021б).

Данный факт предполагает необходимость скорректировать наши выводы. Если с одной десятины можно было получить примерно 50 пудов пшеницы (Крадин, 2005. С. 81), то, согласно Е. Е. Яинову, урожайность проса в Северной Маньчжурии была 97–105 пудов с десятины (Яинов, 1926. С. 124). Если экстраполировать эти данные на Западное Забайкалье, то урожайность проса в районе Иволгинского городища могла быть примерно в два раза выше, чем предполагалось ранее, следовательно, удваивается и предполагаемое количество получаемого его жителями зерна. Соответственно была выше и доля, которую можно было отдаватьномадам в форме дани или обменивать с ними на продукцию скотоводческого хозяйства.

Культивирование и потребление проса стало своеобразным рубежом, разделяющим первобытные культуры мобильных скотоводов и кочевые империи на территории Внутренней Азии. Как показывают последние исследования касательно структуры питания доисторической Монголии, скотоводы бронзового и раннего железного века использовали в пищу в основном мясо-молочные продукты. С хуннского времени, то есть с эпохи кочевых империй, номады стали активно потреблять просо (Wilkin et al., 2020). С этнографической точки зрения это легко объяснимо. Современная монгольская похлебка обязательно включает, помимо бульона с мясом, лапшу или рис, другие ингредиенты. Это делает еду более сытной. Вероятно, в древности и Средневековье пшеницу или рис заменяло просо. Видимо, использование проса на территории монгольских степей было обусловлено неприхотливостью этой культуры, устойчивостью ее к засухам, способностью использовать почвенную влагу.

В настоящее время история появления проса в Восточной Азии хорошо известна (Frachetti et al., 2016; Zhang et al., 2021). В степь просо, видимо, попало из Китая. Это является подтверждением расширения контактов и взаимовлияния оседлых и мобильных культур в зоне фронта, проникновения важных технологий из Китая в кочевой мир. Согласно «зерновой» теории происхождения государства Дж. Скотта, экономика всех древнейших государств была основана на зерновых культурах (Scott, 2017; Скотт, 2020). Зерно являлось наиболее удобным средством отъема прибавочного продукта, его концентрации в специальных местах, длительного хранения, перераспределения в виде платы за различные услуги и работы. Зерно

легко транспортировать и можно долго хранить. Оно эквивалентно универсальной валюте, которую, опять-таки, удобно измерять и использовать в качестве вознаграждения за труд. Производство и сбор зерновых культур могут контролироваться сборщиками налогов. Потребность хранить прибавочный продукт приводит к строительству стен, городов и специализированных зданий, формированию институтов чиновников и аппарата принуждения. Как весьма точно подметил сам создатель теории: «Ключ к пониманию взаимосвязи государства и зерна кроется в том, что только последнее могло стать основой для налогообложения: его урожай легко увидеть, поделить, оценить, хранить, транспортировать и „рационализировать“» (Скотт, 2017. С. 17).

Иволгинское городище являлось центром земледельческой и ремесленной продукции на территории Забайкалья. Значительную часть его населения составляли выходцы из империи Хань. Это могли быть как пленники, так и перебежчики из числа низших социальных классов. Обычно город понимается как нечто противоположное деревне и сельскому хозяйству. Однако для кочевых империй все выглядит несколько иначе — здесь город, скорее, должен быть противопоставлен мобильному образу жизни и скотоводческому хозяйству. Это универсальная закономерность для кочевых империй и их городов (Крадин, 2019). Если согласиться с существующими в археологии представлениями о городах как об укрепленных поселениях с высокой плотностью населения и разнообразными, главным образом, несельскохозяйственными функциями (применительно к степным империям — нескотоводческими) (Cowgill, 2004; Renfrew, 2008; Smith, 2016; Города..., 2018), то следует признать, что Иволгинское городище с некоторыми оговорками соответствует признакам настоящего города. Причем на нынешний момент это единственный известный археологам реальный город Хуннской империи.

Численность населения города была примерно 3000 человек. Здесь фиксируются компактная уличная застройка, высокая плотность населения, определенное социальное неравенство среди жителей городища. По результатам анализа размеров жилищ, находок в них и могилах выделяются примерно три-четыре социальные группы.

Жилища богатых и простых жителей, а также рабов находятся рядом друг с другом, что свидетельствует о зачаточной стратификации. В центре городища расположен так называемый дом правителя на глинобитной платформе. Судя по всему, население Иволгинского городища было многонациональным. Здесь жили хунну, а также китайцы и, возможно, представители других народов, среди которых были как пленники-рабы, так и свободные перебежчики, бежавшие из Китая в степь от непосильных налогов. Поскольку погребальный обряд захороненных в Иволгинском могильнике был беднее, чем захоронения степных погребальных комплексов хунну (Ильмовая падь, Черемуховая падь, Дырестуй и др.), скорее всего, статус кочевников-скотоводов был выше статуса оседлых жителей. Видимо, в Хуннской империи отношения между кочевниками и земледельцами были достаточно многообразными.

Какое место занимали подобные городища в структуре кочевых империй? Ответ на этот вопрос дает описанный в китайских источниках случай с Сяньбийской степной империей, возникшей во II в. н. э. на обломках Хуннской державы. Ее основатель Танышихуай был обеспокоен нехваткой продовольствия. По этой причине он приказал переселить «с востока» в район Лаохэ около 1000 семей народа вожэнь, занимавшегося рыболовством, чтобы они своим промыслом восполняли номадам недостаток пищи (Таскин, 1984. С. 80, 331, примеч. 19). Помимо пленных ремесленников и земледельцев у сяньби было немало иммигрантов из Китая. Именно благодаря им первоначальный ввоз металлического оружия контрабандным способом из Поднебесной в III в. был заменен собственным производством предметов вооружения из металла (Там же. С. 78, 324, примеч. 19). Подобные факты подтверждают, что кочевники нуждались в продуктах земледелия и ремесла. Все это можно было получать различными способами: развитием собственного земледелия, мирной торговлей с соседями, набегами и грабежами и т. д. Однако только кочевые империи обладали силой концентрировать большие массы ремесленников и земледельцев на своей территории. Последующие исследования на городище позволяют расширить и углубить наши представления о месте данного памятника в древней истории Западного Забайкалья.

- Анхбаяр, 2017 — Анхбаяр Б. Хуннское поселение в Заан Хошуу // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы II Междунар. науч. конф., посв. 80-летию П. Б. Коновалова (Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.) / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 90–100.
- Бросседер, Марсадолов, 2010 — Бросседер У., Марсадолов Л. С. Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье (предварительные результаты) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. (20–24 сентября 2010 г.) / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 2010. С. 183–186.
- Васютин, 2022 — Васютин С. А. Факторы градостроительства в степях Внутренней Азии и урбанизация по-хуннски // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 2. С. 51–67.
- Города..., 2018 — Асташенкова Е. В., Бакшеева С. Е., Гельман Е. И. и др. Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. 367 с.
- Давыдова, 1985 — Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 112 с.
- Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995 (Археологические памятники сюнну; Вып. 1). 97 с.
- Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.
- Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб.: АзиатИКА, 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.
- Данилов, 1998 — Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии: Сб. материалов конф. / Отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 1998. С. 111–114.
- Данилов, 2004 — Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Данилов, 2011 — Данилов С. В. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 15–30.
- Данилов и др., 2016 — Данилов С. В., Именохоев Н. В., Нанзатов Б. З., Симухин А. И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского ГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 74–93.
- Дашибалов и др., 2011 — Дашибалов Б. Б., Миягашев Д. А., Дашибалов Э. Б. Новые исследования на Иволгинском городище // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 51–60.
- Елихина, 2017 — Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноен уулын эрдэнэс. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухаана Академийн Туух; Археологийн хурээлэн, 2017. 368 с. (на монг. яз.).
- Ивлиев и др., 2017 — Ивлиев А. Л., Крадин Н. Н., Харинский А. В., Очир А., Васютин С. А., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-Дурвулжин // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 118–136.
- Идэрхангай, 2021 — Идэрхангай Т. Хунну гурний улс тӨрийн тӨв, Харганын дӨрвӨлжингийн хуннугийн хааны зуны орд Лунчэн буюу Луут хот // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Поляков, М. Т. Кашуба, А. Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 183–191 (на монг. яз.).
- Киселев, 1957 — Киселев С. В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.
- Клементьев и др., 2020 — Клементьев А. М., Симухин А. И., Булова В. В., Прокопец С. Д. Иволгинское хуннское городище в Забайкалье: археозоологические исследования (по материалам раскопок 2017 г.) // Поволжская археология. 2020. № 3. С. 167–183.
- Клементьев и др., 2021 — Клементьев А. М., Базаров Б. А., Миягашев Д. А. Археозоологические данные погребальных и поселенческих комплексов хунну в Забайкалье: вопросы сопоставления // Stratum Plus. 2021. № 3: Человек, ландшафт, культура. С. 161–179.
- Козлов, 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.
- Коновалов и др., 2016 — Коновалов П. Б., Базаров Б. А., Миягашев Д. А., Клементьев А. М., Именохоев Н. В. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 1. С. 9–26.
- Крадин, 2000 — Крадин Н. Н. Хозяйственная деятельность населения Иволгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2000. № 6. С. 111–121.
- Крадин, 2002 — Крадин Н. Н. Социальная структура населения Иволгинского городища // Труды

- Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2002. Т. 11. С. 235–263.
- Крадин, 2005 — Крадин Н. Н. Социально-экономический строй хунну Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1. С. 79–86.
- Крадин, 2019 — Крадин Н. Н. Города в кочевых империях Внутренней Азии // В поисках сущности: Сб. ст. в честь 60-летия Н. Д. Руссева / Сост. и отв. ред. М. Е. Ткачук, Г. Г. Атанасов. Кишинев: ВАШ, 2019 (Библиотека Stratum). С. 149–170.
- Крадин, 2020 — Крадин Н. Н. Империя Хунну. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 304 с.
- Крадин и др., 2004 — Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.
- Крадин и др., 2016 — Крадин Н. Н., Бессонова Е. А., Зверев С. А. Новые данные о планиграфии Иволгинского городища // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 2. С. 9–21.
- Крадин и др., 2018 — Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А. Империя Хунну и начала степной урбанизации // Труды Института востоковедения РАН. М., 2018. Вып. 7: Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. С. 226–240.
- Крадин и др., 2020 — Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А., Ковычев Е. В., Харинский А. В., Эрдэнэболд Л. Тэрэлжийн-Дурвулжин и другие хуннские городища в Монголии: особенности функциональной интерпретации // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 42–56.
- Крадин и др., 2022 — Крадин Н. Н., Прокопец С. Д., Симухин А. И. Новые результаты исследований жилищ Иволгинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 2. С. 77–87.
- Миняев, 1975 — Миняев С. С. К хронологии сюннских памятников Забайкалья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие тезисы докл. на конф. (ноябрь 1975 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: б. и., 1975. С. 47–48.
- Миняев, Сахаровская, 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.
- Миягашев, Базаров, 2020 — Миягашев Д. А., Базаров Б. А. Нижнемангиртуйское поселение и вопросы появления оседлых комплексов хунну в Забайкалье // Междисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 107–124.
- Пань Лин, 2007 — Пань Лин. Ивоэрцзя чэнчжи хэ муди цзы сянгун сюнну каогу вэньти яньцзю [潘玲。伊沃尔加城址和墓地及相关匈奴考古问题研究]。 Исследование Иволгинских городища и могильника и связанных с ними проблем хуннской археологии. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. 219 с. (на кит. яз.).
- Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый Ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзэктэ (Ноин-ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.
- Полосьмак, Богданов, 2016 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012 гг. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.
- Пэрлээ, 1957 — Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43–53.
- Пэрлээ, 1961 — Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундан ууийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар: б. и., 1961. 157 с. (на монг. яз.).
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.
- Сергушева и др., 2020 — Сергушева А. А., Прокопец С. Д., Крадин Н. Н. Земледелие населения северной части империи хунну: археоботанические исследования на Иволгинском городище (предварительные результаты) // Тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 354–355.
- Скотт, 2017 — Скотт Дж. Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены // Крестьяноведение. 2017. Т. 2, № 2. С. 6–32.
- Скотт, 2020 — Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Изд. дом «Дело», 2020. 328 с.
- Сутягина, 2021 — Сутягина Н. А. Ноин-улинские курганы. Реконструкция, типология и истоки формирования погребального обряда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. Археология / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2021. 30 с.
- Таскин, 1968 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введение, перевод с кит. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1968. Вып. 1. 177 с.
- Таскин, 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введение, перевод с кит. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1973. Вып. 2. 168 с.
- Таскин, 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод с кит. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
- Ташак, 2005 — Ташак В. И. Один структурный компонент Иволгинского гуннского городища (Западное Забайкалье) // Древние кочевники Центральной Азии / Отв. ред. С. В. Данилов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 19–24.
- Хубанова и др., 2021а — Хубанова А. М., Крадин Н. Н., Хубанов В. Б., Симухин А. И., Врублевская Т. Т. Ландшафтно-климатические условия ведения хозяйства в империи Хунну (ранний железный век, Иволгинское городище, Забайкалье): реконструкция по С-Н изотопным данным // Динамика и взаимодействие

- геосфер земли: Материалы всерос. конф. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2021. С. 289–290.
- Хубанова и др., 2021б — Хубанова А. М., Крадин Н. Н., Хубанов В. Б., Симухин А. И. Реконструкция условий жизнедеятельности хунну в Иволгинском городище по изотопному составу // Эволюция и современное состояние ландшафтов и биоты Внутренней Азии: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ун-т технологий и управления, 2021. С. 36–138.
- Шавкунов, 1978 — Шавкунов Э. В. Об археологической разведке отряда по изучению средневековых памятников // Археология и этнография Монголии: Сб. ст. / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1978. С. 16–22.
- Эрэгзэн, 2020 — Эрэгзэн Г. Конструктивные особенности хуннского городища Гуа дов // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 57–87.
- Эрэгзэн и др., 2014 — Эрэгзэн Г., Баярсайхан М., Алдармөнх П. Гуа дов хэмээх Хүннүгийн хотын турьд хийсэн археологийн малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи — 2013 он: Шуайин археологийн хүрээлэнгийн 2013 оны хээрийн судалгааны үр дүн. Улаанбаатар: б. и., 2014. С. 42–47 (на монг. яз.).
- Яинов, 1926 — Яинов Е. Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии. Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 525 с.
- Brosseder, 2009 — Brosseder U. Xiongnu Terrace Tombs and their Interpretation as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia: Papers from the First International Conference on “Archaeological Resesarch in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007 / Eds. J. Bemmann et al. Bonn, 2009 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 4). P. 247–280.
- Cowgill, 2004 — Cowgill G. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives // Annual Review of Anthropology. 2004. Vol. 33. P. 525–549.
- Danilov, 2011 — Danilov S. V. Typology of Ancient Settlement Complexes of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Vorund Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 129–136.
- Erdenebaatar, 2016 — Erdenebaatar D. The Cultural Heritage of Xiongnu Empire. Ulaanbaatar: Munkhiin Useg Publishing House, 2016. 237 p.
- Erdenebaatar et al., 2011 — Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaiar S. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: University of Bonn, 2011. P. 303–314.
- Frachetti et al., 2016 — Frachetti M., Spengler R., Miller N. Millet cultivation across Eurasia: Origins, spread, and the influence of seasonal climate // The Holocene. 2016. Vol. 26, no. 10. P. 1566–1575.
- Hayashi, 1984 — Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. 1984. Vol. 6. P. 51–92.
- Jeong et al., 2020 — Jeong Ch., Wang K., Wilkin S. et al. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia’s Eastern Steppe // Cell. 2020. Vol. 183, no. 4. P. 890–904.
- The Indo-European..., 2023 — The Indo-European Puzzle Revisited: Integrating Archaeology, Genetics, and Linguistics / Eds. K. Kristiansen, G. Kroonen, E. Willerslev. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 342 p.
- Khenzykhenova et al., 2020 — Khenzykhenova F. I., Kradin N. N., Danukalova G. A. et al. The human environment of the Xiongnu Ivolga Fortress (West Trans-Baikal area, Russia): initial data // Quaternary International. 2020. Vol. 546. P. 216–228.
- Kim et al., 2010 — Kim K., Brenner Ch. H., Mair V. H. et al. A Western Eurasian Male is found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 142, no. 3. P. 429–440.
- Konovalov, 2008 — Konovalov P. B. The Burial Vault of a Xiongnu Prince a Sudzha (Il’movaia Pad’, Transbaikalia). Bonn: Rheinische-Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2008. 100 p.
- Kradin et al., 2021 — Kradin N. N., Bazarov B. A., Miyagashiev D. A. et al. Iron age societies of Western Transbaikalia: Reconstruction of diet and lifeways // Journal of archaeological science: Reports. 2021. Vol. 38, no. 102973. P. 1–8.
- Kristiansen, 2014 — Kristiansen K. Towards a New Paradigm? The Third Science Revolution and Its Possible Consequences in Archaeology // Current Swedish Archaeology. 2014. Vol. 22. P. 11–34.
- Kristiansen, 2022 — Kristiansen K. Archaeology and the genetic revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 92 p.
- Losey et al., 2018 — Losey R., Nomokonova T., Fleming L. et al. Buried, eaten, sacrificed: Archaeological dog remains from Trans-Baikal, Siberia // Archaeological Research in Asia. 2018. Vol. 16. P. 58–65.
- Miller et al., 2019 — Miller B. K., Furholt M., Bayarsaikhan J., Tüvshinjargal T., Brandtstätter L., Wright J., Ayush T., Wunderlich T. Proto-Urban Establishments in Inner Asia: Surveys of an Iron Age Walled Site in Eastern Mongolia // Journal of Field Archaeology. 2019. Vol. 44. P. 267–286.

- Mongolie... , 2003 — Mongolie: Le Premier Empire des Steppes / Ed. J.-P. Desroches. Monaco: Acted Sud/Mission de Archéologique Française en Mongolie, 2003. 234 p.
- Ochir, Tserenbyamba, 2020 — Ochir A., Tserenbyamba Kh. Some Results of the Preliminary Research on the Ruins, Dov Ders // Междисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. P. 125–135.
- Ochir et al., 2020 — Ochir A., Chen Yongzhi, Saranbileg B., Cheng Pengfei, Ankhbayar B. Newly Discovered Monuments Of Worship Of Xiongnu // Междисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 82–106.
- Pousaz et al., 2013 — Pousaz N., Ramseyer D., Turbat Ts. et al. L'Habitat Xiongnu de Boroo Gol: Recherches Archéologiques en Mongolie (2003–2008) Sous la Direction de Denis Ramseyer. Gollion: Infolio, 2013. 237 p.
- Ramseyer, 2016 — Ramseyer D. Role and Function of the Site of Boroo Gol (Töv, Mongolia) // Central Asiatic Journal. 2016. Vol. 59, no. 1-2. P. 61–75.
- Renfrew, 2008 — Renfrew C. The City through Time and Space: Transformations of Centrality // The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World / Eds. J. Marcus, J. Sabloff. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 2008. P. 29–51.
- Scott, 2017 — Scott J. Against the Grain. A Deep History of Earliest States. New Haven: Yale University Press, 2017. 300 p.
- Smith, 2016 — Smith M. E. How Can Archaeologists Identify Early Cities: Definitions, Types, and Attributes // Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change / Eds. M. Fernandez-Götz, D. Krause. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 153–168.
- Treasures... , 2011 — Treasures of the Xiongnu / Ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Institut of Archaeology, 2011. 296 p.
- Wilkin et al., 2020 — Wilkin S., Mille A. V., Miller B. et al. Economic Diversification Supported the Growth of Mongolia's Nomadic Empires // Scientific Reports. 2020. Vol. 10, no. 3916. P. 1–12.
- Xiongnu, 2017 — Xiongnu / Eds. G. Eregzen, Yang Si-Eun. Seoul: Jin-injin, 2017. 458 p.
- Yang Jianhua et al., 2020 — Yang Jianhua, Shao Huiqiu, Pan Ling. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe: The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road. Singapore: Springer, 2020. 571 p.
- Zhang et al., 2021 — Zhang Yaping, Zhang Ying, Hu Songmei et al. Pastoralism and Millet Cultivation During the Bronze Age in the Temperate Steppe Region of Northern China // Frontiers in Earth Science. 2021. Vol. 9, no. 748327. P. 1–15.

The Northern city of the Xiongnu Empire

N. N. Kradin³

Keywords: Xiongnu, archeology, Transbaikalia, nomadic cities.

The article analyses the role and place of the Ivolga fortified site in the structure of the Xiongnu nomadic empire. The settlement was the center of agricultural economy and crafts. The compact street building and high density of the population are recorded. The population totaled several thousand people. Based on the size of dwellings and the number of finds, as well as on the study of the synchronous burial ground, approximately three or four social ranks are distinguished. The social dimension of the site's spatial organization planography shows no evidence of social segregation. Among the inhabitants of the settlement there were Xiongnu, Chinese and, possibly, individuals of other origin, among whom there were both captives and defectors. They could well meet the needs of the nomads of the Western Transbaikalia for agricultural and craft products. By its characteristics, this fortified settlement corresponds to the archaeological criteria of a city. At present it is the only known city of the Xiongnu Empire.

³ Nikolay N. Kradin — Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Vladivostok, Russia; e-mail: kradin@ihafe.ru.

Китайские бронзовые зеркала в погребальной практике хунну¹

Н. Н. Николаев²

Аннотация. Фрагменты китайских бронзовых зеркал из хуннских погребений Забайкалья и Монголии традиционно рассматриваются как хронологические индикаторы. Находки последнего десятилетия сформировали мнение, что обломки китайских зеркал достаточно широко представлены в хуннских погребениях. Исследование показало, что использование зеркал в погребальной практике хунну четко регламентировалось, но не получило значительного распространения.

Ключевые слова: хунну, могильник, элитный курган, фрагменты бронзовых зеркал, погребальная практика, Монголия, Забайкалье.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-46-53

Фрагменты китайских бронзовых зеркал, обнаруженные в хуннских погребениях Забайкалья и Монголии, традиционно рассматриваются как хронологические индикаторы комплексов, в которых они были найдены. Исследования зеркал в большинстве случаев ориентированы на решение проблем хронологии и периодизации хуннских памятников (Филиппова, 2000; Torbat, 2011; Otani, 2014; 2021). Вопросы, касающиеся их использования в погребальной практике хунну, практически не затрагиваются. Примечательно, что тезис о достаточно широком использовании обломков китайских зеркал в погребальной обрядности хунну Забайкалья и Монголии (см.: Полосьмак, Богданов, 2015. С. 80) основывается на сугубо интуитивном восприятии археологического материала. Вместе с тем исследование, посвященное одному из бронзовых зеркал элитного погребения хунну в пади Царам, позволило по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известный вид археологических источников (Миняев, Сахаровская, 2006. С. 77–82).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru.

© Николаев Н. Н., 2024

Количество раскопанных хуннских могил приближается к одной тысяче или незначительно превышает этот показатель (Цэвэндорж, 1985. С. 53; Xiongnu Tombs..., 2008. Р. 25–27; Боталов, Баттулга, 2016. С. 31; Миняев, 2019. С. 204). Большинство исследованных захоронений приходится на Иволгинский и Дырестуйский могильники в Забайкалье, а также на могильник Бурхан-Толгой в Монголии. Самым крупным из них является Иволгинский могильник, где раскопано 216 погребений. Ни в одном из них не найдено ни одного фрагмента китайских бронзовых зеркал (Давыдова, 1996. С. 35–76). Объяснить данный факт тем, что только 17 захоронений Иволгинского могильника (или 7,9 % от их общего числа) сохранились *in situ*, нельзя. В Монголии на могильнике Бурхан-Толгой было исследовано не менее 108 погребений³, из которых только семь оказались не потревожены грабителями (6,48 % учтенных захоронений), при этом фрагменты бронзовых зеркал были встречены в восьми могилах (Xiongnu Tombs..., 2008. Р. 130–153; Otani, 2014. Р. 50, 66, fig. 3, 11–18; № 11–18). Северо-восточнее Бурхан-Толгой, в Забайкалье, на левом берегу р. Джиды расположен Дырестуйский могильник, в котором из 129 захоронений 45 сохранились неограбленными (34, 88 % от общего числа могил) (Талько-Гринцевич, 1999. С. 103–112; Коновалов, 1976.

³ Возможна погрешность в пределах одного или двух погребений, так как подсчет затруднен использованием литерных обозначений при нумерации могил.

С. 135–149; Миняев, 1998). В процентном отношении это в пять раз больше, чем в Бурхан-Толгое и почти в 4,5 раза больше, чем на Иволгинском могильнике. Китайских зеркал или их фрагментов в дырестуйских погребениях не зафиксировано. Это означает, что каждому третьему из тех, кто был погребен на Дырестуйском могильнике, зеркало в могилу не положили.

В элитных захоронениях хунну фрагменты бронзовых зеркал найдены в «княжеских» курганах 1 и 20 могильника Гол-Мод I, в курганах 22 и 25 пади Судзуктэ в Ноин-Уле, в кургане 2 могильника Дурлик-Нарс и кургане 7 могильника Царам⁴ (Treasures..., 2011. P. 151, 155, № 193, 206; Руденко, 1962. С. 92, рис. 65, г; Полосьмак, Богданов, 2015. С. 83, рис. 3, 53; Yun Hyeung-Won, Chang Eunng-Jtong, 2011. P. 269, 270, fig. 11, 18; Миняев, 2009). За исключением зеркал, происходящих из Царам, все находки были зафиксированы в переотложенном состоянии. В кургане 20 могильника Гол-Мод I фрагмент зеркала сохранился в двух обломках. Зеркало в кургане 22 Ноин-Улы состояло из четырех фрагментов, при этом у него не хватало четверти бортика и отсутствовала практически вся поверхность.

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что погребальная практика хунну, независимо от статуса погребенных, не предполагала повсеместного использования зеркал или их фрагментов в наборах сопроводительного инвентаря.

Всего в хуннских захоронениях Забайкалья фрагменты китайских бронзовых зеркал встречены 21 раз⁵. Они были зафиксированы в элитном кургане могильника Царам, в рядовых погребениях Ильмовой и Черемуховой падей, а также в погребениях могильников Бордун, Энхор, Оргойтон и Нур-Тухум (Талько-Гринцевич, 1999. С. 32–35, 50, 115, 116, табл. XII, 3b, 3c; Сосновский, 1946. С. 62, рис. 12; Коновалов, 1976. Табл. XXII, 1–4; Филиппова, 2000. С. 103, 104; Николаев, 2010. С. 188; 2020. С. 129, рис. 3, 1, 2; Базаров, 2019. С. 27, 28, рис. 2; 3). В Монголии аналогичные находки сделаны не менее 59 раз⁶ в погребениях 27 могильников (Otani, 2014; 2021). Отмечено несколько случаев, когда фрагменты зеркал были найдены в состоянии *in situ*.

⁴ Он будет рассмотрен отдельно.

⁵ С учетом фрагмента из разрушенной могилы в местности Эдуй.

⁶ В это число входят фрагменты из пяти княжеских курганов.

В Забайкалье в погребении кургана 3 могильника Ильмовая падь фрагменты двух бронзовых зеркал с частью сопроводительного инвентаря были размещены в северной части погребальной конструкции (Талько-Гринцевич, 1999. С. 32–35, 50, табл. XII, 3b, 3c). Схема этого захоронения, приведенная автором раскопок, позволяет предположить, что фрагменты зеркал лежали с левой и правой стороны от головы погребенного (Там же. С. 34, табл. III, 3). Это единственный случай в Забайкалье, когда в рядовом захоронении хунну были найдены фрагменты двух разных зеркал. В погребении 2 могильника Бордун фрагмент китайского зеркала был обнаружен в головах покойного, в северо-восточном углу погребальной конструкции (Там же. С. 116).

На территории Монголии отмечается несколько большее разнообразие в размещении обломков китайских бронзовых зеркал в погребениях хунну. В могиле кургана 103 могильника Энгерин (Engeriin buuts)⁷ фрагмент зеркала найден рядом с северной стенкой гроба. Погребение было потревожено, но тот факт, что обломок зеркала был положен в головах погребенного, сомнения не вызывает (Xiongnu Tombs..., 2008. P. 190–193). В могиле 33-а могильника Бурхан-Толгой фрагмент зеркала обнаружен рядом с черепом человека (Там же. P. 138). Во впускном погребении кургана 1 могильника Нойма-Толгой, где по обряду ингумации в вытянутом положении на спине, головами на юг–юго-запад, были погребены мужчина и женщина, в головах женщины нашли беременную шкатулку (туесок) с фрагментом бронзового зеркала (Там же. P. 85, 86).

Уникальным является захоронение в кургане 19 могильника Шомбузин бельчир, в котором была погребена молодая женщина с новорожденным ребенком. Ее похоронили в гробу на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Младенца положили у нее в ногах с левой стороны головой на юго-запад. Сопроводительный инвентарь в целом достаточно скромный, однако за северной стенкой гроба, вместе с фрагментами керамики и осколками черепов мелкого рогатого скота, были зафиксированы два обломка бронзовых зеркал. Еще один фрагмент был найден «на деревянной подставке», которая находилась в гробу с левой стороны в головах погребенной. Авторы раскопок подчеркивают, что это единственное хуннское погребение Монголии, где были найдены фрагменты зеркал двух типов (Баярсайхан и др.,

⁷ Английское написание указано в тех случаях, когда русская транслитерация вызывает сомнение.

2011. С. 149, 164, рис. 11)⁸. Необходимо также упомянуть находку из кургана 8 этого же могильника: хотя захоронение было ограблено, между «пальцами покойного» сохранился фрагмент зеркала с остатками шелкового мешочка (*Там же*. С. 144, 161, 169, рис. 3; 22). На могильнике Тэбш-Уул в захоронении 8 фрагмент бронзового зеркала был найден «около правой руки» погребенного (*Цзвэндорж*, 1985. С. 58). В кургане 6 могильника Тамир-Улан хошу целое бронзовое зеркало в состоянии *in situ* обнаружено в районе левой стопы потревоженного скелета (*Xiongnu Tombs...*, 2008. P. 107, 108).

Несмотря на малочисленность случаев, когда фрагменты зеркал были зафиксированы в потревоженном состоянии, можно говорить о том, что их обычно клали в головы погребенного. Зеркала могли положить на предметы утвари или в берестяные туески. В элитные погребения фрагменты зеркал могли помещаться в китайских лаковых сосудах или шкатулках (*Миняев*, 2009. С. 56). Единственный случай, когда зеркало (целый предмет) положили в ноги усопшего, скорее всего, нетипичен для погребальной обрядности хунну, а размещение обломка зеркала рядом с рукой или в руке покойного (иногда в шелковом мешочке) выглядит более логично в контексте хуннской традиции.

Независимо от того, было погребение ограблено или нет, в нем обычно фиксируется обломок или фрагментированная часть только одного зеркала. Это наблюдение подтверждает ранее высказанное мнение, что особенностью бронзовых зеркал, происходящих из погребальных комплексов хунну, «является их фрагментарность: в отличие от ханьских захоронений, зеркала в сюннских (хуннских. — Н. Н.) погребениях представлены либо отдельными фрагментами, либо несколькими осколками преднамеренно разбитого на части зеркала» (*Миняев, Сахаровская*, 2006. С. 81).

Исключения очень редки. Целые китайские зеркала были зафиксированы в хуннских могилах только пять раз⁹, при этом трижды они были найдены в погребениях могильника Тамир-Улан хошу (*Otani*, 2014. P. 52, fig. 4, 27, 28, 30). Особое место занимает зеркало из кургана 2 могильника

Угумур-Ула (*Uguumur uul*). Оно было разбито, но сохранилось практически целым — у него не хватало только маленького фрагмента. В центральную «кнопку» на орнаментированной стороне этого зеркала была продета узкая полоска шелка (*Treasures...*, 2011. P. 154, № 201; *Otani*, 2014. P. 47, fig. 2, 8).

Фрагменты двух разных зеркал встречены в кургане 3 Ильмовой пади и, видимо, в кургане 7 могильника Хонгор (*Талько-Гринцевич*, 1999. С. 32–35, 50, табл. XII, 3b, 3c; *Otani*, 2014. P. 47, 66, fig. 2, 9). В кургане 19 могильника Шомбузин бельчир, в котором, как пишут авторы раскопок, были зафиксированы обломки зеркал двух типов (*Баярсайхан и др.*, 2011. С. 149), ситуация выглядит более интересно, чем может показаться на первый взгляд. В погребении встречены обломки трех разных зеркал, два из которых были от зеркал типа TLV, то есть в могилу положили обломки от трех зеркал двух типов (*Bryan*, 2011. P. 572, fig. 10, 5, 6).

Особое место занимает курган 7 в пади Царам. В этом элитном захоронении были найдены фрагменты четырех зеркал. Первое из них обнаружили на глубине 2,18 м во время зачистки деревянной клетки в верхней части могильной ямы (*Миняев, Сахаровская*, 2006. С. 80). Зеркало сохранилось в 10 фрагментах, которые были аккуратно уложены на том месте, где их нашли. На момент находки шесть фрагментов лежали один на другом, и еще четыре обломка были обнаружены рядом. Собранные вместе, они образовывали зеркало, у которого сохранился бортик, но не хватало около половины орнаментированной поверхности. На фрагментах были видны следы окалины (*Там же*. С. 80, 81) (рис. 1, 1). Еще три фрагментированных зеркала были найдены в погребальном сооружении, которое представляло собой монументальную деревянную конструкцию в семь венцов, собранную из бруса 25 × 25 см в сечении. В ней был установлен сруб, куда поместили гроб с телом усопшего. Все сооружение было заключено в саркофаг из крупных каменных плит (*Миняев*, 2009. С. 52).

В пространстве между стенами погребальной камеры и сруба были обнаружены погребальные куклы: две из них находились с западной стороны сруба, одна — с восточной (*Там же*. С. 54–56).

Кукла 1 зафиксирована в центральной части свободного пространства с западной стороны сруба. Севернее, в головах куклы, была установлена орнаментированная лаковая шкатулка, рядом с которой обнаружено четыре берестяных

⁸ И. Отани в двух своих статьях отметила, что в Монголии фрагменты зеркал двух разных типов были встречены в кургане 7 хуннского могильника Хонгор (*Otani*, 2014. P. 47, fig. 2, 9; 66; 2021. P. 46).

⁹ В хуннских погребениях Забайкалья целых зеркал пока не найдено.

Рис. 1. Бронзовые зеркала, могильник Царам, курган 7: 1 — из заполнения могилы; 2 — найденное рядом с куклой 2; 3 — найденное рядом с куклой 3. Фрагменты бронзовых зеркал, могильник Аймырлыг XXXI: 4, 6 — погребение 125; 5 — погребение 145

Fig. 1. Bronze mirrors, Tsaram burial site, the barrow 7: 1 — from the filling of the grave; 2 — found next to the mannequin 2; 3 — found next to the mannequin 3. Fragments of bronze mirrors, Aimirlyg burial site XXXI: 4, 6 — burial 125; 5 — burial 145

туеска. Не исключено, что первоначально они находились внутри шкатулки. Туески лежали на берестяном круге, на котором найден фрагмент бронзового китайского зеркала. Под шкатулкой обнаружена заколка для волос, возможно, из черепашьего панциря (Там же. С. 54).

Кукла 2 располагалась южнее куклы 1. В районе пояса у нее находился деревянный лакированный сосуд с геометрическим орнаментом, в котором лежали фрагмент бронзового зеркала (рис. 1, 2), кусочек слюды, два деревянных гребня и набор железных игл в деревянном футляре (Там же. С. 56).

Кукла 3 была зафиксирована в северной части свободного пространства с восточной стороны сруба. Севернее нее, на остатках деревянного предмета (возможно, шкатулки), рядом с маленьким берестяным туеском найден «крупный фрагмент» бронзового зеркала диаметром около 7 см (рис. 1, 3) (Там же. С. 56).

Все зеркала были обнаружены *in situ*, при этом контекст одной находки отличался от контекста трех остальных. Еще в ходе раскопок выяснилось, что зеркало, встреченное в верхней части могильной ямы, было преднамеренно разбито. «Следы окарины, отчетливо видимые на поверхности зеркала, позволяют предположить, что зеркало было

расколото путем сильного нагрева и последующего резкого охлаждения. Возможно, холодной водой. После этого часть фрагментов была изъята...» (Миняев, Сахаровская, 2006. С. 81)¹⁰.

Вероятно, аналогичным образом поступили с зеркалом, фрагмент которого обнаружен в «княжеском» кургане 2 могильника Дурлик-Нарс. На его поверхности тоже были зафиксированы следы окарины (Yun Hyeung-Won, Chang Eun-Jong, 2011. P. 269, 270, fig. 11, 18).

Эти обстоятельства позволяют говорить о том, что «в рамках погребальной церемонии <...> над зеркалом совершался особый обряд» (Миняев, Сахаровская, 2006. С. 82). После того, как зеркало было расколото, один или несколько его фрагментов «сопровождали умершего, тогда как другие части зеркала изымались и, возможно, хранились в семье или у родственников покойного, чтобы впоследствии сопровождать других погребенных и служить своего рода опознавательным знаком при встрече в потустороннем мире» (Там же. С. 82).

¹⁰ Сделанные авторами выводы можно экстраполировать на фрагменты зеркал, встреченные в сопроводительном инвентаре погребальных кукол, находка которых является темой отдельного исследования.

Проведение этого обряда не ограничивалось погребальной практикой. В одном из помещений крепости Баян-Ундэр¹¹ были обнаружены разбитое китайское зеркало (в нем не хватало двух фрагментов) и расколовший его железный нож (Данилов, 1998. С. 114; Миняев, Сахаровская, 2006. С. 81; Хунну..., 2005. С. 46, № 63). Вероятно, в обстановке, когда расставание могло оказаться неизбежным, а следующая встреча могла состояться уже в потустороннем мире, чтобы не потерять там друг друга, зеркало было разбито, а осколки его изъяты.

Роль, которая отводилась зеркалам в системе сакральных представлений хунну, косвенно подтверждается еще одним обстоятельством. Практически все фрагменты зеркал были найдены в разоренных или потревоженных могилах. Не вызывает сомнения, что часть захоронений подверглась ограблению, когда о предназначении фрагментов зеркал давно позабыли, и грабители просто выбрасывали обломки бронзовых предметов, которые не представляли для них никакой ценности. Вместе с тем некоторые могилы хунну были ограблены людьми, которые были знакомы с их погребальными ритуалами и представлениями о связи мира живых и мира мертвых. Показательна в этом плане ситуация, зафиксированная на могильнике хунну в пади Оргойтон¹² (Николаев, Миняев, 2019; 2020; 2021; Николаев и др., 2019). В ходе раскопок самого большого «княжеского» кургана этого могильника выяснилось, что он неоднократно подвергался ограблениям. Помимо этого, было установлено, что первыми его ограбили люди, которые представляли, как организовано внутреннее пространство погребального сооружения, и хорошо знали, где размещается сопроводительный инвентарь (Николаев, 2022. С. 213, 214).

Следует отметить, что на современной поверхности Оргойтона визуально практически не фиксируются рядовые захоронения. Но благодаря тому, что работы на памятнике ведутся «сплошным раскопом», в настоящее время исследовано более 12 таких захоронений¹³. Все они разграбле-

ны. Подобное могло произойти, когда над могилами были видны обозначающие их каменные сооружения или одиночные камни, небольшие земляные насыпи или шесты. Учитывая это обстоятельство, первое ограбление большого «княжеского» кургана в пади Оргойтон следует рассматривать как эпизод тотального разорения всего могильника, которое последовало за распадом племенного объединения северных хунну (Там же. С. 214). Такое развитие событий более чем вероятно, если учесть, что население завоеванных территорий, которое, как правило, интегрировалось в хуннское общество, занимало в нем подчиненное положение. Военный и политический коллапс остатков хуннской державы вполне мог сопровождаться различного рода социальными потрясениями.

Фрагменты бронзовых зеркал на Оргойтоне встречены при исследовании рядовых курганов 5, 17 и 18 (Николаев, 2010; 2020). Отдельные кости человеческого скелета зафиксированы только в кургане 17. Сопроводительный инвентарь в могилах отсутствовал. В кургане 18 фрагмент зеркала найден в развале надмогильного сооружения, где помимо него обнаружены фрагментированный сосуд, блок фурнитуры, обломок ножа и железный предмет (Николаев, 2020. С. 129, рис. 3, 2–7). В курганах 5 и 17 найдены только фрагменты бронзовых зеркал. В кургане 5 обломок зеркала обнаружен в заполнении у южной стенки могильной ямы (Николаев, 2010. С. 188). В кургане 17, где грабители полностью уничтожили северную часть погребального сооружения, фрагмент зеркала находился на дне могилы рядом с северной стенкой (Николаев, 2020. С. 129, рис. 3, 1). Учитывая, что в разорении захоронений Оргойтона участвовали современники погребенных или их потомки, знавшие о предназначении фрагментов бронзовых зеркал, становится понятно, почему от них поспешили избавиться¹⁴.

Археологические свидетельства, подтверждающие вывод о фрагменте зеркала как связующем звене между миром живых и миром мертвых, способном соединить близких людей на том свете, в погребальных памятниках хунну Забайкалья и Монголии пока не обнаружены. Вместе с тем интересная находка была сделана на могильнике Аймырлыг ХХХI в Туве. Хронологически этот памятник относится к тому времени, когда хунну

¹¹ Крепость расположена на левом берегу р. Джиды недалеко от Дырестуйского могильника.

¹² Могильник расположен в одноименной пади на левом берегу р. Селенги. Он был открыт в 1898 г. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который совместно с Я. С. Смолевым раскопал здесь четыре кургана (Талько-Гринцевич, 1999. С. 81).

¹³ В это число не входят захоронения, раскопанные Ю. Д. Талько-Гринцевичем.

¹⁴ Не исключено, что потусторонние силы вселяли в грабителей гораздо больше страха, чем живые мстители.

утратили свое господствующее положение в степях Центральной Азии. Однако погребальная обрядность и предметный комплекс захоронений Аймырлыга XXXI позволяют говорить о том, что могильник оставлен населением, которое было хорошо знакомо с культурой и традициями хунну. В этом нет ничего удивительного, так как после разгрома северных хунну часть племен признала власть сяньбэй и осталась жить в пределах бывших хуннских владений (Таскин, 1984. С. 71).

В погребении 125, расположенном в южной части могильника Аймырлыг XXXI, было исследовано захоронение в гробу, с правой стороны от которого зафиксированы три вертикально стоящие плиты (Стамбульник, 1983. Л. 15, рис. 83). Могила не потревожена. Захоронение совершено по обряду ингумации. Скелет лежал на спине, головой на север. Кисть правой руки находилась у поясничных позвонков. Левая кисть лежала на груди. Ноги были подогнуты и повернуты влево. Справа в головах находились два керамических сосуда; у темени найдена костяная булавка; слева от черепа зафиксирован берестяной туесок, в котором лежали железный нож, железное шило и фрагмент бронзового китайского зеркала (Там же. Рис. 91) (рис. 1, 4). Под грудной клеткой зафиксированы «обрывки ткани». В районе пояса выявлены остатки деревянных пластин (?), которые, по мнению авторов раскопок, также были обернуты тканью. Рядом с правым бедром скелета отмечены обломки железного предмета (Там же. С. 15).

Ситуация находки фрагмента зеркала в погребении 125 Аймырлыга XXXI сопоставима с ситуацией, зафиксированной в погребении 1 могильника Нойма-Толгой, где туесок с обломком зеркала поместили в головах погребенной женщины (Xiongnu Tombs..., 2008. P. 85, 86). Однако гораздо более важным является тот факт, что фрагмент из погребения 125 Аймырлыга XXXI подходит к обломку зеркала из погребения 145 того же могильника (рис. 1, 5)¹⁵, то есть вывод о предна-

значении фрагментов бронзовых зеркал в погребальной практике хунну находит археологическое подтверждение (рис. 1, б)¹⁶.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать следующее.

1. Погребальная практика рядовых и элитных захоронений хунну не предполагала широкого использования зеркал или их фрагментов в наборах сопроводительного инвентаря.

2. В подавляющем большинстве случаев в могилу клали обломок или фрагментированную часть только одного зеркала. Исключения есть, но они редки.

3. В тех случаях, когда фрагменты зеркал помещали в могилу, их обычно клали в головах погребенного. Фрагменты могли положить на предметы бытовой утвари или в берестяные туески. В элитных погребениях для этого использовались китайские лаковые сосуды или шкатулки. Фрагмент зеркала также могли вложить в руку погребенного (иногда в шелковом мешочке) или разместить рядом с ней.

4. Вывод, сделанный при исследовании элитного кургана хунну в пади Царам о предназначении фрагментированных зеркал в системе мировоззренческих представлений и погребальной практике хунну, получил археологическое подтверждение в материалах могильника Аймырлыг XXXI в Туве. Погребальная обрядность и предметный комплекс этого могильника позволяют говорить о том, что он оставлен населением, которое было хорошо знакомо с хуннской культурой и традициями.

обломок небольшого размера уверенно идентифицируется по внешнему виду и маркировке, которая была нанесена на него в поле. Обломок зеркала из исследованного позднее погребения 145 также имел соответствующую маркировку, как и другие вещи, которые происходят из погребений, информация о которых пока неизвестна.

¹⁶ Отметим эмоциональную составляющую зафиксированной ситуации, когда сквозь мировоззренческие представления проступают отношения простых людей. Мы не знаем, как сложились судьбы тех, кто был похоронен с фрагментами этого зеркала. Нам неизвестно, какими были их отношения. Впрочем, это не так и важно. Главное, что их встреча в загробном мире была предreshена. Залогом того, что узы, которыми они были связаны при жизни, не сможет разорвать даже смерть, стали два обломка бронзового зеркала, которые подходили друг другу. Каждый из них унес свой фрагмент с собою в могилу, чтобы на том свете с его помощью найти другого.

¹⁵ Место расположения, погребальная обрядность и состав сопроводительного инвентаря этого захоронения пока неизвестны. Архивные данные о раскопках Аймырлыга XXXI исчерпываются «Отчетом о полевых работах VI отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1981 г.», который был написан Э. У. Стамбульник двумя годами позднее — в 1983 г. Описание исследованных комплексов в этом отчете заканчивается на погребении 127. В этом же отчете приведена фотография фрагмента зеркала из погребения 125 (Стамбульник, 1983. Рис. 91). Этот нерасколотый

- Базаров, 2019 — Базаров Б. А. Китайское зеркало из 47-го погребения Нур-Тухумского могильника // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. Вып. 2 (34). С. 25–33.
- Боталов, Баттулга, 2016 — Боталов С. Г., Баттулга О. История исследований погребальных памятников монгольских хунну // Вестник Южно-Уральского ГУ. 2016. Серия: Социально-гуманитарные науки. Т. 16, № 4. С. 31–37.
- Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). Т. 2: Иволгинский могильник. 176 с.
- Данилов, 1998 — Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии: Сб. материалов конф. / Отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток: Институт истории ДВО РАН, 1998. С. 111–114.
- Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. 248 с.
- Миняев, 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1998 (Археологические памятники Сюнну; Вып. 3). 233 с.
- Миняев, 2009 — Миняев С. С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // АЭАЕ. 2009. № 2. С. 49–58.
- Миняев, 2019 — Миняев С. С. Актуальные проблемы изучения сюнну // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 201–208.
- Миняев, Сахаровская, 2006 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьское зеркало из могильника Царам // Записки ИИМК РАН. 2007. № 1. С. 77–82.
- Николаев, 2010 — Николаев Н. Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Редкол. В. А. Алёкшин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 186–191.
- Николаев, 2020 — Николаев Н. Н. Погребальная обрядность детских захоронений хунну (на примере локальной группы кургана № 18 могильника Оргойтон) // АВ. 2020. Вып. 30. С. 125–133.
- Николаев, 2022 — Николаев Н. Н. Ограбление как источник информации (по материалам элитного кургана хунну в пади Царам) // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: Тезисы Междунар. науч. конф., посв. 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 202–204.
- Николаев, Миняев, 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. 2019. № 42. С. 110–123.
- Николаев, Миняев, 2020 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Исследования в Джидинском районе Республики Бурятия на могильнике Оргойтон // АО 2018 года. М.: ИА РАН, 2020. С. 495–497.
- Николаев, Миняев, 2021 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Исследования в пади Оргойтон в Джидинском районе // АО 2019 года. М.: ИА РАН, 2021. С. 450–453.
- Николаев и др., 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Исследования на могильнике Оргойтон в Джидинском районе // АО 2017 года. М.: ИА РАН, 2019. С. 499–501.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. Ч. 1. 136 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Сосновский, 1946 — Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади // СА. 1946. № VIII. С. 51–67.
- Стамбульник, 1983 — Стамбульник Э. У. Отчет о плевых работах VI отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1981 г. // НОА ИА РАН. Р-1. 1983. № 9282, 9282а.
- Талько-Гринцевич, 1999 — Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: АзиатИКА, 1999 (Археологические памятники Сюнну; Вып. 4). 123 с.
- Таскин, 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод с кит., комментарии В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
- Филиппова, 2000 — Филиппова И. В. Китайские зеркала из памятников хунну // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 100–108.
- Хунну..., 2005 — Хунну: каталог выставки (Брюссель, Королевские музеи искусства и истории, 20 октября 2005 — 26 февраля 2006 г. в рамках фестиваля «Европа-Россия-2005») / Под рук. Н. Николаева. М.: АРТХроника, 2005. 64 с.
- Цэвэндорж, 1985 — Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–86.
- Баярсайхан и др., 2011 — Баярсайхан Ж., Эгиймаа Ц., Браян Миллер, Коновалов П. Б., Жохенсон Эрик, Мишел Махичек, Жуди Логан, Клейр Нейли. Шомбуузын Белчир дэх хуннугийн дурсгал // Нүүдэлчдийн өв судал. Улаанбаатар, 2011. Т. X, Фаес. 1–26 (12). X. 142–169 (на монг. яз.).
- Bryan, 2011 — Bryan K. Miller. Permutations of peripheries in the Xiongnu Empire // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire

- in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 5). P. 559–578.
- Otani*, 2014 — *Otani I*. Chinese bronze mirrors found outside of China (1): Mongolia and Transbaikalia // *Archaeological Bulletin Kanazawa University*. 2014. Vol. 35. P. 45–72 (на яп. яз.).
- Otani*, 2021 — *Otani I*. Chinese bronze mirrors found outside of China (2): Mongolia and Transbaikalia // *Archaeological Bulletin Kanazawa University*. 2021. Vol. 42. P. 37–57 (на яп. яз.).
- Torbat*, 2011 — *Torbat T*. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu Graves of Mongolia // *Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 5). P. 315–327.
- Treasures..., 2011 — Treasures of the Xiongnu (culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia). The catalogue / Chief advisor D. Tseveendorj, J. Saruulbuyan; ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Shinzhlékh Ukhaany Akademi, Arkheologiin Khuréeelén, 2011. 296 p.
- Xiongnu Tombs..., 2008 — Xiongnu Tombs in Mongolia. Seoul: National Museum of Korea. 2008. 280 p. (на кор. яз.).
- Yun Hyeung-Won, Chang Eunn-Jtong*, 2011 — *Yun Hyeung-Won, Chang Eunn-Jtong*. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // *Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 5). P. 261–275.

Chinese bronze mirrors in Xiongnu funerary practice

N. N. Nikolaev¹⁷

Keywords: Xiongnu, burial ground, elite kurgan, fragments of bronze mirrors, funerary practice, Mongolia, Transbaikalia.

Fragments of Chinese bronze mirrors found in Xiongnu burials in Transbaikalia and Mongolia are traditionally regarded as chronological indicators of the complexes in which they were found. Questions concerning their use in the burial practice of the Xiongnu are practically not considered. At the same time, there is still no clear idea of how widespread the custom was for the Xiongnu to place Chinese bronze mirrors or their fragments in the graves of their fellow tribesmen. The study made it possible to establish that the burial practice of ordinary and elite burials of the Xiongnu did not imply the widespread use of mirrors or their fragments in sets of accompanying inventory. In the vast majority of cases, a fragment or a fragmented part of only one mirror was placed in the grave. Exceptions are extremely rare. When the mirror fragments were placed in the grave, they were usually placed at the head of the buried person, but could also be placed in his hand or placed next to it. The opinion expressed during the study of the elite burial mound of the Hunnu in the padi Tsaram, about the purpose of fragmented mirrors in the system of the worldview of the Hunnu received archaeological confirmation in the materials of the Aimyrlyg XXXI burial ground in Tuva. The funeral rites and the subject complex of this burial ground suggest that it was abandoned by the population who were well acquainted with the culture and traditions of the Hunnu.

¹⁷ Nikolay N. Nikolaev — The State Hermitage Museum, Institute for the History of Material Culture the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru.

Искусство сочетания. Войлочные ковры из могил хуннской аристократии¹

Н. В. Полосьмак²

Аннотация. Результаты всестороннего анализа войлочных ковров из погребений знатных хунну Ноин-Улы позволяют сделать вывод о том, что они относятся к предметам «придворного» искусства. Эти ковры могли быть изготовлены только при ставках шаньюя и его приближенных, где имелись необходимые для этого материалы — китайский шелк и сирийская шерстяная ткань. Ковры являются образцом эклектики, поскольку в их оформлении сочетаются традиционная ханьская символика и реплики произведений звериного стиля.

Ключевые слова: ноин-улинские курганы, войлочные ковры, хунну, происхождение.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-54-67

Введение

Фрагменты войлочных крытых тканью ковров обнаружены почти во всех курганах высокопоставленных хунну в могильнике Ноин-Ула: в 23-м и 25-м (Руденко, 1962а. С. 117–124), а также в 20-м и 22-м. В 1-м (Мокром), 6-м (Верхнем) и, вероятно, в Кондратьевском курганах ковров было по два³. С. И. Руденко считал их изделиями хунну (Там же. С. 56). В пользу его точки зрения свидетельствовали войлочная основа ковра, вы-

полненные в зверином стиле аппликации, фигурная простежка всего изделия. Альтернативной стала точка зрения Е. С. Богданова, считавшего, что ноин-улинские ковры «не являются продуктом творчества хуннских мастеров, а поступали посредством торговых путей из переднеазиатских текстильных мастерских» (Богданов, 2011. С. 46). Основанием для такого вывода послужил орнамент мозаичного пола дома в Ольвии: «Сама структура изобразительного текста на мозаике, а главное, — изображение растения находят просто поразительные аналогии с коврами из первого и шестого ноин-улинских курганов» (Там же. С. 43).

Вопрос происхождения ковров с аппликациями важен, поскольку они являются одними из наиболее оригинальных вещей, обнаруженных в могилах знатных хунну, и даже считаются их самыми знаменитыми предметами, выполненными в зверином стиле (например: Эрэгээн, 2022. С. 13, 14). Наряду с фрагментом ткани с вышитыми всадниками войлочный ковер из 6-го ноин-улинского кургана был признан правительственной комиссией по рассмотрению итогов работы Монголо-Тибетской экспедиции особенно ценным (Юсупова, 2011. С. 42).

Материал основы ковров

Ковры относятся к категории изделий, созданных из различного текстильного материала. Войлочные у них только основа и аппликации,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>).

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Новосибирск, Россия; e-mail: polosmaknatalia@gmail.com.

³ Данные о возможном наличии двух войлочных напольных ковров в указанных курганах приведены Н. А. Сутягиной в рукописи диссертации (Сутягина, 2021. Т. 1. С. 111, 112). Незначительные фрагменты войлочных ковров были обнаружены в 20-м кургане могильника Гол-мод 1 Архангайского аймака, во 2-м кургане могильника Дуурлиг-нарс Хэнтийского аймака, в кургане 7 могильника Царам. Надо отметить, что в 31-м ноин-улинском кургане (раскопки автора), в котором была похоронена женщина, пол внутренней погребальной камеры был покрыт полотнищами шерстяной ткани, а не ковром.

© Полосьмак Н. В., 2024

с двух сторон войлок покрыт тканью. Это могла быть шелковая ткань, как у ковров из Кондратьевского и Мокрого курганов, или шерстяная, как у ковров из 6-го, 20-го и 22-го курганов. Все ковры обнаружены в погребениях, но состояние изделий указывает на то, что они использовались в быту.

Войлок традиционно считается продуктом кочевого скотоводческого быта⁴. Первые исследователи ноин-улинских ковров провели тщательное изучение образцов войлока и пришли к выводу, что для его изготовления была использована превосходная овечья шерсть, наиболее близкая к современным образцам шерсти суданской овцы (*Воскресенский, Кононов, 1932. С. 80, 81*). Какие именно породы овец были в стаде у хунну, доподлинно неизвестно. Авторы справедливо полагают, что шерсть, из которой был изготовлен войлок, могла принадлежать какой-то неизвестной нам местной породе.

В последние годы была предпринята еще одна попытка определения источника сырья для войлочной основы ковра, а также всех войлочных элементов орнамента, ниток и шерстяной ткани, покрывающейлицевую поверхность изделия, обнаруженного во фрагментах в 6-м ноин-улинском кургане. Проведенные с помощью нового метода полиполяризации исследования дали поразительный результат — для изготовления всех элементов изучаемого фрагмента ковра была использована шерсть верблюда (*Kulikov et al., 2010; Куликов и др., 2011. С. 120*). Изготовленными из верблюжьей шерсти оказались и все проанализированные исследователями шерстяные ткани из 6-го ноин-улинского кургана (*Куликов и др., 2012*).

Почему результаты этого исследования так удивительны? Дело в том, что шерсть верблюда — это последнее, что может быть использовано для изготовления войлоков, поскольку она, как и шерсть коз, сарлыков, конский волос, не содержит клейкого слизистого фермента, позволяющего сбить шерсть в плотную массу. Монгольские кочевники валяли войлоки из шерсти овец осенней и летней стрижки и шерсти ягнят, но никак не верблюдов (*Жуковская, 1989. С. 255*). Вероятно, на результате сказалось то, что является достоинством данного метода, а именно крайне малый размер необходимых для анализа образцов. Таким способом мог быть определен не основной вид шерсти,

а лишь небольшая примесь к ней в виде верблюжьего волоса. Кстати, именно в виде небольшой примеси к овечьей шерсти шерсть верблюда была обнаружена и в образцах пазырыкских войлоков (*Полосьмак, Баркова, 2005. С. 35*). Следует отметить также, что на результате исследования могло сказаться и малое количество эталонов шерсти животных, которые были привлечены для сравнения — это овца, лошадь и верблюд (*Куликов и др., 2011. С. 120*), тогда как первые исследователи привлекли более обширный материал — кроме шерсти верблюда это была шерсть «различных пород диких и домашних баранов, овец, коз и буйвола» (*Воскресенский, Кононов, 1932. С. 81*).

Поскольку все аппликации на коврах выполнены из окрашенного тонкого войлока, утверждать, что этот войлок был изготовлен из шерсти верблюда, нельзя, ведь хорошо известно, что верблюжья шерсть не поддается окраске и ценится именно за свои натуральные цвета. Исследователи, зная об этом, предположили, что окрашиваться могла шерсть верблюжонка или могли применяться термическая обработка и другие ухищрения.

Дальнейшие полиполяризационные исследования шерстяных тканей из погребений хунну и материалов из памятников средневековой Руси также показали тотальное присутствие исключительно верблюжьей шерсти во всех образцах. Это нетривиальное открытие авторы объясняют тем, что в силу биологических особенностей из фрагментов шерстяных изделий, обнаруженных при археологических раскопках, остаются только фрагменты из верблюжьей шерсти (*Куликов и др., 2017. С. 263*). Следует ли из этого вывод, что и в эпоху хунну, и в средневековой Руси для изготовления шерстяных тканей все же использовалась овечья шерсть, но изделия из нее не сохранились, так и не выяснено.

Вопреки мнению авторского коллектива о том, что в археологических образцах сохраняется только верблюжья шерсть, многочисленные коллекции шерстяного археологического текстиля (от эпохи бронзы до позднего Средневековья, от Средиземноморья и до Синьцзяна), которые изучались с целью определения видов сырья, были изготовлены главным образом из овечьей шерсти, а также шерсти и других, нередко экзотических, животных (см.: *Руденко, 1953. С. 73; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 33; Desrosiers, 2000. P. 144–148; Stauffer, 2000. S. 10, 11; и др.*). Это не значит, что верблюжья шерсть не использовалась для изготовления текстиля. Разумеется, это прекрасное сырье, которое всегда было востребовано при выработке тканей,

⁴ Безусловно, войлок занимал важное место в материальной культуре хунну, использовался повсеместно и разнообразно в быту рядовых кочевников-скотоводов, чему есть немало археологических свидетельств.

но не войлоков, и оно использовалось не так широко, как более доступная овечья шерсть⁵.

В настоящее время заключение, сделанное в свое время сотрудниками гистологической лаборатории Государственного института опытной агрономии по сравнительным материалам Зоологического музея АН и Государственного Ленинградского зоологического сада о том, что в основе ноин-улинских ковров был войлок, изготовленный из овечьей шерсти, представляется более обоснованным, хотя используемые ими методы традиционны⁶ (*Воскресенский, Кононов, 1932. С. 81*).

К сожалению, ни сам войлок, ни сырье, из которого он был изготовлен, не являются маркерами, указывающими на место его производства и мастеров. В этот период войлочные изделия были известны даже китайцам, которые овец не разводили, войлок считали изделием варварским, тем не менее использовали его в быту для занавесей, драпировок, палаток, циновок, седельных попон, обуви и всякого рода покрывал. Хуань Куань в «Споре о соли и железе» — важнейшем источнике сведений об идеологии, истории и культуре Западной Хань (II–I вв. до н. э.) — пишет: «Ныне богатые употребляют... потники из войлока с разноцветной вышивкой... лица среднего достатка пользуются войлоком из округа Дай» (*Хуань Куань, 2001. С. 86, 90*). Позднее, в эпоху Тан, войлочные сапоги изготавливались уже и в самой Чаньани, алый войлок для нужд китайцев доставлялся из гарнизона в Куче, а белый войлок был обычным изделием внутренней части Ганьсу и китайского Ордоса (*Шефер, 1981. С. 267*).

Возможно, для установления места изготовления ковров более информативными окажутся шелковые и шерстяные ткани, которые были использованы при их создании.

⁵ Известно, что не знавшие овцеводства китайцы в Ганьсу при Тан изготавливали шерстяные ткани из верблюжьей шерсти по технологии, заимствованной у соседних тюркоязычных народностей (*Кравцова, 2004. С. 739*). Большое распространение вплоть до начала XX в. имело ткачество из верблюжьей шерсти у кочевых и полукочевых народов Средней Азии (*Томина, 1989. С. 228–233*). Об использовании верблюжьей шерсти в древнем и этнографическом текстиле см.: *Полосьмак, Баркова, 2005. С. 35*.

⁶ В связи с этим следует отметить, что морфометрический анализ волос был успешно использован для видовой идентификации мехов шубы, обнаруженной в 2006 г. в погребении мужчины в могильнике Олон-Курин-Гол 10, пазырыкская культура, Монголия (*Прасолова и др., 2012*).

Шелк, которым окантованы края большинства обнаруженных ковров, был определенного вида: на коричневом фоне вытканы геометрические фигуры — ромбы. Длинные и узкие куски такой полихромной ткани найдены в 23-м и 6-м курганах (*Лубо-Лесниченко, 1961. С. 32, 33*). Технологическая характеристика двух фрагментов (№ 14514, 14310) из раскопок П. К. Козлова дана в исследовании В. Е. Клейна, В. Н. Хвальковского и И. В. Воронкова (*Клейн и др., 1932. С. 61–72, 75, рис. 33; 39, табл.*). Таким же шелком окантованы ковры из 6-го и 20-го ноин-улинских курганов (рис. 1, 1, 2). Качество ткани дало основание Е. И. Лубо-Лесниченко предполагать, что они изготовлены в одной из известных императорских ткацких мастерских в Лояне, изделия которой шли на нужды двора и подарки (*Лубо-Лесниченко, 1961. С. 34*). На тканях выткан ромбический орнамент, известный с эпохи ранней Хань по одеждам госпожи Дай, захороненной в усыпальнице погребального комплекса Мавандуй I (провинция Хунань). Смысл этого орнамента становится понятным, если обратиться к орнаментации одного из саркофагов, в котором покоилось тело женщины. Крышка ее четвертого гроба была покрыта геометрическим орнаментом в технике расписного лака, который повторялся на шелке ее погребальных одежд (рис. 1, 3, 4). Этот орнамент, по мнению китайских исследователей, имеет символическое значение, связанное с обретением бессмертия (*Кравцова, 2004. С. 217*). (Справедливости ради, следует отметить, что все вышитые и вытканые орнаменты на шелковых ханьских тканях имеют благопожелательную символику.) То, что для отделки войлочных ковров, обнаруженных в погребальных камерах хунну, был использован именно этот вид ткани, а не какой-то иной, говорит о том, что символика орнамента была знакома изготовителям ковров, и это были не хунну.

Покрытие лицевой поверхности ковров

Ковер из Мокрого кургана был покрыт полихромной шелковой тканью с изображениями «облачных лент», фантастических и реальных животных и повторяющегося иероглифа «гуан» (*Лубо-Лесниченко, 1961. С. 43, табл. 36*). Шелковой тканью была покрыта лицевая часть ковра из Кондратьевского кургана (*Там же. С. 46, табл. 38*). Ее орнамент также состоит из облачных лент, изображений животных (тигра, собаки, фантастического зверя), стилизованных деревьев и имеет, как считал Е. И. Лубо-Лесниченко, связь с изображениями на курильницах «бошань», олицетворяющих

Рис. 1. Шелковая окантовка войлочных ковров из ноин-улинских курганов и аналогии вытканному на ней орнаменту: 1 — реконструкция войлочного ковра из 6-го ноин-улинского кургана (Руденко, 1962а. Рис. 48); 2 — фрагменты шелковой ткани — отделка краев ковра из 20-го ноин-улинского кургана (фото из архива автора); 3 — роспись крышки четвертого гроба госпожи Дай, комплекс Мавандуй I, провинция Хунань, КНР (Кравцова, 2004. С. 217); 4 — геометрический орнамент на шелковом одеянии госпожи Дай, комплекс Мавандуй I, провинция Хунань, КНР (Кравцова, 2004. С. 217)

Fig. 1. Silk edging of felt carpets from the Noin-Ula barrows and analogies of the ornament woven on it: 1 — reconstruction of a felt carpet from the 6th Noin-Ula barrow (Руденко, 1962а. Рис. 48); 2 — fragments of silk fabric — finishing of the edges of the carpet from the 20th Noin-Ula barrow (photo from the author's archive); 3 — painting of the lid of the fourth coffin of Lady Dai, Mawangdui I complex, Hunan Province, the People's Republic of China (Кравцова, 2004. С. 217); 4 — geometric ornament on the silk garment of Lady Dai, Mawangdui I complex, Hunan province, the People's Republic of China (Кравцова, 2004. С. 217)

«острова бессмертных» (Там же. С. 47). Обе искусно выполненные ткани с благожелательной символикой изготовлены, по заключению Евгения Иосифовича, в императорских мастерских.

Другие известные ковры были крыты с лицевой части шерстяными тканями. Ткань покрытия ковра из 6-го ноин-улинского кургана была подробно исследована еще в 1930-е гг. (Воскресенский, Кононов, 1932. С. 81–91), а ковра из 20-го ноин-улинского кургана была изучена Т. Н. Глушковой (Глушкова, Полосьмак, 2012. С. 153). По своим технологическим характеристикам обе ткани имеют прямые аналоги в шерстяном текстиле Пальмиры, происходящем из погребальных башен, где были похоронены представители знати. Технологические особенности ткани заключаются в том, что число основных нитей меньше, чем уточных, так что основу практически невозможно рассмотреть. Этот способ тканья известен по хорошо изученным пальмирским материалам как уточно-настилочное полотняное переплетение, с помощью которого можно изготовить особо прочные ткани (Stauffer, 2000. S. 19).

В большей степени о происхождении этих тканей свидетельствуют результаты определения красящих веществ, которые получены в лаборатории физических методов исследования новосибирского Института органической химии им. Н. Н. Ворожцова СО РАН⁷. Удалось установить,

⁷ Использованный комплекс методов описан в книге: Полосьмак и др., 2006. С. 262.

что основным красящим веществом шерстяной ткани покрытия ковра из 20-го ноин-улинского кургана является лак-дей, а нитей шнура — главным образом кермес и кармин. Природным источником идентифицированных красящих веществ являются насекомые — красящие червецы (кокциды). Источник лаккаиновых кислот — лаковые червецы рода *Kerria*. Лаковые червецы обитают в Южной и Восточной Азии, краску из них производили с древнейших времен. Наиболее вероятным источником карминовой кислоты (кармина или карминного лака) могут быть красильные червецы рода *Phorphyrophora*. Большинство червцов этого рода обитают в Средней Азии, Закавказье и Средиземноморье. Червецы рода *Phorphyrophora* в своем теле продуцируют главным образом карминовую кислоту и в меньшей степени кермесовую кислоту. Основным источником кермесовой кислоты (кермеса или кермесового лака) является только один вид червцов рода *Kermes* — *K. Vermilio Planchon*, питающийся на определенном виде дуба Средиземноморья. Красители растительного происхождения — ализарин и пурпурин, источниками которых является марена (*Rubia*), также использовались для окраски ткани ковра, но в значительно меньшей степени по сравнению с красителями животного происхождения.

Особенности окрашивания шерстяных тканей, обнаруженных в ноин-улинских курганах, могут стать свидетельством их происхождения. Наиболее близкие способы окрашивания с использованием лаковых червцов рода *Kerria*, красильных червцов рода *Phorphyrophora* и рода *Kermes* — *K. Vermilio Planchon* — были применены на древних шерстяных тканях из Пальмиры — одного из важнейших городов Парфянского государства, расположенного на территории современной Сирии. Этим набором красителей были окрашены изделия, принадлежащие самым состоятельным слоям общества (Bohmer, Karadag, 2000. P. 87).

Очевидно, что для изготовления ковров были использованы ткани самого высокого качества, происходящие из разных концов Ойкумены — шелка из императорских ханьских мастерских и шерстяные ткани сирийского производства, аналоги которым есть в гробницах пальмирской знати. Эти драгоценные ткани служили только фоном для затейливого спирального орнамента, которым была покрыта центральная часть ковров (рис. 1, 1). В этом орнаменте, видимо, и заключался основной смысл всей композиции. «Орнамент философичнее других ветвей изобразительно-го искусства, ибо он изображает не отдельные

вещи и не частные их соотношения, а облакает наглядностью некие *мировые формулы бытия*» (Флоренский, 1993. С. 134). Символика спирали настолько многогранна и сложна, что вряд ли мы сможем точно определить, какие смысл и значение вкладывали в этот орнамент мастера, изготавливавшие ноин-улинские ковры. В русле китайской художественной традиции спираль — это «вечно вьющаяся нить» Пути (выражение Лао-цзы), которая не обрывается. Если говорить точнее, спиралевидные линии в китайской графике обозначали момент «свертывания» (чжэ дэ) или ухода в глубину (Малявин, 2000. С. 484); спирали с точкой в центре присутствуют в росписи популярных лаковых чашечек эр-бэй, они символизируют водоворот — сжимающуюся спираль (рис. 2, 2); на изображении периода Восточной Хань спираль (узор грома) становится колесом в фантастической колеснице, влекомой драконами (рис. 2, 1); спиральный раппорт, «растекающийся, заполняющий собой все новое и новое пространство, но содержащий тоже постоянное напоминание о кругообразном возвращении», несет в себе идею вечной смены и вечного родства бытия и небытия (Лаевская, 1997. С. 93). Орнамент на коврах — это не только спираль, но и лабиринт — многотрудный путь в неведомое. В китайском фольклоре кругу, петле, узлу, различного рода орнаментам из прихотливо изогнутых линий, а особенно завиткам «облачного узора» приписывались магические свойства (Малявин, 2000. С. 484). А чем, как не завитками облачного узора, являются линии соединения спиралей на коврах?

Центральное поле ковра оконтурено орнаментальной полосой в китайском стиле (рис. 1, 1; 3, 1, 2). Это обрамление состоит из вырезанных из тончайшего цветного войлока (по сути фетра) чередующихся изображений топоров, крестов, узора «фу», которые представляют собой некоторые из двенадцати символов Праведного Пути, украшавших парадные одежды китайских императоров и многие ритуальные предметы (Малявин, 2000. С. 497) (рис. 3, 3а, 3б, 3в). Их появление на коврах неслучайно — они были помещены туда теми, кто знал их значение. Важность этого «орнамента» подчеркивается и тем, что, например, ковер из 22-го кургана при всем соответствии общей композиции, принятой при создании этих изделий, не имел второго бордюра со сценами терзания, но заканчивался китайскими символами (рис. 3, 2).

Следующий бордюр на большинстве ковров состоит из чередующихся сцен «терзания» или

Рис. 2. Спиральные орнаменты в культуре Китая эпохи Хань: 1 — изображение колесницы, влекомой тремя драконами, с колесами в виде спирали, Сычуаньский музей, г. Чаньду, КНР (прорисовка Е. Шумаковой с фотографии автора); 2 — фрагмент лаковой чашечки из 31-го ноин-улинского кургана (фото из архива автора)

Fig. 2. Spiral ornament in Chinese culture of the Han era: 1 — depiction of a chariot pulled by three dragons with spiral wheels, the Sichuan Museum, Chengdu, the People's Republic of China (drawing by E. Shumakova from the author's photo); 2 — fragment of a lacquer cup from the 31st Noin-Ula barrow (photo from the author's archive)

схватки реальных зверей (лосей и яков) с фантастическими персонажами — грифонами и кошачьего вида хищниками. Каждая такая сцена отделена от другой изображением дерева. Сцены «терзания» послужили поводом первым интерпретаторам этих изделий считать ковры хуннскими, поскольку и образы, и сюжеты — всего лишь повторение скифского стиля, и аналогии им имеются как в металлических изделиях, так и в аппликациях на пазырыкских войлоках.

При детальном рассмотрении оказывается, что аппликации на ноин-улинских коврах сделаны в своеобразной технике, имеющей мало общего с тем, что мы знаем о пазырыкских апплицированных изделиях (Головчинер, 1932). Эта техника отличается от пазырыкской присутствием кожного трафарета-подложки, мелкими, отдельно пришиваемыми деталями и тончайшей сплошной вышивкой всех аппликаций. Искусства вышивки и аппликаций — древнейшие и одни из самых

Рис. 3. Фрагменты войлочных ковров из ноин-улинских курганов: 1 — прорисовка фрагмента ковра из 6-го ноин-улинского кургана (Куликова и др., 2011. С. 1 обложки); 2 — фрагмент ковра из 22-го ноин-улинского кургана (фото из архива автора); 3а-3в — символы Праведного Пути, украшавшие одежду китайских императоров (Сычев Л., Сычев В., 1975. Табл. I—III)

Fig. 3. Fragments of felt carpets from Noin-Ula barrows: 1 — drawing of a fragment of a carpet from the 6th Noin-Ula barrow (Куликова и др., 2011. С. 1 of the cover); 2 — fragment of a carpet from the 22nd Noin-Ula barrow (photo from the author's archive); 3a-3b — symbols of the Righteous Path on the clothes of Chinese emperors (Сычев Л., Сычев В., 1975. Табл. I—III)

оригинальных в Китае (Малявин, 2000. С. 496; Цзя Чжоу, 2022), и потому необязательно связывать аппликации на ноин-улинских коврах с пазырыкской традицией.

Что же касается самих сцен «терзания», то первая пара — олень и терзающий его грифон — вполне узнаваема, это калька с известной сцены, неоднократно приведенной в публикациях разных авторов (например: Руденко, 1962а. С. 79, 80). Вторая пара появляется впервые. Это як и фантастический кошачий хищник, изображенные в момент схватки. Хотя хищник вцепился в загривок яка и прижал его голову к земле, як не выглядит сдавшейся жертвой — его пышный хвост задран вверх — так обычно делает животное в агрессивном состоянии, в момент нападения и борьбы. Хищник — оригинальное существо со странной мордой: верхняя челюсть животного сильно выдается вперед, напоминая хобот (рис. 3, 1). «Скифский» вид хищнику придает череда ушастых

«Археологические вести» 43, 2024 || 59

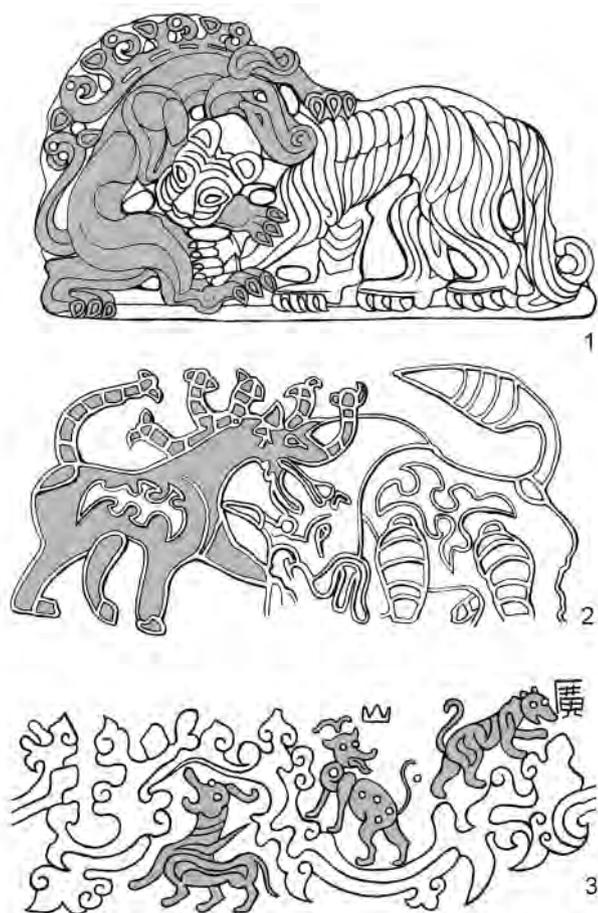

Рис. 4. Фантастический зверь в сценах терзания: 1 — бронзовая бляха с изображением схватки фантастического зверя с тигром (Руденко, 1962б. Табл. VI, рис. 4); 2 — прорисовка аппликации с изображением сцены схватки фантастического хищника с яком, 6-й ноин-улинский курган (Куликова и др., 2011. С. 1 обложки); 3 — прорисовка изображений, вытканых на шелковой ткани из 20-го ноин-улинского кургана (выполнена Е. Шумаковой по фото из архива автора)

Fig. 4. Fantastic beast in torment scenes: 1 — bronze plaque depicting the fight of a fantastic beast with a tiger (Руденко, 1962б. Табл. VI, рис. 4); 2 — drawing of an applique depicting the scene of the fight of a fantastic predator with a yak, 6th Noin-Ula barrow (Куликова и др., 2011. С. 1 of the cover); 3 — drawing of images woven on a silk fabric from the 20th Noin-Ula barrow (made by E. Shumakova from a photo from the author's archive)

грифонов на загривке и кончике хвоста, зверь напоминает фантастических «гривастых» хищников с бронзовых блях со сценами «терзания» (рис. 4, 1). Вероятно, этот пышный «грифоний» загривок и стал поводом для того, чтобы назвать это существо, изображенное на ноин-улинском ковре, рогатым львом (Руденко, 1962а. С. 80). Если рассмотреть одну из популярных разновидностей шелковой ткани эпохи Хань, обнаруженной в нескольких ноин-улинских курганах, то можно заметить, что все вытканые на ней звери — тигр, дракон и некий тяньлу (он же тяоба и фуба)⁸ — имеют вытянутую длинную верхнюю челюсть (см., например: Лубо-Лесниченко, 1961. С. 43, 44) (рис. 4, 3), чем очень напоминают хищного зверя, изображенного в технике аппликации на ноин-улинских коврах. Надо полагать, что этот зверь — «собранный» фантастический образ, и он далек от какого бы то ни было реального прототипа.

Что касается яка, то его изображения впервые появляются в конце I тыс. до н. э. в искусстве центральноазиатских кочевников, в том числе хунну, и исчезают уже в начале I в. н. э. (Килуновская, Леус, 2022. С. 235, 240). Як везде предстывает с характерными чертами реального животного (рис. 5, 1–4). Вопрос о том, были ли яки в составе стада хунну, остается открытым: костей и шерсти яка на памятниках хунну до сих пор не обнаружено, кроме одной кости на Иволгинском городище (Руденко, 1962а. С. 24). Вопрос о том, откуда его образ появился в культуре хунну, на мой взгляд, решается однозначно — от цянов, предков тибетцев⁹. В Ганьсу, где хунну жили рядом с древними тибетцами, обитавшими в долинах рек Хуанхэ и Хуан (Huang), яки были одним из самых распространенных видов животных. Еще во время своего Первого путешествия в Центральную Азию в 1870–1873 гг. Н. М. Пржевальский встречал в горах Ганьсу стада диких яков, которые остались в его памяти как великолепные животные, поражающие своей громадностью и красотой (Пржевальский, 2008. С. 177, 192). Изображения яков встречаются среди петроглифов Ганьсу (Кудинова, 2021), особенно многочисленны его изображения в петроглифах Верхнего Тибета (например: рис. 5, 7, 8). Они составляют до 40 % от всех

⁸ Это фантастическое животное с рогами, длинным носом или рогом.

⁹ У Хуань Куань читаем: «Варвары ху на западе подчинили себе такие государства, как Давань и Канцзюй, на юге вошли в сношения со множеством племен цян» (Хуань Куань, 2001. С. 145).

зооморфных наскальных изображений и встречаются примерно на 90 % местонахождений. Как считают исследователи, как может служить символом наскального искусства Тибета (*Bruneau, Bellezza*, 2013. Р. 60–64).

Существенным отличием образов животных в сценах терзания на ноин-улинских коврах от их скифских прототипов является изменение знаков, которые помещены на туловища зверей. Вместо принятых в пазырыкском искусстве так называемых скобок с точкой, запятых, S-образных фигур, двойных и тройных завитков, а также квадрата и треугольника с вогнутыми сторонами (*Руденко*, 1960. С. 306–308), которые «прочитываются» только в негативе изображений (*Переводчикова*, 1994. С. 121), появляются совсем иные фигуры, которые являются самостоятельным элементом — аппликацией (рис. 6, 1–5). Знаки на телах животных, помещенных на ноин-улинских коврах, могут быть обрезками войлока, оставшимися при вырезании аппликаций, таких как, например, на подошве обуви из 6-го ноин-улинского кургана (рис. 6, 7). Расположены эти знаки по центру туловища животных, тогда как знаки, моделирующие поверхность тела на изображениях зверей на пазырыкских войлоках, коже и деревянных изделиях, были помещены на лопатки и бедра, а скобками с четкими контурами выделялись ребра. Затейливые знаки, пришитые на тела ноин-улинских зверей, напоминают все те же облачные ленты (рис. 6, 6) — распространенный орнамент эпохи Хань, обладающий благожелательной символикой¹⁰.

Появление изображения дерева в искусстве кочевников, так же как и в искусстве Хань, связано с влиянием древних переднеазиатских цивилизаций (см.: *Psarras*, 2019. Р. 37–42), у которых мировое древо — один из основополагающих символов культуры (рис. 7). Деревья на коврах выглядят достаточно оригинально — это отходящие от ствола несколько переплетающихся ветвей, каждая из которых заканчивается круглым изображением плода (рис. 7, 3, 5). Круглые плоды имеют красную окраску, отличную от ветвей и ствола деревьев. На золотой пластине-диадеме,

¹⁰ «Для орнаментальной трактовки облака характерна стилизация его изображений — через контурные очертания — под изображения цветов, волшебных растений (коричное дерево, гриб чжи), птиц и даже животных» (*Кравцова*, 2004. С. 372). На некоторых изображениях на телах зверей на ноин-улинских коврах можно разглядеть очертания грибов чжи.

опубликованной в каталоге выставки «Чистое золото» (*Pure gold*) (Иерусалим, Израиль), где были представлены археологические предметы из частных коллекций, — сцены терзания быков львами соседствуют с изображениями деревьев, ветви одного из них оканчиваются плодами граната (*Boardman*, 2012. Р. 172, 173), и это одна из ближайших аналогий аппликациям на коврах (рис. 7, 1)¹¹. Надо отметить, что и многочисленные ханьские изображения деревьев, связанные с мифом о Стрелке, имеют сходство с аппликациями (рис. 7, 2). В китайской мифологии есть миф о Солярном дереве, на ветвях которого отдыхают после завершения своего дневного пути многочисленные солнца в виде цветов или плодов (*Кравцова*, 2004. С. 324). Надо заметить, что есть примеры, когда и так достаточно схематичное изображение дерева на ковре становится оригинальным знаком, возможно, меткой мастера (рис. 7, 4). Детально исследовавшие ковер из 6-го ноин-улинского кургана А. А. Воскресенский и В. Н. Кононов предположили, что в его изготовлении участвовало несколько человек и отдельные части ковра сделаны разными мастерами (*Головчинер*, 1932. С. 98).

Рассматривая сцены «терзания» и изображение дерева на коврах, С. И. Руденко писал, что вряд ли можно сомневаться в том, что эти сюжеты и образы проникли в Южную Сибирь и на Алтай из Передней Азии. «Там они подверглись переработке в стиле, присущем евразийским коневодческим племенам, и дальнейшие изменения претерпели у хуннов» (*Руденко*, 1962а. С. 80). Эта точка зрения нашла продолжение в работе С. С. Миняева, посвященной формированию геометрического стиля в искусстве хунну (*Миняев*, 1995). Идея вклада оседлых культур в культуру кочевников Евразии была развита А. М. Хазановым, который еще в 1984 г. писал о том, что звериный стиль сформировался не без влияния искусства стран с оседлым населением и, возможно, даже с помощью их художников, которые играли активную роль и в его дальнейшей эволюции: «Они не только изготавливали изделия в соответствии со вкусами и традициями кочевых заказчиков; они вводили в звериный стиль новые сюжеты и художественные приемы, которые нередко быстро принимались затем самими кочевниками» (*Хазанов*, 2002. С. 466).

¹¹ Сама пластина не атрибутирована, ее происхождение неизвестно. В каталоге отмечено, что она «может иметь отношение к Марлик, но, вероятнее все же, что она и не столь древняя» (*Boardman*, 2012. Р. 172, 173).

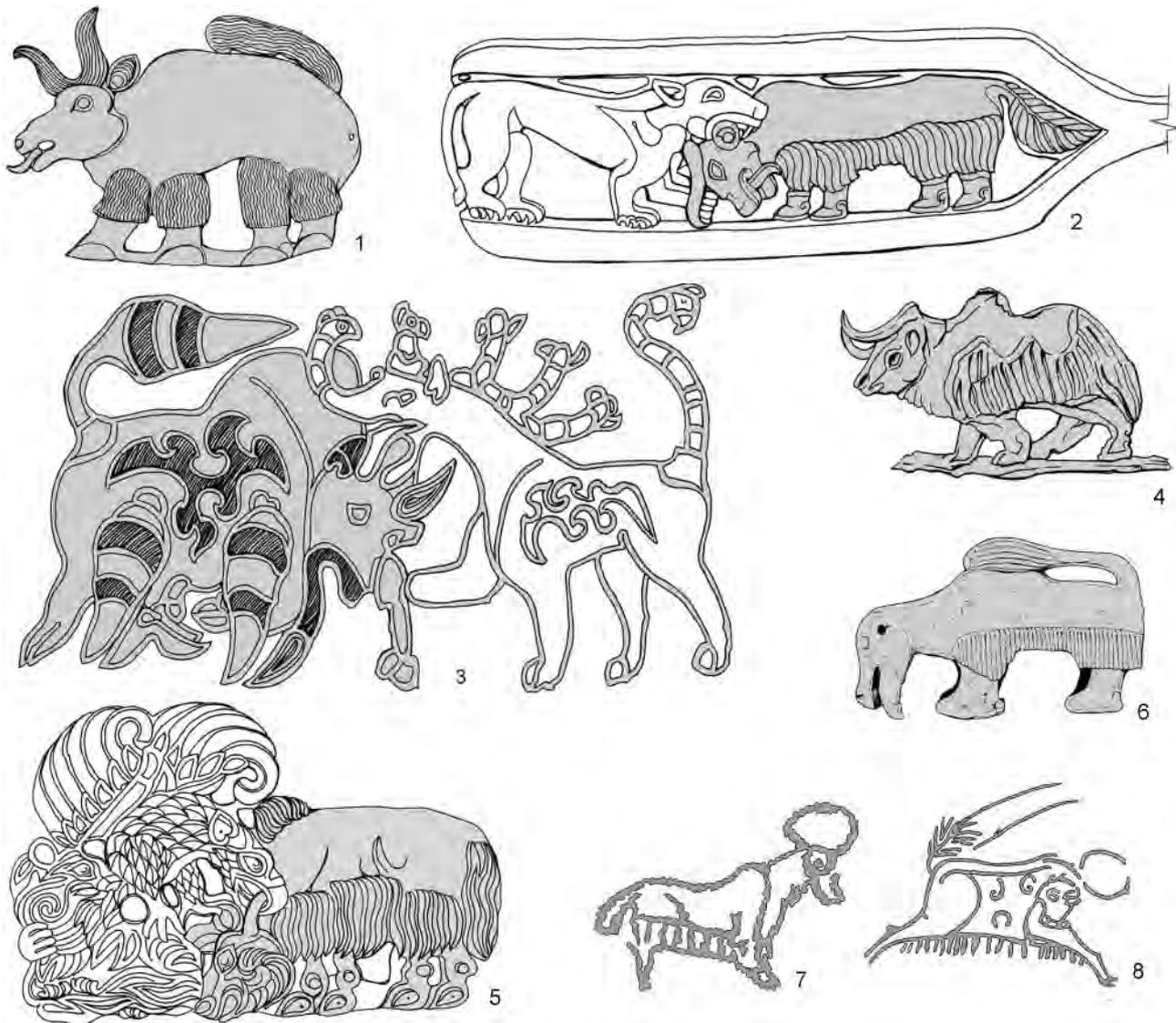

Рис. 5. Изображения яков: 1 — бронзовая бляха из могильника Суглуг-Хем II, сруб 7, Тува (по: Семенов, 2003. С. 77, табл. 60, 1); 2 — прорисовка с фотографии изображения схватки животных на поясной пряжке-крючке, обнаруженной в уезде Хуачу, провинция Цинхай, КНР (фотография сделана автором в музее г. Синин); 3 — прорисовка аппликации со сценой схватки фантастического хищника с яком, Ноин-Ула, 6-й курган (Руденко, 1962а. Табл. XLIII); 4 — прорисовка с золотой бляхи в виде фигурки яка из погребения эпохи Хань на местонахождении Усу, Синьцзян, префектура Таченг, КНР (Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 235); 5 — прорисовка изображения на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962б. Табл. IV, рис. 3); 6 — бронзовая фигурка яка с вытянутой мордой из погребения M14 могильника Мацзяюань, провинция Ганьсу, КНР, дата могильника по ¹⁴C — 350 г. до н. э. (Чжао Учэн, Ма Юйхуа, 2020. Рис. 203); 7, 8 — петроглифы Тибета (7 — Лейдон Зампа, Центральный Ладак, 8 — Яру Зампа, Центральный Ладак) (Bruneau, 2010. II. III, 33, a, b)

Fig. 5. Yak's images: 1 — bronze plaque from Suglug-Khem II burial ground, frame 7, Tuva (Семенов, 2003. С. 77, табл. 60, 1); 2 — drawing from the photo of the image of animal fight on the belt buckle-hook, found in Huachu district, Qinghai province, China (the museum of Xining, photo by the author); 3 — drawing of an application with a scene of a fight between a fantastic predator and a yak, the 6th Noin-Ula barrow (Руденко, 1962а. Табл. XLIII); 4 — drawing from a gold plaque in the form of a yak figure from a Han era burial at the Wusu site, Xinjiang, Tacheng Prefecture, China (Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 235); 5 — drawing of an image on a gold plaque from the Siberian collection of Peter the Great (Руденко, 1962б. Табл. IV, рис. 3); 6 — bronze figurine of a yak with an elongated face from the burial M14 of Majiayuan burial ground, Gansu Province, China, the ¹⁴C date of the burial ground — 350 BC (Чжао Учэн, Ма Юйхуа, 2020. Рис. 203); 7, 8 — petroglyphs of Tibet (7 — Laidon Zampa, Central Ladakh, 8 — Yaru Zampa, Central Ladakh) (Bruneau, 2010. II. III, 33, a, b)

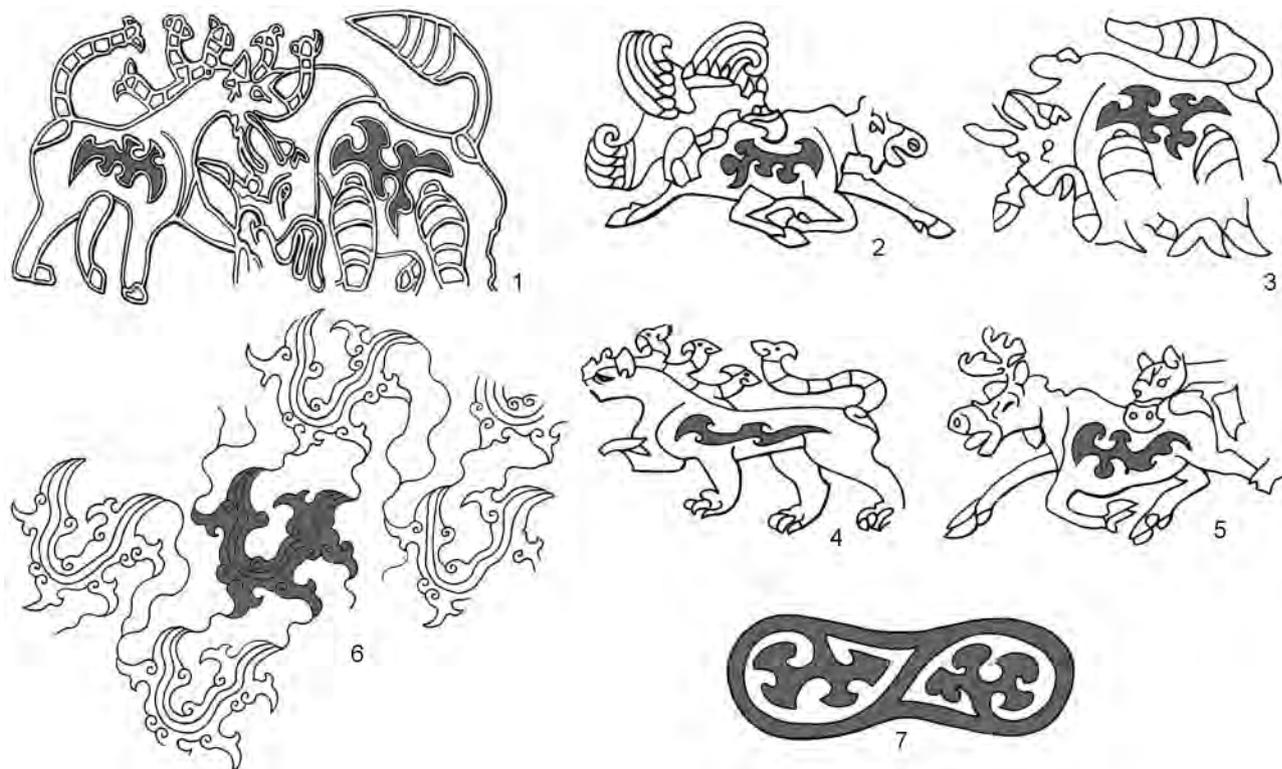

Рис. 6. Декоративные символы на туловищах зверей, войлочные аппликации на коврах из ноин-улинских курганов и их аналогии: 1 — прорисовка аппликации со сценой схватки фантастического хищника с яком, Ноин-Ула, 6-й курган (Руденко, 1962а. Табл. XLIII); 2–5 — прорисовки изображений животных с аппликаций на войлочном ковре из 20-го ноин-улинского кургана (выполнена Е. Шумаковой по фото из архива автора); 6 — прорисовка орнамента «облачная лента» на шелковой ткани из 20-го ноин-улинского кургана (выполнена Е. Шумаковой по фото из архива автора); 7 — прорисовка орнамента на подошве обуви из 6-го ноин-улинского кургана (Руденко, 1962а. Табл. LXX, 1)

Fig. 6. Decorative symbols on animal bodies, felt applications on carpets from Noin-Ula barrows and their analogies: 1 — drawing of an application with a scene of a fight between a fantastic predator and a yak, Noin-Ula, the 6th barrow (Руденко, 1962а. Табл. XLIII); 2–5 — drawing of animal images from applications on a felt carpet from the 20th Noin-Ula barrow (made by E. Shumakova from a photo from the author's archive); 6 — drawing of a “cloud ribbon” ornament on a silk cloth from the 20th Noin-Ula barrow (made by E. Shumakova from a photo from the author's archive); 7 — drawing of the ornament on the shoe sole from the 6th Noin-Ula barrow (Руденко, 1962а. Табл. LXX, 1)

Сцены «терзания», как известно, в эпоху Западной Хань уже стали частью ханьской культуры (см.: Кравцова, 2004. С. 220). Они присутствуют не только на металлических изделиях, но даже в вытканых орнаментах шелковых тканей, например, ткань подушки из захоронения 1 могильника 1 Ния (Синьцзян), на которой изображен хищный зверь, нападающий на козла (Фэн, 2020. С. 192).

Заключение

Рассмотрев используемый в изготовлении ноин-улинских войлочных ковров текстиль, а также украшавшие их символы и изображения, я пришла к выводу о том, что эти изделия являются эксклюзивными образцами «придворного» ис-

кусства, вещами, созданными для хуннской знати. Ковры, застилавшие пол погребальных камер хунну, были сшиты и украшены мастерами, жившими при ставках шаньюев и их приближенных. Только там могли быть в наличии китайские и сирийские ткани, которые использовались для изготовления большинства из этих изделий. Среди тех, кто вырезал и вышивал аппликации, простегивал и собирал многослойные ковры, могли быть и китайские мастерицы, и ухуаньские женщины, известные как искусные вышивальщицы¹².

¹² Хуань Куань отмечал, что у хунну «женщины не выполняют такого труда, как создание прекрасных вышитых узоров и предметов роскоши...» (Хуань Куань, 2001. С. 167).

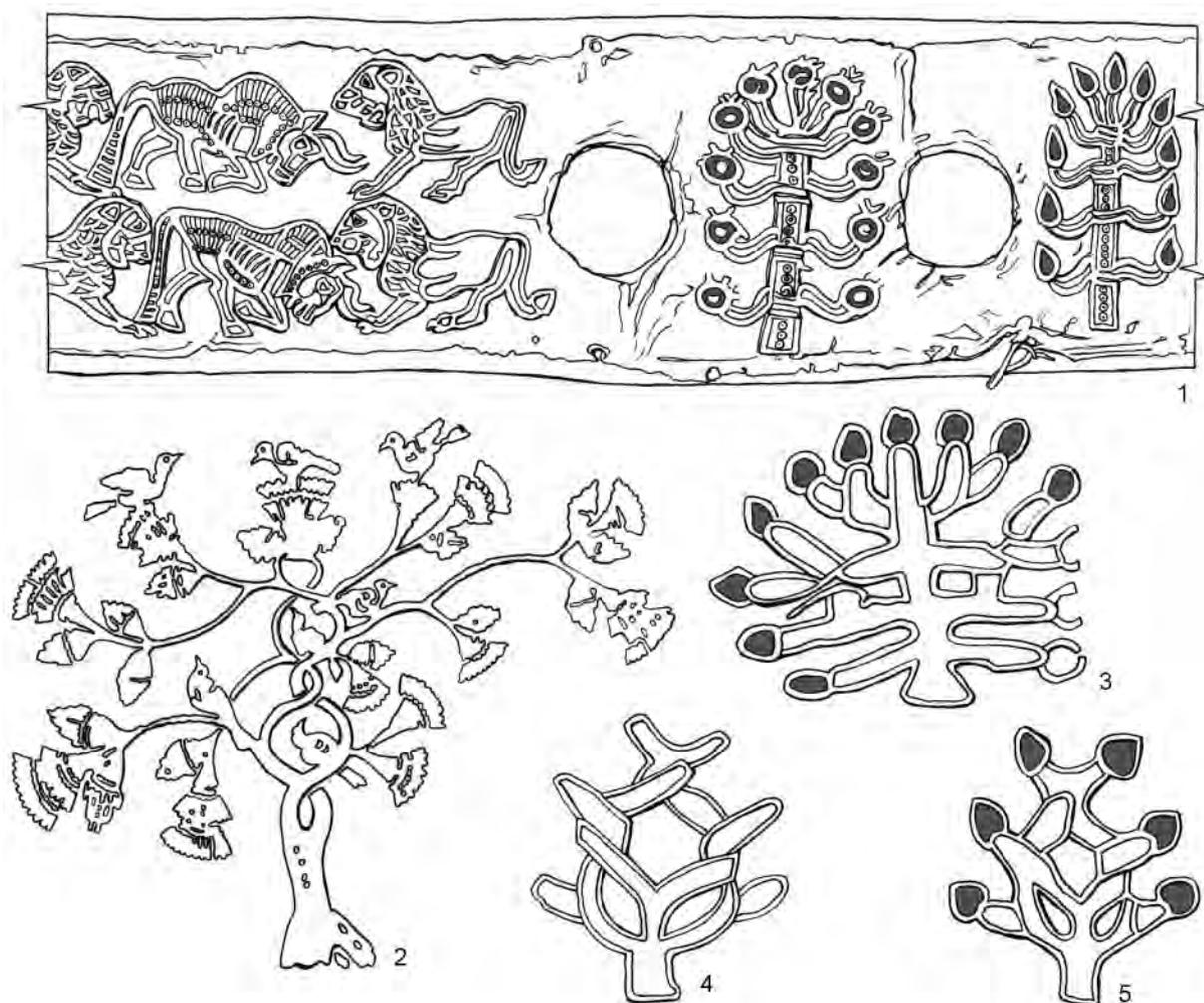

Рис. 7. Изображения деревьев на войлочных коврах из ноин-улинских курганов и их аналогии: 1 — прорисовка с золотой пластины из коллекции музея Иерусалима (Boardman, 2012. P. 172, 173); 2 — прорисовка с погребального ханьского рельефа (Кравцова, 2004. С. 428); 3, 5 — прорисовки аппликаций на фрагментах ковра из 6-го ноин-улинского кургана (Елихина, 2012. С. 139); 4 — прорисовка изображения на фрагменте ковра из 6-го ноин-улинского кургана, хранящегося в Национальном музее Монголии

Fig. 7. Images of trees on felt carpets from Noin-Ula barrows and their analogies: 1 — drawing from a gold plate from the collection of the Museum of Jerusalem (Boardman, 2012. P. 172, 173); 2 — drawing from a Han funerary relief (Кравцова, 2004. С. 428); 3, 5 — drawings of applications on fragments of carpet from the 6th Noin-Ula barrow (Елихина, 2012. С. 139); 4 — drawing of an image on a fragment of carpet from the 6th Noin-Ula barrow, stored in the National Museum of Mongolia

Надо полагать, что при изготовлении этих изделий учитывались вкусы заказчиков, но, как мы видим, и культура исполнителей оставила свой след. В результате ковры представляют собой образцы эклектики — в них сочетаются разнородные стилевые элементы, взятые из разных культур, и назвать ковры изделиями «хуннского» стиля вряд ли возможно. Эклектика недолговечна и никогда не создает нового стиля. Эклектичность присуща и костюму хуннской знати. Принцип его создания, так же как и создания ковров, был

основан на использовании всего самого лучшего, дорогого, экзотического из того, что тем или иным способом поступало к хунну и было сконцентрировано в руках элиты. Это были шерстяные и шелковые ткани самого высокого качества, готовые изделия, меха, перья экзотических птиц, бусы и мелкие золотые украшения. Мастерицы, которые были при ставках шаньюев, умело сочетая поступавшие из разных частей света материалы и изделия, создавали и варварски красивые костюмы (пестрые от разнообразных вышивок и

комбинирования разноцветных тканей и меха — см.: *Полосьмак*, 2015; 2020), и ковры, которые вошли в научную литературу как «войлочные ковры хунну». Эти ковры, вероятно, имели короткий период бытования — курганы, в которых они обнаружены, были сооружены в течение примерно 30 лет (*Слюсаренко, Мыглан*, 2017). Возможно, их производство в том виде, в котором мы их знаем, было ограничено одной мастерской, обслуживающей тех, кто был похоронен в горах Ноин-Улы. Но мы вправе предположить, что подобные изделия имелись у всей хуннской знати, известной по таким могильникам, как Гол-мод 1 и 2, Царам и другим, в которых предметы из органических

материалов не сохранились. Войлочные ковры в могильниках хуннской элиты могли иметь другие изображения, отличные от тех, что известны по ноин-улинским погребениям.

Содержимое могил хуннской элиты имеет мало общего с тем, что находят в рядовых захоронениях хунну. В могилах знати были сконцентрированы импортные предметы, произведенные в разных концах света. Помимо выполнения утилитарных и престижных функций эти вещи являлись источниками вдохновения и «цитирования» для мастеров, работавших «на заказ» при ставках шаньюя и других высокопоставленных хунну.

- Богданов*, 2011 — *Богданов Е. С.* Еще раз к вопросу о происхождении ноин-улинских ковров // *Маргулановские чтения 2011: Материалы междунар. археол. конф.* / Гл. ред. М. К. Хабдуллина. Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2011. С. 42–46.
- Воскресенский, Кононов*, 1932 — *Воскресенский А. А., Кононов В. Н.* Химико-технологический анализ ковра № 14568 // *Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула*. Ч. 1: Ткани / Ред. А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов. Л.: ОГИЗ, 1932 (Известия ГАИМК; Т. XI, вып. 7–9). С. 76–91.
- Глушкова, Полосьмак*, 2012 — *Глушкова Т. Н., Полосьмак Н. В.* Технологическая характеристика ковров из Ноин-Улы // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Батор, 2012. Т. 1, вып. 3. С. 153–157.
- Головчинер*, 1932 — *Головчинер В.* Исследование ковра со стороны техники обработки его вышивкой // *Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула*. Ч. 1: Ткани / Ред. А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов. Л.: ОГИЗ, 1932 (Известия ГАИМК; Т. XI, вып. 7–9). С. 96–98.
- Елихина*, 2012 — *Елихина Ю. И.* Коллекция находок из могильников Ноин-Улы // *Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки*. СПб.: Славия, 2012. С. 132–144.
- Жуковская*, 1989 — *Жуковская Н. Л.* Монголы // *Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл* / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Наука, 1989. С. 233–261.
- Килуновская, Леус*, 2022 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Изображение яка в искусстве хунну // *АВ*. 2022. Вып. 34. С. 235–241.
- Клейн и др.*, 1932 — *Клейн В. К., Хвальковский В. Н., Воронков И. В.* Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова // *Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула*. Ч. 1: Ткани / Ред. А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов. Л.: ОГИЗ, 1932 (Известия ГАИМК; Т. XI, вып. 7–9). С. 11–75.
- Кравцова*, 2004 — *Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб.: Лань; ТРИАДА, 2004 (Мир культуры, истории и философии). 960 с.
- Кудинова*, 2021 — *Кудинова М. А.* Обзор памятников наскального искусства провинции Ганьсу, Китай // *Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 23–36.
- Куликов и др.*, 2011 — *Куликова В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С.* Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации // *АВ*. 2011. Вып. 17. С. 119–121.
- Куликов и др.*, 2012 — *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С.* Опыт исследования тканей из могильника Ноин-Ула методом полиполяризации // *Российский археологический ежегодник*. СПб., 2012. № 2 / Под ред. Л. Б. Вишняцкого. С. 603–625.
- Куликов и др.*, 2017 — *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С.* О верблюжьей и овечьей шерсти // *АВ*. 2017. Вып. 23. С. 259–265.
- Лаевская*, 1997 — *Лаевская Э. Л.* Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М.: Библиейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 1997. 312 с.
- Лубо-Лесниченко*, 1961 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. 67 с.
- Малявин*, 2000 — *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000. 618 с.
- Миняев*, 1995 — *Миняев С. С.* Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования геометрического стиля в искусстве сюнну // *АВ*. 1995. Вып. 4. С. 123–136.

- Переводчикова, 1994 — *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
- Полосьмак, 2015 — *Полосьмак Н. В.* Вышивки на одежде из двадцатого ноин-улинского кургана // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Ред. В. А. Алёшкин, В. П. Никоноров. СПб.: Контраст, 2015 (ЗВОРАО, Новая серия; Т. III [XXVIII]). Тр. ИИМК РАН; Т. XLV). С. 475–487.
- Полосьмак, 2020 — *Полосьмак Н. В.* Вещи из гардероба хунну (по находкам в Ноин-улинских курганах) // Археологія і давня історія України. Київ, 2020. Вып. 3 (36). С. 431–444.
- Полосьмак, Баркова, 2005 — *Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
- Полосьмак и др., 2006 — *Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Балакина Г. Г., Маматюк В. И., Васильев В. Г., Карпова Е. В. и др.* Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 264 с.
- Прасолова и др., 2012 — *Прасолова Л. А., Потапов М. А., Евсиков В. И.* Видовая идентификация мехов на основе морфометрического анализа // *Молодин В. И., Парцингер Г., Цзвээндорж Д.* Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. С. 559–569.
- Пржевальский, 2008 — *Пржевальский Н. М.* Путешествия в Центральной Азии. М.: ЭКСМО, 2008. 512 с.
- Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 404 с.
- Руденко, 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Руденко, 1962а — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Руденко, 1962б — *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Наука, 1962 (САИ; Вып. ДЗ-9). 52 с.
- Семенов, 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (*Archaeologica petropolitana*; Vol. XV. Труды ИИМК РАН; Вып. IX). 240 с.
- Слюсаренко, Мыглан, 2017 — *Слюсаренко И. Ю., Мыглан В. С.* Дендрохронологический анализ погребальных конструкций из курганов хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 298–305.
- Сутягина, 2021 — *Сутягина Н. А.* Ноин-улинские курганы. Реконструкция, типология и истоки формирования погребального обряда: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2021. Т. 1, 2 // РГБ. Шифр OD 61 22-7/14.
- Сычев Л., Сычев В., 1975 — *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве. М.: ИВ АН СССР, 1975. 172 с.
- Томина, 1989 — *Томина Т. Н.* Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Н. П. Лобачева, М. В. Сазонова. М.: Наука, 1989. С. 228–253.
- Флоренский, 1993 — *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.
- Фэн, 2020 — *Фэн Ч.* Шелк Шелкового пути: происхождение, распространение, взаимообмен / Пер. с кит. В. Букиной, М. Гусевой; науч. ред. М. Л. Меньшикова. М.: Шанс, 2020. 247 с.
- Хазанов, 2002 — *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. 3-е изд., доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Хуань Куань, 2001 — *Хуань Куань.* Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с кит., введение, коммент. и прил. Ю. Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001. Т. II. 831 с.
- Цзя Чжоу, 2022 — *Цзя Чжоу.* Бумажные вырезки / Пер. с кит. Р. В. Замиловой. М.: Шанс, 2022 (Самое прекрасное в Китае). 119 с.
- Чжао Учэн, Ма Юйхуа, 2020 — *Чжао Учэн, Ма Юйхуа.* Чжаньго жунжэнь цхао чэ (Колесницы, изготовленные жунами эпохи Чжаньго). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2020. 242 с. (на кит. яз.).
- Шеффер, 1981 — *Шеффер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Предисл. Л. Н. Меньшикова. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Эрэгээн, 2022 — *Эрэгээн Г.* Своеобразие звериного стиля в искусстве хунну // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток, 2022. № 2. С. 12–36.
- Юсупова, 2011 — *Юсупова Т. И.* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цзвээндорж Д.* Двадцатый Ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–47.
- Boardman, 2012 — *Boardman J.* Pure Gold: Catalogue the Special Exhibition at the Bible Lands Museum, Jerusalem, June 2012. Jerusalem: Rubin Mass, 2012. 242 p.
- Bohmer, Karadag, 2000 — *Bohmer H., Karadag R.* Farbanalytische Untersuchungen // *Schmidt-Colinet A., Stauffer A., Khaled Al-As Ad.* Die Textilien aus Palmyra. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2000. S. 83–87.
- Bruneau, 2010 — *Bruneau L.* Le Ladakh (état de Jammu et Cachemire, Inde) de l'Âge du Bronze à l'introduction

- du Bouddhisme: une étude de l'art rupestre // Répertoire des pétroglyphes du Ladakh. T. 4. Paris: Université Paris I-Panthéon-Sorbonne, 2010 (École doctorale d'Archéologie; ED 112. P. 74.
- Desrosiers*, 2000 — *Desrosiers S.* Une culture iextile raffiné // *Keriya mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan.* Paris: Electricité de France, 2000. P. 144–155.
- Kulikov et al.*, 2010 — *Kulikov V. E., Mednikova E. Yu., Elikhina Yu. I., Miniaev S. S.* An experiment in studying the felt carpet from Noyon uul by the method of polypolarization // *The Silk Road.* 2010. Vol. 8. P. 73–78.
- Psarras*, 2019 — *Psarras Sophia-Karin.* Sources of Han Décor: Foreign Influence on the Han Dynasty Chinese Iconography of Paradise (206 BC–AD 220). Oxford: Archaeopress Publishing, 2019. 152 p.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo*, 2008 — *Qi Xiaoshan, Wang Bo.* The Ancient culture in Xinjiang. Along the Silk Road (Continued). Ürümqi: Xinjiang renmin chubanshe, 2008. 303 p. (на англ. яз.).
- Stauffer*, 2000 — *Stauffer A.* Material und Technik // *Schmidt-Colinet A., Stauffer A., Khaled Al-As Ad.* Die Textilien aus Palmyra. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2000. S. 8–32.

The art of matching. Felt carpets from the graves of the Xiongnu aristocracy

N. V. Polosmak¹³

Keywords: Noin-Ula burial mounds, felt carpets, Xiongnu, origin.

Felt carpets from Noin-Ula burials are traditionally considered to be works of Xiongnu applied arts. The undertaken comprehensive interdisciplinary analysis of these products allows us to conclude that they belong to the court art rather than folk art. This art was formed at the stakes of the Chanyu and his entourage with the participation of Chinese craftswomen, who introduced into their design Han Chinese symbols and application techniques close to traditional Chinese paper-cutting (fig. 1–3). These items probably had a short life span — the barrows in which they are found were constructed over a period of about 30 years. Their production may have been limited to a single workshop catering for those buried in the Noin-Ula Mountains, but it is more likely that such items were the property of the entire Xiongnu nobility. Only the stakes of the Xiongnu nobility had sufficient quantities of imported Mediterranean woolen fabrics and precious Han silks, which were used to create three-layered carpets, in which only the base was felted. These carpets are examples of eclecticism, as their design combines traditional Han Chinese symbols and replicas from animal style art (fig. 4; 5).

¹³ Natalya V. Polosmak — Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Russia; e-mail: polosmaknatalia@gmail.com.

Хронологические индикаторы предметного комплекса населения Северного Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак-I)¹

Н. Н. Серегин, С. С. Матренин²

Аннотация. В статье представлены результаты анализа и хронологической интерпретации предметного комплекса из погребений некрополя жужанского времени, исследованного в составе памятника Чобурак-I. На основе заключений о типологии многочисленных изделий, а также с учетом аналогий из памятников Центральной и Северной Азии выделены три группы хронологических индикаторов. Сделан вывод о датировке данного могильника в рамках середины — второй половины IV в. н. э.

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, предметный комплекс, хронология, некрополь.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-68-80

Введение

На сегодняшний день достигнуты значимые результаты в области хронологической интерпретации погребальных комплексов Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. (Panyushkina et al., 2007; Тишкин, 2007. С. 175–179; 2017; Соенов и др., 2005; 2018. С. 159–161, 172; Тишкин и др., 2018. С. 149–154; Серегин и др., 2022. С. 105–114; Seregin et al., 2023; и др.). Имеющийся опыт исследований нашел отражение в создании последовательной периодизации булан-кобинской культуры, включающей три этапа: усть-эдиганский (II в. до н. э. — I в. н. э.), бело-бомский (II — первая половина IV в. н. э.), верх-уймонский (вторая половина IV — первая половина V в. н. э.) (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 160, 161). Накопленный объем данных, связанных с разноплановым изучением доступных опубликованных и невведенных в научный оборот источников, предоставляет возможности для дальнейшей детализации сформированной схемы и уточнения времени

сооружения конкретных некрополей. В рамках этой работы большое значение имеет комплексный анализ материалов полностью раскопанных могильников. В настоящей статье представлены результаты хронологической интерпретации разных категорий сопроводительного инвентаря, обнаруженного в ходе исследования непогребенных погребений некрополя Чобурак-I в Северном Алтае, и предложен опыт выделения индикаторов изделий жужанского периода (вторая половина IV — первая половина V в. н. э.).

Характеристика источников и методов исследования

Погребально-поминальный памятник Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда (рис. 1). В процессе археологических работ на обозначенном комплексе Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь булан-кобинской археологической культуры, состоявший из 12 курганов. Данные объекты содержали непогребенные захоронения, совершенные по нормам обрядности дялянской традиции погребальной практики булан-кобинской культуры. Ее ключевыми элементами являются небольшая каменная насыпь с овальной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005>).

² Н. Н. Серегин, С. С. Матренин — Алтайский государственный университет; Барнаул, Россия; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru, matrenins@mail.ru.

© Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2024

крепидой; неглубокая и узкая яма; положение тела вытянуто на спине с ориентацией головой в западный сектор горизонта с отклонением к северу; сопроводительное захоронение лошади «в ногах» покойного (Серегин, Матренин, 2016. С. 161, 162).

Имеющийся опыт исследований позволяет констатировать, что большинство элементов погребального обряда булан-кобинской культуры в хронологическом отношении являются малоинформативными. Раскопанные объекты эпохи Великого переселения народов наглядно демонстрируют, что нормой обрядовой практики для различных групп населения Алтая со II в. н. э. была ингумация вытянуто на спине в достаточно узких ямах и устройство каменных ящиков из тонких плит, широкое распространение их имитаций в виде отдельно установленных камней, а также захоронений в ямах без внутримогильных конструкций в III–V вв. н. э. (Там же. С. 37, 58).

В погребениях некрополя Чобурак-I обнаружены многочисленные предметы сопроводительного инвентаря, среди которых идентифицированы разнообразные категории вооружения (восемь сложносоставных луков, не менее 80 железных наконечников стрел, шесть боевых ножей, три меча, железная панцирная пластина), снаряжения человека (17 поясных пряжек, не менее 90 поясных блях, три колчанных крюка-застежки, три ременных наконечника, семь «блоков», 11 креплений и застежек, распределитель ремней, восемь деталей плетей), конской амуниции (10 удила, пять псалиев, не менее 12 пряжек от суголовий, 58 уздечных блях, два ременных наконечника, два распределителя ремней, четыре тренчика, две металлические обкладки нагвивника, 13 связанных с поясом креплений-застежек, восемь подпружных пряжек, семь седельных кантов, шесть цурок), а также орудия труда (16 костяных (роговых) наконечников стрел, 12 ножей, четыре шила, два пряслица), предметы быта (железный котел, костяной (роговой) гребень, косметическая щетка) и украшения (пять серег, две большие нашивные пластины, 11 малых нашивных пластин, восемь блях, четыре подвески, наконечник).

Хронологическая интерпретация погребального инвентаря из обозначенного комплекса состояла из нескольких этапов. На первом осуществлялся сравнительный анализ результатов типологии разных категорий предметов с привлечением актуальных аналогий из памятников Центральной и Северной Азии последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э.

Рис. 1. Расположение археологического комплекса Чобурак-I

Fig. 1. Location of the archaeological complex Choburak-I

(в том числе могильников булан-кобинской культуры) для обоснования датировки изделий с установленным начальным периодом бытования на Алтае, а также вещей, пока объективно хронологически не атрибутированных. После этого было проведено ранжирование датированных типов предметов по нескольким хронологическим группам с учетом длительности их использования. Во внимание принималось положение о том, что наиболее точные заключения для установления археологического возраста закрытых комплексов могут дать артефакты, существовавшие на протяжении не более чем двух фаз относительной хронологии (Шаров, 1992. С. 164). Для выведения «узких» археологических дат мы ориентировались на помещение отдельных погребальных объектов в тот интервал времени, «...когда все составляющие комплекса сосуществовали, т. е. между началом бытования самых поздних вещей и концом бытования самых ранних» (Шукин, 1978. С. 29, 30). При обосновании датировки авторы придерживались позиции, что наличие в составе некрополя Чобурак-I небольшого количества объектов, характеризующихся практически «монолитным» обрядом захоронения и достаточно единообразным (хотя и весьма вариabельным в категориальном отношении) сопроводительным инвентарем, определяет целесообразность интерпретации обоснованных хронологических маркеров без привязки их к конкретным

курганам³. Верхняя граница бытования большинства хроноиндикаторов определялась условно концом существования в регионе булан-кобинской археологической культуры.

Важно заметить, что в материалах некрополя Чобурак-I, а также большинства других могильников булан-кобинской культуры, отсутствуют «классические» хронологические маркеры с четко установленной исторической датой начала их изготовления (к таким предметам традиционно относят монеты, китайские зеркала, шелковые ткани, предметы с лаком, «именные» вещи), находки которых демонстрируют *terminus post quem* закрытых археологических комплексов.

Полученные в рамках данного исследования результаты представляются актуальными для хронологической атрибуции археологических памятников Алтая эпохи Великого переселения народов разных регионов в контексте межкультурного взаимодействия кочевых социумов.

Анализ и интерпретация материалов

Анализ результатов типологии разнообразных категорий предметов позволил выделить три группы хронологических индикаторов, имеющих разное значение для определения времени функционирования некрополя булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I. Под ними понимались не только вещи, датируемые с достаточной точностью или имеющие непосредственный выход на абсолютный счет времени, но и те, которые получают дату в ходе корреляционной обработки массового материала (Бажан, Гей, 1992. С. 123). В рамках такой процедурно-методической установки допускается, что перечень хроноиндикаторов может быть достаточно широким, состоящим из нескольких десятков типов предметов. При этом в отдельных случаях некоторые хронологически показательные изделия могут выступать индикаторами синхронизации памятников (Там же. С. 124).

Первая группа хронологических индикаторов представлена наиболее поздними изделиями (рис. 2), имеющими самый короткий период бытования (менее 200 лет) в рамках булан-кобин-

ской культуры и определяющими нижнюю дату рассматриваемого комплекса захоронений.

В составе вооружения к таковым относятся железные однолезвийные мечи без перекрестия и наверхшия из курганов 30, 30а, 38 (рис. 2, 1–3), которые стали частью арсенала воинов Алтая с середины IV в. н. э. (Горбунов, 2006. С. 59, 111). Железные бронебойные трехгранные наконечники стрел с листовидным (рис. 2, 5–7) и килевидным (рис. 2, 9) перьями, а также боевые четырехгранные изделия листовидной формы (рис. 2, 8), часто снабженные кольцевым упором, активно использовались населением региона во второй половине IV — V в. н. э., по-видимому, под влиянием «среднеазиатского» (кенкольского) комплекса вооружения (Там же. С. 40). Данные изделия свидетельствуют о том, что население булан-кобинской культуры было знакомо с передовыми средствами поражения железного защитного доспеха, получившего распространение в центральноазиатском регионе с середины IV в. н. э. в результате влияния позднесяньбийской военной традиции (Горбунов, 2003. С. 90). Сравнительно поздней модификацией выступает ярусный трехгранно-трехлопастной наконечник стрелы с пятиугольной верхней и асимметрично-ромбической нижней частями пера, имеющий кольцевой упор (рис. 2, 4), который можно рассматривать как продукт усовершенствования «булан-кобинцами» изделий хуннской военной традиции в предтюрокское время (Горбунов, 2006. С. 39).

Показательными являются декоративные элементы узды. К данным изделиям относятся присутствовавшие в курганах 31а, 34а, 38 в составе суголовий железные бляхи со вставным шпеньком и массивной шляпкой (конической или полусферической), вмонтированными в корпус четырехугольной в сечении пластины округлой формы (рис. 2, 10–15). Точные аналогии им происходят из погребального комплекса жужанского времени Верх-Уймон в Юго-Западном Алтае (Соенов, 2000. Рис. 10, 1–5). К деталям узды относятся бронзовые бляхи-накладки с полусферическим корпусом округлой формы из кургана 30а (рис. 2, 17–20), часто встречающиеся среди снаряжения кочевников Северного Китая и датируемые IV–V вв. н. э. (Юй Цзюньюй, 1997. Fig. 3, 6; Лю Цзюньси и др., 2006. Рис. 33, 1; 36, 3, 4, 10; и др.), а также известные в материалах булан-кобинских курганов второй половины IV — первой половины V в. н. э. (Матренин, Тишкин, 2016. Рис. 1, А1, Б, В1).

Весьма оригинальными являются железные уздечные бляхи с полусферическим корпусом и

³ В отношении некрополей булан-кобинской культуры с большим количеством раскопанных объектов, имеющих показательные различия в погребальном обряде и планиграфии, более целесообразен подход, предполагающий выведение общей датировки памятников исходя из археологического возраста отдельных могил (Тишкин и др., 2018. С. 148–162; Серегин и др., 2022. С. 106–114).

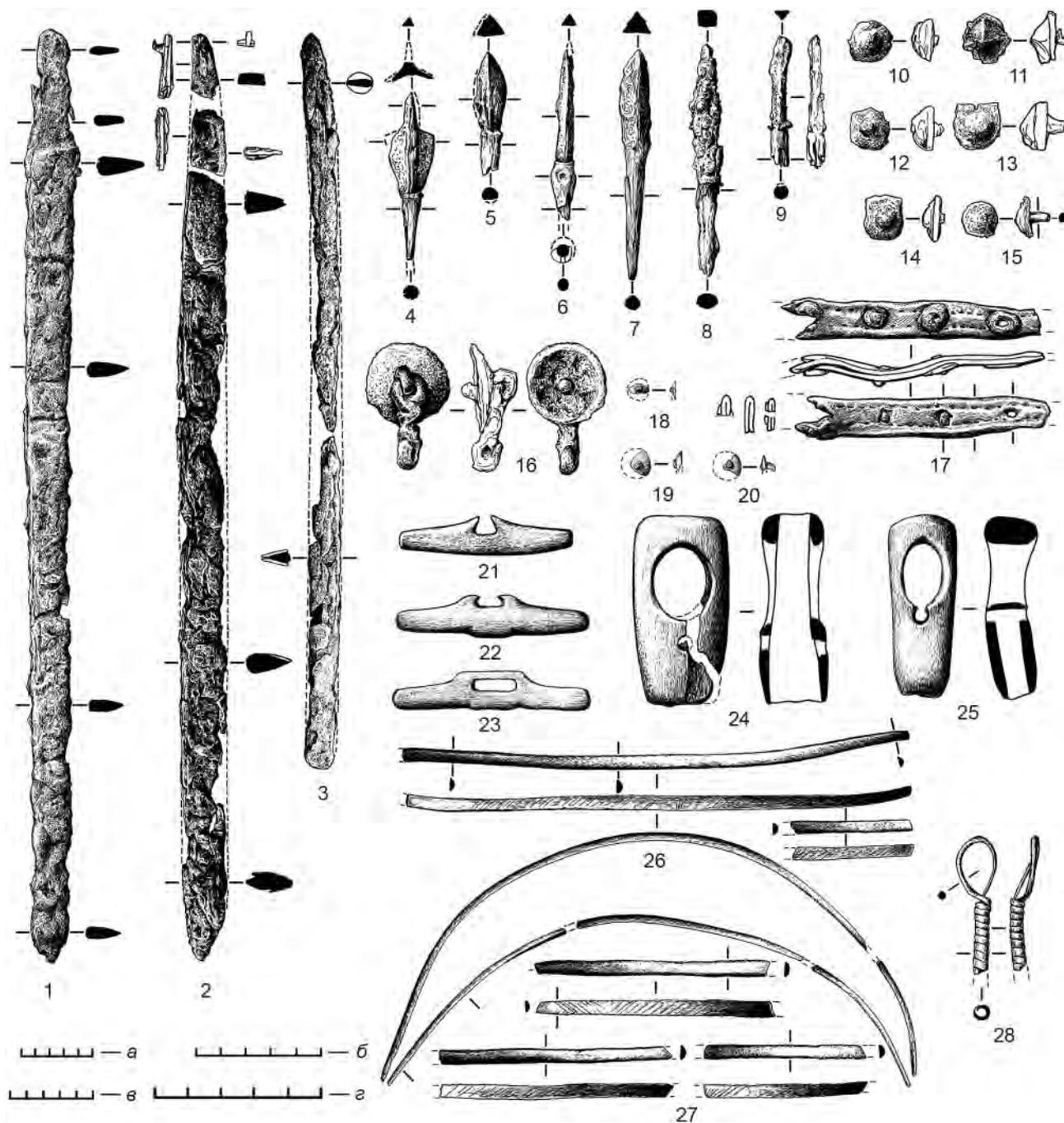

Рис. 2. Первая группа хронологических индикаторов сопроводительного инвентаря из объектов булан-кобинской культуры погребального комплекса Чобурак-I: 1-3 — мечи; 4-9 — наконечники стрел; 10-20 — уздечные бляхи; 21-23 — цурки; 24, 25 — детали плетей; 26, 27 — седельные канты; 28 — серьга. 1-5, 7-16 — железо; 6 — железо, кость (рог); 17 — кожа, цветной металл; 18-20 — цветной металл, железо; 21-27 — кость (рог); 28 — цветной металл. Масштаб: а — для 1-3; б — для 4-25; в — для 26, 27; г — для 28

Fig. 2. The first group of chronological indicators of accompanying inventory from the objects of the Bulan-Koby culture, the burial complex Choburak-I: 1-3 — swords; 4-9 — arrowheads; 10-20 — bridle plaques; 21-23 — tether fasteners; 24, 25 — parts of whips; 26, 27 — saddle edgings; 28 — earring. 1-5, 7-16 — iron; 6 — iron, bone (horn); 17 — leather, non-ferrous metal; 18-20 — non-ferrous metal, iron; 21-27 — bone (horn); 28 — non-ferrous metal. Scale: a — for 1-3; б — for 4-25; в — for 26, 27; г — for 28

подвеской в виде крученой восьмерковидной петли из кургана 33 (рис. 2, 16). Конструктивно близкие изделия, правда, без подвесок, обнаружены на Алтае в ходе раскопок объектов могильника Яломан-II, относящихся ко второй половине IV — первой половине V в. н. э. (Там же. Рис. 3, А-Б; Матренин, 2018. Рис. 1, 43–51). Похожие экземпляры, изготовленные из цветного металла, известны в археологических материалах Северного Китая и Алтайской лесостепи второй половины IV — V в. н. э. (Егоров, 1993. Рис. 1, 8; Юй Цзюньюй, 1997. Fig. 3, 6), а также обнаружены в захоронении V — начала VI в. н. э. в Томском Приобье (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 2, 9; 18, 4).

В наборе предметов, связанных с верховой ездой, заслуживают внимания костяные цурки с несомкнутой (рис. 2, 21, 22) и цельной (рис. 2, 23) прорезями, найденные в курганах 30, 30а, 31. Такие изделия относятся к маркерам снаряжения позднего этапа булан-кобинской культуры (вторая половина IV — V в. н. э.), что подтверждают датированные находки из разных регионов Центральной Азии (Левина, 1996. Рис. 94, 4; Бобров и др., 2003. С. 175, рис. 4; 6, 8, 9; Дашибалов, 2011. С. 26, рис. 58, 7; Матренин, 2018. С. 193, рис. 2, 22–25). Вероятно, застежки от пут из некрополя Чобурак-I отражают поиск наиболее оптимального варианта их оформления, который завершился на Алтае у раннесредневековых тюрок с распространением модификаций с сомкнутой прорезью (Тишкин, Серегин, 2011. Рис. 3, 28–31).

В рамках обозначенной хронологической группы вещей следует указать на присутствие в пяти погребениях (курганы 30а, 32, 32а, 34а, 38) некрополя Чобурак-I костяных (роговых) торцевых окантовок несохранившихся деревянных луков от седел (рис. 2, 26, 27). Данные экземпляры имеют аналогии на Алтае в погребениях второй половины IV — первой половины V в. н. э. из памятников Дялян (курганы 6, 13) и Яломан-II (курган 31) (Серегин и др., 2021. С. 27, 28; Тишкин, Мыльников, 2016. Рис. 69, 3–5).

В комплексе украшений особое значение для определения датировки рассматриваемого памятника имеет металлическая серьга с дужкой в виде сомкнутого овального кольца и выделенным основанием в форме цилиндрической спирали (рис. 2, 28), обнаруженная в кургане 32а. Актуальные аналогии этому декоративному изделию имеются в археологических материалах Верхнего Приобья и Восточного Казахстана второй половины IV — V в. н. э. (Грязнов, 1956. Табл. XLV, 11, 25–27;

Арсланова, 1975. Табл. II, 11), а также в погребальных памятниках позднего этапа булан-кобинской культуры Алтая (Соенов, 2000. Рис. 7, 9; Тетерин, 2005. Рис. 2, 29; Трифанова, Соенов, 2019. С. 57).

С большой долей вероятности к серии предметов второй половины IV — первой половины V в. н. э. относятся найденные в курганах 30а, 31 и 38 костяные (роговые) детали плетей в виде массивных трубочек (рис. 2, 24, 25) (Тетерин, 2016. С. 91, рис. 2, 1; Соенов, 2017. С. 122, рис. 9, 1; Тишкин и др., 2018. Табл. 39, 3, 4).

Важно подчеркнуть, что датировку рассмотренной группы изделий сопроводительного инвентаря из объектов некрополя Чобурак-I временем не ранее середины — второй половины IV в. н. э. подтверждает обнаружение похожих предметов в закрытых комплексах булан-кобинской культуры Алтая (Верх-Уймон, Степушка, Яломан-II), хронология которых была аргументирована результатами радиоуглеродного анализа (Тишкин, 2017. С. 55, 56; Тишкин и др., 2018. С. 149–154; Konstantinov et al., 2018. Tab. 1; и др.).

Вторая группа хронологических индикаторов включает предметы, которые появились раньше вещей первой группы и существовали в течение более длительного периода. В сопроводительном инвентаре из объектов некрополя Чобурак-I они являются самыми многочисленными и, судя по актуальным аналогиям в археологических комплексах Центральной и Северной Азии, датируются периодом не ранее второй половины III — начала IV в. н. э. Данная группа изделий представлена разнообразными железными наконечниками стрел с черешковым насадом: трехлопастными ярусными южносибирской и хуннской традиций с кольцевым упором (рис. 3, 1–5), килевидными с кольцевым и цилиндрическим упором (рис. 3, 6, 9), четырехгранным срезом с четырехугольным пером (рис. 3, 10), асимметрично-ромбическими и шестиугольными с кольцевым упором (рис. 3, 7, 8) (Дьяконова, 1970. Табл. II, 19–22, 24, 31, 32, 35–38, 45, 47; Худяков, 1986. С. 71, рис. 27, 5–11; 1991. С. 56, рис. 26, 13, 22; Кириллов и др., 2000. Рис. 79, 3–7, 9, 12, 13; Бобров, Худяков, 2005. Рис. 3, 38; Горбунов, 2006. С. 28–31, 38, 39, рис. 26, 9, 24; 77; Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 194, рис. 9, 10, 11; Тишкин и др., 2018. С. 55).

В комплексе предметов воинского снаряжения из погребений могильника Чобурак-I показательными являются следующие изделия: железные колчанные крюки-застежки с поперечной планкой на язычке (рис. 3, 11, 12); крепления в виде восьмерковидных цепочек (рис. 3, 13, 19, 20); поясные пряжки с подвижным язычком,

закрепленным на основании восьмерковидной рамки (рис. 3, 16) или на цельной вертлюге в проеме Т-образной рамки (рис. 3, 14); поясные бляхи-зажимы из узких пластин с загнутыми на тыльную сторону верхними и нижними краями (рис. 3, 15); бляхи-накладки вытянутых пропорций из одной прямой или двух накладывающихся друг на друга равновеликих пластин трапециевидной и прямоугольно-овальной формы (рис. 3, 18, 28); «блок» в виде сомкнутой петли со шпеньковым креплением (рис. 3, 17) (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 10, 4; 11, 5; 13, 12; Асеев и др., 1984. Табл. XXI, 24; Матренин, 2017. С. 11–13, 17–25, 38, 50, 66, 76, 83, 84, 89, 90, 94; Тишкин и др., 2018. С. 68, 69, 74, 79, 94, 96, табл. 16, 8; 23, 6–9).

Значительное количество изделий рассматриваемой хронологической группы связано с экипировкой верхового коня. Информативными являются удила с кольчатым соединением звеньев, снабженные кольчатыми псалиями — ложновитыми большого диаметра (рис. 3, 21) и гладкими малого размера (рис. 3, 23). Актуальные аналогии кольчатым псалиям в разных частях Центральной Азии представлены единичными находками из памятников кокэльской культуры Тувы (конец III — IV в. н. э.), таштыкской культуры Среднего Енисея (V–VI вв. н. э.), кенкольской культуры Семиречья (III–IV вв. н. э.) (Вайнштейн, 1970. Рис. 51, 8, 9; Кызласов, 1979. Рис. 82, 1, 2; Заднепровский, 1992. Табл. 31, 9; Вадецкая, 1999. Табл. 137, 2; Тетерин, 2007. Рис. 18, 2). В отношении больших ложновитых псалиев с дополнительными восьмерковидными петлями определенно следует указывать их датировку не ранее IV в. н. э. Наличие у всех железных соединеннокрюковых удил из могильника Чобурак-I восьмерковидных петель для повода (рис. 3, 22) может быть принято в качестве аргумента для определения их археологического возраста не ранее конца III — первой половины IV в. н. э. (Тишкин и др., 2018. С. 112, табл. 30, 5, 7, 9).

В погребениях некрополя Чобурак-I найдены железные уздечные бляхи-накладки прямоугольной (рис. 3, 29) и прямоугольно-овальной (рис. 3, 30) формы, аналогии которым зафиксированы в памятниках Алтая IV–V вв. н. э. (Тетерин, 1995. Рис. 73; Тишкин и др., 2018. С. 114, табл. 31, 6–10; 32, 2–6), а также железные восьмерковидные застежки (крепления) (рис. 3, 27), обнаруживающие подобия в конской амуниции из объектов позднего этапа булан-кобинской культуры (Тетерин, 1995. Рис. 50; Тишкин и др., 2018. Табл. 32, 1). Кроме того, показательными являются уздечные бляхи-пронизи в виде обойм (рис. 3, 31–36),

которые могут иметь общее происхождение с металлическими бляхами-зажимами, встречающимися на Алтае преимущественно в наборных поясах конца IV — V в. н. э. (Бобров и др., 2003. Рис. 15, 27; 16, 37; 17, 3, 4; Матренин, 2017. С. 66, рис. 17, 7–13; Тишкин и др., 2018. Табл. 19, 3–8; 22, 15–22; 29, 2–4).

Из деталей конского снаряжения, характерных для второй половины III — V в. н. э., представлены также: железные уздечные пряжки с подвижным язычком, имеющие трапециевидные и Т-образные рамки и пластинчатые щитки-полуобоймы (рис. 3, 24–26); ременные наконечники язычковидной формы (рис. 3, 37); распределители с подвижными пластинчатыми лопастями (рис. 3, 38, 39); костяные (роговые) подпружные пряжки с подвижным язычком на вертлюге (рис. 3, 40–42) (Соенов, Эбель, 1992. Рис. 34, 5; Матренин, 2017. С. 48, 49, 84, 92; Тишкин и др., 2018. Рис. 109, 6).

В рассматриваемую группу хронологических индикаторов входят и костяные (роговые) наконечники стрел с выступающей втулкой-свистункой бочонковидной формы, имеющие разное сечение и абрис поражающей части: трехгранное и ромбовидное с пятиугольным пером и покатыми плечиками; округлое с пятиугольным пером без плечиков (рис. 3, 44–46). Данные образцы активно использовались «булан-кобинцами» во второй четверти I тыс. н. э. (Матренин, Серегин, 2019. С. 109; Серегин и др., 2020. С. 94, 95). Очевидно, рассматриваемые предметы характеризуются общим происхождением с аналогичными по конструкции изделиями дуroidской (III–IV вв. н. э.) и бурхотуйской (IV–VI вв. н. э.) культур Восточного Забайкалья, а также единичными экземплярами из Монголии (вторая половина III — начало VI в. н. э.) (Худяков, 1991. Рис. 28, 1–3; Ковычев, 2006. Рис. 6, 10; Литвинцев, 2006. Рис. 39, 10; Цэвэндорж и др., 2008. Рис. 79). Верхнюю хронологическую границу их бытования на Алтае маркируют находки из раннетюркского погребения могильника Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 2005. Рис. 25, 6, 7).

В комплексе украшений из памятника Чобурак-I необходимо отметить крючковые серьги с щитком в виде плоской двойной концентрической спирали (рис. 3, 47), которые появились на Алтае под влиянием ювелирных традиций культуры сяньби не ранее середины III в. н. э. (Яремчук, 2005. Рис. 114, 1–3, 5, 9, 10; Ковычев, 2006. Рис. 5, 25–27, 29; Худяков, Юй Су-Хуа, 2006. Рис. 1, 15, 16, 20; 2, 16, 17; Трифанова, Соенов, 2019. С. 29, рис. 3, 12, 16, 24, 31–36; 5, 23, 24).

Рис. 3. Вторая группа хронологических индикаторов сопроводительного инвентаря из объектов булан-кобинской культуры погребального комплекса Чобурак-I: 1–10, 44–46 — наконечники стрел; 11, 12 — колчаные крюки; 13, 17, 19, 20 — крепления; 15, 18 — поясные бляхи; 14, 16 — поясные пряжки; 21–23 — удила, псалии; 24–26 — уздечные пряжки; 27 — застежка от узды; 28–36 — уздечные бляхи; 37 — наконечник ремня; 38, 39 — детали распределителей ремней; 40–42 — подпружные пряжки; 43 — котел; 47 — серьга. 1, 2, 4–39, 43 — железо; 3 — железо, кость (рог); 40–42, 44–46 — кость (рог); 47 — цветной металл. Масштаб: а — для 43; б — для 21–23; в — для 1–20, 24–42, 44–47

Fig. 3. The second group of chronological indicators of accompanying inventory from the objects of the Bulan-Koby culture, the burial complex Choburak-I: 1–10, 44–46 — arrowheads; 11, 12 — quiver hooks; 13, 17, 19, 20 — bindings; 15, 18 — belt plaques; 14, 16 — belt buckles; 21–23 — bridles, bit shanks; 24–26 — bridle buckles; 27 — bridle clasp; 28–36 — bridle plaques; 37 — belt tip; 38, 39 — parts of belt distributors; 40–42 — girth buckles; 43 — cauldron; 47 — earring. 1, 2, 4–39, 43 — iron; 3 — iron, bone (horn); 40–42, 44–46 — bone (horn); 47 — non-ferrous metal. Scale: a — for 43; б — for 21–23; в — for 1–20, 24–42, 44–47

С большой долей вероятности второй четвертью I тыс. н. э. датируется железный круглодонный котел («казан») (рис. 3, 43) из кургана 34а, имеющий близкую аналогию в материалах комплекса Чааты-I (Тува) (Кызласов, 1969. Рис. 21, 9).

Третья группа хронологических индикаторов состоит из предметов, использовавшихся населением булан-кобинской культуры в течение продолжительного времени. Среди них большинство изделий датируются II–V вв. н. э.: сложно-составные луки с семью роговыми (костяными) накладками, в том числе с боковыми срединными пластинами дуговидной формы (рис. 4, 1–14); железные трехлопастные наконечники стрел без упора с асимметрично-ромбическим и ромбическим абрисом (рис. 4, 15, 16); боевые ножи с прямой и наклонной рукоятью без перекрестия и наворачия (рис. 4, 32, 33); панцирная пластина в виде прямоугольника укороченных пропорций с одним овальным краем и семью крепежными отверстиями (рис. 4, 30); поясные пряжки с подвижным язычком, округлой рамкой и пластинчатыми щитками-полуобоймами (рис. 4, 17); поясные бляхи-накладки четырехугольной и прямоугольно-овальной формы малого размера со шпеньковым креплением (рис. 4, 18–21); бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 4, 23–25); ремненные наконечники поясов из монолитной прямой пластины прямоугольно-овальной формы со шпеньками (рис. 4, 22); кольцевые «блоки» (рис. 4, 26–28); колчаный крюк без поперечной планки (рис. 4, 31); бронзовые нашивные пластины на головные уборы (рис. 4, 34, 37); бронзовый наконечник (рис. 4, 43); бронзовая пронизь (рис. 4, 36); железная ромбовидная подвеска (рис. 4, 39); подвески из зубов марала (рис. 4, 29); крупная золотая бляха-нашивка округлой формы с большим сквозным отверстием в центре, орнаментированная точечным узором (рис. 4, 35); бронзовая нашивная пластина (рис. 4, 38); костя-

ные (роговые) черешковые наконечники стрел с трехгранным и многогранным пером листовидной и ромбовидной формы (рис. 4, 44, 45); костяной (роговой) наконечник с зажимным насадом (рис. 4, 46) (Кубарев и др., 1990. Рис. 46, 4, 5; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 44; Бобров и др., 2003. Рис. 6, 29–31; 7, 3–5, 7, 11, 12, 17, 19, 32, 33; 11, 25–27; 13, 12, 13; 17, 12; Горбунов, 2003. С. 44; 2006. С. 29, 30, 38, 39; Худяков, 2014. Рис. 4, 5; 6, 21, 30; 7, 2; Матренин, 2017. С. 15, 16, 31, 45–47, 62, 72, 84, 87, 88, 90, 95; Тишкин и др., 2018. С. 29, 42, 49, 54, 58–60, 76–78, 82, 88–90, 96, 125, 142, 162; Трифанова, Соенов, 2019. С. 52, 53, 74, рис. 17, 25, 26, 29, табл. 10; Серегин и др., 2022. С. 58, 59, 68, 69, 71, 73, 74; рис. 33, 27, 29, 32, 33).

Судя по известным аналогиям, а также принимая во внимание результаты типологического анализа предметов, к обозначенной группе хронологических индикаторов относятся также костяная косметическая щеточка (рис. 4, 42) и каменные пряслица с солярным орнаментом (рис. 4, 40, 41), находки которых связаны с комплексами III–V вв. н. э. (Грач, 1960. Рис. 37; Глоба, 1983. Табл. V, 1, 2; Мамадаков, 1990. Рис. 23, 1; 28, 3; 37, 4; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 42, 13; Вадецкая, 1999. С. 272; Трифанова, Соенов, 2019. С. 34, рис. 6, 4, 5, 8; 7, 8, 10, 14; и др.).

Остальные категории сопроводительного инвентаря из объектов некрополя Чобурак-I не являются информативными для установления археологического возраста обозначенного памятника.

Обоснованные хроноиндикаторы предметных комплексов с учетом нижней границы появления наиболее «молодых» изделий предоставляют основания для датировки могильника булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I в рамках середины — второй половины IV в. н. э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения

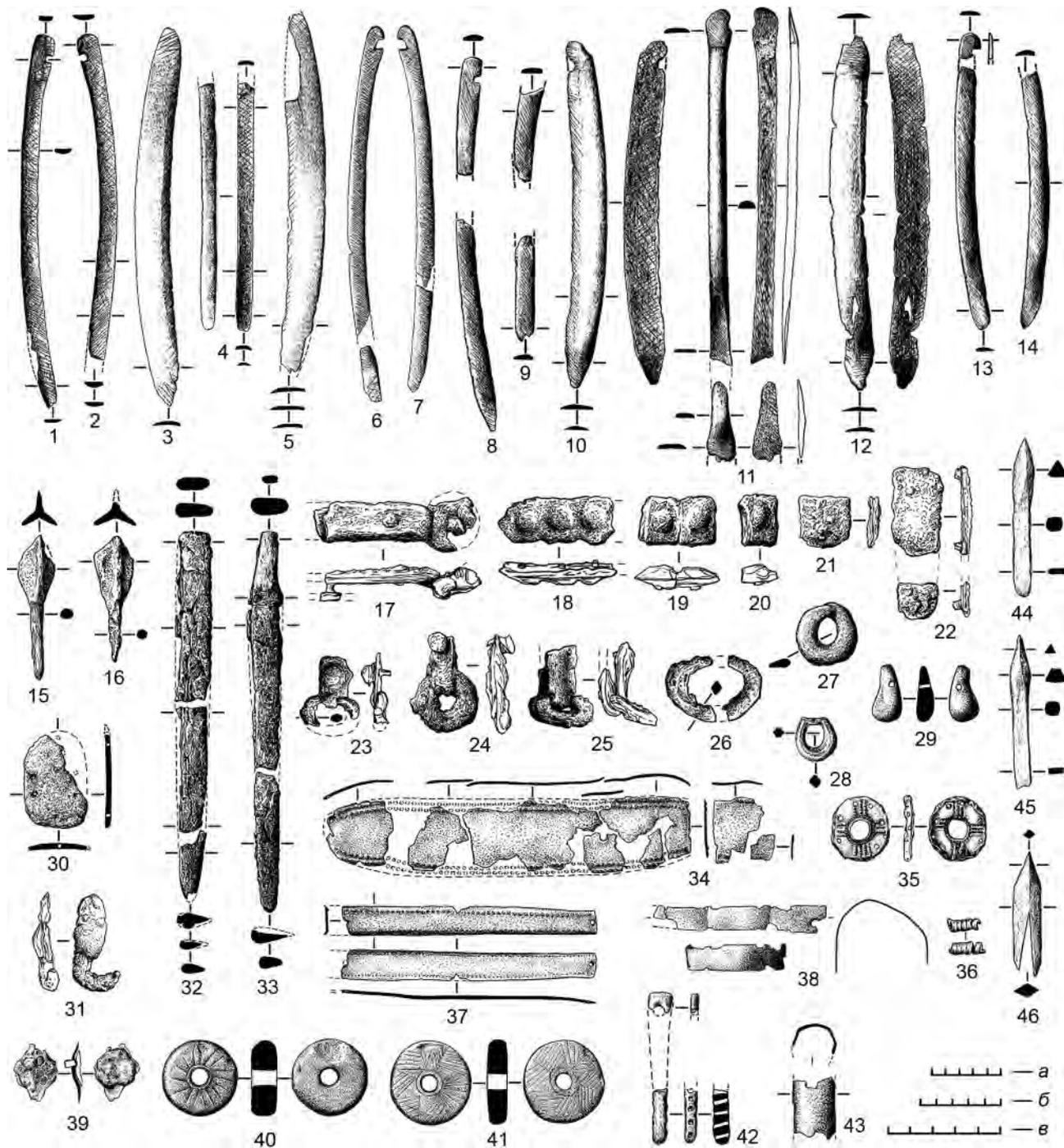

Рис. 4. Третья группа хронологических индикаторов сопроводительного инвентаря из объектов булан-кобинской культуры погребального комплекса Чобурак-I: 1-14 — накладки на лук; 15, 16, 44-46 — наконечники стрел; 17 — поясная пряжка; 18-21, 23-25 — поясные бляхи; 22 — наконечник ремня; 26-28 — «блоки»; 29, 39 — подвески; 30 — панцирная пластина; 31 — колчанный крюк; 32, 33 — боевые ножи; 34, 37, 38 — нашивные пластины; 35 — бляха; 36 — пронизь; 40, 41 — пряслица; 42 — рукоять щетки; 43 — наконик. 1-14, 29, 42, 44-46 — кость (рог); 15-28, 30-33, 39 — железо; 34-38, 43 — цветной металл; 40, 41 — камень. Масштаб: а — для 1-14; б — для 32, 33; в — для 15-31, 34-46

Fig. 4. The third group of chronological indicators of accompanying inventory from the objects of the Bulan-Koby culture, the burial complex Choburak-I: 1-14 — bow plates; 15, 16, 44-46 — arrowheads; 17 — belt buckle; 18-21, 23-25 — belt plaques; 22 — belt tip; 26-28 — "blocks"; 29, 39 — pendants; 30 — armour plate; 31 — quiver hook; 32, 33 — combat knives; 34, 37, 38 — patch plates; 35 — plaque; 36 — tubular bead; 40, 41 — spindle whorls; 42 — brush handle; 43 — braid ornament. 1-14, 29, 42, 44-46 — bone (horn); 15-28, 30-33, 39 — iron; 34-38, 43 — non-ferrous metal; 40, 41 — stone. Scale: a — for 1-14; б — for 32, 33; в — for 15-31, 34-46

Алтая⁴. Дополнительными аргументами для вывода о «коротком» (вероятно, менее 30 лет) интервале функционирования данного некрополя с большой степенью вероятности следует считать небольшое количество захоронений, значительное единообразие погребального обряда и сохранившегося сопроводительного инвентаря, а также зафиксированные случаи насильственной смерти мужчин вследствие использования оружия.

Заключение

Анализ результатов типологии погребального инвентаря из некрополя Чобурак-I позволил выделить три группы хронологических индикаторов, которые имеют разное значение для установления времени сооружения обозначенного памятника.

⁴ Важно отметить, что известные на сегодняшний день материалы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры (вторая половина IV — первая половина V в. н. э.) пока не имеют принципиально значимых отличий в сопроводительном инвентаре для уверенного их разделения на ранние и поздние погребальные объекты.

Наиболее показательными среди них являются изделия первой хронологической группы, имевшие самый короткий период бытования в рамках булан-кобинской культуры и маркирующие нижнюю дату рассматриваемого комплекса захоронений не ранее середины IV в. н. э. Самая многочисленная группа вещей относится ко второй хронологической группе, большинство из которых датируются не ранее второй половины III — начала IV в. н. э. Категории предметов третьей хронологической группы существовали в течение продолжительного времени в рамках II–V вв. н. э.

Сделанные заключения позволяют рассматривать полностью раскопанный могильник булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I в качестве базового некрополя жужанского времени Северного Алтая, материалы которого дают возможность для детализации хронологии археологических материалов данного региона и сопредельных территорий середины I тыс. н. э. Представленные результаты анализа и интерпретации материалов демонстрируют перспективы для корреляции сделанных выводов с показателями, полученными на основе использования методов абсолютного датирования.

Арсланова, 1975 — Арсланова Ф. Х. Курганы с «усаами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1975. С. 116–129.

Асеев и др., 1984 — Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Бажан, Гей, 1992 — Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени по материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) / Отв. ред. М. Б. Щукин. СПб.: НАО «Ойум» ВМЦ, 1992. С. 122–157.

Беликова, Плетнева, 1983 — Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1983. 245 с.

Бобров, Худяков, 2005 — Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2005. С. 80–199.

Бобров и др., 2003 — Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн, 1970 — Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль / Отв. ред. Л. П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 7–79.

Глоба, 1983 — Глоба Г. Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ ИЯЛ, 1983. С. 116–126.

Горбунов, 2003 — Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2003. 174 с.

Горбунов, 2006 — Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2006. 232 с.

Грач, 1960 — Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-

- этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы / Отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150.
- Грязнов, 1956 — Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 48). 162 с.
- Дашибалов, 2011 — Дашибалов Б. Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 2011. 174 с.
- Дьяконова, 1970 — Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль / Отв. ред. Л. П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.
- Егоров, 1993 — Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1993. С. 77–80.
- Заднепровский, 1992 — Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Андрианов Б. В., Боковенко Н. А., Вадецкая Э. Б. и др. Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 73–87.
- Кириллов и др., 2000 — Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.
- Ковычев, 2006 — Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Известия лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 242–258.
- Кубарев и др., 1990 — Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Кызласов, 1969 — Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Левина, 1996 — Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Литвинцев, 2006 — Литвинцев А. Ю. Погребения эпохи средневековья разновременного могильника в пади Кангил // Записки Нерчинского краеведческого музея / Отв. ред. А. Ю. Литвинцев. Нерчинск, 2006. Вып. 2. С. 35–40.
- Лю Цзюньси и др., 2006 — Лю Цзюньси, Чжан Чжичжун, Ли Байцзюнь и др. Шаньси Датун Инбинь дадао Бэй Вэй муцунь [刘俊喜、张志忠、李白军、高松、高峰、尹刚、江伟伟、张海燕. 山西大同迎宾大道北魏墓群]. Погребения Северной Вэй у дороги Инбинь, Шаньси, Датун // Вэнью. 2006. № 10. С. 50–71 (на кит. яз.).
- Мамадаков, 1990 — Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 – Археология / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Матренин, 2017 — Матренин С. С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. — V в. н. э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Матренин, 2018 — Матренин С. С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2018. Вып. 2. С. 188–195.
- Матренин, Серегин, 2019 — Матренин С. С., Серегин Н. Н. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского ГУ. Серия: Исторические науки и археология. 2019. № 3 (107). С. 104–113.
- Матренин, Тишкин, 2016 — Матренин С. С., Тишкин А. А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алтайского ГУ. 2016. № 2 (90). С. 220–228.
- Серегин, Матренин, 2016 — Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. — XI в. н. э. Барнаул: Алтайский ГУ, 2016. 272 с.
- Серегин и др., 2020 — Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 1. С. 88–99.
- Серегин и др., 2021 — Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Седельные канты из раскопанных курганов Алтая жужанского времени // Народы и религии Евразии. 2021. № 1. С. 25–36.
- Серегин и др., 2022 — Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., Уманский А. П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-1). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2022 (Археологические памятники Алтая; Вып. 5). 276 с.
- Соенов, 2000 — Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. 2000. № 5. С. 48–62.

- Соенов, 2017 — Соенов В. И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017. № 8. С. 117–142.
- Соенов, Эбель, 1992 — Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. педагог. ин-т, 1992. 116 с.
- Соенов и др., 2005 — Соенов В. И., Трифанова С. В., Вдовина Т. А., Черепанов М. А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Отв. ред. В. П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.
- Соенов и др., 2018 — Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ГУ, 2018. 242 с.
- Тетерин, 1995 — Тетерин Ю. В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Материалы науч.-практ. конф. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский ГУ, 1995. С. 131–135.
- Тетерин, 2005 — Тетерин Ю. В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: Археология и этнография. 2005. Т. 4, № 5. С. 52–64.
- Тетерин, 2007 — Тетерин Ю. В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края: Сб. науч. трудов / Отв. ред. С. П. Нестеров. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2007. С. 62–88.
- Тетерин, 2016 — Тетерин Ю. В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосибирского ГУ. Т. 15. Серия: История, филология. 2016. № 3: Археология и этнография. С. 87–96.
- Тишкин, 2007 — Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 356 с.
- Тишкин, 2017 — Тишкин А. А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского университета. Серия: История. 2017. № 49. С. 54–59.
- Тишкин, Горбунов, 2005 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. 200 с.
- Тишкин, Мильников, 2016 — Тишкин А. А., Мильников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. — V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2016 (Археологические памятники Алтая; Вып. 2). 192 с.
- Тишкин, Серегин, 2011 — Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Тишкин и др., 2018 — Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2018. 368 с.
- Трифанова, Соенов, 2019 — Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ГУ, 2019. 160 с.
- Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков, 1991 — Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Худяков, 2014 — Худяков Ю. С. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 33–36.
- Худяков, Юй Су-Хуа, 2006 — Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, № 3. С. 50–64.
- Цэвэндорж и др., 2008 — Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндава Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар: б. и., 2008. 239 с.
- Шаров, 1992 — Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косанова, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) / Отв. ред. М. Б. Шукин. СПб.: НАО «Ойум» ВМЦ, 1992. С. 158–206.
- Шукин, 1978 — Шукин М. Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии: Сб. ст. / Отв. ред. Л. С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Т. II. С. 28–33.
- Эрдэнэ-Очир, 2011 — Эрдэнэ-Очир Н. Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологический судлал. 2011. Т. XXXI, № 12. С. 183–220.
- Юй Цзюньюй, 1997 — Юй Цзюньюй. Чаоян Саньхэ чэн чхугу дэ цянь Янь вэньу [于俊玉. 朝阳三合成出土的前燕文物]. Реликвии Позднего Янь, обнаруженные в Саньхэ, Чаоян // Вэньу. 1997. № 11. С. 42–48 (на кит. яз.).
- Яремчук, 2005 — Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии и этнографии РАН. Чита, 2005. 296 с.

Konstantinov et al., 2018 — *Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S.* History and culture of the early Türkic period: A review of archaeological monuments in the Russian Altai from the 4th–6th century AD // *Archaeological Research in Asia*. 2018. No. 16. P. 103–115.

Panyushkina et al., 2007 — *Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E.* Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai

between about 800 BC and AD 800 // *Radiocarbon*. 2007. Vol. 49, no. 2. P. 693–702.

Seregin et al., 2023 — *Seregin N. N., Svyatko S. V., Barrett G. T., Demin M. A., Matrenin S. S., Papin D. V., Reimer P. J.* The first combined radiocarbon and archaeological dating of the Great Migration Period materials in Northern Altai: the necropolis of Karban-I // *Radiocarbon*. 2023. P. 1–15. doi.org/10.1017/RDC.2023.33.

Chronological indicators of the object complex of the Northern Altai population of the Rouran time (on the materials of the Choburak-I necropolis)

N. N. Seregin, S. S. Matrenin⁵

Keywords: Altai, Rouran time, object complex, chronology, necropolis.

The article presents the results of the analysis and chronological interpretation of the object complex from the burials of the Rouran time necropolis, studied as part of the Choburak-I monument. This burial ground, located on the right bank of the Katun River, in the Chemsalsky District of the Altai Republic (fig. 1), was fully investigated by the archaeological expedition of the Altai State University. The necropolis consisted of 12 barrows with undisturbed burials containing numerous items of accompanying inventory. The material complex included various categories of armament, human accoutrements, horse equipment, as well as tools, household items and ornaments.

The results of the items typology analysis allowed us to identify three groups of chronological indicators (figs. 2–4), which have different significance for determining the chronology of the necropolis of the Bulan-Koby culture at the Choburak-I site. The first group (fig. 2) is represented by the latest items (single-bladed swords, some modifications of arrowheads, decorative elements of bridles, tether fasteners, saddle edgings, some types of earrings, as well as details of whips), which had the shortest period of existence within the Bulan-Koby culture (the second half of the 4th–5th cen. AD). The chronology of these items is determined by a series of analogues from Central and North Asian sites, some of which are supported by the results of radiocarbon analysis. The other two groups of indicators (fig. 3; 4) include items that were used for a wider period.

The substantiated chronoindicators of the object complex, taking into account the lower chronological boundary of the appearance of the latest items, provide grounds for dating the necropolis of the Bulan-Koby culture Choburak-I within the middle to the second half of the 4th cen. AD, which corresponds to the beginning of the Rouran period in the history of the Altai population. These results of the analysis and interpretation of the materials demonstrate the prospects for correlation of the conclusions made with the indicators obtained on the basis of absolute dating methods.

⁵ Nikolay N. Seregin, Sergey S. Matrenin — Altai State University; Barnaul, Russia; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru, matrenins@mail.ru.

О некоторых «знаках отличия» у персонажей наскального искусства Минусинской котловины тесинского времени¹

О. С. Советова, О. О. Шишкина²

Аннотация. В статье рассмотрены головные уборы и прически антропоморфных фигур, отображенных в наскальном искусстве Минусинской котловины в тесинское время: «султаны», в том числе плюмажи; «рогатые» и «развесистые» головные уборы, колпаки, высокие прически в виде «шишечки», косы. Подобные изображения встречаются в сценах баталлий, охоты, ритуальных сюжетах. Предложено интерпретировать их как знаки отличия.

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, Минусинская котловина, тесинское время, знаки отличия, головные уборы, прически.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-81-93

Петроглифы тесинского времени в последнее время активно изучаются специалистами по наскальному искусству (Леонтьев, Боковенко, 1985; Савинов, 1995; Боковенко, 2004; Миклашевич, 2004; 2012; Панкова, 2005; Советова, 2014; Русакова, 2016а; и др.). Этот пласт изображений интересен сосуществованием разных изобразительных традиций, сочетающих признаки предшествующей тагарской и формирующейся таштыкской культур. Он складывается как из знакомого набора образов, но с новой детализацией (например, антропоморфные фигуры в головных уборах нового типа), так и из ранее не встречавшихся в наскальном искусстве Минусинской котловины образов (единороги, повозки с пассажирами, «путаницы» и др.). Ряд сюжетов изображений этого периода находят связь с искусством хунну (Миклашевич и др., 2012. С. 96). В настоящее время среди исследователей нет единого мнения о хронологических рамках памятников тесинского времени в целом, их датируют от II в. до н. э. (Пшеницына, 1992. С. 225) до III в. н. э. (Кузьмин, 2011. С. 220).

Проблема хронологии актуальна и для памятников наскального искусства.

Первоначально тесинские петроглифы были выделены Н. В. Леонтьевым и Н. А. Боковенко по материалам Кавказской писаницы (Леонтьев, Боковенко, 1985): эти изображения дали возможность вычленить стилистически близкие сюжеты и на других памятниках: Куне, Полосатой, Тепсее, Оглахты, Суханихе и многих других. Сложность их анализа обусловлена сочетанием стилистических приемов, близких, с одной стороны, тагарской культуре, а с другой — таштыкской. Сейчас становится очевидным, что рисунков тесинского времени в Минусинской котловине намного больше, чем представлялось ранее. И хотя они постепенно вводятся в научный оборот, но довольно редко большими массивами. Пожалуй, полностью опубликована лишь Боярская писаница, которую М. А. Дэвлет отнесла к тагаро-таштыкскому переходному периоду (Дэвлет, 1976). Хотя, несмотря на частое посещение памятника исследователями, нового издания памятника до сих пор не сделано. В большей степени повезло Кавказской писанице, рисунки которой по-новому задокументированы, проанализированы и опубликованы (Миклашевич, Солодейников, 2013. Рис. 7–13). Большой удачей следует считать открытие Д. Г. Савиновым в могильнике Есино плиток с так называемыми тесинскими лабиринтами (Савинов, 1995), сюжеты с которыми теперь стали легко распознаваться

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>).

² О. С. Советова, О. О. Шишкина — Кемеровский государственный университет; Кемерово, Россия; e-mail: olgasetova@yandex.ru, olgashishkina145@gmail.com.

© Советова О. С., Шишкина О. О., 2024

на других памятниках. К сожалению, полностью еще не введены в научный оборот рисунки Хызыл-Хаи, Куни, Полосатой, Усть-Тубы, Оглахты и других известных памятников, содержащих огромный пласт изображений рассматриваемой эпохи. Тем не менее опубликованная тесинская серия растет благодаря усилиям многих исследователей — Е. А. Миклашевич (Миклашевич, 2012; 2017), С. В. Панковой (Панкова, 2005), И. Д. Русаковой (Русакова, 1997; 2016а; 2022; и др.), О. С. Советовой (Советова, 2014; Советова и др., 2021. С. 99–108) и др. К настоящему времени проанализировано немало интересных сюжетов, относящихся к рассматриваемой изобразительной традиции: сцены с противостоящими животными, баталии и охота, кавалькада своеобразных всадников, оригинальные кони и др. Среди всего этого многообразия большой интерес представляют композиции с антропоморфными персонажами, которые буквально включены в орбиту основных событий — они скачут на конях, сражаются, охотятся, участвуют в ритуальных мероприятиях и пр. Исследователи отмечают ряд особенностей, характерных для таких изображений: своеобразные позы, черты внешнего облика, сопровождающие предметы и др.

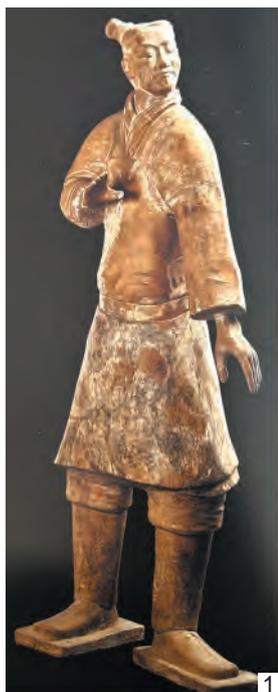
Одной из ярких отличительных черт антропоморфных персонажей тесинской эпохи является оформление их голов различными элементами — так называемыми султанами, плюмажем, а также, вероятно, прическами. Анализ материалов позволяет сделать вывод, что «султаны», появившись еще в тагарскую эпоху, получили распространение и в более позднее время (Миклашевич и др., 2012. С. 98; Русакова, 2016а. С. 177). Новые серии изображений позволяют предполагать, что это были не простые украшения, а целая система «знаков отличия» (наряду с татуировками и другими элементами), характерная для данной эпохи. Рассмотрим основные из них.

В 2023 г. на могильнике под горой Тепсей в Минусинской котловине был обнаружен неизвестный прежде курган, на нескольких камнях которого были зафиксированы петроглифы.

Рис. 1. Антропоморфные фигуры в «рогатых» головных уборах: 1, 2 — Тепсей V, курганный камень (1 — общий вид, 2 — микалентная копия, фрагмент); 3, 4 — Тепсей II (3 — прорисовка на фото, фрагмент; 4 — микалентная копия); 5 — г. Моисейха, прорисовка, фрагмент (Миклашевич, 2012. С. 45, табл. II. 4); 6 — Усть-Туба IV, прорисовка на фото; 7 — Тепсей VII, курганный камень, прорисовка, фрагмент; 8 — Енисейская писаница (Образцова и др., 2019. С. 57, рис. 1). 1–4, 6, 7 — фото и прорисовки авторов

Fig. 1. Anthropomorphic figures in “horned” headgears: 1, 2 — Tepsei V, barrow stone (1 — general view, 2 — mica tape copy, fragment); 3, 4 — Tepsei II (3 — drawing on photo, fragment, 4 — mica tape copy); 5 — Moiseikha, drawing, fragment (Миклашевич, 2012. С. 45, табл. II. 4); 6 — Ust-Tuba IV, drawing on photo; 7 — Tepsei VII, barrow stone, drawing, fragment; 8 — Yenisei Pisanitsa (Образцова и др., 2019. С. 57, рис. 1). 1–4, 6, 7 — photos and drawings by the authors

Особое внимание исследователей привлек любопытный палимпсест с фигурами противостоящих воинов с чеканами в руках, выполненными очень поверхностной мелкоточечной выбивкой с элементами шлифовки (рис. 1, 1, 2). Фигуры воинов субтильные, вытянутые, их корпуса выполнены в той же манере, что и тепсейские «великаны» из петроглифических пунктов Тепсей II, V (Советова, 1987. Рис. 1; Советова и др., 2021. Кат. 161–163, 329, 332, 477). У левой фигуры правая рука расположена на поясе, что является классической позой для многих фигур тагарского и посттагарского времени, левая держит чекан, которым персонаж замахивается на противника. Некрупными выбоинами у фигуры обозначены на голове «рожки». У противника правая рука приподнята, в ней он держит булаву. Из-за своеобразной выбивки трудно понять, какие еще детали были на поверхности: от них остались только фрагменты. После расчистки камня и удаления земли открылись еще некоторые изображения, главное из которых — конь, корпус которого заполнен прямыми линиями и зигзагами. Скорее всего, между временем выбивки животного и воинов был небольшой временной промежуток, поскольку фигура животного выполнена практически аналогичной выбивкой и имеет довольно специфическую позу, характерную для финального этапа тагарской культуры (рис. 1, 2). Такая поза характерна для некоторых коней соседнего памятника Оглахты (Миклашевич, 2017. Рис. 4, 1, 2; Наскальные изображения..., 2017. С. 84, 85). Полосы и завитки на корпусе животного еще больше сближают его с серией коней, выполненных в стиле, который Е. А. Миклашевич предложила называть «оглахтинским» и частично атрибутировала хунно-сяньбийским временем (Миклашевич, 2017. С. 191–193). Тепсейского коня отличает еще один элемент, отсутствующий у оглахтинских, — с его спины свисает предмет, очень напоминающий большую седельную подвеску, подобную тем, что обнаружены в Первом Пазырыкском и во Втором Башадарском курганах (Грязнов, 1950.

С. 39, 40, рис. 16, табл. XXII) и изображены на бронзовых пластинах со сценой борьбы спешившихся богатырей из Ордоса, датированных М. П. Грязновым III–I вв. до н. э. (Грязнов, 1961. С. 10, рис. 3) (рис. 2, 8). Исследователи полагают, что, по-видимому, к середине I тыс. до н. э. высшая военная прослойка общества ранних кочевников Азии обособилась от рядового воинства, о чем свидетельствуют вещественные памятники. О достаточно высокой степени такой обособленности можно судить по знакам отличия, которыми могли пользоваться только лица, имеющие важное общественное положение, к такого рода «знакам отличия» относятся и большие седельные подвески (Сорокин, 1973. Рис. 5). Возможно, конь был изображен для воплощения идеи поединка воинов-«богатырей», которые выделены не только своим ростом, но один из них наделен рогами. Как известно, рога являются одним из основных символов в мировой мифологии. Почти во всех первобытных традициях рог представляет силу и власть. Например, рогатая тиара в Шумере была символом верховной власти, поскольку бык считался олицетворением могущества и образом верховного божества. Рога нередко украшали боевые шлемы, демонстрируя непобедимую мощь их владельца. Рог наделялся сакральным смыслом, когда его использовали в качестве принадлежности культу и др. (Адамчик, 2011. С. 159).

Серия антропоморфных фигур с прошлифованными головами зафиксирована и на отдельной плите в пункте Тепсей VII (по М. П. Грязнову), а также в сцене со сражающимися воинами из Усть-Тубы IV (Blednova et al., 1995. Pl. 66) (рис. 1, 6). В сцене противоборства участвуют два воина: один вооружен топориком и прикрывается большим овальным щитом, второй — лучник, на голове которого также имеются небольшие рожки. В наскальном искусстве Минусинской котловины щиты овальной формы встречаются исключительно редко. Изображение овального щита известно также на Шалаболинской писанице, но его датировка авторами публикации не обоснована, и

по размерам он меньше усть-тубинского (Пяткин, Мартынов, 1985. Табл. 2, 2). Если луки являются типичным оружием пеших и конных воинов в тесинскую эпоху, то изображения щитов известны лишь на отдельных памятниках, и все они прямоугольной формы: такие щиты зафиксированы в одной из батальных композиций на Суханихе (Миклашевич и др., 2012. Рис. 40), аналогичным щитом прикрывается гравированный лучник с писаницы Учум (возможно, он также относится к хунно-сяньбийскому времени, хотя авторы публикации датируют его таштыкской культурой) (Трофимов и др., 2018. Рис. 3). Щиты овальной формы известны по изображениям из Северного Китая II–V вв. (Панкова, 2011. Рис. VII), правда, там они меньше, чем щит из сцены с Усть-Тубы. Возможно, размеры щита преувеличены преднамеренно, как и фигуры воинов, представленные в этой сцене. Можно сделать предположение, что в данном случае овальный щит — необычный и редкий — демонстрирует статусность изображенного воина, у его противника она показана рожками. По сути здесь представлен поединок равных.

Наиболее близкие аналогии тепсейским персонажам с «рожками»-антеннами можно встретить у всадников Моисеихи (рис. 1, 5), где их головные уборы показаны в виде двойных разветвлений (Миклашевич, 2012. Табл. II). С рожками показаны один из всадников горы Полосатой (Панкова, 2005. Рис. 5), пеший воин с Соснихи (Миклашевич и др., 2012. Рис. 33), некоторые всадники Абакано-Перевоза (Русакова, 2016б. Рис. IV), воины с чеканами на Енисейской писанице (Образцова и др., 2019. Рис. 7) (рис. 1, 8), персонажи Тепсея II: один всадник в красивом головном уборе и с косой и антропоморфный персонаж, выполненный резьбой (Советова и др., 2021. Рис. 93; кат. 345, 374–376) (рис. 1, 3, 4).

Другой разновидностью головных уборов являются своеобразные «султаны», которые могут имитировать хвосты животных, перья, прически и т. д. С. В. Панкова, исследовавшая писаницу Полосатую, отмечала, что большая часть композиций

Рис. 2. Аналогии среднеенисейским прическам в других регионах: 1–4 — терракотовая армия Цинь Шихуанди (Age of Empires..., 2017. P. 78–80, 93); 5 — бляха из Кочковатки (Полосьямак, 2012. С. 91); 6 — рельеф, Восточная Хань (Age of Empires..., 2017. P. 120, fig. 41); 7 — 20-й ноин-улинский курган, вышивка на шелке (Полосьямак, 2012. С. 80); 8 — Ордос, бронзовая бляха (Грязнов, 1961. С. 10, рис. 3); 9 — декоративная табличка, Восточная Хань (Age of Empires..., 2017. P. 207, fig. 125)

Fig. 2. Analogies of the Middle Yenisei hairstyles in other regions: 1–4 — terracotta army of Qin Shi Huangdi (Age of Empires..., 2017. P. 78–80, 93); 5 — plaque from Kochkovatka (Полосьямак, 2012. С. 91); 6 — relief, the Eastern Han (Age of Empires..., 2017. P. 120, fig. 41); 7 — the 20th Noin-Ula barrow, embroidery on silk (Полосьямак, 2012. С. 80); 8 — Ordos, bronze plaque (Грязнов, 1961. С. 10, рис. 3); 9 — decorative plate, the Eastern Han (Age of Empires..., 2017. P. 207, fig. 125)

тагаро-таштыкского времени представляет сцены сражений, в которых пешие воины изображены с чеканами, булавами и, возможно, кистенями. У всех всадников (и некоторых пеших) на головах изображены прически или уборы в виде хвостов (Панкова, 2005. С. 77, рис. 4). На Сундуках у воинов на головах тоже показаны своеобразные султаны/плюмажи, напоминающие хвосты животных (Бородовский, Ларичев, 2013. Рис. 2, 9) (рис. 3, 9, 14). Разнообразны головные уборы у всадников Лньищенской писаницы (рис. 3, 4). Про них А. В. Адрианов писал так: «...на голове переднего всадника убор в виде „шишака“, у среднего что-то вроде шлема с пером» (Адрианов, 1904. Л. 13). Э. Вернер отмечал, что в древности китайцы в качестве украшений (шлемов) использовали кисточки из волос яка или пони, покрашенные в красный цвет, или пучки перьев (Вернер, 2009. С. 128). В китайской иконографии изображения головных уборов с перьями очень редки, причем почти все они известны по изображениям воинов-кочевников. Плоские шапочки с перьями носили хуннские и особенно часто сяньбийские воины эпохи Тоба Вэй и Западной Вэй. Очень близкие по форме шапочки с перьями имеют тобаские или жужаньские охотники с фрески одной из пещер Дуньхуана (Бобров, Худяков, 2005. Рис. 19, 63). Исследователи полагают, что такие головные уборы могли принадлежать сяньбийцам (Там же. С. 90). В жаркое время сяньбийские и китайские воины носили миниатюрные плоские шапочки, завязывавшиеся под подбородком. Отличительной чертой этих головных уборов были пары длинных перьев на височных сторонах шапок (Там же. С. 148). Известен древний обычай китайцев прикреплять к одежде воинов и особенно к их головным уборам хвосты куниц и куницеподобных животных. Некоторые высшие гражданские чиновники танской империи носили подобные знаки доблести (Шефер, 1981. С. 149). К. В. Вяткина писала, что анализ батальных и охотничьих сцен свидетельствует о социальном расслоении общества: «Всадники на лошадях, на головных уборах которых

развешаются султаны... иногда шапки их снабжены украшениями наподобие нынешних тунгусских шаманских головных уборов. Это, вероятно, высший слой общества». Ко второй группе она отнесла пеших с луком и мечом, к третьей — просто пеших (Вяткина, 1949. С. 427, 428). В другой работе исследовательница отмечала, что на Куне среди персонажей облавных охот нередко можно видеть людей с султанами на головных уборах: «...по всей видимости, они служили отличительным признаком лиц высокого положения (здесь и далее курсив наш. — О. С., О. Ш.), в то же время султан мог иметь и какое-то магическое значение» (Вяткина, 1961. С. 191). Она отмечала также, что в известном китайско-русском словаре Палладия и Попова указывается, что гвардейцы при приезде императора прикрепляли к голове султан из медвежьего меха с целью отогнать злых духов (Там же).

В наскальных изображениях Минусинской котловины есть и совсем необычные всадники, обнаруженные Е. А. Миклашевич на памятнике Сулек IV, головы которых увенчаны оленьими рогами (Миклашевич и др., 2012. Табл. III, 1), отчего образ напоминает украшения головных уборов сибирских шаманов (Иванов, 1970. Рис. 188).

Пожалуй, наиболее заметными и довольно многочисленными являются персонажи, головные уборы которых увенчаны развесистыми «перьями» или «лентами» (рис. 4): они встречаются на памятниках Куня (Советова, 2005. Табл. 28, 13) (рис. 4, 7, 8), Хызыл-Хая (Боковенко, 2004. Рис. 2) (рис. 4, 3, 4), писаницах Боярского хребта (Русскова, 2016а. Рис. 1, 2, 4–6), Полосатой (Панкова, 2005. Рис. 2, 3), Учума (Трофимов и др., 2018. Рис. 1) (рис. 4, б), на курганных камнях Тепсея (Советова и др., 2021. Рис. 90), Турана (Советова, 2005. Фото 14, 15), Есино (Савинов, 2013. Рис. 1) и др. Причем развесистые украшения головных уборов характерны как для всадников, так и пеших фигур. В частности, на памятнике Хызыл-Хая (Боковенко, 2004. Рис. 2) всадники в подобных головных уборах расположены среди котлов, характерных, по мнению исследователей, для традиции

Рис. 3. Различные варианты головных уборов и причесок тесинцев: 1–3 — Оглахты (Советова, 2005. С. 134, табл. 28.1; Миклашевич, 2017. С. 331, рис. 2, 1); 4 — Лньищенская писаница, фрагмент (Миклашевич, 2012. С. 34, рис. 3); 5 — Кавказская писаница (Миклашевич, Солодейников, 2013. С. 184, рис. 9); 6 — писаница Березовая, фрагмент (Ермаков и др., 2018. С. 122, рис. 3); 7, 11, 13 — Тепсей II (прорисовки авторов); 8, 10 — Суханиха (Советова, 2005. С. 76, рис. 36); 9, 14 — Сундуки (Бородовский, Ларичев, 2013. С. 13, рис. 6); 12 — Тепсей IV

Fig. 3. Different variants of headgears and hairstyles of Tes' people: 1–3 — Oglakhty (Советова, 2005. С. 134, табл. 28.1; Миклашевич, 2017. С. 331, рис. 2, 1); 4 — Lnishchenskaya Pisanitsa, fragment (Миклашевич, 2012. С. 34, рис. 3); 5 — Kavkazskaya Pisanitsa (Миклашевич, Солодейников, 2013. С. 184, рис. 9); 6 — Berezovaya Pisanitsa, fragment (Ермаков и др., 2018. С. 122, рис. 3); 7, 11, 13 — Tepsei II (authors' drawings); 8, 10 — Sukhanikha (Советова, 2005. С. 76, рис. 36); 9, 14 — Sunduki (Бородовский, Ларичев, 2013. С. 13, рис. 6); 12 — Tepsei IV

хунну Ордоса. В подобных же уборах на Хызыл-Хае изображены пешие антропоморфные персонажи рядом с котлами, один из них — с посохом в руках (рис. 4, 5). По мнению Н. А. Боковенко, это некий священнослужитель или вождь (*Там же*. Рис. 2, 3). Всадника в уборе с «перьями» на плите могильника Есино Х Д. Г. Савинов назвал «небесным всадником» «Ульгеном» — проводником между миром живых и мертвых (*Савинов*, 2013. С. 113) (рис. 4, 2). Пожалуй, эта трактовка близка интерпретации сцены со всадником в таком же головном уборе, запечатленном на тагарском камне Тепсей VIII (по М. П. Грязнову) (*Советова и др.*, 2021. С. 102, рис. 90), где охотник направляет свой лук в оленину с детенышем (рис. 4, 1). Один из персонажей Абакано-Перевоза III в пышном головном уборе изображен в необычной для наскального искусства рассматриваемого региона позе лотоса (*Русакова*, 2022. Рис. 23) (рис. 4, 9). Таким образом, по наскальным изображениям можно судить о большом разнообразии персонажей с «развесистыми» головными уборами: это всадники, пешие воины, возможно, служители культа, а также какие-то мифологические персонажи. Не исключено, что далеко не все они выявлены, поскольку нередко «перья / ленты» выполнялись гравировкой и за столетия могли выветриться.

Еще одной разновидностью сюжетов с антропоморфными фигурами в разнообразных головных уборах или с прическами зафиксировал краевед С. В. Амелин на горе Полосатой. Обнаруженные рисунки по аналогии с другими изображениями этого памятника он отнес к тагаро-таштыкской изобразительной традиции. Здесь запечатлены взявшие за руки антропоморфные персонажи в разных головных уборах — в «колпачке», с опущенными «ушками» на шапке или с прической и т. д. Эти персонажи представлены в позах танца. Сцены танцев запечатлены также на скалах Куни (*Вяткина*, 1961. Табл. XLII, 34, 1) (танцующие с султанами на головах), на одном из курганных камней на Тепсее VII (здесь один из персонажей с рожками) (рис. 1, 7), на Бычихе и других памятниках. К. Йеттмар отмечал, что у обитателей Гиндукуша постоянным элементом обрядов были танцы, часто носившие экстатический характер: в Гилгите зафиксирован танец (во время праздника начала весны), где танцорами были люди в шкурах каменного козла с укрепленными на головах рогами (*Йеттмар*, 1986. С. 133, 217). На скалах, возможно, запечатлено исполнение какого-то танца воинов, судя по тому, что иногда в таких композициях запечатлено оружие. Исследователи отмечают, что в наскальном искус-

стве многочисленные изображения воинов в пляске с топорами в руках были популярны с эпохи бронзы, когда складывалась культура воинской элиты (*Мотов*, 1996. С. 35).

Фигуры в высоких колпаках также нередко встречаются в сценах тагарской эпохи и, очевидно, характерны и для тесинского времени (рис. 3, 1–3): в высоком колпаке запечатлены персонажи на Оглахты (*Миклашевич*, 2017. Рис. 4, 3; 5, 5; *Наскальные изображения...*, 2017. С. 90, 91, рис.), писанице Березовой (*Трофимов и др.*, 2018. Рис. 3, 2) (рис. 3, 6), Куне (*Вяткина*, 1961. Табл. XLII-3; XLII-16 и др.), Кавказской писанице (*Миклашевич, Солодейников*, 2013. Рис. 9) (рис. 3, 5) и др. В материалах пазырыкской культуры хорошо известны колпаки, выполненные из войлока (*Полосьмак*, 2001. Рис. 105, 106). Сохранился также островерхий колпак в ноин-улинском погребении хунну (*Руденко*, 1962. Табл. 16). В подобных колпаках изображены хуннские воины на древнекитайских рисунках и бронзовой бляхе из Ордоса (*Никоноров, Худяков*, 2004. С. 51). Видимо, такой головной убор был широко распространен в культуре кочевников Евразии на протяжении достаточно длительного времени. В наскальном искусстве Минусинской котловины известны фигуры «великанов» с высокими колпаками на головах, ведущих коней в поводу: такая сцена есть на скалах Оглахты (*Наскальные изображения...*, 2017. С. 91) (рис. 3, 3), а также в Волчьем логу Тепсея (*Советова и др.*, 2021. Рис. 83, кат. 329) (рис. 3, 7). В каждом конкретном случае композиции интерпретируются по-своему, но, по-видимому, такие персонажи в колпаках также могут считаться «отмеченными», во всяком случае нередко они являются главными действующими лицами в сценах «перехода» с конями.

На скалах имеются и персонажи, у которых, возможно, показана высокая прическа в виде приподнятых волос, уложенных шишечкой на темени, нередко преувеличенных размеров. На Тепсее такие изображения встречены неоднократно (рис. 3, 11–13). Можно провести параллели с собранными и уложенными «шишечкой» волосами воинов терракотовой армии Цинь Шихуанди (*Age of Empires...*, 2017. Р. 8–9) (рис. 2, 1–4, 6, 9). Прически в виде пучка изображены у мужчин, вышитых на верхней одежде из 20-го ноин-улинского кургана, относящегося к хунну (*Полосьмак*, 2012. С. 81, 91) (рис. 2, 7), датируемого концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. (*Полосьмак, Богданов*, 2015. С. 14). Прически в виде «шишечки» встречаются среди изображений воинов и всадников на бляхе из Кочковатки I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 2, 5),

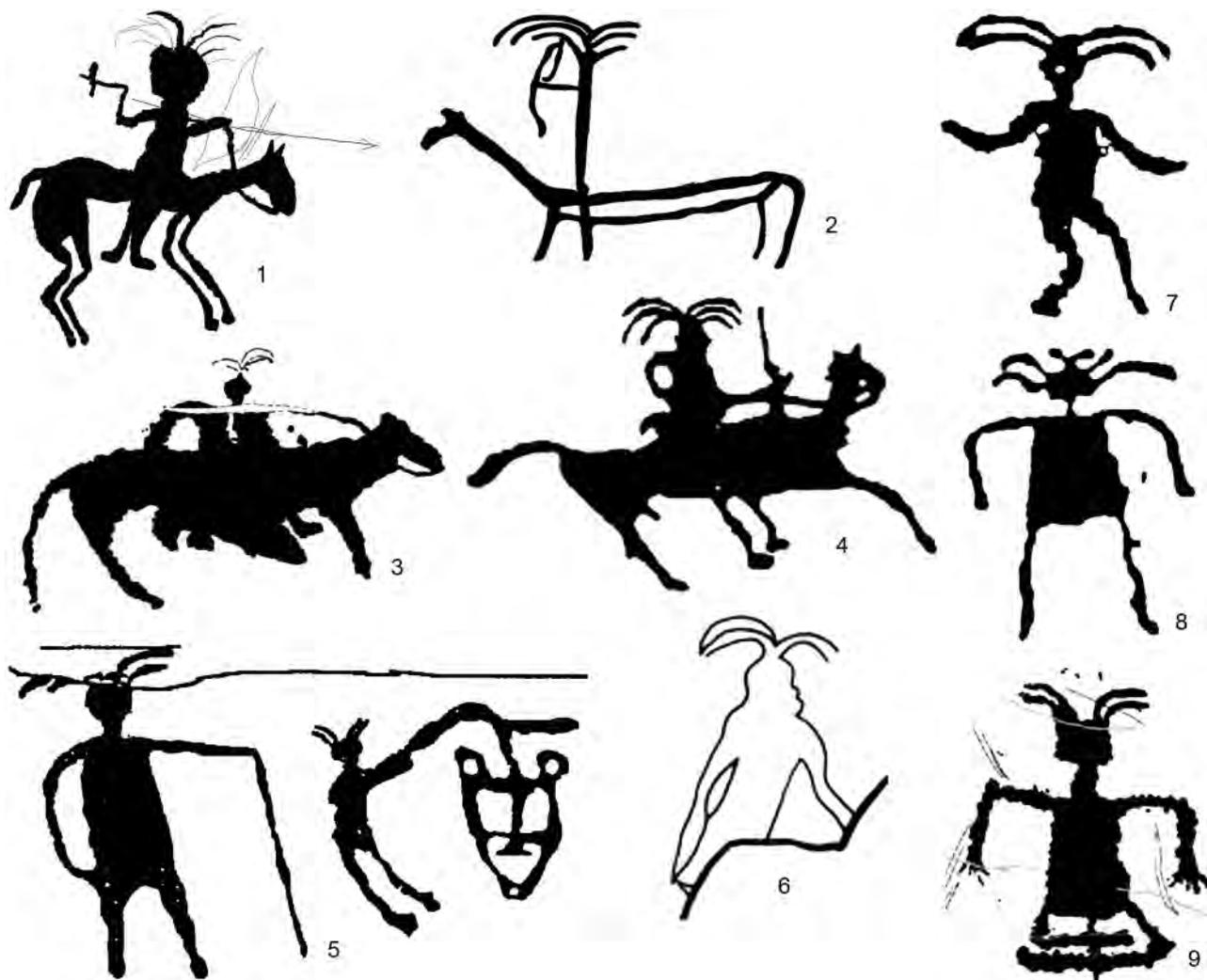

Рис. 4. Антропоморфные персонажи в «развесистых» головных уборах: 1 — курганный камень, Тепсей VIII, фрагмент (прорисовка авторов); 2 — могильная плита, Есино X (Савинов, 2013. С. 113, рис. 1); 3–5 — Хызыл-Хая, фрагменты (Боковенко, 2004. С. 391, рис. 2); 6 — Учум (Трофимов и др., 2018. С. 140, рис. 1); 7, 8 — Куня, фрагмент (Советова, 2005. С. 134, табл. 28, 12, 13); 9 — Абакано-Перевоз (Русакова, 2022. С. 61, рис. 23)

Fig. 4. Anthropomorphic characters in “overhanging” headgears: 1 — barrow stone, Tepsei VIII, fragment (authors’ drawing); 2 — grave slab, Yesino X (Савинов, 2013. С. 113, рис. 1); 3–5 — Khyzyl-Khaya, fragments (Боковенко, 2004. С. 391, рис. 2); 6 — Uchum (Трофимов и др., 2018. С. 140, рис. 1); 7, 8 — Kunya, fragment (Советова, 2005. С. 134, табл. 28, 12, 13); 9 — Abakano-Perevoz (Русакова, 2022. С. 61, рис. 23)

на бронзовом сосуде I в. до н. э. — I в. н. э. из западной части Сычуаня (Полосьмак, 2012. С. 91). Один из всадников Тепсея II изображен со своеобразной прической в виде «шишечки», по-видимому, волосы собраны в пучок, отчего показан развевающимся при движении коня (рис. 3, 11). Другой вид прически — это волосы, собранные в пучок на затылке (рис. 3, 14). Видимо, с косицами изображены некоторые всадники Моисеихи (Миклашевич, 2012. Табл. II, 1), Соснихи (Миклашевич и др., 2012. Рис. 37), вышеупомянутый всадник Тепсея II (Со-

ветова и др., 2021. Кат. 345). На Усть-Тубе в Широмом логу есть сцена с участием антропоморфных персонажей, на которой изображены фигуры лучников с косицами, возможно, одетые в кафтаны (?). Воины с косами и в подобных кафтанах изображены на скалах Оглахты (Советова, 2005. Табл. 28, 10; Миклашевич, 2015. Рис. 4, 5, 6), Абакано-Перевоза (Советова, 2005. Табл. 24, 11) и др. (рис. 3, 8, 10). Традиция плетения кос существовала среди хунну, об этом свидетельствуют находки человеческих кос в хуннских погребениях Ноин-Улы,

пади Царам и др. (*Дашковский, Мейкшан, 2016. С. 198*). Среди пазырыкских погребений известна находка мужчины с прической-косой (*Полосьмак, 2001. Рис. 108*). О том, что на Енисее мужчины носили прически в виде кос, свидетельствуют находки последних в Оглахтинском могильнике у мумий и кукол таштыкской культуры, подробно исследуемые в последние годы (*Панкова, 2018. Рис. 2*). По-видимому, традиция заплетать волосы в косы была популярна у воинов-кочевников Минусинских степей и в более раннее время. Как и головные уборы, прически могут указывать на разный социальный статус или принадлежность к отдельным этническим группам.

Таким образом, для изобразительного пласта тесинского времени характерны различные указания на «знаки отличия» персонажей в широком понимании. У тепсейского коня, выполненного в «оглахтинском» стиле, таким знаком служит, возможно, седельная подвеска, у антропоморфных фигур — различные головные уборы или прически и сопровождающие предметы. Эти персонажи встречаются не только в сценах баталий или охоты, но также в ритуальных сюжетах, как на Боярской писанице или Хызыл-Хае, в сценах «танцев», как на горе Полосатой, Куне, Сыдинской писанице, на Тепсее, и в др.

В заключение следует отметить, что рогатые персонажи появляются уже в самых древних пластах наскального искусства и встречаются на многих памятниках Минусинской котловины (шире — Сибири). Рогатыми представлены люди в лодках, некие таинственные «шагающие» и «танцующие» персонажи и др. (*Шер, 1980. С. 193, рис. 106; Blednova et al., 1995. Pl. 56, 62, 64*). Однако семантика этих образов в большей степени связана скорее с ряжеными — участниками каких-то древних обрядов. Но по изображениям рубежа эр становится очевидным, что тесинцы активно использовали разнообразные головные уборы с «султанами» (высокие и не очень, загнутые и стоящие прямо, с лентами (раскинутыми в разные стороны), хвостами животных или иными элементами) и прически, определенным образом укладывая волосы. Анализ наскальных композиций не оставляет сомнений в том, что это была особая статусная маркировка воинов, охотников и участников ритуальных действий. Мы полностью согласны с Л. А. Бобровым, который отметил: «Как правило, учеными фиксировался сам факт использования номадами перьевых или волосяных султанов, копейных бунчуков, бубенчиков, лент и флажков, причем эти элементы рассма-

тривались почти исключительно как декоративные украшения. Однако даже первичный анализ профильных материалов позволяет утверждать, что определенные типы плюмажей и копейных значков применялись воинами Великой степи отнюдь не бессистемно» (*Бобров, 2012*). И хотя в нашем случае речь идет о более раннем времени, нет сомнений, что хунну вполне могли принести с собой разные традиции в далекую Минусинскую провинцию (по Д. Г. Савинову). Л. А. Бобров отмечает также, что одним из важных изобразительных источников является средневековая иконография: на картинах, запечатлевших тюркскую и монгольскую знать эпохи раннего и развитого Средневековья, лица, находящиеся на разных социальных ступенях, носят на головных уборах и шлемах плюмажи, существенно различающиеся между собой по конструкции, составу и системе оформления, что дает основания полагать, что помимо эстетической рассматриваемые элементы несли определенную социально-политическую и военную нагрузку. Он полагает, что система ношения плюмажей на шапках и шлемах жителей Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии в XV–XIX вв. могла служить символом принадлежности их носителей к определенному племени, этносу, государству, социальной или религиозной группе, а в некоторых случаях фиксировала место воина, аристократа или чиновника в военной и придворной иерархии (*Там же*).

Дальнейший анализ наскальных сцен с антропоморфными фигурами в различных головных уборах и другой одежде³, относящихся к тесинской эпохе, подбор изобразительных аналогий, включая и более поздние, и анализ иных групп источников, возможно, позволят определить принадлежность тех или иных персонажей к определенным социальным группам, выявить их статус, глубже понять содержание сцен.

³ К сожалению, пока мы не можем реконструировать иные виды одежды, характерной для рассматриваемой эпохи, за исключением широких штанов, суженных книзу, как это показано у серии всадников ряда памятников: на горе Тепсей (местонахождения Тепсей, Усть-Туба), на Моисеихе (местонахождения Потрошиловская, Лынищенская писаницы) (*Миклашевич, 2012. Рис. 6; Советова и др., 2021. Рис. 92*). Как известно, шаровары у хунну были просторные и широкие, типа сохранившихся до конца XIX в. у кочевых тюрков (казахов и киргизов) и у монголов. Такие типичные для хунну шаровары найдены в кургане 6 могильника Ноин-Ула (*Руденко, 1962. Табл. X, рис. 32*).

- Адамчик, 2011 — Адамчик М. В. Словарь символов. М.: Харвест, 2011. 224 с.
- Адрианов, 1904 — Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии (Отчет 1904 г.) // НОА ИА РАН. Ф. 12. № 151. 129 л.
- Бобров, 2012 — Бобров Л. А. Шлемовые плюмажи и значки на копьях как маркер казахской военной элиты эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени // *Commentarii de Historia*. 2012. № 10. С. 4–6.
- Бобров, Худяков, 2005 — Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–V вв. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2005. 232 с.
- Боковенко, 2004 — Боковенко Н. А. Писаница Хызыл-Хая — обретенная и потерянная // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова / Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 389–395.
- Бородовский, Ларичев, 2013 — Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
- Вернер, 2009 — Вернер Э. Оружие Китая. Развитие традиционного оружия / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2009. 157 с.
- Вяткина, 1949 — Вяткина К. В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сборник МАЭ. 1949. Т. XII. С. 417–484.
- Вяткина, 1961 — Вяткина К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник МАЭ. 1961. Т. XX. С. 188–237.
- Грязнов, 1950 — Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.
- Грязнов, 1961 — Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3: Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. С. 7–31.
- Дашковский, Мейкшан, 2016 — Дашковский П. К., Мейкшан П. К. Элита сюнну Центральной Азии (по материалам анализа погребальных памятников) // Известия Алтайского ГУ. 2016. Т. 1, № 2 (90). С. 195–199.
- Дэвлет, 1976 — Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 36 с.
- Ермаков и др., 2018 — Ермаков Т. К., Заика А. Л., Халтаева А. Ю. Гравировки писаницы Берёзовая // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2018. Вып. IX. С. 117–126.
- Иванов, 1970 — Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Йеттмар, 1986 — Йеттмар К. Религии Гундукуша. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986. 524 с.
- Кузьмин, 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 465 с.
- Леонтьев, Боковенко, 1985 — Леонтьев Н. В., Боковенко Н. А. Кавказская писаница на Тубе // КСИА. 1985. Вып. 184: Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. С. 82–88.
- Миклашевич, 2004 — Миклашевич Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Материалы тематической науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 320–325.
- Миклашевич, 2012 — Миклашевич Е. А. Льнищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012 (Труды САИПИ; Вып. X). С. 28–56.
- Миклашевич, 2015 — Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (1). С. 54–77.
- Миклашевич, 2017 — Миклашевич Е. А. Новые материалы по наскальному искусству скифского времени в горах Оглахты (Хакасия) // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 158–197.
- Миклашевич, Солодейников, 2013 — Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Миклашевич и др., 2012 — Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012 (Труды САИПИ; Вып. X). С. 72–111.
- Мотов, 1996 — Мотов Ю. А. Нарты, «берсеркры», «бцри», шаманы (о мужчинах, пляшущих симд) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы междунар. конф. / Редкол. А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, В. Ю. Зуев, Вл. А. Семенов. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 32–35.
- Наскальные изображения..., 2017 — Наскальные изображения Оглахты. Альбом / Сост. Ю. Н. Есин. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2017. 160 с.
- Никоноров, Худяков, 2004 — Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Атилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; М.: Филомэтис, 2004 (*Militaria Antiqua*; VI). 320 с.

- Образцова и др., 2019 — Образцова А. В., Заика А. Л., Халтаева А. Ю. Енисейская писаница // Преодоление времени и пространства. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 55–75.
- Панкова, 2005 — Панкова С. В. Изображения постагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 год: Сб. докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 74–84.
- Панкова, 2011 — Панкова С. В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии / Ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Труды САИПИ; Вып. VII). С. 117–141.
- Панкова, 2018 — Панкова С. В. Косы из погребения 4-го Оглахтинского могильника // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской): Сб. ст. / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 132–139.
- Полосьмак, 2001 — Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Полосьмак, 2012 — Полосьмак Н. В. Лица из прошлого // Наука из первых рук. 2012. № 1 (41). С. 78–101.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Новосибирск: Инфолио, 2015. Ч. 1. 136 с.
- Пишеницына, 1992 — Пишеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 292–311.
- Пяткин, Мартынов, 1985 — Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Красноярский ГУ, 1985. 192 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Наука, 1962. 206 с.
- Русакова, 1997 — Русакова И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. 1997. Вып. 2. С. 101–112.
- Русакова, 2016а — Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Материалы междунар. конф. / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 173–181.
- Русакова, 2016б — Русакова И. Д. Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011–2014 годах // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский ГУ, 2016. Вып. 27. С. 101–114.
- Русакова, 2022 — Русакова И. Д. Петроглифы восточной части Боярского хребта в Хакасии (местонахождения Абакано-Перевоз II, II А, III, IV) // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2022. Вып. 16. С. 43–76.
- Савинов, 1995 — Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 6–10.
- Савинов, 2013 — Савинов Д. Г. «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. Вып. 1. С. 112–120.
- Советова, 1987 — Советова О. С. Сюжет с великанами на скалах Тепсея // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 173–176.
- Советова, 2005 — Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с.
- Советова, 2014 — Советова О. С. Тесинские рисунки на Тепсее // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 95–97.
- Советова и др., 2021 — Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.
- Сорокин, 1973 — Сорокин С. С. Большие седельные подвески из Пазырыка и Башадара и их параллели // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1973. Вып. XXXVI. С. 47.
- Трофимов и др., 2018 — Трофимов А. А., Заика А. Л., Вдовин А. С. Писаница Учум // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2018. Вып. IX. С. 137–147.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шеффер, 1981 — Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Age of Empires..., 2017 — Age of Empires: Art of the Qin and Han Dynasties / Ed. J. S. Zhixin. New York: Metropolitan Museum of Art, 2017. 252 p.
- Blednova et al., 1995 — Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2: Sibériedusud 2. Paris: Diffusion de Boccard, 1995. 153 p.

About some “insignia” of rock art characters from Minusinsk Basin of the Tes’ time

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina⁴

Keywords: petroglyphs, rock art, Minusinsk Basin, Tes’ time, insignia, headgear, hairstyle.

In the Minusinsk Basin rock art not so long ago an independent Tes’ layer of images was revealed, which combines the fading Tagar and forming Tashtyk pictorial traditions with their new plots and depictions. The art retains the traditional subjects — hunting and battle scenes, but also introduces new ones — cavalcades, ritual actions, “dances” of “mummers” and others. The depictions of animals are characterized by new poses, special leg placement and other features, while anthropomorphic characters are distinguished mainly by various types of head decoration, when along with the “hackles” and “plumes” known in Tagar art, various headgears such as caps, hats, etc., as well as various hairstyles are added. Based on the Tes’ time rock art monuments from the Minusinsk Basin, using a wide range of Xiongnu and Chinese analogues, some types of headgears and hairstyles were identified and characterized, and a number of observations were made. “Hackles”, which appeared on petroglyphs as early as in the Tagar culture, continued to be depicted in the Tes’ time. Animal tails, feathers, ribbons attached to headdresses probably indicated a certain status of the depicted person (commander of horsemen, “shaman”, etc.). There are separate groups of characters wearing “horned” and “overhanging” headgears and caps, characters with high hairstyles in the form of raised hair arranged in a bump on the vertex or with a braid or hairtail at the occiput. The different design of the anthropomorphic characters’ heads gives reason to believe that these elements apart of the aesthetic had at least a certain social and military meaning, testifying to a certain social hierarchy. In the authors’ opinion, these are not just ornaments, but probably certain “insignia” characterizing specific characters.

⁴ Olga S. Sovetova, Olga O. Shishkina — Kemerovo State University; Kemerovo, Russia; e-mail: olgasovetova@yandex.ru, olgashishkina145@gmail.com.

Нефритовое перекрестье из Буджака

Д. А. Топал, В. Г. Бубулич¹

Аннотация. В 2018 г. в Национальный музей истории Молдовы поступил небольшой каменный предмет странной формы, обнаруженный на юге Республики Молдова, между г. Комратом и с. Буджак. Необычное исполнение, редкая форма и материал (нефрит) позволяют предположить, что это перекрестье китайского меча цзянь эпохи Хань первой половины II в. н. э.

Ключевые слова: нефрит, меч цзянь, эпоха Хань, сарматский период, римское время.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-94-99

В 2018 г. в Национальный музей истории Молдовы поступил небольшой каменный предмет необычной формы, покрытый плотным известковым налетом желтовато-серого цвета толщиной до 0,1 см. По свидетельству находчика этот артефакт был обнаружен на юге Республики Молдова, между г. Комратом и с. Буджак², «у подножья большого кургана». В результате химической обработки слабым раствором лимонной кислоты и механической расчистки на одной из сторон проявилось резное изображение животного, исполненное в необычной для данного региона манере. Предмет представляет собой полое симметричное изделие весом 24,5 г уплощенно-призматической формы с треугольным выступом в нижней части и прямоугольной выемкой в верхней. Максимальная ширина предмета 4,71 см, высота в средней части 2,27 см, высота по краям 1,77 и 1,82 см соответственно, ширина выемки 1,8 см. Внутренняя часть изделия расточена до отверстия прямоугольной формы с овальными краями 0,78 × 3,68 см, максимальная толщина стенок 0,51 и 0,46 см соответственно. Одна из широких сторон тщательно зашлифована и огранена,

на другой — рельефное изображение животного в проекции «вид сверху» с развернутыми в противоположные стороны конечностями (рис. 1).

Необычность исполнения, редкая форма и материал (белый или розовый нефрит низкого качества) наталкивают на предположение, что данное изделие является деталью китайского меча цзянь (jian 劍) эпохи Хань или его подражанием. Конструкцию цзянь кроме железного клинка составляли перекрестье (ge 格), к которому и относится рассматриваемый предмет, навершие (shou 首), скоба ножен (wei 卫 или sui 璲) и наконечник ножен (bi 玃), традиционно изготавливаемые из нефрита. Нефритовые детали мечей и их подражания проникают далеко за пределы империи Хань и наместничества Сиюй (протектората Западного края) (рис. 2), однако даже в закрытых комплексах они редко встречаются в полном комплекте.

Единственная находка нефритового навершия меча происходит из кургана 5 могильника Вербовский-I в Поволжье, который по бронзовому зеркалу и фибуле датируется III в. н. э. (Мамонтов, 2007. С. 123, рис. 1, 19). Большую часть всех находок нефритовых деталей мечей на западе Евразии составляют скобы ножен, которые были обнаружены на Балканах (Рошава Драгана), в Крыму (Керчь, Джург-Оба), Предкавказье (Кубань, Майкоп), Поволжье (Альт-Веймар, Покровск), Западном Казахстане (Лебедевка) и Предуралье (Пермь).

Наибольшую известность среди всех комплексов с нефритовыми скобами получило самое западное и самое богатое погребение, раскопанное

¹ Топал Д. А., Бубулич В. Г. — Национальный музей истории Молдовы; Кишинев, Республика Молдова; e-mail: denis.topal@gmail.com, vbubulici@mail.ru.

² В 1993 г. у г. Комрата был зарегистрирован 21 курган, большая часть из них расположена на северо-востоке Комрата и юго-восточнее с. Буджак (Bubulici, 1993. P. 3, 4, 13, 14).

© Топал Д. А., Бубулич В. Г., 2024

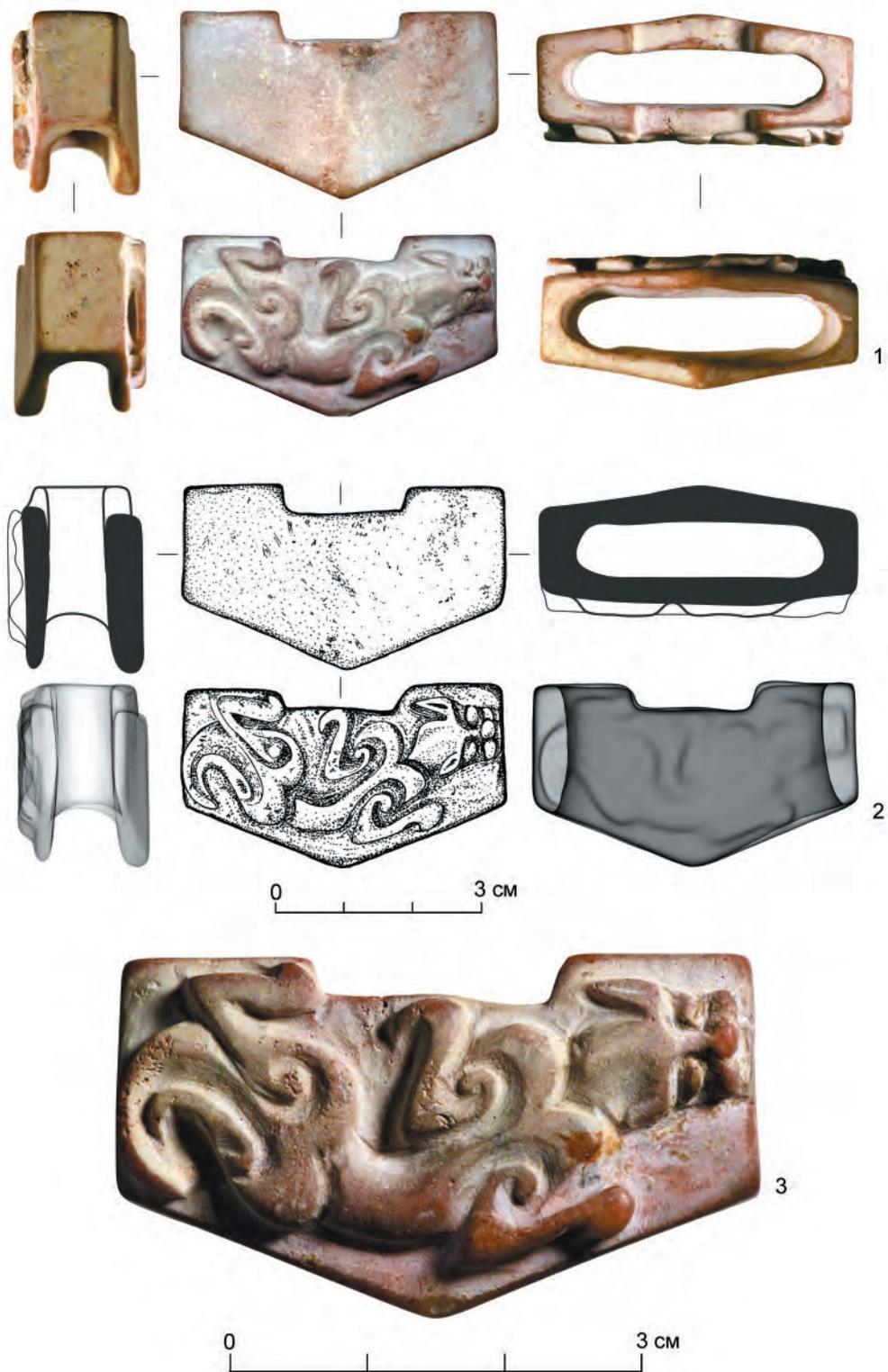

Рис. 1. Нефритовое перекрестье из с. Буджак, Республика Молдова: 1, 3 — фотографии; 2 — рисунок и ортофото на основе 3D-модели, полученной Д. А. Топалом

Fig. 1. Jade hilt from Bugeac village, Comrat district, The Republic of Moldova: 1, 3 — photos; 2 — drawing and orthophotos based on 3D model by D. A. Topal

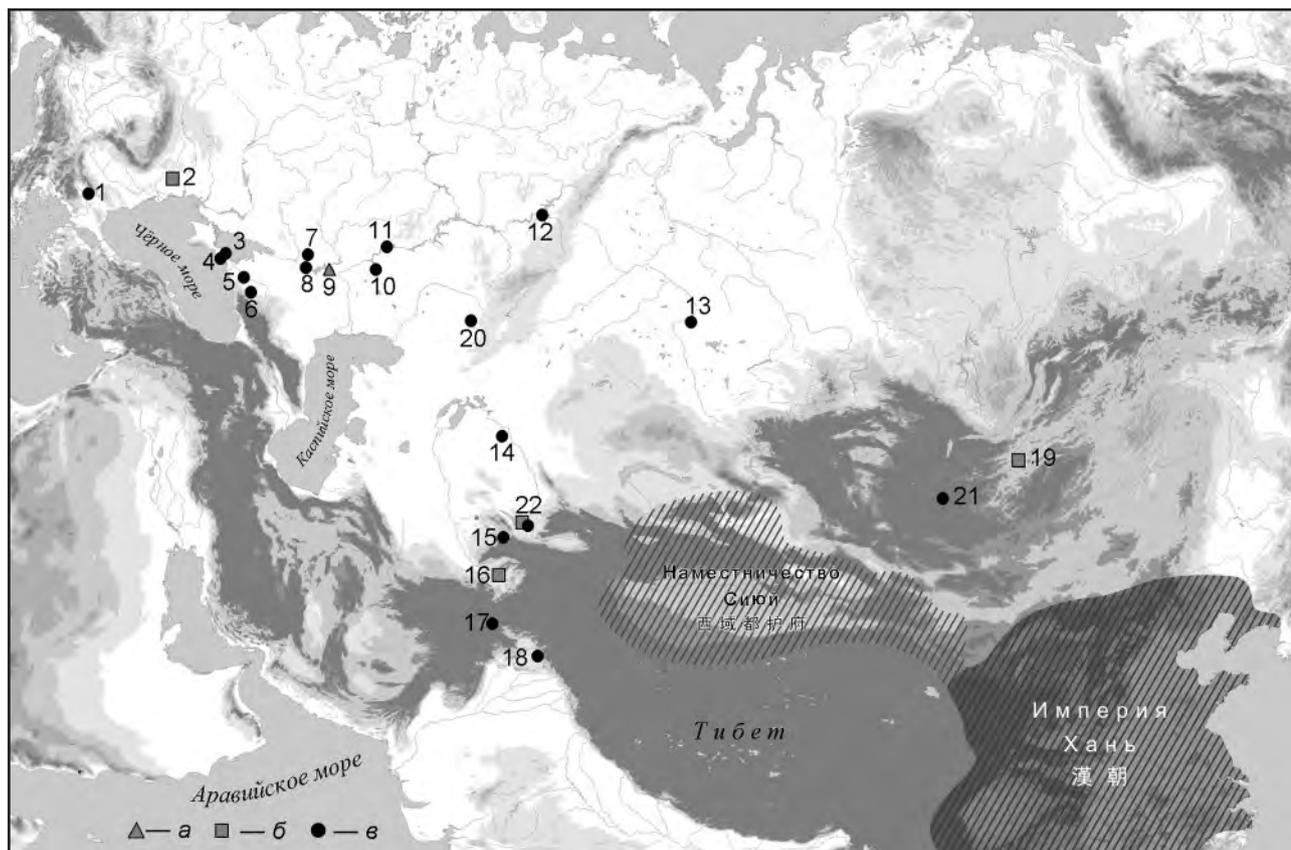

Рис. 2. Распространение каменных деталей мечей типа цзянь (*а* — навершие, *б* — перекрестье, *в* — скоба) за пределами империи Хань: 1 — Чаталка «Рошава Драгана»; 2 — Буджак; 3 — Керчь; 4 — Джург-Оба; 5 — Кубань; 6 — Майкоп; 7 — Сладковский; 8 — Камышевский-I; 9 — Вербовский; 10 — Альт-Веймар (Старая Иванцовка); 11 — Покровск (Энгельс); 12 — Пермь; 13 — Сидоровка; 14 — Алтынасар; 15 — Орлат; 16 — Тулхар; 17 — Афганистан; 18 — Таксила; 19 — Суджа (Ильмовая падь); 20 — Лебедевка; 21 — Гол Мод-2; 22 — Каршовулу

Fig. 2. Distribution of the stone elements (*a* — pommel, *b* — guard, *v* — slide) of the jian swords outside from Han Empire: 1 — Chatalka-Roshava Dragana; 2 — Bugeac; 3 — Kerch; 4 — Dzhurga-Oba; 5 — Kuban; 6 — Maikop; 7 — Sladkovsky; 8 — Kamyshevsky-I; 9 — Verbovsky; 10 — Alt-Weimar (Staraya Ivantsovka); 11 — Pokrovsk (Engels); 12 — Perm; 13 — Sidorovka; 14 — Altynasar; 15 — Orlat; 16 — Tulkhar; 17 — Afganistan; 18 — Taksila; 19 — Sudzha (Ilmovaya Pad); 20 — Lebedevka; 21 — Gol Mod-2; 22 — Qarshovul

в кургане Рошава Драгана на р. Чаталке неподалеку от г. Стара-Загора на западе Болгарии. Погребальный инвентарь состоял из золотого венка *corona civica*, глиняных сосудов, бронзовых предметов и туалетных принадлежностей. О высоком статусе и богатстве погребенного свидетельствует обилие предметов вооружения — два меча, два щита, шесть железных наконечников копий, 55 железных трехгранных наконечников стрел в остатках колчана, два или три вида панцирей, великолепного качества посеребренный римский шлем с маской. На золотом навершии рукояти одного из мечей и бронзовой пряжке были нанесены сарматские тамги. Четыре из них аналогичны тамгам сарматского царя Инисмея. Часть вооружения в погребении имеет явно неримское про-

исхождение, а следовательно, попала к погребенному, скорее всего, в качестве военного трофея. Учитывая, что комплекс на р. Чаталке датируется концом I в. н. э., воин, погребенный в кургане Рошава Драгана, мог принимать участие в дакийских войнах Траяна. Именно в этих войнах фракийский военачальник, возможно, мог захватить в качестве трофеев защитные доспехи и оружие, принадлежавшие, вероятно, кому-то из наследников Инисмея или же всаднику-катафрактарию, состоявшему с ним в ближайшем родстве. Вместе с мечом была обнаружена фигурная нефритовая скоба типа Гидра (Gonthier et al., 2014. P. 5, fig. 1), которая, судя по оформлению других деталей меча, могла быть смонтирована на меч в Северном Причерноморье.

Остальные находки каменных скоб на западе Евразии датируются намного более поздним временем. В Крыму найденный в Керчи меч из коллекции М. Месаксуди (*Rostovtzeff*, 1923. P. 99, fig. 3; 4), благодаря встреченным в гробнице золотым брактеатам императора Пупиена, отмечанным в 238 г., уверенно датируется второй половиной III в. н. э., что подтверждается и другими вещами погребения. Находку в склепе 40 могильника Джург-Оба на Керченском полуострове (*Ермолин*, 2009. С. 71, рис. 5, 9) сопровождали вещи эпохи Великого переселения народов, что позволяет датировать этот комплекс последней четвертью V в. н. э. Еще одна скоба (из собрания Бертье-Делагарда в Британском музее) была обнаружена то ли в Керчи, то ли на Кубани (*Trousedale*, 1975. P. 238, pl. 20, a, b), при этом с Кубани происходит еще одна скоба из Майкопа (*Безуглов*, 2017. С. 95, рис. 10). В Нижнем Поволжье в 1926 г. П. Д. Рау было исследовано погребение в кургане Д16 Альт-Веймар конца II в. н. э. — первой половины III в. н. э. (*Trousedale*, 1975. P. 243–245, fig. 91, 92, pl. 22, a, b). На обнаруженных там ножнах длинного меча с халцедоновым навершием была скоба из нефрита или халцедона. Еще один меч с нефритовой скобой найден в более позднем разрушенном погребении V в. н. э. на территории колхоза «Восход», исследованном П. Д. Рау в 1929 г. (*Синицын*, 1936. С. 74, рис. 2, 2; *Трейстер*, 2018. С. 174, рис. 11). Нефритовые скобы для ножен мечей также были обнаружены в погребении 1 кургана 37 могильника Лебедевка-VI, датируемого второй половиной II в. н. э. — первой половиной III в. н. э., в Западном Казахстане (*Мошкова*, 1982. С. 84, 85) и в Пермском крае (*Trousedale*, 1975. P. 234–236, pl. 17, e; 18, a, b). Самая восточная находка за пределами империи Хань недавно была сделана в Монголии, на могильнике Гол Мод-2, в погребении 189, датированном I в. н. э., но не позднее 72 г., если судить по результатам радиоуглеродного анализа (*Erdenebaatar et al.*, 2022. P. 203).

Длинные узкие клинки с остатками длинных рукоятей (иногда с ромбическими в сечении перекрестьями) изредка встречаются в сарматских погребальных комплексах рубежа II–I вв. до н. э., а также в материалах исключительно I в. н. э. (*Маслов*, 1999. С. 221). По форме они очень сходны с близкими по времени китайскими образцами и, видимо, были укомплектованы ножнами с вертикальной скобой. В сарматских древностях II в. до н. э. — I в. н. э. количество зафиксированных портупейных скоб крайне мало, и изготовлены они из кости. Не исключено, что

у большинства длинных мечей, как ранних (II в. до н. э. — I в. н. э.), так и поздних (II–III вв. н. э.), скобы были деревянными. В некрополе Танаиса удалось зафиксировать деревянную портупейную скобу в верхней трети клинка длинного меча (*Безуглов*, 2014. С. 31, 32). Вполне вероятно, что и другие позднесарматские мечи, сопровождавшиеся каменными бусами или дисками из раковин, носились в ножнах с несохранившейся деревянной скобой.

По мнению У. Трусдейла, самые ранние портупейные скобы на ножны связаны с типичными для позднего Чжоу короткими бронзовыми мечами. «На протяжении всего периода Западной Хань портупейные скобы на ножны ассоциировались почти исключительно с длинными железными мечами; но в начале Восточной Хань мы обнаруживаем, что они снова оказываются связаны с бронзовыми мечами архаичных форм, или церемониальными имитациями современных железных типов. Эта закономерность вполне совпадает с развитием самих портупейных скоб» (*Trousedale*, 1975. P. 34).

Перекрестье из Буджака — самая западная находка в Евразии. Ближайшие аналогии ему происходят с Нижнего Дона (могильники Сладковский и Камышевский-I), из Центральной Азии³ (Орлат и Тулхарский могильник) и Забайкалья (Ильмовая падь). Скобы и перекрестья из зеленоватого нефрита вместе с мечами зафиксированы в курганных могильниках Сладковский и Камышевский-I (*Максименко*, *Безуглов*, 1987. Рис. 2, 2; *Безуглов*, 2017. Рис. 9, 1–3; 14, 1, 4). Погребение 1 кургана 19 Сладковского могильника по пряжкам и наконечникам ремней датируется последними десятилетиями II в. н. э. — первой половиной III в. н. э. Погребение 1 кургана 8 могильника Камышевский-I с длинным мечом и деталями из нефрита по бронзовому ковшу Эггерс-140 и подвязной фибуле уверенно датируется концом II в. н. э. — первой четвертью или третью III в. н. э. В кургане 2 у поселка Орлат Самаркандской области (*Ilyasov*, *Rusanov*, 1998. Pl. 3) помимо меча с нефритовым перекрестьем и скобой были найдены костяные пластины с изображением воинов, вооруженных такими же мечами. Это погребение, первоначально отнесенное ко II–I вв. до н. э.,

³ В процессе подготовки статьи нам стала известна еще одна находка комплекта, состоящего из нефритового перекрестья, скобы и наконечника ножен из Каршовултепа близ г. Чиназ Ташкентской области в Узбекистане (*Sheyko et al.*, 2019. P. 279, 280, fig. 10, 8–11).

позднее, на основании псалий, ложечковидных подвесок и пластинчатых ложек, было датировано I–II вв. н. э. (Ilyasov, Rusanov, 1998. P. 131–133). Несколько более ранним временем (I в. н. э.) датируется погребение с нефритовым перекрестьем, исследованное в кургане 4 Суджинского могильника хунну в Ильмовой пади, расположенного к северу от г. Кяхта в Бурятии (Brosseder, 2015. P. 253, fig. 23, 3, a, b). Этот самый восточный комплекс с нефритовым перекрестьем меча за пределами ханьского Китая удивительным образом совпадает по времени с самым западным — из Болгарии.

Помимо нефритовых находок известна многочисленная группа перекрестий аналогичной формы у длинных мечей из сарматских погребений, изготовленных из металла — железа или бронзы. Они появляются, судя по всему, еще в раннее сарматское время и активно используются в среднесарматский период. Возможно, после того как сарматы познакомились с нефритовыми деталями мечей (скобой и перекрестьем), они пытались их копировать. Поэтому длинные мечи с металлическими ромбовидными перекрестьями были широко распространены до появления нефритовых деталей мечей и ножен, в том числе скоб и ромбовидных перекрестий, и исчезли одновременно с их появлением в позднее сарматское время, когда их заменили длинные мечи без металлических наверший и перекрестий. Большая часть находок деталей мечей из нефрита и их подражаний на западе Евразии относится к концу II в. н. э. — первой половине III в. н. э. (Трейстер, 2018. С. 181). Одним из самых ранних нефритовых изделий, найденных на Западе на значительном удалении от империи Хань, считается нефритовая скоба из Чаталки (Рошава Драгана) в Болгарии, которая датируется концом I в. н. э. — началом II в. н. э. Украшение типа Гидра на этой нефритовой пластине чрезвычайно редко для Восточной Европы. Меч с такой декоративной деталью вполне мог быть частью богатого подарка или военного трофея.

Мечи с перекрестьями и скобами для ножен, выполненными из нефрита или халцедона, а также мечи с бронзовыми перекрестьями, появляются в поздних сарматских погребениях. При этом только немногие из этих деталей можно рассматривать как подлинные китайские изделия. Основная часть, вероятнее всего, являлась их подражаниями. Аргументом, подтверждающим это предположение, является некомплектность деталей, сделанных из нефрита и халцедона (Там же. С. 175). Кроме того, вряд ли имеются основания говорить о торговле китайским оружием, учитывая сведения о запрете на его вывоз за пределы империи. Вместе с тем китайское оружие и его подражания могли попадать к кочевникам через наемников, с перебежчиками или путем захвата ремесленников во время набегов на Китай. К этому можно добавить вывоз оружия контрабандой, дипломатические подарки (прежде всего парадного оружия) и захват оружия в качестве трофея (Yü, 1967. P. 129, 130; Brosseder, 2015. P. 279; Трейстер, 2018. С. 182).

В отсутствие достоверного контекста находки сложно определить, к какому периоду распространения китайских изделий или их подражаний относится перекрестье из Буджака. По мастерству исполнения и качеству материала оно, безусловно, отличается от образцов из Чаталки или Ильмовой пади. Однако аутентичность дизайна, на наш взгляд, позволяет уверенно ассоциировать эту вещь именно с китайскими изделиями, а не с их поздними сарматскими подражаниями, происходящими из района Дона или Приуралья.

Можно предположить, что находка из Буджака связана с новой волной вооруженных всадников с Востока и появлением воинских могильников в Северо-Западном Причерноморье в первой половине II в. н. э., где в это время отмечается значительное военное римское присутствие, что соответствовало стратегии усиления политического влияния Рима в регионе после дако-римских войн.

Безуглов, 2014 — Безуглов С. И. Склеп из Танаиса (1972 г.) и проблемы степной хронологии II–III вв. н. э. // Боспорские чтения. 2014. № 15. С. 30–33.

Безуглов, 2017 — Безуглов С. И. Позднесарматский курган у станции Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. 2017. № 4. С. 84–126.

Ермолин, 2009 — Ермолин А. Л. Кроваво-золотой стиль «клуазоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джург Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира:

Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.

Максименко, Безуглов, 1987 — Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 183–192.

Мамонтов, 2007 — Мамонтов В. И. Об одном типе престижных погребений позднесарматских воинов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2007. С. 121–124.

- Маслов, 1999 — Маслов В. Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А. И. Мелюкова и др. М.: Наука, 1999. С. 219–236.
- Мошкова, 1982 — Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. № 170: Железный век. С. 80–87.
- Синицын, 1936 — Синицын И. В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. 1936. № 7. С. 71–85.
- Трейстер, 2018 — Трейстер М. Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. — первых веках нашей эры // Stratum plus. 2018. № 4: Terra Barbaricum и «неримская элита». С. 153–200.
- Brosseder, 2015 — Brosseder U. A study on the complexity and dynamics of interaction and exchange in Late Iron age Eurasia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE. Bonn: De Gruyter, 2015. P. 199–332.
- Bubulici, 1993 — Bubulici V. Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Comrat // Архив Национального музея истории Молдовы. № 19. Chişinău, 1993 (на рум. яз.).
- Erdenebaatar et al., 2022 — Erdenebaatar D., Ligang Z., Wanli L., Bin L., Mijiddorj E., Galbadrah B. The results of the study of Gol Mod-2 site by the Mongolian-Chinese joint archaeological research team // Теория и практика археологических исследований. 2022. № 34 (3). С. 194–208.
- Gonthier et al., 2014 — Gonthier É., Kostov R. I., Strack E. A Han-dated “hydra”-type nephrite scabbard slide found in Chatalka (Bulgaria): the earliest and most distant example of Chinese nephrite distribution in Europe // Arkéolog. 2014. No. 65. P. 5–12.
- Ilyasov, Rusanov, 1998 — Ilyasov J. Y., Rusanov D. V. A Study on the bone plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. 1998. No. 5. P. 107–159.
- Rostovtzeff, 1923 — Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 1923. No. 26 (1–2). P. 99–164.
- Sheyko et al., 2019 — Sheyko K. A., Ivanov G. P., Ilyasov D. Ya. Archaeological research at the Qar shovul Tepa Site, Uzbekistan // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. P. 153–200.
- Trousedale, 1975 — Trousedale W. The long sword and scabbard slide in Asia. Washington: Smithsonian Institution, 1975. 332 p.
- Yü, 1967 — Yü Y. S. Trade and expansion in Han China. A study in the structure of Sino-Barbarian economic relations. Berkeley: University of California, 1967. 251 p.

Jade crosshairs from Bugeac

D. A. Topal, V. G. Bubulici⁴

Keywords: jade, jian sword, Han era, Sarmatian period, Roman time.

In 2018, the National History Museum of Moldova received a small stone object discovered in the south of the Republic of Moldova, between the city of Comrat and the village of Bugeac. The shape and material of the artifact (white or pink jade of low quality), as well as the iconography and stylistics of the picture on the object allow us to suggest that it is the crosshair of a Chinese *jian* sword. Jade sword details and their imitations spread far beyond China, but even in closed complexes they are rarely found in a complete set. In the absence of a reliable context, it is difficult to determine to which period the crosshairs from Bugeac belongs. However, we can assume that this find is associated with the penetration of armed horsemen's wave from the East and the appearance of warriors' burial grounds in the North-Western Black Sea region in the first half of the 2nd cen. AD.

⁴Denis A. Topal, Valeriu G. Bubulici — National Museum of the History of Moldova; Chisinau, Republic of Moldova; e-mail: denis.topal@gmail.com, vbubulici@mail.ru.

Погребения хуннского времени лесостепного Предбайкалья¹

И. В. Уланов, В. С. Николаев²

Аннотация. В статье представлены погребальные комплексы хуннского времени Южного Приангарья и Верхней Лены. В ангарскую группу погребений входит могильник Остров Осинский (три могилы) и Игетейский Лог 2 (одна могила). Ленская группа включает два одиночных захоронения — Белоусово и Старый Качуг. Приведены результаты анализа сопроводительного инвентаря и обсуждается культурная принадлежность захоронений. Возраст комплексов определяется концом III в. до н. э. — I в. н. э.

Ключевые слова: лесостепное Предбайкалье, Южное Приангарье, Верхняя Лена, ранний железный век, хуннское время, погребальные комплексы, сопроводительный инвентарь.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-100-115

Введение

Погребальные комплексы конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. на территории Байкальской Сибири изучены неравномерно. Наиболее исследованным районом является Прибайкалье (западное, северо-западное побережье оз. Байкал и Приольхонье), где в общей сложности раскопано более ста погребально-поминальных комплексов (Горюнова, 1993; Харинский, 2001; 2014; Харинский, Коростелев, 2011; Коростелев, 2022). В граничащих с Прибайкальем на западе районах Предбайкалья погребения хуннского времени изучены слабо, составляя небольшую, но весьма выразительную группу из шести одиночных и парных могил. Все обнаруженные захоронения сосредоточены в Южном Приангарье и Верхней Лене в своеобразных лесостепных «карманах» долин рек Ангары, Осы и Лены (рис. 1).

Впервые два погребения этого времени раскопаны А. П. Окладниковым в 1930-е гг. в долине верхнего течения р. Лены. Полученные материалы

исследователь сопоставил со скифскими древностями и датировал их IV–III и VII–V вв. до н. э. (Окладников, 1949. С. 180; 1978. С. 108, 109). Следующие находки были сделаны уже в Южном Приангарье после наполнения ложа Братского водохранилища. В 1981–1985 гг. В. И. Смотровой была раскопана серия разновременных погребальных и ритуальных комплексов, в том числе и нескольких погребений, датированных рубежом эр (Смотровая, 1982; 1991; Уваров, Бердникова, 1987). Последней на данный момент находкой стало обнаруженное в 2016 г. И. В. Улановым и А. Ю. Тарановским частично разрушенное погребение на острове Осинском (Уланов, 2017).

К сожалению, материалы всех этих захоронений без должного всестороннего описания, анализа и интерпретации рассеяны по отдельным кратким и разрозненным публикациям, в связи с этим представляется целесообразным собрать их в одной работе и постараться дать максимально полную характеристику погребальным комплексам хуннского времени лесостепного Предбайкалья. В статье также использованы находки предметов из подъемных сборов, вероятно, имевших отношение к захоронениям, разрушенным волноприбойной деятельностью Братского водохранилища.

Памятники

Южное Приангарье. Могильник Остров Осинский находится на одноименном острове, расположенном на территории Осинско-Унгинского расширения Братского водохранилища р. Ангары

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-78-01132, <https://rscf.ru/project/23-78-01132/> «Заполняя лакуны: древние культуры раннего железного века и раннего средневековья в Южном Приангарье»).

² И. В. Уланов — Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: ussr-ilya@yandex.ru. В. С. Николаев — ООО НПО «Экспертиза»; Иркутск, Россия; e-mail: vsnikolaev2008@yandex.ru.

© Уланов И. В., Николаев В. С., 2024

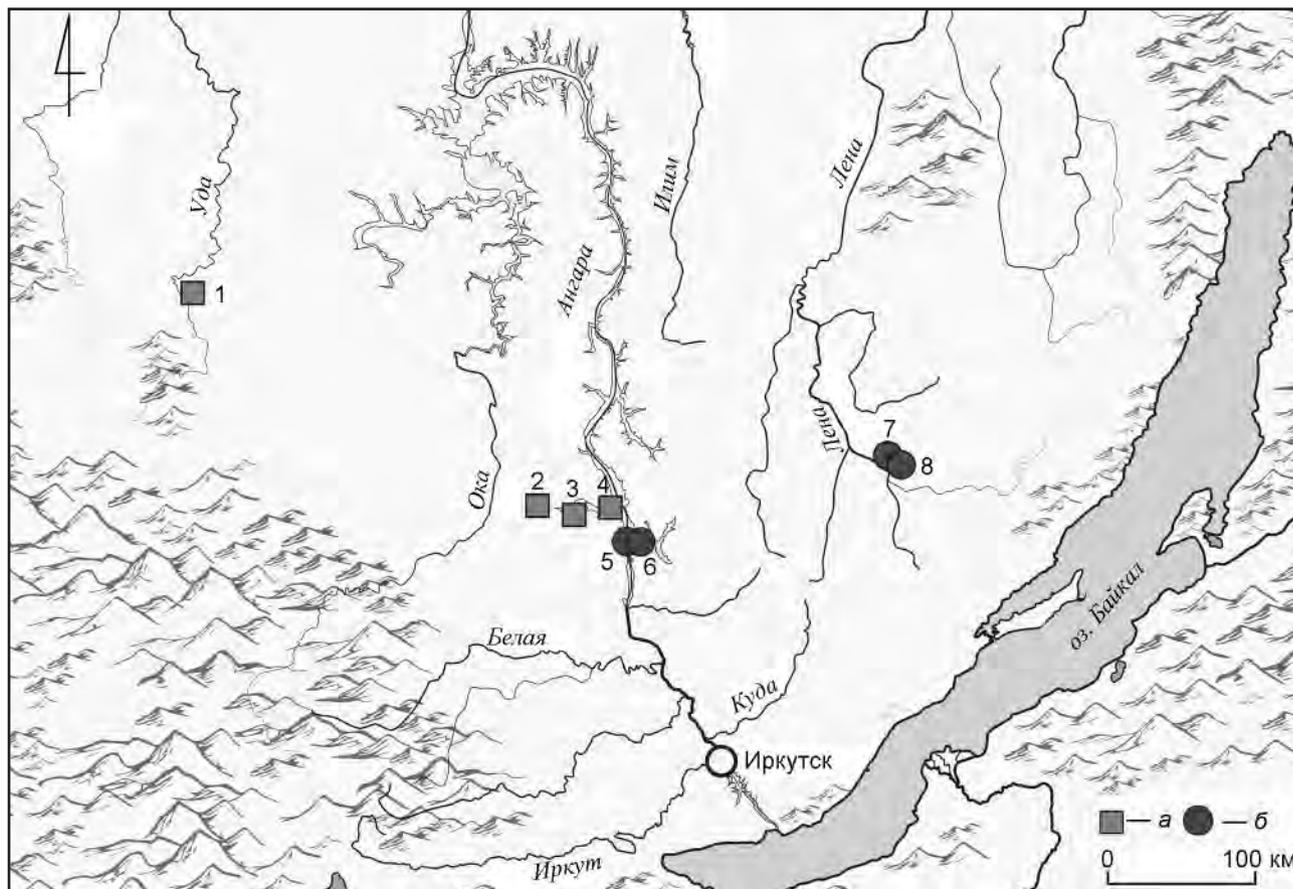

Рис. 1. Памятники хуннского времени в лесостепном Предбайкалье: случайные находки из подъемных сборов (1–4) (а) (1 — поясные пластины, берег р. Уды возле пос. Вознесенского; 2 — бронзовый наконечник ремня, левый берег р. Куйты; 3 — фрагмент поясной пластины, Унгинский залив; 4 — наконечник ремня, устье р. Унги); могильник (5) и одиночные захоронения (6–8) (б) (5 — Остров Осинский; 6 — Игетейский Лог 2; 7 — Старый Качуг; 8 — Белоусово)

Fig. 1. The Xiongnu time sites in the forest-steppe Cisbaikalia: accidental finds from surface collections (1–4) (а) (1 — belt plaques, the bank of the Uda River near Voznesensky village; 2 — bronze belt tip, left bank of the Kuyta River; 3 — fragment of a belt plaque, Unga Bay; 4 — belt tip, mouth of the Unga River); burial ground (5) and single burials (6–8) (б) (5 — Osinsky Island; 6 — Igeteysky Log 2; 7 — Stary Kachug; 8 — Belousovo)

и имеющем длину около 5 км. Всего в могильнике раскопано 14 погребений различного возраста — от неолита до XVIII–XIX вв. (Бердникова, Николаев, 2003; 2004; Уланов и др., 2017). Три захоронения хуннского времени располагались в южной части острова и найдены в полуразрушенном (волноприбойной деятельностью) состоянии. Надмогильные каменные конструкции отсутствовали.

Погребение 4 (1981 г.)³ частично опубликовано В. И. Смотровой (Смотровая, 1982; 1991). Обнару-

³ В статье сохранена нумерация В. И. Смотровой при первой публикации материалов. В каждый последующий полевой сезон нумерация начиналась заново с номера 1, в скобках после номера могилы указывается год обнаружения.

жено на западной стороне острова в 200 м от берега⁴. Захоронение представляло собой скопление костей в форме вытянутого с северо-запада на юго-восток овала на площади $6,8 \times 3,5$ м (рис. 2, 1). Могильная яма не зафиксирована. Кости двух индивидов — подростка 13–15 лет и мужчины 30–35 лет — располагались единым скоплением, в 3 м к юго-востоку от них в анатомическом порядке были найдены кости нижних конечностей подростка, кости правой голени мужчины — на севере скопления. Таким образом, однозначно

⁴ Описания расположения погребений на могильнике приводятся по состоянию на год их обнаружения. Из-за колебания уровня водохранилища береговая линия острова год от года приобретает различную конфигурацию.

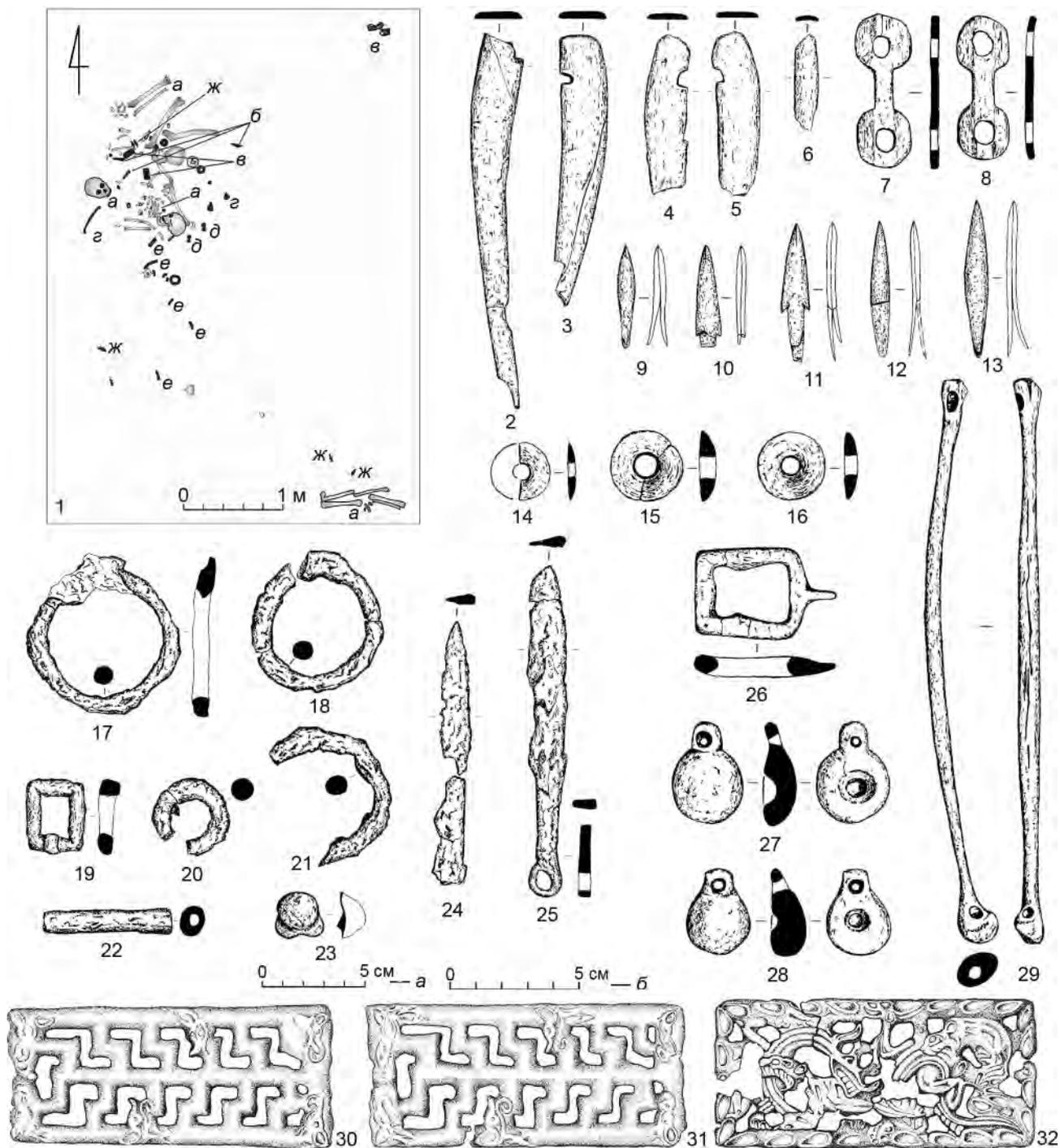

Рис. 2. Остров Осинский, погребение 4 (1981 г.): 1 — план захоронения (а — человеческие кости, б — железные ножи, в — ажурные пластины, з — детали прибора для добывания огня, д — костяные подвески, е — роговые накладки на лук, ж — наконечники стрел); 2-6 — накладки лука; 7, 8 — 8-образные изделия; 9-13 — наконечники стрел; 14-16 — ворворки; 17, 18, 20, 21 — кольца и их фрагменты; 19 — пряжка ремня; 22 — трубочка; 23 — пуговица; 24, 25 — ножи; 26 — подпружная пряжка; 27-29 — детали прибора для добывания огня; 30-32 — ажурные поясные пластины. 2-16, 26-29 — кость, рог; 17-25 — железо; 30-32 — бронза. Масштаб: а — для 2-29, б — для 30-32

Fig. 2. Osinsky Island, the burial 4 (1981): 1 — burial plan (a — human bones, б — iron knives, в — openwork plates, з — parts of a fire-making device, д — bone pendants, е — horn bow overlays, ж — arrowheads); 2-6 — bow overlays; 7, 8 — 8-shaped items; 9-13 — arrowheads; 14-16 — bone rings; 17, 18, 20, 21 — rings and their fragments; 19 — belt buckle; 22 — pipe; 23 — button; 24, 25 — knives; 26 — girth buckle; 27-29 — details of a fire-making tool; 30-32 — openwork belt plaques. 2-16, 26-29 — bone, horn; 17-25 — iron; 30-32 — bronze. Scale: а — for 2-29, б — for 30-32

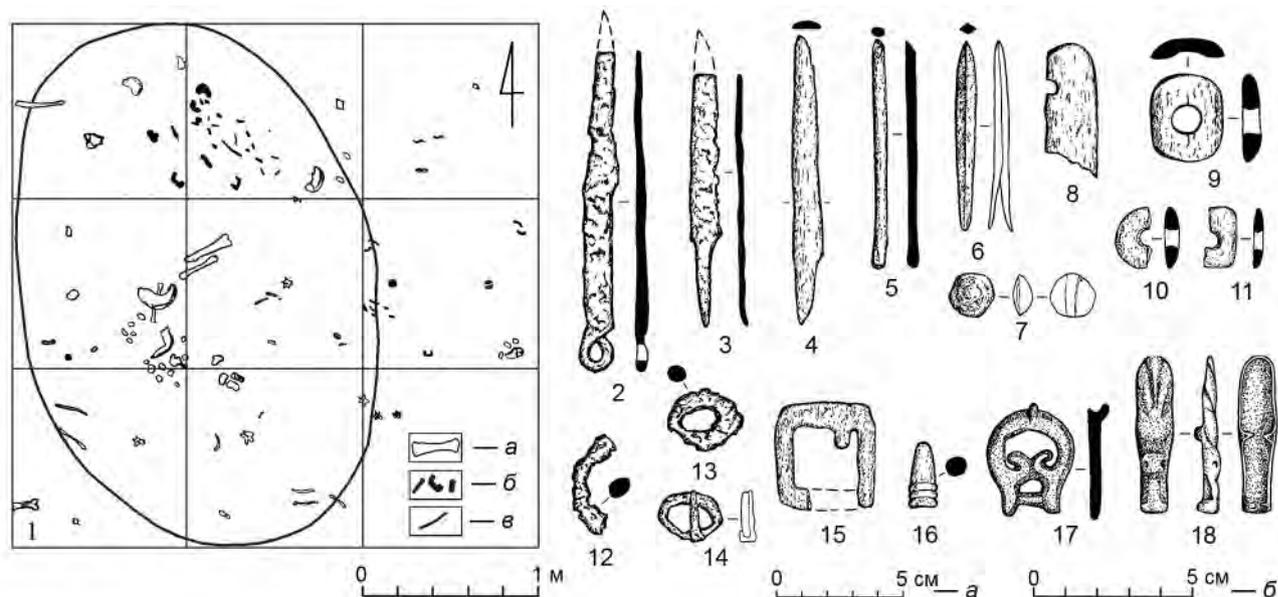

Рис. 3. Остров Осинский. Погребение 2 (1982 г.): 1 — план погребения 2 (а — человеческие кости, б — находки, в — контур могильного пятна); 2, 3 — ножи; 4, 8 — накладки лука; 5 — острие; 6 — наконечник стрелы; 7 — пуговицы; 9–11 — ворворки; 12, 13 — кольцо и фрагмент; 14 — пряжка ремня; 15 — подпружная пряжка; 16 — трубочка; 17 — пряжка; 18 — наконечник ремня. 2, 3, 7, 12–14 — железо; 4–6, 8–11, 15, 16 — кость, рог; 17, 18 — бронза. Масштаб: а — для 2–15, б — для 16–18

Fig. 3. Osinsky Island. The burial 2 (1982): 1 — plan of the burial 2 (а — human bones, б — finds, в — outline of the grave spot); 2, 3 — knives; 4, 8 — bow overlays; 5 — point; 6 — arrowhead; 7 — button; 9–11 — bone rings; 12, 13 — ring and its fragment; 14 — belt buckle; 15 — girth buckles; 16 — tube; 17 — buckle; 18 — belt tip. 2, 3, 7, 12–14 — iron; 4–6, 8–11, 15, 16 — bone, horn; 17, 18 — bronze. Scale: а — for 2–15, б — for 16–18

реконструировать изначальное положение погребенных затруднительно. Среди костей скелетов и вокруг них найдено 34 предмета из кости (наконечники стрел, фрагменты накладок лука, детали прибора для добывания огня, ворворки, подпружная пряжка, «гантелеобразные» изделия), железа (ножи и их фрагменты, кольца, пряжка, пуговицы, стержень) и бронзы (ажурные поясные пластины) (рис. 2, 2–32).

Погребение 2 (1982 г.) располагалось в 100 м от западного берега и примерно в 800 м к юго-западу от погребения 4 (1981 г.). На участке размерами 3 × 8 м было зафиксировано скопление костей и артефактов. При дальнейшей расчистке выявлен контур могильной ямы овальной формы (3,00 × 2,00 × 0,44 м), вытянутый по оси северо-восток–юго-запад (рис. 3, 1), в которой обнаружены отдельные кости скелета, принадлежавшие пожилому мужчине: фрагменты черепа, позвонки, обломки ребер. В северной части ямы находилось скопление костяных изделий: накладки лука, наконечник стрелы, острие, овальное кольцо, фрагменты колец-ворворок, пряжка, трубочка с расширенным концом и тремя параллельными линиями

по краю. Помимо костяных изделий в могильной яме и за ее пределами найдены предметы из железа (ножи, кольца, пряжка, пуговица) и бронзы (пряжка и наконечник ремня) (рис. 3, 2–18).

Погребение 1 (2016 г.) обнаружено в 50 м от западного берега и приблизительно в 50–60 м от погребения 2 (1982 г.). Отдельные кости левой ступни сохранились в анатомическом порядке. При расчистке были найдены также фрагменты левой голени и еще несколько костей ступни (рис. 4, 1). Останки принадлежали индивидууму 30–45 лет (Уланов, 2017. С. 296). Могильная яма не прослежена, вокруг костей зафиксированы остатки засыпки захоронения. Среди человеческих останков обнаружены костяной наконечник стрелы и железная пуговица, восточнее от скопления костей найдены костяная подпружная пряжка и фрагменты железного кольца (рис. 4, 2, 4, 5, 7). В 1 м к северу было зафиксировано овальное пятно прокаленной супеси.

Во время осмотра территории могильника в 2016–2017 гг. собрана коллекция подъемного археологического материала: бронзовое зеркало, костяная ворворка, подпружная пряжка из кости,

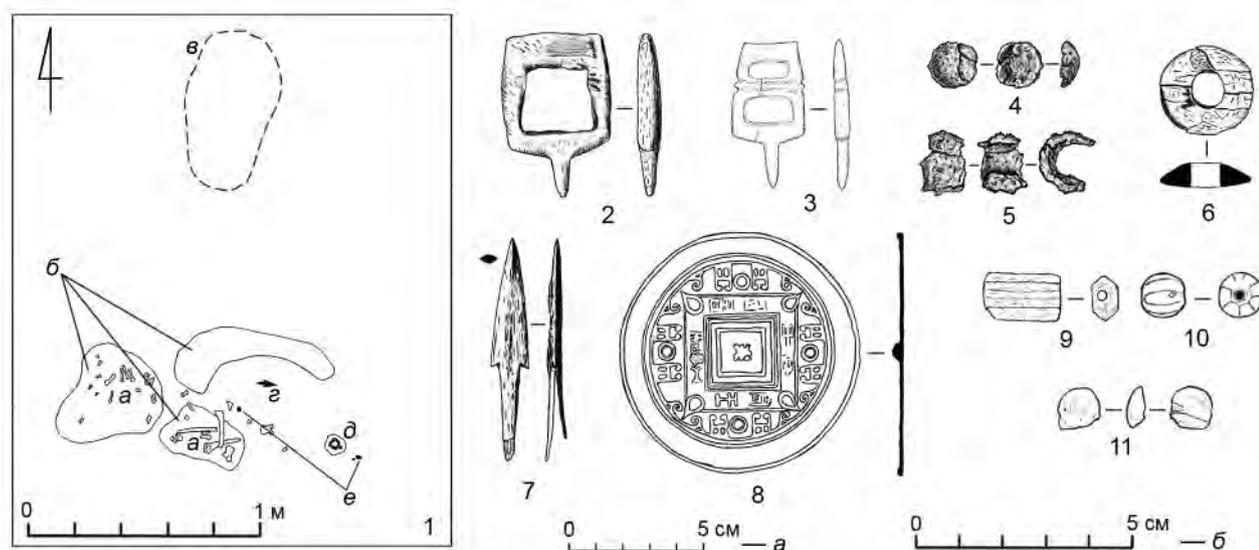

Рис. 4. Остров Осинский. Погребение 1 (2016 г.): 1 — план (а — человеческие кости, б — остатки могильного пятна, в — прокаленная супесь, з — наконечник стрелы, д — костяная пряжка, е — изделия из железа); 2, 3 — подпругные пряжки; 4 — пуговица; 5 — фрагмент кольца; 6 — ворворка; 7 — наконечник стрелы; 8 — зеркало; 9–11 — бусины. 2, 3, 6, 7 — кость, рог; 4, 5 — железо; 8 — бронза; 9, 10 — камень; 11 — паста. 1, 2, 4, 5, 7 — погребение 1; 3, 6, 8–11 — подъемные сборы. Масштаб: а — для 2–8, б — для 9–11

Fig. 4. Osinsky Island. The burial 1 (2016): 1 — plan (a — human bones, б — remains of a grave spot, в — calcined sandy loam, з — arrowhead, д — bone buckle, е — iron products); 2, 3 — girth buckles; 4 — button; 5 — ring's fragment; 6 — bone ring; 7 — arrowhead; 8 — mirror; 9–11 — beads. 2, 3, 6, 7 — bone, horn; 4, 5 — iron; 8 — bronze; 9, 10 — stone; 11 — paste. 1, 2, 4, 5, 7 — burial 1; 3, 6, 8–11 — surface finds. Scale: а — for 2–8, б — for 9–11

две целые бусины и фрагмент, которые, возможно, относятся к ранее разрушенным погребениям (рис. 4, 3, 6, 8–11).

Игетейский Лог 2 располагается на левом берегу Осинского залива Братского водохранилища рядом с одноименным логом. В 1985 г. В. И. Смотровой в этом месте раскопано четыре безынвентарных захоронения, а в 40 м к западу от них в осыпи и при зачистке обнажения найдено погребение хуннского времени, ограбленное еще в древности (Уваров, Бердникова, 1987). Каменная надмогильная конструкция отсутствовала. Кости скелета располагались беспорядочно, вследствие чего первоначальное положение погребенного установить не удалось. Инвентарь захоронения представлен пятью изделиями из кости и наконечником ремня из бронзы (рис. 5).

Верхняя Лена. Могильник у дер. Белоусово расположен на правом берегу р. Лены в 500–700 м выше с. Старый Качуг возле бывшей дер. Белоусово. Найден и исследован А. П. Окладниковым в 1932 г. Всего раскопано четыре захоронения, три из которых датированы энеолитом и одно — ранним железным веком (Окладников, 1940. С. 112; 1978).

Погребение хуннского времени выявлено по каменной конструкции из плит красноцветного кембрийского песчаника. Кладка овальной формы размерами 0,9 × 0,6 м, высотой до 0,4 м. «Плиты кладки располагались двумя контрцентрами, причем они находились краями друг на друга, как бы веерообразно» (Окладников, 1978. С. 102, 103). Под овальной кладкой из плит красного песчаника, на глубине 0,15–0,20 м в могильной яме овальной формы размерами 2,0 × 0,8 м на подстилке из лиственничной коры располагался скелет мужчины (?) на левом боку с подогнутыми ногами, ориентированный головой на юго-восток. Левая рука погребенного располагалась вытянуто вдоль тела, правая — согнута в локте и вытянута вдоль бедра (рис. 6, 1). В состав сопроводительного инвентаря входили бронзовая пуговица, железная трубочка, бусины из стекла и камня, накладки лука и наконечники стрел (рис. 6, 2–15).

Могильник Старый Качуг располагался в черте старого с. Качуг на высокой древней террасе правого берега р. Лены и исследовался А. П. Окладниковым в 1929 г. Погребение раннего железного века было найдено случайно местными жителями

в 1928 г. благодаря каменной кладке. «Из инвентаря уцелели костяные вещи <...> подвески из клыков кабана <...> костяная граненая трубочка <...> и костяной <...> псалий» (Окладников, 1949. С. 180). Коллекция артефактов из этого погребения, переданная в музей, состоит из десяти предметов, выполненных из кости и рога (ИОКМ. № 45) (рис. 7). Раскопки, проведенные А. П. Окладниковым в 1929 г. на месте этой находки, позволили выявить еще семь погребений неолита — раннего бронзового века. Захоронений хуннского времени больше найдено не было.

Погребальный обряд

Рассмотренные выше погребения по особенностям погребального обряда условно делятся на две группы: ангарскую и ленскую.

Ангарская группа. Для нее характерно: 1) наличие могильника, состоящего из трех и более погребений с учетом возможных разрушенных могил (Остров Осинский); 2) наличие парного захоронения (Остров Осинский, погр. 4); 3) отсутствие каменных надмогильных конструкций.

Ленская группа. К ее особенностям относятся: 1) наличие только одиночных захоронений; 2) наличие каменных надмогильных конструкций овальной формы; 3) положение покойного на левом боку, головой на юго-восток (Белоусово).

Объединяющим для обеих групп является расположение захоронений в непосредственной близости от водных источников — рек Ангары, Осы и Лены.

Предметный комплекс

Все найденные в захоронениях и подъемных сборах артефакты на основе их функционального назначения разделены нами на четыре категории: предметы конского снаряжения, вооружения; предметы быта и хозяйства; детали пояса и одежды; украшения.

Предметы конского снаряжения составляют самую многочисленную категорию изделий.

Псалии представлены единственным экземпляром из погребения Старый Качуг. Псалий роговой, стержневой, двудырчатый, длиной 13,5 см (рис. 7, 1). Аналогичные изделия широко использовались начиная с позднескифского времени и присутствуют в материалах хуннских памятников Западного Забайкалья (Коновалов, 1976. С. 180, табл. VI, 13; Давыдова, 1995. С. 30, табл. 181, 12, 13).

Распределительные кольца ремней сбруи из железа диаметром 3 и 7 см зафиксированы в погребениях 2 (2 экз.) и 4 (4 экз.) могильника Остров Осин-

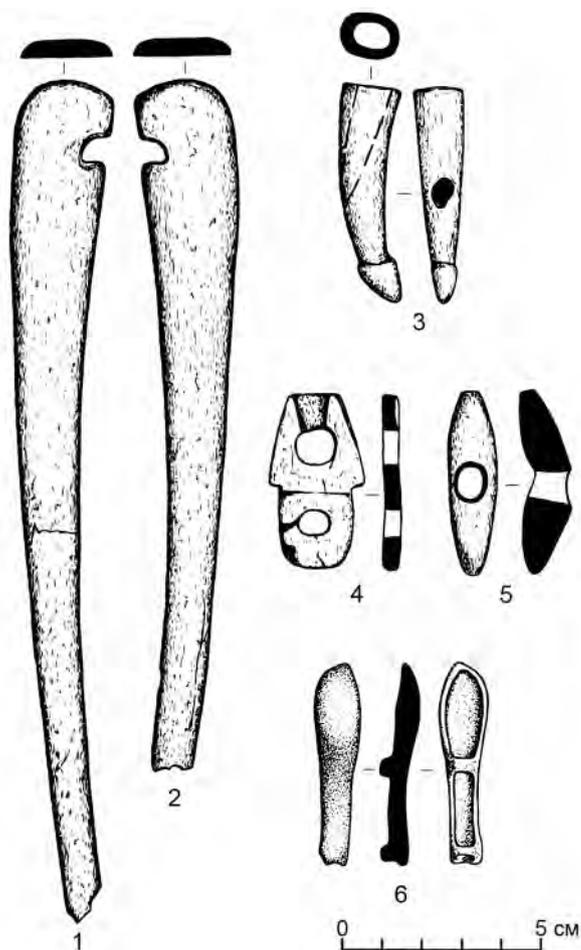

Рис. 5. Погребение Игетейский Лог 2: 1, 2 — накладки лука; 3, 6 — наконечники ремня; 4, 5 — пряжки. 1–5 — кость, рог; 6 — бронза

Fig. 5. Igeteisky Log 2 burial: 1, 2 — bow overlays; 3, 6 — belt tips; 4, 5 — buckles. 1–5 — bone, horn; 6 — bronze

ский (рис. 2, 17, 18, 20, 21; 3, 12, 13). На отдельных экземплярах сохранились фрагменты кожи.

Подобные кольца часто встречаются в хуннских памятниках Забайкалья и Монголии (Коновалов, 1976. Табл. X, 5–18; Төрбат и др., 2003. С. 175, рис. 7; С. 246, рис. 2–4; Миняев, 2007. Табл. 50, 2; 52, 1–3).

Ворворки. Всего найдено 6 экз.: Старый Качуг (1 экз.), Остров Осинский, погребения 4 (3 экз.), 1 (1 экз.), 2 (1 экз.). Изделия представляют собой односторонне выпуклые в сечении костяные кольца круглой формы, служившие для фиксации ремней сбруи, диаметром 3,0–3,5 см (рис. 2, 14–16; 7, 9). Вероятно, одним из вариантов ворворок являются и два предмета с округлым отверстием овальной и прямоугольной формы из погребения 2 могильника Остров Осинский (рис. 3, 9, 11).

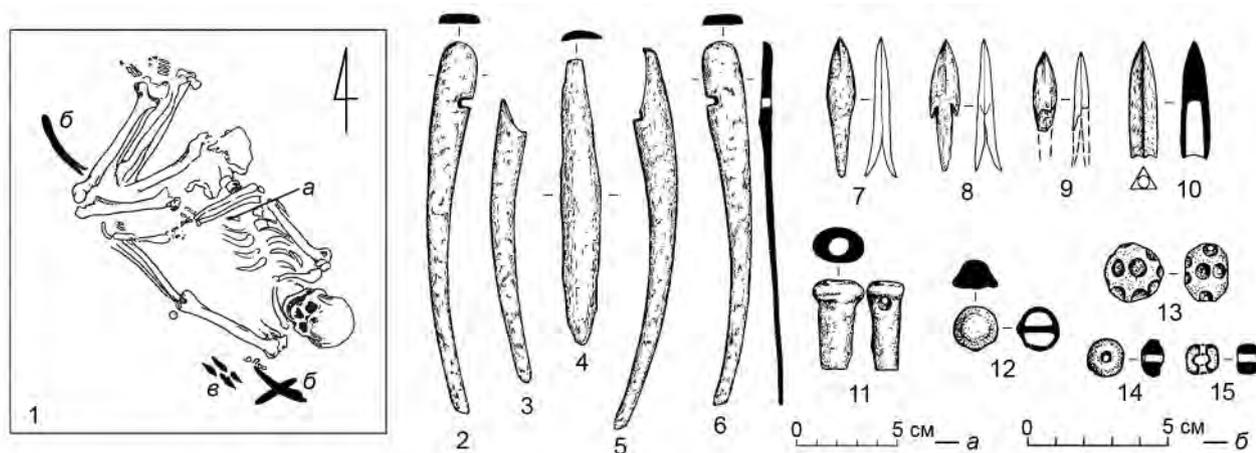

Рис. 6. Белоусово. 1 — план захоронения Белоусово, без масштаба (*a* — человеческие кости, *б* — накладки на лук, *в* — наконечники стрел) (Окладников, 1978. С. 102, рис. 1); 2–6 — накладки лука; 7–10 — наконечники стрел; 11 — трубочка; 12 — пуговица; 13–15 — бусины. 2–11 — кость, рог; 12 — бронза; 13 — камень, стекло; 14, 15 — стекло. Масштаб: *a* — для 2–11, *б* — для 12–15

Fig. 6. Belousovo. 1 — plan of the burial Belousovo, without scale (*a* — human bones, *б* — bow linings, *в* — arrowheads) (Окладников, 1978. С. 102, рис. 1); 2–6 — bow overlays; 7–10 — arrowheads; 11 — pipe; 12 — button; 13–15 — beads. 2–11 — bone, horn; 12 — bronze; 13 — stone, glass; 14, 15 — glass. Scale: *a* — for 2–11, *б* — for 12–15

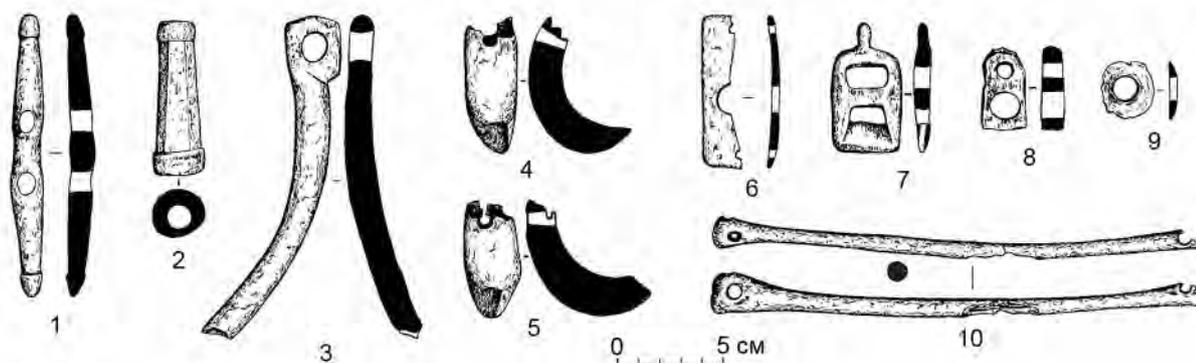

Рис. 7. Старый Качуг. Находки: 1 — псалий; 2 — трубочка; 3 — изделие из рога; 4, 5 — подвески из клыков кабана; 6, 8 — пряжки; 7 — подпружная пряжка; 9 — ворворка; 10 — деталь прибора для разведения огня. 1–3, 6–10 — кость, рог

Fig. 7. Stary Kachug. 1 — bit shank; 2 — pipe; 3 — horn item; 4, 5 — pendants made of boar tusks; 6, 8 — buckles; 7 — girth buckle; 9 — bone ring; 10 — part of a fire-making tool. 1–3, 6–10 — bone, horn

Аналогичные костяные ворворки встречаются в материалах Иволгинского могильника (Давыдова, 1995. Табл. 180, 29), Ильмовой Пади и Черемуховой Пади (Коновалов, 1976. Табл. VIII, 11–15).

Подпружные пряжки из рога (5 экз.). По материалу изготовления относятся к классу костяных. По месту расположения язычка делятся на два отдела, по наличию перемычки — на группы, а по форме рамки — на типы (табл. 1).

Отдел 1 — пряжки с внутренним язычком.
Группа 1. Без перемычки.

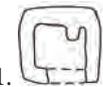
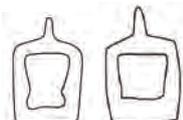
Тип 1. С рамкой прямоугольной формы. Представлен пряжкой из погребения 2 могильника Остров Осинский. Размеры — 4,6 × 4,2 см (рис. 3, 15).

Отдел 2 — пряжки с внешним язычком.

Группа 1. Без перемычки.

Тип 1. С рамкой прямоугольной формы. Включает две пряжки из могильника Острова Осинский: из погребения 4, имеет размеры рамки

Таблица 1. Типология подпружных пряжек из погребений хуннского времени лесостепного Предбайкалья
 Table 1. Typology of girth buckles from the burials of the Xiongnu time of the forest-steppe Cisbaikalia

Класс	Отдел	Группа	Тип	Количество, экз.	Могильник, погребение (год обнаружения)
Костяные	1. С внутренним язычком	1. Без перемычки	1. 	1	Остров Осинский, 2 (1982 г.)
	2. С внешним язычком	1. Без перемычки	1. 	2	Остров Осинский, 4 (1981 г.), 1 (2016 г.)
		2. С перемычкой	1. 	1	Старый Качуг
		2. 	1	Остров Осинский, подъемный материал	

5,5 × 4,5 см, длину язычка — 1,3 см (рис. 2, 26); из погребения 1. Размеры — 4,6 × 4,0 см, с язычком длиной 1,5 см (рис. 4, 2).

Группа 2. С перемычкой внутри.

Тип 1. С рамкой прямоугольной формы. Пряжка из погребения Старый Качуг, размерами 5,0 × 3,3 см, с язычком длиной 1,2 см (рис. 7, 7).

Тип 2. С рамкой трапециевидной формы. Изделие, найденное на острове Осинском в подъемном материале. Перемычка украшена вырезанным пояском. Длина рамки — 3,8 см, максимальная ширина — 2,7 см, минимальная — 2 см, длина язычка — 1,6 см (рис. 4, 3).

Пряжка с внутренним язычком (отдел 1, группа 1, тип 1) в памятниках хуннского времени не встречается. Наиболее близкий аналог — пряжка из 2-го Туэктинского кургана V в. до н. э. (Степанова, 2006. С. 120, рис. 7, 4).

Пряжки с внешним язычком являются одночастными застежками, размещавшимися на левых пристругах, то есть они были закреплены на седлах. Е. В. Степановой они включены во вторую хронологическую группу конского снаряжения (IV — начало III в. до н. э.) пазырыкской культуры Алтая (Там же. С. 124; С. 126, рис. 9; 129, рис. 12, 4). Подпружные пряжки с внешним язычком (чаще с перемычкой) встречаются в памятниках хуннского времени Западной Сибири (Могильников, 1992. С. 474, табл. 124, 17, 59, 67), Горного Алтая (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 32, рис. 1, 52–54), Минусинской котловины (Пшеницына, 1992. С. 444, табл. 94, 63). Аналогичная пряжка

с внешним язычком (без перемычки) встречена в одном экземпляре на Иволгинском городище (Давыдова, 1995. Табл. 182, 9).

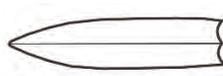
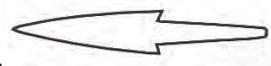
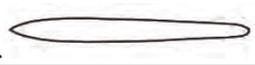
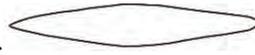
Костяные пряжки с двумя отверстиями, размерами 4,0 × 2,4 и 4,3 × 2,2 см, найденные в погребениях Игетейский Лог 2 и Старый Качуг, могли быть чумбурными блоками либо частями подпружной застежки (рис. 5, 4; 7, 8). Аналогичные изделия встречены в хуннских памятниках Западного Забайкалья (Коновалов, 1976. Табл. VIII, 17, 18).

Вероятно, к предметам конского снаряжения относятся и некоторые находки, выполненные из железа, кости и рога, функциональное назначение которых точно определить сложно. Это костяные и железная трубочки со сквозными отверстиями из погребений 4 могильника Остров Осинский (рис. 2, 22), Белоусово (рис. 6, 11) и Старый Качуг (рис. 7, 2); изогнутый роговой стержень с уплощенным прямоугольным концом, в котором имеется округлое отверстие, из погребения Старый Качуг (рис. 7, 3); костяные предметы разнообразных форм и их фрагменты с одним-двумя округлыми отверстиями из погребений 4 могильника Остров Осинский (рис. 2, 7, 8), Игетейский Лог 2 (рис. 5, 5), Старый Качуг (рис. 7, 6).

Предметы вооружения составляют вторую по численности категорию сопроводительного инвентаря. В нее входят детали сложносоставных луков и наконечники стрел.

Роговые и костяные накладки сложносоставных луков зафиксированы в четырех могилах. Комплект из одной боковой и четырех концевых

Таблица 2. Типология наконечников стрел из погребений хуннского времени лесостепного Предбайкалья
Table 2. Typology of arrowheads from burials of the Xiongnu time of the forest-steppe Cisbaikalia

Класс	Отдел	Группа	Тип	Количество, экз.	Могильник, погребение (год обнаружения)
Костяные	1. Втульчатые	1. 	1. 	1	Белоусово
	2. С раздвоенным насадом	1. 	1. 	2	Белоусово; Остров Осинский, 1 (2016 г.)
			2. 	1	Остров Осинский, 2 (1982 г.)
		2. 	1. 	2	Остров Осинский, 4 (1981 г.)
			2. 	5	Белоусово; Остров Осинский, 4 (1981 г.)

парных накладок найден в погребении Белоусово (рис. 6, 2–6). Такой же набор, но состоящий из фрагментов четырех концевых и овальной накладок найден в погребении 4 могильника Остров Осинский (рис. 2, 2–6). Две концевые накладки и два фрагмента (боковой и концевой) зафиксированы в погребениях 2 могильника Остров Осинский и Игетейский Лог 2 (рис. 3, 4, 8; 5, 1, 2).

Боковая накладка⁵ имеет узкую овальную форму, ее длина — 14 см, ширина — 2 см (рис. 6, 4). Концевые парные накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом для крепления тетивы. Внешняя поверхность заполирована. С внутренней стороны концы накладок покрыты сетчатой нарезкой для лучшего приклеивания к деревянной основе кибиты лука. Длина одной пары накладок — 18 см, другой — 21 см (рис. 5, 1, 2; 6, 2, 3, 5, 6).

Все вышеописанные накладки сложносоставных луков типичны для памятников хунну II в. до н. э. — I в. н. э. (Худяков, 1993. С. 109–111; Давыдова, 1996. Табл. 12, 1–4; 32; Миняев, 2007. С. 30, 74; Табл. 47, 1, 2; 112, 1–2; 115, 1, 2).

Наконечники стрел (12 экз.). Все найденные в погребениях наконечники изготовлены из кости или рога и относятся к классу костяных. По способу насада делятся на два отдела; по сечению пера — на группы; по форме пера — на типы (табл. 2).

Отдел 1 — втульчатые.

Группа 1. Треугольные наконечники.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из Белоусово. Длина пера — 6 см, ширина —

1,8 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, втулкой (рис. 6, 10).

Отдел 2 — с раздвоенным насадом. По сечению пера они делятся на две группы, по форме пера — на типы.

Группа 1. Ромбические.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 2 экз. из погребений Белоусово и 1 экз. из могильника Остров Осинский. Длина пера — 3,0 и 4,8 см, ширина — 1,5 и 1,3 см соответственно. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, упором, оформленным боковыми уступами и уплощенным насадом (рис. 4, 7; 6, 8).

Тип 2. Вытянуто-четырёхугольные. Включает 1 экз. из погребения 2 могильника Остров Осинский. Длина пера — 5 см, ширина — 0,9 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными гранями (рис. 3, 6).

Группа 2. Линзовидные.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 2 экз. из погребения 4 могильника Остров Осинский. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1,2–1,4 см. Наконечники с остроугольным острием, прямыми плечиками, насадом с раздвоенными концами (рис. 2, 10, 11).

Тип 2. Удлиненно-овальные. Включает 5 экз. из Белоусово и погребения 4 могильника Остров Осинский. Длина пера — 2,5–4,5 см, ширина — 1,0–1,4 см. Наконечники с остроугольным острием, овальными плечиками, плавно переходящими в насад с раздвоенными концами (рис. 2, 9, 12, 13; 6, 7, 9).

Все группы и типы наконечников, зафиксированные в захоронениях Южного Приангарья и Верхней Лены, имеют прямые аналогии среди подобных изделий II в. до н. э. — I в. н. э. (Худяков, 1986. С. 34, 36, 37, 47, рис. 14; Давыдова,

⁵ Описание и размеры накладок производятся по наиболее сохранившимся образцам из погребения Белоусово.

1995. Табл. 180, 1–9, 16–23; Миняев, 2007. С. 27, 28, рис. 13, 6–10). Обращает на себя внимание полное отсутствие в погребениях Предбайкалья металлических наконечников стрел.

Предметы быта и хозяйства. Составляют небольшую категорию артефактов и включают: ножи, острие, детали приборов для добывания огня, зеркала.

Ножи представлены четырьмя экземплярами, анализу поддаются только три из них (у одного (погребение 4 могильника Остров Осинский) утрачен насад) (рис. 2, 24).

По материалу изготовления относятся к классу железных. По наличию насада в виде черешка — к отделу черешковых. Различия между ножами заключаются в оформлении принасадной части (в наличии или отсутствии лезвийных уступов) и наличии (отсутствии) наверший насада (Харинский, 2001. С. 118, 119, рис. 61; Николаев, 2004. С. 62–64).

Группа 1. Ножи с лезвийным уступом.

Тип. 1. С прямым клинком, прямым насадом с кольцевым навершием. Включает два экземпляра из погребений 2 и 4 могильника Остров Осинский. Имеются утраты части клинка и лезвия. Длина сохранившейся части клинков — 10,0 и 7,5 см, ширина в основании — 2,0 и 1,4 см, длина насада — 6 и 8 см, диаметр навершия — 1,6 и 1,5 см (рис. 2, 25; 3, 2).

Группа 2. Ножи с обушковым и лезвийным уступами.

Тип 1. С прямым однолезвийным клинком, прямым приостренным насадом. Включает 1 экз. из погребения 2 могильника Остров Осинский. Имеются утраты части клинка и края лезвия. Длина сохранившейся части клинка — 9 см, ширина в основании — 1,3 см. Длина насада — 3,8 см (рис. 3, 3).

Ножи данных групп и типов имеют широкое распространение среди подобных изделий могильника Ильмовая Падь, Иволгинского городища и поселения Дурёны в Забайкалье (Коновалов, 1976. Табл. XVI; Давыдова, 1995. С. 33, табл. 186, 25–34; Давыдова, Миняев, 2003. Табл. 9, 5, 7, 11, 16).

Острие из кости представлено в единственном экземпляре из погребения 2 могильника Остров Осинский. Изготовлено из прямой овальной в сечении косточки, приостренной с одной стороны с помощью косога среза. Противоположный конец представляет собой слабо обработанную часть эпифиза и имеет небольшое утолщение. Длина изделия — 10,3 см (рис. 3, 5).

Детали прибора для добывания огня представлены изделиями двух типов. Длинные кости животных с просверленными сквозными отверстиями в эпифизах найдены в погребениях 4 могильника Остров Осинский и Старый Качут (рис. 2, 29; 7, 10). Длина костей — 23,5 и 27,0 см. Изделия второго типа — два костяных зажима 8-образной формы с отверстиями в верхней части и округлыми ямками со следами трения и легкого обугливания в середине предмета — зафиксированы в погребении 4 могильника Остров Осинский (рис. 2, 27, 28).

Полный комплект предметов для добывания огня найден в хуннском погребении кургана 6 могильника Ноин-Ула. Он состоял из деревянных дощечки, стержня или сверла, лучка с отверстиями на концах для крепления ремной тетивы, с помощью которой придавалось вращение сверлу. На дощечке имелись округлые обуглившиеся луночки, а у сверла — обуглившиеся концы (Руденко, 1962. С. 52, табл. XXV). Накладки-упоры на стержень-сверло и лучок могли быть и костяными (Руденко, 1962. С. 52–53, рис. 46; Коновалов, 1976. С. 202).

Схожие детали приборов для добывания огня найдены в курганах КЭ-13, КЭ-22, КЭ-23 древнетюрского времени VI–X вв. н. э. могильника Кокэль в Западной Туве и в погребении 5 могильника Кудыргэ на Алтае (Вайнштейн, 1966. С. 321, 322; Гаврилова, 1965. Табл. XII, рис. 5, 6). По кокельским материалам С. И. Вайнштейном выполнена реконструкция прибора, состоящего из пяти частей: 1) длинной палочки, расширяющейся в нижней части, где имела глубокая выемка; 2) маленького деревянного стерженька, вставлявшегося в выемку палочки и служившего сверлом; 3) дощечки, в лунках которой «высверливался» огонь; 4) деревянного или костяного приспособления для прижимания сверла для работы; 5) натянутого на лучок ремешка для вращения сверла (Вайнштейн, 1966. С. 322, рис. 38; табл. IV, 5; VI, 13; VII, 9).

Бронзовые зеркала представлены двумя изделиями. Целый экземпляр найден рядом с погребением 1 могильника Остров Осинский (рис. 4, 8). Фрагменты еще одного зеркала — случайная находка в Заларинском районе Иркутской области (рис. 8, 2). Оба предмета принадлежат одному типу зеркал с иероглифической надписью: «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе». Эти зеркала относятся ко времени династии Западная Хань и датируются II–I вв. до н. э. (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 118, 119).

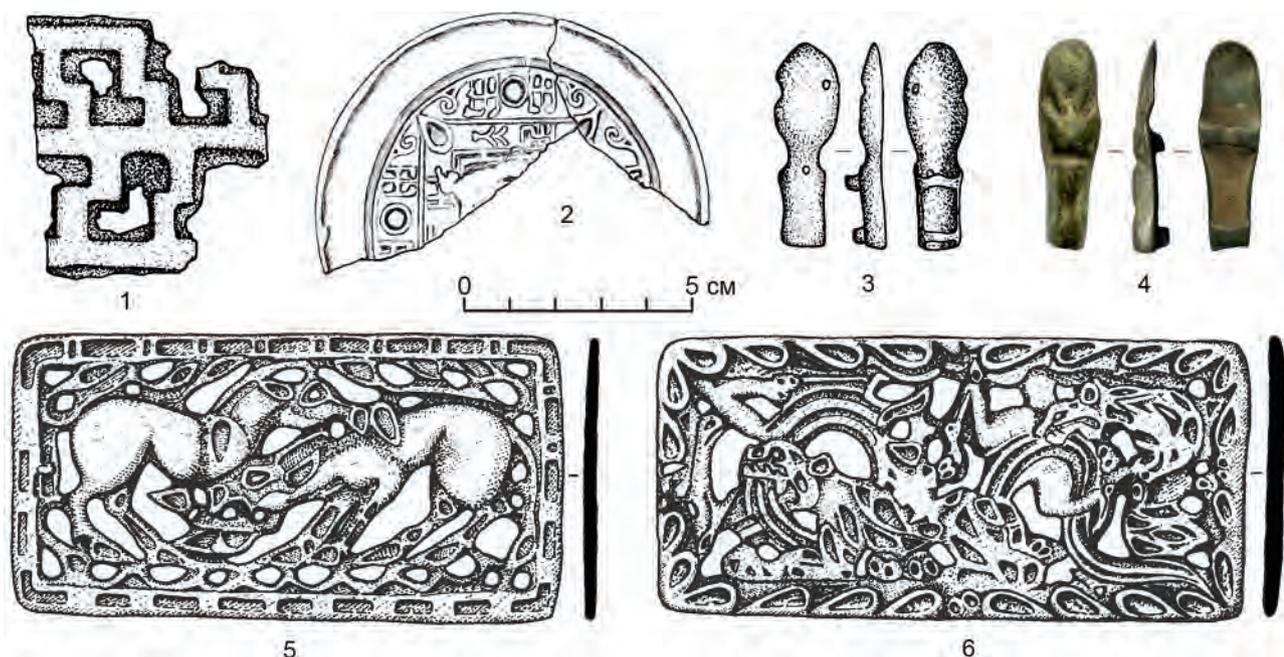

Рис. 8. Случайные находки: 1 — фрагмент поясной пластины, левый берег Унгинского залива Братского водохранилища, О. Б. Варламов, 1987 г.; 2 — фрагменты зеркала, Заларинский район Иркутской области; 3 — наконечник ремня, устье р. Унги, М. П. Овчинников, 1907–1910 гг.; 4 — наконечник ремня, левый берег р. Куйты, В. С. Николаев; 5, 6 — поясные пластины, берег р. Уды возле пос. Вознесенского, Л. П. Сергеева (Коростелев, 2022. С. 402, рис. 150). Бронза

Fig. 8. Accidental finds: 1 — fragment of a belt plaque, left bank of the Unga bay of the Bratsk reservoir, O. B. Varlamov, 1987; 2 — fragments of a mirror, Zalari District of the Irkutsk Oblast; 3 — belt tip, mouth of the Unga river, M. P. Ovchinnikov, 1907–1910; 4 — belt tip, left bank of the Kuyta river, V. S. Nikolaev; 5, 6 — belt plaques, bank of the Uda river near Voznesensky village, L. P. Sergeeva (Коростелев, 2022. С. 402, рис. 150). Bronze

В археологических памятниках хуннского времени Сибири аналогичные изделия найдены в таштыкском погребении у Есинской моторно-тракторной станции в Минусинской котловине (Вадецкая, 1999. С. 69–71), в погребениях 25, 42, 82, 86 могильника Ала-Тей 1 в Туве (Леус, 2018. С. 109, рис. 2), в погребении кургана 28 могильника булан-кобинской культуры Чендек на Алтае (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 34, рис. 2, 27), в насыпи кургана 8 могильника саргатской культуры Марково I в Барабинской лесостепи (Полосьмак, 1987. С. 83, рис. 33, 4). Еще два предмета — случайные находки из Прибайкалья и Забайкалья (Оборин, Савосин, 2017. С. 51, рис. 1.8; С. 52, рис. 1.9, 1, 2).

Находки ханьских зеркал в памятниках культуры хунну описаны и систематизированы во множестве работ (Филиппова, 2000; Törbat, 2011; Отани, 2021; и др.).

Детали пояса и одежды, украшения. Представляют значительную группу изделий из бронзы, камня, стекла и кости.

Пряжки пояса по материалу изготовления делятся на два класса — железные (2 экз.) и бронзовые (6 экз.). По форме рамки среди них выделяются типы.

Железные пряжки.

Тип 1. Прямоугольные. Представлен одним экземпляром из погребения 4 могильника Остров Осинский. Рамка прямоугольная, размерами 3,0 × 3,5 см, на рамке сохранилось основание подвижного язычка (рис. 2, 19).

Тип 2. Овальные. Представлен одним экземпляром из погребения 2 могильника Остров Осинский. Рамка овальная, размерами 2,0 × 2,5 см, язычок подвижный, прямой, приотстренный (рис. 3, 14).

Подобные пряжки различных типов часто встречаются в хуннских погребальных и поселенческих комплексах (Коновалов, 1976. Табл. XI, XII; Давыдова, 1995. Табл. 186, 1–3; Давыдова, Миняев, 2003. Табл. 13, 1, 3–6, 13, 14; Монголь Торырик..., 2011. Р. 134, fig. 63).

Бронзовая пряжка с неподвижным язычком обнаружена в погребении 2 могильника Остров

Осинский. Изделие имеет фигурную рамку с двумя завитками-волютами внутри и выступающий короткий прямой язычок крепления ремня (рис. 3, 17). Размеры — 3,5 × 2,7 см.

Такие же пряжки имеются в материалах памятников Дырестуйский могильник (Забайкалье), Дурлиг Нарс (Монголия) и в одной частной коллекции (найлены в Монголии) (Миняев, 2007. С. 37, рис. 18, 24; Монголь Торырик..., 2011. Р. 167, fig. 42, 55; *Erdenechuluun, Erdenebaatar*, 2011. Р. 41, fig. 9; Р. 409, fig. 396).

Бронзовые ажурные пряжки-пластины размерами 12,0–13,0 × 5,5–6,5 см. Всего найдено шесть изделий: три — в погребениях, три — случайные находки. Пять пластин полные, одна — фрагмент. По форме относятся к одному типу — прямоугольных, по сюжету делятся на три группы.

Группа 1. Пластины со сценой борьбы двух тигров и дракона. Включает 2 экз.: из погребения 4 могильника Остров Осинский и из подъемных сборов с р. Уды (рис. 2, 32; 8, 6). Аналогичные изделия с этим сюжетом найдены в погребении 100 Иволгинского могильника хунну (Давыдова, 1971. С. 96, рис. 2), погребении 5 могильника Булак в Восточном Забайкалье (Кириллов и др., 2000. С. 152, рис. 63), в разрушенном захоронении на могильнике Терезин в Туве (Килуновская, Леус, 2018. С. 138, рис. 11, 2).

Группа 2. Пластины с решетчатым орнаментом, украшенные по краям рамки головами шести ушастых грифонов. Включает 3 экз. (два целых и один фрагмент): из погребения 4 могильника Остров Осинский (2 экз.) и из подъемных сборов в долине р. Унги (1 экз.) (рис. 2, 31, 32; 8, 1). Пластины данной группы широко распространены в памятниках хуннского времени Южной Сибири и Центральной Азии (Дэвлет, 1980. С. 25, 26, табл. 16, 17; Килуновская, Леус, 2018. С. 137; 138, рис. 11, 6).

Группа 3. Пластина со сценой поединка куланов или коней найдена в единственном экземпляре на р. Уде (рис. 8, 5). Аналогичные экземпляры подобных пластин широко представлены в составе сопроводительного инвентаря захоронений хуннского времени, кладов и среди случайных находок с территории Минусинской котловины, Тувы и Забайкалья (Дэвлет, 1980. С. 22, 23, табл. 7, 24; 8; 9; 10; Давыдова, Миняев, 2008. С. 55, рис. 47; 56, рис. 48; 69, рис. 65; 70, рис. 66; 78, рис. 76; 79, рис. 77).

Благодаря находке целого пояса в погребении 5 могильника Булак удалось выполнить его реконструкцию. К краям кожаной основы ремня

пришивались деревянные прямоугольные дощечки, к которым прикреплялись ажурные бронзовые пластины. Пояс застегивался с помощью двух бронзовых полушаровидных пуговиц и дополнительно закреплялся пришитым к кожаной основе ремешком в виде петли, которая продевалась через отверстия пластин и накидывалась на шпек, выступающий на одной из блях (Кириллов и др., 2000. С. 47, 48). Аналогичную конструкцию, видимо, имел пояс из погребения 107 Дырестуйского могильника. От изделия сохранились часть кожаной основы, различные украшения из бронзы в виде бляшек и колец, бусины и имитации раковин каури, а также две бронзовые поясные пластины, крепившиеся к деревянным дощечкам (Миняев, 2007. С. 98).

Наконечники ремней из кости и бронзы. Представлены 5 экз.: из погребений Игетейский Лог 2 (2 экз.); погребения 2 могильника Остров Осинский (1 экз.); из подъемных сборов в долине р. Унги (2 экз.).

Наконечник ремня из рога. Найден в единственном экземпляре в погребении Игетейский Лог 2 и представляет собой вытянутый чуть изогнутый стержень длиной 5,5 см с вырезанным коническим навершием и сквозным каналом, который начинается в основании и заканчивается отверстием по центру стержня (рис. 5, 3).

Схожие изделия обнаружены при раскопках Иволгинского городища и Дырестуйского могильника хунну (Давыдова, 1995. Табл. 185, 39–43; Миняев, 2007. Табл. 57, 2).

Ложечковидные наконечники ремней из бронзы (4 экз.) размерами 4,5–5,2 × 1,2–1,5 см. Лицевая поверхность двух изделий гладкая, остальных — украшена стилизованным изображением головы животного (рис. 3, 18; 5, 6; 8, 3, 4).

Подобные наконечники широко встречаются в памятниках хуннского времени Монголии, Забайкалья и Южной Сибири (Давыдова, 1995. Табл. 186, 16, 17; 1996. Табл. 51, 4–7; Миняев, 2007. С. 37, рис. 18, 31, 32; Монголь Торырик..., 2011. Р. 240, fig. 330; Матренин, 2017. С. 19, рис. 19, 5–7; Килуновская, Леус, 2018. С. 143, 144, рис. 16, 11, 12).

Пуговицы из бронзы и железа. Представлены четырьмя экземплярами, по одному в каждом из погребений: Белоусово; погребения 1, 2, 4 могильника Остров Осинский.

Пуговица из погребения Белоусово полушаровидной формы диаметром 1,5 см изготовлена из бронзы (рис. 6, 12). Пуговицы из погребений Остров Осинский полушаровидной формы диаметром 2,0–2,3 см изготовлены из железа

(рис. 2, 23; 3, 7; 4, 4). У экземпляра из погребения 4 есть дополнительные элементы в виде двух стилизованных полулунных лепестков (рис. 2, 23).

Полусферические пуговицы имеют прямые аналогии в хуннских памятниках, при этом наиболее распространены изделия из бронзы (Давыдова, 1995. Табл. 187, 25, 27, 28; 1996. Табл. 51, 3; Төрбат и др., 2003. С. 13, рис. 1–5, 7; 168, рис. 1).

Бусины из камня и стекла. Представлены шестью экземплярами: Белоусово (3 экз.), могильник Остров Осинский (3 экз.).

Бусины из Белоусово. Одна крупная бусина шаровидной формы диаметром 2 см изготовлена из зеленовато-серого камня и имеет инкрустацию в виде мелких лунок, заполненных пастой и синезеленым стеклом (рис. 6, 13). Две другие — уплощенно-шаровидной формы, изготовлены из синезеленого стекла (рис. 6, 14, 15). Их диаметр — 0,8 и 1,0 см.

Бусины из могильника Остров Осинский. Все найдены при осмотре территории могильника в подъемном материале. Первая — шестигранная в сечении пронизка из прозрачного камня сиреневого цвета длиной 1,6 см (рис. 4, 9); вторая — шаровидная граненая бусина из камня белого цвета диаметром 0,9 см (рис. 4, 10); третья — фрагмент шаровидного изделия диаметром 1 см из пасты голубого цвета (рис. 4, 11).

Все найденные в предбайкальских погребениях бусины имеют широкие аналогии среди подобных изделий в хуннских комплексах Иволгинского городища и поселения Дурёны (Давыдова, 1995. Табл. 188, 4, 5, 8, 15, 39; Миняев, 2007. Табл. 3, 12; 7, 1, 2; 15, 10, 41).

Подвески из клыков кабана (2 экз.) найдены в погребении Старый Качут. В основаниях клыков имеются округлые сквозные отверстия для подвешивания диаметром 0,6–0,8 см (рис. 7, 4, 5).

Изделие из кости неизвестного назначения обнаружено в погребении 2 могильника Остров Осинский: оно представляет собой маленький костяной полый стерженек длиной 2 см с тремя рельефными нарезками в нижней части (рис. 3, 16). Возможно, является частью одежды или украшения.

Таким образом, все представленные захоронения характеризуются наличием в погребальном инвентаре предметов, характерных для памятников хунну Центральной Азии и Забайкалья, что указывает на время сооружения этих комплексов — конец III в. до н. э. — I в. н. э. Не противоречит этому интервалу и единственная полученная AMS ¹⁴C-дата по фаланге стопы из погребения 1 могильника

Остров Осинский — 2155±20 л. н. (UCIAMS-186302), которая в калиброванном виде дает интервал 351–103 гг. до н. э.⁶ (Уланов, 2017. С. 298, табл.).

Обсуждение результатов

Современная культурно-хронологическая схема раннего железного века Прибайкалья впервые была предложена О. И. Горюновой. Исследовательница разделила все имеющиеся на тот момент погребения на три большие культурно-хронологические группы: с плиточными могилами (VII–II вв. до н. э.), елгинскую (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) и бутухейскую (II в. до н. э. — I в. н. э.) (Горюнова, 1993). Погребение 4 могильника Остров Осинский включено автором в бутухейскую группу захоронений (Там же. С. 79).

По мере наполнения источниковой базы эта схема была уточнена и дополнена (Туркин, 2003; 2004; Харинский, 2014; Коростелев, 2022). Для западного побережья оз. Байкал в хуннское время исследователи выделяют две группы захоронений: 1) погребения бутухейского типа (XIV в. до н. э. — начало I в. н. э.), для которых характерно наличие плоской овальной каменной кладки и положение погребенного в могильной яме вытянуто на спине, головой на восток–юго-восток; 2) погребения елгинского типа (V в. до н. э. — IV в. н. э.), для которых характерно наличие плоских каменных кладок, по форме овальных либо четырехугольных, и положение скелета в могильной яме на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Эти группы исследователи соотносят с двумя волнами миграции населения из Забайкалья (Сотниково), причем вторая волна (в конце III в. до н. э.) связана с вхождением этой территории в состав державы хунну (Харинский, 2014; Коростелев, 2022).

Все ангарские погребальные комплексы, несмотря на отсутствие доказанного положения и ориентации погребенных, также были включены в елгинскую группу (Харинский, 2014. С. 21; Коростелев, 2022, С. 214–217). Следует подчеркнуть, что ни на одном из ангарских захоронений нет следов надмогильных сооружений в виде каменных кладок, характерных для елгинского типа, что уже указывает на их особенность и отличие от «классических» елгинцев. Поэтому до обнаружения непо потревоженных новых погребений на данной территории вопрос о культурной принадлежности захоронений памятников Остров

⁶ Калибровка выполнена в программе OxCal 4.4 (Bronk Ramsey, 2024) при помощи атмосферной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020) с вероятностью 95,4 %.

Осинский и Игетейский Лог 2 пока остается открытым. Не исключено, что Южное Приангарье станет районом со своим своеобразным вариантом елгинской культурной общности.

Что касается погребений ленской группы (Белоусово и Старый Качуг), то по наличию овальной кладки и размещения усопшего на боку головой на юго-восток с подогнутыми ногами (Белоусово) и наличию характерного для хуннского времени погребального инвентаря их можно соотнести с елгинским типом захоронений.

Сопроводительный инвентарь из погребальных комплексов Предбайкалья рубежа эр характерен для многих культур Центральной Азии и Сибири, что указывает на сильное влияние империи хунну. Особенно ярко это заметно по наличию в погребениях и подъемных сборах престижных бронзовых изделий (ажурные поясные пластины, пряжки, наконечники ремней, зеркала).

Заключение

Археологические данные о населении Предбайкалья в хуннское время носят ограниченный и фрагментарный характер. Тем не менее материалы с памятников Остров Осинский, Игетейский Лог 2, Белоусово, Старый Качуг, а также случайные находки демонстрируют наличие интересных комплексов, свидетельствующих о сильном культурном влиянии, которое оказала держава хунну на жителей лесостепных районов этой территории.

Для получения более адекватного представления о жизни региона в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. необходимо продолжать поиски новых объектов этого времени, а также доисследовать уже известные, прежде всего могильник Остров Осинский, который подвергается интенсивному разрушению волноприбойной деятельностью Братского водохранилища.

- Бердникова, Николаев, 2003* — Бердникова В. И., Николаев В. С. Шаманские погребения на о. Осинский (Южное Приангарье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2003. Вып. 1. С. 123–133.
- Бердникова, Николаев, 2004* — Бердникова В. И., Николаев В. С. Обряд кремации у бурят Приангарья // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2004. Вып. 3. С. 143–165.
- Вадецкая, 1999* — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в ранней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.
- Вайнштейн, 1966* — Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292–334.
- Гаврилова, 1965* — Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горюнова, 1993* — Горюнова О. И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика (тезисы и материалы научной конференции) / Отв. ред. Ю. Б. Рандалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1993. С. 76–80.
- Давыдова, 1971* — Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 93–105.
- Давыдова, 1995* — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995 (Археологические памятники сюнну; Вып. 1). 97 с.
- Давыдова, 1996* — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.
- Давыдова, Миняев, 2003* — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб.: АзиатИКА, 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.
- Давыдова, Миняев, 2008* — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008 (Археологические памятники сюнну; Вып. 6). 120 с.
- Дэвлет, 1980* — Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980 (САИ; Вып. Д 4–7). 66 с.
- Килуновская, Леус, 2018* — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Кириллов и др., 2000* — Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.
- Коновалов, 1976* — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. 248 с.
- Коростелев, 2022* — Коростелев А. М. Бутухейские и елгинские погребально-поминальные комплексы Предбайкалья V в. до н. э. — IV в. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3 — Археология. Барнаул, 2022. 413 с.
- Леус, 2018* — Леус П. М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве [Электронный ресурс] // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Тезисы конф. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 104–110 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archeo.ru/hronika/konferencii/drevnie-kultury-centralnoi-azi> (дата обращения: 20.04.2024).

- Лубо-Лесниченко, 1975 — Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 238 с.
- Матренин, 2017 — Матренин С. С. снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. — V в. н. э.) / Под науч. ред. А. А. Тишкина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2007. 233 с.
- Могильников, 1992 — Могильников В. А. Саргатская культура // Андрианов Б. В., Боковенко Н. А., Вадецкая Э. Б. и др. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 292–311.
- Монголь Торырик..., 2011 — Монголь Торырик Нарысы хюнно мудом I [몽골 도르릭 나르스 흥노 무덤 I]. Хуннское погребение Дурлиг Нарс в Монголии I / Под ред. Юн Юнхи и др. Сеул: Кунним Чунгъан панмультван, 2011. 466 р. (на кор. яз.).
- Николаев, 2004 — Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
- Оборин, Савосин, 2017 — Оборин Ю. В., Савосин С. Л. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок: Электронное издание. Красноярск; М., 2017. 527 с. [Электронный ресурс] // URL: www.academia.edu/31884315/Oborin_Savosin_CHINESE_BRONZE_MIRRORS_A_Compendium_of_Random_Findings_pdf (дата обращения: 21.01.2024).
- Окладников, 1940 — Окладников А. П. Погребение бронзового века в Ангарской тайге // КСИИМК. 1940. № VIII. С. 104–112.
- Окладников, 1949 — Окладников А. П. История Якутии. Т. I: Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: ЯКУТГОСИЗДАТ, 1949. 439 с.
- Окладников, 1978 — Окладников А. П. Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. С. 101–109.
- Отани, 2021 — Отани И. Кёугайсюцудо тьюгокукёу сюэсэй (1) монгорукоку нарабини дзабайкару тийки [дай 2 хан]. [大谷育 疆外出土中 鏡集成(1) — モンゴル ならびにザバイカル地域 [第2版]]. Китайские зеркала, обнаруженные за пределами Китая: Монголия и Забайкалье. Ч. 2 // Archaeological Bulletin Kanazawa University. 2021. Т. 42. С. 37–57 (на яп. яз.).
- Полосьмак, 1987 — Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Пишеницына, 1992 — Пишеницына М. Н. Тесинский этап // Андрианов Б. В., Боковенко Н. А., Вадецкая Э. Б. и др. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 292–311.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Наука, 1962. 206 с.
- Смотровая, 1982 — Смотровая В. И. Находки бронзовых ажурных пластин в Прибайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тезисы докладов к регион. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1982. С. 106–107.
- Смотровая, 1991 — Смотровая В. И. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1991. С. 136–143.
- Степанова, 2006 — Степанова Е. В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // АВ. 2006. Вып. 13. С. 102–150.
- Тишкин, Горбунов, 2006 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.
- Төрбат и др., 2003 — Төрбат Ц., Амартувишин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хүрлийн үеэс Монголын үе). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 296 с.
- Туркин, 2003 — Туркин Г. В. Лесостепное Предбайкалье в конце II — I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Владивосток: б. и., 2003. 24 с.
- Туркин, 2004 — Туркин Г. В. Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце II — I тыс. до н. э. (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 2004. С. 82–93.
- Уваров, Бердникова, 1987 — Уваров А. И., Бердникова В. И. Исследования Осинского залива Братского водохранилища // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 288.
- Уланов, 2017 — Уланов И. В. Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2017. Вып. 6. С. 292–299.
- Уланов и др., 2017 — Уланов И. В., Веренская А. В., Иванов Г. Л., Никулина Е. Д., Тарановский А. Ю. Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище) // Известия Иркутского ГУ. 2017. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 22. С. 124–149.
- Филиппова, 2000 — Филиппова И. В. Китайские зеркала из памятников хунну Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 100–108.
- Харинский, 2001 — Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. — середине I тыс. н. э.:

- генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2001. 199 с.
- Харинский, 2014 — Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 19–43.
- Харинский, Коростелев, 2011 — Харинский А. В., Коростелев А. М. Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 173–203.
- Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков, 1993 — Худяков Ю. С. Эволюция сложноставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107–148.
- Bronk Ramsey, 2024 — Bronk Ramsey C. OxCal 4.4 2024. [Электронный ресурс] // URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk> (дата обращения: 15.01.2024).
- Erdenechuluun, Erdenebaatar, 2011 — Erdenechuluun P., Erdenebaatar D. The Sword of Heaven: Culture of Bronze Artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Ulaanbaatar: Sunny Mongolia Today Publ., 2011. 496 p.
- Reimer et al., 2020 — Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, no. 4. P. 725–757.
- Törbat, 2011 — Törbat Ts. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu Graves of Mongolia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Freiburg: Freiburger Graphische Betriebe, 2011. P. 315–325.

Burials of the Xiongnu time of the forest-steppe Cisbaikalia

I. V. Ulanov, V. S. Nikolaev⁷

Keywords: forest-steppe Cisbaikalia, Southern Angara region, Upper Lena, Early Iron Age, Xiongnu time, burial complexes, accompanying inventory.

The burials of the Xiongnu time in the forest-steppe Cisbaikalia constitute a small but distinctive group. All burials are concentrated in the Southern Angara region and Upper Lena in forest-steppe ‘pockets’ of the valleys of the Angara, Osa and Lena rivers (fig. 1). According to the peculiarities of the burial rites, these complexes are divided into two groups: the Angara group and the Lena group. The first one includes the sites of Osinsky Island and Igeteysky Log 2. This group is characterised by the presence of a burial ground (Osinsky Island) and the absence of stone grave structures. All burials of the Angara group were destroyed. The Lena group is characterized by the presence of only single burials (Belousovo and Stary Kachug) and the presence of stone masonry. The buried person was placed on his side with tucked legs, head to the south-east. Items found in burials and accidental finds (fig. 2–6) are categorized into groups based according to their functional purpose. The most numerous group includes the items of horse equipment. Armoury items are represented by bow overlays and bone arrowheads. Household items include knives, parts of fire-making tool and bone points. Clothing and jewellery details are represented by buttons, beads, belt buckles, belt tips, boar tusk pendants and copies of Chinese mirrors. Most of the items found analogies in the Xiongnu culture sites from Transbaikalia and Mongolia. This fact and radiocarbon date 2155 ± 20 BP indicate the age of the burials construction — the end of the 3rd cen. BC — 1st cen. AD. It is difficult to establish the cultural belonging of the burials due to their destruction. The burials of the Lena group correlate with the burials of the Yelga stage of the western shore of Lake Baikal. The burials of the Angara group have no traces of stone masonry, which probably indicates the difference in burial traditions. To obtain a more complete picture of the life of the region at the turn of the eras, it is necessary to continue the search and research of funerary complexes in the forest-steppe Cisbaikalia.

⁷ Ilya V. Ulanov — Irkutsk State University; Irkutsk, Russia; e-mail: ussr-ilya@yandex.ru. Vadim S. Nikolaev — LLC NPO “Expertiza”; Irkutsk, Russia; e-mail: vsnikolaev2008@yandex.ru.

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. К. КАРГЕРА

Всероссийская научная конференция «Древнерусский город: архитектура и материальная культура: к 120-летию со дня рождения археолога, искусствоведа и историка М. К. Каргера» (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2023 г.)¹

К. А. Михайлов, А. А. Пескова²

Ключевые слова: М. К. Каргер, история отечественной археологии, материальная культура древнерусского города, архитектурная археология.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-116-119

24–26 октября 2023 г. в ИИМК РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Древнерусский город: архитектура и материальная культура», посвященная 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древнерусской археологии и архитектуры Михаила Константиновича Каргера (1903–1976). Конференция стала вторым научным мероприятием, приуроченным к юбилейной дате М. К. Каргера — признанного основателя ленинградской школы архитектурной археологии и руководителя группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР (1951–1974), заведующего ЛОИА (1964–1971). Предыдущая конференция «Архитектура и археология Древней Руси», приуроченная к 100-летию со дня рождения М. К. Каргера, прошла 26–28 ноября 2003 г. в Государственном Эрмитаже и ИИМК РАН.

Торжественное открытие конференции к 120-летию М. К. Каргера состоялось 24 октября 2023 г. в Дубовом зале Ново-Михайловского дворца (рис. 1). К открытию конференции К. А. Ми-

хайловым (СПб., ИИМК РАН) была подготовлена и издана монография «Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки» (СПб.: ИИМК РАН, 2023. 114 с.). В ней представлена первая подробная биография М. К. Каргера, на основе архивных материалов прослежена история семьи ученого, особенно скрупулезно описаны годы становления исследователя, опубликован полный список его научных трудов.

На конференции было заслушано 50 докладов, сгруппированных по нескольким направлениям: архивные исследования и история разряда архитектуры в ГАИМК, новые архитектурно-археологические исследования памятников древнерусской архитектуры, археологические исследования древнерусских городов, сохранение археологического наследия. Всего в работе конференции приняли участие более 70 ученых — археологов, историков и специалистов по архитектурной археологии — из Российской Федерации (64 автора докладов) и Беларуси (8 авторов), которые представляли 22 научные, научно-образовательные и научно-просветительские организации. На протяжении всего периода работы конференции заседания сопровождались онлайн-трансляцией, что позволило значительно расширить аудиторию.

Конференция открылась серией докладов, посвященных М. К. Каргеру и архитектурно-археологической и реставрационной деятельности ГАИМК. Первым стало выступление Д. Д. Ёлшина (СПб., Гос. Эрмитаж) «Архитектурная

¹ Работа проведена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² К. А. Михайлов, А. А. Пескова — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: mikhailov_kirill@mail.ru, peskovaaa@rambler.ru.

© Михайлов К. А., Пескова А. А., 2024

1

2

Рис. 1. Всероссийская научная конференция «Древнерусский город: архитектура и материальная культура: к 120-летию со дня рождения археолога, искусствоведа и историка М. К. Каргера»: 1 — участники конференции на парадной лестнице Ново-Михайловского дворца: Д. Д. Ёлшин, Е. Н. Торшин, А. М. Житенева, А. А. Кудрявцев, А. В. Плохов (первый ряд), В. Н. Матвеев, А. Н. Хохлов, В. И. Кошман, А. Н. Федорина, И. Е. Зайцева (второй ряд); 2 — доклад Д. Д. Ёлшина

Fig. 1. All-Russian scientific conference “Old Russian city: architecture and material culture: To the 120th anniversary of the archaeologist, art historian and historian M. K. Karger”: 1 — conference participants on the main staircase of the Novo-Mikhailovsky Palace: D. D. Yolshin, E. N. Torshin, A. M. Zhiteneva, A. A. Kudryavtsev, A. V. Plokhov (first row), V. N. Matveev, A. N. Khokhlov, V. I. Koshman, A. N. Fedorina, I. E. Zaitseva (second row); 2 — report by D. D. Yolshin

археология в версии М. К. Каргера: *pro et contra*», в котором автор обрисовал картину развития архитектурной археологии в СССР и определил место М. К. Каргера в ее становлении и разработке методики изучения средневековых архитектурных памятников. В докладе К. А. Михайлова были впервые раскрыты неизвестные страницы научной биографии исследователя. В выступлении И. И. Тихонова (СПбГУ) «Партийная организация ГАИМК: от создания до „дела Каргера“» речь шла о малоизвестном массиве документов, обнаруженном в бывшем архиве Ленинградского обкома КПСС. Доклады сотрудников научного архива ИИМК РАН О. В. Григорьевой, П. С. Дрёмовой и М. В. Мандрик были посвящены Е. А. Пистолькорс и ее деятельности в составе разряда русского зодчества ГАИМК. В выступлении сотрудницы Переславльского музея-заповедника Е. К. Шадунц речь шла о документах, обнаруженных в фондах музейного архива, касающихся архитектурно-археологических исследований Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта в 1939–1947 гг. Завершили первый блок докладов историографической секции выступления В. И. Царик, М. В. Медведевой (СПб.,

ИИМК РАН) и О. Е. Этингоф (Москва, ИА РАН), в которых рассматривалась история создания собраний художественных копий и фотографий фресок новгородских храмов и Георгиевского собора Юрьева монастыря в 1920–1930-е гг.

Следующий крупный блок докладов был связан с архитектурно-археологическим изучением древнерусского храмового строительства. А. А. Кудрявцев (Москва, ИА РАН) рассказал о первых раскопках бывшего Перынского Богородицкого монастыря под Новгородом в 1948 г. О. В. Григорьева продолжила эту тему докладом «Поселение рыбаков и монастырь: социальная интерпретация средневекового поселения на Перыни». Выступление И. В. Антипова (СПбГУ) и А. В. Жервэ (СПб., Гос. музей истории религии) было посвящено новым архитектурно-археологическим исследованиям церкви Ильи Пророка на Славне в Новгороде, А. М. Салимова (Москва, НИУ МГСУ) — раскопкам Архангельского собора в Старицком кремле.

Ряд выступлений петербургских и белорусских ученых был посвящен современному изучению древнерусских каменных храмов на территории

Беларуси — новым архитектурно-археологическим исследованиям храма-усыпальницы Евфросиньевского монастыря в Полоцке, храмов на Верхнем замке Полоцка и Минском замчище, у Борисоглебской церкви в Новогрудке (докладчики: Е. Н. Торшин (СПб., Гос. Эрмитаж), Д. В. Дук (Могилёв, Могилёвский ГУ), И. В. Магалинский и А. Л. Коц (Полоцк, Полоцкий ГУ), В. И. Кошман (Минск, Институт истории НАН Беларуси), Т. С. Бубенько (Витебск, Витебский ГУ)). О повторном вскрытии в 2005 г. с последующей музеефикацией руин храма на городище Турова, ранее полностью раскопанного М. К. Каргером (1963 г.), рассказала Н. А. Почобут (Минск, Институт истории НАН Беларуси).

Рассматривались и вопросы изучения храмового убранства: от проблем типологии и хронологии смальтово-шиферных полов *opus sectile* на Руси в докладе В. Н. Матвеева (СПб., Гос. Эрмитаж) до трактовки отдельных композиций и элементов архитектурной пластики, таких как широко известный киевский рельеф «Богоматерь с Младенцем» — в докладе А. М. Гордина (СПб., Гос. Эрмитаж) — и старорязанские фрагменты резных камней из раскопок 1926 г. — в докладе В. Г. Пуцко (Калужский музей изобразительных искусств). По материалам из раскопок древнерусских городов, в том числе на основе анализа белокаменной резьбы, был подготовлен и представлен на конференции доклад Н. В. Жилиной (Москва, ИА РАН) «Стиль „золотой середины“ в христианском искусстве Руси в середине XII в.».

Актуальной проблеме изучения принадлежности и хронологии некрополя Десятинной церкви в Киеве (на примере малоизвестного погребения, исследованного Д. В. Милеевым в 1908 г.), посвятили доклад Д. Д. Ёлшин, А. Ю. Кононович и Д. С. Прокуратов (СПб., Гос. Эрмитаж).

Новое освещение получили некоторые эпиграфические памятники, происходящие из раскопок древнерусских церквей. Это надпись на хрестоматийном мощевике из Спасо-Преображенского собора в Чернигове в прочтении А. М. Житенёвой (Москва, МГУ) и эпиграфический комплекс из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке в исследовании Т. В. Рождественской (СПбГУ), выполненном по материалам из раскопок М. К. Каргера.

Большой блок докладов конференции был посвящен различным аспектам и проблемам изучения древнерусского города. Динамичную картину формирования древнего Суздаля, созданную благодаря новым подходам к получению информации об археологической топографии города

в сочетании с традиционными методами, представили А. Н. Федорина и С. И. Милованов (Москва, ИА РАН). Д. С. Акамеев (Владимир, Владимиро-Суздальский музей-заповедник) познакомил участников конференции с приемами и способами презентации археологических материалов из раскопок Ярополча-Залесского на выставке во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. Т. П. Тимофеева (Владимир, Союз краеведов Владимирской обл.) предложила для рассмотрения гипотезу о возможности появления новгородских переселенцев во Владимире уже в XII в., то есть намного раньше, чем это известно по летописным данным (XV в.).

Тему изучения развития и топографии древнерусского города продолжили В. С. Нефедов (Москва, ИА РАН), который выступил с докладом «Окрестности Смоленска и Гнёздова в VIII–XI вв.: ранние этапы формирования округа древнерусского города», А. Н. Хохлов (Тверь, Научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр) — об эволюции территории древней Твери в XII–XIII вв. и А. В. Плохов (СПб., ИИМК РАН) — о южной части раннесредневекового Новгородского (Рюрикова) городища по материалам раскопок 1960-х гг. Истории изучения городища Слуцк и вопросам сохранения его археологического наследия был посвящен доклад Л. В. Колединского (Минск, Центр изучения белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси). М. В. Климов (Минск, Институт истории НАН Беларуси) выступил с сообщением, посвященным хронологии некоторых типов находок, обнаруженных на новом раскопе на территории Верхнего замка Полоцка.

Н. Н. Фараджева, Д. А. Саломатин и П. А. Сапожников (Москва, ИА РАН) представили зрелищный доклад с 3D-реконструкциями построек средневекового Новгорода, рассматривая их в качестве инструмента научного осмысления раскопанных археологических объектов.

Вопросу изучения древнерусской древоземляной фортификации — одному из самых дискутируемых сегодня — посвятили свои выступления В. Ю. Коваль (Москва, ИА РАН) и группа исследователей из СПбГУ — Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев, А. В. Русаков, И. А. Жарких. В. Ю. Коваль выступил с методическим докладом, впервые сформулировав ряд конкретных признаков, по которым археологи могли бы определять, что тот или иной вал представляет собой остатки древо-земляной стены, а не насыпную структуру. Группа Е. Р. Михайловой представила результаты изучения городища у дер. Надбелье Лужского района Ленинградской области (IX — начало X в.),

в том числе валов с перекладными деревянными конструкциями внутри.

Последний крупный блок докладов конференции был полностью посвящен изучению различных аспектов древнерусского городского ремесла и отдельных категорий средневековых находок. Технологические вопросы в ювелирном деле рассматривались И. Е. Зайцевой (ИА РАН) совместно с коллегами из НИЦ «Курчатовский институт», а также А. В. Ивановой (Москва, ИА РАН), в железоделательном производстве Твери — В. И. Завьяловым и Н. Н. Тереховой (Москва, ИА РАН), в кожевенном производстве Полоцка — А. В. Курбатовым (СПб., ИИМК РАН).

Атрибуции и археологическому контексту уникальных металлических изделий мусульманского Ближнего Востока, происходящих из раскопок в Гнёздове, посвятила доклад Н. В. Ениосова (МГУ). Вопросы целостности хранящейся в ГИМ коллекции предметов из раскопок знаменитого кургана Черная могила в Чернигове и ее слабой изученности были рассмотрены С. С. Зозулей (СПб., ИИМК РАН). В. Н. Кузнецова (СПб., ИИМК РАН) и В. Ю. Соболев (СПбГУ) представили доклад, посвященный древнерусским миниатюрным ложечкам-подвескам, в котором авторы сделали неожиданные

выводы, сопоставив их с другими ранними маркерами христианизации в Восточной Европе. М. С. Павлова выступила с обзором и анализом находок амулетов-натураллий в Старой Ладоге.

Исследованиям материалов из полностью раскопанного М. К. Каргером в 1957–1964 гг. гипотетического «Изяславля» посвятили свои выступления А. Ю. Кононович (СПб., Гос. Эрмитаж) и А. А. Пескова (СПб., ИИМК РАН), рассказав о металлических крестах и образках; Я. В. Френкель и А. Ю. Кононович (СПб., Гос. Эрмитаж) — о бусах; В. К. Сингх (МГУ) — о тавро для клеймения скота; А. А. Пескова — о новой атрибуции ручных кадилейниц (кацей).

На заключительном заседании конференции были подведены итоги и прошел обмен мнениями о прослушанных докладах. Участники обсуждения отметили, что представленные доклады отразили широкий круг проблем современной средневековой археологии, и рекомендовали продолжить проведение на площадке ИИМК РАН специализированной научной конференции, посвященной проблемам изучения древнерусского города. Часть статей, подготовленных по докладам, прозвучавшим на конференции, публикуется в настоящем выпуске журнала «Археологические вести».

All-Russian scientific conference “Old Russian city: architecture and material culture: To the 120th anniversary of the archaeologist, art historian and historian M. K. Karger” (St. Petersburg, 24–26 October 2023)

К. А. Mikhailov, А. А. Peskova³

Keywords: M. K. Karger, history of Russian archaeology, material culture of the Old Russian city, architectural archaeology.

³ Kirill A. Mikhailov, Anna A. Peskova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: mikhailov_kirill@mail.ru, peskovaaa@rambler.ru.

М. К. Каргер в Русском музее. Из истории создания экспозиции древнерусского искусства

Н. В. Пивоварова¹

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот архивные документы, относящиеся к службе М. К. Каргера в Русском музее. Представлен обзор двух периодов деятельности исследователя: раннего (1923–1930 гг.) и позднего (1935–1936 гг.), когда Каргер занимал должность заведующего отделом древнерусского искусства. Основное внимание уделяется материалам об участии М. К. Каргера в подготовке экспозиции отделения древнерусского искусства в 1930 г.

Ключевые слова: М. К. Каргер, Государственный Русский музей, отдел древнерусского искусства, экспозиция древнерусского искусства, Н. П. Сычев, Я. П. Гамза, Г. Ф. Корзухина.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-120-127

Вопрос о службе М. К. Каргера в Русском музее² практически не рассматривался в специальной литературе. Это связано как с неоднозначностью личности самого исследователя, так и с негативной оценкой его роли в истории древнерусского отдела Русского музея. Недолгое пребывание Каргера в должности заведующего отделом древнерусского искусства завершилось расследованием его деятельности особой комиссией и увольнением из музея в 1936 г. с формулировкой «снять с работы на основании публикации в новгородской газете „Звезда“, за насаждение семейственности в ГРМ, очковтирательство, саморекламу, ненаучную реста-

врацию»³. Однако как показывает анализ архивных материалов, наряду с документами середины — второй половины 1930-х гг. сохранилось немало сведений о первом периоде службы М. К. Каргера в музее (12 июня 1923 — 10 марта 1930 г.). Одним из примечательных эпизодов этого периода было участие в работах по подготовке экспозиции древнерусского искусства, активизировавшихся в начале 1930 г.

Как явствует из документов, М. К. Каргер был принят в Русский музей 12 июня 1923 г. в качестве внештатного сотрудника отделения древнерусского искусства; 1 марта 1925 г. переведен на должность научного сотрудника⁴; с 1 мая 1926 г. стал штатным помощником хранителя ОДРИ⁵. С момента переименования должности в октябре

¹ Государственный Русский музей; С.-Петербург, Россия; e-mail: nad-pivovarova@yandex.com.

² Материалы о деятельности М. К. Каргера в Русском музее (ГРМ) сосредоточены в Ведомственном архиве (ВА) и частично в архиве отдела древнерусского искусства (ОДРИ) ГРМ. Основные источники, используемые в данной работе, — личное дело Каргера (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 188) и дело Комиссии «по расследованию деятельности Каргера» (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094). Имя М. К. Каргера упоминается в нескольких статьях в издании, приуроченном к 100-летию Русского музея: Государственный Русский музей..., 1995. С. 200, 201, 305 (именной указатель). Из последних работ: Михайлов, 2023. С. 26, 35–37.

© Пивоварова Н. В., 2024

³ Приказ директора ГРМ А. Г. Софронова № 71 от 02.09.1936, § 1. Обращение М. К. Каргера в Комиссию по делам искусств о восстановлении в должности не увенчалось успехом. Согласно заключению Комиссии, решение директора Софронова было признано правильным, следовало лишь изменить формулировку приказа: уволить «как не обеспечившего надлежащее руководство отделом».

⁴ Перевод был связан с арестом помощника хранителя I отделения А. П. Смирнова (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 404. Л. 14, 15).

⁵ В это время хранителем ОДРИ (= I отделение Русского музея) был Н. П. Сычев.

Рис 1. Групповой снимок сотрудников Русского музея в XVIII зале экспозиции. Около 1925 г. Во втором ряду сидят: Н. П. Сычев (второй слева), Л. А. Дурново (вторая справа). В третьем ряду стоят: Н. В. Малицкий (первый слева), А. Ф. Новомлинский (четвертый слева), А. П. Смирнов (второй справа). В четвертом ряду: М. К. Каргер (третий слева), Е. А. Лютер (четвертая слева). В пятом ряду Н. Н. Пунин (пятый слева) (ОР ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 78. Л. 2)

Fig 1. Group photograph of the Russian Museum staff in the exposition Hall No. 18. About 1925. In the 2nd row sit: N. P. Sychev (2nd from left), L. A. Durnovo (2nd from right). In the 3rd row: N. V. Malitsky (1st left), A. F. Novomlinsky (4th from left); A. P. Smirnov (2nd from right). In the 4th row: M. K. Karger (3rd from the left), E. A. Luther (4th from left). In the 5th row: N. N. Punin (5th from left) (Department of Manuscripts of the State Russian Museum. A. G. 127. In. 1. F. 78. Sh. 2)

1928 г. числился научным сотрудником II разряда, однако, проработав в этом качестве лишь полтора года, 1 марта 1930 г. подал заявление об увольнении по собственному желанию («в связи с загруженностью работой»).

Действительно, работа в музее требовала большого напряжения сил и, главное, регулярного пребывания на службе. 1920–1930-е гг. — время непрерывного пополнения фондов отделения древнерусского искусства (рис. 1). Помощнику хранителя вменялось в обязанности осматривать места временного хранения произведений искусства с целью отбора и доставки памятников в музей. Работа продолжалась в стенах музея, где производились систематизация новых поступлений и их подготовка к инвентаризации. Как можно догадаться, интерес М. К. Каргера

к изучению памятников архитектуры и археологическим раскопкам входил в явное противоречие с необходимостью исполнения повседневных музейных обязанностей. В какой-то момент он одержал верх, и Каргер на время расстался с музеем.

Вместе с тем можно заключить, что «загруженность работой» была отнюдь не единственным поводом для увольнения. В ходе реконструкции экспозиции I отделения Русского музея «на марксистских началах» М. К. Каргер, разрабатывавший ее концепцию бок о бок с Н. П. Сычевым, открыто вступил в конфликт со своим бывшим патроном и покровителем⁶.

⁶ О роли Н. П. Сычева в судьбе начинающего ученого подробнее см.: Михайлов, 2023. С. 26–29.

Рис. 2. Государственный Русский музей. Экспозиция эпохи раннего феодализма. Зал II (бывш. зал XVIII). 1930 г. (Сектор архива изображений ГРМ. Нег. Аф-С-8178)

Fig. 2. The State Russian Museum. Exposition of the early feudalism epoch. The Hall 2 (the former Hall No. 18). 1930 (Sector of the Visual Archive of the State Russian Museum. Negative Аф-С-8178)

Как явствует из документов, предварительные итоги подготовки экспозиции и ее общая концепция обсуждались на совещаниях, в которых наряду с сотрудниками музея участвовали приглашенные лица. Одно из первых свидетельств начала работ над новой экспозицией содержит журнал заседания совещания I отделения художественного отдела от 10 января 1930 г. Совещание проходило под председательством Н. П. Сычева и в присутствии сотрудников отделения Л. А. Дурново, Е. А. Лютер, Н. В. Малицкого. Согласно протоколу, Н. П. Сычев, доложив общие принципы реконструкции экспозиции, на конкретных примерах показал, «как новая установка может быть практически применена к отдельным эпохам истории русского искусства». После обсуждения «предложенные общие начала установки экспозиции» были совещанием приняты (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 782. Л. 6).

12 января тезисы об «установке экспозиции» были озвучены Сычевым на заседании Полит-

просветячейки Русского музея и вызвали возражения М. К. Каргера, свидетельством чему служит журнал следующего совещания I отделения, датированный 15 января⁷. Налицо был явный конфликт музейщика старой закалки, обостренно воспринимавшего новые веяния в музейном деле и пытавшегося примирить их с привычной экспозиционной практикой, и молодого амбициозного сотрудника, хорошо уловившего конъюнктуру момента. Неудивительно, что камнем преткновения оказался вопрос о включении в экспозицию неподлинного материала, значимость которого преуменьшал Сычев и преувеличивал Каргер (рис. 2).

Кульминацией событий стало заседание по реконструкции экспозиции 18 марта 1930 г., состоявшееся уже после увольнения М. К. Каргера из Русского музея, на котором недавний

⁷ См. приложение.

подопечный обвинил наставника в использовании принадлежавших ему наработок. Приведем выдержку из протокола заседания.

«М. К. Каргер заявляет, что между проектами реконструкции экспозиции, о которых идет речь, не только замечается родство, но что это по существу один и тот же проект с той разницей, что доклад, какой делался М. К. Каргером, был установочным с определенной целеустремленностью применительно к задачам Отделения, а то, что докладывалось сегодня, было эмпирическим ползанием по материалу первого проекта, являясь, собственно говоря, плохим его отпечатком. М. К. Каргер указывает, что он случайно узнал о сегодняшнем заседании и не имеет под руками своего доклада, тезисы которого он в свое время забыл представить.

Н. П. Сычев, приветствуя внесение самокритики по обсуждаемому вопросу, признает желательным, чтобы М. К. Каргер сделал свое сообщение, и указывает, что в настоящем заседании мог бы быть оглашен протокол этого доклада, основанного на стенографической записи, хотя этот протокол и не подписан, и хотя секретарь Отделения оговаривался, что запись сделана им суммарно и, возможно, с некоторыми неточностями. Отмечая с удивлением фразу М. К. Каргера об эмпирическом ползании по чужому материалу, Н. П. Сычев заявляет, что в его сознании живет ясная картина общего плана экспозиции, ввиду чего ему нет нужды в копировании или использовании чьих-нибудь материалов. План экспозиции разрабатывается Н. П. Сычевым давно, и сообщен был им некоторым московским марксистам-искусствоведам, причем получил их полное одобрение» (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 779. Л. 1).

Обстоятельства приглашения М. К. Каргера в Русский музей во второй раз не до конца выяснены. Он вновь оказался в ГРМ через пять лет после увольнения — 21 марта 1935 г. (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 119. Л. 35об.), на этот раз в должности заведующего отделом древнерусского искусства, сменив на посту уволенного десятью днями ранее Я. П. Гамзу⁸. Приход Каргера

⁸ Ярослав Петрович Гамза (Гамзагурди), 1897–1937, уроженец Кутаиси, участник революционного движения. Прошел путь от чернорабочего до музейного работника. В разные годы был хранителем музея Троице-Сергиевой лавры, научным сотрудником Государственной Третьяковской галереи и заведующим отделом древнерусского искусства Русского музея. В ОДРИ Русского музея пришел после полного обновления штата отдела вследствие поголовного ареста прежних

привел к очередным переменам и перестановкам в отделе. Вслед за М. К. Каргером в нем появились А. Д. Лидина⁹, Г. Ф. Корзухина¹⁰, М. Н. Пожарская¹¹, мало знакомые с системой музейного хранения и составом фондов ОДРИ. Быстрее других к новым условиям адаптировалась Г. Ф. Корзухина¹². Как известно, ею был внесен существенный вклад в систематизацию археологических коллекций ГРМ, в первую очередь кладов, принятых на хранение из ГАИМК и Эрмитажа, и начата работа по составлению каталога древнерусской серебряной церковной и светской утвари.

Содержание музейной жизни времени заведывания М. К. Каргера, как и в прежние годы, определялось необходимостью решения нескольких задач: требовалось вновь реорганизовать

сотрудников отдела: А. П. Смирнова, Л. А. Дурново, Е. А. Лютер, Н. П. Сычева, Н. В. Малицкого. Уволен из музея по собственному желанию 10 марта 1935 г. (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 119. Л. 22). Арестован 20 мая 1937 г., расстрелян 3 ноября того же года.

⁹ А. Д. Лидина — старший научный сотрудник ОДРИ с 7 мая 1935 г., с 28 октября того же года — хранитель фонда икон (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 119. Л. 41об., Д. 120. Л. 37об.). Замещала М. К. Каргера во время его командировок. До поступления в Русский музей — экскурсовод в Шереметевском дворце (с 1924 г.), в 1930–1932 гг. (в течение полутора месяцев) работала в Новгородском музее по древнерусскому искусству под руководством М. К. Каргера. Протоколом заседания Локального бюро Секции научных работников ГРМ от 5 ноября 1936 г. признана не соответствующей занимаемой должности старшего научного сотрудника (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094. Л. 9, 10).

¹⁰ Г. Ф. Корзухина — старший научный сотрудник ОДРИ с 27 октября 1935 г. На следующий день после прихода назначена хранителем фонда прикладного искусства, с 6 ноября приступила к приему предметов из драгоценных металлов особой бронированной кладовой. С декабря того же года — секретарь отдела (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 120. Л. 35, 37об., 49). Проработала в музее до 30 ноября 1938 г. См. о ней: *Пивоварова*, 2010. С. 63–69.

¹¹ М. Н. Пожарская-Бялик была зачислена на должность младшего научного сотрудника древнерусского отдела с 19 апреля 1936 г. Проработала в музее только четыре месяца, уволена 21 августа (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 120. Л. 76об., 130об.).

¹² К 1 мая 1936 г. Г. Ф. Корзухина «за исключительную продуктивность, быстрое овладение научным материалом в музейно-хранительской работе и овладение научным материалом» была премирована полуторамесячным окладом (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 120. Л. 82об.).

экспозицию¹³, «освободить фонды» от ненужных вещей, усовершенствовать систему хранения. Как отмечала в воспоминаниях вдова Я. П. Гамзы С. И. Великанова (Архив ОДРИ. Д. 277. Л. 4), М. К. Каргер практически не внес изменений в экспозицию, подготовленную Гамзой, и открыл ее в конце апреля 1935 г. С именем Каргера была связана и организация в Русском музее выставки копий фресок, вызвавшей неоднозначную реакцию. Содержание дискуссии о допустимости экспонирования копий в художественном музее заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Следует отметить, что в периоды пребывания М. К. Каргера в Ленинграде¹⁴ заметно активизировалась научная жизнь в музее. С докладами выступали не только сотрудники отдела древнерусского искусства, но и приглашенные лица. Предпочтение традиционно отдавалось архитектурно-археологическим темам. Это обстоятельство также не осталось незамеченным комиссией «по обследованию деятельности Каргера». Серьезные претензии Локальное бюро предъявило Г. Ф. Корзухиной, научная специализация которой была признана не соответствующей «занимаемой ею должности штатного ст. н. с. Отдела, специалиста по древнерусскому искусству»¹⁵.

¹³ Речь шла о так называемой экспозиции Гамзы, подготовленной, но не открытой в начале 1935 г.

¹⁴ Как и в первый период работы в Русском музее, М. К. Каргер подолгу отсутствовал на службе, периодически выезжая в командировки.

¹⁵ В заключении Локального бюро отмечалось, что «научная работа специалиста по истории материальной культуры является в Художественном музее лишь подсобной и не может иметь здесь определяющего значения» (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094.

Увольнение М. К. Каргера и последовавший в 1938 г. уход из отдела Г. Ф. Корзухиной на долгие годы прервали систематическое изучение археологических коллекций Русского музея. Актуальность этой тематики в художественном музее была осознана спустя без малого 80 лет, когда в залах Михайловского замка была открыта временная экспозиция «Клады Древней Руси» (Клады Древней Руси..., 2015).

В приложении к статье публикуются два журнала заседаний Совещания I отделения художественного отдела Русского музея, от 15 января и 12 февраля 1930 г., относящиеся к периоду первого пребывания М. К. Каргера в музее. Оба журнала посвящены обсуждению плана экспозиции, над которым параллельно работали заведующий отделением Н. П. Сычев и М. К. Каргер. Экспозиция была открыта уже после ухода Каргера из музея. В истории музейного строительства советского времени она известна под названием «бумажной» экспозиции, поскольку в значительной степени состояла из неподлинного материала — наглядных пособий, фотографий, копий фресок (Пивоварова, 2015). Как следует из текстов журналов, одним из основных требований, предъявлявшихся к экспозиции, было отражение в ней классовой сущности искусства. Она в равной степени была выявлена как Сычевым, так и Каргером.

Л. 10). С мнением Локального бюро солидаризировался А. И. Некрасов, составивший заключение о работе Г. Ф. Корзухиной «Старорязанский клад». Не отказывая автору в хороших познаниях и критическом уме, он отмечал, что это сочинение не имеет никакого отношения к искусству и художественному музею, но дает Корзухиной право «быть консультантом в отдельных случаях в музеях подобного рода» (Там же. Л. 11).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Журнал заседания Совещания I отделения ХО ГРМ от 15.01.1930. № 10

Под председательством Н. П. Сычева присутствовали Л. А. Дурново, М. К. Каргер, Е. А. Лютер, Ф. М. Морозов при секретаре Н. В. Малицком.

§ 2. Обсуждался план экспозиции Отделения.

М. К. Каргер поставил вопрос о границах, разделяющих Художественный Музей от Музея истории культуры, при той установке экспозиции, какая была предложена Н. П. Сычевым в тезисах, доложенных им в заседании Политпросветячейки 12 января. Должны ли быть в намечаемой экспозиции Отделения показаны самими объектами экономическая база общества

и средства производства или же здесь необходимо будет ограничиться надстроечными моментами. Могут ли отсюда находить место в экспозиции такие темы, как упомянутые в докладе Н. П. Сычева «средства передвижения». По мнению М. К. Каргера, экономическая база и производственные отношения должны быть представлены в экспозиции, о которой речь, не в материалах, не в источниках, а в кратких выводах, схематично; предметом экспозиции должны служить надстроечные явления, хотя, конечно, их обоснование и должно иметься в виду. При обмене мнений Н. П. Сычев указывал, что способы производства с его точки зрения могут быть затрагиваемы экспозицией; однако не сходя с художественной платформы.

Если в характеристике базы общества рядом с графическим схематическим материалом можно будет воспользоваться и художественными источниками эпохи, то этим пренебрегать не следует, хотя это и не будут специальные темы экспозиции и хотя вводимый таким образом художественный материал будет, так сказать, вкрапленным. Поставленный затем Н. П. Сычевым вопрос, представляется ли возможным введение в экспозицию памятников искусства для характеристики экономической базы общества и иллюстрации производственных процессов, был решен сотрудниками Отделения без разногласий положительно.

При дальнейшем обсуждении плана экспозиции решено было в первую очередь наметить материал для экспозиции искусства феодальной эпохи; в качестве общей темы иметь в виду характеристику феодального стиля в его классовую сущность, в развитие этой общей темы выдвинуть тему — церковь как опора феодальной власти и обоготворения феодала, искусству верхов феодального общества противопоставить искусство в собственном смысле народное.

Постановили поручить каждому члену Отделения наметить к следующему заседанию в качестве материала для совместной проработки список памятников, какие желательно включить в экспозицию искусства феодальной эпохи.

(ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 782. Л. 7–7об.)

Журнал заседания Совещания

I отделения Худ. Отд. Г.Р.М. 12 февраля 1930 г.

Под председательством Н. П. Сычева присутствовали С. К. Исаков, Л. П. Иванова, Н. П. Черепнин, Л. А. Дурново, М. К. Каргер, Е. А. Лютер, Ф. М. Морозов при секретаре Н. В. Малицком.

Заслушан доклад М. К. Каргера о плане экспозиции I Отделения. Докладчик сначала касается общих принципов экспозиции художественного музея, выдвигая такие начала: памятники искусства должны быть использованы как материал, показывающий социальную динамику общества: музей выставляет не то, что может выставить, но что нужно выставить, давая типичное и характерное (большинство экспонатов должно перейти в *Studiensammlungen* (учебные коллекции. — *Примеч. Н. П.*)); необходимо покончить в экспозиции с гегемонией станковой картины; необходимость комплексной экспозиции решает вопрос о введении не подлинных памятников, но их воспроизведений и копий; экспозиция должна выявить классовую идеологию общества и показать, насколько искусство в прошлом служит целям классовой гегемонии; имея в виду задачи общественного воспитания вообще, экспозиция не может пройти мимо проблемы антирелигиозного воспитания; для того чтобы экспозиция достигала своей цели, широко должен быть выдвинут экспликационный момент, так что музей стал бы самоговорящим. Переходя к экспозиции I Отделе-

ния, М. К. Каргер намечает следующих два основных деления: феодальная эпоха и эпоха накопления капитала. Первая эпоха делится на следующих три подразделения: эпоха раннего феодализма, эпоха зрелого феодализма на примере искусства одного города (Новгорода), третий момент — Москва.

1. Программа экспозиции эпохи раннего феодализма. Византийское искусство на Руси как искусство командующего класса. Монументально-синтетическое искусство как средство организации сознания классового превосходства. Пафос расстояния между классами. Гегемония архитектуры. Конструктивные стили. Культ количества. Общий вид трех наиболее показательных монументальных княжеских сооружений, их внутреннее убранство. Мозаики и фрески. Памятники станковой живописи, но говорящие на языке монументальной живописи. Классовый субъект искусства. Феодал светский и феодал церковный как основные заказчики. Жилище феодала подле жилища Бога (Боголюбиво). Феодал после смерти (саркофаг Ярослава). Обожествление феодала. Его ближайшие преемники, укрепляя свое собственное господство, возводят своих предшественников в святые. Фреска Константин и Елена, икона Борис и Глеб. Культ воинов как связанный с феодальным обществом. Перенесение земных отношений на небо. Страшный суд. Искусство в придворном быту. Фрески лестницы Киевской Софии. Богатство прикладного искусства: перегородчатые эмали, торевтика. Выяснение базы этой материальной мощи феодала на особой карте (границы феодальных владений, церковные пути, экспорт, разбой). Выдвижение нового класса — купечества. Церковь Иоанна на Опоках и ц. Параскевы на Торгу, церкви — торговые склады, около которых сосредоточивается заморское купечество. Искусство крестьянского земледельческого класса (раскопочно-археологический материал). Религиозное искусство, приспособленное к низам, выполняющее роль магии; культ сельских святых — Власия, Флора и Лавра и пр.

2. Развитие города показывается на Новгороде. Тип феодального муниципального образования, перерастающего старую феодальную основу. Экономическая и общественная организация Новгорода. Новгород как транзитный пункт. Вид Новгорода по старой иконе. Положение князя как проходящей фигуры. Церковь как носительница накопления. Ктиторские портреты. Икона — молящиеся новгородцы (новгородские бояре). Флоровское евангелие, исполненное по заказу [пропуск]. Новое течение в архитектуре как продукт новой классовой группировки. Рост декоративных стилей в ущерб конструктивным. Постепенная ликвидация монументально-синтетической традиции. Заказчики — архиепископ, посадник, уличане. В живописи неуклонное движение от монументального стиля к станковому. Фрески 15 в. говорят языком станковой живописи. Рукописи дают вульгарные сценки. Общество по памятникам представляется дифференцированным. Самый Новгород живет высасыванием

средств для жизни из новгородских земель. Искусство низов, показывающее большую архаичность традиции. В этом же разделе можно показать для перехода к следующей части и раннюю Москву (отправляясь от Новгорода). Фрески Сергия могут указывать на эту новую силу, вырастающую рядом с Новгородом. Очень суммарно (для перехода) может быть представлена самая Москва. Вид Москвы по старой гравюре (Баженова). Феодалная монархия.

Часть 2-я. Карта, показывающая экономическую базу Москвы. Москва ищет не только непосредственных связей с Западом, но соединяет Восток и Запад. Борьба за западные конечности у Балтийского моря, за восточные — у Казани. Взятие Казани можно представить фотографией с Василия Блаженного, эксплицированной следующим образом: памятник в честь взятия Казани, построенный на посаде — территории торгового капитала и выстроенный почти в западном стиле. Московское строительство в завоеванных областях. Вся страна живет в этом отношении единими общими интересами нового класса гегемона. Новая теория московского абсолютизма. «Церковь воинствующая». Портреты в иконописи. Новая вспышка культа воинов. Тема Николай Можайский, пришедшая из феодалной идеологии. Московская буржуазия. Искусство дома Строгановых. Портреты Строгановых в иконописи (княжеская традиция в буржуазной фамилии). Искусство в индивидуальном домашнем употреблении. Вместо прежнего синтетически-монументального искусство дифференцированное. Рядом со Строгановыми палатами в Сольвычегодске, моделью дворца Алексея Михайловича тут же следует показать вид русской деревни, зарисованной иностранцами, или же

пережиточные формы избы. Это низовая линия искусства, почти не пропитанная новыми элементами, показывающая, что основная масса населения не имела никакого отношения к византийско-русскому искусству.

Второй раздел — 17 в. Оборот московской внешней политики направлен к западу. Обилие нового импорта. Западноевропейская гравюра. Западные сюжеты в тематике. Внедрение барокко. В архитектуре полное забвение конструктивных традиций. Тема эта развивается на Ярославских памятниках. Каждая торговая фамилия имеет собственную церковь, с помощью которой утверждает свое превосходство над другими. Индивидуализм как выражение психоидеологии нового класса. Выступает индивидуальный творец и заказчик. Появление натурализма (икона убиения царевича Димитрия).

Эпилог — переход к новому русскому искусству, которое, хотя было подготовлено предшествующим процессом развития, тем не менее несомненно представляет резкий скачок по сравнению с предыдущим (переход количества в качество). Но в то время как класс гегемон получает западный импорт, древнерусская традиция решительно устремляется по низовой линии (поморские письма, лубочные картины), доживая до нашей эпохи (палеховские миниатюры).

Что касается производственного момента, то он должен иметься в виду в каждом разделе, хотя все памятники рассматриваются, прежде всего, как сгустки идеологии. При этом ярко должно быть показано, что самый способ организации художественного труда совершенно различный в феодалном обществе и в эпоху позднейшую.

(ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 782. Л. 1–10б.)

Архив ОДРИ. Д. 277. Воспоминания С. Великановой. Май 1978.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I).

Оп. 2а. Д. 119. ГРМ. Приказы по личному составу. № 1–74. 01.01–31.07.1935. 101 л.; Д. 120. ГРМ. Приказы по личному составу за 1935 (№ 75–121) и за 1936 г. (№ 1–82). 149 л.

Оп. 6. Д. 404. I отделение. 10.12.1924–21.11.1925. 52 л.; Д. 779. Журналы заседаний комиссии по реконструкции экспозиции. 18.03–17.07.1930. 7 л.; Д. 782. Журналы заседаний I отделения Художественного отдела. 10.01–11.04.1930. 8 л.; Д. 1094. Документы Комиссии по обследованию деятельности М. К. Каргера и отдела древнерусского искусства. 04.04–14.12.1936. 45 л.

Оп. 10. Д. 188. М. К. Каргер. Личное дело. 08.05.1926–18.04.1937. 53 л.

Государственный Русский музей..., 1995 — Государственный Русский музей. Из истории музея: Сб. ст. и публикаций / Сост. И. Н. Карасик, Е. Н. Петрова. СПб.: ГРМ; Советский художник, 1995. 312 с.

Клады Древней Руси..., 2015 — Клады Древней Руси в собрании Русского музея / Авт. ст. и сост. кат. и

аннотаций С. Новаковская-Бухман. СПб.: Palace Editions, 2015. 96 с.

Михайлов, 2023 — Михайлов К. А. Михаил Константинович Каргер (1903–1976). Биографические очерки. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 112 с.

Пивоварова, 2010 — Пивоварова Н. В. Г. Ф. Корзухина в Русском музее. О некоторых неизвестных фактах биографии ученого // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (С.-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.) / Ред.-сост. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 63–69.

Пивоварова, 2015 — Пивоварова Н. В. От Древлехранилища памятников иконописи и церковной старины к отделу древнерусского искусства. Из истории создания экспозиции раннего феодализма // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXVII: Сб. ст. по материалам науч. конф. (С.-Петербург, 2015) / Ред. А. А. Рудакова. СПб.: Palace Editions, 2016. С. 18–28.

**M. K. Karger in the Russian Museum.
From the history of the creation of the exposition of Old Russian art**

N. V. Pivovarova¹⁶

Keywords: M. K. Karger, the State Russian Museum, the Department of Old Russian Art, the exposition of Old Russian art, N. P. Sychev, Ya. P. Gamza, G. F. Korzukhina.

The article analyses archival documents revealing M. K. Karger's activities in the Russian Museum. Two periods of Karger's stay at the museum are considered: the early (1923–1930), when he was a researcher at the Department of Old Russian Art, and the late (1935–1936), when he held the position of the Department's head. On the basis of his personal file and personnel orders from the Departmental Archive of the Russian Museum, the author specifies the chronology of Karger's promotion and ascertains the most probable reasons for his dismissal from the museum in 1930. The main attention for early period is paid to the materials on M. K. Karger's part in the preparation of the exposition of art of the "epoch of early and developed feudalism" (1930). Information is given about the conflict situation that arose in the Department of Old Russian Art in the course of developing and discussing the concept of the exposition.

The circumstances of M. K. Karger's invitation to the Russian Museum for the second time in 1935 are not fully clarified. His return to the museum followed a wave of mass arrests and dismissals from the Department of Old Russian Art in June–November 1933, and a short stay of Ya. P. Gamza at the head of the Department. In order to reconstruct a complete and objective picture of 1935–1936 events, the author uses the materials of the "Commission for the investigation of M. K. Karger's activities and the functioning of the Department of Old Russian Art" and the memoirs of Ya. P. Gamza's widow, S. I. Velikanova. On the basis of the documents, changes in the personnel of the Department in this period are traced, and biographies of female staff members who worked under the guidance of Karger (A. D. Lidina, G. F. Korzukhina, M. N. Pozharskaya) are given. In the appendix are published the journals of the meetings of the Meeting of the First Department of the Art Department of the Russian Museum dated 15 January and 12 February 1930, which contain information about M. K. Karger's part in the development of the exposition concept.

¹⁶ Nadezhda V. Pivovarova — State Russian Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: nad-pivovarova@yandex.com.

Фундаменты храма на Минском замчище: результаты исследований, интерпретации и вопросы датировки

В. И. Кошман¹

Аннотация. Статья посвящена итогам археологических исследований фундамента Минского храма, открытого в 1949–1951 гг., их осмыслению и интерпретациям, а также актуализации проблем, которые, с нашей точки зрения, так и не решены окончательно.

Ключевые слова: Минск, Менск, Минское замчище, Глеб Всеславович Менский, храм, фундамент, первоначальные культурные напластования.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-128-139

В ходе первых послевоенных археологических раскопок на Минском замчище, которые начал осуществлять В. Р. Тарасенко в 1945 г., в 1949–1951 гг. был открыт фундамент уникального храма, который должен был украсить город-крепость на р. Свислочи, но так и не был построен (рис. 1, 1, 2). Исследователь ввел в научный оборот полученные материалы и предложил свою интерпретацию фундамента и его датировку (*Тарасенка*, 1950; *Тарасенко*, 1950; 1957).

Краткая характеристика фундамента

Минская церковь должна была представлять собой компактный четырехстолпный крестово-купольный храм с тремя выступающими полуовальными апсидами. Фундамент основного объема имел размер 12 × 12 м, алтарная апсида увеличивала длину храма с востока на запад до 16,3 м. Фундамент шириной 1,5–1,6 м состоял из крупных и средних валунных камней, скрепленных между собой известковым раствором желтовато-серого цвета, и был углублен в материк на глубину до 1,4 м. Максимальная высота сохранившейся части стены храма вместе с фундаментом в алтарной ее части достигала 2,57 м. На внутренней стороне южной стены и на южном конце западной частично сохранилась облицовка из известняковых плиток прямоугольной формы. При расчист-

ке внутренней части центральной апсиды был выявлен установленный вертикально в землю оштукатуренный камень прямоугольной формы (рис. 1, 3). Сохранились Г-образные фундаменты столбов, сложенные из небольших камней (рис. 1, 4).

В верхней части фундамента зафиксированы четыре полуистлевшие деревянные балки, сложенные в форме трапеции. В. Р. Тарасенко, прислушавшись к замечанию М. К. Каргера на его выступление на пленуме ИИМК (25.04.1951 г.), первоначально допускал их интерпретацию как бревен от нижних венцов позднейшего деревянного сооружения (деревянной часовни?) (*Тарасенко*, *Митрофанов*, б. г.: *Дневник В. Р. Тарасенко*, 1950 г., Л. 48, 49), но впоследствии пришел к выводу, что эта деревянная конструкция была неразрывно связана с сооружением каменного храма.

При расчистке земляного заполнения внутри храма было обнаружено 21 погребение в гробах (рис. 1, 5; 2). В ряде случаев при устройстве захоронений была частично разрушена кладка фундамента.

Время сооружения фундамента как предмет дискуссии. Основные версии

Версия В. Р. Тарасенко

В. Р. Тарасенко предложил датировку заложения фундамента Минского храма, исходя из своей интерпретации формирования культурного слоя, деревянной застройки и артефактов. Фундамент церкви находился в 4-м слое, который он отнес к первой половине XII в. (*Тарасенко*, 1957. С. 207).

¹ Институт истории НАН Беларуси; Минск, Республика Беларусь; e-mail: vadzim_archo@tut.by.

© Кошман В. И., 2024

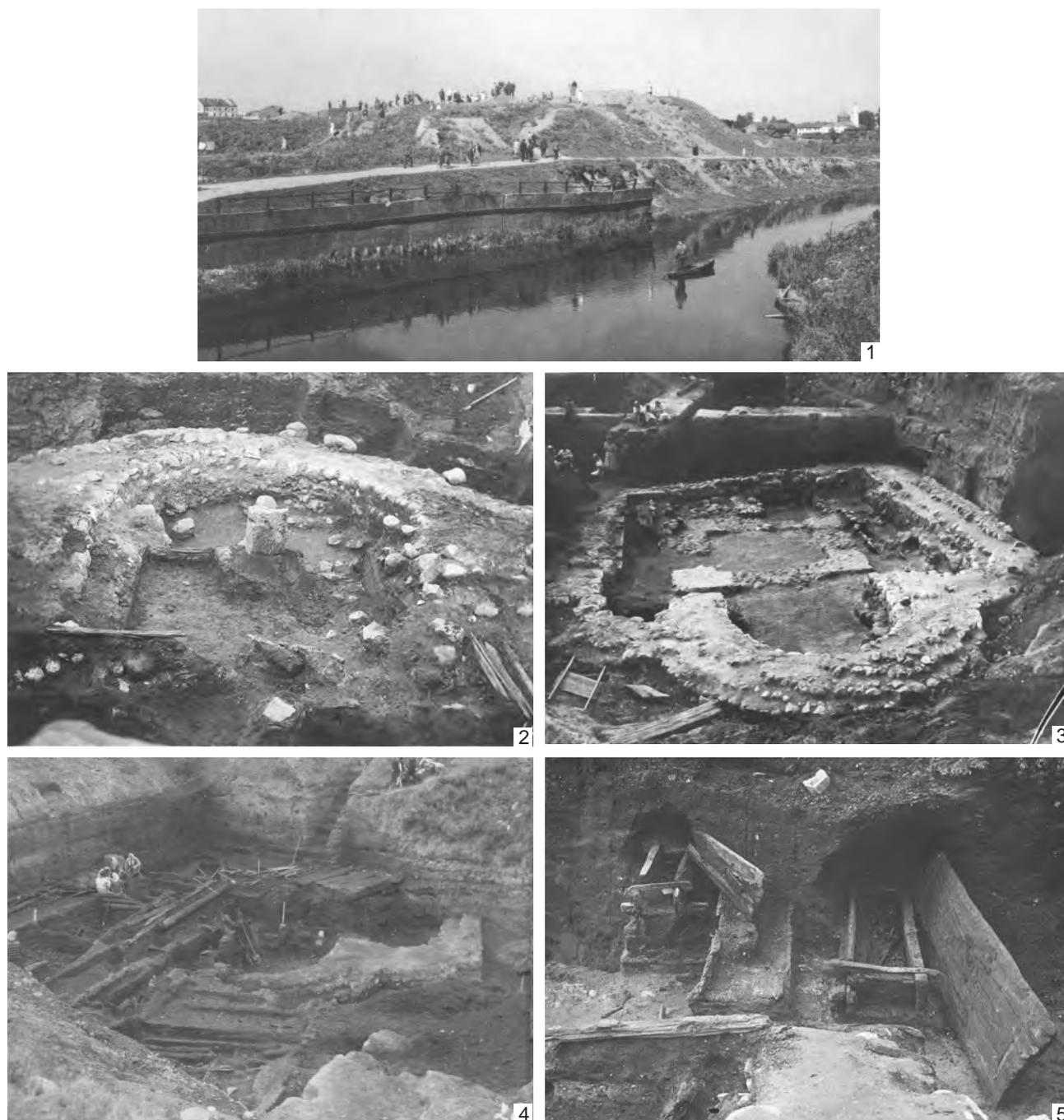

Рис. 1. Фотографии из архива В. Р. Тарасенко: 1 — вид на Минское замчище с моста через р. Свисloch, 1949 г.; 2 — раскоп на Минском замчище, 1950 г., ярусы деревянной застройки, перекрывающие фундамент храма (алтарная часть и северный неф), вид с северо-востока (23.08.1950 г.); 3 — алтарная часть Минского храма с подпрестольным камнем в центре, вид с запада (1.09.1950 г.); 4 — фундамент Минского храма, вид с северо-востока (1951 г.); 5 — раскоп на Минском замчище, 1950 г.: общий вид трех погребений в гробах с раскрытыми крышками в западной стенке раскопа, вид с востока (13.09.1950 г.) (2–5 — фото В. Р. Тарасенко)

Fig. 1. Photos from the archive of V. R. Tarasenko: 1 — view of Minsk Zamchishche from the bridge over the Svisloch River, 1949; 2 — excavation at Minsk Zamchishche, 1950, tiers of wooden building overlapping the foundation of the temple (the altar part and the northern aisle), view from the north-east (23.08.1950); 3 — the altar part of the Minsk temple with the altar stone in the centre, view from the west (1.09.1950); 4 — the foundation of the Minsk temple, view from the north-east (1951); 5 — excavation at the Minsk Zamchishche, 1950: a general view of three burials in coffins with opened lids in the western wall of the excavation area, view from the east (13.09.1950) (2–5 — photo by V. R. Tarasenko)

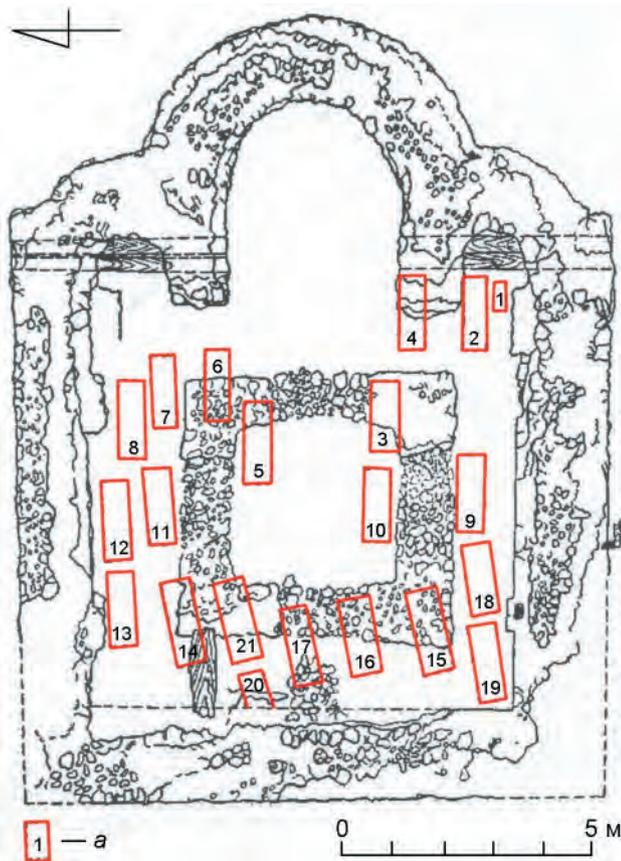

Рис. 2. План фундамента Минского храма с локализацией погребений в деревянных гробах (а) (Тарасенко, 1957. С. 205, рис. 7)

Fig. 2. Plan of the Minsk temple's foundation with localization of burials in wooden coffins (a) (Тарасенко, 1957. С. 205, рис. 7)

Исследователь предположил, что вероятным заказчиком Минского храма являлся Глеб Всеславович, который в 1101 г. мог получить стол в Менске после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславовича. По его мнению, пленение Глеба в 1119 г. и разрушение храма должны были подчеркнуть утрату Менском его положения как княжеского города. К периоду 1119–1146 гг. было отнесено возникновение кладбища внутри стен храма. Новую планировку города с прокладкой первых деревянных мостовых, перекрывших фундаменты, В. Р. Тарасенко связал с возвращением в Менск Ростислава Глебовича в 1146 г. (Тарасенко, 1957. С. 221).

Таким образом, В. Р. Тарасенко фактически предложил историко-археологическую парадигму датировки выявленного фундамента, где главную роль играли не стратиграфические и планиграфические данные с датировкой артефактов и объектов, а летописные данные, которые «привязывались» к факту каменного строительства.

Версия Л. В. Алексеева

К архитектурным особенностям планируемой Минской церкви неоднократно обращался Л. В. Алексеев. В отношении датировки фундамента он был солидарен с В. Р. Тарасенко и относил ее к двум первым десятилетиям XII в. (Алексеев, 1966. С. 142–148, 203–207; 2006. С. 114–122), однако отмечал, что «четырёхстолбные храмы на Руси появляются с середины XII в.» (Алексеев, 1966. С. 205, 206).

Версия Э. М. Загоруйского

Наиболее масштабное переосмысление фундамента Минского храма, техники строительства, датировки и его места среди других культовых построек Древней Руси осуществил Э. М. Загоруйский (Загоруйский, 1982. С. 189–202; 2014. С. 407–417). На основе анализа документации В. Р. Тарасенко, а также раскопок 1957–1961 гг. он предложил концепцию возникновения Менска на Свислочи, высказал предположение о времени строительства храма и его возможных создателях. Исходя из техники возведения фундамента, он предположил, что зодчий храма был знаком с архитектурой западнославянских земель, в частности, с памятниками романской архитектуры на территории Польши. Логика его рассуждений такова: Менск с 1069 по 1073 г. находился во владении Ярополка Изяславовича, который был здесь «посажен» на княжение после разгрома Всеслава Брячиславовича; мать Ярополка была дочь польского короля Мечислава II, родная сестра короля Казимира; этим он и объяснил причину привлечения польских мастеров к строительству храма в городе, который получил Ярополк. Предложенную гипотезу, к сожалению, автор так и не подкрепил убедительными аналогиями — памятниками романской архитектуры 1050–1070-х гг. с территории Польши.

Предложенная историческая концепция стала превалировать над археологическими материалами, которые привлекались избирательно. Анализ стратиграфических горизонтов и дендрохронологии города привел Э. М. Загоруйского к утверждению, что строительство Минского храма следует отнести ко времени между 1069 и 1073 гг., 70-ми гг. XI в. или не позднее 1071–1085 гг. (Загоруйский, 1982. С. 198, 202; 2014. С. 412). Такая датировка напрямую вытекает из его концепции, согласно которой возникновение Менска относится к 1060-м гг. На некорректность подхода Э. М. Загоруйского в определении хронологии и роли Менска на Свислочи и комплекса на р. Менке обращал внимание Ю. А. Заяц (Заяц, 2005).

Э. М. Загоруйский также отметил, что строительство Минской церкви было предпринято еще до того, как город стал принадлежать полоцкому князю, иначе для его строительства были бы приглашены полоцкие мастера. Тогда возникает логичный вопрос: а какое каменное строительство велось мастерами в Полоцке? Для этого периода — это только Софийский собор. Указывая на схожую технику кладки Киевской и Полоцкой Софий, исследователи считали, что в Полоцке работали киевские мастера, которые «прошли» византийскую школу, а само строительство осуществлялось в середине XI в. (*Раппопорт*, 1993. С. 38, 40). В настоящее время строительство Полоцкой Софии относят к периоду 1070–1080-х гг. (*Иоаннисян*, 2013) или даже 1071–1101 гг. (*Торшин*, 2012. С. 350), а аналогии видят в более поздней храмовой архитектуре Киева, Переяславля, Чернигова.

Версия Г. В. Штыхова

В 1976 г. к изучению напластований вблизи фундаментов Минской церкви приступил Г. В. Штыхов (*Штыхов, Соболев*, 1976), который проанализировал доступный ему комплекс «ранних» материалов В. Р. Тарасенко, а также находки, отнесенные Э. М. Загоруйским к XI в., и пришел к выводу, что они относятся к концу XI — XII в. (*Штыхов*, 1978. С. 73–76). В вопросе датировки фундамента церкви он солидаризировался с В. Р. Тарасенко и Л. В. Алексеевым, отметив, что храм начали возводить после пожара, случившегося в XII в. Г. В. Штыхов указал на существование сгоревшей деревянной застройки на месте закладки храма, гипотетически интерпретируя ее как сгоревшую деревянную церковь (*Штыхов, Соболев*, 1976. С. 1–4, 76; *Штыхов*, 1978. С. 4, 5, 74–76).

В начале 2000-х гг. версия Э. М. Загоруйского была поддержана А. Н. Кушнеревичем без каких-либо аргументов «за» и «против» (*Кушнеревич*, 2003. С. 23).

Версии О. А. Трусова

В последнее время О. А. Трусовым были предложены две гипотезы появления на Минском замчище фундамента храма, выполненного в романской традиции. Базируются они вновь на поиске «западного следа» в княжеских семьях в конце XI — начале XII в., а не на критическом анализе археологических материалов и контекста. Согласно первой версии («польской». — В. К.), после похода на Минск в 1104 г. киевского князя Святополка Изяславовича и его девятимесячной осады в Менске сгорела деревянная церковь (то есть привлечена гипотеза Г. В. Штыхова о существовании деревянной церкви. — В. К.).

После того как Глеб Всеславович примирился с Святополком, через дочь Святополка Збыславу, которая в 1103 г. вышла замуж за польского короля Болеслава III, Глебу удалось привлечь польских мастеров для каменного строительства на Минском замчище. После смерти Святополка в 1113 г. и начала княжения Владимира Мономаха начался новый этап борьбы, который привел к пленению Глеба Менского, его смерти и, соответственно, прекращению строительства каменного храма (*Трусов*, 1998. С. 59; 2020. С. 70–72). Суть второй версии («саксонской». — В. К.) также состоит в поиске «западных» родственных связей. Основываясь на том, что женой Глеба Всеславовича была Анастасия — дочь волынского князя Ярополка и немецкой графини Кунигунды Орляндской, которая после смерти Ярополка Изяславовича в 1086 г. вернулась на родину в Саксонию, — Глеб Менский мог обратиться к своей влиятельной теще за помощью в поиске мастеров из Саксонии, а уже среди них могли быть и славяне. При такой интерпретации работы по заложению фундамента в Менске могли начаться в 1116–1118 гг. В дальнейшем конфликт с Владимиром Мономахом привел к новой осаде Менска, пленению Глеба и прекращению строительства каменного храма (*Трусов*, 2021). Выдвинув эти две версии, О. А. Трусов предложил и определенные аналогии Минскому храму: Успенский кафедральный собор в Галиче (1140–1150-е гг.) (по технике возведения фундаментов) (*Трусов*, 2021. С. 299) в рамках «польской» версии и церковь Иоанна в Перемышле (первая четверть XII в., Польша) (по трехапсидной планировке) (*Трусов*, 2021. С. 301) — в рамках «саксонской». На наш взгляд, признать удовлетворительными данные аналогии сложно. В интерпретации исследователя вновь получилось, что храм в романской архитектурной традиции возникает раньше на территории Минского княжества, чем на территории Польши. О. А. Трусов «развил» свою «саксонскую» версию, предположив, что после возведения фундамента в Менске артель мастеров переехала в Перемышль, где в 1119 г. (?) приступила к строительству храма для Володаря Ростиславовича.

Как видим, все исследователи, за исключением Э. М. Загоруйского, сходились во мнении, что заказчиком каменного храмового строительства являлся Глеб Всеславович Менский и это могло произойти в начале XII в., а 1119 г. является датой прекращения строительства.

В своих статьях мы также отмечали неординарность Глеба Всеславовича и его активную политику, предполагая, что именно он может рассматриваться в качестве заказчика Минского

храма (Кошман, 2012; 2023). Анализ основных исторических и археологических данных действительно свидетельствует о том, что возникновение Менска на Свислочи в качестве города-крепости и центра удела Глеба Всеславовича следует отнести к последней трети XI в., ко времени после его женитьбы в 1085 г. на Анастасии Ярополковне (дочери владимиро-волинского князя Ярополка Изяславовича). В этом браке прослеживается явный политический расчет, так как разбивался традиционный союз южнорусских князей, направленный и против Полоцкой земли. Брак Глеба и Анастасии, необходимость укрепления южных рубежей Полоцкой земли в районе Минской возвышенности в борьбе с южнорусскими князьями могли привести Всеслава Брючиславовича к наделению своего сына уделом еще при своей жизни. Дата 1085 г. показательна также тем, что поход Владимира Мономаха на Минск («*изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины...*») (ПВЛ, 1950. С. 160) предварялся походом против Ярополка Изяславовича (тестя Глеба Всеславовича), тем самым карая его за политико-династические игры с Всеславом/Глебом.

Таким образом, дата 1085/86 г. могла бы являться тем хронологическим репером возникновения удела первого минского князя Глеба Всеславовича, которым и маркируется начало строительства города-крепости на Свислочи. Исключительное внимание летописца к личности Глеба, а также его приверженность церкви, на наш взгляд, и поспособствовали тому, что именно с его персоной исследователи стали связывать попытку строительства каменного храма. Данная поведенческая модель Глеба Всеславовича в деле строительства, укрепления, обустройства центра своего удела, а также попытки храмового строительства выглядят достаточно логичными и очевидными с исторической точки зрения, однако данный путь, на наш взгляд, деавуирует роль и значение объективных археологических материалов при рассмотрении как времени возникновения центра княжеского удела в Менске на Свислочи, так и времени храмового строительства.

Первоначальные культурные напластования и их интерпретация

Все исследователи Минского замчища отмечают факт наличия первоначальных культурных напластований, которые, безусловно, важны для понимания возникновения поселения, а также их соотношения с храмовым строительством и оборонительными сооружениями.

Примечательно, что под «1-м валом»² замчища с решетчатой конструкцией была зафиксирована только стерильная погребенная почва. Первоначальные культурные напластования появляются после определенного периода функционирования поселения, и они перекрываются «2-м валом» с гакковой конструкцией. Этот горизонт напластований прекращает свое существование вследствие пожара, который имел место до начала храмового строительства, так как он, в свою очередь, перекрывается материковым песком из котлована/рва для фундамента (Минское замчище..., 2011. С. 27–36).

Интерпретация В. Р. Тарасенко

В. Р. Тарасенко отмечал, что за несколько десятилетий до сооружения храма существовало небольшое поселение, от которого остался культурный слой мощностью 0,12 м, прорезанный фундаментом храма. Этот лежащий на материке культурный слой явно отражал последствия пожара, а также содержал остатки сожженных легких деревянных построек со следами глинобитных полов и печей и дощатых заборов, доски которых были вертикально забиты заостренными концами в землю. Из находок в нем отмечены несколько железных гвоздей и обломки грубой с обильной примесью дресвы гончарной посуды, описанной как «керамика курганного типа» с деформацией под воздействием огня. К этому же слою исследователь отнес находки фрагментов амфор (по его описанию — это обломки крупных амфоровидных сосудов киевского типа с массивными ручками). Этот 1-й слой В. Р. Тарасенко отнес к первоначальному поселению — крепости или боярской усадьбе и датировал его XI в., правда, без какого-либо анализа артефактов и объектов (Тарасенко, 1957. С. 204, 207, 213, 221, 246–247).

Интерпретация Э. М. Загорюльского

Э. М. Загорюльский провел работу по ревизии материалов В. Р. Тарасенко и их комплексной корреляции с материалами своих исследований

² В связи с ведущимся научным спором о внешнем облике фортификационных сооружений древнерусского периода (дерево-земляные сооружения, вертикальные деревянные конструкции из срубов-городней и пр.) автор целенаправленно обозначает в кавычках остатки оборонительных сооружений древнего Менска («1-й вал», «2-й вал»), тем самым акцентируя внимание на наличии данных археологизированных остатков фортификации древнего Менска (Загорюльский, 1982. С. 151–167; 2014. С. 242–249; Минское замчище..., 2011. С. 27–36; Штыхов, 1978. С. 72–81), но не вступая в дискуссию об их характере и облике.

1957–1961 гг. С сожалением отметим, что в настоящее время полноценное знакомство с полевой документацией или археологическими материалами обоих исследователей в полном объеме проблематично (*Мядзведзева, Мядзведзеў, 2018. С. 65, 66, 293–295*).

Первоначальные культурные напластования Э. М. Загорульский назвал 20-м ярусом в своей плановой работе 1960 г. или 1-м горизонтом в своей монографии 1982 г. Он предположил, что угли могут относиться к лесному пожару или следам пожара во времена начальной истории города, который имел место только в его восточной части. К 20-му ярусу (1-му горизонту) он также отнес сооружение «первоначального вала» и начало каменного строительства храма, отметив, что под «валом» культурного слоя практически не было (*Загорульский, 1960. С. 59, 60; 1982. С. 93, 94, 131*). Мы не располагаем данными, фиксировались ли Э. М. Загорульским перекопы и повреждения первоначального культурного слоя в его раскопах. В рассматриваемой нами далее ситуации в раскопах 1976 и 2009 гг. данный слой находился *in situ*, так как был перекрыт «2-й подсыпкой вала» и выбросом материкового песка из котлована/рва фундамента. Э. М. Загорульский не описывает этот слой, а просто обобщает данные по ряду категорий находок, которые происходят из 1-го горизонта (20-го яруса). Так, в 20-м ярусе было выявлено три шиферных пряслица (в 19-м ярусе — уже 16 экз., в 18-м и 17-м — по 13 экз. с тенденцией к увеличению), стеклянный браслет (в 19-м ярусе — уже 13 экз., в 18-м — 38 экз., в 17-м — 45 экз. с тенденцией к увеличению) и т. д. (*Загорульский, 1960. С. 100–102*).

Отдельно Э. М. Загорульский отметил, что 20-й ярус представляет собой напластования XI–XIII вв., но находки XI в. (без указания, какие и откуда происходят. — В. К.) многочисленны. Рассуждая о времени появления ряда находок в городских слоях и о том, что Минск упоминается в 1067, 1085 гг., а углистые прослойки встречаются в нижнем слое, он сделал вывод, что это и есть следы тех военных конфликтов, и выстроил свою раннюю хронологию на основе летописных данных, увязав ее со стратиграфией и датировкой находок. В результате получилось, что находки, которые он датировал по аналогиям X–XI вв. (бронзовая лунница; подвеска-конек; прорезная подвеска в виде креста, вписанного в круг; калачевидное кресало с язычком; зонные и ребристые бусы; и др.), происходят не из 20-го яруса (1-го горизонта), а из 18-го, трубчатый замок типа А с Т-образной прорезью найден на границе 17-го и 18-го ярусов и т. д. Правда, перед этим исследователь отдельно отметил, что слоев X в. на замчище нет, а находки ниже 18-го яруса

«без всяких допущений и натяжек укладываются в рамки XI в.» (ключи и замки типа А; калачевидные кресала с язычком; боевой топор курганного типа; шпоры с длинным шипом; роговой кистень со знаком Рюриковичей; овальноконечный крестик; подковообразные фибулы; стеклянные браслеты, сваренные по античному рецепту; и др.) (*Загорульский, 1982. С. 140, 209–256*).

Ориентируясь на данные Новгорода, а также на свою датировку ярусов, Э. М. Загорульский отнес появление шиферных пряслиц к середине X в., отметив, что больше всего их во второй половине XI и первой половине XII в.; появление стеклянных браслетов — ко второй половине XI в.; максимальное распространение зонных бус — к рубежу XI–XII вв. Отдельно им были отмечены находки бусины-лимонки в слое середины XIII в., двух «глазчатых» бус в слоях XIII в. и одной — в слое 1060-х гг. Керамический материал из ранних напластований Минского замчища (20–18-й ярусы) был отнесен Э. М. Загорульским ко второй половине XI в. (*Загорульский, 1960. С. 182, 183; 1982. С. 235–242*). В результате исследователь предложил датировку всех ярусов, где 20-й ярус он отнес к 1060-м гг. (следуя своей концепции о взаимосвязи летописных данных и археологической интерпретации слоев пожара. — В. К.), 19-й — к 1070–1080-м гг., 18-й — к 1080–1090-м гг., 17-й — к началу XI в. — 1110-м гг., 16-й — к 1110–1120-м гг., 15-й — к 1130-м — началу 1140-х гг. и т. д. (*Загорульский, 1960. С. 104–114; 1982. С. 229–235, 296, 297*). Примечательно, что исследователь, располагая всей документацией В. Р. Тарасенко (дневниками, чертежами, разрезами, коллекциями), проигнорировал его находки из первоначальных напластований.

Интерпретация Г. В. Штыхова

Критический пересмотр находок и датировок В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорульского осуществил Г. В. Штыхов (*Штыхов, 1978. С. 72–81, рис. 30*). Он указал, что Э. М. Загорульский акцентировал внимание только на начальной датировке артефактов, фактически игнорируя весь период их бытования. Солидаризируясь с Г. В. Штыховым, отметим, что фактически весь спектр находок, который был отнесен к XI в., бытует в XII в. и зачастую заходит в XIII в. Анализ керамики из ранних напластований Минска (раскопки В. Р. Тарасенко 1949 г.) позволил ему сделать вывод, что часть ее характерна для конца XI — XII в., а часть — для XII — первой половины XIII в. В ходе раскопок 1976 г. был вновь выявлен древнейший слой мощностью 0,15 м со следами пожарища, перекрытый выбросом материкового песка из котлована

от фундамента храма, который, по Г. В. Штыхову, содержал находки керамики XII в., а в нижележащем пожарище — конца XI в. Отдельно он отметил, что такая керамика встречалась и в других местах предматерикового слоя. В этом же слое, перекрытом насыпью «вала», исследователь отметил фрагменты посуды XII в. и множество фрагментов красноглиняных амфор. Такие же материалы были обнаружены и в нижней части предполагаемой насыпи «вала» (68 фрагментов амфор, шиферное пряслице, стеклянная золоченая бочонковидная бусина, кусок янтаря, железный серп). В восточной стене раскопа, в прослойке извести, связанной с этапом храмового строительства, исследователь выявил деформированную в огне керамику XII в.; в самом культурном слое, предшествующем строительству, — керамику XII в. (в том числе семь фрагментов красноглиняных амфор, фрагмент белоглиняного сосуда с редкой зеленой поливой); в предматериковом слое — керамику конца XI — начала XII в. Массовые находки фрагментов красноглиняных амфор в древнейшем слое, сделанные Г. В. Штыховым, конкретизируют информацию В. Р. Тарасенко. Однако оба исследователя не приводят каких-либо особенностей амфорной керамики, что не позволяет однозначно говорить о ее типах. В общем амфорная керамика на основе множества аналогий датируется концом XI — XIII в., чаще XII–XIII вв. (Овсянников, 2020. С. 166–173; Коваль, 2010. С. 149–172).

Таким образом, на основании анализа комплекса находок из первоначальных напластований Минского замчища Г. В. Штыхов отнес древнейшие слои к концу XI в., а попытку возведения каменного храма — к XII в. Одновременно он апеллировал к мнению Л. В. Алексеева, что храм можно датировать первой четвертью XII в., при этом дипломатично указав, что вопросы хронологии должны решаться на основе дендрохронологии.

В 3 м севернее фундамента храма, в первоначальном слое, перекрытом выбросом материкового песка, Г. В. Штыховым было найдено бронзовое изделие, от которого сохранился массивный четырехгранный штырь длиной 7,0 см с прямой фигурной ножкой длиной 3,5 см, почти круглой в сечении. Данный артефакт был интерпретирован как деталь подсвечника (Штыхов, 1978. С. 75, рис. 4, 1). Примечательно, что при раскопках В. Р. Тарасенко около северной апсиды, но вне храма, были также найдены две детали подсвечника, которые представляли единое изделие (Тарасенко, 1957. С. 250, рис. 53; Загорюльский, 1982. Рис. 187). В северо-западной части храма был найден фрагмент стенки медного колокола (реконструируемый диаметр около 0,5 м) (Тарасенко, 1957. С. 235, рис. 34). Комплекс этих

находок позволил Г. В. Штыхову высказать гипотезу, что данные предметы религиозного культа использовались в недостроенном храме во время функционирования кладбища в его внутреннем пространстве. Параллельно он предположил, что до закладки фундамента храма на его месте существовала деревянная церковь, впоследствии сгоревшая. Каких-либо археологических доказательств этого он не привел, что не помешало последующим исследователям использовать это предположение как установленный факт (Трусаў, 2020. С. 70–72).

Таким образом, Г. В. Штыхов в результате как собственных работ, так и ревизии находок В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорюльского, предложил свою датировку первоначальных напластований Минского замчища: конец XI / начало XII в. — XII в., тем самым не приняв версию о существовании Менска на р. Свислочи в XI в. (или со второй половины XI в.). Сопоставив датировки находок из этих напластований с этапом храмового строительства и особенностями стратиграфии, Г. В. Штыхов показал, что это строительство могло быть предпринято и позднее начала / первой четверти XII в.

Исследования 2009 г.

В ходе исследований 2009 г. были получены материалы, которые дополняют существующие гипотезы по ряду основополагающих вопросов, часть из которых была рассмотрена в коллективной монографии (Минское замчище..., 2011). Была расчищена часть деревянной мостовой середины XIII в., которая перекрывала фундамент храма и была перерезана работами В. Р. Тарасенко (судя по всему, это продолжение мостовой 1-го яруса) (рис. 3, 1).

При зачистке материка к северу от фундамента храма, между ним и границей «2-й подсыпки вала», был выявлен ряд объектов, интерпретация которых позволяет предположить существование частокола, который мог ограждать строительную площадку при возведении храма, а также объектов, связанных с его строительством (творило, скопление колотых камней). Не исключено, что подобный частокол имелся с западной, южной и восточной сторон от фундамента, и это была своеобразная «строительная зона» храма (рис. 3, 2).

Особенный интерес представляют зафиксированные первоначальные напластования Минского замчища, которые были перекрыты выбросом материкового песка из котлована/рва фундамента храма, а также присутствовали под «2-й подсыпкой вала». Плотный, спрессованный темно-серый/черный культурный слой с включением угля, обожженной глины и прокаленного песка имел

мощность от 4 до 20 см и завершался углистой прослойкой мощностью 2–4 см, которая фиксировалась фактически по всей раскопанной площади. Важность этого слоя заключается в том, что он предшествует храмовому строительству, и его датировка является ключом к пониманию времени этого события. Сам же выброс материкового песка мощностью 35–40 см около северной наружной стороны фундамента также перекрыт углистой прослойкой мощностью 2–3 см (рис. 3, 3).

При разборке первоначального культурного слоя около северо-восточного угла фундамента на уровне материка были выявлены остатки деревянной Г-образной конструкции, которая относится к начальному этапу освоения площадки городища и перекрыта выбросом материкового песка из котлована/рва фундамента. В дальнейшем это сооружение (?) было «перерезано» при земляных работах по возведению фундамента. При выборке материковых ям в этих же квадратах выявлены отдельные фрагменты керамики XII в. (И. В. Ганецкая датирует их XII–XIII вв. — В. К.) (Минское замчище..., 2011. С. 43, 44). Обнаружены также донце с клеймом и коррозированные железные предметы со следами сильного температурного воздействия, в том числе три проколки/шила (?) (рис. 4, 2–4), часть оплавленного бронзового изделия (бубенчик?) (рис. 4, 6).

Интересный объект размерами около 4,0 × 2,9 м, интерпретированный как подготовленный строительный материал для фундамента, был выявлен в 3,0 м от его северо-западного угла и в 0,5 м севернее деревянной мостовой. Объект фиксировался в черном гумусированном рыхлом слое по скоплению камней (в том числе колотых), распространению кусков извести и остаткам вертикальных деревянных столбов, расположенных по его контуру. Это скопление шириной 1,2 м полосой «уходило» в западную стену раскопа. В северной части оно стыковалось с неисследованными пластами, залегающими под деревянной мостовой. Рядом с этим строительным материалом в западном профиле раскопа 2009 г. имелись остатки известкового творила. Его длина (в профиле) составляет до 2,0 м, мощность — 0,3–0,6 м. Непосредственно под творилом имелась тонкая (2–4 см) прослойка угля, которая фиксировалась по всей исследуемой площади (под развалом камней, под выбросом земли из котлована фундамента храма и т. д.), и первоначальный культурный слой (рис. 3, 4). Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют говорить, что творило, камни и известь появились после завершения основной части работ по сооружению «2-й подсыпки вала» со стороны площадки детинца.

Остатки вертикальных бревен по контуру скопления строительного материала позволяют предположить, что они являются опорными столбами для деревянной ограды или навеса над строительным материалом. Находки из скопления этого строительного материала также будут важны для датировки времени строительства. Так, в слое извести, среди камней были найдены несколько неопределимых изделий из железа, пять свинцовых пломб (еще 2 экз. находились чуть южнее этого скопления в предшествующих напластованиях) (рис. 4, 9–13), наконечник стрелы (рис. 4, 1). Под одним из камней (*in situ*), над угольной прослойкой был выявлен фрагмент дна византийской расписной керамической тарелки с изображениями птиц в технике сграффито, которую можно датировать XII в. (рис. 5) (*Papanikola-Bakritzis et al.*, 1992. P. 9–11, fig. 5). Этим же временем датируются свинцовые пломбы, а также бронзобойный наконечник стрелы с головкой ромбовидной формы и упором (тип 83, по А. Ф. Медведеву) (XI — первая половина XII в.). Следовательно, материалы из этого объекта могут быть датированы XII в., возможно, более узко — его первой половиной.

Выводы

Первоначальные культурные напластования Минского замчища, выявленные в результате исследований 1949–1951, 1976, 2009 гг., перекрыты выбросом материкового песка из котлована/рва для фундамента храма, фиксируются они и под «2-й подсыпкой вала». Ревизия материалов В. Р. Тарасенко из этого слоя, предпринятая Г. В. Штыховым, его материалы 1976 г., а также дополнительные данные 2009 г. позволяют говорить о том, что этот слой не может датироваться XI в. и относится к XII в. Примечателен факт минимального присутствия в этих напластованиях фрагментов стеклянных браслетов и шиферных пряслиц (по данным Э. М. Загоруйского, 1957–1959 гг.). Хотя, если следовать датировкам Э. М. Загоруйского, а также его заключениям о связи формы и цвета с хронологией, оказывается, что в слоях Минского замчища стеклянные браслеты встречаются со второй половины XI в. (*Загоруйский*, 1982. С. 230–233). Между тем последние исследования показывают, что использование при датировке стеклянных браслетов таких критериев, как цветовая гамма, диаметр или форма изделий, является достаточно проблематичным (см., например: *Олейников*, 1998; 2002). Появление стеклянных браслетов в слоях древнерусских городов все-таки относится к третьей четверти XII в., с пиком их распространения в первой половине XIII в., затем во второй

Рис. 3. Минское замчище, раскоп 2009 г.: 1 — деревянная мостовая середины XIII в. и часть западного участка фундамента Минского храма (8.09.2009 г.); 2 — на уровне материка, вид с севера (16.09.2009 г.); 3 — южный профиль (А — выброс материкового песка от разработки рва/котлована для фундамента Минского храма; Б — первоначальные культурные напластования со слоем пожарища, перекрытые выбросом материкового песка) (10.09.2009 г.); 4 — скопление строительного материала для храма и творило в профиле северной стены, вид с востока (16.09.2009 г.). Фотографии В. И. Кошмана

Fig. 3. Minsk Zamchishche, excavation 2009: 1 — mid-13th cen. wooden pavement and part of the western section of the Minsk temple's foundation (8.09.2009); 2 — at the mainland level, view from the north (16.09.2009); 3 — southern profile (A — ejection of virgin soil sand from the excavation of the ditch/cauldron for the foundation of the Minsk temple; B — original cultural strata with a site of fire's layer, overlapped by the ejection of virgin soil sand) (10.09.2009); 4 — accumulation of building material for the temple and lime prepared place in the profile of the northern wall, view from the east (16.09.2009). Photos by V. I. Koshman

половине XIII — начале XIV в. они продолжают бытовать с существенной тенденцией к снижению.

Таким образом, материалы первоначальных напластований Минского замчища, предвещающих возведение фундаментов храма, содержат керамический материал конца XI — XII в., амфорную керамику XII (XIII?) в., подсвечники XII (XIII?) в., одиночные находки стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, «глазчатую» бусину, что позволяет их суммарно датировать концом XI — XII в. Безусловно, поражает коли-

чество фрагментов амфорной керамики (амфоры византийского культурного круга (?). — В. К.), которые были массово обнаружены в раскопах В. Р. Тарасенко и Г. В. Штыхова. Обычно данная категория артефактов встречается вместе со значительным количеством стеклянных браслетов и шиферных пряслиц. Находки 2009 г., выявленные непосредственно в объекте со строительными материалами для храма, могут датироваться в пределах XII в. Пласт материальной культуры «классического» XI в. с характерными

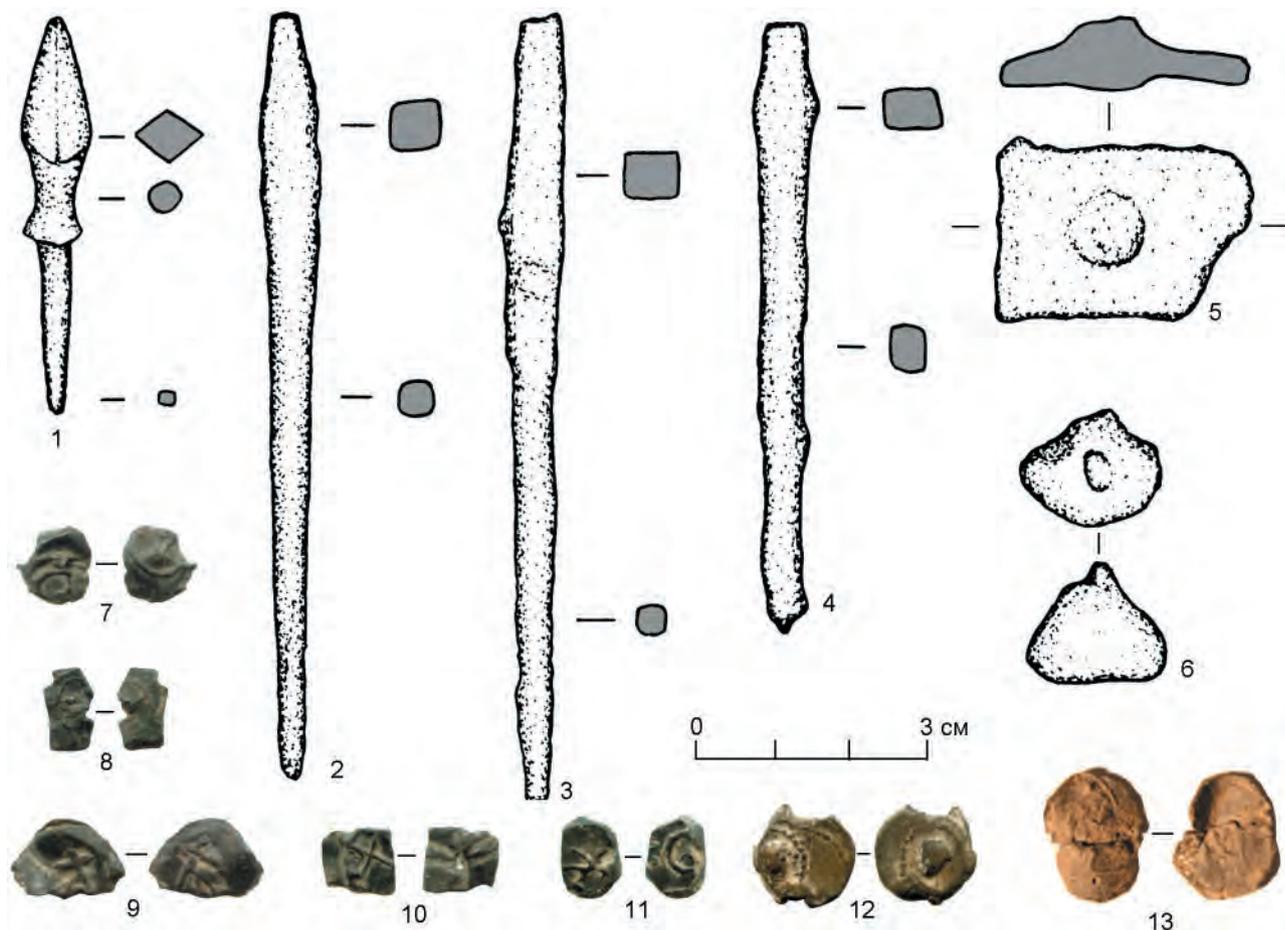

Рис. 4. Минское замчище, раскоп 2009 г., находки (номера по коллекционной описи индивидуальных находок): 1 — наконечник стрелы (№ 137); 2–4 — проколки (?) (№ 134–136); 5 — изделие неизвестного назначения (№ 131); 6 — бубенчик (?) (№ 138); 7–13 — пломбы (№ 77, 85, 114, 123, 132, 133, 139). 1–5 — железо; 6 — цветной металл; 7–13 — свинец. 7–13 — фотографии В. И. Кошмана

Fig. 4. Minsk Zamchishche, excavation 2009, finds (numbers according to the collection inventory of individual finds): 1 — arrowhead (No. 137); 2–4 — piercing (?) (Nos. 134–136); 5 — item of unknown purpose (No. 131); 6 — bells (?) (No. 138); 7–13 — seals (Nos. 77, 85, 114, 123, 132, 133, 139). 1–5 — iron; 6 — non-ferrous metal; 7–13 — lead. 7–13 — photos by V. I. Koshman

хронологическими индикаторами, которые массово представлены на различных памятниках, в том числе и комплексе на р. Менке, отсутствует на Минском замчище. Это позволяет критически отнестись к датировкам строительства Минского храма в период 1069–1073 гг. или не позднее 1071–1085 гг. Соответственно и увязка личности Глеба Всеславовича с попыткой строительства храма не выглядит уже столь убедительной, как ранее представлялось и предыдущим исследователям, и автору данной статьи (Кошман, 2012). Необходим дальнейший поиск архитектурных аналогий планировочному и технологическому решению Минского храма. Суммируя же рассмотренные материалы из первоначальных слов Минского замчища, которые предшествовали

Рис. 5. Минское замчище, раскоп 2009 г., фрагмент дна византийской керамической тарелки (№ 142)
Fig. 5. Minsk Zamchishche, excavation 2009, fragment of the bottom of a Byzantine ceramic plate (No. 142)

храмовому строительству, нельзя исключать, что строительство имело место позже, возможно, в 1140–1160-е гг., что в большей степени соотносится с датировкой находок из этих горизонтов. А если следовать «традиционной концепции» связи пожарищ и военных событий, то можно вспомнить, что как раз в это время вокруг Менска на р. Свислочи была череда княжеских конфликтов.

В заключение отметим, что целый ряд несоответствий вновь актуализирует необходимость уточнения ранней истории Менска на р. Свислочи путем пересмотра накопленных с 1945 г. археологических материалов на основе современных принципов и методов датирования. Несмотря на научные прения, связанные с вопросами ранней истории Минского замчища, все исследователи единодушны в том, что данный храм так и

не был построен и не украсил средневековый город. Причины остановки строительства на этапе заложения фундамента и начала возведения стен, безусловно, могут быть вариативны. Очевидно одно: после «замораживания» строительства произошли события более глобального геополитического характера, которые нашли свое отражение в изменении застройки и планировки территории, ранее предназначенной для возведения храма. После этапа функционирования кладбища в границах недостроенного храма данная территория поглощается типичной средневековой деревянной застройкой из жилых и хозяйственных построек, мостовых, что может свидетельствовать о корректировке княжеских планов на развитие города, приведшей к изменению топографии и забвению планируемой сакральной зоны в этой части Минского замчища.

Алексеев, 1966 — Алексеев Л. В. Полоцкая земля. Очерк истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. М.: Наука, 1966. 295 с.

Алексеев, 2006 — Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 289 с.

Загорульский, 1960 — Загорульский Э. М. Древний Минск (по материалам археологических раскопок 1945–1951 гг., 1957–1959 гг.). Минск, 1960 // ЦНА НАН Беларусі. Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі. Воп. 1. Арх. № 117. 236 с.

Загорульский, 1982 — Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: Изд-во Белорусского ГУ, 1982. 358 с.

Загорульский, 2014 — Загорульский Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. 2-е изд., доп. Минск: Четыре четверти, 2014. 532 с.

Заяц, 2005 — Заяц Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселения на реках Немига и Мена) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2005. № 9. С. 26–31.

Иоаннисян, 2013 — Иоаннисян О. М. От Десятиной церкви до Софии Полоцкой (о становлении древнерусского зодчества) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы VI Міжнар. навук. канф. (Полацк, 1–3 ліст. 2012 г.): у 2 ч. / Уклад. Т. У. Явіч. Полацк: Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, 2013. Ч. 1. С. 120–144.

Коваль, 2010 — Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX — XVII век. М.: Наука, 2010. 269 с.

Кошман, 2012 — Кошман В. И. Глеб Усяслававіч Менскі ў святле гістарычных і археалагічных крыніц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2012. № 23. С. 16–22.

Кошман, 2023 — Кошман В. И. Фундаменты Минского храма на замчище: археологический и исторический контексты // 1030-летие Православной Церкви в Беларуси: история и современность: Сб. ст. участников Междунар. науч. конф. (Республика Беларусь, Минск, 9 июня 2022 г.) / Ред. митрополит Вениамин (Тупеко). Минск: Изд-во Минской духовной академии, 2023. С. 27–49.

Кушнярэвіч, 2003 — Кушнярэвіч А. М. Раманскія ўплывы ў мастацтве Беларусі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2003. № 7. С. 23–26.

Минское замчище..., 2011 — Медведев А. М., Ганецкая И. В., Войтехович А. В., Кошман В. И., Плавинский Н. А., Дернович С. Д. Минское замчище: материалы исследований северо-восточной части в 2009 году (участок I, раскопы 1, 2) / Гл. ред. О. Н. Левко. Минск: Медисонт, 2011 (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; № 22). 237 с.

Мядзведзева, Мядзведзеў, 2018 — Мядзведзева В. У., Мядзведзеў К. А. Археалогія Беларусі: каталог архіўных навуковых матэрыялаў. У 3 ч. Мінск: Беларуская навука, 2018. Ч. III (1923–2015): Сярэднявечны перыяд і Новы час. 347 с.

Овсянников, 2020 — Овсянников О. В. Керамика древнего «Изяславля» (опыт классификации глиняной посуды средневекового русского города) // Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. СПб.: Нестор-История, 2020. Т. 1: Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / Ред.-сост. А. А. Пескова. С. 117–202.

Олейников, 1998 — Олейников О. М. Сравнительный анализ химических составов стеклянных браслетов городов Древней Руси // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 1998. Вып. 12. С. 182–195.

- Олейников*, 2002 — *Олейников О. М.* Стекланные браслеты Великого Новгорода // РА. 2002. № 1. С. 51–56.
- ПВЛ, 1950 — Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 2: Лаврентьевская летопись. 564 с.
- Раппопорт*, 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 289 с.
- Тарасенка*, 1950 — *Тарасенка В. Р.* Вынікі раскопак Мінскага замчышча ў 1945–1949 гг. // Весці Акадэміі навук БССР. Мінск, 1950. № 4. С. 63–88.
- Тарасенко*, 1950 — *Тарасенко В. Р.* Раскопки Минского замчища // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 122–128.
- Тарасенко*, 1957 — *Тарасенко В. Р.* Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) // Материалы по археологии Беларуси. Минск: Изд-во АН БССР, 1957. Т. 1 / Ред. Е. И. Корнейчик, К. М. Поликарпович. С. 182–257.
- Тарасенко, Митрофанов*, б. г. — *Тарасенко В. Р., Митрофанов А. Г.* Дневники раскопок Минского Замчища за 1946, 1948, 1950, 1951, 1959 гг. и городища Малышки за 1957 г. // ЦНА НАН Беларусі. Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі. Воп. 1. Арх. № 1281. 10 тетрадей.
- Торшин*, 2012 — *Торшин Е. Н.* О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника // Труды Гос. Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. Т. LXV: Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архит.-археол. семинара (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2010 г.) / Науч. ред. Д. Д. Елшин. С. 337–352.
- Трусаў*, 1998 — *Трусаў А. А.* Першы каменны храм у Менску // Спадчына. Мінск: Беларускі фонд культуры, 1998. № 6. С. 53–59.
- Трусаў*, 2020 — *Трусаў А. А.* Эвалюцыя будаўнічых матэрыялаў і тэхнікі манументальнага дойлідства Беларусі XI–XVIII ст. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, 2020. 305 с.
- Трусаў*, 2021 — *Трусаў А. А.* Першы помнік мураванага дойлідства на тэрыторыі Беларусі, зроблены ў раманскай будаўнічай традыцыі // Весці Нацыянальнага акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. Мінск: Беларуская навука, 2021. Т. 66, № 3. С. 293–302.
- Штыхов*, 1978 — *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Штыхов, Соболев*, 1976 — *Штыхов Г. В., Соболев В. Е.* Отчет о раскопках в Минске, на Менке и обследованиях в Речицком районе Гомельской области в 1976 году // ЦНА НАН Беларусі. Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі. Воп. 1. Арх. № 546.
- Papanikola-Bakritzis et al.*, 1992 — *Papanikola-Bakritzis D., Maguire E. D., Maguire H.* Ceramic Art from Byzantine Serres. Urbana, Illinois and Chicago: University of Illinois Press, 1992 (Illinois Byzantine Studies; IH). 88 p.

Foundations of the temple at Minsk Zamchishche: research results, interpretations and dating issues

V. I. Koshman³

Keywords: Minsk, Mensk, the Castle of Minsk, prince Gleb Vseslavovich of Mensk, temple, foundation, initial cultural layers.

The article systematizes and analyzes the main results of archaeological researches related to the foundations of the Temple of Minsk discovered in 1949–1951. This unique architectural object without any exact analogies in the Old Rus' architecture and, which is one of the examples of the Romanesque style, in the second half of the 20th — early 21st cen. became the object of close attention of a number of researchers, who proposed their own interpretations of the temple's dating and of the contractor of this monumental construction. The author comes to the conclusion that when dating the origin of Mensk on the Svisloch, as well as determining the time of temple construction, scholars approached the date of finds and layers selectively, and for the formation of their hypothesis relied on chronicles, often ignoring stratigraphical and planigraphical data with dating artifacts and objects.

The author also draws attention to the need of clarifying the dates proposed earlier, which may lead to “rejuvenation” of attempts of temple construction at the Castle of Minsk to the early — the middle of the 12th cen.

³ Vadzim I. Koshman — Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; Minsk, Republic of Belarus; e-mail: vadzim_archo@tut.by.

Церковь Николая на Липне 1292 г. и постройки Липенского монастыря: новые археологические исследования¹

И. В. Антипов, А. В. Жервэ²

Аннотация. В статье публикуются результаты раскопок, проведенных Архитектурно-археологической экспедицией СПбГУ в церкви Николая на Липне 1292 г. и на территории Липенского монастыря близ Новгорода. Новые данные позволяют рассматривать храм как результат работы сборной строительной артели, состоявшей из древнерусских и романских мастеров. Обнаружены остатки трапезной палаты XVI–XVII вв., изучена монастырская территория.

Ключевые слова: новгородская средневековая архитектура, архитектурная археология, монастырское строительство, трапезные палаты, архитектура Древней Руси и Западной Европы.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-140-153

Памяти Валентина Александровича Булкина

В последние десятилетия благодаря археологическим раскопкам удалось значительно расширить наши знания о памятниках новгородской архитектуры конца XIII — первой половины XIV в., времени возрождения каменного строительства после значительного перерыва, вызванного монгольским нашествием, сокращением населения и общим упадком экономической жизни города во второй половине XIII в. Архитектурно-археологической экспедицией СПбГУ изучены ранее неизвестные постройки: Покровская церковь Шилова монастыря 1310 г., Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря 1335 г., церковь Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг., гражданская постройка в новгородском Детинце (видимо, палата архиепископа Василия 1350 г.) (Антипов и др., 2013; 2016; 2017; 2020). Археологические раскопки позволили получить новые сведения и об одном из самых известных памятников средневековой новгородской архитектуры — церкви Николая на Липне 1292 г., а также о некоторых других сооружениях Липенского монастыря.

Церковь Николая на Липне занимает важнейшее место в обобщающих текстах о новгородской архитектуре, написанных Михаилом Константиновичем Каргером (рис. 1). Исследователь отмечал, с одной стороны, преемственность архитектуры липенского храма с зодчеством домонгольского времени, с другой — переосмысление традиционных композиций, введение новых приемов, иной техники кладки. Важной представлялась ему и связь архитектуры храма с романским зодчеством (Каргер, 1954. С. 46–50). Материалы последних археологических раскопок памятника позволяют дополнить наблюдения М. К. Каргера и других исследователей.

Задача нашей статьи — опубликовать результаты новейших исследований церкви, расширяющие представления об уникальном произведении средневекового зодчества и его окружении.

История храма и монастыря: краткий очерк³

Липенский монастырь находился на небольшом острове в устье реки Мсты неподалеку от Новгорода. Большинство новгородских летописей сообщает о закладке церкви

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 24-18-00228).

² Антипов И. В., Жервэ А. В. — Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, Россия; e-mail: i.antipov@spbu.ru, azherve@mail.ru.

© Антипов И. В., Жервэ А. В., 2024

³ История монастыря подробно изложена в недавних публикациях Л. А. Секретарь (Секретарь, 2011. С. 213–222) и Т. Ю. Царевской (Царевская, 2020. С. 9–38).

Никола на Липне архиепископом Климентом в 6800 (1292) г. (НПЛ, 1950. С. 327; НІВЛ, 2000. С. 247 и др.) на месте, где в 1113 г. был чудесно обретен образ св. Николая Чудотворца, от которого получил исцеление князь Мстислав Владимирович. Об окончании строительства летописных сведений нет, однако можно предположить, что оно было завершено за один-два строительных сезона, то есть в 1293–1294 гг. церковь уже была освящена. Известно, что специально для нее в 1294 г. был написан храмовый образ св. Николая (НГОМЗ), а в 1290-е гг. церковь была расписана. Вероятно, одновременно со строительством храма был основан и монастырь, хотя ранние летописи ничего об этом не сообщают (сведения о том, что храм закладывают в монастыре, есть только в Новгородской третьей летописи XVII в. — Новгородские летописи, 1879. С. 209).

Мимо Липенского монастыря в Средневековье проходила основная дорога в Новгород из Низовских земель. Земельные владения обители фигурируют в документах конца XV в., в 1528 г. в монастыре вводится общежительный устав (*Секретарь*, 2011. С. 214). Храм и монастырь упоминаются в Росписи новгородским церквям 1615 г. (Анкудинов, 2008. С. 376) и в Описи Новгорода 1617 г. (Опись Новгорода, 1984. С. 119). После Смутного времени монастырь фактически прекратил самостоятельное существование, некоторое время он был приписным к Софийскому дому, окончательно упразднен в 1764 г. В 1798 г. приходская Никольская церковь была приписана к Сковородскому монастырю. Значительные ремонтные работы проходили, очевидно, в первой половине — середине XIX в., когда у храма появилась каменная паперть и колокольня (письменных свидетельств об этих перестройках пока не обнаружено)⁴.

Церковь 1292 г. существовала до Великой Отечественной войны, когда большая ее часть была разрушена огнем немецкой артиллерии. Восстановление и реставрация храма осуществлены

⁴ Архимандрит Макарий называет колокольню «почти новой» (*Макарий, архим.*, 1860. С. 528), архитектурные формы здания также свидетельствуют о том, что оно могло быть построено в первой половине — середине XIX в. Интересно, что письменные источники позволяют считать, что монастырь в это время был заброшен. Надеемся, что дальнейшая работа с архивными документами позволит уточнить время и обстоятельства возведения каменной паперти и колокольни.

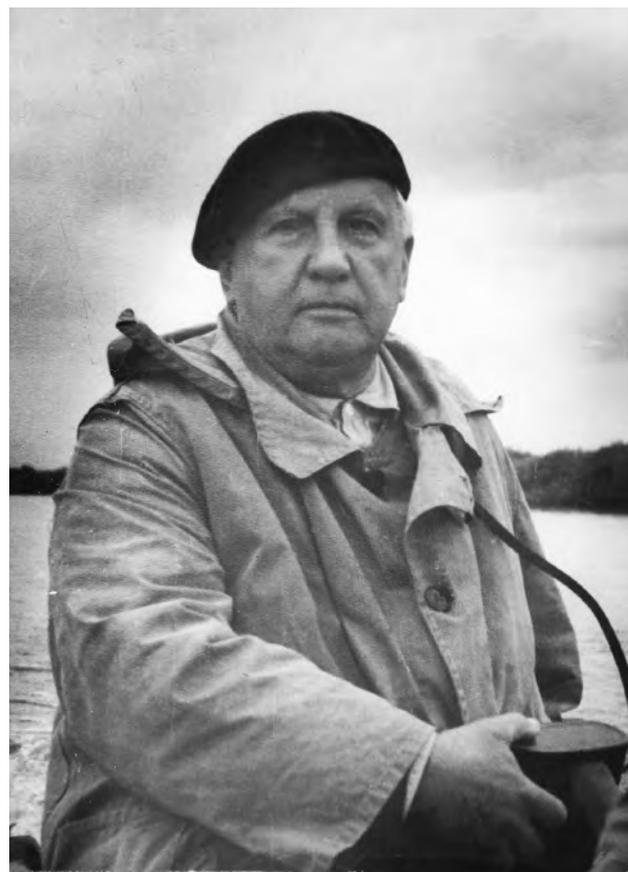

Рис. 1. Михаил Константинович Каргер — дорога к церкви Николая на Липне. 1970 г. Фото Вал. А. Булкина
Fig. 1. Mikhail K. Karger — road to the St. Nicholas on Lipno Church. 1970. Photo by Val. A. Bulkin

в 1950-е гг. под руководством Л. М. Шуляк (*Секретарь*, 2011. С. 221, 222), повторная реставрация проведена в 2018–2019 гг. (рис. 2).

Помимо Никольской церкви в монастырский ансамбль входило еще несколько каменных построек.

Прежде всего, это трапезная палата с церковью. Первоначальная каменная трапезная появилась, видимо, во второй половине XVI в., и ее храм имел посвящение св. Сергию Радонежскому⁵. В конце XVII в., очевидно, этот храм был перестроен и получил новое посвящение св. Троице, а во имя св. Сергия освятили престол

⁵ Престол во имя св. Сергия Радонежского в первый раз отмечен в документе конца XVI в., времени царя Феодора Иоанновича (*Макарий, архим.*, 1860. С. 524), но не сказано, что речь идет о каменной церкви при трапезной палате. Каменная церковь св. Сергия и трапезная палата впервые упомянуты в Росписи 1615 г. (Анкудинов, 2008. С. 376).

Рис. 2. Церковь Николы на Липне. Вид с юго-востока. 2019 г. Фотография И. В. Антипова
 Fig. 2. The St. Nicholas on Lipno Church. View from the south-east. 2019. Photo by I. V. Antipov

придела. Перестройка храма и его новое освящение связаны с упразднением в 1680 г. Коломечского монастыря и перевозкой строительных материалов после разборки его Троицкой церкви на Липно. В 1799 г. Троицкая церковь Липенского монастыря была разобрана, трапезную разобрали еще в 1784 г. (*Секретарь*, 2011. С. 214).

Каменные настоятельские кельи впервые упомянуты в описи 1763 г., в описи же 1749 г. фигурируют еще деревянные кельи, следовательно, это здание можно датировать, вероятно, 1750-ми гг. (*Там же*. С. 214). На плане 1781 г. настоятельские кельи не показаны, не исключено, что к тому моменту их уже разобрали (*Анкудинов*, 2005. С. 291, 292).

Все остальные постройки обители были деревянными, опись 1768–1769 гг. фиксирует в монастыре ветхую деревянную келью, амбар, баню, рубленную в тарасы ограду (*Секретарь*, 2011. С. 214).

История изучения памятника

Исследование Никольской церкви началось в середине XIX в. (Г. В. Филимонов), продолжи-

лось в 1900–1910-е гг. (В. К. Мясоедов, Л. А. Мацулевич). Сразу после окончания Великой Отечественной войны храм был обмерен бригадой под руководством П. Н. Максимова, выпустившего затем подробную публикацию о результатах исследования памятника (*Максимов*, 1952). Ценные наблюдения были сделаны Л. М. Шуляк в процессе работ по реставрации церкви (*Гладенко и др.*, 1964. С. 214–220). Никольский храм и позднее постоянно привлекал внимание исследователей (см., например: *Седов*, 1997; *Антипов*, 2023).

Археологических исследований на территории монастыря до 2016 г. не проводилось. В воронке у южной стены храма в годы войны обнажился фундамент, в 1960 г. Л. М. Шуляк, очевидно, в этом же месте заложила шурф, материалы его графической фиксации сохранились в фондах Новгородского музея-заповедника⁶. Судя по материалам из архива исследователя, Л. М. Шуляк также выполняла небольшие шурфы и делала зачистки в интерьере храма, в основном снимая поздние полы в подцерковье. Летом 2016 г. разведочные работы в пойме на острове Липно вел И. И. Еремеев, им был обнаружен 1,5-метровый культурный слой с находками позднего неолита — энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века, Средневековья (*Еремеев*, 2018. С. 48–51)⁷.

В 2016–2019 гг. в связи с новой реставрацией Никольской церкви Архитектурно-археологическая экспедиция СПбГУ провела масштабные раскопки у стен храма и на территории монастыря (общая площадь исследований — около 150 кв. м)⁸. Всего было заложено 13 шурфов и траншей, а также проведены раскопки в интерьере по всей площади храма до уровня подсыпки под проектируемый пол (раскоп 14) (рис. 3). Все раскопы, кроме шурфов 1, 2, 10 и раскопа 14, пройдены до материка.

Основные задачи археологических работ: исследование фундаментов, поиск малых архитектурных форм в алтаре, полах; реконструкция этапов

⁶ НГМ КП 43679/1630.

⁷ Благодарим ст. науч. сотрудника ИИМК РАН канд. ист. наук И. И. Еремеева за информацию об этих работах.

⁸ Раскопки были проведены при участии студентов и выпускников кафедры истории искусства СПбГУ. Чертежи выполнены Т. В. Силаевой, К. Б. Образцовой, А. А. Фрезе, Д. Д. Ёлшиным, П. М. Позднейвой, А. И. Антиповой, И. В. Антиповым. Находки обработаны К. С. Гулидовой, Е. А. Соколовой, С. И. Антиповой и Н. А. Жервэ.

строительства памятника; изучение культурного слоя, отложившегося до начала строительства храма; выявление уровня залегания материка; определение габаритов колокольни и притвора XIX в.; поиск остатков трапезной палаты и церкви св. Сергия Радонежского XVI–XVII вв.

Церковь Николая на Липне:

новые открытия

Предыстория храма

Никольская церковь была поставлена на обжитом месте, видимо, на территории достаточно крупного селища (зафиксирован культурный слой мощностью 12–16 см). Раскопки подтвердили данные И. И. Еремеева, указывающие на то, что территория вблизи храма была заселена еще с эпохи неолита — наибольшее число находок, относящихся к концу V — рубежу III–II тыс. до н. э. (лепная керамика, кремь), происходит из песчаной подсыпки под пол храма, очевидно, они попали в нее из карьера, выкопанного строителями где-то поблизости от церкви. Никаких следов более раннего деревянного храма (в том числе погребений) не зафиксировано. Скорее всего, каменная церковь была первым культовым сооружением на Липенском холме.

Основные этапы строительства храма

На первом этапе строительства были выкопаны фундаментные рвы, имевшие отвесные вертикальные стенки. Глина, образовавшаяся при этом, была убрана в какое-то специально отведенное место. Затем были заложены фундаменты: в фундаментах стен использованы валуны, столбы — в основном блоки ракушечника, а также фрагменты кирпичей (рис. 4; 5). Каждый ряд проливался жидким известково-песчаным раствором. После окончания проливки фундамента пустоты между стенкой траншеи и камнями были просыпаны мелким песком. Верхние два ряда валунов выложены выше края траншей в технике стеновой кладки и затем подсыпаны глиной, вынутой из фундаментных рвов.

Далее, видимо, велись работы по возведению столбов, а возможно, и стен, нашедшие отражение в прослойках раствора, зафиксированных в профилях.

На следующем этапе была выполнена выравнивающая подсыпка из глины, ранее вынутой из фундаментных рвов, поверх которой по всей площади храма сделана известковая проливка, ставшая рабочим полом. Интересно, что выше известковой прослойки уже никаких строительных

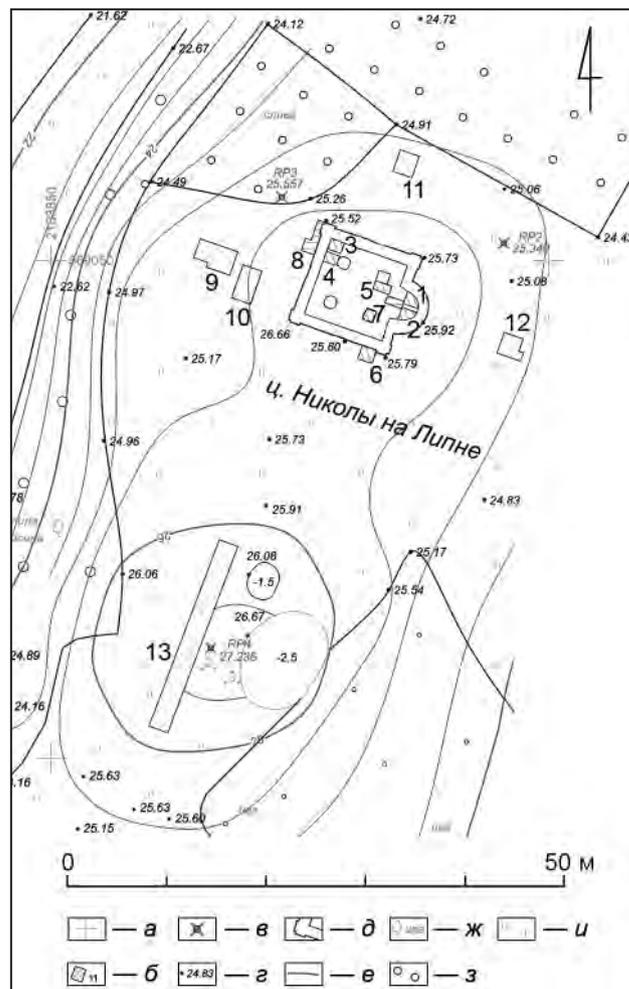

Рис. 3. Никольский Липенский монастырь. Ситуационный план. Шурфы: 1–6 — 2016 г.; 7, 8 — 2017 г.; 9–13 — 2018 г. (а — точка пересечения координат, б — шурфы и траншеи, в — реперы, г — высотные отметки, д — деревья, е — изолинии, ж — церковь Николая на Липне, з — редколесье, и — травянистая растительность). Чертеж Д. Д. Ёлшина

Fig. 3. The St. Nicholas on Lipno monastery. Situational plan. Pits: 1–6 — 2016; 7, 8 — 2017; 9–13 — 2018 (a — point of coordinates' intersection, б — pits and trenches, в — reference point, г — elevations, д — trees, е — isolines, ж — the St. Nicholas on Lipno Church, з — sparse forest, и — herbaceous vegetation). Drawing by D. D. Jolshin

слоев в профилях не зафиксировано. Тем не менее очевидно, что она не могла служить постоянным полом, так как расположена ниже основания синтрона.

На заключительном этапе строительных работ была устроена песчаная подсыпка под пол, на нее были помещены синтрон и, вероятно, престол.

Рис. 4. 1 — церковь Николы на Липне, раскоп 14, известковая проливка в интерьере храма, вид с запада (сверху); 2 — Никольский Липенский монастырь, 2016 г., шурф 6, фундамент южной стены, вид с юга. Фотографии И. В. Антипова

Fig. 4. 1 — the St. Nicholas on Lipno Church, excavation 14, lime spill in the interior of the church, view from the west (from above); 2 — the St. Nicholas on Lipno monastery, 2016, pit 6, foundation of the southern wall, view from the south. Photos by I. V. Antipov

Фундаменты

Мощность фундаментов столбов меньше, чем фундаментов стен (75–80 и 90–110 см соответственно), меньше и глубина заложения (рис. 6). Отметки верхнего обреза фундаментов близки. Все фундаменты врезаны в материк, состояние их очень хорошее, деревянные субструкции отсутствуют, поперечных и продольных лент нет. Материком является очень плотная красная глина с вкраплениями мелких известняковых камней, отметки материка внутри храма 24,91–25,02 БС, снаружи материк значительно нарушен ямами погребений.

Существуют некоторые отличия в трактовке перехода от фундамента к стеновой кладке. Все столбы, и восточные квадратные, и западные восьмигранные, имеют квадратные основания, сложенные в технике стеновой кладки из ракушечника и плитняка⁹. Находящиеся в этом же уровне нижние ряды кладки стен внутри и снаружи храма выполнены из валунов без выделенного цоколя.

Сложенные на растворе фундаменты церкви Николы на Липне напоминают фундаменты домонгольских храмов и принципиально отличаются от безрастворных новгородских фундаментов XIV–XV вв. Важно отметить и характер сочетания фундаментов и стеновой кладки: под лопатки¹⁰ строители Никольской церкви сделали специальные выступы фундамента — раскреповки, как это было принято в домонгольском строительстве Новгорода¹¹. В архитектуре XIV–XV вв. мы встречаем широкие фундаменты с цоколями, на которые и опирались лопатки, специальные раскреповки для них не делались. Домонгольские корни архитектуры липенского храма подчеркивает и использование в кладке основания северо-западного столба известково-цемячного раствора, при том что остальная часть храма сложена на известково-песчаном растворе, впервые появившемся в Новгороде, как считается, в этом храме¹². Этот факт демонстрирует переходный

⁹ Отметим, что такие же основания есть и у круглых столбов новгородских памятников XIV в., например, в церкви Благовещения на Городище 1342–1343 гг.

¹⁰ Напомним, что у Никольской церкви есть только угловые лопатки.

¹¹ Под угловое закрестье лопаток уступов в фундаментах, естественно, нет.

¹² Тщательные поиски других примеров использования известково-цемячного раствора в кладке памятника не дали результатов. Создается ощущение,

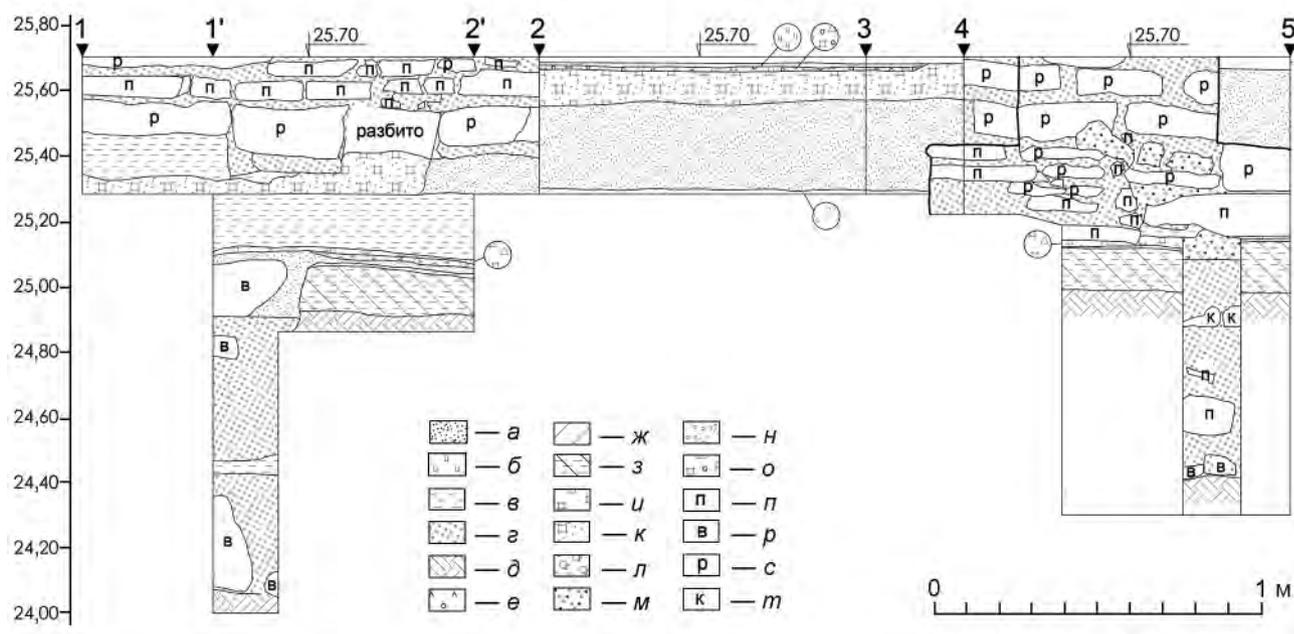

Рис. 5. Никольский Липенский монастырь. 2016 г. Шурфы 3, 4. Фасады северной стены (1-1'-2'-2) и северо-западного столба (4-5), восточный профиль (2-3-4). Чертеж К. Б. Образцовой, И. В. Антипова, Д. Д. Ёлшина. Условные обозначения: а — светло-желтый песок; б — растворный пол 1950-х гг.; в — глина (подсыпка); г — известково-песчаный раствор XIII в.; д — материк; е — известковая проливка (рабочий пол времени строительства храма); ж — серый гумусированный слой; з — глина, гумус; и — известково-песчаный раствор, кирпичная крошка (слой строительства); к — песок, растворная крошка; л — известь; м — известково-цемяночный раствор; н — известково-песчаный раствор с мелким песком; о — кирпичный бой, цементный раствор; п — плита; р — валун; с — песчаный ракушечник; т — кирпич

Fig. 5. The St. Nicholas on Lipno monastery. 2016. Pits 3, 4. Facades of the northern wall (1-1'-2'-2) and north-western pillar (4-5), eastern profile (2-3-4). Drawing by K. B. Obratsova, I. V. Antipov, D. D. Jolshin. Keys: а — light yellow sand; б — mortar floor of the 1950s; в — clay (backfill); г — lime-sand mortar of the 13th cen.; д — native soil; е — lime spill (working floor of the time of the temple construction); ж — grey humus layer; з — clay, humus; и — lime-sand mortar, brick crumb (construction layer); к — sand, mortar crumb; л — lime; м — lime-cement mortar; н — lime-cement mortar with fine sand; о — brick rubble, cement mortar; п — slab; р — boulder; с — sandy coquina; т — brick

характер архитектуры липенского храма, в которой соединяются черты домонгольского зодчества и изменения, связанные уже с новой эпохой (Антипов, 2023. С. 30–33).

Вопрос о первоначальных притворах храма

Исследования в шурфе у северного участка западной стены показали, что первоначально у храма не было западного притвора, не обнаружено следов существования и других притворов. Следует отметить, что и храм-образец Никольской церкви — церковь Рождества Богородицы в Перыни — не имел притворов, не обнаружены притворы у ряда построек конца XIII — первой половины XIV в.: церковью Феодора Стратилата

что кто-то из строителей изготовил ведро известково-цемяночного раствора «на пробу».

на Щирковой улице 1292–1294 гг., Михаила Архангела на Михайловой улице 1300–1302 гг., Покрова Шилова монастыря 1310 г., Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг., Благовещения на Городище 1342–1343 гг. В то же время для многих других зданий XIII — первой половины XIV в. наличие притворов было обязательной чертой: церкви Пантелеймона 1204 г., Параскевы Пятницы 1207 г., Михаила Архангела на Прусской улице 1219–1224 гг., Николы Белого 1312–1313 гг., Воскресения Деревяницкого монастыря 1335 г., Спаса Преображения на Ковалева 1345 г. Вероятно, наличие или отсутствие у храма притвора могло быть связано с определенными обстоятельствами заказа (например, притвор монастырского храма мог иметь погребальную функцию, как это было в Воскресенском соборе Деревяницкого монастыря).

Малые архитектурные формы

В алтарной части зафиксировано основание первоначального *синтрона*, представляющее собой два ряда кирпичей форматом 28,0–28,5 × 13,0–13,5 × 8,0–9,0 см, сложенных на известково-песчаном растворе с крупным песком по одинаковой системе — ложками по продольной оси, так что на внешнюю поверхность фасада синтрона выходят тычки (за исключением западных окончаний ветвей синтрона) (рис. 6, 1). В центральной части в кладке на ребре лежит один лекальный (малый клинчатый) кирпич. Образовавшаяся вдоль стены апсиды щель заполнена кирпичами, поставленными вдоль стены на ребро (ложок), а также кирпичным боем. Выше продолжалась кирпичная кладка, от которой сохранилось значительное количество отпечатков в растворе, ее систему возможно реконструировать: кирпичи были уложены ложками по поперечной оси, два ложка в ряд. Кладка синтрона не перевязана со стеной апсиды, основание синтрона лежит на песчаной подсыпке под пол без фундамента.

Форма синтрона крайне редкая — с плавно закругленными окончаниями, то есть напоминает коромысло (анalogии — синтроны церковей Благовещения на Мячине 1179 г., Иоанна Предтечи на Опоках 1184 г. и Воскресения на Мячине 1195–1196 гг. — *Антипов*, 2023. С. 31, 707, 708). Кроме того, синтрон несимметричен (его южное плечо длиннее), значительно короче полукружия апсиды (скамья заканчивается на расстоянии 86–102 см от восточной стены). Ширина большей части синтрона — 35–39 см, расширение под горнее место или ступень-подножие не зафиксировано. Первоначальная высота синтрона определяется благодаря наличию в апсиде ниши для епископа (горнего места). Расстояние от подоконника ниши до верха синтрона должно было составлять около 45 см, если считать, что ноги епископа стояли на верхней площадке синтрона. Соотнесение этих данных с высотой сохранившейся части синтрона (2 кирпича + растворные швы = около 18 см) показывает, что всего в кладке синтрона было пять рядов кирпичей, а общая высота составляла 45–48 см.

Первоначальный *престол* храма 1292 г., видимо, был полностью разобран при переносе алтаря на верхний этаж после устройства подцерковья, в ходе раскопок на его месте обнаружена яма. Следов *алтарной преграды* не найдено, однако у южной грани юго-восточного столба зафиксирован мощный слой углей, среди находок в нем — бронзовый бубенчик от кадила. Очевидно, что здесь на-

ходился угольник (подобное расположение угольника кажется нам необычным — как правило, угольники располагались в жертвеннике, у северо-восточного столба (*Чукова*, 2004. С. 104–107)).

Первоначальный пол храма

В результате послевоенной реставрации памятника пол был понижен до первоначального уровня, вместо несохранившегося пола из плит была сделана растворная проливка, по которой прочерчены линии, имитировавшие границы плит. В ходе работ выявлено, что первоначальный пол храма 1292 г. утрачен полностью. Однако местами в интерьере храма сохранилась песчаная подсыпка под первоначальный пол, что позволило определить уровень пола храма 1292 г., близкий или равный уровню пола 1950-х гг. Удалось обнаружить несколько переотложенных фрагментов каменных плит толщиной 7,0–7,5 см (размеры самого крупного найденного фрагмента — 35,0 × 21,0–26,0 × 7,0–7,5 см), видимо, относящихся к первоначальному полу. Кроме того, найдено несколько фрагментов каменных лещадных плит толщиной 4,0–4,5 см, очевидно, происходящих из пола XIX в. верхнего яруса церкви¹³. В ходе реставрационных работ в 2019 г. в храме устроен новый пол из каменных плит.

Следы перестроек храма

В северо-западной части церкви прямо под полом 1950-х гг. была найдена конструкция, сложенная из кирпичей двух основных форматов 29,0–30,5 × 14,5–15,0 × 7,0–7,5 см и 23,0–24,0 × 11,5 × 6,0 см. Кирпичи лежат на ребре под углом, ложками по оси север–юг, между кирпичами находится известково-песчаный раствор (ширина швов 1–3 см), отдельные участки раствора накрывают кладку. Раствор очень прочный, известково-песчаный с мелким песком и непромышленными зернами извести, угольками. Характер укладки кирпичей позволил прийти к выводу, что обнаружен упавший в годы войны свод подцерковья, имевший шельгу север–юг. Вероятная датировка кирпичей свода подцерковья — XVI–XVII вв., не исключено, что они использованы в кладке вторично.

¹³ Каменный пол (в алтаре кирпичный) во втором ярусе храма отмечен в книге архимандрита Макария, изданной в 1860 г. (*Макарий, архим.*, 1860. С. 529), в то время как на фотографии начала XX в. (*Царевская*, 2020. С. 26) мы видим пол из досок, вероятно, положенных поверх каменного пола.

Рис. 6. Никольский Липенский монастырь: 1 — 2016 г., шурфы 1, 2, синтрон, вид с запада; 2 — 2018 г., шурф 9, юго-западный угол колокольни, вид с запада; 3, 4 — 2018 г., траншея 13 (3 — траншея («ров»), засыпанная до начала строительства трапезной палаты XVI–XVII вв., вид с юго-востока; 4 — ямы от частокола и фундамент северной стены трапезной палаты XVI–XVII вв., вид с севера). Фотографии И. В. Антипова

Fig. 6. The St. Nicholas on Lipno monastery: 1 — 2016, pits 1, 2, synthronon, view from the west; 2 — 2018, pit 9, south-west corner of the bell tower, view from the west; 3, 4 — 2018, trench no. 13 (3 — trench (“moat”), filled in before the beginning of construction of the refectory chamber of the 16th–17th cen., view from the south-east; 4 — palisade pits and the foundation of the northern wall of the refectory chamber of the 16th–17th cen., view from the north). Photos by I. V. Antipov

Погребения внутри храма

В северо-восточной части храма практически под уровнем наливного пола 1950-х гг. обнаружены два детских погребения (возраст захороненных — 1,0–1,5 и 3–4 года¹⁴), других погребений внутри церкви не найдено. Одно из погребений совершено в очень узком деревянном гробу с тонкими стенками (ширина гроба — 17–18 см), второе — в долбленной колоде шириной 27 см. Вероятная датировка захоронений — XVII–XVIII вв. (основанием для нее может служить обнаружение фрагмента нательного металлического креста, вероятнее всего датированного этим временем)¹⁵.

¹⁴ Определение канд. ист. наук И. Г. Широкова (МАЭ РАН).

¹⁵ Благодарим канд. ист. наук А. А. Пескову (ИИМК РАН) за помощь в датировании находки.

Наличие захоронений прямо под существующим полом свидетельствует о том, что уровень пола в XVII–XVIII вв. находился гораздо выше.

Притвор и колокольня XIX в.

В ходе Великой Отечественной войны притвор и колокольня XIX в. значительно пострадали, после войны их не стали восстанавливать, выбрав вариант целостной реставрации на первоначальную дату. В результате раскопок выявлены остатки фундаментов всех стен притвора, зафиксирован юго-восточный угол колокольни — на стыке с западной стеной притвора, а также ее юго-западный угол (рис. 6, 2).

Кладка фундамента притвора шириной около 115 см состоит из крупных и средних валунов, в заполнении встречается плита, кирпичи толщиной 5,5 см, мелкие осколки плит. Кладка

просыпана глиной, землей, боем (в основном глиной). На верхнем ряду валунов есть следы раствора, то есть выше, вероятно, находился уже цоколь стены притвора. Мощность фундамента — около 65 см, деревянных субструкций в основании нет. Фундамент колокольни в целом аналогичен по структуре, однако его мощность значительно больше — около 110 см, ширину установить не удалось. Характер соединения фундаментов западной стены притвора и южной стены колокольни, несомненно, свидетельствует об их одновременности.

Таким образом, материалы археологических исследований вместе с обмерными чертежами довоенного времени дают основания для точной графической реконструкции плана притвора и колокольни. Результатом этой работы стало устройство в ходе реставрации каменной выкладки перед западным фасадом храма, контурно показывающей параметры утраченных пристроек XIX в.

Исследование монастырской территории

Фиксация слоя строительства церкви 1292 г. позволила определить уровень дневной поверхности времени возведения храма (25,03–25,19 БС). Обнаружены непо потревоженные участки культурного слоя, относящиеся ко времени до начала строительства церкви 1292 г. Установлено, что к западу от церкви 1292 г. находилось кладбище, не примыкавшее, однако, непосредственно к западной стене храма. В шурфе 11 к северу от храма и в шурфе 12 к востоку от него также выявлен слой монастырского кладбища, в том числе несколько безынвентарных погребений. К сожалению, материалов для их датировки не получено; очевидно, что по крайней мере одно из них относится к весьма позднему периоду, видимо, к XVIII в. В шурфе 12 зафиксирован небольшой слой боя, появившийся после разрушения храма в годы войны и его последующей реставрации. Один из вопросов, не получивший ответа после работ 2016–2017 гг., — куда был перемещен строительный мусор, в том числе и фрагменты фресок, оставшийся после разрушения и последующего восстановления храма? Материалы шурфа 12 показывают, что строительный мусор мог быть сдвинут на участок к востоку от храма. Средневековый культурный слой в этих шурфах полностью нарушен при устройстве погребений.

При раскопках на холме к югу от храма (траншея 13) выяснилось, что фундаментный ров северной стены трапезной палаты XVI–XVII вв.

поставлен на более раннюю траншею, ориентированную примерно по оси запад–восток и засыпанную до начала строительства трапезной (рис. 6, 3). Очевидно, что ранняя траншея была достаточно глубоким (около 205 см) и широким (более 150 см) рвом, однако, к сожалению, материалов для его датировки не получено — керамический материал в засыпке очень разнородный, в основном позднесредневековый. Грунт в заполнении рва достаточно рыхлый, не исключено, что его засыпали непосредственно перед подготовкой фундаментных рвов для трапезной палаты. С севера эту траншею ограждал бревенчатый частокол, обнаружены ямы от восьми круглых столбов диаметром 15–25 см, выкопанные на глубину 45–50 см от поверхности материка и ориентированные по оси запад–восток (рис. 6, 4). В заполнении ямы от одного из бревен частокола обнаружен фрагмент анонимной печати новгородского владычного наместника, вероятно, XV в. Не исключено, что обнаруженные конструкции относятся к этапу первоначального существования монастыря, то есть к концу XIII — XV в. Возможно, это элементы ограды монастырской территории.

В пределах траншеи 13 не зафиксировано каких-либо погребений, что дает возможность представить примерные границы монастырского кладбища с южной стороны от Никольской церкви.

Трапезная палата и церковь

по данным археологических раскопок

На плане 1781 г. какая-то каменная постройка, вероятно, трапезная палата, к которой, возможно, примыкали настоятельские и братские кельи, изображена к югу от Никольской церкви. На этом месте сейчас находится большой холм, вытянутый с запада на восток, в его центре располагается яма значительных размеров. На фотографиях 1930-х гг. видно, что этот холм существовал еще до разрушений времени Великой Отечественной войны, однако мы полагали, что по крайней мере верхняя часть этой гряды состоит из слоя строительного мусора, образовавшегося в ходе реставрации церкви Николы. Эта версия оказалась неверной, фрагментов фресок или значительного количества строительных материалов храма 1292 г. в траншее 13 не обнаружено, кроме того, была найдена ячейка бойца, выкопанная непосредственно с уровня дерна. Тем не менее холм действительно оказался состоящим из осколков кирпича, плиты, большого количества раствора — это слой разрушения трапезной палаты

и храма при трапезной, разобранных в конце XVIII в. В южной и центральной частях траншеи удалось обнаружить упавшие фрагменты стен постройки, сложенные из кирпичей формата 25,5–26,0 × 12,0–13,0 × 6,5 см на известково-песчаном растворе. Ширина кладки — до 50 см, она сохранилась на высоту до пяти рядов (40–50 см). Пока, к сожалению, не очень понятно, к каким именно стенам относятся найденные фрагменты кладки, но, очевидно, это внутренние стены здания. Наиболее вероятной представляется датировка обнаруженных конструкций XVII в. (по формату и типу кирпича).

Под многометровой толщей боя в центральной части траншеи была найдена нижняя часть фундамента — вероятно, северной стены трапезной палаты (рис. 6, 4). К сожалению, южная стена оказалась уже за пределами исследованного участка, поэтому ширину здания установить не удалось. Однако важным является сам факт обнаружения постройки, относящейся к малоизученной категории памятников — монастырским трапезным палатам XVI–XVII вв.

Фундамент представляет собой валунную кладку на глине, уложенную в траншею, — четыре ленты валунов с пустотами между ними, ширина фундаментного рва 2,45–2,50 м. Помимо валунов в фундаменте использованы и куски плоских известняковых плит. Под камнями фундамента и между ними в нижней части фундамента находились деревянные лежни диаметром 25–27 см, уложенные по направлению запад–восток. Пустоты между лентами валунов, скорее всего, также образовались от положенных деревянных лежней. Таким образом, фундамент в нижних частях представлял собой комбинированную структуру из лент лежней и камней. Глубина фундаментной траншеи от уровня материка — примерно 85–87 см, вероятная мощность фундаментов — около 130 см. Стенки фундаментной траншеи практически вертикальные, валуны были уложены вплотную «в край» траншеи.

Неясно, к какой части комплекса трапезной палаты относится обнаруженный фундамент. В ходе раскопок не выявлены два строительных этапа, что может говорить либо о том, что фундаменты здания не переделывались, либо о том, что в XVII в. западная часть здания была увеличена, а кладки XVI в. находятся восточнее.

Находки

В коллекцию *индивидуальных находок* вошли разнообразные предметы из металла, камня,

кости, ткани, стекла, слюды. Среди наиболее интересных находок — фрагмент листа свинцовой кровли со следом от гвоздя (рис. 7, 1), что подтверждает данные Л. М. Шуляк о том, что Никольская церковь имела покрытие из свинцовых листов (вероятно, этот фрагмент может быть датирован 1292 г., временем постройки Никольского храма). Видимо, XV в. датируется фрагмент (четвертинка) анонимной печати новгородского владычного наместника (рис. 7, 2). Обнаруженные в ходе раскопок монеты свидетельствуют о том, что жизнь на этой территории не прекращалась даже в XVIII–XIX вв.: две новгородки 1420–1447 и 1470–1478 гг.; новгородское пуло времени Ивана III; копейка Михаила Федоровича второй половины 1630-х гг.; медная копейка Алексея Михайловича 1655–1663 гг.; денга 1749 г.; 1 копейка серебром 1842 г.; ¼ копейки серебром 1842 г. Николая I; 1 копейка 1855 г. Александра II; 10 копеек 1903 г.¹⁶ Особую группу находок составляют части книжных переплетов и церковной утвари (в основном XVIII–XIX вв.): металлическая накладка-застежка от книжного переплета (рис. 7, 3); вероятно, застежка книжного переплета (рис. 7, 4); фрагмент бронзового кронштейна — крепления лампы; фрагмент предмета из цветного металла (латуни?) с тремя вытянутыми листьями, возможно, часть какого-то осветительного прибора или подсвечника (рис. 7, 5); лист жести толщиной 1 мм, выполненный в виде дубового листа, тоже является, видимо, частью какого-то осветительного прибора; четыре звена цепочки, возможно, от кадила; бронзовый бубенчик от кадила (рис. 7, 6); кисть от хоругви; фрагмент такой же кисти; два фрагмента стеклянной лампы; тканевый ремешок.

Интерес представляют предметы, происходящие из зачистки погребений 1 и 2 в раскопе 14: фрагменты ткани; верхняя часть нательного металлического креста (рис. 7, 7); тесемка, возможно, от нательного крестика.

Также в коллекции присутствуют находки из кремня: девять отщепов, один крупный скол с нуклеуса и один перфоратор. Все они обнаружены в слое песчаной подсыпки под пол и происходят из более раннего поселения. В этом же слое обнаружен и свинцовый грузик.

Коллекция *лепной керамики* включает в себя 24 фрагмента, в том числе три фрагмента венчиков трех разных сосудов (рис. 8). Все фрагменты сильно окатаны, возможно, происходят

¹⁶ Благодарим И. В. Волкова (Столичное археологическое бюро) за помощь в атрибуции монет.

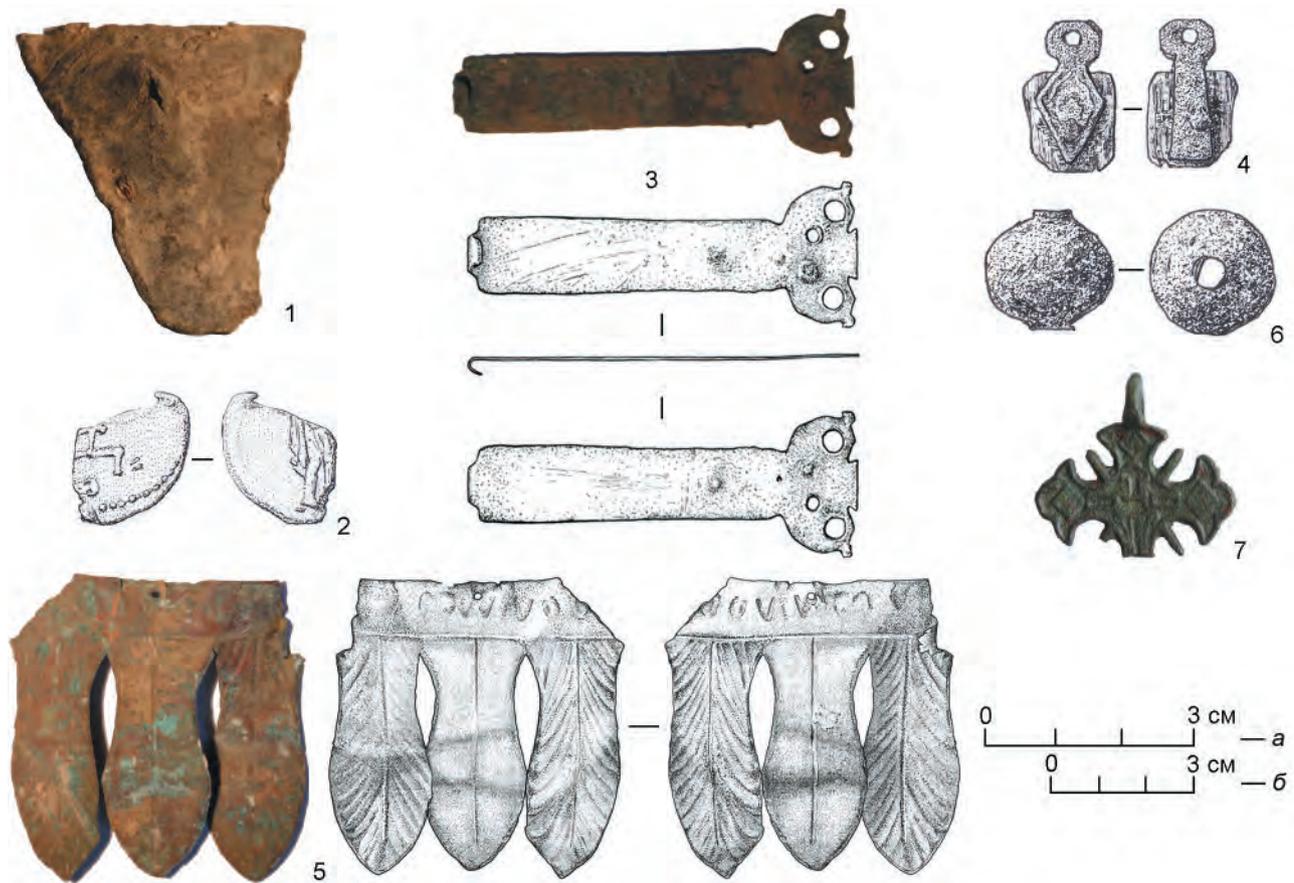

Рис. 7. Никольский Липенский монастырь. 2016–2019 гг. Индивидуальные находки: 1 — фрагмент листа от свинцовой кровли; 2 — фрагмент анонимной печати новгородского владычного наместника; 3 — накладка-застежка от книжного переплета; 4 — застежка книжного переплета (?); 5 — фрагмент осветительного прибора или подсвечника (?); 6 — бубенчик от кадила; 7 — фрагмент нательного креста. 1–3, 5–7 — металл, 4 — металл и бумага. Рисунки, фотографии А. А. Воеводы, И. В. Антипова. Масштаб: а — для 1–4, 6, 7; б — для 5

Fig. 7. The St. Nicholas on Lipno monastery. 2016–2019. Individual finds: 1 — fragment of a sheet from a lead roof; 2 — fragment of an anonymous seal of the Novgorod vicar; 3 — bookbinding clasp; 4 — bookbinding clasp (?); 5 — fragment of a lighting device or candlestick (?); 6 — censer bells; 7 — fragment of a cross.

1–3, 5–7 — metal, 4 — metal and paper. Drawings, photographs by A. A. Voevoda, I. V. Antipov. Scale: a — for 1–4, 6, 7; б — for 5

из перемытого или переотложенного слоя. Часть их имеет в составе примесь дресвы гранитогнеисовых пород: они орнаментированы небольшими круглыми или ромбическими ямками, оттисками гребчатого штампа, стенки тщательно заглажены с обеих сторон — эта группа относится к развитому неолиту (конец V — IV тыс. до н. э.): мстинская или льяловская культура. Остальные фрагменты имеют примесь органики (пера и раковины), орнаментированы небольшими ямочками, широкими и короткими оттисками гребчатого штампа, присутствует и рамчатый штамп. Характер примеси и орнамента позволяет предполагать более поздний возраст этих фрагментов относительно первой группы: они могут

относиться к волосовской культуре (Новгородская область представляет собой северо-западную периферию ее распространения) и датироваться концом IV — рубежом III–II тыс. до н. э.¹⁷ Близкая по типу керамика отмечена среди богатого керамического материала, собранного в ходе археологической разведки, проведенной И. И. Еремеевым в пойме на острове Липно в 2016 г.

В коллекции гончарной керамики, собранной в ходе раскопок снаружи храма, преобладают сосуды, которые могут быть датированы

¹⁷ Определение камня и описание лепной керамики выполнено канд. ист. наук, доцентом СПбГУ М. А. Холкиной.

Рис. 8. Никольский Липенский монастырь. 2019 г. Лепная керамика: 1 — ННЛ-9; 2 — ННЛ-4; 3 — ННЛ-17 (номера соответствуют номерам полевой описи). Рисунки, фотографии М. А. Холкиной

Fig. 8. The St. Nicholas on Lipno monastery. 2019. Molded pottery: 1 — ННЛ-9; 2 — ННЛ-4; 3 — ННЛ-17 (numbers correspond to the numbers in the field inventory). Drawings, photographs by M. A. Kholkina

XVI–XVIII вв. Количество более ранних форм весьма невелико, в основном это керамика XIV–XV вв.

В результате масштабных работ обнаружено незначительное количество фрагментов фресок, большая их часть найдена при разборке заполнений ям военного времени в северной части храма. Скорее всего, фрагменты были убраны от стен церкви в процессе осуществления подрезки грунта в ходе послевоенной реставрации. Всего обнаружено около 1700 фрагментов фресок и штукатурки, однако только некоторые из них могут быть определены как фрески 1292 г. На многих зафиксирована однотонная покраска, вероятно, это части фонов первоначальной росписи храма. В то же время значительное число фрагментов, видимо, относится к фасадной штукатурке храма и может быть датировано XIX — началом XX в.

Среди вошедших в коллекцию строительных материалов выделяются два целых лекальных кирпича — большой клинчатый (подобные кирпичи использовались для выкладки сводов храма 1292 г.) и малый клинчатый (этот тип применялся для поясов декоративных арок завершения куба и барабана). Особый интерес представляет найденный в шурфе 8 у западного фасада храма фрагмент основания («подпятный камень») под каменный крест. Основание представляло собой каменную плиту с выбранным в центре прямоугольным отверстием, в которое вставлялась

ножка каменного креста (сохранилась приблизительно четверть плиты). Плита с крестом, видимо, находилась над одним из погребений, располагавшихся к западу от храма.

Необычной находкой является фрагмент каменной плиты (очевидно, надгробной) с рельефным волнистым орнаментом, обнаруженный при проведении земляных работ к северу от храма.

Выводы

Археологические раскопки показали, что каменный Никольский храм 1292 г. был первой церковной постройкой на этой территории. При этом поселение вблизи будущего храма возникло еще в эпоху неолита, а на месте монастыря, очевидно, существовало раннесредневековое селище.

Установленные в ходе археологических работ строительно-технические особенности Никольской церкви свидетельствуют о близости этого памятника не только романской архитектуре, но и новгородскому зодчеству домонгольской эпохи. Обнаружение синтрона храма 1292 г. позволяет более наглядно представить себе первоначальное убранство его интерьера, фиксация подсыпки под пол дает возможность реконструировать уровень пола. Получены и материалы, позволяющие судить о позднейших перестройках здания, в частности о сводах подцерковья.

Зафиксирован факт существования у стен церкви кладбища, определена его южная граница. Обнаружены остатки западного притвора и колокольни XIX в., определены габариты этих сооружений. При закладке погребений, а также возведении западных пристроек XIX в. был значительно нарушен культурный слой, образовавшийся на территории монастыря в XIV–XVII вв.

В XVI–XVII вв. во многих новгородских монастырях появились каменные трапезные палаты. Большинство из них, к сожалению, не сохранилось. Обнаружение трапезной палаты Никольского Липенского монастыря открывает новые возможности для дальнейшего изучения этого типа построек. Кроме того, перспективным является и продолжение исследования монастырской территории.

- Анкудинов, 2005 — Анкудинов И. Ю. Пригородные новгородские монастыри на планах Елизаветинского и Генерального межеваний // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2005. Вып. 5. С. 227–295.
- Анкудинов, 2008 — Анкудинов И. Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Вып. 11 (21). С. 367–382.
- Антипов, 2023 — Антипов И. В. Новгородская архитектура конца XIII — начала XIV века: новые исследования // Между Востоком и Западом. Святой Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Москва, 15–18 сентября 2021 г.) / Отв. ред. М. А. Маханько, О. В. Овчарова. М.: Гос. институт искусствознания; Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублёва, 2023. С. 26–37, 706–709.
- Антипов и др., 2013 — Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 53–59.
- Антипов и др., 2016 — Антипов И. В., Жервэ А. В. Покровская церковь Шилова монастыря 1310 г. // Архитектурное наследие. 2016. Вып. 65. С. 30–49.
- Антипов и др., 2017 — Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В. Гражданская застройка XIV в. в Новгородском детинце // *Seminarium Bulkinianum*. СПб.: Каламос, 2017. Т. IV. С. 59–71.
- Антипов и др., 2020 — Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В. Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря 1335 г. // РА. 2020. № 1. С. 165–180.
- Гладенко и др., 1964 — Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1964. С. 183–263.
- Еремеев, 2018 — Еремеев И. И. Новые археологические данные о динамике увлажненности Северо-Запада России во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона) // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 8. С. 39–58.
- Каргер, 1954 — Каргер М. К. Новгородское зодчество // История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. II. С. 16–71.
- Макарий, архим., 1860 — Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М: Тип. В. Готье, 1860. Т. 1. 654 с.
- Максимов, 1952 — Максимов П. Н. Церковь Николы на Липне близ Новгорода // Архитектурное наследие. М.: Стройиздат, 1952. Вып. 2. С. 87–104.
- НПЛ, 1950 — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 692 с.
- НIVЛ, 2000 — Новгородская Четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000 (ПСРЛ; Т. 4, ч. 1). XXXVIII, 690 с.
- Новгородские летописи, 1879 — Новгородские летописи, изд. Археографической комиссии. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1879. 113 с.
- Опись Новгорода, 1984 — Опись Новгорода 1617 года. М.: АН СССР, 1984. Ч. 1. 173 с.
- Седов, 1997 — Седов Вл. В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век / Отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 393–412.
- Секретарь, 2011 — Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный папаломник, 2011. 578 с.
- Царевская, 2020 — Царевская Т. Ю. Церковь Николы на Липне. Великий Новгород: НМЗ, 2020. 192 с.
- Чукова, 2004 — Чукова Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 224 с.

The St. Nicholas on Lipno Church (1292) and the buildings of the Lipno Monastery: new archaeological research

I. V. Antipov, A. V. Gervais¹⁸

Keywords: Novgorod medieval architecture, architectural archaeology, monastery building, refectory chambers, architecture of Old Rus' and Western Europe.

This article aims to publish the results of the research conducted in 2016–2019 by the Architectural and Archaeological Expedition of St. Petersburg State University in the church of St. Nicholas on Lipno (1292) and on the territory of the Lipno Monastery near Novgorod. The obtained data expand our understanding of this unique example of medieval architecture and its surroundings. The St. Nicholas Church is the first stone church built in North-Western Rus' in the second half of the 13th cen.: archaeological excavations have found no earlier church buildings in this area. The settlement near the future church dates back to the Neolithic period, and there was obviously an early medieval settlement on the church's place.

The construction and technical peculiarities of the church revealed during archaeological works testify to the proximity of this structure not only to the Romanesque architecture, but also to the Novgorod architecture of the pre-Mongolian era. The discovery of the synthronon of the 1292 temple allows to visualize more clearly the original decoration of its interior, the fixation of the fill under the floor makes it possible to reconstruct its level. Materials for judgement on the later rebuilding of the structure, in particular on the vaults of the sub-church, were also obtained. The existence of a cemetery near the church walls was recorded and its southern boundary was determined. The remains of the western narthex and the bell tower of the 19th century were discovered, the dimensions of these structures were determined. During the laying of burials and the construction of the western annexes of the 19th cen. was significantly disturbed cultural layer formed on the territory of the monastery in the 14th–17th cen.

In the 16th–17th cen., stone refectory chambers appeared in many Novgorod monasteries. Most of them, unfortunately, have not survived. The discovery of the refectory of the St. Nicholas on Lipno monastery opens new opportunities for further study of this type of buildings. It is also promising to continue the research of the monastery territory.

¹⁸ Ilya V. Antipov, Alexey V. Gervais— St. Petersburg State University; St. Petersburg, Russia; e-mail: i.antipov@spbu.ru, azherve@mail.ru.

Каменно-смальтовые мозаичные полы в технике *opus sectile* в храмах домонгольской Руси

В. Н. Матвеев¹

Аннотация. В статье рассмотрены мозаичные полы храмов Руси X–XIII вв. По использованному материалу выделены три типа полов. К первому относится инкрустация камня в слой раствора, ко второму — инкрустация смальты в слой раствора, к третьему — инкрустация смальты в шиферные плиты. Все полы имеют византийское происхождение, большая часть была выполнена византийскими мастерами.

Ключевые слова: мозаики *opus sectile*, мрамор, смальта, плиты, пиррофиллитовый сланец.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-154-164

Мозаичные полы храмов домонгольской Руси в технике *opus sectile*² не сохранились до наших дней и не упоминаются в древнерусских письменных источниках. Первая научная публикация результатов раскопок таких полов была осуществлена Д. Е. Милеевым (Милеев, 1911). Итоги работ XIX — первой половины XX в. были подведены в статье М. К. Каргера об убранстве интерьера в домонгольском зодчестве Руси (Каргер, 1947), в дальнейшем эти данные были дополнены в трудах М. В. Малевской (Малевская, 1984), П. А. Раппопорта (Раппопорт, 1994б) и Т. А. Чуковой (Чукова, 2004). И только в статье Л. Г. Хрушковой впервые древнерусские мозаичные полы (по материалам Десятинной церкви и Софийского собора в Киеве) были отнесены к мозаикам *opus sectile* (Хрушкова, 2012).

Задачей данной статьи является рассмотрение всех древнерусских каменно-смальтовых полов с целью их типологии и уточнения датировки с привлечением широкого круга византийских аналогов. Они разделены на три типа, которые

были выделены по двум основным критериям: материалу (мрамор, шифер³, смальта, известняк) и технике выполнения (инкрустация в раствор или интарсия в пазы в плите). Используемый в литературе термин «смальтово-шиферные» полы был заменен на «каменно-смальтовые» как более точный.

Тип 1. Инкрустация камня в раствор

К типу 1 относится только пол в Десятинной церкви в Киеве (Архипова, 2017). От него сохранились лишь два небольших по площади фрагмента (рис. 1), первоначальное местоположение которых (в алтаре или подкупольном квадрате) неизвестно. Графической фиксации открытого пола во время работ сделано не было, после завершения раскопок эти два фрагмента были перенесены в новую церковь, построенную В. Стасовым, а после ее разрушения в 30-х гг. XX в. — в Софийский заповедник⁴. Кроме неоднократных перемещений фрагменты в течение XIX–XX вв. подвергались реставрационным работам, что делает крайне затруднительным достоверное восстановление первоначального вида пола (Там же. С. 151). Единственный факт, не подлежащий

¹ Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: vmatveev88@inbox.ru.

² Русское название — штучная мозаика. Выкладки собираются из элементов (чаще всего это смальта, но могут быть и другие материалы: разные виды камня, раковины, металл), называемых крустами, размер которых достигает от нескольких до 10 см, сами крусты чаще всего имеют геометрически правильную форму (The Oxford Dictionary..., 1991. P. 1529).

© Матвеев В. Н., 2024

³ Научное название материала — пиррофиллитовый сланец, однако в литературе закрепился термин «шифер», который для краткости используется и в данной работе.

⁴ Официальное название с 1934 г. — Государственный архитектурно-исторический Софийский заповедник.

сомнению, — это использование для выкладки пород отделочного камня (порфира; мраморов *verde antico*, белого с прослойками, различных сортов пятнистого (Айналов, 1905. С. 6)), которые больше ни в каком другом храме домонгольской Руси не использовались. Применялась ли наряду с ними смальта, точно неизвестно (Архипова, 2017. С. 152). Возводили здание византийские мастера, которые, вероятно, и привезли с собой камень для отделки полов, так как на Руси его месторождений не было.

Отличительной чертой выкладок пола в Десятинной церкви являлось использование крупных круст дуговидной и ромбовидной формы. Основная композиция представляет собой рисунок из целого круга посередине и четырех четвертей таких же кругов, расположенных попарно слева и справа от него. Очевидно, что это лишь фрагмент некогда большей по размеру орнаментальной композиции, который был извлечен из демонтированного при строительстве В. Стасовым новой церкви первоначального пола. При восполнении недостающих частей боковых кругов получается композиция, типичная для полов Константинополя VIII–IX вв. Среди них можно найти и полный аналог выкладке из Десятинной церкви — это элемент пола конца VII в. из комплекса Календерхане (Striker, Kuban, 1971. Fig. 14). В этом же памятнике была обнаружена и композиция с восьмиугольниками, составленными из шестиугольных круст, как на втором участке пола из Десятинной церкви (Striker, Kuban, 1975. Fig. 1). Из этого следует, что мастера, делавшие выкладки в киевском храме, брали за образец композиции, использовавшиеся в архитектуре Константинополя более двух веков назад.

Тип 2. Инкрустация смальты в раствор

Достоверно к этому типу могут быть отнесены только полы с сохранившимися *in situ* участками, а при их отсутствии бесспорным свидетельством являются найденные фрагменты растворной заливки с инкрустированными в них смальтами или их отпечатками.

Самый ранний пол типа 2 был открыт в Софийском соборе в Киеве. Храм строили византийские мастера, сменившие уехавших после завершения строительства Десятинной церкви (Раппопорт, 1984. С. 188), с использованием совершенно иных материалов и орнаментальных схем. Здесь была применена техника инкрустации небольших по размеру кусочков смальты (рис. 2, 3, 4) непосредственно в растворную заливку, состоящую из нескольких слоев (Каргер, 1961. С. 187–200).

Рис. 1. Пол типа 1. Десятинная церковь (Архипова, 2017. Ил. 4)

Fig. 1. Floor of type 1. The Church of the Tithes (Архипова, 2017. Ил. 4)

На верхнем во многих местах под мозаикой была найдена графья (рис. 2, 2). Для декора пола использовались и гладкие шиферные плиты, которые были обрамлены, как рамкой, несколькими рядами смальты (рис. 2, 2). Неясна роль шиферных плит с полукруглыми отверстиями (рис. 2, 5), аналогов которым в других памятниках не найдено⁵. Вероятно, смальта могла инкрустироваться в раствор, который размещался в сквозном отверстии плиты⁶ и по ее бокам.

⁵ В фондах Софийского заповедника хранятся два аналогичных фрагмента (рис. 2, 6, 7), но местом их происхождения названа Десятинная церковь: № УФАА МА 74 (563) и УФАА МА 87 (130) (Самохатко, 1996. С. 115). Однако отсутствие упоминаний об этих плитах в какой-либо публикации результатов работ на Десятинной церкви и точное сходство с плитами из Софийского собора, открытыми там *in situ*, дает основание полагать, что рассматриваемые объекты все же происходят из пола Софии.

⁶ В полах типа 3 смальта инкрустируется в раствор в пазах плит.

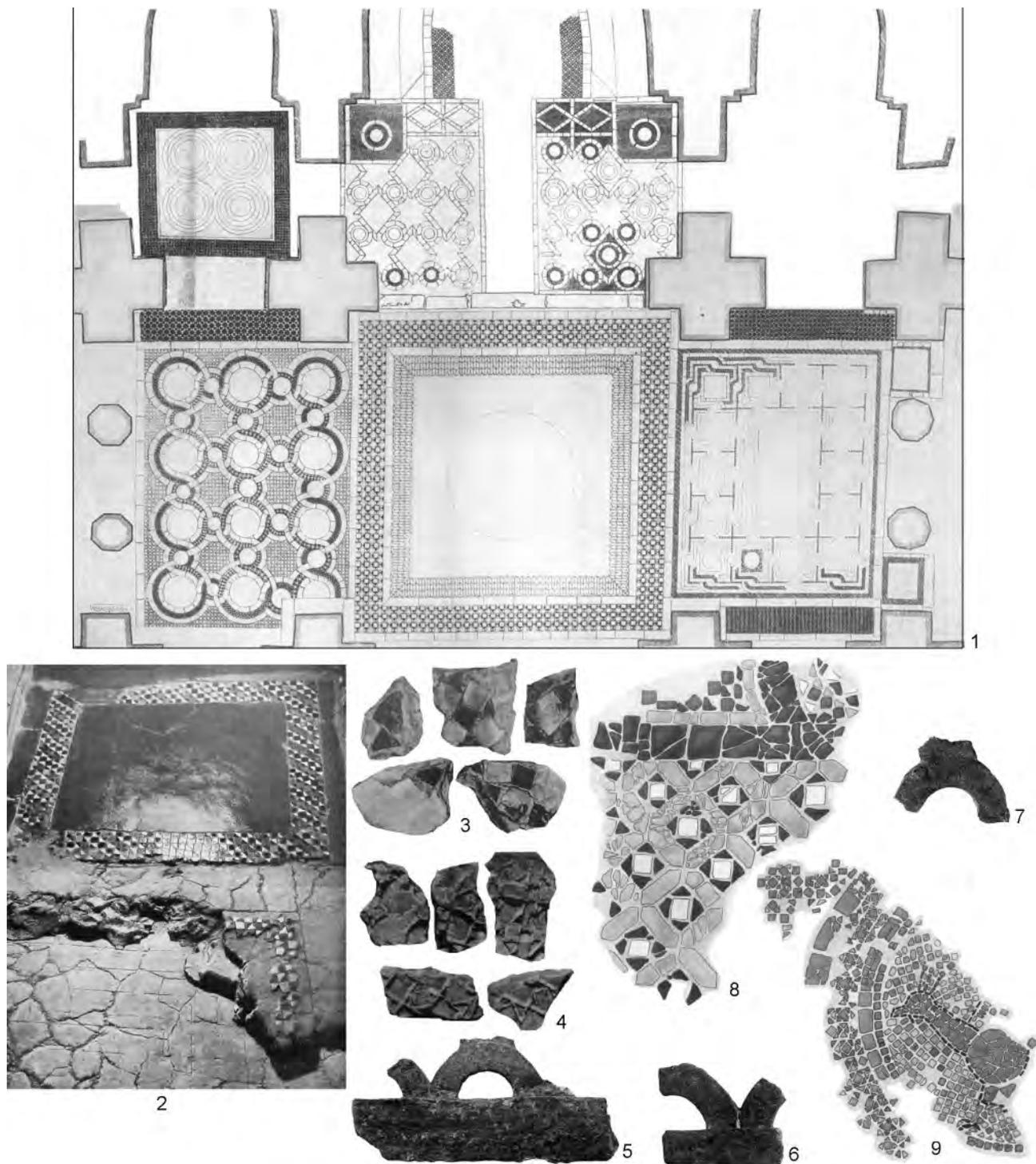

Рис. 2. Полы типа 2. Софийский собор, Киев: 1 — общий вид выкладки (Каргер, 1961. Рис. 73, 74); 2 — шиферная плита с рамкой из смальты и графья (Там же. Табл. XXIV); 3, 4 — фрагменты смальты и раствора с ее отпечатками (Там же. Табл. XXXII); 5 — шиферная плита (Каргер, 1947. С. 36). Десятинная церковь (?), Киев: 6, 7 — фрагменты шиферных плит (Самохатко, 1996. С. 115). Благовещенская церковь, Чернигов: 8, 9 — мозаичные выкладки (Рыбаков, 1949. Рис. 38, 39)

Fig. 2. Floors of type 2. The Cathedral of St. Sophia, Kiev: 1 — general view of the facing (Каргер, 1961. Рис. 73, 74); 2 — a slate slab with a frame of smalt and graffito (Там же. Табл. XXIV); 3, 4 — fragments of smalt and mortar with its imprints (Там же. Табл. XXXII); 5 — a slate slab (Каргер, 1947. С. 36). The Church of the Tithes (?), Kiev: 6, 7 — fragments of slate slabs from (Самохатко, 1996. С. 115). The Annunciation Church, Chernigov: 8, 9 — mosaic lining (Рыбаков, 1949. Рис. 38, 39)

Пол Софийского собора сохранился на значительной площади (рис. 2, 1) на участках в трех апсидах и трансепте (Там же. Рис. 73, 74). Его отличительная черта, не имеющая аналогов в других храмах Руси, — чрезвычайно разнообразие орнаментальных схем: переплетение кругов, дорожки из «квадрата в квадрате», круги с ромбами, четыре круга рядом. Такие полы с развитым декором, в том числе и с элементами переплетающихся кругов, устраивались в византийских храмах с конца IX — X в. Наиболее ранний пример такого декора — выкладка во дворце Буколеон в Константинополе (Guidobaldi, 2011. P. 429); схожий по рисунку пол был прослежен в постройке под мавзолеем Орхана Гази в Бурсе (Eyice, 1963. P. 377). По всем признакам пол Софийского собора соответствует полам византийских храмов X–XI вв., то есть работавшие над ним мастера ориентировались уже на современные им выкладки.

Другой памятник с полом достоверно типа 2 — Благовещенская церковь в Чернигове. Кроме выкладок, найденных *in situ*, здесь было обнаружено множество смальт квадратной, треугольной, шестиугольной, дуговидной формы размерами от 1,5 до 6,5 см. Наибольшими размерами (до 9,6 см)⁷ отличались фигурные крусты, из которых была выложена фигура павлина и заполнение фона между ней и окружающим орнаментом (Черненко, Новик, 2019. С. 140). Кроме того, смальта из Благовещенской церкви выделяется наибольшим разнообразием оттенков (от светло-желтого и зеленого до черного), в отличие от обычно используемых 4–5 базовых цветов. Переложенные скопления смальты были найдены в трансепте, западной части подкупольного пространства и между западными подкупольными столбами (Там же. С. 139), а также в центральной апсиде (Рыбаков, 1949. С. 75).

In situ пол сохранился только на двух участках подкупольного квадрата (рис. 2, 8, 9): в его северной части располагался фрагмент с геометрическим орнаментом, а по центру — композиция с павлином (Там же. С. 84). Геометрический орнамент (восьмиугольники, составленные из шестиугольников) повторяет аналогичный мотив из Десятиной церкви, а вот фигуративная выкладка аналогов среди мозаичных каменно-смальтовых полов Руси не имеет. Для полов *opus sectile* в основном использовались геометрические орнаменты, фигуративные композиции вообще редки.

⁷ Это были самые большие куски смальты, найденные на территории Руси.

В Константинополе они размещались как вставки между основными круговыми элементами в мозаиках пола XI в. в Студийском монастыре (Barsanti, 2011. С. 94) и в южной церкви монастыря Пантократора XII в. (Megaw, 1963. Fig. 5; 6). В мозаичных полах Италии, находившейся под сильным византийским влиянием, они были выполнены в технике *opus tessellatum* и также играли роль вставок в основную мозаику *opus sectile* (Хрушкова, 2011. С. 218) в полах собора Сан-Марко (конец XI в.) в Венеции и базилики Санта-Мария Ассунта в Торчелло (пол XII в.). Там же есть примеры изображений животных или змей в технике интарсии смальты и камней в каменные плиты (Pinatsi, 2010. С. 108), но везде эти изображения находятся на периферии основной композиции, являясь элементом ее обрамления.

Наиболее близкими аналогами фигуративной мозаике из Благовещенской церкви в Чернигове являются выкладки из керамических плиток. Они были обнаружены в церкви Спаса в Галиче (Матвеев, 2017. С. 162) и двух деревянных храмах Галицкой земли: в Питриче (Томенчук, 2005. С. 144) и Олешкове (Там же. С. 115–130). Плитками там были выложены фигуры голубя, геральдических орлов и серафимов, то есть изображения, очевидно связанные с ходом службы. Уверенно можно утверждать, что подобного рода изображение было и в неизвестной постройке (возможно, церкви Иоакима и Анны на вратах детинца) конца XII в. во Владимире-на-Клязьме, плитки от которой найдены в развале на мысу Среднего города (Воронин, 1961. С. 482, 483). Датировка деревянных построек неизвестна, но, судя по общему типологическому и стилистическому единству плиток, все они относятся ко второй половине XII в. В таком случае датировка Благовещенской церкви — 1186 г. — свидетельствует о том, что здесь выкладка была сделана по образцу плиточных мозаик храмов Руси.

Во всех других памятниках от полов предположительно типа 2 остались только отдельные фрагменты смальты. Установить достоверно принадлежность их именно этому типу невозможно, так как вполне вероятно, что смальта была инкрустирована в найденные шиферные плиты, тем более, что во всех постройках были обнаружены маленькие фрагменты шифера.

Самый ранний памятник — церковь-усыпальница в Чернигове. В ее руинах найдены разрозненные фрагменты смальты и куски шифера (Коваленко, Раппопорт, 1991. С. 151). Постройка была возведена в конце 70-х или начале 80-х гг. XII в.

новой строительной артелью явно константинопольского происхождения, приехавшей в Чернигов по вызову правившего там Владимира Мономаха (*Раппопорт*, 1994а. С. 201).

В Благовещенской церкви 1103 г. на Рюриковом городище под Новгородом было найдено 68 фрагментов смальты шести основных форм (треугольник, прямоугольник, квадрат, ромб, четверть круга, продолговатый шестиугольник) пяти цветов (желтого, зеленого, бордового, лимонно-желтого, черного) (*Макарова*, 2019. С. 104). Скорее всего, судя по крупным размерам некоторых смальт (длина шестиугольной смальты 4,8 см), они использовались для декора пола, хотя не исключено и применение их для убранства стены апсиды.

Наибольшее количество смальты (более 43 кг) было найдено в руинах церкви-усыпальницы Евфросиньевского монастыря в Полоцке (первая половина XII в.), а самое крупное ее скопление было зафиксировано в северной галерее (*Раппопорт*, 1980. С. 149). Смальты имели квадратную, треугольную (по три варианта размеров) и продолговатую форму. Цветовой диапазон был ограничен четырьмя цветами: черным (темно-коричневым), красно-коричневым, желтым и зеленым. При этом при раскопках найдено несколько обломков шифера (*Там же*. С. 149). По мнению П. А. Раппопорта, в строительстве памятника участвовал византийский зодчий (*Раппопорт*, 1984. С. 189).

Один фрагмент смальты был найден на недавних раскопках на Верхнем замке в Полоцке⁸. Он происходил из слоя разрушения, который А. Л. Коц связывает со второй церковью на этом месте⁹. Но так как кладок предполагаемого нового храма найдено не было, вопрос о происхождении этого фрагмента остается открытым.

Также кусочки смальты были обнаружены в Чернигове в остатках ворот (вероятно, небольших надвратных церквей) на княжеском дворе (*Богусевич*, 1955. С. 10) и у Спасского собора (*Черненко*, 2019. С. 22).

Тип 3. Инкрустация смальты в раствор в пазах в каменных плитах

Раньше всего, возможно, такой прием был использован в храме на Владимирской улице в Киеве, часто отождествляемом с церковью Св. Ирины.

⁸ Сведения о находке любезно предоставлены А. Л. Коцем, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

⁹ Первая церковь относилась к концу XII в., была открыта М. К. Каргером в 1966 г.

При раскопках 1846 г. Ставровским был найден пол «частью мозаический» (*Фундуклей*, 1847. С. 50), плиты от которого хранились в археологическом музее Киевского университета (*Каргер*, 1947. С. 27). Необходимо отметить, что в других постройках времени Ярослава — Георгиевском соборе и храме на Митрополичьей усадьбе — половой смальты и плит с пазами найдено не было. Возможно, это объясняется тем, что найденные на Владимирской улице руины принадлежат постройке более позднего времени (*Козюба*, 2002. С. 111).

Основной орнаментальной схемой полов типа 3 был «бордюр», его паттерн представлял собой две дуги и круг между ними. Самая ранняя плита с таким декором была найдена в Спасском соборе в Чернигове в центральном нефѐ между солеей и колонной северного трифориаума (рис. 3, 7). Из-за небольших размеров сохранившейся плиты неясно, занимал ли бордюр только подкупольный квадрат или весь центральный неф (*Холостенко*, 1990. С. 12). Внутри бордюра располагалась вымостка из плит с похожей орнаментальной схемой (рис. 3, 10), их фрагменты были найдены при работах Н. Макаренко (*Макаренко*, 1929. С. 49). Исследователь отмечал, что в качестве инкрустации использовались треугольные и четырехугольные кусочки смальты и камня. При последующих работах Н. Холостенко смальты уже не было найдено, но были обнаружены фрагменты белого мрамора в виде прямоугольников, треугольников, квадратов, близких по размеру смальте (*Холостенко*, 1990. С. 12). Это очень важное наблюдение, так как это второй после Десятинной церкви случай использования мрамора для убранства полов, но уже не в качестве круст, а как материала для инкрустации. Датировка пола неизвестна. Собор был заложен в 30-е гг. XI в., после смерти в 1036 г. его ктитора князя Мстислава Владимировича строительство приостановилось, позже оно было закончено, так что уже в 1076 г. в храме был захоронен князь Святослав Ярославич. Видимо, завершение строительства относится к 50–60-м гг. XI в. Не вызывает сомнения создание собора приезжими византийскими мастерами. И если на начальном этапе его возводили провинциальные мастера из Малой Азии или Кавказа, то в верхних частях Спасского собора характер кладки существенно меняется, и он ближе к константинопольским памятникам и Софийскому собору в Киеве (*Иоаннисян, Черненко*, 2017. С. 443). Из этого можно сделать вывод о том, что орнаментальная схема декора плит «бордюр»

Рис. 3. Полы типа 3: 1, 13 — Успенский собор Киево-Печерской лавры (1 — Холостенко, 1967б. Табл. X; 13 — Ситкарьова, 2000. С. 86); 2 — омфалий из Борисоглебского храма в Чернигове (Холостенко, 1967а. С. 200); 3, 5 — плиты из Михайловского храма Переяслава (Малеvская, Раппопорт, 1979. С. 34, 37); 4 — плита из Воскресенской церкви в Переяславе (Каргер, 1954. С. 294); 6 — бесстолпный храм в Переяславе (Лашкарев, 1898. С. 224, 225); 7, 10 — Спасский собор в Чернигове (7 — Холостенко, 1990. С. 12; 10 — Макаренко, 1929. Рис. 45); 8, 12 — плиты из Михайловского храма Выдубицкого монастыря (Мовчан, 1975. С. 98, 99); 9 — переложенная плита из Благовещенского на Мячине монастыря в Новгороде (Макарова, 2019. С. 102); 11 — Софийский собор в Новгороде (Штендер, 1968. С. 100)

Fig. 3. Floors of the type 3: 1, 13 — the Dormition Cathedral of the Kiev Pechersk Lavra (1 — Холостенко, 1967б. Табл. X; 13 — Ситкарьова, 2000. С. 86); 2 — omphaleum from the Boris and Gleb Church in Chernigov (Холостенко, 1967а. С. 200); 3, 5 — slabs from the St. Michael the Archangel Church in Pereyaslav (Малеvская, Раппопорт, 1979. С. 34, 37); 4 — slab from the Resurrection Church in Pereyaslav (Каргер, 1954. С. 294); 6 — a pillarless church in Pereyaslav (Лашкарев, 1898. С. 224, 225); 7, 10 — the Transfiguration Cathedral in Chernigov (7 — Холостенко, 1990. С. 12; 10 — Макаренко, 1929. Рис. 45); 8, 12 — slabs from the St. Michael the Archangel Church of the Vydubychi Monastery (Мовчан, 1975. С. 98, 99); 9 — re-deposited slab from the Annunciation Monastery on Myachino in Novgorod (Макарова, 2019. С. 102); 11 — the Cathedral of St. Sophia in Novgorod (Штендер, 1968. С. 100)

была привнесена византийскими мастерами из Константинополя.

В Киеве бордюр появился впервые в Успенском соборе Печерского монастыря. Пол в нем сохранялся дольше всех других мозаичных полов и был заменен только при ремонте 1729 г. после пожара 1718 г. (Ситкарьова, 2000. С. 141). *In situ*

ни одного фрагмента вымостки не уцелело, но в 1893 г. были обнаружены 210 плит от древнего пола, лежащие в качестве отмостки вдоль всего восточного фасада. По мнению Н. Холостенко, в центральном подкупольном пространстве находился омфалий из шиферных плит с мозаичным убранством (рис. 3, 1, 13), в остальной части

пол состоял из гладких плит (*Холостенко*, 1967б. С. 59). Возведен собор был в 70-е гг. XI в. вновь прибывшими византийскими мастерами: «приидоша от Царяграда мастера церковнии четыре мужи» (Патерик..., 1911. С. 5).

Лучше всего бордюры сохранились в Борисоглебском соборе в Чернигове (1097–1123). Он был обнаружен на четырех последовательно примыкавших друг к другу плитах размером 262 × 105 см, внутри лежали две плиты размером 152 × 76 см (*Холостенко*, 1967а. С. 195). Отличительная черта бордюра в этом храме — заполнение пазов одним рядом квадратной смальты большого размера (4,5–5,0 см) наряду с заполнением пространства по краям треугольной. Смальта имеет всего пять цветов: желтый, зеленый, красный, кремовый и черный. Храм уже сооружался местной русской артелью, выкладка делалась мастерами по образцу работ византийских специалистов.

Наиболее поздний бордюры был найден в Софийском соборе в Новгороде. Здесь в центральной апсиде был обнаружен пол из серых известняковых плит, инкрустированных смальтой (рис. 3, 11), который датируется автором исследования Г. М. Штендером 1151 г. Плита с бордюром сохранилась у прохода из центральной апсиды в южную (*Штендер*, 1968. С. 94). Кроме того, большое количество плит было найдено в развалах там же, в центральной и южной апсидах, Рождественском приделе, а отпечатки плит с находкой разрозненных смальт были обнаружены у западной стены основного объема и в северной части Корсунской паперти (*Там же*. С. 86). Учитывая, что Нифонт был выходцем из Печерского монастыря и неоднократно туда приезжал впоследствии (*Там же*. С. 103), можно предположить, что именно оттуда пришли мастера, работавшие над полами новгородской Софии.

Не вызывает сомнения византийское происхождение этой орнаментальной схемы. Скорее всего, источником ее заимствования был пол собора Студийского монастыря, относящийся к XI в. (*Barsanti*, 2011. С. 95). При этом такие бордюры широко использовались и за пределами столицы, на островах и в Малой Азии. В первой половине XI в. выкладки с этим мотивом были устроены в подкупольном пространстве церкви Успения в Никее (*Schmit*, 1927. Taf. 4), кафоликоне Неа Мони на Хиосе (*Vojadis*, 2009. Plan 1) и южной капелле церкви Николая в Мирах Ликийских (*Peschlow*, 1975. P. 22).

В других памятниках обнаружены плиты со схожей орнаментальной схемой, но в них бор-

дюры не вытянут в ленту на несколько плит, а закольцованы в границах одной.

В соборе Чуда Михаила Архангела в Хонех на Выдубичах в Киеве ни одного фрагмента пола *in situ* не обнаружено, однако в развалах найдены многочисленные фрагменты шиферных плит пяти форматов: 102 × 68 × 6, 100 × 33 × 6, 103 × 45 × 6, 130 × 46 × 6, 80 × 60 × 6 см. Также найдены и скопления смальты, наибольшее их количество обнаружено в подкупольном пространстве (*Мовчан*, 1975. С. 97). Швы между плитами, шириной 12 см, были декорированы инкрустированной в раствор смальтой, что говорит об использовании здесь смешанной техники инкрустации смальты как в пазы в плитах, так и в раствор. Орнамент на плитах (рис. 3, 8) повторял схемы выкладки смальты в южной части трансепта киевского Софийского собора. В Константинополе ближайший аналог такой схемы можно найти в выкладке пола подкупольного пространства южной церкви монастыря Пантократора (*Megaw*, 1963. Fig. A). В подкупольном пространстве найдена шиферная плита (рис. 3, 12) размером 80 × 60 см, которая размечена на четверть круга, при совмещении четырех таких плит получается круг, вероятно, являющийся омфалием (*Мовчан*, 1975. С. 97).

В Михайловском соборе Переяслава сохранились несколько фрагментов пола *in situ*. Один представлял собой часть шиферной плиты, инкрустированной смальтой, которая лежала в центральной части северного нефа (рис. 3, 5), между стеной и западной колонной тройной арки (*Малевская*, *Раппопорт*, 1979. С. 34). Вдоль наружного края этой плиты, с восточной стороны, сохранилась полоса цемяночной подготовки пола шириной 17 см с отпечатками квадратных и треугольных кубиков смальты, уложенных в виде пяти узких линий, параллельных краю плиты. Здесь, как и в Выдубичах, использовалась смешанная техника инкрустации. На основе нескольких переотложенных фрагментов, в том числе одного, используемого как дно шиферного саркофага, была реконструирована плита квадратной формы (рис. 3, 3) со стороной 215 см с полосами инкрустации шириной 10–11 см. Пазы в плите были заполнены тремя рядами небольшой смальты, а швы между этой плитой и окружающими — пятью рядами. Располагалась она, вероятно, в центральном нефе храма.

Михайловский собор является самой крупной и богаче всего украшенной постройкой, возведенной в Переяславе на рубеже XI–XII вв. Он был сооружен приехавшей сюда новой византийской

строительной артелью в рамках большой строительной кампании (*Раппопорт*, 1984. С. 188). Работы осуществлялись по заказу епископа Ефрема, который сам долгое время жил в одном из константинопольских монастырей.

Кроме Михайловского собора при Ефреме была возведена и гражданская постройка, отождествляемая некоторыми исследователями с баней. *In situ* здесь также не было найдено ни одного участка пола, так как все внутреннее пространство здания было многократно прорезано позднейшими ямами. Отметку древнего пола определяют многочисленные фрагменты шиферных плит пола с пазами для мозаичной инкрустации, которые по рисунку, характеру обработки плит и набору смальты чрезвычайно близки к мозаичным полам Михайловского собора (*Асеев и др.*, 1967. С. 204). Размеры и формы смальт различны, толщина их колеблется от 5 до 17 мм. Встречены также и заготовки смальт в виде сегментов круглых лепешек диаметром около 10 см. Цветовая палитра смальты очень скудная, использовано только четыре цвета: желтый, зеленый, вишневый и темно-синий. Также были найдены обломки мраморных деталей для декора стен и среди них — крусты восьмиугольных и квадратных брекчиевидных мраморовидных известняков (*Там же*. С. 211). К сожалению, неясно, использовались ли они для убранства стен или пола. В любом случае необычная форма здания и значительное количество найденных мраморных фрагментов, в том числе целой капители из проконесского мрамора, подтверждают участие в строительстве сооружения греческих мастеров (*Малевская, Раппопорт*, 1979. С. 38).

Отдельно надо отметить две плиты из построек Переяслава, отличающиеся необычным декором. Первая была найдена в бесстолпном храме под Успенской церковью, по размеру плинфы и технике равнослойной кладки датируемой временем не ранее середины XII в. (*Там же*. С. 21). В этой постройке в «земле», то есть в переотложенном состоянии, был найден обломок круглой плиты (рис. 3, 6) диаметром 1 аршин 15½ вершков (1,4 м. — В. М.) с вырубленными в ней углублениями и два таких же куса (*Лашкарев*, 1898. С. 226). Плита, скорее всего, относится к рубежу XI–XII вв., и она единственная из всех плит мозаичных полов имеет круглую форму. При этом на ней выбиты пазы для все той же орнаментальной схемы «бордюра», но только он свернут кольцом.

Вторая плита, также обломок (рис. 3, 4), происходит из Воскресенской церкви XII в. Она была найдена после удаления закладки северного пор-

тала храма, где лежала как порог. Не может быть сомнений, что она происходит из какой-то разрушенной постройки более раннего времени (*Каргер*, 1954. С. 294). На ней такие же углубления для смальты, но использована иная орнаментальная схема с элементом плетения. Схожие мотивы наблюдаются в выкладках из керамических плиток в Борисоглебской (*Малевская*, 1966. Рис. 1) и Пречистенской (*Ганецкая*, 1995. Рис. 5) церквях Гродно.

Еще о трех постройках есть крайне отрывочные сведения, их орнаментальная схема неизвестна. Плиты с пазами для инкрустации использовались в Михайловском Златоверхом соборе (*Ивакин*, 1999. С. 41), соборе Федорова Вотча монастыря (*Килиевич, Харламов*, 1989. С. 184) и подкупольном пространстве Кирилловской церкви (*Холостенко*, 1960. С. 9) в Киеве. Наконец, при раскопках позднесредневековой каменной постройки в Благовещенском монастыре на Мячине под Новгородом был обнаружен фрагмент каменной плиты (рис. 3, 9), которая похожа на древнерусские плиты с пазами для инкрустации мозаики (*Макарова*, 2019. С. 101). Очевидно ее вторичное использование, но изначальная датировка и постройка, для которой она была изготовлена, неизвестны, и принадлежность ее домонгольскому времени находится под вопросом.

Всего остатки мозаичных полов были обнаружены в 21 памятнике. Большинство (восемь) располагались в Киеве, шесть — в Чернигове, четыре — в Переяславе, два — в Новгороде и один — в Полоцке (возможно, два). Очевидно, сосредоточены такие находки были в трех главных строительных центрах Среднего Поднепровья, а в Полоцке и Новгороде появились в результате приезда туда отдельных мастеров.

Датировка полов распределяется следующим образом. Выкладка типа 1 появилась в конце X в., и более на Руси такие полы не устраивались. Полы типа 2 достоверно были уложены в первой половине XI и конце XII в. Вероятно, относящиеся к этому типу фрагменты выкладок в пяти (или шести) памятниках датируются временем от последней четверти XI в. до начала XIII в. Полы типа 3 (в 13 памятниках) относятся ко времени от середины XI до середины XII в., но большая их часть была устроена в последней четверти XI — первой четверти XII в. В это время византийские мастера не раз приезжали на Русь (*Раппопорт*, 1994а) и, среди прочего, привнесли и технику устройства мозаичных полов. Показательно, что именно с середины XII в., когда такие приезды фактически прекращаются и начинает вырабатываться

собственный архитектурный стиль (*Раппопорт*, 1984. С. 191), количество мозаичных полов резко уменьшается. Большая часть полов делалась либо византийскими мастерами, либо под их руководством местными с использованием уже местных материалов, прежде всего, смальты и шифера (пиррофиллитового сланца). Выкладки в памятниках, уже не связанных с работой византийских зодчих, являются результатом самостоятельной деятельности мастеров Руси, опиравшихся на византийские выкладки в качестве образца.

Мозаичные каменно-смальтовые полы *opus sectile* были привнесены в архитектуру Руси из Византии, но они не получили здесь широкого распространения, оставаясь ярким эпизодом строительной истории.

Традицией стало использование для декора полов поливных керамических плиток, которые применялись чрезвычайно широко во всех землях Руси и в послемонгольское время, тогда как шифер и смальта полностью вышли из употребления.

- Айналов, 1905 — Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. М.: Тип. Об-ва распротр. пол. книг, 1905. Т. III. С. 5–11.
- Архипова, 2017 — Архипова Е. Підлога *opus sectile* Десятинної церкви в Києві // *Opus mixtum*. 2017. № 5. С. 146–154.
- Асеев и др., 1967 — Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI века в Переяславе-Хмельницком // СА. 1967. № 1. С. 199–214.
- Богусевич, 1955 — Богусевич В. А. Раскопки в Чернигове // КСИАУ. 1955. Вып. 4. С. 9–11.
- Воронин, 1961 — Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. I: XII столетие. 584 с.
- Ганецкая, 1995 — Ганецкая И. У. Маёліка на Беларусі ў XI–XVIII стст. Мінск, 1995. 120 с.
- Ивакин, 1999 — Ивакин Г. Ю. Раскопки Михайловского Златоверхого собора в Киеве // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: Тезисы докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 38–42.
- Иоаннисян, Черненко, 2017 — Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е. Спасо-Преображенский собор в Чернигове в свете последних архитектурно-археологических исследований // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Лаурис, 2017. С. 421–445.
- Каргер, 1947 — Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской академии художеств. Л.; М.: Искусство, 1947. Т. I. С. 15–50.
- Каргер, 1961 — Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. 662 с.
- Килиевич, Харламов, 1989 — Килиевич С. Р., Харламов В. А. Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве // Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов / Ред. А. А. Золотарева. Киев: Наукова думка, 1989. С. 180–187.
- Коваленко, Раппопорт, 1991 — Коваленко В. П., Раппопорт П. А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце // Южная Русь и Византия: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 142–157.
- Козюба, 2002 — Козюба В. Про атрибуцію так званої Ірининської церкви в Києві // Наукові записки з української історії. 2002. Вип. 13. С. 104–113.
- Лашкарев, 1898 — Лашкарев П. Остатки древней церкви в городе Переяславле // Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1898. С. 221–229.
- Макаренко, 1929 — Макаренко М. Чернігівський Спас. Археологічні досліді року 1923. Київ: Друкарня Всеукраїнської академії наук, 1929. 96 с.
- Макарова, 2019 — Макарова В. П. Мозаичная смальта XII в. из раскопок церкви Благовещения на Городище 1103 г. // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 100–105.
- Малевская, 1966 — Малевская М. В. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура Древней Руси: Сб. ст. / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 146–151.
- Малевская, 1984 — Малевская М. В. К вопросу о мозаичных полах в русском зодчестве X–XIII веков // Древнерусский город: Материалы всесоюзной археологической конф., посв. 1500-летию города Киева. Киев: Наукова думка, 1984. С. 178–180.
- Малевская, Раппопорт, 1979 — Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила в Переяславле // Зограф. 1979. № 10. С. 30–39.
- Матвеев, 2017 — Матвеев В. Н. Коллекция плиток из церкви Спаса в Галиче в собрании Государственного Эрмитажа: формы, технология производства и опыт реконструкции орнамента пола // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья / Отв. ред. О. М. Иоаннисян, науч. ред. Д. Д. Ёлшин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 86). С. 151–162.
- Милеев, 1911 — Милеев Д. В. Древние полы в Киевском соборе Св. Софии // Сборник археологических

- статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. С. 212–221.
- Мовчан*, 1975 — *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження на Видубичах // Стародавній Київ: 36. ст. Київ: Наукова думка, 1975. С. 80–106.
- Патерик...*, 1911 — *Патерик Киевского Печерского монастыря* / Ред. Д. И. Абрамович. СПб.: Изд. Императорской археографической комиссии, 1911. 275 с.
- Раппопорт*, 1980 — *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века // СА. 1980. № 3. С. 142–161.
- Раппопорт*, 1984 — *Раппопорт П. А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 185–191.
- Раппопорт*, 1994а — *Раппопорт П. А.* О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: Сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. СПб.: Art-contact, 1994. С. 197–205.
- Раппопорт*, 1994б — *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси. СПб.: Наука, 1994. 159 с.
- Рыбаков*, 1949 — *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). С. 7–93.
- Самохатко*, 1996 — *Самохатко Н.* Фрагменти підлоги Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. Київ: АртЕк, 1996. С. 59–60, альбом, с. 115–117.
- Сіткарьова*, 2000 — *Сіткарьова О. В.* Успенський собор Києво-Печерської Лаври. Київ: Видання Свято-Успенської Києво-Печерської Лаври, 2000. 232 с.
- Томенчук*, 2005 — *Томенчук Б. П.* Олешківська ротонда. Археологія дерев'яних храмів Галицької землі XII–XIII ст. Івано-Франківськ: Гостинець, 2005. 168 с.
- Фундуклей*, 1847 — *Фундуклей И.* Обзорение Киева в отношении к древностям. Киев: Тип. И. Вальнера, 1847. 111 с.
- Холостенко*, 1960 — *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви // Памятники культуры. Исследование и реставрация. 1960. № 2. С. 5–19.
- Холостенко*, 1967а — *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. № 2. С. 188–210.
- Холостенко*, 1967б — *Холостенко Н. В.* Исследования руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство древней Руси: Сб. ст. в честь проф. М. К. Каргера / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 58–68.
- Холостенко*, 1990 — *Холостенко Н. В.* Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Стройиздат, 1990. Вып. III. С. 6–18.
- Хрушкова*, 2011 — *Хрушкова Л. Г.* Вымостки opus sectile в Причерноморье и Киеве: средиземноморский контекст // Российское византиноведение. Традиции и перспективы: Тезисы докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 215–218.
- Хрушкова*, 2012 — *Хрушкова Л. Г.* Полы opus sectile в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 года / Ред. Д. Д. Ёлшин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. 65). С. 34–59.
- Черненко*, 2019 — *Черненко О.* Пам'ятки монументальної архітектури Північного Лівобережжя XI–XIII ст. Каталог. Чернігів: SCRIPTORIUM, 2019. 226 с.
- Черненко, Новик*, 2019 — *Черненко О. Є., Новик Т. Г.* Мозаїка Благовіщенської церкви в Чернігові // Русский сборник. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2019. Вып. 9. С. 139–156.
- Чукова*, 2004 — *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 224 с.
- Штендер*, 1968 — *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура древнего Новгорода. М.: Наука, 1968. С. 83–107.
- Barsanti*, 2011 — *Barsanti C.* The Marble Floor of st. John studius in Constantinople: a neglected Masterpiece // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics (October 16–20, 2009. Bursa, Turkey) / Ed. M. Şahin. Istanbul: Yayinlari, 2011. P. 87–98.
- Eyice*, 1963 — *Eyice S.* Two Mosaic Pavements from Bithynia // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 373–383.
- Guidobaldi*, 2011 — *Guidobaldi A. G.* The Marble Floor Decoration in Constantinople: Prolegomena to a Corpus // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics (October 16–20, 2009. Bursa, Turkey) / Ed. M. Şahin. Istanbul: Yayinlari, 2011. P. 413–436.
- Megaw*, 1963 — *Megaw A. H. S.* Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 333–371.
- The Oxford Dictionary...*, 1991 — *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A. P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford university press, 1991. 2232 p.
- Peschlow*, 1975 — *Peschlow U.* Die Kirche des hl. Nikolaos in Myra // *Antike Welt*. 1975. Vol. 6, no. 4. P. 15–28.
- Pinatsi*, 2010 — *Pinatsi C.* Regional Trends and International Exchange in the Art of Marble Pavements during the Middle Byzantine Period // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Ред. Д. Д. Ёлшин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 53). С. 101–117.

Schmit, 1927 — *Schmit T.* Die Koimesis-Kirche Von Nikaia: Das Bauwerk Und Die Mosaiken. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter&Co, 1927. 56 S.

Striker, Kuban, 1971 — *Striker C. L., Kuban D. Y.* Work at Kalenderhane in Istanbul: Third and Fourth Preliminary Reports // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. P. 251–258.

Striker, Kuban, 1975 — *Striker C. L., Kuban D. Y.* Work at Kalenderhane Camii in Istanbul: Fifth Preliminary Report (1970–1974) // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29. P. 306–318.

Vojadis, 2009 — *Vojadis S.* The Katholikon of Nea Moni in Khios Unveiled // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2009. Bd. 59. P. 229–242.

Stone-smalt mosaic floors in the *opus sectile* technique in the temples of pre-Mongolian Rus'

V. N. Matveev¹⁰

Keywords: *opus sectile* mosaics, marble, smalt, slabs, pyrophyllite slate.

The mosaic floors in the temples of pre-Mongolian Rus' in the *opus sectile* technique (mosaics using large fragments of glass or stone) have already become a subject of researchers' study, but the problems of their typology, chronology and connection with Byzantine floors have not yet been fully solved.

Depending on the materials used, all floors are divided into 3 types:

To the 1st type belongs the floor of the late 10th cen. in the Church of the Tithes in Kiev, laid with the use of finishing stone. It was modelled on the facing of the Kalenderhane complex in Constantinople.

The 2nd type includes floors with smalt inlay in mortar. In situ they were found in the Cathedral of St. Sophia in Kiev and the Annunciation Church in Chernigov, scattered fragments of smalt were found in the church-sepulcher, the gates of the Transfiguration Cathedral and the princely court in Chernigov, the Annunciation Church near Novgorod, and the church-sepulcher in Polotsk.

The 3rd type includes floors laid with slabs of pyrophyllite slate or limestone with grooves inlaid with smalt or stones. The most widespread ornamental scheme was the "border", the source of borrowing was the floor of the cathedral of the Monastery of Stoudios in Constantinople, dating back to the 11th cen. Such slabs were found in the sub-dome space in the Transfiguration and Boris and Gleb cathedrals in Chernigov, in the Dormition Cathedral of the Kiev Pechersk monastery and in the apse of the Novgorod Cathedral of St. Sophia. In other monuments slabs with a similar ornamental scheme, but looped within one slab, were found. These are the Cathedral of the Miracle of Michael the Archangel in Chonae in Vydubychi (Kiev), the Cathedral of St. Michael the Archangel and a civil building in Pereyaslav.

In total, the remains of mosaic floors were found in 21 monuments, most of them concentrated in Kiev, Chernigov and Pereyaslav. Basically, the floors were made either by Byzantine masters or under their guidance by local artisans using local materials, primarily smalt and slate (pyrophyllite slate). Mosaic stone and smalt *opus sectile* floors were brought to Rus' architecture from Byzantium, but they were not widespread here, remaining only a vivid episode of construction history.

¹⁰ Vasily N. Matveev — State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: vmatveev88@inbox.ru.

Архивные фотографии фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде 1930-х (?) годов¹

М. В. Медведева, О. Е. Этингоф²

Аннотация. В статье рассматриваются фотографии из архивных собраний Института истории материальной культуры РАН и Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Снимки запечатлели изучение и реставрацию древних фресковых росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря, преимущественно во время работ М. К. Каргера и Центральных государственных реставрационных мастерских в 1930-е гг. Фотографии дают представление об утраченных или плохо сохранившихся изображениях, а также позволяют сделать выводы о методике консервации, применявшейся нашими предшественниками.

Ключевые слова: М. К. Каргер, архитектурно-археологические исследования новгородских памятников, фрески домонгольского времени, Георгиевский собор Юрьева монастыря, архивные фотографии и документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-165-172

В ходе археологических работ в одном из самых известных памятников древней новгородской архитектуры — Георгиевском соборе Юрьева монастыря под Новгородом — и рядом с ним экспедицией М. К. Каргера в 1930-е гг. велись не только раскопки, но и архитектурно-реставрационные исследования (Каргер, 1946). Производились раскрытие, изучение и, видимо, консервация ранних фресок. В частности, из сохранившихся документов известно, что, согласно плану, в 1935–1936 гг. предполагалось осуществить реставрационные мероприятия по консервации фресок в откосах окон и нишах на фасадах: «13. При открытии древних проемов, окон и ниш, в которых будут обнаружены фрески, последние

должны быть предварительно закреплены, грани фрагментов фресок заклеены бумагой с покрытием фрески с бумагой³ на время штукатурных работ, причем оштукатурка и перетерка мест, окружающих фреску, должны вестись осторожно, без захода на границы фрески» (Медведева, Ёлишин, 2022. С. 247).

В интерьере основного объема Георгиевского собора и в нишах на его фасадах экспедицией М. К. Каргера были открыты фрагменты домонгольских фресок. В интерьере *in situ* сохранились орнаментальные росписи в откосах окон. Кроме того, при раскопках под новым полом собора обнаружилось многочисленное количество осколков древней стенописи, сбитой во время реставрации собора в 20-х гг. XIX в. Публикации Михаила Константиновича с информацией об этих интереснейших находках и несколькими фотографиями появились значительно позже: в 1941 г. — сообщение, а затем в 1946 г. — более подробная статья (Каргер, 1941. С. 24, 25; 1946. С. 175–224). Такая длительная задержка введения в научный оборот столь важных данных обусловлена, видимо, обстоятельствами небезызвестного «дела Каргера», разразившегося во второй половине 1930-х гг., когда ученого на длительный период фактически отлучили от любых работ в Новгороде (Михайлов,

¹ М. В. Медведевой исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² М. В. Медведева — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: marriyam@mail.ru; О. Е. Этингоф — Научно-исследовательский институт Российской академии художеств; Москва, Россия; e-mail: etinhof@mail.ru.

© Медведева М. В., Этингоф О. Е., 2024

³ Так в документе. — Примеч. авт.

2023. С. 47–57). Затем началась война, и вернуться к своим новгородским штудиям исследователь смог лишь после окончания Великой Отечественной войны.

Наружные росписи Георгиевского собора до наших дней не дошли, они полностью смыты или осыпались за прошедшие годы. Замечательные орнаменты в откосах окон сохранились, однако состояние их значительно ухудшилось. Про остальное Михаил Константинович отмечал, что из находок «...лишь небольшой процент представляют более или менее значительные фрагменты орнаментов, фонов, одежд, букв и лиц... Все (даже мелкие) фрагменты тщательно пересмотрены и собраны в ящики. Лучшие по сохранности экспонированы в Новгородском историческом музее» (Каргер, 1946. С. 200). Но, к сожалению, фрагменты фресок, обнаруженные экспедицией М. К. Каргера и хранившиеся в НГОМЗ, видимо, были утрачены во время Великой Отечественной войны.

Печальная ситуация сложилась и с полевой документацией работ М. К. Каргера в Юрьевом монастыре в 1930-е гг. Долго предполагалось, что экспедиция не вела подробной фиксации. Только недавно благодаря исследованиям К. А. Михайлова стало известно, что существовали дневники, описания и отчет (Михайлов, 2022). Местонахождение этих ценных материалов в настоящий момент неизвестно, если они вообще сохранились. Безусловно, отдельные бумаги, чертежи и фотографии находятся в Новгородском музее, в ИИМК РАН, но их нельзя назвать полноценным комплексом документации. В поисках сведений о работах М. К. Каргера в Георгиевском соборе исследователи чаще всего вынуждены опираться на его публикацию 1946 г. как на наиболее подробное описание сделанного.

В свете вышесказанного любые документы об этих исследованиях представляют исключительный интерес. Без сомнения, сохранившиеся фотографии фресок Георгиевского собора, связанные с работами М. К. Каргера, занимают в этом ряду особое место, так как сами по себе являются точным и объективным источником информации о методике произведенных тогда исследований и о степени сохранности древней росписи. Конечно, материалы М. К. Каргера по фрескам Георгиевского собора и их фотографии 1930-х гг. приводились в публикациях археологов, реставраторов и искусствоведов (Секретарь, 2019. С. 18, рис. 9; Новые открытия..., 2019. С. 17, ил. 18, 19; Медведева, Ёлишин, 2022. С. 231, ил. 8), некоторые фотографии

обнародованы на сайте Новгородского музея-заповедника⁴, но сведения о них все еще остаются разрозненными, и цельного представления так и не сложилось. В свете возобновления в последние годы активных архитектурно-археологических исследований в Георгиевском соборе на самом современном научном уровне весьма важной задачей представляется вновь обратиться к уже опубликованным ранее фотоматериалам, запечатлевшим древние росписи памятника, выявить все существующие архивные изображения, сравнить их между собой и таким образом собрать и охарактеризовать весь комплекс этих ценных визуальных источников, известных на данный момент.

В настоящее время состав выявленных фотодокументов, образовавшихся в результате архитектурно-археологических исследований фресковых росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря в 1930-е гг., выглядит следующим образом:

- фотографии из описи изобразительных материалов личного фонда М. К. Каргера в архивном собрании Новгородского музея (ОПИ НГОМЗ. Архивный фонд Ф. Р-12. Каргер Михаил Константинович (1903–1976) — доктор исторических наук, профессор ЛГУ, лауреат Государственной премии. Оп. 2. Изобразительные материалы);
- фотографии из фотографического фонда ГАИМК научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 46);
- фотографии из рукописного фонда ГАИМК научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1);
- фотографии из фотографического фонда историка искусства Н. П. Сычева из научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 37);
- фотографии из личного фотографического собрания М. К. Каргера в фотографическом отделе научного архива ИИМК РАН. К сожалению, фонд еще не прошел научно-техническую обработку и недоступен исследователям. В нем содержатся качественные фотографии, относящиеся к работам исследователя в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 1930-е гг. (15 ед. хр.). Негативы к ним отсутствуют. Снимки сгруппированы тематически, наклеены на паспарту и, видимо, подготовлены к публикации. Часть из них вошла в статью М. К. Каргера 1946 г.

⁴ [https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/369554?page=6&query=%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80&index=\(299,301,306,331,332,333,334\)](https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/369554?page=6&query=%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80&index=(299,301,306,331,332,333,334)).

Перейдем теперь к самим фотографиям в соответствии с объектами съемки.

В нижней зоне восточного фасада собора экспедицией М. К. Каргера было обнаружено семь двухступчатых ниш с полуциркульным завершением: три — на центральной апсиде, по две — на боковых. Впоследствии на южном фасаде и на северо-западной башне были раскрыты аналогичные ниши (Седов, 2022).

В северной нише центральной апсиды в 1930-х гг. сохранялось поясное изображение Богоматери Дексиократусы с благословляющим младенцем, сидящим на ее правой руке, а под образом Девы Марии — изображение плата. В Новгородском музее имеется четыре разные фотографии этой ниши и богородичного образа в ней (НГМ КП 38025/721-723, 728. Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 520, 528). Не все из них публиковались. В личном фотофонде М. К. Каргера в ИИМК РАН также сохранилась фотография этой фрески. Она повторяет публикацию в статье Михаила Константиновича (Каргер, 1946. Рис. 3, б).

В южной нише северной апсиды, как сообщает М. К. Каргер, был плохо различимый образ Спаса на убресе. В публикации он вообще неразличим (Там же. Рис. 7). Оригинальный фотоотпечаток обнаружился в личном фотофонде М. К. Каргера в ИИМК РАН. Фотография дает хотя бы некоторую возможность представить себе это изображение.

В восточной нише южного фасада сохранялся образ Христа Пантократора, а под ним — полотенца. Фотография этой фрески была опубликована М. К. Каргером, и она сохранилась в НГОМЗ (стены (НГМ КП 38025/1116. Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 539; Каргер, 1946. Рис. 11). Аналогичный отпечаток имеется в фотофонде ГАИМК (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1084/4) (рис. 1).

Здесь следует упомянуть новгородскую икону «Видение пономаря Тарасия» последней трети XVI в. (НГОМЗ), на которой представлен Георгиевский собор, а на его западном фасаде помещен семифигурный Деисус (Орлова, 2002. С. 169–173). Понятно, что изображение весьма условно, однако можно допустить, что на фасадах собора был целый цикл ниш с монументальными фресковыми иконами, который опоясывал его с четырех (?) сторон. Важно отметить, что сам М. К. Каргер отмечает в нижней части собора пояс именно из семи двухступчатых ниш на трех стенах: северной, южной и восточной. Поскольку роспись в нишах ныне совсем не сохранилась, судить о датировке и состоянии живописи невозможно. Можно лишь с большой осторожностью

Рис. 1. Христос Пантократор. Фреска в восточной нише южной стены, раскрытая в 1934 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1084/4)

Fig. 1. Christ Almighty (Pantocrator). Fresco in the eastern niche of the south wall, uncovered in 1934 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.1084/4)

прокомментировать иконографию образов в нишах, допуская, что они имели отношение к домонгольской декорации, как и полагал сам М. К. Каргер. Следует подчеркнуть, что эта византийская традиция декорирования ниш фасадов пришла в Новгород из Киева, где также известно подобное размещение изображений в экстерьерах церквей. Оно должно было подчеркивать особую значимость храма.

Возможно, в центральной нише центральной апсиды Георгиевского собора был еще один образ Богоматери, тронной с младенцем на коленях. В южной нише симметрично северной мог располагаться образ Девы Марии, обращенной влево к центру, с полулежащим младенцем, — образ жертвы. Такого рода комбинации трех образов Богоматери известны по храмам XI в.,

в частности, по интерьеру кафоликона монастыря Осииос Лукас в Фокиде (*Этингоф*, 2000. С. 56–58, ил. 34–39). К образу Спаса на убрусе в южной нише северной апсиды, вероятно, был парный — Спаса на черепии.

На фотографии с образом Христа Пантократора очень хорошо видно полотенце. Под образом Богоматери М. К. Каргер отмечает фрагмент плата. К сожалению, он значительно хуже различим на сохранившихся фотографиях. Это важно, потому что, как отмечают археологи и реставраторы, в интерьере собора в центральной части северной апсиды экспедицией Вл. В. Седова тоже найдены остатки изображения полотенца (*Седов и др.*, 2014; *Федоренко*, 2015). Исходя из этого можно предположить, что в храме их последовательно изображали и внутри, и на фасадах.

В НГОМЗ имеются две фотографии декорации в откосе окна южной стены (НГМ КП 38025/752-753. Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 523). На одной из них просматривается очень хорошо сохранившийся в тот период стеблевидный орнамент — гораздо лучше, чем теперь. Аналогичное фото представлено и в ИИМК РАН.

И, наконец, как уже говорилось, М. К. Каргером были найдены мелкие фрагменты фресок, в том числе с изображениями ликов. Шесть из них на двух фотографиях были опубликованы в 1946 г. (*Каргер*, 1946. Табл. I, II). Однако есть и неизвестные фото с двумя фрагментами личного письма, целой кисти руки, пальцев ноги и буквы. Фотографии фрагментов фресок сохранились только в НГОМЗ (НГМ КП 38066/2951, 2953-2356, 2361. Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 534–536).

Снимки фрагментов личного письма ценны в контексте исследования новых находок фресок Георгиевского собора экспедицией Вл. В. Седова 2013–2023 гг. Фото двух новых фрагментов с глазами и носом очень близки по технике письма и стилю тем фрескам из последних находок, с которыми работает Т. А. Ромашкевич в Центре реставрации монументальной живописи НГОМЗ. Поэтому не вызывает сомнения, что на них запечатлены части домонгольской росписи собора.

Фотографии важны также в контексте поиска стилистических аналогий фрагментам фресок. Загнутый нос с легкой горбинкой на утраченном лице, который публиковал еще М. К. Каргер, трактован сходно с некоторыми образами на византийских памятниках, в частности, с головой донатора из константинопольской росписи в южной апсиде Календерхане джами (церкви Богоматери

Кириотиссы?) первой четверти XII в. (*Striker, Kuban*, 1997. Pl. 150–153).

Т. К. Федоренко допускает присутствие масляной записи и усиление контуров черной краской на записях многих фрагментов последних находок 2013–2023 гг. до их расчистки. Исследовательница предполагает наличие подобных поздних поновлений домонгольской живописи и на находках, фотографии которых публиковал М. К. Каргер в 1946 г. (*Федоренко*, 2019). На снимках ликов 1930-х гг. можно проследить и другие позднейшие записи.

Фрагмент буквы на одной из фотографий 1930-х гг. соответствует и упоминанию М. К. Каргером находки букв в статье 1946 г., и многочисленным фрескам с эпиграфикой, обретенным экспедицией Вл. В. Седова.

В личном собрании М. К. Каргера НГОМЗ хранится интересная серия фотографий, которая, вероятно, фиксирует не его работы, но тесно связана с ними (НГМ КП 38025/1117–1126. Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 539). В 1930-е гг., то есть в тот же период, когда работала экспедиция М. К. Каргера, проводились и мероприятия по реставрации фресок в северо-западной лестничной башне Георгиевского собора. Г. С. Батхель в статье 1992 г. о росписи капеллы в главе башни и ее реставрации в 1977–1982 гг. сообщил важные сведения о поэтапном реставрационном исследовании росписи этого пространства в 1930-е гг.⁵ (*Батхель*, 1992. С. 203, 204). Соответствующие документы удалось выявить и в научном архиве ИИМК РАН. В 1930 г. обратили на себя внимание пятна полихромной живописи, которые открылись в результате осыпи побелки на стенах главы башни. В 1931 г. для изучения этих пятен была организована экспедиция Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), которая отметила наличие фресок XII в. в куполе (была зафиксирована живопись почти по всему периметру нижнего яруса барабана башни), а также

⁵ Г. С. Батхель сообщает, что подборка документов, относящихся к реставрационным работам в Георгиевском соборе, содержится в отчете, подготовленном в мастерской: «Отчет о реставрации стенописи главы лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде, составленный А. Л. Саминским» (Машинопись. 157 с. с прил. М., 1978–1979. Архив Межобластной специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Инв. № 51-84/08). (Современное название мастерской — Межобластное научно-реставрационное художественное управление).

оценила состояние росписи, штукатурки и кладки, в которых имелись разрушения.

19 мая 1932 г. Юрьев монастырь посетила комиссия⁶, состоявшая из представителей ГАИМК (Н. П. Сычев, Н. П. Кононов, В. Н. Кононов) и ЦГРМ (А. Д. Чиварзин, Ю. А. Олсуфьев, В. О. Кириков), которые высоко оценили значимость этих реставрационных открытий: «Принимая во внимание, что фресковая роспись башни б. монастыря, относящаяся к началу XII столетия и, несомненно, исполненная первоклассными мастерами, что видно из открытых фрагментов, представляет на новгородской почве уникальный образец не только росписи, но и документ, устанавливающий экономические и художественные связи Новгорода с Киевом эпохи ранних феодальных отношений, комиссия полагает необходимым принять надлежащие меры к их консервации» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1932. Д. 96. Л. 1; *Батхель*, 1992. С. 203).

Как отмечает Г. С. Батхель, на протяжении 1930-х гг., вплоть до 1937 г. включительно, были раскрыты образы Богоматери Одигитрии, Христа, трех святителей и св. Георгия в простенках между окнами барабана купола башни, а во втором ярусе — фигура преподобного и голова еще одного персонажа, сделаны пробы в том же верхнем регистре, зондажи в других местах, везде была выявлена живопись плохой сохранности. Исследователь резюмирует, что с 1936 г. нижний регистр росписей, то есть в простенках барабана, был уже известен. В таком случае, если все фигуры этого регистра были раскрыты в тот период, возможно, Георгий Сергеевич не совсем точен в подсчете фигур, поскольку в простенках, кроме Богоматери, Христа, трех святителей и св. Георгия, размещено еще две фигуры — Саввы Освященного и фрагменты изображения персонажа (святителя?), который так и не был идентифицирован. Как сообщает Г. С. Батхель, после 1937 г. проводились лишь профилактические работы, связанные с частичным укреплением красочного слоя, штукатурки, а также удалением загрязнений.

В НГОМЗ хранится собрание фотографий фресок капеллы башни, которые в отделе письменных источников музея датируются 1960-ми гг. Однако сами сотрудники отдела не уверены в корректности такой датировки. Т. А. Ромашкевич полностью подтвердила информацию Г. С. Батхеля о том, что после 1930-х гг. и вплоть до 1977 г.,

⁶ В научном архиве ИИМК РАН сохранились переписки комиссии и акт осмотра фресок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1932. Д. 96).

когда начались работы по реставрации фресок башни бригадой под его руководством, никаких значительных работ там не велось. Таким образом, даже если фотографии из хранения НГОМЗ были сделаны в 1960-х гг., они соответствуют состоянию фресок после реставрационных работ 1930-х гг.

Итак, среди фотографий росписей капеллы в башне из собрания НГОМЗ сохранились два фото едва различимой поясной фигуры Христа Пантократора, фигуры в рост Саввы Освященного и св. Георгия, верхняя часть фигуры св. Николая и фрагменты изображения неизвестного святителя, еще частично скрытые под штукатуркой. Данная фотография ценна тем, что на ней видны этапы раскрытия росписей, в частности, фото с изображением неизвестного святителя (?) демонстрирует стадии удаления позднейшей штукатурки и побелки. Сохранились также два фото фигуры в рост Василия Великого, два фото верхней части фигуры Кирилла Александрийского.

Последние два снимка отражают разную степень сохранности фресковой живописи и дают нам почву для раздумий. Дело в том, что один из музейных экземпляров фотоизображения Кирилла Александрийского (НГМ КП 38025/1126. Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 539) имеет точные аналогии в архиве ИИМК РАН (1 отп., 1 нег.). Такой же фотоотпечаток происходит из архивного фонда историка искусства Н. П. Сычева, входившего в комиссию по осмотру фресок в Новгороде в 1932 г. В описи фотография отнесена к 1925 г. и указывается, что автором является известный фотограф А. Н. Павлович⁷ (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.2352/10). Два снимка из этой же коллекции фиксируют повреждения поверхности стен на верхней площадке лестницы башни Георгиевского собора (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.2352/8–9). Еще одно изображение фрески — негатив на стекле. В описи отмечено, что он сделан в 1926 г. фотографом И. Ф. Чистяковым по просьбе Л. А. Дурново (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 22161) (рис. 2), и уточнено, что данная фотография запечатлела копию фрески работы Дурново⁸. Сравнение

⁷ А. Н. Павлович в начале XX в. работал фотографом этнографического отдела Русского музея, снимал для Общества Св. Евгении. После революции поселился в Новгороде и работал в Губмузее (*Порфиридов*, 1987. С. 57–60).

⁸ Л. А. Дурново была одним из авторов методики научного копирования монументальной живописи и в 1920-е гг. активно занималась копированием новгородских фресок.

Рис. 2. Кирилл Александрийский. Роспись капеллы в башне. Копия. Фото И. Ф. Чистякова, 1926 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 22161)

Fig. 2. St. Cyril of Alexandria. Painting of the tower's chapel. Copy. Photo by I. F. Chistyakov, 1926 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 22161)

фотоизображений фрески с фигурой Кирилла Александрийского позволяет с уверенностью предполагать, что упомянутая фотография из хранения НГОМЗ и отпечаток из фонда Н. П. Сычева сделаны именно с этого негатива, хотя в учетных документах все они и имеют разную атрибуцию и датировку. Еще только предстоит разобраться, с копии или оригинала произведен кадр, кем и в какое время, но однозначно понятно, что изображение датируется 1920–1930-ми гг.

С работами музея на фасадах Георгиевского собора связано еще несколько фотографий древней фресковой росписи. О них пока удалось найти сведения только в архивных источниках (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 111. Л. 7–10). В ноябре 1933 г. М. К. Каргер в результате кон-

фликта с директором музея И. А. Кислицыным был вынужден остановить свое участие в работах там, и вернулся он только в июле 1934 г. В это время по заданию музея разбирались до основания поздние пристройки вокруг собора. Делалось это непрофессиональными рабочими нанятой конторы «Электросетьстрой» без всякого контроля специалистов. Когда в июне 1934 г. посмотреть на работы приехал заведующий церковным столом новгородского райисполкома М. Д. Берновский, он обнаружил там «преступно-халатное отношение» и указал, что разбираются не только пристройки, но и частично разрушаются стены. На западном фасаде собора под поздней росписью он увидел вновь открытые фрески, сфотографировал их и отправил в ГАИМК с просьбой остановить работы. М. Д. Берновский уточнил, что кроме фигуры Спасителя рядом просматриваются еще две фигуры, но их не видно на фотографии. Дальнейшая судьба открытых изображений не прослеживается, как и их интерпретация. Фотографии их есть и в архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 111. Л. 11; ФО. Отп. О.1084/3, 36) (рис. 3), и в Новгородском музее. Поскольку фрески утрачены, а М. К. Каргер о них ничего не сообщил, маловероятно, что это были домонгольские изображения. Более того, есть основания полагать, что эти наружные росписи относились к более позднему периоду. Во-первых, на фотографиях отчетливо видно, что Христос здесь был представлен в пространственном трехчетвертном повороте, а не строго анфас, в деснице он держит длинный скипетр, увенчанный крестом. Скорее всего, это образ Спаса Царя царей — иконографического типа, распространенного в таком виде в конце XVII — XVIII в. Кроме того, надпись рядом с фигурой Спасителя включает три буквы его имени (ИС ХС), а не традиционные две (IC ХС). Такое написание распространилось лишь после церковного раскола XVII в.

Безусловно, все представленные фотографии полезны для изучения древней росписи интерьера и фасадов Георгиевского собора Юрьева монастыря под Новгородом — одного из ключевых памятников древнерусской архитектуры. Фотодокументы содержат целый цикл утраченных изображений, позволяют сопоставить состояние сохранности фресок в откосах окон и в капелле башни после первой реставрации 1930-х гг. и работ более позднего периода. К сожалению, оно не улучшалось. И, наконец, эти снимки дают представление о методике довоенной реставрации.

Рис. 3. Западный фасад с фрагментами росписи, 1934 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 111. Л. 11)

Fig. 3. Western facade with fragments of the painting, 1934 (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 1. 1934. F. 111. Sh. 11)

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 96: О поездке комиссии по осмотру фресок в Новгороде. Переписка и акт осмотра. 5 л.; 1934. Д. 111: Переписка с новгородским музеем и другими учреждениями по вопросу об обнаружении в г. Новгороде фресок в Юрьевом монастыре. 16 л.

Батхель, 1992 — *Батхель Г. С.* Реставрация стенописи XII в. в верхней части башни Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология: ежегодник 1990.* М.: Кругъ, 1992. С. 203–210.

Каргер, 1941 — *Каргер М. К.* Новгород. Юрьев монастырь, 1933–1935 гг. // *Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 24–25.

Каргер, 1946 — *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // *СА.* 1946. Вып. VIII. С. 175–224.

Медведева, Ёлишин, 2022 — *Медведева М. В., Ёлишин Д. Д.* Архивные материалы из собрания ИИМК РАН

об исследованиях Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде в 1933–1935 гг. // *Архитектурная археология.* 2022. № 4. С. 220–249.

Михайлов, 2022 — *Михайлов К. А.* Пропавшие отчеты: новые архивные данные о реставрационной и археологической деятельности М. К. Каргера в Новгороде в 1933–1935 гг. // *Архитектурная археология.* 2022. № 4. С. 250–261.

Михайлов, 2023 — *Михайлов К. А.* Михаил Константинович Каргер. Биографические очерки. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 114 с.

Новые открытия..., 2019 — *Новые открытия Древнего Новгорода. Церковь Благовещения на Городище. Георгиевский собор Юрьева монастыря. К 900-летию Георгиевского собора.* Каталог выставки / Авт.-сост. Е. В. Игнашина, Л. П. Яковлева. Великий Новгород: НМЗ, 2019. 26 с.

Орлова, 2002 — *Орлова М. А.* Наружные росписи средневековых храмов. Византия. Балканы. Древняя Русь. 2-е изд. М., 2002. 286 с.

Порфиридов, 1987 — *Порфиридов Н. Г.* Новгород. 1917–1941 г. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1987. 256 с.

- Седов*, 2022 — *Седов Вл. В.* Архитектура Георгиевского собора Юрьева монастыря и первая система организации фасадов в архитектуре Древней Руси: ярусы окон и арочных ниш // *Архитектурная археология*. 2022. № 4. С. 7–48.
- Седов и др.*, 2014 — *Седов Вл. В., Кадейшвили Е. А., Вдовиченко М. В.* Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря под Великим Новгородом, открытые в ходе археологических работ 2013 г. // *Реставрация и исследование памятников культуры*. М.; СПб.: Коло, 2014. Вып. 7. С. 15–19.
- Секретарь*, 2019 — *Секретарь Л. А.* Георгиевский собор Новгородского Юрьева монастыря. 2-е изд., доп. Великий Новгород: Свято-Юрьев мужской монастырь, 2019. 53, [4] с.
- Федоренко*, 2015 — *Федоренко Т. К.* Предварительные итоги исследования фрагментов росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря (по материалам работ 2014 года) // Альманах «Культура. Искусство. Реставрация». Ч. 1: Реставрация / Под науч. ред. Е. П. Борзовой, А. Б. Буйчика. СПб.: СПбКО, 2015. С. 69–79.
- Федоренко*, 2019 — *Федоренко Т. К.* К вопросу о поновлении росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. М., 2019. № 1, ч. 2. С. 155–161.
- Этингоф*, 2000 — *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 312 с.: 104 ил.
- Striker, Kuban*, 1997 — *Striker C. L., Kuban D.* Kalenderhane in Istanbul: final reports on the archaeological exploration and restoration at Kalenderhane Camii, 1966–1978. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1997. XV+150 p. 179 il.

Archival photos of the frescoes of the St. George Cathedral of the Yuryev Monastery in Novgorod of the 1930s (?)

M. V. Medvedeva, O. E. Etinhof⁹

Keywords: M. K. Karger, architectural and archaeological research of Novgorod monuments, pre-Mongolian frescoes, the St. George Cathedral of the Yuryev Monastery, archive photographs and documents.

In the course of archaeological works in the St. George Cathedral of the Yuryev Monastery near Novgorod the expedition of M. K. Karger in the 1930s carried out not only excavations but also architectural and restoration works: early frescoes were uncovered, studied and preserved. This work was objectively and accurately documented by few photographs.

The resumption of architectural and archaeological research in the St. George Cathedral in recent years set an urgent task to turn to the previously published photographic materials that depicted the ancient paintings of the monument, as well as to identify all existing archival images. We managed to find such photographic collections in the the Novgorod State Reserve Museum and Institute for the History of Material Culture of the RAS, at the same time tracing the history of their creation.

All the photographs are very important for modern studies of the ancient painting of the interior and facades of the St. George Cathedral. They contain a number of lost paintings, allow us to compare the state of preservation of the frescoes after the first restoration in the 1930s and after later works, and also shed light on the methods of pre-war restoration.

⁹ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: marriyam@mail.ru. Olga E. Etinhof — Research Institute of the Russian Academy of Arts; Moscow, Russia; e-mail: etinhof@mail.ru.

**Неопубликованное погребение XII–XIII вв.
из раскопок Десятинной церкви в Киеве в 1908 г.
(по материалам коллекции Государственного Эрмитажа
и полевой документации Д. В. Милеева)**

Д. Д. Ёлшин, А. Ю. Кононович, Д. С. Прокуратов¹

Аннотация. В статье на основании полевых чертежей и фотографии Д. В. Милеева восстанавливается расположение и контекст ранее не опубликованного погребения из раскопок ИАК 1908 г. Связанные с погребением находки (серебряные крестики и бусина, подвеска-лунница из кашина), выявленные в коллекции Государственного Эрмитажа, позволяют датировать погребение концом XII — началом XIII в.

Ключевые слова: нательный крестик, ювелирное ремесло, Древняя Русь, некрополь, кашин, подвеска-лунница.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-173-181

В отличие от хорошо известного курганного могильника X в. на Старокиевской горе, погребальные памятники киевской Десятинной церкви, относящиеся ко времени функционирования храма (XI–XIII вв.), были удостоены гораздо меньшего внимания в литературе. Тому виной были и первые раскопки XIX в., сильно повредившие древние саркофаги, и судьба результатов исследований начала XX в., которые так и не были опубликованы подробно, и меньшая привлекательность этих погребений на фоне богатых сопроводительным инвентарем погребений эпохи, предшествовавшей официальному крещению Руси.

При самых первых раскопках Десятинной церкви в 1826 г. Н. Е. Ефимовым были изучены два шиферных саркофага с останками (*Берлинский*, 1830. С. 112–116). В 1908 г. Д. В. Милеев повторно раскрыл один из них, у северо-западного угла храма, с богатым резным декором византийского характера (Отчет ИАК за 1908 г., 1912. С. 153–158). С. П. Вельмин упоминал о том, что при раскопках ИАК 1908–1909 гг. на основании глубины заложения и стратиграфических данных были выделены

погребения XI–XIII вв., но отмечал, что их «сравнительно мало» (*Вельмин*, 1910. С. 19). Обнаружив при раскопках в 1939 г. погребение с мечом в деревянном саркофаге в западной части храма (*Каргер*, 1940а), М. К. Каргер посвятил отдельную работу княжеским погребениям Десятинной церкви. Ему удалось насчитать восемь элитарных погребений древнерусского времени (*Каргер*, 1940б). Следует отметить также работы Е. И. Архиповой, занимавшейся реконструкцией древних саркофагов Десятинной церкви по находкам отдельных фрагментов (*Архипова*, 2012; 2015).

Лишь недавно, благодаря систематическому изучению объемной полевой документации раскопок 1908–1914 гг. и верификации ее в ходе раскопок 2005–2011 гг., удалось расширить круг этих памятников (*Козюба*, 2005; *Ёлшин*, 2019). Установлено, что при работах 1909 г. у северо-восточной стороны храма был открыт неровный ряд из пяти погребальных ям, предназначавшихся для саркофагов, три из которых (два шиферных и один деревянный) сохранились полностью или частично. Стратиграфически комплексы датируются XI в. Еще одно погребение к северу от северо-восточного угла храма, раскрытое в 1909 г., В. К. Козюба на основании стратиграфических данных датирует XII в. (*Козюба*, 2021). Так или иначе, количество известных погребальных памятников домонгольского некрополя Десятинной церкви не превышает полутора десятков.

¹ Ёлшин Д. Д., Кононович А. Ю., Прокуратов Д. С. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: jolshin.denis@gmail.com, kononovich.a.u@gmail.com, denisprokuratov@gmail.com.

© Ёлшин Д. Д., Кононович А. Ю., Прокуратов Д. С., 2024

Наше внимание привлекли находки, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, — два серебряных крестика древнерусского времени (ОАА ГЭ², кол. ЭРА.15, инв. № 204–205; КПГЭ.1953-1616/3, 8). До 1953 г. находки хранились в ГАИМК / ЛО ИИМК, но поразительным образом совершенно ускользнули от внимания М. К. Каргера и Г. Ф. Корзухиной, тщательно собиравших все, что касалось материальной культуры древнего Киева и особенно раскопок Старокиевской горы. Не обратили внимание на них и другие исследователи³. Найдены не имели каких-либо полевых шифров, но передаточная опись 1953 г. сохранила привязку к контексту погребения, а именно: «КД 17 яма погребения»⁴. Инвентарная книга коллекции дает дополнительные сведения о контексте: «Погребения, 17 яма, зап. ст., гл. до 1.50». Вероятнее всего, контекст находок был занесен в оба документа с несохранившейся упаковки (бумажного пакета)⁵. К этому же комплексу, судя по документации, относились также металлическое колечко и две бусины коллекции (ЭРА.15, инв. № 206–208).

Обращение к полевым дневникам Д. В. Милеева (Дневник № I «ДЦ 1908») позволило обнаружить погребение, которое полностью соответствовало обнаруженным данным. Оно было исследовано в 1908 г. в раскопе («яме») 17 — участке траншеи направлением север–юг (в осях храма), в 1,5 м к северу от сохранившегося фундамента второй от северо-восточного угла лопатки северной стены, на глубине немногим более 1 м от поверхности (Институт рукопису Національна бібліотека України ім. Г. В. Вернадського. Ф. 152. № 163.

² Отдел архитектурной археологии Гос. Эрмитажа.

³ Из одного из крестиков (ЭРА.15-205), наряду с другими предметами из эрмитажной коллекции древнерусской археологии, Р. С. Орловым в 1982 г. была отобрана проба металла для спектрального анализа (Акт ГЭ № 561 от 24.11.1982 г.), но результатов этих исследований пока не найдено. С. С. Рябцева опубликовала без комментариев и масштаба только подвеску-лунницу из этого комплекса (Львова и др., 1996. С. 204, рис. 6).

⁴ Опись содержит некоторые старые полевые номера, а также другие разнородные указания на происхождение, которые свидетельствуют о сборном характере коллекции (раскопки Десятинной церкви 1908 г., Софийского собора и усадьбы Трубецкого 1910 г., раскопки усадьбы Киевского губернского земства 1913 г.).

⁵ Некоторые камеральные пакеты из крафта с чернильным штампом «Киев. Десят. цер. 1908. №_» и похожими по содержанию рукописными надписями сохранились в коллекции.

Л. 38, 39) (рис. 1, 1). Погребение ориентировано головой на запад, строго в осях храма, верхняя часть скелета не исследована, поскольку уходила далеко в западный борт («зап. ст.») раскопа или вообще была разрушена. Правая верхняя часть скелета нарушена, кости руки и ребра не отмечены. С левой стороны кости руки и ребра частично сохранились. Сохранности и положению скелета соответствует фотография, которая показывает, что в западном борту был сделан подбой для исследования погребения, не давший результатов (рис. 2, 1) (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. П.83395, отп. О.2875.98). На черновом плане погребения в районе костей таза с северной стороны сделана выноска «2 крестика и бусы» (рис. 1, 2).

Это погребение, несмотря на находки, не упоминается ни в опубликованном отчете Д. В. Милеева за 1908 г. (Отчет ИАК за 1908 г., 1912), ни в газетных публикациях, подготовленных им и другими лицами в ходе раскопок (Известия ИАК, 1909). Можно предположить, что целый ряд богатых погребений X в., открытых в том же (первом) сезоне раскопок, а также резной шиферный саркофаг затмили это небольшое, но важное погребение. Анализируя дневники Д. В. Милеева, В. К. Козюба отметил это погребение и инвентарь в нем, но отнес его к позднесредневековому некрополю (Козюба, 2005. С. 204).

Стратиграфический разрез западного борта раскопа свидетельствует о том, что дно ямы погребения находится на глубине 1,25–1,50 м от поверхности начала XX в. Эта величина несколько меньше (приблизительно на 0,5 м), чем глубина ям саркофагов XI в. с восточной стороны церкви. Дно погребения примерно на 1 м выше подошвы фундамента церкви конца X в. Низ ямы слегка прорезает погребенную почву («плотный слой чернозема»), сохранившуюся на небольшом (около 3 м с севера на юг) участке между фундаментным рвом северной стены Десятинной церкви и рвом древнейшего киевского городища. Сама яма шириной 0,55 м и сохранившейся глубиной около 0,80 м прорезает залегающие на погребенной почве слои «серого чернозема» и «светлой глины» (те же слои, возможно, связанные с курганными насыпями, прорезают и ров городища). Сохранившийся верх ямы перекрыт слоем «мусора с известью» мощностью около 0,30 м, верх которого находился на глубине 0,45 м от поверхности. Этот слой может быть датирован промежутком от времени разрушения церкви до XIX в. Не исключено, что он относится к нивелировкам XVII в. или раскопкам 1826 г., срезавшим уровень запуска

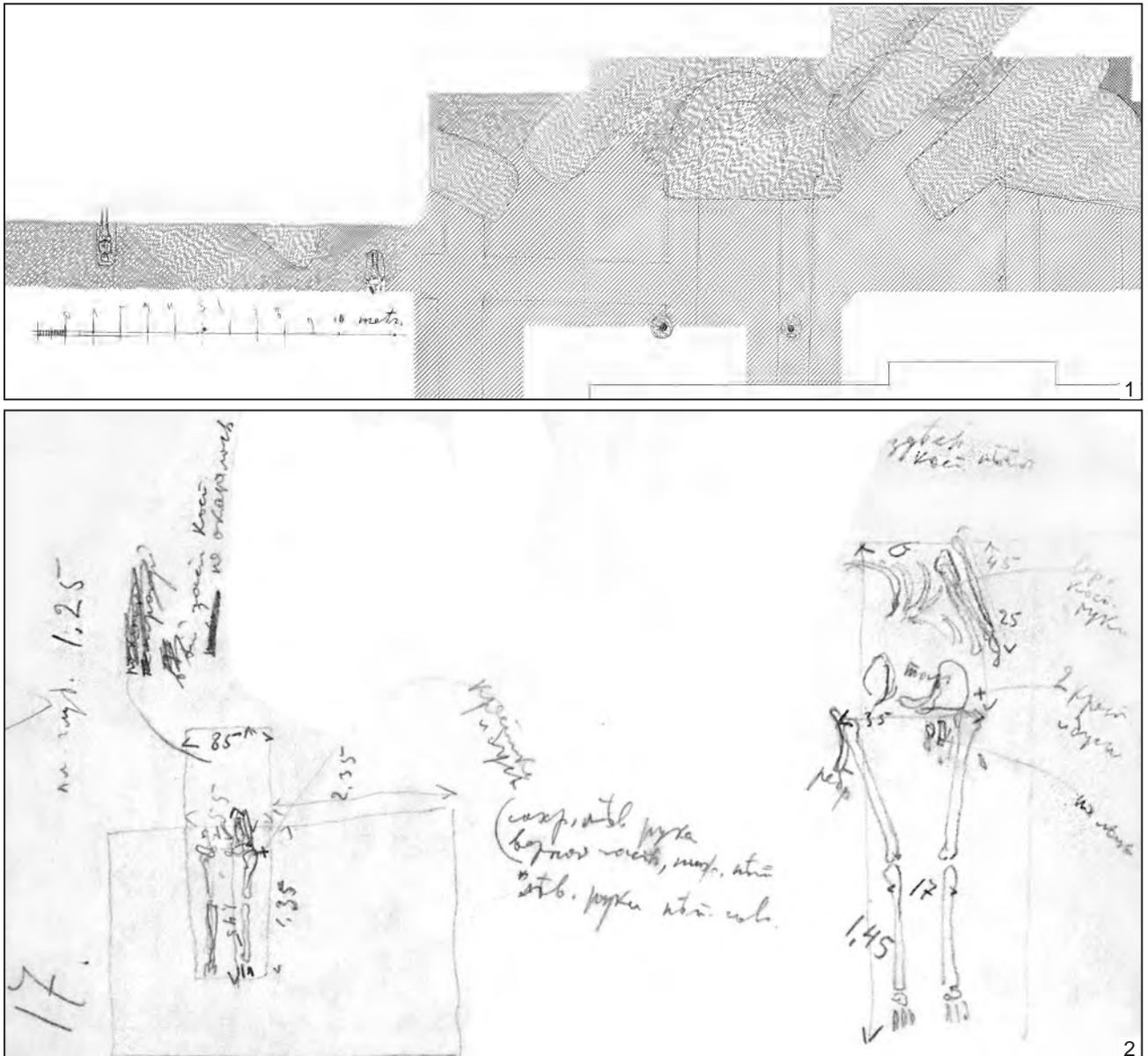

Рис. 1. Киев. Десятинная церковь. Раскопки ИАК 1908–1909 гг.: 1 — план на глубине до 1,5 м (фрагмент) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. Р-1. Д. 32. Л. 4); 2 — черновой план погребения в яме 17 (Институт рукопису НБУВ. Ф. 152. № 163. Л. 38)

Fig. 1. Kiev. The Church of the Tithes. The Imperial Archaeological Commission excavations of 1908–1909: 1 — plan at a depth of 1.5 m (fragment) (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. P-1. In. 32. Sh. 4); 2 — draft plan of the burial in pit 17 (Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine. A.G. 152. № 163. Sh. 38)

погребения. Перебеленный сводный стратиграфический разрез западного борта всей траншеи 1908 г., которая пересекла с севера на юг не только всю церковь, но и древний ров⁶, запутывает картину: по нему выходит, что южная часть ямы погребения впущена в слои, перекрывающие разобранные кладки фундамента храма; в этом случае погребение должно относиться к периоду после разрушения

⁶ Этот разрез был впервые опубликован М. К. Каргером (Каргер, 1950. С. 95).

церкви (НА ИИМК РАН. РО. Ф. Р-1. Д. 32. Л. 10) (рис. 2, 2). Однако дневниковый полевой чертеж разреза никак на это не указывает, кроме того, следует учесть нарушенный характер южной части погребения как раз в области борта раскопа (рис. 2, 3). Полагаем, что здесь произошла обычная путаница в интерпретации слоев при сведении разрезов бортов разных участков, раскопанных по отдельности. В целом стратиграфические данные не позволяют уточнить датировку погребения, но не исключают его домонгольского происхождения.

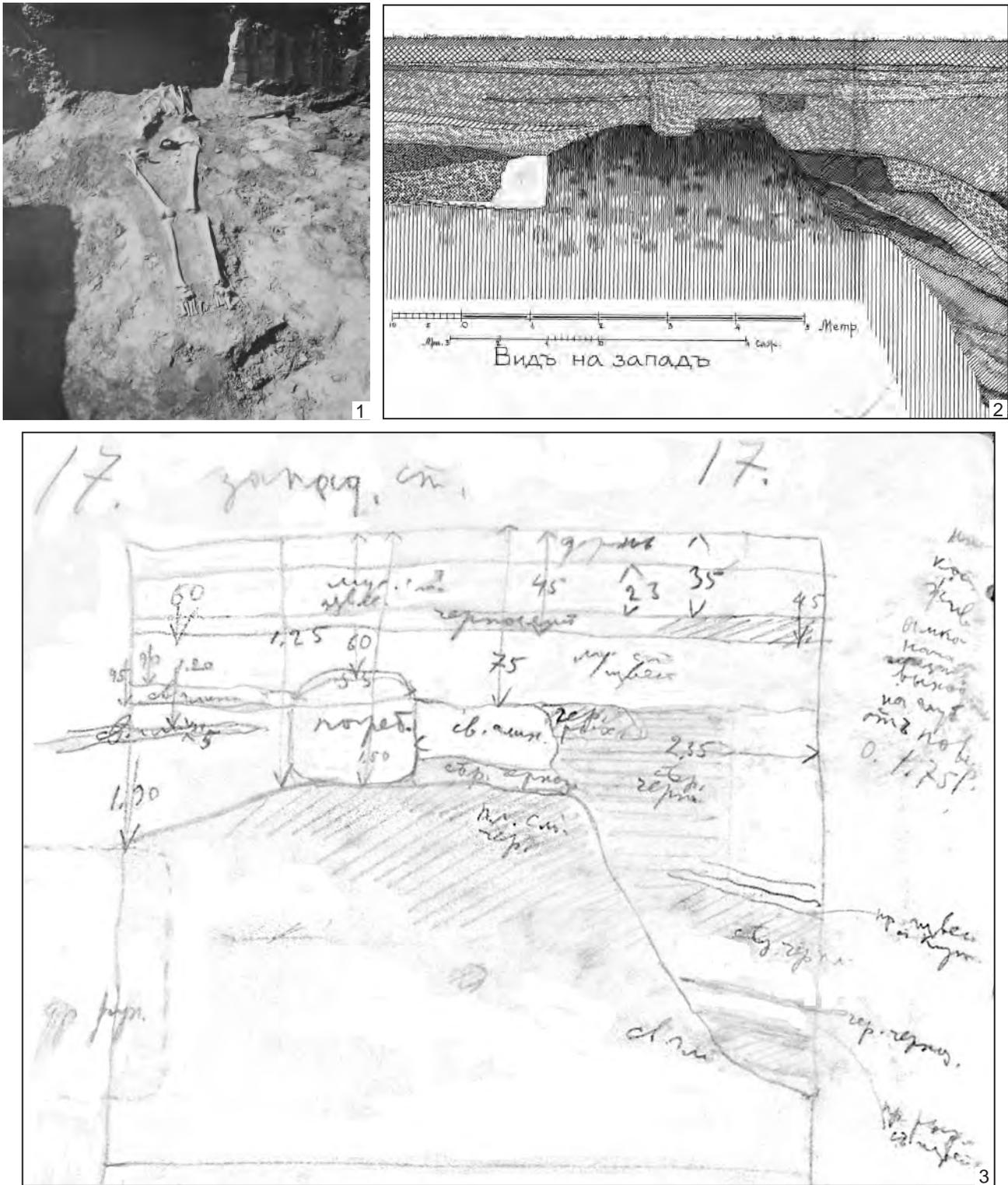

Рис. 2. Киев. Десятинная церковь. Раскопки ИАК 1908 г.: 1 — фотография погребения в яме 17, вид с востока (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 83395. Отп. О.2875.98); 2 — чертёж западного борта траншеи (фрагмент) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. Р-1. Д. 32. Л. 10); 3 — черновой разрез западного борта ямы 17 (Институт рукопису НБУВ. Ф. 152. № 163. Л. 38об.)
 Fig. 2. Kiev. The Church of the Tithes. The Imperial Archaeological Commission excavations of 1908: 1 — photograph of the burial in pit 17, view from the east (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. II 83395. Print O.2875.98); 2 — drawing of the western side of the trench (fragment) (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. P-1. In. 32. Sh. 10); 3 — draft section of the western side of pit 17 (Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine. A.G. 152. № 163. Sh. 38 rev.)

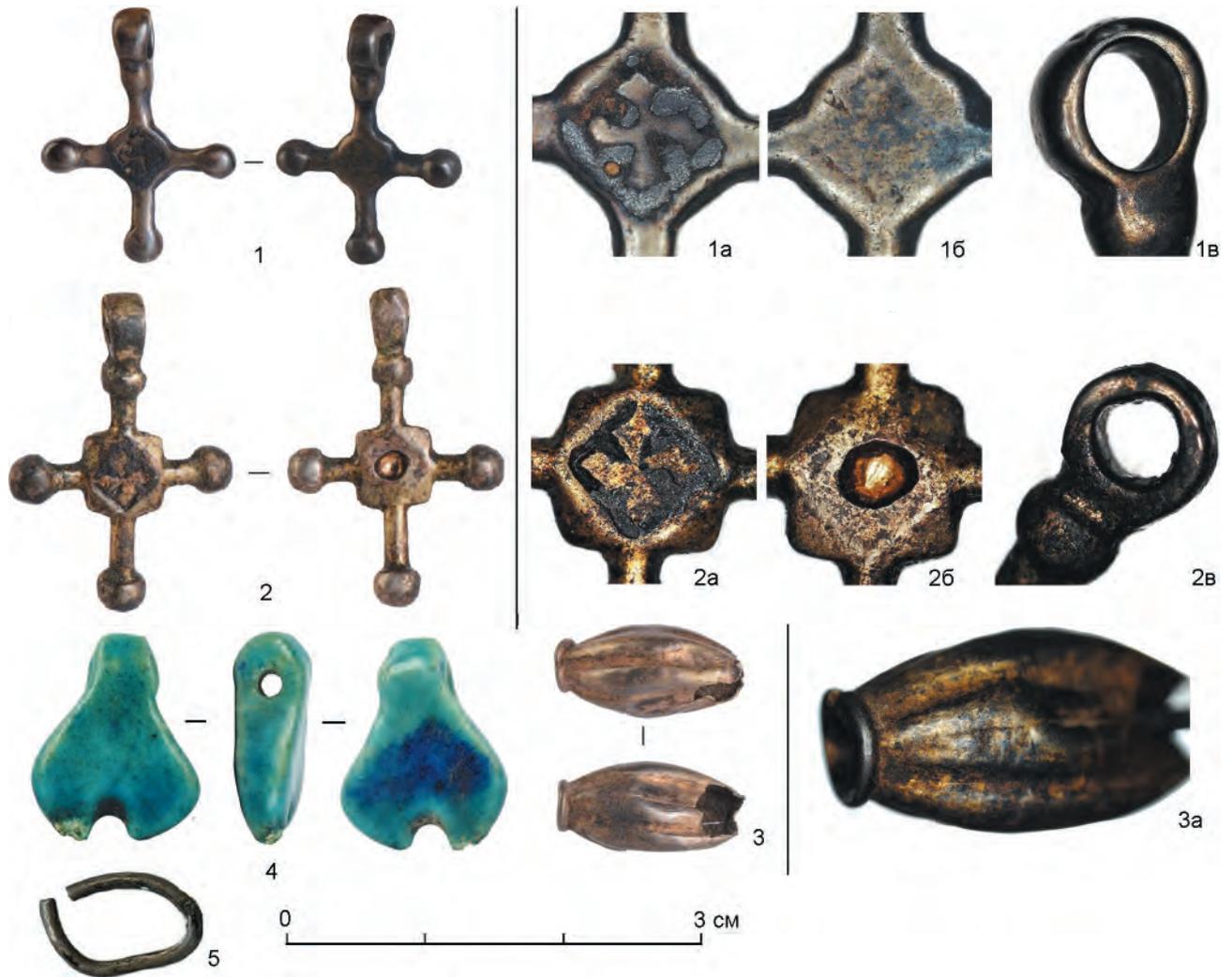

Рис. 3. Киев. Десятинная церковь. Инвентарь погребения в яме 17: 1, 1а-1в, 2, 2а-2в — нательные крестики (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-204 (1, 1а-1в); ЭРА.15-205 (2, 2а-2в)); 3, 3а — бусина (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-206); 4 — подвеска-лунница (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-208); 5 — проволочное колечко (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-207). 1 — серебро, чернь; 2 — серебро, чернь, золочение; 3 — серебро, золочение; 4 — кашин (?), глазурь; 5 — серебро. 1-5 — фото А. Ю. Кононович; позиции с литерами а-в — макросъемка деталей соответствующих предметов, без масштаба, фото Д. Д. Ёлшина

Fig. 3. Kiev. The Church of the Tithes. Inventory of the burial in pit 17: 1, 1a-1b, 2, 2a-2b — neck crosses (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-204 (1, 1a-1b); ЭРА.15-205 (2, 2a-2b)); 3, 3a — a bead (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-206); 4 — a moon-shaped pendant (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-208); 5 — a wire ring (ГЭ. Инв. № ЭРА.15-207). 1 — silver, niello; 2 — silver, niello, gilding; 3 — silver, gilding; 4 — kashin (?), glaze; 5 — silver. 1-5 — photo by A. Yu. Kononovich; positions with letters a-b are macrophotographs of details of the corresponding items, no scale, photo by D. D. Jolshin

В пользу этого свидетельствует расположение погребения (у северной стены), но еще в большей степени — находки, обнаруженные *in situ*. В передаточной описи предметы описаны как «связка из 2-х серебр. крестиков, пастовой и металлической бусин, колечка». На рисунке скелета все пять предметов отмечены крестиком у левой бедренной кости. Можно предположить, что находки входили в состав ожерелья.

Два небольших серебряных крестика относятся к группе крестов с фигурным средокрестием и шариками на концах (рис. 3, 1, 1, 1а-1в, 2, 2а-2в). Один из них (ЭРА.15-205; размеры 2,1 × 1,4 см) имеет квадратное в плане средокрестие, на лицевой стороне которого на рельефно выделенной ромбовидной площадке в небольшом углублении на черневом фоне дано литое изображение креста с ромбовидными лопастями; на оборотной

гладкой стороне тоже просматривается рельефно выделенная ромбовидная площадка, на которой есть след от пробы металла, взятой Р. С. Орловым. Ромбовидные площадки придают средокрестию в целом вид многогранника. Лопасты, круглые в сечении, оканчиваются шариками. Второй крестик (ЭРА.15-204; размеры 1,6 × 1,2 см) имеет ромбовидное средокрестие, на лицевой стороне которого в ромбовидном же углублении на черневом фоне дано литое изображение креста с расширяющимися лопастями; оборотная гладкая сторона тоже слегка углублена. Лопасты, округлые в сечении, имеют шаровидные окончания. Оба креста имеют широкое ушко для подвешивания в виде кольца.

Кресты с фигурным средокрестием являются одним из самых многочисленных видов нательных крестов древнерусского периода, который был распространен на всей территории Древнерусского государства в XII–XIII вв. Эта большая группа крестов, отлитых в основном из медных сплавов, подразделяется на несколько типов на основании формы средокрестия, окончания лопастей и вариантов декора. Внутри каждого типа выделяются серийные изделия, то есть крестики, отлитые условно из одной формы или сделанные по одному образцу. Однако абсолютно аналогичных изделий рассматриваемым здесь крестам среди них выявить не удалось. Крестик с квадратным в плане средокрестием прямых аналогий не найдено, но его ромбовидные декорированные площадки (вместе с другими общими признаками) очень сближают его со вторым крестиком (с ромбовидным средокрестием) из этого же погребения.

Самыми близкими по стилистике (имеющими ромбовидное средокрестие) являются два серебряных с позолотой крестика из коллекции Музея исторических драгоценностей Украины (МИДУ), отнесенные Н. Малюк к составуклада, обнаруженного в подземном тайнике в центральном нефе Десятинной церкви⁷ при раскопках М. К. Каргера 1939 г. (Малюк, 2017. С. 185, 186). Первый крестик (размеры 2,00 × 1,25 см) имеет на лицевой стороне в ромбовидном средокрестии равносторонний крест с расширяющимися треугольными завершениями лопастей на фоне

⁷ Действительно, в «Дневнике раскопок на территории Десятинной церкви. Киевская археологическая экспедиция 1939 г.» Г. Ф. Корзухиной упоминаются «два маленьких бронзовых тельника», найденных 31.07.1939 г. при просеивании грунта из тайника (НА ИА НАНУ. Ф. 20. Д. 60. Л. 37).

черни; оборотная сторона гладкая. Второй (размеры 2,1 × 1,3 см) имеет на одной стороне в ромбовидном средокрестии вписанное в круг изображение равностороннего креста с расширяющимися закругленными лопастями на фоне черни, на оборотной стороне в средокрестии нанесено инкрустированное изображение креста, дополненного каплевидными элементами (*Там же*. Табл. XXIII. Клад II). У обоих ушко для подвешивания вытянутой узкой формы.

Приведенные киевские находки отличаются от общей массы крестов с фигурным средокрестием тем, что выполнены из серебра и украшены изображением креста с применением черни. За пределами Киева удалось выявить еще пять крестов, отлитых из золота и серебра, но имеющих квадратное средокрестие, которые можно считать относительно близкими аналогиями рассматриваемым предметам⁸. К сожалению, кресты в этой группе не имеют археологического контекста и датированы по аналогиям: золотой крест из Сконе — по аналогиям псевдожемчужному кольцу, к которому он подвешен (1200-е гг.), крест из Черниговскогоклада — по составу входящих в него предметов (XII–XIII вв.) (*Lindahl*, 1978. S. 14, 15; *Новаковская-Бухман*, 2010). Таким образом, мы можем предположить, что киевские находки входят в группу крестов, дата бытования которых может быть широко определена домонгольским периодом.

Металлическая бусина (ЭРА.15-206; размеры 1,3 × 0,7 см) имеет многочисленные аналогии среди древнерусского материала и может быть широко датирована XI–XV вв. (рис. 3, 3, 3а).

В отделе научно-технологической экспертизы Гос. Эрмитажа⁹ было выполнено определение состава металлических предметов из погребения (табл.). Редких металлов-маркеров не выявлено. У крестика ЭРА.15-205 и у бусины выявлены следы золочения (ртуть), у крестика ЭРА.15-205 — высокий уровень меди в сплаве с серебром.

⁸ Куликово поле, подъемный материал (ГК. № 6588127); Кораблино (Рязанский р-н., Рязанская обл.), яма с древнерусским материалом (сообщение автора раскопок И. В. Белоцерковской) (ГК. № 18641339); Сконе (Швеция), случайная находка в земле на кладбище, 1200-е гг. (*Lindahl*, 1978. S. 15, fig. 13); Чернигов, клад, собрание М. П. Боткина (*Новаковская-Бухман*, 2010); Северный Йоркшир, случайная находка (Британский музей, № SWYOR-9AC708).

⁹ Определение состава металла выполнил мл. науч. сотрудник отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа Д. С. Прокуратов с помощью микрорентгенофлуоресцентного (микро-РФА) спектрометра («Артакс»).

Таблица. Киев. Десятинная церковь. Раскопки 1908 г. Химический состав металлических находок из погребения в яме 17

Table. Kiev. The Church of the Tithes. Excavations of 1908. Chemical composition of metal finds from the burial in pit 17

Находка	Масса, г	Элемент, массовая доля, %					
		Ag	Cu	Pb	Au	Hg	Zn
Крестик ЭРА.15-204	0,75	Основа	4,00	0,85	1,67	–	<1
Крестик ЭРА.15-205	1,29	Основа	32,70	2,90	–	+ (золочение)	–
Бусина ЭРА.15-206	0,35	Основа	2,00	0,40	–	+ (золочение)	–

Особый интерес представляет бусина, запечатанная в музейной документации как пастовая (ЭРА.15-208; размеры 1,5 × 1,2 см) (рис. 3, 4). Бусина бирюзового цвета с большими областями темно-синего имеет форму лунницы. В древнерусское время известны металлические и стеклянные лунницы, наиболее ранние экземпляры из стекла датируются салтовским временем, но они отличаются от рассматриваемой подвески формой (см., например: Старая Ладога..., 2003. Кат. 190). Ближе киевской подвеске более поздние аналогии. Пока удалось выявить восемь подобных изделий. С территории Древней Руси происходит лишь одна подобная находка — кашинная «подвеска сложной подтреугольной формы» с синей кобальтовой глазурью из Нижнего Новгорода, где она была найдена в яме с поливной керамикой золотоордынского времени, датируемая исследователями XIII–XIV вв. (Коваль, 2010. С. 180, ил. 75, 9). Другие аналогии, тоже выполненные из кашина и покрытые глазурью, происходят из Северной Осетии: одна — из склепа 4 могильника Лац, где контекст указывает на семейную усыпальницу длительного бытования, дата исследователями приведена для всего склепа в пределах XIII–XV вв. (ГЭ. Инв. № КЗ-7569; Нечаева, 2021. С. 174, 175). Пять подвесок происходят из Змейского могильника, тоже в Северной Осетии. Три подвески были найдены в катакомбе 6, две — в погребениях 151 и 188 (Леонтьева, 2018. Рис. 4, 25–30). Исследователи памятника посвятили отдельную статью теме кашинных изделий могильника, в которой относят погребения и катакомбы с такими предметами к переходному периоду, предшествующему золотоордынскому, датируя их XIII–XIV вв. (Там же. С. 56–70).

Исследование киевской подвески-лунницы, проведенное с использованием сканирующего электронного микроскопа, определило следующие компоненты бирюзовой глазури (в %): Si₂O₃ — 70,40–70,90; Al₂O₃ — 6,20–10,40; Na₂O — 3,70–5,50; K₂O — 6,60–8,10; CuO — 6,30–8,10;

CaO — 1,03–1,08; Fe₂O₃ — 0,22–0,23. На участках глазури темно-синего цвета исследование выявило использование в качестве пигмента кобальта¹⁰. На основании аналогий, особенно нижегородской, можно полагать, что и киевская находка изготовлена из кашина и является восточным импорт.

Таким образом, учитывая круг аналогий найденным в погребении предметам, можно говорить о том, что период их сосуществования приходится, вероятно, на конец XII — XIII в., именно этим временем допустимо датировать и само погребение. Учитывая аналогию из тайника Десятинной церкви, можно предполагать, что датировка погребения также близка времени монголо-татарского нашествия.

Сохранившийся инвентарь (отметим еще раз, что западная часть погребения была нарушена) позволяет осторожно предполагать, что рассмотренное погребение — женское. В летописи упоминаются только шесть наиболее значительных княжеских погребений в Десятинной церкви — Владимира и Анны, перезахоронение Ярополка и Олега Святославичей, Изяслава Ярославича и Ростислава Мстиславича, все — в XI в., последнее — под 1093 г. Почти все известные погребения были совершены в саркофагах внутри и снаружи церкви. Погребение у северо-восточного угла Десятинной церкви оказывается, вероятно, самым поздним из захоронений домонгольского некрополя; дорогие ювелирные изделия указывают на высокий статус, тем не менее погребение совершено не в саркофаге и на небольшой глубине. Помимо этого следует заключить, что при всей сложной судьбе и значительной депаспортизации предметов научный потенциал археологических коллекций начала XX в. еще далеко не исчерпан.

¹⁰ Использовался сканирующий электронный микроскоп EVO MA25, наличие кобальта выявлено РФА «Артэкс».

- Архипова*, 2012 — *Архипова Е. И.* Архитектурный декор Десятинной церкви (Проблемы и предварительные итоги изучения) // ТГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, Т. 65: Первые каменные храмы Древней Руси. 2012. С. 6–33.
- Архипова*, 2015 — *Архипова Е. И.* Саркофаг князя Володимира Святославича: історія пошуків і атрибуція // *Opus Mixtum*. Київ, 2015. № 3. С. 7–26.
- Берлинский*, 1830 — *Берлинский М. М.* О Десятинной церкви в Киеве // Труды и летописи Общества истории и древностей Российских. М.: В унив. тип., 1830. Ч. V, кн. 1. С. 106–123.
- Вельмин*, 1910 — *Вельмин С. П.* Археологические изыскания Императорской Археологической комиссии в 1908 и 1909 годах на территории Древнего Киева // Военно-исторический вестник. Киев, 1910. № 7–8. С. 1–33.
- Ёлишин*, 2019 — *Ёлишин Д. Д.* Глава XII. Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 2. С. 1202–1236.
- Известия ИАК*, 1909 — Раскопки в Киеве летом 1908 года (свод газетных известий) // Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 31 (Хроника и библиография; Вып. 15). СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909. С. 68–83.
- Каргер*, 1940а — *Каргер М. К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 12–20.
- Каргер*, 1940б — *Каргер М. К.* К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // КСИИМК. 1940. Вып. 7. С. 76–80.
- Каргер*, 1950 — *Каргер М. К.* Археологические исследования Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 252 с.
- Коваль*, 2010 — *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Козюба*, 2005 — *Козюба В. К.* Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілеєва) // *Ruthenica*. Київ, 2005. Т. IV. С. 169–214.
- Козюба*, 2021 — *Козюба В. К.* Цвинтар XI–XII століть біля Десятинної церкви // *Opus Mixtum*. Київ, 2021. № 9. 2021. С. 61–74.
- Леонтьева*, 2018 — *Леонтьева А. С.* Кашинные изделия в погребениях Змейского катакомбного могильника // *Поволжская археология*. 2018. № 4. С. 56–70.
- Львова и др.*, 1996 — *Львова З. А., Лесман Ю. М., Рябцева С. С.* Каталог. Намисто // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення / Науч. ред. П. П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 204.
- Малюк*, 2017 — *Малюк Н. И.* Ювелирные изделия древнерусских кладов в фондах Музея исторических драгоценностей Украины // *Opus Mixtum*. Київ, 2017. № 5. С. 183–197.
- Нечаева*, 2021 — *Нечаева Л. Г.* Происхождение осетин (по данным погребальных сооружений). СПб.: Изд-во «Росток», 2021. 240 с.
- Новаковская-Бухман*, 2010 — *Новаковская-Бухман С. М.* Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. К 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Ред.-сост. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 221–244.
- Отчет ИАК за 1908 г., 1912 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1908 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1912. 226 с.
- Старая Ладога...*, 2003 — *Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 189 с.
- Lindahl*, 1978 — *Lindahl F.* Dagmarkorset — endnu engang // *Nationalmuseets Arbejdsmark* / Ed. Henning Dehn-Nielsen. København: Nationalmuseet, 1978. S. 5–16.

Unpublished burial of the 12th–13th centuries from the excavations of the Church of the Tithes in Kiev, 1908 (according to the materials of the State Hermitage Museum collection and field documentation by D. V. Mileyev)

D. D. Jolshin, A. Yu. Kononovich, D. S. Prokuratov¹¹

Keywords: cross, jewelry, Old Rus', necropolis, kashin (stonepaste), moon-shaped pendant.

The article presents the results of an archival and museum study that revealed and described an unpublished burial excavated in 1908 by the Imperial Archaeological Commission (D. V. Mileyev) in Kiev near the ancient Church of the Tithes. The transfer inventory of finds sent to the State Hermitage Museum from the Leningrad Branch of the

¹¹ Denis D. Jolshin, Anastasia Yu. Kononovich, Denis S. Prokuratov — State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: jolshin.denis@gmail.com, kononovich.a.u@gmail.com, denisprokuratov@gmail.com.

Institute for the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR in 1953, preserved information on the provenance of several objects from the burial (two crosses, a ring and two beads). The composition of the finds, the area number and other details allowed to accurately compare the inventory with the burial recorded in the field documentation of 1908 (diary drawings and a field photograph). The flat-grave burial was located to the north of the second, from the north-eastern corner, section of the northern outer wall of the church, between the wall and the backfilled moat of the preceding medieval fortified site. The burial was orientated to the south-west (in the axis of the church), the upper part of the skeleton was not preserved. The burial was discovered shallowly from the surface (1.25–1.50 m). The neck crosses are minuscule, silver (one of them with gilding), with a square and diamond-shaped mediastinum and balls at the ends, in the mediastinum of both — Greek crosses with expanding arms on the background of niello. Known analogies are dated 12th–13th cen., the closest ones belong to the hoard of the 13th cen. in the hideout under the Church of the Tithes. The bluish turquoise bead in the form of a moon-shaped pendant made, apparently, of kashin (stonepaste) is an Eastern import, its material and form find analogies in the burial grounds from North Ossetia (Zmeysky, Lats), dated 13th–15th cen. The dating of items from the burial allows us attribute it to the end of the 12th — first half of the 13th cen. Other burials of the Church of the Tithes necropolis are made in stone or wooden sarcophagi, and the chronicle does not mention burials later than the end of the 11th cen. The described burial appears to be the latest pre-Mongolian one, it was made in a ground pit, but nevertheless it is of sufficient status, because it was made at the very wall of the temple and accompanied by objects of precious metals.

Об атрибуции «кацеи XII в. из Изяславля»¹

А. А. Пескова²

Аннотация. Цель настоящего исследования — проанализировать в свете собранных новых данных две находки из раскопанного М. К. Каргером гипотетического «Изяславля»: крышку ручной кадьльницы (кацеи) (1960 г.) и чашу другой кацеи (1961 г.), акцентируя внимание на том, что это части разных кадьльниц.

Ключевые слова: ручные кадьльницы (кацеи), цепедержатели, художественное культовое литье, Византия, Русь, Херсонес.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-182-192

В процессе раскопок на территории окольного города Большого Шепетовского городища³ в разные годы были обнаружены на большом расстоянии друг от друга (около 100 м) и на разной глубине (0,2 и 0,4 м) крышка от ручной кадьльницы (кацеи) (экспедиционный инв. № ГП-60/212) и чаша другой кацеи (экспедиционный инв. № ГП-61/1) (рис. 1).

Обе находки поступили на постоянное хранение в Гос. Эрмитаж и в 1983 г. были впервые опубликованы как один экспонат в каталоге эрмитажной выставки материалов из раскопок древнерусского городища близ Шепетовки (гипотетического летописного города «Изяславля»), датированный серединой XII — первой половиной XIII в. (Миролюбов, 1983. С. 20, 53, 54, кат. № 242)⁴. В каталоге 1988 г. чаша и крышка уже рассматривались как относящиеся к двум разным ручным

кадьльницам (Миролюбов, 1988. С. 386, кат. № 266, 267, фото на с. 200; Иоаннисян и др., 1988. С. 373), но здесь оба предмета были ошибочно указаны под одним экспедиционным инвентарным номером ГП-61/1.

В 1995 г. вышла статья «Кацея XII века из Изяславля», где был дан развернутый и детальный анализ и чаши, и крышки и отмечалось, что предметы были найдены в разные годы, и лишь «позднее, уже в ЛОИА, они были механически соединены друг с другом» (Банк, Залесская, 1995. С. 80). Иконографический и стилистический анализ этих предметов привел исследователей к выводу, что они могли быть изготовлены не ранее XII в., не исключая возможности отливки и в начале XIII в. по старым матрицам, при этом чаша была выполнена скорее византийским мастером, а крышка — древнерусским по византийскому образцу (Там же. С. 80–87, ил. 44, 52–56). Обе находки с такой же атрибуцией и, к сожалению, вновь под одним каталожным номером вошли в каталог эрмитажной коллекции памятников византийского художественного металла IX–XV вв., хотя вновь подчеркивалось, что эти предметы были соединены когда-то ошибочно (Залесская, 2021. С. 116, 117, кат. № 158).

Правильная атрибуция чаши и крышки кацеи как частей, относящихся к разным ручным кадьльницам, предложенная в каталоге 1988 г. и в статье 1995 г., повторялась и в более поздних каталогах различных выставок, но всякий раз их публиковали под одним каталожным номером (Томсинский, 2000. С. 115, 116, кат. № В-94 а, б; Tomsinskiĭ, 2010; Tomsinskiy, 2011), что сформировало

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры; С.-Петербург, Россия; e-mail: peskovaaa@rambler.ru.

³ Древнерусское городище у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл., Украина, полностью раскопанное под руководством М. К. Каргера в 1957–1964 гг.

⁴ Экспедиционный инвентарный номер чаши здесь указан неверно: ГП-60/1 вместо ГП-61/1.

© Пескова А. А., 2024

у пользователей каталогов устойчиво ложное представление о них как о составных частях одного предмета, и в такой трактовке они поныне переходят из одной публикации в другую (*Игошев*, 2015. С. 118, 119, рис. 14; *Преображенский*, 2019. С. 556, 557, ил. 743).

Существенных расхождений по поводу датировки этих находок — в основном в диапазоне XII–XIII вв. — у исследователей не возникало; относительно места изготовления высказывались различные предположения: на Руси с использованием привозных византийских форм (*Миролюбов*, 1988. С. 386; *Иоаннисян и др.*, 1988. С. 373), в Византии (чаша кацеи), на Руси по византийскому образцу (крышка кацеи) (*Банк, Залесская*, 1995. С. 80–87; *Залесская*, 2021. С. 116, 117), на Руси по модели византийско-киевских мастеров (*Коваленко, Пуцко*, 1995. С. 84, 85), в Восточном Средиземноморье (*Игошев*, 2015. С. 118, 119).

Чтобы не оставалось сомнений в том, что обсуждаемые чаша и крышка относятся к разным ручным кадилницам, достаточно обратить внимание, во-первых, на их параметры (диаметр крышки — 10,5 см — заметно превышает диаметр чаши — 9 см), во-вторых — на конструктивные особенности. Дело в том, что и на чаше, и на крышке присутствуют дублирующие друг друга элементы шарнирного крепления, поэтому они никак не могли быть соединены «механически». Есть и другие признаки, указывающие на то, что это отдельные памятники культового литья, восходящие к разным моделям, для выявления которых следует обратиться к более подробному рассмотрению обсуждаемых предметов.

Чаша кацеи представляет собой низкий сосуд полусферической формы на кольцевом поддоне с горизонтально отогнутым краем, отлитый из медного сплава вместе с выступающим сбоку фигурным щитком (полкой)⁵ (рис. 1, 1). На корпусе чаши, как внутри, так и снаружи, видны круговые следы обтачивания, горизонтальный край чаши также декорирован углубленными концентрическими линиями. Щиток украшен литым рельефным поясным изображением Христа Вседержителя, держащего левой рукой Евангелие, правой — благословляющего; по сторонам

⁵ Экспедиционный инв. № ГП-61/1; инв. № в Гос. Эрмитаже — ЭРА-34/3018. Размеры чаши: диаметр внешний — 9,0 см, внутренний — 6,5 см, кольцевого поддона — 3,0 см; высота — 2,6 см. Размеры ручки: длина сохранившейся части — 8,0 см, ширина — 1,1–1,2 см, толщина — 0,2 см; размеры петель: 1,2 × 0,9 см.

от нимба видны буквы под прямыми титлами IC XC; образ Христа вписан в прямоугольную рамку, отмеченную углубленной линией. На щитке есть два одинаковых сквозных отверстия (одно в основании щитка, другое на его конце), используемых для прикрепления сверху крышки, а снизу — длинной уплощенной ручки, значительная обломившаяся часть которой, выступавшая некогда за пределы щитка, не сохранилась. Но сохранились две прямоугольной формы пластинчатые петли, предназначенные для шарнирного соединения их с петлей крышки. Эти пластинчатые петли имеют общее короткое основание (в целом напоминают пластинчатую скобу с боковыми отверстиями), утвержденное на конце круглого в сечении стержня, который служит соединяющим элементом — свободным концом он пропущен сквозь отверстия в основании щитка и ручке под ним и расклепан. В отверстиях на обломанном конце щитка заклепка не сохранилась, так как и ручка оказалась обломана именно в этом месте. На дне корпуса чаши есть утраты металла.

К моменту написания статьи 1995 г. была известна только одна аналогичная чаша кацеи, происходящая из раскопок храма «с ковчегом» в Херсонесе, 1954 г. (рис. 2, б)⁶, близкая «изяславльской» настолько, что исследователи допускали возможность их изготовления по одной модели; отмечалось также, что их сходство «является основанием для установления связей древнерусского Изяславля и византийского Херсонеса, или, что менее вероятно, для поиска объединяющего их центра» (*Банк, Залесская*, 1995. С. 81, ил. 44, 45). В том же году был опубликован небольшой очень плохой сохранности фрагмент щитка кацеи с рельефным поясным изображением Христа Вседержителя, происходящий из разрушенного культурного слоя на Подоле древнего Чернигова, отнесенный к тому же кругу византийско-киевских изделий начала XIII в. (*Коваленко, Пуцко*, 1995. С. 83–86, рис. 1) (рис. 2, 3). Наконец, в 2022 г. была опубликована еще одна целая кацея, чаша которой могла быть отлита по той же модели (насколько об этом можно судить по фотографии); особенно важно, что у нее сохранились и ажурная крышка, и длинная тонкая уплощенная ручка, такая же, как у «изяславльской» чаши; где была найдена эта кацея — неизвестно, но можно предположить, что где-то в западных землях древней Руси, поскольку

⁶ НЗХТ, № 27/36505; размеры: диаметр чаши — 8,7–9,0 см, высота — 1,8–2,3 см, длина — 15,0–15,2 см (здесь приведены размеры по разным каталогам).

Рис. 1. Чаша и крышка от ручных кадилниц (кацей) из раскопок «Изяславля»: 1 — чаша кацей (1961 г.); 2 — крышка кацей (1960 г.). Фото А. Ю. Кононович

Fig. 1. Bowl and lid of manual censers (*katseya*) from the excavations of “Izyaslavl”: 1 — bowl of *katseya* (1961); 2 — lid of a *katseya* (1960). Photo by A. Yu. Kononovich

Рис. 2. Кацей с квадрифолийными щитками (1–5, 7 — найденные на Руси; 6 — в Херсонесе): 1 — Селище под Черниговом (Кузнецов, Ситий, 1992. Рис. 2, 4); 2 — Триполье Киевского уезда и губернии (Ханенко В., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 312); 3 — Чернигов (Коваленко, Пуцко, 1995. Рис. 1); 4 — Киев, Флорова гора (Древности Приднепровья..., 1902. Табл. XII, 247); 5 — «Изяславль» (ИА ИИМК РАН. ФО. О.2573.68); 6 — Херсонес (Византийский Херсон, 1991. Кат. № 92); 7 — Национальный исторический музей Республики Беларусь (URL: <http://histmuseum.by/by/collections/museum-treasure-trove/treasure-trove-0368/>. Дата обращения 03.03.2024)

Fig. 2. *Katseya* with quadrifoliate flaps (1–5, 7 — found in Russia; 6 — found in Chersonesos): 1 — Settlement near Chernigov (Кузнецов, Ситий, 1992. Рис. 2, 4); 2 — Tripolye of Kiev uyezd and province (Ханенко В., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 312); 3 — Chernigov (Коваленко, Пуцко, 1995. Рис. 1); 4 — Kiev, Florova Gora (Древности Приднепровья..., 1902. Табл. XII, 247); 5 — “Izyaslavl” (SA ИИМК RAS. Photo Dep. Print O.2573.68); 6 — Chersonesos (Византийский Херсон, 1991. Кат. № 92); 7 — the National Historical Museum of the Republic of Belarus (URL: <http://histmuseum.by/by/collections/museum-treasure-trove/treasure-trove-0368/>. Accessed 03.03.2024)

хранится она в Минске в Национальном историческом музее Республики Беларусь (НИМ РБ) (Архипова, 2022. С. 138, ил. 7, 4) (рис. 2, 7).

Херсонесская чаша кацеи отличается от чаш из музея в Минске и из раскопок Шепетовского городища только наличием дополнительного декора — косых насечек по краю, которые рассматривались первыми ее исследователями как имитация зубчато-волнистого оформления, характерного для херсонесских кацей с круглыми щитками (как «упрощенная копия этих волн в форме нарезок») (Банк, Залесская, 1995. С. 81, 82, ил. 46–49). Такое уподобление выглядит малоубедительным, к тому же в этом плане можно найти и более близкие и прямые аналогии — на Руси прослеживается устойчивая и широко распространенная традиция украшать точно такими частыми косыми насечками края крестов-энколпионов черневой и рельефно-черневой групп, в основном на памятниках второй половины XI–XII вв. (Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 48–104).

По форме характерного фигурного щитка с боковыми полукружиями (лепестками) и прямо- и остроугольными выступами между ними, с вписанным в него прямоугольным полем, на котором размещается рельефное изображение святого, к названным четырем памятникам художественного литья близки еще четыре древнерусские находки чаш с сохранившимися щитками (из 14 известных⁷) (рис. 2, 1, 2, 4). Эта характерная форма отдаленно напоминает квадрифолий с усеченными и несколько видоизмененными верхним и нижним полукружиями. Один из них, найденный в с. Триполье Киевского уезда одноименной губернии, украшен рельефным лицевым изображением неизвестного святого, предположительно Георгия (?) (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 312) (рис. 2, 2); другой, с поселения Селище в Черниговском Полесье, — изображением птиц у Древа жизни (Кузнецов, Ситий, 1992. С. 35, 36, рис. 2, 4; Веремейчик, 2010. С. 350, рис. 5, 5) (рис. 2, 1); третий — случайная находка на Флоровой горе в Киеве — концентрическими кругами (Древности Приднепровья..., 1902. С. 32, табл. XII, 247) (рис. 2, 4); четвертый,

⁷ Всего на древнерусской территории удалось выявить к настоящему времени 20 находок разных частей ручных кадилиц (целых и фрагментов), в том числе 14 экз. с сохранившимися, хотя бы частично, щитками. Таким образом, кацеи с квадрифолийными щитками составляют половину из них, другая половина представлена на шестью овальными щитками и одним круглым.

неизвестного происхождения из частного собрания — рельефным изображением предположительно Сил бесплотных (Серафима?) (Спасёных, 2016. С. 28, рис. Д). Вне пределов древнерусской территории кацеи со щитками такой формы пока не обнаружены, за исключением уже упомянутой находки 1954 г. в Херсонесе.

Из 14 учтенных по публикациям древнерусских находок чаш со щитками или их фрагментов квадрифолийные составляют половину, другая половина представлена шестью экземплярами с овальными щитками, происходящими из Киева и его окружи (Древности Приднепровья..., 1907. С. 42, табл. XL, 596; Боровский, Калюк, 1993. С. 38, рис. 30, 3; Готун, Казимир, 2010. С. 102, рис. 2, 6; Архипова, 2022. С. 138, ил. 7, 2), из Галича (Фиголь, 1997. С. 223, цв. фото на с. 158) и Дрогичина (Альбом достопримечательностей..., 1915. Табл. XIII, 3), и одним круглым щитком — с Западного городища (древнего Заруба) у с. Монастырёк в Каневском Поднепровье (Максимов, Петрашенко, 1988. С. 51, 110, рис. 44, 13). Почти все они, независимо от формы щитка, являются цельнолитыми, за исключением киевской находки 1988 г., датируемой второй половиной XIII — первой половиной XIV в., у которой чаша и щиток с образом Христа Эммануила, декорированные в технике золотой наводки, были изготовлены отдельно, а затем соединены заклепками (Боровский, Калюк, 1993. С. 38, рис. 30, 3; Пуцко, 1997; Игошев, 2015. С. 114–118; Преображенский, 2019. С. 557, 558, ил. 742).

Художественное оформление всех щитков, тоже независимо от их формы, выполнено вполне в русле византийской традиции. Изображение Христа на щитках из Херсонеса и «Изяславля», по заключению первых исследователей этих памятников, «восходит к так называемому позднекомниновскому периоду» (Банк, Залесская, 1995. С. 81). Аналогичное изображение Христа на ручных кадилицах со щитками другой формы не встречается. На щитках византийских кацей известны также образы Богоматери, например, Богоматери Терапиотиссы на кацее в Музее Бенаки, относимой к произведениям константинопольских мастерских начала XIV в., и Богоматери Оранты в Метрополитен-музее (XII–XIV вв.) (Drandaki, 2004. P. 128, no. 64; Архипова, 2022. Ил. 8, 8), а также образы святых воинов на щитке кацеи XIII в. из Музея Бенаки (Ballian, 2004. P. 128, no. 65). Птицам у Древа жизни на квадрифолийном щитке кацеи с поселения в уроч. Селище на Черниговщине относительно близкой

параллелью являются птицы с переплетенными шеями на овальном щитке одной из херсонесских кадилъниц (*Залеская*, 2021. С. 118, 119, кат. № 164). Оформлению древнерусских находок щитков с гравированными концентрическими кругами (Флорова гора в Киеве, Дрогичин) находятся параллели в Херсонесе; этим приемом чаще других пользовались херсонесские мастера при декорировании кадилъниц с круглыми щитками, особенно характерными для основной части херсонесских находок, но встречающимися и за пределами Херсонеса, как, например, на кацее из раскопок в Арте (Греция), обнаруженной в археологическом контексте XIII в. (*Залеская*, 2021. С. 117, 118, кат. № 159–163; *Everyday Life...*, 2002. P. 550, no. 752).

Заметная доля кацей с фигурными щитками (условно квадрифолийными) среди древнерусских находок и отсутствие таковых в других регионах византийского мира, за исключением херсонесской кацеи с образом Христа Вседержителя, свидетельствуют о том, что они были особенно востребованы, а скорее всего, и созданы именно на этой территории, что указывает на возможность сложения собственно древнерусской художественной традиции в данной области культового литья, очевидно, на рубеже XII–XIII вв. или в первой трети XIII в. Такая локализация находок позволяет предположить, с учетом высокого уровня их исполнения, что модель для данной формы кацей и их серийное изготовление могло быть налажено в Киеве. Не исключено, что исходной была модель кацеи с образом Христа Вседержителя на щитке (как наиболее совершенная в этой группе), возможно, созданная в сотворчестве с приезжим греческим мастером, и эта форма получила здесь дальнейшее развитие — стала использоваться и для изготовления кацей с изображениями других святых или композиций (рис. 2, 1, 2, 4). Основой для возможности формирования на рубеже XII–XIII вв. киевской традиции литья ручных кадилъниц были высокий в целом уровень развития здесь художественного культового литья из медных сплавов и особенно уже сложившиеся к этому времени устойчивые традиции в деле создания разнообразных моделей нагрудных створчатых крестов-энколпионов и иконок-складней (*Корзухина, Пескова*, 2003; *Пескова*, 2021). В тех же мастерских, где было налажено их изготовление, могли создавать и предметы церковной утвари, в том числе и ручные кадилъницы.

Чашу «изяславльской» кацеи с изображением Христа Вседержителя и подобные ей В. Г. Пуцко

относит к кругу изделий византийско-киевских мастеров, имея в виду греческих мастеров, оказавшихся в Киеве после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. (*Коваленко, Пуцко*, 1995. С. 85), что представляется весьма вероятным. Однако, не оспаривая причастность приезжих греческих мастеров к созданию данной модели кацеи, хочется еще раз акцентировать внимание на своеобразии формы ее щитка, присущей экземплярам, составляющим отдельную группу внутри древнерусского корпуса находок, и не имеющей прямых византийских прототипов.

Ближайшей параллелью выделенной локальной группе ручных кадилъниц может быть группа херсонесских кацей, обладающих рядом общих признаков, таких как круглые щитки с зубчато-волнистыми краями, украшенные гравированными концентрическими кругами, а также ажурные полусферические крышки, простой узор которых состоит из рядов круглых отверстий (в комплекте с такими чашами или отдельно). А. В. Банк и В. Н. Залеская, обратившие внимание на эти общие приемы изготовления пяти херсонесских экземпляров, высказали осторожное предположение об их местном изготовлении (*Банк, Залеская*, 1995. С. 81–84, ил. 46–50)⁸.

Локальные традиции изготовления и художественного оформления ручных кадилъниц наблюдаются и в других регионах византийского мира, в частности на Балканах, где несколько позже — в XIV–XV вв. — отливали близкие по размеру и форме чаши кацеи, но с ажурными щитками и ажурными крышками со сложным рисунком, включающим такие христианские символы, как Древо жизни, райские птицы и др. Они известны по находкам в Мистре, Метеорах, в соборной Музея Бенаки в Афинах, в монастыре Симонопетра на Афоне, в Яньеве (район Приштины); в качестве возможного места их изготовления и источника распространения исследователи предполагают Афон, Фессалоники, не исключая и другие центры (*Boura*, 1981. P. 68–70, no. 21502; *Loverdou-Tsigarida*, 1997. P. 353, 354, cat. 9, 27; *Gajić*, 2017. P. 238, cat. Iva, 13).

Была ли «изяславльская» кацея привезена из Киева или изготовлена на месте по киевскому образцу, без дополнительных металловедческих исследований установить нельзя. Местное изготовление

⁸ В эту локальную группу была включена и херсонесская кацея с образом Христа Вседержителя (*Банк, Залеская*, 1995. С. 83), однако она не отвечает ни одному из названных критериев.

теоретически возможно, на это указывает множество найденных на городище предметов, связанных с литейным делом (Кононович, Пескова, 2023), но прямых свидетельств тому не обнаружено. Чаша кацеи с изображением Христа Вседержителя, обнаруженная в Херсонесе, вероятнее всего была изготовлена тоже в Киеве и попала в Херсонес, как и многие древнерусские кресты-энколпионы и некоторые другие предметы личного благочестия и церковной утвари, вместе с их обладателями и носителями. Особенно выразительны в этом отношении обнаруженные в Херсонесе кресты-энколпионы с обращением «Святая Богородица, помогай» и киотный крест с зеркальными кириллическими надписями (Византийский Херсон, 1991. С. 148, 149, 163, кат. № 156, 171). Примечательно, что фрагменты киотного креста, отлитого в той же форме, что и херсонесский, как и аналогичные энколпионы присутствуют и в материалах из раскопок Шепетовского городища (Пескова, 1998. С. 238, рис. 3).

О том, как могла выглядеть крышка кацеи из «Изяславля» и подобных ей ручных кадилиц, можно судить по полностью сохранившейся кацее в собрании музея в Минске (рис. 3, 1) — ее крышка литая, полусферической формы с горизонтально отогнутым узким краем, с ажурным узором, напоминающим, как уже отмечала Е. И. Архипова, ажурное литье византийских и, добавим, древнерусских подвесных светильников (Архипова, 2022. С. 138). Достаточно сравнить такие крышки кацей с ажурным цепедержателем паникадила с Девичьей горы под Каневом (рис. 3, 4). По такой же модели, вероятно, была отлита крышка, найденная при раскопках в Херсонесе, которая по условиям обнаружения датируется временем до начала третьей четверти XIII в. (рис. 3, 2), а также крышка кацеи с овальным щитком, украшенным концентрическими кругами, хранящаяся в НМИУ (№ в-1460), и крышка из коллекции П. И. Шукина в собрании ГИМ (Оп. В 2500/227) (рис. 3, 3)⁹ (Византийский Херсон, 1991. С. 209, кат. № 223; Архипова, 2022. С. 138, ил. 7, 1, 2; Госкаталог, № 32894704). Близка к ним и крышка кацеи с квадратифолийным щитком из частного собрания (Спасёных, 2016. С. 28, рис. Д). Возможно, аналогичной крышкой кацеи окажется при ближайшем рассмотрении фрагмент ажурной полусферы с близким декором, происходящий из раскопок Серенска (Никольская, 1981. Рис. 59, б). Они различаются между собой главным образом оформлением

ручки на вершине полусферы (в виде фигурки птицы или просто в виде рельефного гладкого или фигурного выступа). Как видим, такими крышками, если они подходили по размеру, могли накрывать кацеи с различным оформлением щитков.

Таким образом, исходя из представленных новых материалов, пусть еще немногочисленных, «изяславльскую» чашу кацеи с образом Христа Вседержителя на щитке можно рассматривать как произведение древнерусского мастера, выполненное несомненно в русле византийской традиции, но в рамках уже сложившихся собственных устойчивых форм и навыков в передаче формы и образа.

Крышка от другой кацеи из раскопок «Изяславля»¹⁰ представляет собой (рис. 1, 2) отлитую из медного сплава ажурную полусферу без отогнутого края, основу ее корпуса составляют ряды круглых, не всегда правильной формы отверстий, в которые вписаны четыре медальона с изображениями святых, выполненными в относительно высоком рельефе, без сопроводительных надписей; верхняя часть («купол») оформлена в виде ажурной 8-лепестковой розетки, украшенной по контуру бордюром из треугольников; сбоку сохранилась петля, соединенная штифтом с парой пластинчатых петель на конце круглого стержня, когда-то оторванных от чаши этой кацеи. На внутренней поверхности полусферы отчетливо видны заусенцы по краю отверстий, образующих ажурную основу крышки, которые указывают на то, что по меньшей мере часть из них была пробита в корпусе полусферы уже после ее отливки. Край крышки в одном месте поврежден (есть разрыв) и деформирован.

По составу и иконографии трех святых в медальонах (рис. 4, 2) (Христос, Богородица, Иоанн Креститель) здесь без труда угадывается Деисусная композиция. Неизвестный святой в четвертом медальоне был определен предположительно как Иоанн Златоуст (Банк, Залесская, 1995. С. 84, 85, рис. 56). Отмечалась близость характерного изображения Христа на крышке кацеи тому, которое мы видели и на щитке рассмотренной ранее кацеи (Там же. С. 84) (рис. 4, 1). Византийская иконография и проступающие даже при нечеткой отливке стилистические особенности в передаче образов святых, с одной стороны, и заметная техническая огрубленность исполнения крышки

⁹ ГИМ, инв. № Оп. В 2500/227.

¹⁰ Экспедиционный инв. № ГП-60/212; номер в Гос. Эрмитаже — К 334. Размеры: диаметр — 10,5 см, высота — 3,7 см, толщина — 0,2–0,4 см, размер оторванных от чаши пластинчатых петель — 1,2 × 1,0 см.

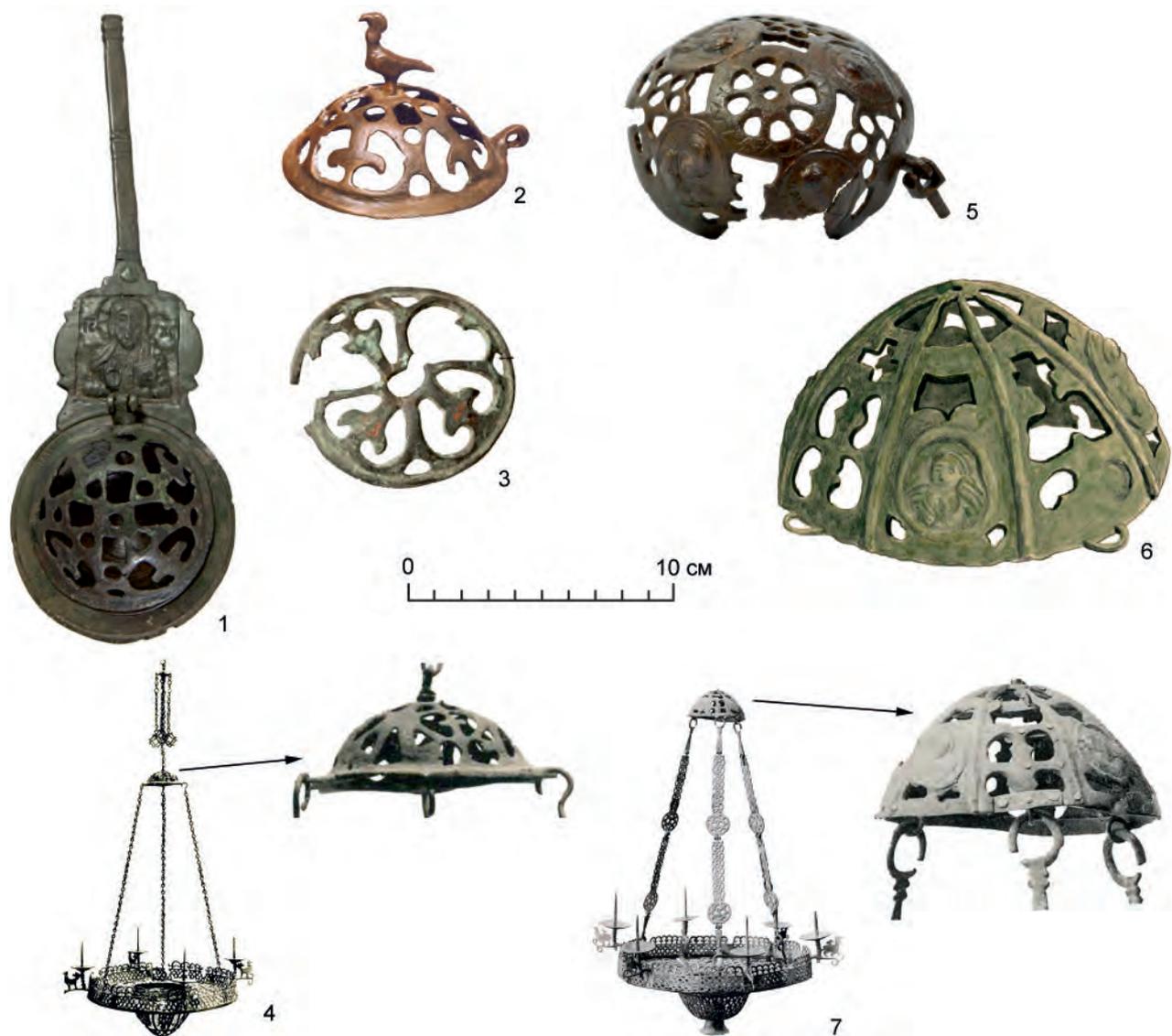

Рис. 3. Крышки ручных кадилниц (1–3, 5), ажурный цепедержатель паникадила (4), цепедержатели с изображениями святых (6, 7): 1 — случайная находка, Минск, НИМ РБ (Архипова, 2022. Ил. 7, 1); 2 — Херсонес, 1987 г. (Наследие..., 2011. Кат. № 155); 3 — ГИМ, из коллекции П. И. Шукина (Госкаталог, № 32894704); 4 — городище Девичья гора под Каневом (без масштаба) (Древности Приднепровья..., 1902. Табл. VII, 244); 5 — «Изяславль» (НА ИИМК РАН. ФО. О.2573.67); 6 — Киев, усадьба Трубецкого (Хойновский, 1893. Табл. XIII, 60); 7 — Киев, Хорева ул. (Древности Приднепровья..., 1907. Табл. XLI, 598)

Fig. 3. Lids of hand censers (1–3, 5), openwork chain holder of a jesse (4), chain holders with images of saints (6, 7): 1 — accidental find, Minsk, the National Historical Museum of the Republic of Belarus (Архипова, 2022. Ил. 7, 1); 2 — Chersonesos, 1987 (Наследие..., 2011. Кат. № 155); 3 — the State Historical Museum, Moscow, from P. I. Shchukin's collection (Госкаталог, № 32894704); 4 — Devichya Gora, near Kanev (without scale) (Древности Приднепровья..., 1902. Табл. VII, 244); 5 — "Izyaslavl" (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.2573.67); 6 — Kiev, Trubetskoy estate (Хойновский, 1893. Табл. XIII, 60); 7 — Kiev, Khoriv St. (Древности Приднепровья..., 1907. Табл. XLI, 598)

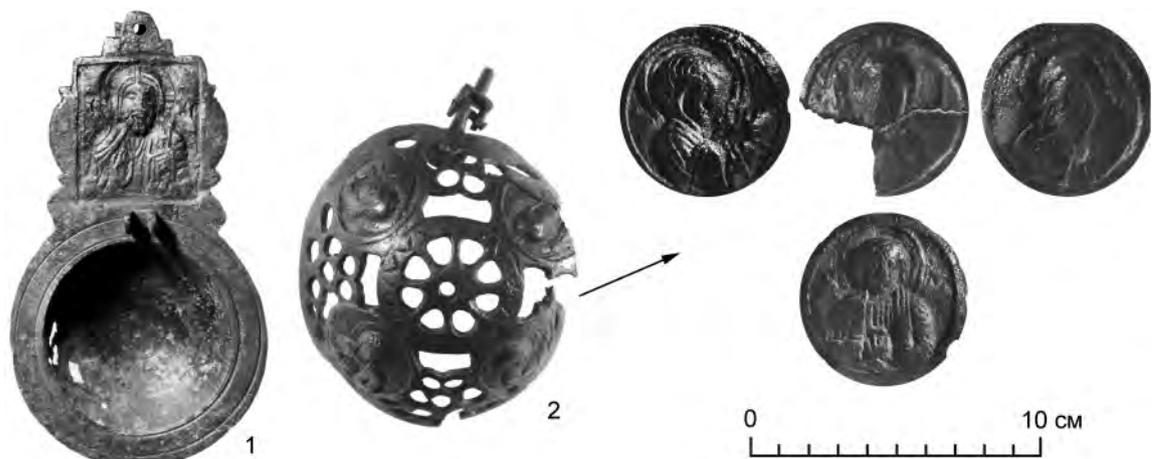

Рис. 4. «Изяславль». Изображения святых: 1 — на шитке кацеи 1961 г.; 2 — на крышке кацеи 1960 г. (НА ИИМК РАН. ФО. О.2573.67–68)

Fig. 4. «Izyaslavl». Images of the saints: 1 — on the *katseya's* flap of 1961; 2 — on the lid of a *katseya* of 1960 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.2573.67–68)

кацеи, с другой, позволили исследователям увидеть в этом изделии работу древнерусского мастера, по-своему использовавшего византийский образец, при этом отмечалось, что «среди изданных аналогичных по назначению образцов византийского литья такие конструкции неизвестны» (*Там же*. С. 84). Не появились они и по сей день, что неудивительно, поскольку данная конструкция (с четырьмя медальонами) для крышки кацеи вообще не подходит — мешает петля, расположенная на краю крышки между медальонами, которая в любом положении (в данном случае между медальонами с Христом и Иоанном Крестителем) будет нарушать восприятие Деисуса, так как в любом ее положении изображение Христа смещается с центральной позиции¹¹, что еще раз указывает на неопытность мастера, взявшегося за такую сложную и, по-видимому, экспериментальную работу.

Образцом для мастера могли послужить литые ажурные полусферические цепедержатели (подвесы) для паникадил, тоже украшенные медальонами с рельефными изображениями святых (рис. 3, 6, 7). Известно два таких предмета, оба найдены в Киеве в конце XIX — начале XX в. Один из них входит в конструкцию киевского паникадила, обнаруженного на Хоровой улице на Подоле (рис. 3, 7), которое, согласно описанию в альбоме Б. И. и В. Н. Ханенко, было прикрепле-

но на ажурных цепях «к верхушке, имеющей вид опрокинутой вверх дном чашки, также ажурной, с изображениями святых в кружках» (*Древности Приднепровья...*, 1907. С. 42, табл. XLI, 598)¹². Другой цепедержатель, известный только по рисунку в труде И. А. Хойновского, был найден тоже в Киеве в конце XIX в. на усадьбе Трубецкого при земляных работах (рис. 3, 6) и определен как полусферическая крышка (диаметр 14,5 см, высота 6,7 см) большого кадила, с прорезным орнаментом, разделенным валиками на восемь равных частей (секций), где чередуются прорезные кресты с барельефными изображениями четырех евангелистов (*Хойновский*, 1893. С. 24, табл. XIII, 60)¹³. Однако по краю полусферы с усадьбы Трубецкого в тех секциях, где нет медальонов, отчетливо видны петли, которые могли использоваться и для подвешивания цепей паникадила.

Оба цепедержателя, насколько можно судить по иллюстрациям, имеют сходный прорезной рисунок; о составе и иконографии святых в медальонах без предметного визуального ознакомления судить невозможно. Как и в случае с «изяславльской» крышкой, можно сказать, что среди опубликованных образцов византийского культового литья такого же назначения, то есть среди цепедержателей, аналогичных примеров найти не удалось. Единственный относительно близкий по форме цепедержатель, но не ажурный,

¹¹ Петлю можно было бы расположить непосредственно под медальоном, но в данной модели место для нее не предусмотрено.

¹² Паникадило хранится в Киеве, НМИУ, № в-2424 (*Архипова*, 2019. С. 18, ил. 2, 3).

¹³ Место хранения неизвестно.

а сплошной и без медальонов, украшенный только рельефными вертикальными валиками, входит в состав неудачно реконструированного, как это убедительно показала Е. И. Архипова, паникадила, собранного из множества деталей, найденных при раскопках Спасской церкви в Переяславе Южном (Каргер, 1954. С. 17, рис. 7; Архипова, 2008. С. 248, 249, рис. 1, 1)¹⁴. В Византии и на Руси в основном использовались и были очень широко распространены другие — звездчатые (обычно шестилучевые, с петлями для трех цепей) цепедержатели, чаще называемые разделителями цепей, служившие для подвешивания светильников разного рода и размера — от миниатюрных лампад до крупных паникадил. Реже встречаются полусферические, но полностью ажурные, без рельефных медальонов, цепедержатели (такие как, например, у паникадила с городища Девичья гора под Каневом (рис. 3, 4), экземпляр неизвестного происхождения из собрания НМИУ, № вд-1354 в Киеве (Древности Приднепровья..., 1902. Табл. VII, 244; Архипова, 2019. Ил. 2, 6; 3, 4)), очень похожие на ажурные крышки ручных кадилниц (Архипова, 2022. Ил. 7, 1, 2, 4) (рис. 3, 1–3).

Киевские полусферические цепедержатели и «изяславльская» крышка кацеи очень близки между собой в конструктивном, композиционном и, возможно (?), технологическом отношении. Неслучайно в экспедиционной инвентарной описи 1960 г. эта крышка была записана как фрагмент хороса (паникадила часто называли и до сих пор называют хоросами).

¹⁴ В переяславской реконструкции к цепедержателю (кандейке) подведены четыре цепи, а не три, как обычно, что вызвало у Е. И. Архиповой сомнения в первоначальности данной конструкции (Архипова, 2008. С. 248).

Конструкция полусферических цепедержателей с рельефными изображениями святых в медальонах, обращенных к куполу храма, которые в таком положении и на такой высоте вряд ли могут быть видны и осознаны молящимися, с практической точки зрения выглядит не очень удачной. Возможно, именно по этой причине данная оригинальная модель цепедержателя, созданная скорее всего в киевских мастерских с использованием несомненно византийских матриц для воспроизведения канонических образов святых, не получила дальнейшего распространения и развития. Она ли успела послужить образцом для создания там же своеобразной реплики в виде модели крышки кацеи, оказавшейся тоже не очень удачной, или они возникли параллельно, — это не столь существенно. В данном случае интереснее другое: на этом примере мы можем наблюдать процесс творческой переработки византийских традиций древнерусскими мастерами, а также тесную взаимосвязь различных отраслей художественного литья.

Таким образом «изяславльскую» крышку, точнее ее исходный образец, можно рассматривать как отливку, сделанную по опытной модели, созданной в Киеве тем же древнерусским мастером или в той же мастерской, где были созданы близкие по конструкции и композиции, но имеющие иное назначение предметы церковной утвари — цепедержатели от паникадила с Хоровой улицы и с усадьбы Трубецкого. Напомним, что за пределами Киева похожих полусферических ажурных цепедержателей с рельефными образами святых в медальонах пока не выявлено. Определение конкретного места изготовления найденной в «Изяславле» крышки (на месте по привезенному образцу или в киевских мастерских), как и в случае с рассмотренной выше чашей кацеи, может быть задачей новых специальных исследований.

Альбом достопримечательностей..., 1915 — Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии / Проф. Н. И. Петров. Киев: Фото-лито-типография С. В. Кульженко, 1915. Вып. IV–V. I–VIII с., 60 с., XI табл.

Архипова, 2008 — Архипова Е. Церковные осветительные приборы XI–XIII вв. из Переяслава Южного // Наукові записки з української історії: 36. наук. ст. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 245–257.

Архипова, 2019 — Архипова Е. Бронзові світильники Десятинної церкви в Києві // Opus mixtum. Київ, 2019. Vol. 7. С. 16–29.

Архипова, 2022 — Архипова Е. Кадилниця та лампади X–XIII століть з археологічних досліджень і музеїв України // Opus mixtum. Київ, 2022. Vol. 10. С. 130–145.

Банк, Залеская, 1995 — Банк А. В., Залеская В. Н. Кацея XII века из Изяславля // У истоков русской культуры XII–XVII века / Ред. Б. В. Сапунов. СПб.: Славия, 1995. С. 80–87.

Боровський, Калюк, 1993 — Боровський Я. Е., Калюк О. П. Дослідження київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження. 1984–1989: 36. наук. праць / Відп. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка, 1993. С. 3–42.

- Веремейчик*, 2010 — *Веремейчик Е. М.* Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международ. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Ред.-сост. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 344–354.
- Византийский Херсон, 1991 — Византийский Херсон: Каталог выставки / Отв. ред. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Готун, Казимір*, 2010 — *Готун І. А., Казимір О. М.* Ходосівський археологічний комплекс: вивчення, охорона, експериментальне моделювання // Археологія і давня історія України. Київ: Інститут археології НАН України, 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 100–108.
- Древности Приднепровья..., 1902 — Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Собрание Б. И. Ханенко и В. Н. Ханенко. Киев: Фото-тип. С. В. Кульженко, 1902. Вып. V. 64 с.
- Древности Приднепровья..., 1907 — Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Собрание Б. И. Ханенко и В. Н. Ханенко. Киев: Фото-тип. С. В. Кульженко, 1907. Вып. VI. 44 с.
- Залеская*, 2021 — *Залеская В. Н.* Памятники византийского художественного металла IX–XV веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. 208 с.
- Игошев*, 2015 — *Игошев В. В.* Древнерусские кацеи и ладаницы. К вопросу о назначении, типологии и атрибуции богослужебных предметов // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 108–127.
- Иоаннисян и др.*, 1988 — *Иоаннисян О. М., Бобровницкая И. А., Мартынова М. В., Соколова И. М.* Декоративно-прикладное искусство // 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки / Ред. А. В. Рындина. М.: б. и., 1988. С. 371–402.
- Каргер*, 1954 — *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952–1953 гг. // СА. 1954. № 20. С. 5–30.
- Коваленко, Пуцко*, 1995 — *Коваленко В. П., Пуцко В. Г.* Фрагмент бронзової кацеї з Чернігова // Археологічні старожитності Подесення / Ввідп. ред. О. П. Моця. Чернігів: Сіверянська думка, 1995. С. 83–86.
- Кононович, Пескова*, 2023 — *Кононович А. Ю., Пескова А. А.* Каменные литейные формы из раскопок Большого Шепетовского городища // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2023. Вып. 7. С. 126–137.
- Корзухина, Пескова*, 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Труды ИИМК; Т. VII. Archaeologica Petropolitana; Т. 14). 432 с.
- Кузнецов, Ситий*, 1992 — *Кузнецов Г. О., Ситий Ю. М.* Феодальна садиба XII–XIII ст. на околиці Чернігова // Чернігівська старовина: Зб. наук. праць, присв. 1300-річчю Чернігова / Гол. ред. П. П. Толочко. Чернігів: Сіверянська думка, 1992. С. 34–41.
- Максимов, Петрашенко*, 1988 — *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырѣк на среднем Днепре. Киев: Наукова думка, 1988. 146 с.
- Миролюбов*, 1983 — *Миролюбов М. А.* Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1983. 64 с.
- Миролюбов*, 1988 — *Миролюбов М. А.* Каталогные описания № 266, 267 // 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки / Ред. А. В. Рындина. М.: б. и., 1988. С. 200, 386.
- Наследие..., 2011 — Наследие византийского Херсона = Спадщина візантійського Херсона = The Legacy of Byzantine Cherson / Сост. Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техасского ун-та, 2011. 708 с.
- Никольская*, 1981 — *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.
- Пескова*, 1998 — *Пескова А. А.* Херсонесский киотный крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики // Церковная археология: Материалы 2-й Всероссийской церковно-археологической конф., посв. 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917) (С.-Петербург, 1–3 ноября 1998 г.) / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: С.-Петербургская Духовная академия, 1998 (Церковная археология; Вып. 4). С. 238–252.
- Пескова*, 2021 — *Пескова А. А.* Древнерусские иконки-складни XII–XIII вв. // АВ. 2021. Вып. 33. С. 135–154.
- Преображенский*, 2019 — *Преображенский А. С.* Прикладное искусство // История русского искусства. В 22 т. Т. 4: Искусство середины XIII — середины XIV века / Отв. ред. Э. С. Смирнова. М.: Гос. институт искусствознания, 2019. С. 464–655.
- Пуцко*, 1997 — *Пуцко В. Г.* Киевская медная ладоница с золотой наводкой // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997) / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков: ИИМК РАН; Псковский ГОИАХМЗ, 1997. Т. II. С. 179–185.
- Спасёных*, 2016 — *Спасёных А. Н.* Литые кресты XIV–XVI веков как свидетели образования Московской Руси. 7-е изд., доп. 2016. Интернет-издание.
- Томсинский*, 2000 — *Томсинский С. В.* Каталогные описания: кат. № В-94 а, б // Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века: Каталог выставки / Под ред. О. Бадлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; Фонд Св. Екатерины, 2000. С. 115–116.

- Фіголь, 1997 — Фіголь М. Мистецтво стародавнього Галича. Київ: Мистецтво, 1997. 224 с.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1900 — Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с.
- Хойновский, 1893 — Хойновский И. А. Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1893. [4], 78, IV с., 29 л., 34. ил.
- Ballian, 2004 — Ballian A. Standing Censer with Military Saints // *Byzantium: Faith and power, 1261–1557* / Ed. H. C. Evans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2004. P. 128, no. 65.
- Boura, 1981 — Boura L. Early Christian and Byzantine Censers at the Benaki Museum = Λασκαρίνα Μπούρα. Παλαιοχριστιανικά και βυζαντινά θυματήρια του Μουσείου Μπενάκη // *Археολογία*. 1981. Т. I. P. 64–70.
- Drandaki, 2004 — Drandaki A. Handle of Standing Censer (Katzion) // *Byzantium: Faith and power, 1261–1557* / Ed. H. C. Evans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2004. P. 128, no. 64.
- Everyday Life..., 2002 — *Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium* / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture; Museum of Byzantium Culture, 2002. 599 p.
- Gajić, 2017 — Gajić M. Hand censer. IVa.13 // Serbian artistic heritage in Kosovo and Metohija. Identity, significance, vulnerability. Second revised edition / Eds. M. Marković, D. Vojvodić. Belgrade: Gallery of SASA, 2017 (Catalogue of the exhibition). P. 238–239, Cat. IVa.13.
- Loverdou-Tsigarida, 1997 — Loverdou-Tsigarida K. 9.27 Katzi. Simonopetra Monastery // *The treasures of Mount Athos*. Catalogue of the exhibition. Thessaloniki, 1997. P. 353–354, Cat. 9.27.
- Tomsinskiï, 2010 — Tomsinskiï S. V. Coupe et couvercle d'encensoir à main // *Sainte Russie. L'art russe des origines à Pierre le Grand* / J. Durand, D. Giovannoni, I. Rapti. Paris: Somogy, 2010. P. 137, № 42.
- Tomsinskiy, 2011 — Tomsinskiy S. V. Two Katseyas // *Splendour and Glory. Art of the Russian Orthodox Church / Exp. Cat. Hermitage Amsterdam*, 2011. P. 110–111, Cat. № 2.

On the attribution of the “12th century *katseya* from Izyaslavl”

A. A. Peskova¹⁵

Keywords: hand censers (*katseya*), chain holders, artistic cult moulding, Byzantium, Old Rus', Chersonesos.

The typological and iconographic analysis of the identified Old Russian and Chersonese finds of *katseya* (whole and fragments), the kacei bowl with the image of Christ Pantokrator on the flap excavated in Izyaslavl (fig. 1, 1; 2, 5) and the bowl with the identical image excavated in Chersonesos (fig. 2, 6) allows to attribute them as works of artistic moulding, made according to the model created in Kiev by Old Russian masters, not excluding the participation of the Greek masters (according to V. G. Putsko's version and contrary to the entrenched opinion of a number of researchers who regard them as made by a Byzantine master or according to Byzantine models).

The study of the lid of another *katseya* from the excavations of Izyaslavl (fig. 1, 2; 3, 6; 4, 1), which has no analogues either in Byzantium or in Rus', has shown that this lid, or rather its initial sample, can be regarded as a moulding made according to an original (experimental) model created in Kiev. It presumably originated from the same workshop where models of church utensils similar design and composition, but of a different purpose — chain holders (one from a jesse from Khoriv St. (fig. 4, 3), the other — a separate find from the Trubetskoy estate) were made (fig. 4, 2). No similar hemispherical openwork chainholders with relief images of saints in medallions have been found outside Kiev; apparently, they were also made according to original (experimental) models that were not widely used later. On this example we can observe the process of creative processing of Byzantine traditions at the turn of the 12th–13th cen. by Old Russian masters.

¹⁵ Anna A. Peskova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: peskovaaa@rambler.ru.

Надпись на мощевике из Спасо-Преображенского собора в Чернигове

А. М. Житенева¹

Аннотация. *Выполненная заглавным уставом кириллическая надпись 1030-х гг. на мощевике, заложенном в основание Спасо-Преображенского собора в Чернигове, была введена в научный оборот еще в 1960-е гг., но не привлекла должного внимания исследователей из-за досадных неточностей интерпретации текста. Результаты комплексного палеографического и текстологического анализа надписи позволяют считать ее ценнейшим источником сведений по истории межкультурных связей Древней Руси и Константинополя в первой трети XI в.*

Ключевые слова: *надпись XI в., кириллическая палеография, кириллическая эпиграфика, мощевик, Спасо-Преображенский собор, Чернигов, книжное письмо, вмч. Пантелеимон, Константинополь.*

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-193-198

Корпус кириллических эпиграфических источников (надписей на предметах) раннего периода (начала распространения письменности на территории восточнославянского ареала в конце X — начале XI в.) невелик. Особо ценны среди этих источников те, которые содержат эксплицитную дату (например, надпись на Тмутараканском камне) или датируются стратиграфически. Материал этих надписей служит основой для выявления палеографически значимых признаков, привязанных к хронологической шкале, является источником ценных сведений для историков и филологов. Один из таких важнейших исторических и письменных источников первой трети XI в. — серебряный ларец-мощевик с надписью на крышке, обнаруженный во второй половине 1960-х гг. во время раскопок в Черниговском Спасо-Преображенском соборе. Несмотря на то что памятник был введен в научный оборот несколько десятилетий назад (Холостенко, 1974) и включен в фундаментальные обзорные исследования по древнерусской эпиграфике раннего периода (Медынцева, 1991; 2000), палеографическое описание надписи и анализ ее содержания требуют значительных корректировок и существенных дополнений.

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: zhiteneva@cosmos.msu.ru.

© Житенева А. М., 2024

История находки ларца-мощевика

Во время ремонтно-восстановительных работ, проводившихся в Спасо-Преображенском соборе Чернигова в 1966–1969 гг., были осуществлены разведочные археологические раскопки внутри памятника, в процессе которых был обнаружен непотревоженный тайник в основании древнего престола храма (Холостенко, 1974. С. 199, 200). В тайнике был найден ларец-мощевик, представлявший собой «коробочку с крышкой, выполненную из тонких листков низкопробного серебра, без всяких украшений <...>. Размер ларца 12,0 × 5,5 × 8,0 см» (Там же. С. 200). На верхней крышке мощевика располагалась прочеканенная с внешней стороны трехстрочная надпись (рис. 1).

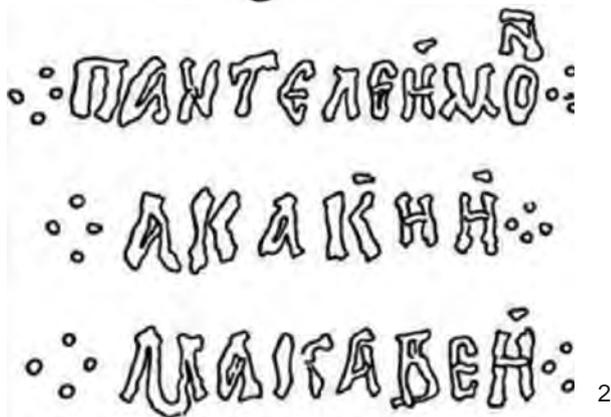
История исследования надписи

В научный оборот находка была введена в начале 1970-х гг. Истории обнаружения, датировке и исследованию надписи посвящена статья Николая Вячеславовича Холостенко, опубликованная в книге «Культура средневековой Руси», вышедшей к 70-летию Михаила Константиновича Каргера. По мнению исследователя, датировка ковчега совпадает со временем закладки храма и освящения престола, то есть относится к началу 30-х гг. XI в.², что делает надпись на мощевике

² Как известно, строительство Спасо-Преображенского собора в Чернигове было начато по заказу черниговского князя Мстислава Владимировича, который

1

2

Рис. 1. Ларец-мощевик из тайника под первоначальным престолом Спасо-Преображенского собора в Чернигове: 1 — фото (Холостенко, 1974. С. 201); 2 — прорись надписи на крышке (Медынцева, 2000. С. 176)

Fig. 1. A casket-reliquary from the cache under the original throne of the Transfiguration Cathedral in Chernigov: 1 — photo (Холостенко, 1974. С. 201); 2 — trace drawing of the inscription on the lid (Медынцева, 2000. С. 176)

одним из древнейших точно датированных (пусть и по косвенным, но надежным признакам) памятников ранней древнерусской эпиграфики.

По мнению автора первоначальной публикации, надпись представляла собой пример письма «без устройства» и подтверждала гипотезу о развитии дохристианской древнерусской письменности. Это мнение было основано на отсутствии в надписи графем, характерных для кириллического письма (ер, ять, юс малый и пр.). Мы вернемся к обсуждению этого мнения чуть позже,

умер в 1036 г. Согласно летописному свидетельству, он был погребен «в церкви у святого Спаса, юже бе сам заложил» (Лаврентьевская летопись, 2001. С. 150).

при рассмотрении палеографических и графико-орфографических особенностей надписи.

Альбина Александровна Медынцева, систематизируя сведения о древнерусской эпиграфике раннего периода в своих трудах «Подписные шедевры древнерусского искусства» (Медынцева, 1991) и «Грамотность в Древней Руси» (Медынцева, 2000), начинает раздел «Надписи на предметах христианского культа» с анализа надписи на черниговском мощевике, справедливо не ставя под сомнение архитектурно-стратиграфическую датировку (1030–1031 гг. — время строительства храма), и уделяет внимание палеографическим особенностям текста. По мнению А. А. Медынцевой, утверждение об «использовании „неустроенного“ письма греческими буквами, особенно в 30-х гг. XI в., когда на Руси широко использовалось кириллическое письмо и делались переводы с греческого», сомнительно, а надпись выполнена «очень грамотным (может быть, даже знающим греческий язык) ремесленником» (Медынцева, 2000. С. 123).

Никто из исследователей не уделил достаточного внимания содержанию надписи, а оно того заслуживает.

Содержание надписи

Надпись представляет собой перечень из трех имен. Логично предположить, что этот перечень имен соответствовал содержимому мощевика, то есть перечислял имена тех святых, частицы чьих мощей находились в ларце.

Византийский чин на основание и закладку храма предусматривал обязательное положение мощей того или иного святого в тайном месте под престолом строящегося храма, причем в соответствии с 7-м Правилom VII Вселенского Собора (787 г.) полагали мощи исключительно мучеников, впоследствии — и мощи святых иных ликов, например святителей, преподобных.

Для ответа на вопрос, чьи мощи находились в ларце, заложенном в основание престола Спасо-Преображенского собора в Чернигове, требуется более пристальное внимание к перечню имен, выгравированных на крышке мощевика:

- [1] ПАНТЕЛЕИМО(N);
- [2] АКАКНН;
- [3] МАКАВЕН.

Первое имя свидетельствует о том, что в мощевике была частица мощей великомученика Пантелеимона, чья память в месяцесловах прихордится на 27 июля.

Последнее имя — о том, что там же были частицы мощей ветхозаветных мучеников

Маккавеев. Вопреки утверждению, встретившемуся в предыдущих исследованиях ларца-мощевика, об использовании в надписи «имени вымышленного святого, происходящего из названия библейского племени макавеев» (*Медынцева*, 2000. С. 123), третье имя относится к почитаемым христианами семи братьям Маккавеев, пострадавшим, согласно Священному Писанию (2 Мак. 6: 18–7: 42), за веру в Единого Бога вскоре после начала религиозных гонений на евреев со стороны сирийского царя Антиоха Эпифана в середине II в. до н. э. и внесенным в христианские месяцесловы под 1 августа.

Если в отношении атрибуции первого и третьего имен из надписи на крышке ларца-мощевика не возникает сомнений — греческим и славянским месяцесловам известны единственные святые с такими именами и единственными датами в году для совершения памяти (вмч. Пантелеимон — 27 июля, мчч. Маккавеев — 1 августа), то второе имя надписи могло принадлежать одному из нескольких святых мучеников: священномученику Акакию Прусскому (Вифинскому), пресвитеру, жившему в I в. (память 19 мая); мученику Акакию Каппадокийскому, сотнику Мартисийского полка, пострадавшему в III в. (память 7 мая); мученику Акакию, воину из числа 40 Севастийских мучеников, пострадавших за Христа в начале IV в. (память 9 марта); наконец, мученику Акакию Апамейскому, Милетскому, принявшему мученическую кончину в IV в. (память 28 июля). Какой же из святых мучеников с таким именем упоминается во второй строке надписи на ларце-мощевике? Частица чьих мощей, наряду с частицей мощей великомученика Пантелеимона и ветхозаветных мучеников Маккавеев, была заложена в основание престола Черниговского Спасо-Преображенского собора в XI в.? Ответ на этот вопрос, видимо, содержится в самой последовательности перечисляемых в надписи имен. Как нетрудно заметить, имена перечислены не в случайном порядке, но соотносятся с хронологической последовательностью дат памяти святых в соответствии с месяцесловными датами: 27 июля, [?] июля, 1 августа. Последовательность дат можно дополнить еще одной датой — 6 августа, то есть датой праздника Преображения Господня — датой престольного праздника строившегося Черниговского собора. В установленную хронологическую последовательность месяцесловных памятных дат идеально встраивается дата памяти святого мученика Акакия Апамейского, Милетского, чья память совершается 28 июля. Позже, в процессе анализа графико-орфографи-

ческих особенностей надписи, будет обозначен еще один дополнительный аргумент в пользу такой атрибуции имени святого второй строки надписи.

Таким образом, вся надпись на крышке ларца являлась не только перечнем имен святых мучеников, частицы мощей которых закладывались в основание первоначального престола храма, посвященного Преображению Господню, но и своеобразным списком праздничных дат — дней, готовящих будущих прихожан собора к престольному празднику:

27 июля — празднование памяти великомученика Пантелеимона,

28 июля — празднование памяти мученика Акакия Апамейского,

1 августа — празднование памяти мучеников Маккавеев,

[6 августа — празднование Преображения].

Следующий вопрос, ответ на который необходимо найти для подтверждения гипотезы прочтения черниговской надписи, связан с проверкой по историческим источникам возможности доставки частиц мощей, перечисленных на крышке ларца-мощевика святых, в Чернигов в начале 30-х гг. XI в.

Из «Полного месяцеслова Востока» архиепископа Сергия (Спасского), раздел «Заметки», известно, что мощи вмч. Пантелеимона «перенесены были в Царьград; оттуда большая часть их перенесена в Париж в С. Дени, а глава якобы в Лион в 802 году, но паломник Антоний в 1200 году видел главу его в Софии в Царьграде, а по свидетельству Стефана новгородца (в 1350 г.), в XIV в. мощи его почивали во Влахернской церкви в Царьграде» (*Сергий (Спасский)*, 1997. С. 287), мощи мученика Акакия Апамейского «положены в Синнаде фригийской»³ (*Там же*. С. 289), а «главы и мощи Маккавеев видел паломник Антоний в Царьграде у св. Воскресения на Мавриановом емволе» (*Там же*. С. 299). Таким образом, частицы мощей всех упомянутых в надписи святых мучеников могли быть получены посольством князя Мстислава Черниговского в Константинополе в качестве даров и патриаршего благословения на освящение нового храма — исторические свидетельства не противоречат возможности привезения мощей всех перечисленных в надписи на мощевике святых из Константинополя и его окрестностей в Чернигов в начале 1030-х гг.

³ Синнада Фригийская — современный г. Шухут на территории Турции, находящийся в 300 км южнее-юго-восточнее Стамбула.

Сама же последовательность перечисления имен святых в надписи позволяет по-новому взглянуть на детали обряда освящения храма. Черниговский собор, освященный в честь праздника Преображения Господня, в основании престола хранил мощи тех святых, чья память совершалась за несколько дней до престольного праздника — 6 августа. Перечисление святых мучеников в хронологической последовательности, соответствующей их упоминаниям в подробных греческих месяцесловах, свидетельствует о доступности этой информации в восточнославянском ареале еще в начале XI в. — задолго до известных в настоящее время переводов с греческого на церковнославянский подробных минейных текстов. Таким образом, выявленная неслучайная последовательность перечисления имен святых на крышке мощевика демонстрирует активное межкультурное взаимодействие Руси с Константинополем в первой трети XI в.

Важная информация, связанная с содержанием лаконичной надписи на крышке мощевика, заставляет сосредоточиться и на анализе внешнего вида текста, тем более что предыдущие исследователи высказывали различные мнения относительно происхождения и квалификации выполнившего надпись мастера (см. ранее мнения Н. В. Холостенко (1974) и А. А. Медынцевой (1991; 2000)).

Палеографические особенности надписи

Исследование и выявление значимых палеографических особенностей трехстрочной надписи позволят ответить на вопросы, какими навыками в области письма владел мастер-исполнитель, был ли он грамотным мастером-чеканщиком, умевшим читать и писать и копировавшим текст-образец, или человеком, прошедшим не только первую ступень элементарного обучения грамоте, но и обладавшим навыками профессионального писца, знакомым с приемами книжного письма и искусством книгописания в целом (Житенева, 2003. С. 13). Описание особенностей оформления надписи (топографическая композиция текста в целом, использование способов коррекции длины строки, система употребления вспомогательных графем) в сочетании с определением типа письма (подробную характеристику типов письма: бытового письма полууставного типа, каллиграфического устава, делового устава и др. — см.: Житенева, 2007. С. 323–325) позволит в дальнейшем использовать проанализированный материал в качестве сравнительного для помощи в датировке ранних кириллических надписей, выполненных таким же типом письма,

поскольку надпись на ларце-мощевике из Чернигова относится к редчайшим для раннего периода благодаря архитектурно-стратиграфической датировке точно датированным эпитафическим древнерусским источником начала 1030-х гг.

Тип письма, которым выполнена прочеканенная надпись на крышке мощевика, можно классифицировать как заглавный, или декоративный, устав — тип профессионального почерка, основное, дифференцирующее, отличие которого от других типов профессиональных почерков и тем более от бытового письма уставного типа заключается в наличии измененных пропорций буквенных начертаний (в анализируемой надписи пропорции для нешироких буквенных начертаний «N», «H», «П» — 1:2, в то время как для текстов раннего периода, выполненных каллиграфическим уставом, стандартным соотношением высоты к ширине будет являться пропорция 1:1) и декоративных элементов. Заглавным уставом в рукописных текстах оформлялись заголовки разделов и подразделов основного текста⁴.

Каждая строка надписи на мощевике оформлена при помощи декоративного элемента, который можно трактовать как интерпункционный знак — рубрикатор. Четыре крестообразно расположенные точки используются для оформления заголовков чтений в греческих рукописях, современных надписи (ср., например, оформление заголовка в Константинопольской рукописи Деяний и посланий апостолов (Научная библиотека МГУ. 2.V.i.84. Л. 292), в рукописи Житий святых 1023 г. (ГИМ. Син. греч. 15. Л. 119)). Этот же декоративно-интерпункционный прием используется и в известных нам древнерусских пергаменных рукописях начиная с XI в. (ср., например, оформление строк текста над миниатюрой с изображением Христа Вседержителя в Изборнике 1073 г. (ГИМ. Син. 1043. Л. 2)). Подобный знак продолжает использоваться в книжной культуре на протяжении последующих столетий, причем с самого начала варианты знака, семиотически соотносимого с крестом, могут дополняться различными элементами: точкой в центре; пересекающимися наклонными линиями, образующими крест; дополнительными четырьмя штрихами, идущими от центральной точки, и др.

Особое внимание следует уделить такому композиционному элементу надписи, как оформление конца строки, поскольку анализ зоны

⁴ Подробную характеристику этого типа почерка, его интегральных и дифференциальных признаков можно посмотреть в статье «О классификации эпитафических источников» (Житенева, 2007. С. 325).

конца строки, способов решения проблем дефицита места и коррекции длины строки дают важную информацию об индивидуальной манере писца и реализации традиций и моделей в рамках локальной школы книжного письма (Житенева, 2022. С. 225). Мастер, выполнявший надпись на крышке ларца-мошевика, сталкивается с проблемой дефицита места в первой строке — при чеканке имени великомученика Пантелеимона. Именно из-за дефицита места мастер выбирает более узкую графему «О» вместо нормативной для греческой орфографии в имени этого святого омеги и тем самым выдает свое славянское происхождение — в кириллическом письме греческие графемы омикрон и омега были дублетными буквами, соответствующими одной и той же фонеме <о>. Следующим способом коррекции длины строки, использованном в условиях дефицита места, является вынос буквы «N» под титло над строкой — над последним строчным буквенным элементом первой строки — при графическом эллипсисе финального ера. Подобный прием коррекции длины строки является одним из характерных методов экономии места без ущерба для содержания текста, использовавшимся профессиональными писцами, прежде всего для соблюдения линии правого края текстового пространства. Типичным для этого способа коррекции длины строки является и начертание выносной «N», пропорции которой, в отличие от основной, строчной, реализации этой графемы, — 1:1. Минималистичная форма титла — горизонтального штриха, длина которого строго соответствует ширине вынесенной в пространство над строкой буквы, — гармонично согласуется с общим минималистичным характером оформления всей надписи, что связано с особенностями техники нанесения текста на металл посредством чеканки. Такая техника исполнения текста не ограничивает мастера в применении декоративных элементов, но не позволяет в полной мере использовать всю палитру приемов и способов декора, что возможно только при выполнении текста чернилами и (или) другими красящими веществами на мягком материале — пергамене.

Очевидное использование приемов профессионального (книжного) письма свидетельствует о том, что надпись выполнял русский мастер, владевший искусством книгописания, знакомый с традицией византийского (греческого) книжного письма и уверенно применявший профессиональные навыки книгописца для выполнения эпиграфического текста.

Еще одним важным графико-орфографическим признаком, выдающим руку мастера-

профессионала, является использование вспомогательной графемы — надстрочной точки, располагающейся над буквой гласного в поствокальной позиции: в первой строке над «Н» после «Е» [1: 7–8], во второй строке над «Н» после «Н» [2: 5–6], в третьей строке над «Н» после «Е» [3: 6–7]. Использование надстрочного знака над буквами гласных в позиционной последовательности «буква гласного + буква гласного» является характерным признаком книжной графико-орфографической системы. Невозможно не обратить внимание на использование надстрочного знака над буквой согласного во второй строке — над второй «К» в имени «АКАКИИ» [2: 4]. Этот, казалось бы, случайно встретившийся знак над буквой согласного не может быть не чем иным, как изящным способом намекнуть на дату памяти святого мученика: использование надстрочного знака над буквой может иметь дополнительное значение — указывать не только прочтение буквенного знака в его основной функции [k], но и на его числовое значение (20). Две буквы во второй строке надписи с надстрочной вспомогательной графемой («К» и «Н») — первая вне графико-орфографических правил, вторая в соответствии с описанным выше правилом — в совокупности дают дополнительную «подсказку» читающему, образуя число 28 («К» = 20 и «Н» = 8), то есть дату памяти малоизвестного святого — 28 июля.

Выводы

Таким образом, перед нами надпись, выполненная русским мастером, прекрасно знакомым с приемами книжного письма и умело использовавшим свои профессиональные навыки для оформления текста на твердом материале. Сам текст представляет собой рубрицированный перечень имен святых мучеников, частицы чьих мощей были, по-видимому, получены посланниками князя Мстислава Владимировича Черниговского в Константинополе по случаю закладки и освящения престола строящегося храма — Черниговского Спасо-Преображенского собора. Последовательность имен святых мучеников в надписи имеет не случайный, а строго выверенный хронологический характер, соответствующий календарным датам памяти, предшествующим празднику Преображения Господня — престольному празднику освящаемого собора. Можно утверждать, что заложенный в основание престола Спасо-Преображенского собора ларец-мошевик, архитектурно-стратиграфически датируемый началом 1030-х гг., является уникальным историческим свидетельством активного межкультурного взаимодействия Руси

с Константинополем в первые десятилетия XI в. Информация, имплицитно содержащаяся в надписи, а именно имя мученика Акакия [Апамейского], подтверждает факт знакомства как минимум некоторых образованных людей того времени с подробными греческими месяцесловами, сам же мощевик представляет собой фактическое подтверждение самого раннего принесения на Русь частицы мощей великомученика Пантелеимона.

Важно отметить, что выбор мощей, закладываемых в основание строящегося храма, мог быть

неслучайным, или окказиональным, но мог определяться датой престольного праздника освящаемого храма.

Надпись на черниговском ларце-мощевике является одним из ранних точно датированных кириллических письменных источников восточнославянского ареала. Палеографический материал надписи, с учетом типа письма (декоративный устав), может привлекаться для сравнения при анализе недатированных надписей и текстов раннего периода.

Житенева, 2003 — Житенева А. М. Зеркальные начертания в кириллических источниках X–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.09 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: б. и., 2003. 20 с.

Житенева, 2007 — Житенева А. М. О классификации эпиграфических источников // Вестник молодых ученых «Ломоносов». М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. III. С. 321–328.

Житенева, 2022 — Житенева А. М. Книгописная мастерская при псковском Троицком соборе в первой четверти XV века // Кирило-Методиевски студии. София: Българска академия на науките, 2022. Кн. 32. С. 219.

Лаврентьевская летопись, 2001 — Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001 (ПСРЛ; Т. 1). 496 с.

Медынцева, 1991 — Медынцова А. А. Подписные шедеры древнерусского ремесла. М.: Наука, 1991. 240 с.

Медынцева, 2000 — Медынцова А. А. Грамотность в Древней Руси. М.: Наука, 2000. 291 с.

Сергий (Спасский), 1997 — Сергий (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М.: Православный паломник, 1997. Т. III. 702 с.

Холостенко, 1974 — Холостенко Н. В. Мощница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 199–202.

Inscription on a reliquary from the Transfiguration Cathedral in Chernigov

A. M. Zhiteneva⁵

Keywords: inscription of the 11th century, Cyrillic palaeography, Cyrillic epigraphy, reliquary, the Transfiguration Cathedral, book writing, St. Panteleimon, Constantinople

The corpus of Cyrillic epigraphic sources of the late 10th — early 11th cen. is not large. Especially valuable among them are those that contain an explicit date or are dated stratigraphically. One of those important sources of the first third of the 11th cen. is a silver casket-reliquary with an inscription on the lid, discovered in the second half of the 1960s during excavations in the Chernigov Transfiguration Cathedral in an undisturbed cache at the base of the original throne of the temple and stratigraphically dated to the early 1030s (fig. 1, 1).

The three-word inscription (fig. 1, 2) is a list of the names of those saints whose relics, delivered from Constantinople to Chernigov, were in the casket. The names are not listed in a random order, but correspond with the chronological sequence of the dates of the saints' commemorations in accordance with the Monthly Calendar dates: 27 July — the day of commemoration of the Great Martyr Panteleimon, 28 July — the day of commemoration of the Martyr Acahthius of Apamea, 1 August — the day of commemoration of the Old Testament martyrs Maccabees. The sequence of dates can be supplemented by one more date — 6 August, the feast of the Transfiguration of the Lord — the feast of the Chernigov Cathedral. The choice of relics to be laid in the foundation of the temple under construction was not random, but could be determined by the date of the dedication day of the temple being consecrated. The casket-reliquary testifies to the active intercultural interaction between Rus' and Constantinople in the first decades of the 11th cen. It is a factual proof of the earliest bringing of a particle of the relics of Great Martyr Panteleimon to Old Rus', which also confirms the familiarity of at least some educated people of that time with the detailed Greek menologium.

The inscription on the reliquary, made in uncial script, was left not just by an Old Rus' literate master who could read and write, but by a person who was skilled in the art of book writing and the design of manuscript books and was familiar with the traditions of Byzantine book art.

⁵ Anna M. Zhiteneva — Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Moscow, Russia; e-mail: zhiteneva@cosmos.msu.ru.

Стиль «золотой середины» в декоративном искусстве Руси в середине XII в.¹

Н. В. Жилина²

Аннотация. Охарактеризовано изобразительное и декоративное искусство Руси середины XII в. Выделены произведения разных видов искусства стиля «золотой середины» с классическим пропорционально-правильным изображением, выделением контура и линейной стилизацией, регулярным орнаментом с криволинейными мотивами. Выделение проделано на основе стилистического сравнения с опорой на стратиграфические датировки и даты произведений искусства. Идеальные по облику и смыслу христианские образы стиля являют единство земного и божественного мира.

Ключевые слова: стиль, криволинейность, фигуративное изображение, орнаментальный мотив, Древняя Русь, XII в.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-199-210

Анализ произведений искусства конца XI — первой половины XII в. показал, что важным стилистическим направлением этого времени было аскетическое, или монашеское. Но внутри него зрели новые тенденции, несшие большее воплощение классицистических норм (Жилина, 2023а). Следующий период, расширительно выделяемый как середина XII в. (вторая и третья четверти столетия), принес большую свободу от норм аскетизма (Жилина, 2023б).

Христианская живопись. В основе произведений византийской живописи XII в. лежит пластически и пропорционально совершенная классическая модель. В раннекомниновский период она соединялась с задачей спиритуализации образа, одухотворения классических форм. Фигуративные изображения имели правильные пропорции, свободные позы, легкие ракурсы, объемные драпировки одеяний, звучный колорит. Вместе с тем во второй трети — середине XII в. эта модель соединяется с линейной стилизацией, резкие линии

создают свой абстрактный рисунок на фигурах, только отражающий пластику формы, округлость которой как будто подвергается гранению. Используются резкие контрасты светлых и темных участков. Такие черты повышают выразительность и создают впечатление сверхъестественности (Попова, 2006. С. 354–359, 375; 2013. С. 291, 300, 307, 314).

Это воплощение идеала в христианском искусстве, его наиболее совершенно воплотили Владимирская икона Богоматери 1130-х гг. (рис. 1, 2) и мозаичная икона Христос Милостивый первой половины XII в. (Государственные музеи Берлина) (рис. 1, 1).

Во Владимиро-Суздальской земле отдается предпочтение классическим формам: фрески Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском и Борисоглебской церкви в Кидекше (Сарабьянов, Смирнова, 2007. С. 169, 170) (рис. 1, 3, 4).

В византийской и древнерусской живописи середины — второй половины XII в. проявляется динамический стиль с усиленной выразительностью образа, основанный на принципе линейной стилизации и контрастной световой проработке форм. На первой уравновешенной фазе стиля динамика сочетается с гармонией, при этом классическая ориентация, монументализм и объемность

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

© Жилина Н. В., 2024

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 1. Живопись: 1 — мозаичная икона Христос Милостивый, первая половина XII в., Государственные музеи Берлина (Попова, 2013. Ил. 287); 2 — Владимирская икона Богоматери, 1130-е гг. (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Ил. 174). Фрески: 3 — фрагмент «Страшного суда», Спасо-Преображенский собор Переславля-Залесского, 1152 г.; 4 — волхвы, Борисоглебская церковь в Кидекше, близ Суздаля, 1150-е гг.; 6 — св. Кирик, Успенский собор в Старой Ладоге, около 1158 г.; 5 — архангел Гавриил, «Благовещение», 7 — св. Керамион, Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря во Пскове, около 1140 г. (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Ил. 172, 173, 125, 120, 108)

Fig. 1. Painting: 1 — mosaic icon of Christ the Merciful, first half of the 12th cen., State Museums of Berlin (Попова, 2013. Ил. 287); 2 — Vladimir Mother of God icon, 1130s (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Ил. 174). Frescoes: 3 — a fragment of “The Last Judgement”, the Transfiguration Cathedral of Pereslavl-Zalessky, 1152; 4 — Magi, St. Boris and Gleb Church in Kideksha, near Suzdal, 1150s; 6 — St. Kirik, the Dormition Cathedral in Staraya Ladoga, about 1158; 5 — Archangel Gabriel, “Annunciation”, 7 — St. Ceramion, the Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery in Pskov, about 1140 (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Ил. 172, 173, 125, 120, 108)

преобладают над экспрессивными формами. Изображения имеют плавные очертания и ясные контуры (Там же. С. 68, 108–118, 126; Сарабьянов, 2012. С. 223, 224).

В византийском искусстве эту фазу представляют фрески церкви Св. Пантелеймона в Нерези 1164 г. (Попова, 2013. С. 314, ил. 292–296)³. Из древнерусского искусства сюда относятся фрагменты фресок Успенского собора в Старой Ладоге, около 1158 г. (рис. 1, 6). К фазе, наделенной экспрессией, можно отнести фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове (рис. 1, 5, 7) (Сарабьянов, Смирнова, 2007. С. 122, 128).

Манера линейной стилизации накладывает на классически пропорциональное изображение, создаются естественные очертания образов и усиливаются для восприятия. Передача естественного облика уравнивает динамику и экспрессию. Такие изменения придают живописному искусству декоративность, условное деление изображения на абстрактные ритмические фрагменты.

Орнаментальным мотивам, в прежний период тяготевшим к геометризации, сообщается большая криволинейность, доводящая их до степени естественной передачи формы (Жилина, 2016).

³ Развитие в данном направлении привело ко второй фазе динамического стиля, когда принципы правильного анатомического изображения, свойственного классике, могут быть нарушены, что более характерно для второй половины — конца XII в. Вторая фаза названа позднеромниновским маньеризмом, пример — фрески церкви Св. Георгия в Курбиново (Попова, 2013. С. 321; Сарабьянов, Смирнова, 2007. С. 126). Такая стилистика является слагаемым следующего этапа древнерусского искусства: конца XII — первой трети XIII в.

Орнамент в живописи характеризуется органичностью и естественностью форм: переход к таким качествам звучит в оригинальном примере на фреске Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове 1130-х гг. (Орлова, 2012. С. 376) (рис. 2, 7). Растительно-завитковый орнамент характеризуется стандартностью мотивов и элементов (рис. 2, 1); линии кринообразного и плетеного орнамента обрисовывают овальные очертания (рис. 2, 5, 6); кринообразные мотивы имеют естественные пропорции (рис. 2, 2–4, 6); волнистые линии проявляются и в композициях с имитацией мраморных облицовок (рис. 2, 9).

Приближены к естественности изображения грифонов в орнаментальных клеймах, животных — в сюжетных композициях на фресках башен Софийского собора в Киеве 1110–1120-х гг., хотя в соответствии с более ранней датой они сохраняют геометричность (рис. 2, 10, 11). Движение к классицистической передаче изображений начинается в первые десятилетия XII в. и существует параллельно с аскетическим направлением. Важность классического направления не угасает на протяжении XII в., в конце столетия оно начинает сочетаться с утрированной линейной стилизацией и даже преодолевает ее.

Правильно построенные мотивы павлинов характерны для росписей Успенского собора во Владимире 1161 г. (рис. 2, 12), инициалов новгородского Пантелеймонова Евангелия⁴ (рис. 2, 13).

⁴ Дата Евангелия в пределах XII в. не определена точно, правильные очертания близки к нормам рассматриваемого периода. Использование примеров, приближенных к концу столетия, оправдано сохранением актуальности уравновешенного изображения, вызванного классицизмом.

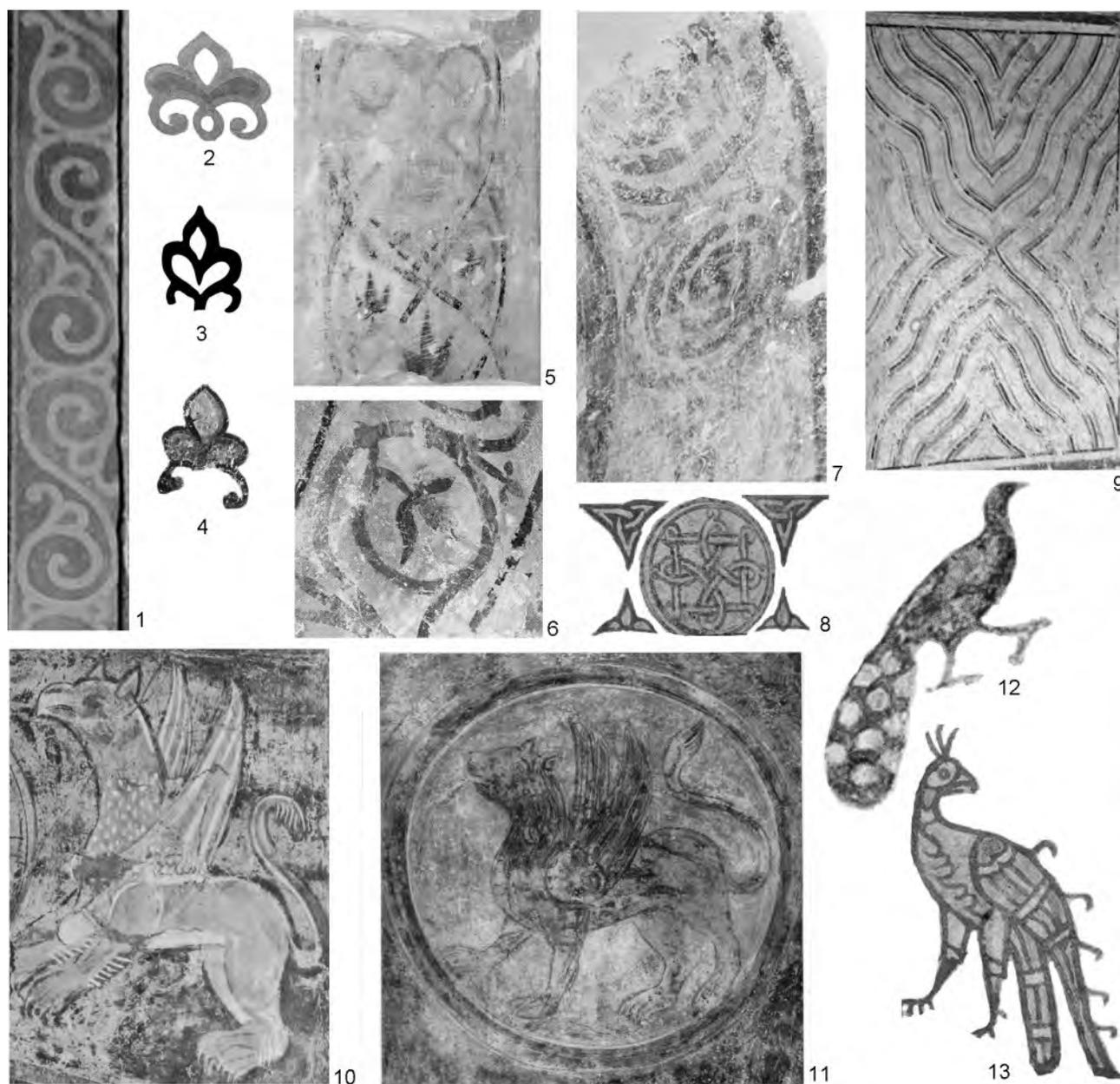

Рис. 2. Орнамент в живописи: 1, 2 — Кирилловская церковь, Киев, 1170-е гг.; 3, 12 — Успенский собор, Владимир, 1161 г. (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Ил. 171; Орлова, 2015. Ил. 744, 637, 635); 4 — церковь Бориса и Глеба в Кидекше, 1152 г.; 5 — Мартирьевская паперть Софийского собора в Новгороде, 1144 г.; 6, 9 — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря, Псков; 7 — Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове (Орлова, 2012. Ил. 513, 482, 473, 476, 457); 10, 11 — грифоны, фрески башен Софийского собора в Киеве, 1113–1125 гг., 1120–1125 гг. (Лазарев, 1973. Ил. 113, 121); 8, 13 — Пантелеймоново Евангелие, Новгород, 1180-е гг. (?) (Орлова, 2015. Ил. 782, 783)

Fig. 2. Ornament in painting: 1, 2 — Cyril's Church, Kiev, 1170s; 3, 12 — the Dormition Cathedral, Vladimir, 1161 (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Ил. 171; Орлова, 2015. Ил. 744, 637, 635); 4 — St. Boris and Gleb Church in Kideksha, 1152; 5 — Martyr porch of the St. Sophia Cathedral in Novgorod, 1144; 6, 9 — the Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery, Pskov; 7 — the Dormition Cathedral of the Eletsy Monastery in Chernigov (Орлова, 2012. Ил. 513, 482, 473, 476, 457); 10, 11 — griffins, frescoes of the towers of the St. Sophia Cathedral in Kiev, 1113–1125, 1120–1125 (Лазарев, 1973. Ил. 113, 121); 8, 13 — Panteleimon's Gospel, Novgorod, 1180s (?) (Орлова, 2015. Ил. 782, 783)

Плетеный орнамент в живописи и резьбе становится регулярен и организован клеймами (рис. 2, 5, 8; 3, 1). Некоторые примеры, будучи регулярными, показывают сохранение трехчленных мотивов, узловатости или дополнительного оплетания основы, что напоминает о скандинавских корнях древнерусского искусства (рис. 2, 8; 3, 1). Другие примеры соединяют плетеный и растительный орнамент⁵ (рис. 2, 5; 3, 11).

Каменная резьба. Стеатитовая византийская икона XII в. с архангелом Гавриилом (Музей Бандини, Фьезоле, Италия) дает классически правильное изображение фигуры. В растительной орнаментации одежды использован мотив византийского цветка с плавными очертаниями листьев, на капителях колонок арки показаны птицы естественных очертаний (рис. 3, 10).

В зооморфных мотивах *белокаменных рельефов* церкви Покрова на Нерли 1165 г. ощутима сдержанная динамика, сказывающаяся в позах; четкими и плавными линиями создан естественный и красивый силуэт птиц и животных (рис. 3, 6–9). Рельефы храма сохраняют некоторую приверженность аскетическому стилю, что сказывается в неправильных пропорциях фигур, элементах сухости и графичности зооморфных мотивов (рис. 3, 7). Тем не менее здесь наблюдается большая роль растительных мотивов, общее усиление орнаментальности и линейности (*Даркевич*, 1964. С. 49; *Лифшиц*, 2015. С. 387–390). Наряду с фрагментарной геометризovanностью зооморфных мотивов растительные мотивы и элементы, отображение ликов становятся значительно более живыми и криволинейными (рис. 3, 5, 6, 9). Примеры растительных мотивов такой стадии происходят и из Киева (рис. 3, 2).

Рельефы Успенского собора во Владимире 1185 г. можно отнести к числу произведений, усвоивших новую стилистику и даже продвигающих ее к следующему этапу. Растительные мотивы имеют длинные, криволинейно изгибающиеся листья и стебли, что делает их естественными

⁵ История плетеного орнамента на Руси довольно сложна и не полностью прояснена. Из прошлого сохраняются признаки скандинавского плетения, свойственного стилям Еллингге, Урнес и Рингерике. Исследователи предполагают воздействие романского и византийского искусства (*Орлова*, 2012. С. 375; *Архипова*, 2015. С. 315, 316; *Жилина*, 2023а. С. 58, рис. 8, 14, 15). Этот аспект требует специального исследования с лучшей опорой на датированные образцы и точные стилистические аналогии.

(рис. 3, 3). Пропорции скульптурно-рельефных ликов также передаются чистыми и мягкими линиями (рис. 3, 4).

Художественный металл. В классической манере выполнены гравированные изображения персонажей Деисуса на потире середины столетия из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском (рис. 4, 1).

Баланс стилистических черт пластин Вщижских арок характерен для середины XII в., криволинейно показаны птицы, основной плетеный орнамент фона, зооморфные мотивы ножек (рис. 4, 2, 3, 6, 7). Мотив орла наверху арок отличается большей геометризovanностью, что сближает его с изображениями прежнего периода, но скованность связана и с его центральным расположением и фронтальной позой (рис. 4, 5). Интересен фрагмент плетеного орнамента, обрамляющий снизу медальон с птицей: он сохранил остатки стилистики скандинавского искусства — узловатость и некачественно выполненное, но просматривающееся изображение зверя в профиль (рис. 4, 4). Такой факт говорит об орнаментальной памяти мастеров, знавших образцы искусства X — начала XI в.

Стадию гармоничного изображения можно увидеть на произведениях *ювелирного искусства*. Хронологическое выделение группы таких украшений подтверждено стилистическими аналогиями из русского и византийского прикладного искусства (*Жилина*, 2014. С. 61–70, 88, 89, 115, 140, 160–162, рис. 42–52). Орнаментация украшений, которые можно соотносить со второй и третьей четвертями XII в., характеризуется активным использованием растительных мотивов; зооморфные и растительные — передаются криволинейно и имеют естественные пропорции.

Древнерусская эмаль ориентировалась на византийскую, где с конца XI и в XII в. используется более правильное отображение пропорций в фигуративных изображениях, а также криволинейный растительный орнамент (*Там же*. Рис. 48). На украшениях и произведениях светской направленности наблюдается значительно большая плотность, насыщенность растительно-завиткового (кринообразного) орнамента. Большую роль приобрела кривая линия, сочетаемая с завитковыми элементами. Детали зооморфных мотивов принимают форму растительных элементов, их в целом становится больше (*Там же*. Рис. 49).

Аналогичный процесс наблюдается и при рассмотрении украшений из древнерусских кладов.

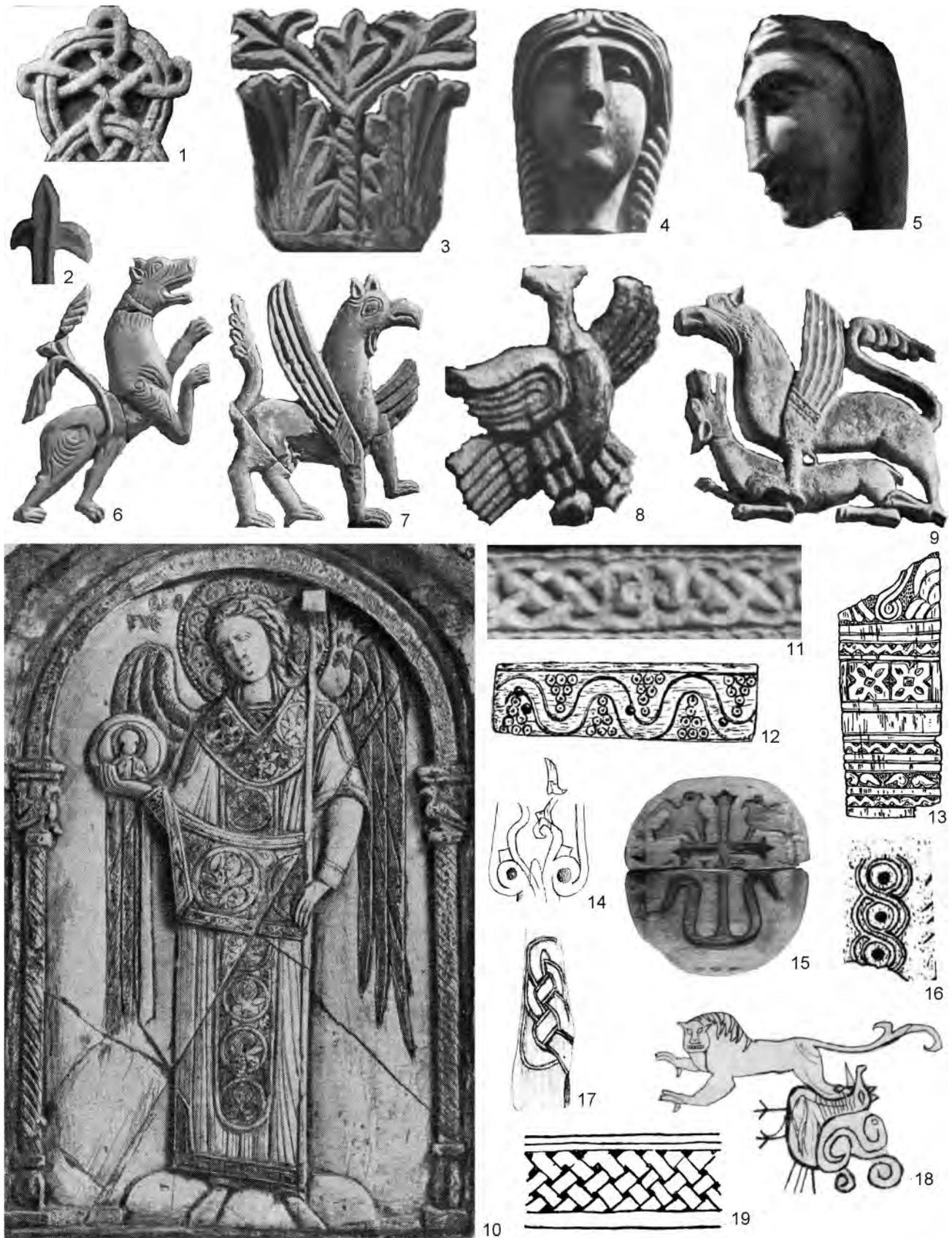

Рис. 3. Резьба: камень — 1 — столбик, Успенский собор, Галич, 1152–1157 гг.; 2 — крин, колонка, песчаник, Киев, XII в. (Архипова, 2015. Ил. 480, 466); 3, 4 — капитель и консоль, Успенский собор, Владимир, 1185–1189 гг.; 5–9 — церковь Покрова на Нерли, 1165 г. (Вагнер, 1969. Ил. 132, 128г, 94, 100, 102, 107); 10 — архангел Гавриил, икона, XII в. (Банк, 1978. Рис. 87); 11 — Михайловская церковь, Чернигов, последняя четверть XII в. (Архипова, 2015. Ил. 4536); кость, накладки — 12, 16 — Киев, XII в. (Сергеева, 2010. Табл. 57, 2, 7); 13 — Смоленск, XII в. (Асташова, 1993. Рис. 7, б); дерево, Великий Новгород — 14 — наверхушки прялки, XII в. (Wood Use..., 2007. Fig. 9.4: 2); 15 — пряничная доска, 1161–1177 гг.; 17, 19 — копыл и ложка, 1161–1177 гг.; 18 — рисунок на гусях, первая половина XII в. (Колчин, 1971. Рис. 4, 4; табл. 4, 1; 1, 16; 3, 29)

Fig. 3. Carving: stone — 1 — column, the Dormition Cathedral, Galich, 1152–1157; 2 — crine, column, sandstone, Kiev, 12th cen. (Архипова, 2015. Ил. 480, 466); 3, 4 — capitals and consoles, the Dormition Cathedral, Vladimir, 1185–1189; 5–9 — the Church of the Intercession on Nerl', 1165 (Вагнер, 1969. Ил. 132, 128г, 94, 100, 102, 107); 10 — Archangel Gabriel icon, 12th cen. (Банк, 1978. Рис. 87); 11 — St Michael's Church, Chernigov, the last quarter of the 12th cen. (Архипова, 2015. Ил. 4536); bone, overlays — 12, 16 — Kiev, 12th cen. (Сергеева, 2010. Табл. 57, 2, 7); 13 — Smolensk, 12th cen. (Асташова, 1993. Рис. 7, б); wood, Velikiy Novgorod — 14 — spinning wheel's tip, 12th cen. (Wood Use..., 2007. Fig. 9.4: 2); 15 — gingerbread board, 1161–1177; 17, 19 — poppet and spoon, 1161–1177; 18 — drawing on psaltery, first half of the 12th cen. (Колчин, 1971. Рис. 4, 4; табл. 4, 1; 1, 16; 3, 29)

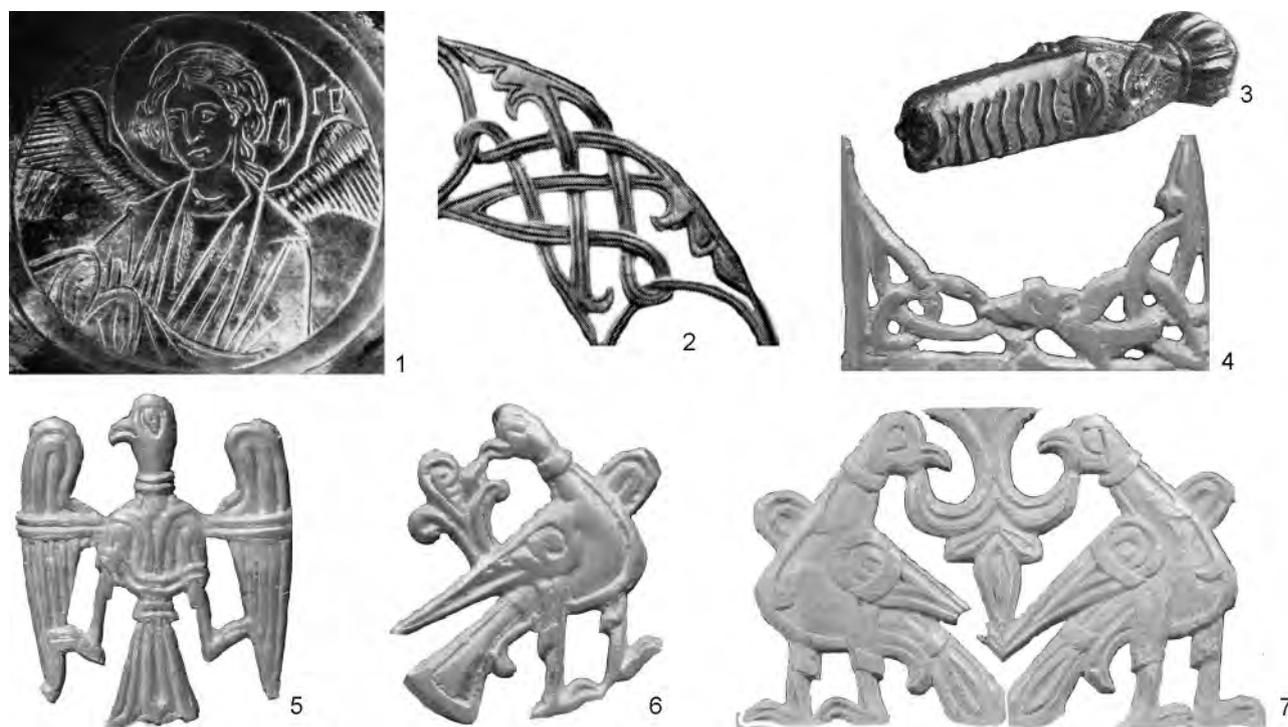

Рис. 4. Художественный металл середины XII в.: 1 — архангел Гавриил, потир, Спасо-Преображенский собор, Переславль-Залесский; 2–7 — Вщижские арки (Рыбаков, 1971. Ил. 77, 123, 120; 1987. Рис. 61)

Fig. 4. Metalwork art of the middle of the 12th cen.: 1 — Archangel Gabriel, chalice, the Transfiguration Cathedral, Pereslavl-Zalessky; 2–7 — Vshchizh arches (Рыбаков, 1971. Ил. 77, 123, 120; 1987. Рис. 61)

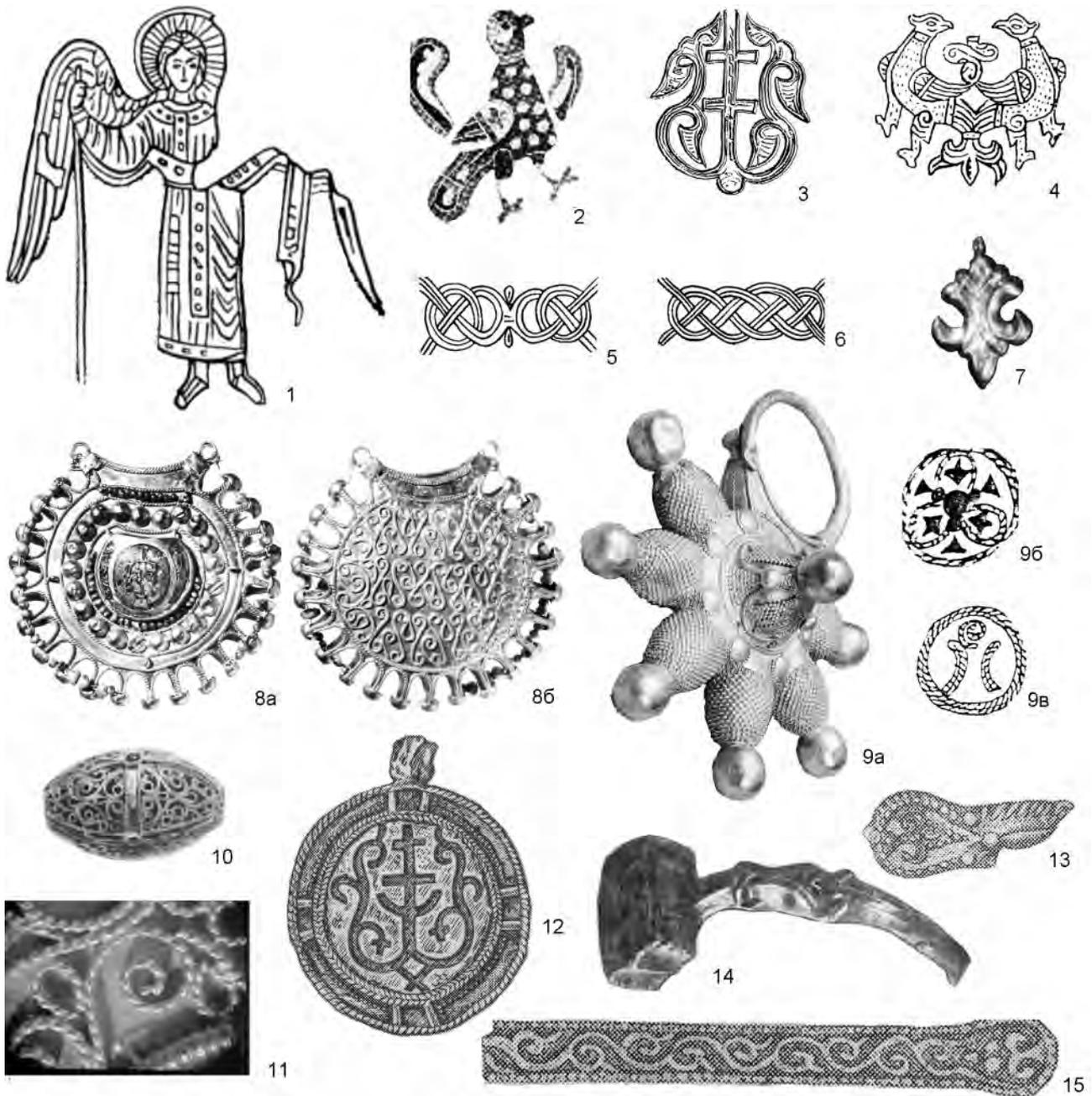

Рис. 5. Ювелирные изделия, середина XII в.: серебро, золото — 1 — медальон, чернь, Владимир, 1865 г.; 2 — цепь-рясно, эмаль, Киев, 1840-е гг.; чернь — 3 — медальон, Владимир, 1837 г.; 4 — колт, Терехово Орловской губ., 1876 г.; 5, 6 — браслеты, Тверь, Киев; 7 — подвеска, Хмельницкая обл., 1978 г.; 8а, 8б — колт, эмаль и филигрань, Старая Рязань, 1992 г.; 9а-9в — колт, зернь и скань, Москва, 1988 г.; Старая Рязань, 1822 г. — 10 — бусы, филигрань (Жилина, 2014. Рис. 50, 5; № 191/3; 166/1в; 154/2; 162/26); 11 — оправа колта (Жилина, 2010. Ил. XVII, 1); Новгород, металл; 12 — медальон; 13-15 — браслеты (Седова, 1981. Рис. 15, 2; 42, 6, 8; 55).
Указаны даты находки

Fig. 5. Jewelry, middle of the 12th cen.: silver, gold — 1 — medallion, niello, Vladimir, 1865; 2 — chain-рясно, enamel, Kiev, 1840s; niello — 3 — medallion, Vladimir, 1837; 4 — kolt, Terekhovo, Orel province, 1876; 5, 6 — bracelets, Tver, Kiev; 7 — pendant, Khmel'nitsky region, 1978; 8a, 8b — colt, enamel and filigree, Old Ryazan, 1992; 9a-9b — kolt, granulation and skan, Moscow, 1988; Old Ryazan, 1822 — 10 — beads, filigree (Жилина, 2014. Рис. 50, 5; № 191/3; 166/1в; 154/2; 162/26); 11 — kolt frame (Жилина, 2010. Ил. XVII, 1); Novgorod, metal; 12 — medallion; 13-15 — bracelets (Седова, 1981. Рис. 15, 2; 42, 6, 8; 55). The dates of finds are indicated

Трактовка ликов и фигур христианских персонажей в черни и эмали становится более мягкой и детализированной, соблюдаются правильные пропорции (рис. 5, 1, 8а).

Перегородчатая эмаль, давшая в предшествующий период идеал аскетического изображения, сдержанно отражает изменения в сторону классицизма. Причиной этого является ячеистый дробный характер изображения, заложенный техникой исполнения. Эталонным для периода можно считать изображение птицы на цепи-рясне (рис. 5, 2). Выделяется пласт украшений с такой стилистикой без крайностей: без навязчивого геометризма и лишней изгибистости (*Там же*. Рис. 50).

В черневой орнаментации, связанной с более свободным гравированным рисунком, в середине столетия растительный орнамент, вероятно, преобладает. Растительные элементы выглядят более «живыми» и разнообразными. Разрабатывается композиция процветшего креста (рис. 5, 3), «прорастают» фигуры антропоморфных и зооморфных персонажей. Растительный орнамент соединяет зооморфные элементы, окружает христианские сюжеты (рис. 5, 4).

Плетение более регулярно, четко организованные бордюры объединяют плетеный и растительный орнамент (рис. 5, 5, 6). Плетеный орнамент обладает способностью «поглотить» растительные и зооморфные элементы, видимо, развитие плетеного орнамента, линейного по структуре, соответствует тенденции линейной стилизации, что усиливается к концу XII в. (рис. 3, 11).

В тиснении складываются наиболее гармоничные формы подвесок к ожерельям и нашивные бляшки в виде трилистников и четырехлистников со слегка вытянутыми естественными очертаниями (рис. 5, 7). Геометрическая орнаментация продолжает использоваться, многие бляшки сохраняют геометрическую форму.

В искусстве филигрании можно отметить интенсивное использование завиткового орнамента, подчеркивающее криволинейность и оживленность композиции (рис. 5, 8б). К первой половине — середине XII в. можно отнести примеры строгого плоскостного завиткового стиля скани, дающего отчетливое отображение трилистника: золотые ажурные бусы и лицевая сторона оправ колтов из клада 1822 г. в Старой Рязани (рис. 5, 10, 11) (*Жилина*, 2010. С. 203–206, рис. 124, 1)⁶. Замеча-

⁶ В данной статье микрофотография филигрании вещей клада 1822 г. из Старой Рязани публикуется

правильно, что растительный орнамент проявляется даже в технике зерни и скани, приспособленной к геометрической укладке, оконтуриванию и абстрактным завиткам. Изображение трилистника — крина — выкладывается зернью на лицевой стороне колтов, сканью — на оборотной (рис. 5, 9а–9в).

Датированные ювелирные украшения 30–60/80 гг. XII в. из Новгорода подтверждают стремление к уравновешенному изображению в это время (рис. 5, 12–15)⁷.

Резьба по дереву и кости. Среди новгородских деревянных изделий с дендрохронологической датой середины столетия есть криволинейные растительные и зооморфные изображения (рис. 3, 14, 15, 18). Плетеный орнамент регулярен (рис. 3, 19), но сохраняется и узловатость (рис. 3, 17) (*Жилина*, 2018). На костяных изделиях XII в. наряду с геометрическим орнаментом используются волнообразный и витой (рис. 3, 12, 13, 16).

В княжеском костюме складывается ансамбль из золотых вышивок на шелке и серебряных нашивных бляшек (рис. 6, 1). Для демонстрации стилистической близости металлических бляшек и орнаментов дорогой одежды изображения бляшек помещены на месте орнаментальных мотивов ткани (рис. 6, 1а). Каждая бляшка или матрица для нее дает мотив кривообразного орнамента (рис. 6, 3–6, 9, 10). Мотивы складываются в бордюры и композицию сетки (рис. 6, 7, 8), соответствующие равномерному кривообразному орнаменту с естественными зооморфными мотивами вышивок⁸ (рис. 6, 2, 11).

В середине XII в. в изобразительном и декоративном искусстве устанавливается «золотое» равновесие, приближенность к идеалу, соответствующему христианству. Это сказывается в естественности, рождаемой сочетанием правильности пропорций и подчеркнутой линейности. Это означает и равновесие красоты и духовности художественного образа. Красота мотивов, отражающих и природные, и символические преобразованные существа, соответствует представлениям о божественной природе живого мира, актуализации темы соединения в образе Иисуса Христа божественной и человеческой природы.

правильно. К сожалению, в публикации, на которую сделана ссылка, снимки были опубликованы зеркально.

⁷ См. также примеры: *Седова*, 1981. Рис. 20, 11; 24.

⁸ См. также примеры: *Фехнер*, 1993. Рис. 3, 1, 4.

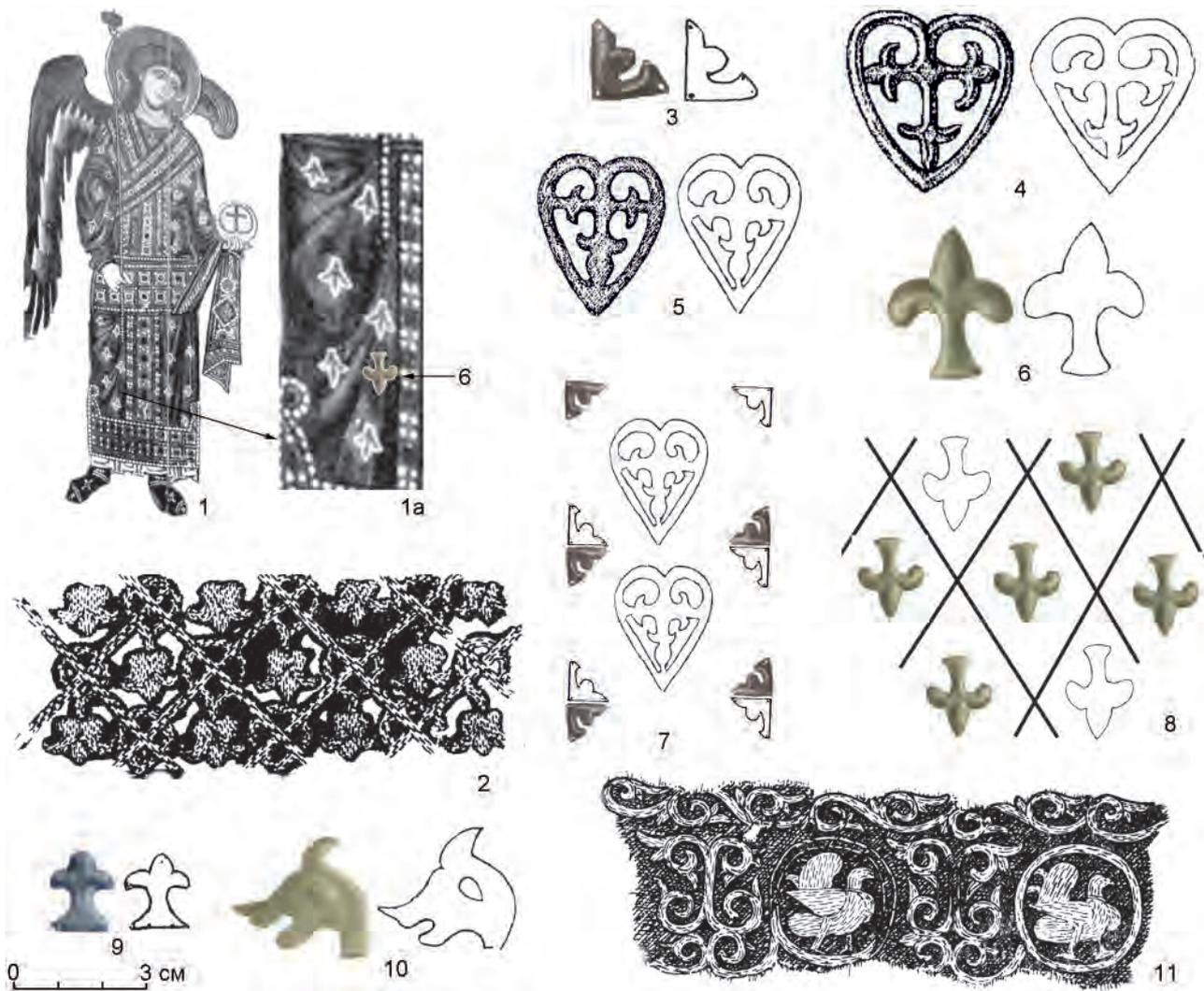

Рис. 6. Орнаментация древнерусского княжеского костюма середины — второй половины XII в. с растительным кринообразным орнаментом: 1 — архангел Михаил, мозаика собора в Монреале, 1174–1189 гг. (Лазарев, 1948. Табл. 231); золотые вышивки на шелке: 2 — гробница у церкви Иоанна Богослова в Смоленске; 11 — курган 4, дер. Белогуровская Ивановской обл. (Фехнер, 1993. Рис. 4, 3; 3, 1); нашивные бляшки, серебро: 3 — Киев, 1903 г.; 9 — Мартыновка Киевской губ., 1886 г. (Жилина, 2014. № 103/24г; 129/6е); матрицы, бронза, Старая Рязань: 4, 5 — Южное городище (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 54, 1; 61, 2); 6, 10 — раскопки А. Л. Монгайт (Монгайт, 1955. Рис. 103, 2, 4); 7, 8 — реконструкции орнаментальных бордюров из бляшек на ткани. Реконструкции Н. В. Жилиной. Масштаб для 3–6, 9, 10

Fig. 6. Ornamentation of Old Rus' princely costume of the middle — second half of the 12th cen. with plant crine-shaped ornamentation: 1 — Archangel Michael, mosaic of the cathedral in Montreal, 1174–1189 (Лазарев, 1948. Табл. 231); gold embroideries on silk: 2 — tomb at the Church of St. John the Apostle in Smolensk; 11 — kurgan 4, Belogurovskaya village, Ivanovo region (Фехнер, 1993. Рис. 4, 3; 3, 1); patch plaques, silver: 3 — Kiev, 1903; 9 — Martynivka, Kiev province, 1886 (Жилина, 2014. № 103/24г; 129/6e); matrixes, bronze, Old Ryazan: 4, 5 — Southern settlement (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 54, 1; 61, 2); 6, 10 — excavations by A. L. Mongait (Монгайт, 1955. Рис. 103, 2, 4); 7, 8 — reconstructions of ornamental borders from plaques on fabric. Reconstructions by N. V. Zhilina. Scale for 3–6, 9, 10

- Архипова*, 2015 — *Архипова Е. И.* Архитектурный декор и скульптура XII века Южной, Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства. В 22 т. Т. 2/2: Искусство второй половины XII века / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: ГИИ, 2015. С. 306–353.
- Асташова*, 1993 — *Асташова Н. И.* Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82). С. 69–78.
- Банк*, 1978 — *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Вагнер*, 1969 — *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. М.: Искусство, 1969. 480 с.
- Даркевич*, 1964 — *Даркевич В. П.* Образ царя Давида во владими́ро-суздальской скульптуре // КСИА. 1964. Вып. 99: Средневековая археология. С. 46–53.
- Даркевич, Борисевич*, 1995 — *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ, 1995. 448 с.
- Жилина*, 2010 — *Жилина Н. В.* Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН; Гриф и К°, 2010. 260 с.
- Жилина*, 2014 — *Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 391 с.
- Жилина*, 2016 — *Жилина Н. В.* Стилистические параллели: ювелирные украшения, архитектурная резьба и живопись Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 129–142.
- Жилина*, 2018 — *Жилина Н. В.* Древнерусская резьба и роспись по дереву // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4. С. 80–96.
- Жилина*, 2023а — *Жилина Н. В.* Связь христианских искусств во второй половине XI — первой половине XII в. в Византии и на Руси // ПИФК. 2023. № 2. С. 45–74.
- Жилина*, 2023б — *Жилина Н. В.* Стил «золотой середины» в христианском искусстве Руси в середине XII в. // IV Свято-Владимирские чтения: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 1035-летию Крещения Руси (Севастополь. 4–8 сентября 2023 г.) / Ред.-сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. Симферополь: ИТ «Ариал», 2023. С. 39–45.
- Колчин*, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Е1-55). 62 с., 48 табл.
- Лазарев*, 1948 — *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Атлас. М.: Искусство, 1948. Т. II. 350 табл. (без нумерации страниц).
- Лазарев*, 1973 — *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М.: Искусство, 1973. 456, XV с., ил.
- Лифшиц*, 2015 — *Лифшиц Л. И.* Белокаменная резьба Северо-Восточной Руси // История русского искусства. В 22 т. Т. 2/2: Искусство второй половины XII века / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: ГИИ, 2015. С. 355–431.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955 (МИА; № 49). 228 с.
- Орлова*, 2012 — *Орлова М. А.* Орнамент и другие элементы декоративного убранства в живописи середины 1120-х — начала 1160-х годов // История русского искусства. В 22 т. Т. 2/1: Искусство 20–60-х годов XII века / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: ГИИ, 2012. С. 337–411.
- Орлова*, 2015 — *Орлова М. А.* Орнамент и другие виды декоративного убранства в живописи второй половины XII в. // История русского искусства. В 22 т. Т. 2/2: Искусство второй половины XII века / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: ГИИ, 2015. С. 432–525.
- Попова*, 2006 — *Попова О. С.* Проблемы византийского искусства. Мозаики. Фрески. Иконы. М.: Северный паломник, 2006. 1088 с.
- Попова*, 2013 — *Попова О. С.* Пути византийского искусства. М.: Гамма-Пресс, 2013. 450 с., 406 ил.
- Рыбаков*, 1971 — *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971. 128 с.
- Рыбаков*, 1987 — *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
- Сарабьянов*, 2012 — *Сарабьянов В. Д.* Живопись середины 1120-х — начала 1160-х годов // История русского искусства. В 22 т. Т. 2/1: Искусство 20–60-х годов XII века / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: ГИИ, 2012. С. 158–335.
- Сарабьянов, Смирнова*, 2007 — *Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С.* История древнерусской живописи. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2007. 752 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 195 с.
- Сергеева*, 2010 — *Сергеева М. С.* Косторізна справа у стародавньому Києві. Київ: КНТ, 2010. 256 с.
- Фехнер*, 1993 — *Фехнер М. В.* Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82). С. 3–21.
- Wood Use..., 2007 — Wood Use in Medieval Novgorod / Ed. by M. Brisbane and J. Hather. Oxford: Oxbow Books, 2007. 470 p., 296 ill., 9 tabl. CD-ROM.

The “golden mean” style in the decorative art of Rus’ in the middle of the 12th century

N. V. Zhilina⁹

Keywords: style, classical, curvilinear, figurative image, ornamental motif, Old Rus’, 12th century.

In the middle of the 12th cen., in the Byzantine and Old Rus’ painting the classical style emerged, combined with the principle of linear allocation of the image contour and linear stylization. This gives conditionalism and decorativeness to images and ornamental motifs and enhances visual and semantic perception (fig. 1). Figurative images and motifs of plant and zoomorphic ornamentation receive natural outlines created by soft curved lines close to oval (fig. 2).

The stylistics of stone reliefs of the Church of the Intercession on the Nerl’ combines with the asceticism of the former time, preserving graphic character and geometricism. The stylistics of the reliefs of the Dormition Cathedral in Vladimir is advanced, to a combination with linear stylization. But in general, the white stone carving of these temples actively uses curvilinear vegetative ornament and soft smooth interpretation of the faces. Similar stylistic features are observed on a series of wood and bone carvings originating from the archaeological material of the dated layers (fig. 3).

The Deesis composition on the chalice from the Cathedral of the Transfiguration in Pereslavl-Zalessky; zoomorphic motifs and the woven ornament of the Vshchizh arches executed with flowing lines correspond to the classical norms of the time (fig. 4).

A series of jewelry pieces in the technique of cloisonné enamel, niello and embossing shows the creation of harmonious zoomorphic and plant ornamentation. Dendrochronologically dated jewellery from Novgorod, characterized by similar stylistics, confirms this dating (fig. 5).

The princely costume based on crine-shaped ornamentation demonstrated an ensemble of patterns of gold embroideries and ornamentation of silver patch plaques (fig. 6).

The stylistic direction in the Old Rus’ fine and decorative arts of the middle of the 12th cen. can be characterized as the “golden mean” style. Images and motifs of correct natural outlines, highlighted by a line, create ideal images of Christian art, representing a balance between the earthly and divine sides of phenomena.

⁹ Natalia V. Zhilina — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

Археологические признаки древнерусской древо-земляной фортификации¹

В. Ю. Коваль²

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении признаков, по которым археологи могли бы определять, что тот или иной вал является остатками древо-земляной стены, а не насыпной структурой. Перечень таких признаков составлен впервые. В результате установлено, что если в валу древнерусского города обнаруживаются следы древесины или даже хотя бы прямоугольных в плане структур без всяких следов дерева, то эти признаки однозначно указывают на то, что данный вал является остатками древо-земляной стены. Поэтому словосочетания «внутриовальные конструкции» и «внутриовальные каркасы», введенные в 1950-х гг. П. А. Раппопортом для обозначения следов древесины внутри валов, для дальнейшего использования неприемлемы, поскольку они вводят в заблуждение.

Ключевые слова: вал, ров, древо-земляная стена, фортификация, средневековая Русь.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-211-219

Древнерусская древо-земляная фортификация остается одним из дискутируемых вопросов средневековой археологии. Несмотря на появление фундаментального исследования Ю. Ю. Моргунова (2009) и других работ целого ряда иных исследователей (Г. В. Борисевича (1987), К. С. Носова (2019), И. Ю. Стрикалова (2011), автора (Коваль, 2015)), в которых обосновывалось и доказывалось, что все изученные на должном методическом уровне валы древнерусских городов (датируемые до XVII в.) неизменно оказывались руинами древо-земляных стен, этот очевидный факт остается лишь «условно-признанным». Многими археологами и подавляющим числом историков, музееведов (не говоря уже о широкой публике) валы продолжают рассматриваться как «насыпи». Назовем *причины* сохранения такой позиции даже у весьма уважаемых исследователей.

1. Мнение о насыпном происхождении всех без исключения валов было распространено в нау-

ке и краеведении на протяжении более чем 100 лет, среди нескольких поколений, и отказ от сложившейся точки зрения не может быть осуществлен одномоментно. Тем более что историки и археологи, не занимающиеся вопросами фортификации специально, не всегда осведомлены о новых данных, изменяющих устоявшиеся положения.

2. Специалистам хорошо известно, что на протяжении тысячелетий (в эпоху бронзы, раннем железном веке, раннем Средневековье) подавляющее число валов представляли собой именно насыпи. Поэтому констатация иной природы формирования валов в русском развитом Средневековье неизбежно рассматривается как противоречие.

3. Такое же противоречие формируется и при сопоставлении с данными о насыпных валах эпохи господства огнестрельного оружия (начиная с XVI в.), причем эти сведения зафиксированы в многочисленных трактатах европейских фортификаторов, в инструкциях по оборонному строительству редутов и других насыпных конструкций, изданных в XVIII–XIX вв. (Соловьев, 2022). Действительно, в XVI в. начался и уже в следующем столетии практически завершился полный отказ от древо-земляной и каменно-кирпичной фортификаций, эффективность противостояния которых артиллерийскому обстрелу

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: kovaloka@mail.ru.

© Коваль В. Ю., 2024

Рис. 1. Остатки деревянных срубов разной степени сохранности — хорошей (1) и плохой (2): 1 — срубы в валу Владимира-на-Клязьме (Седов, 1961. Л. 4); 2 — срубы в валу города Лух (Ивановская обл.) (Коваль, Костылёва, 2021. Рис. 4, А)

Fig. 1. Remains of wooden log cabins of different degrees of integrity — good (1) and bad (2): 1 — log cabins in the rampart of Vladimir-on-Klyazma (Седов, 1961. Л. 4); 2 — logs in the rampart of the town of Lух (Ivanovo region) (Коваль, Костылёва, 2021. Рис. 4, А)

уступала полностью земляным насыпям. При этом в XVI в., когда опыт возведения насыпей только нарабатывался, некоторые итальянские инженеры пытались использовать при строительстве земляных бастионов различные внутренние деревянные конструкции (Медведь, 2021; Коваль, 2022). Лишь с накоплением опыта строительства таких укреплений стало ясно, что присутствие дерева внутри насыпи не способно улучшить ее качественные характеристики и помещение деревянных конструкций в насыпи является бесполезной тратой сил и средств. Отказ от них произошел, по-видимому, уже в конце XVI в.

4. Любая концепция, обладающая некой «новизной», неизбежно встречает критическую реакцию, что само по себе не просто справедливо, но является вообще признаком научного знания. Поэтому осторожное отношение к разработкам Г. В. Борисевича и Ю. Ю. Моргунова является

нормальной реакцией научного сообщества на «новую» точку зрения.

5. Для убедительного доказательства «руинного» происхождения древнерусских валов требуются новые их раскопки, но такие работы проводятся крайне редко в силу их трудоемкости и затратности. Поэтому лишь отдельные археологи получают возможность проверить на практике те положения, которые воспринимаются ими только в виде теории.

Чтобы минимизировать риск проведения раскопок валов по устаревшим методикам середины XX в. (узкой траншеей, без фиксации пластовых планов и поиска плохо сохранившихся следов истлевших деревянных срубов стен), полезным кажется в сжатом виде изложить **основные археологические признаки древо-земляных стен**, встречающихся в валах древнерусских городов.

1. Первым и самым убедительным признаком того, что исследуемый вал представляет собой руину древо-земляной стены, являются остатки деревянных срубов-городней (при срубной системе строительства) или бревенчатых накатов (при перекладной системе), обнаруживаемые при раскопках, проводимых широкой площадью или траншеей шириной не менее 6 м. К сожалению, дерево очень плохо сохраняется в валах, поскольку само их возвышенное положение приводит к быстрому дренированию атмосферной влаги и усиленному проникновению воздуха, что ведет к ускоренным процессам гниения древесины. Случаи хорошей сохранности дерева в валах очень редки. Тем не менее в самых нижних частях валов (близко к материку), особенно в понижениях рельефа, остатки бревен, составлявших срубы-городни, нередко сохраняются (рис. 1). В тех случаях, когда самой древесины уже нет, просматриваются полосы древесного тлена, толщина которых ни в коей мере не может свидетельствовать о толщине древних бревен: в ходе постоянного уплотнения грунта растет давление на рыхлую тленистую массу, в результате чего от некогда мощных бревен срубов могут сохраняться полоски тлена толщиной иногда всего 1–2 см (рис. 2). Не следует думать, что эти полоски оставлены «досками» лишь потому, что толщина полос кажется слишком малой. В некоторых условиях дерево истлевало полностью, но от бревен остаются в грунте полости, диаметр которых очень редко не претерпевает каких-то изменений (рис. 3, 2), чаще всего он уменьшается относительно исходного в несколько раз так, что от бревен диаметром 20–30 см могут сохраняться полости диаметром

всего 5 см (рис. 4). Наконец, истлевшая древесина могла замещаться грунтом или корнями ныне живущих деревьев.

Разные варианты объясняются различными гидрогеологическими условиями, формирующимися после того, как стена оказывалась разрушена и превращалась в осыпь. Важное значение имеет также то, какого рода грунт помещался в городни (песок, глина, культурный слой и т. п.), степень его кислотности, какая растительность формировалась на «валу» (трава, деревья). Немаловажны были и размеры стены (высота, ширина), а значит, и размеры образующегося вала, поскольку небольшой вал мог за прошедшие века быть полностью переработан в процессе почвообразования до однородного материала. Все эти факторы в их взаимном сочетании оказывали существенное влияние на степень сохранности древесины.

К этому следует добавить, что наряду с городнями стены могли включать и пустотелые срубы, использовавшиеся как жилые и подсобные помещения. В ходе ремонтов стены и ее окончательного разрушения эти срубы обычно приходят в негодность быстрее всего и потому имеют самую плохую сохранность.

Разумеется, лучше всего сохраняются те деревянные конструкции, которые сгорели в результате пожара. Древесный уголь даже в случае деформации под действием давления масс грунта сохраняется в земле и не подвержен гниению, являясь наиболее выразительным доказательством присутствия древесины в древности.

2. Нередки случаи, когда древесина срубов-городней истлевала в валах полностью, не сохранив даже малейших остатков древесного тлена (см. признак 1). Однако даже в этом случае при площадных вскрытиях и проведении горизонтальных зачисток удается выявлять прямоугольные или близкие к таковым структуры, являющиеся следами некогда стоявших городней (рис. 5). При засыпке этих городней часто использовался разный по цвету и набору составляющих грунт (рис. 2), что позволяет фиксировать четкие границы между заполнениями соседних городней. И даже в том случае, когда использовался совершенно однородный грунт, он все же отличался в соседних городнях по незначительной разнице в оттенках цвета и структуре — ведь перед засыпкой городней не проводилась искусственная гомогенизация грунтов, и даже малейшие различия в этом грунте хорошо различимы на горизонтальных зачистках. Не всегда такие различия фиксирует фотография (особенно при съемке под углом и при резком или

Рис. 2. Полосы древесного тлена, оставшиеся в валу Ростиславля Рязанского от истлевших городней (Коваль, Русаков, 2016. Рис. 4)

Fig. 2. Strips of wood decay left in the rampart of Rostislavl-Ryazansky from decayed timber boxes (Коваль, Русаков, 2016. Рис. 4)

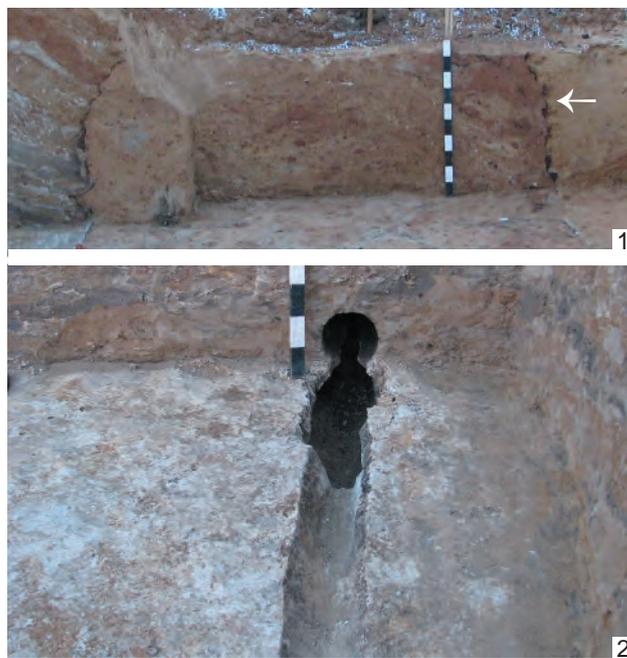

Рис. 3. Следы бревен городней в разрезах стены города Лух: 1 — торцы полусгнивших бревен (Коваль, Костылёва, 2021. Рис. 7, А); 2 — полости от полностью истлевших бревен (Там же. Рис. 6, Б)

Fig. 3. Traces of the logs of the timber box in the sections of the wall of the town of Lugh: 1 — ends of half-rotten logs (Коваль, Костылёва, 2021. Рис. 7, А); 2 — cavities from completely decayed logs (Ibid. Рис. 6, Б)

Рис. 4. Раскоп Н. В. Сапожникова у Копытецких ворот 1981 г. Деталь северного профиля с полостями от выгнивших бревен городни (Сапожников, 1991. Рис. 33)

Fig. 4. Excavation by N. V. Sapozhnikov near Kopytetskie gate in 1981. Detail of the northern profile with cavities from rotten logs of the timber box (Сапожников, 1991. Рис. 33)

Рис. 5. Различные по цвету и структуре грунты в городнях стены Ростиславля Рязанского, вся древесина которых истлела и следов ее в валу не осталось

Fig. 5. Different in colour and structure soils in the timber boxes of Rostislavl-Ryazansky's wall, all the wood of which has decayed having left no traces of its remains in the rampart

недостаточном освещении), однако визуально такие отличия обнаруживаются при внимательном отношении исследователя к грунтам (это могут быть мельчайшие включения, микропрослойки, отличия в плотности грунта).

При перекладной технике возведения стен истлевшие деревянные накаты сохранялись в виде многочисленных параллельных полос древесного тлена, залегающих параллельно друг другу.

3. До недавнего времени основным источником знаний о структуре вала был вертикальный профиль поперечного разреза этого вала. На этих профилях иногда хорошо видны торцы истлевших бревен (рис. 3, 1) или полости от тех же бревен, органический материал которых полностью вымыт (рис. 3, 2; 4). Однако в тех случаях, когда древесина бревен истлевала без образования полостей (даже самого небольшого диаметра), от бревенчатых стенок городней оставались только тонкие полоски древесного тлена толщиной около 1 см (рис. 6, 1) (то есть такие же, какие фиксируются на горизонтальных зачистках пластов), а иногда не оказывается и таких следов (рис. 6, 2). В этих случаях вертикальные границы соседних городней можно выделять по различиям (часто незначительным) в цвете, составе грунта и наличию/отсутствию слоистости грунтов в двух соседних городнях (то есть по тем же признакам, что и на горизонтальных зачистках). Но на вертикальных разрезах валов, если древесина древних городней не сохранилась, выявлять эти конструкции значительно сложнее, чем при анализе горизонтальных площадных зачисток.

При этом в ходе гниения городней часто происходила их деформация из-за разновекторного давления масс грунта, имевшего разную плотность, так что стенки городней очень редко сохраняли вертикальность, чаще приобретая уклон в одну из сторон или волнистый профиль с изгибами в одну или другую сторону. Самые сильные деформации происходили там, где городни соседствовали с пустотелыми клетями, которые после их разрушения в ходе перестройки стены также получали заполнение (засыпку материалом от разбора верхней части стены). В этих случаях деформация происходила в сторону менее плотного заполнения пустотелых клеток — наклон стенок разрушавшейся городней мог достигать 40–45° к линии горизонта (рис. 7).

Стены перекладной конструкции в немногочисленных хорошо изученных случаях имели древесину неплохой сохранности (рис. 8). Но можно думать, что при полном истлевании древесины

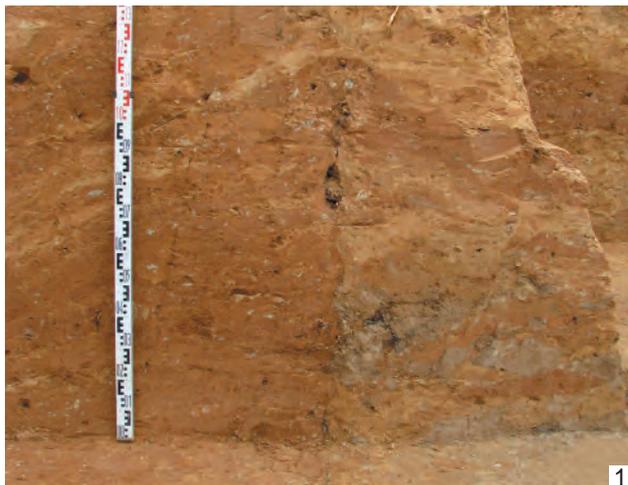

Рис. 6. Границы между городнями с полностью истлевшими бревнами, следы которых практически утрачены: 1 — в разрезе одной из городней стены города Лух (Коваль, Костылёва, 2021. Рис. 5, А); 2 — в разрезе городней стены Ростиславля Рязанского (граница между городнями проходит слева от вертикальной рейки и определяется только по разной фактуре заполнения соседних городней)

Fig. 6. Boundaries between the timber boxes with completely decayed timbers, traces of which are almost lost: 1 — in a section of one of the town walls of the town of Luh (Коваль, Костылёва, 2021. Рис. 5, А); 2 — in a section of the town wall of Rostislavl-Ryazansky (the boundary between the timber boxes lies to the left of the vertical rail and is determined only by the different texture of the filling of the neighboring boxes)

такие стены будут оставлять как в профилях валов, так и на горизонтальных зачистках многочисленные параллельные полосы тлена.

Внешние (как фронтальная, так и тыльная) стороны стен чаще всего сохранялись в наихудшей степени, поскольку они первыми обрушивались при любых деструктивных воздействиях (при пожаре, исчезновении в результате гниения древесины городней, целенаправленной разборке стены) и могли либо вовсе не дойти до наших

Рис. 7. Граница между городней (слева) и засыпкой пустотелой клетки (справа) стены Ростиславля Рязанского
Fig. 7. Boundary between the timber box (left) and the backfill of the hollow klet' (right) of the wall of Rostislavl-Ryazansky

Рис. 8. Руины стен перекладной конструкции из раскопок Минского замчища (1) и Кремля Великого Новгорода (2) (Кошман, 2022. Ил. 10; Стеценко, 1992. Л. 32, ил. 57)

Fig. 8. Ruins of the walls of the superstructure from the excavations of the Minsk Zamchishche (1) and the Kremlin of Veliky Novgorod (2) (Кошман, 2022. Ил. 10; Стеценко, 1992. Л. 32, ил. 57)

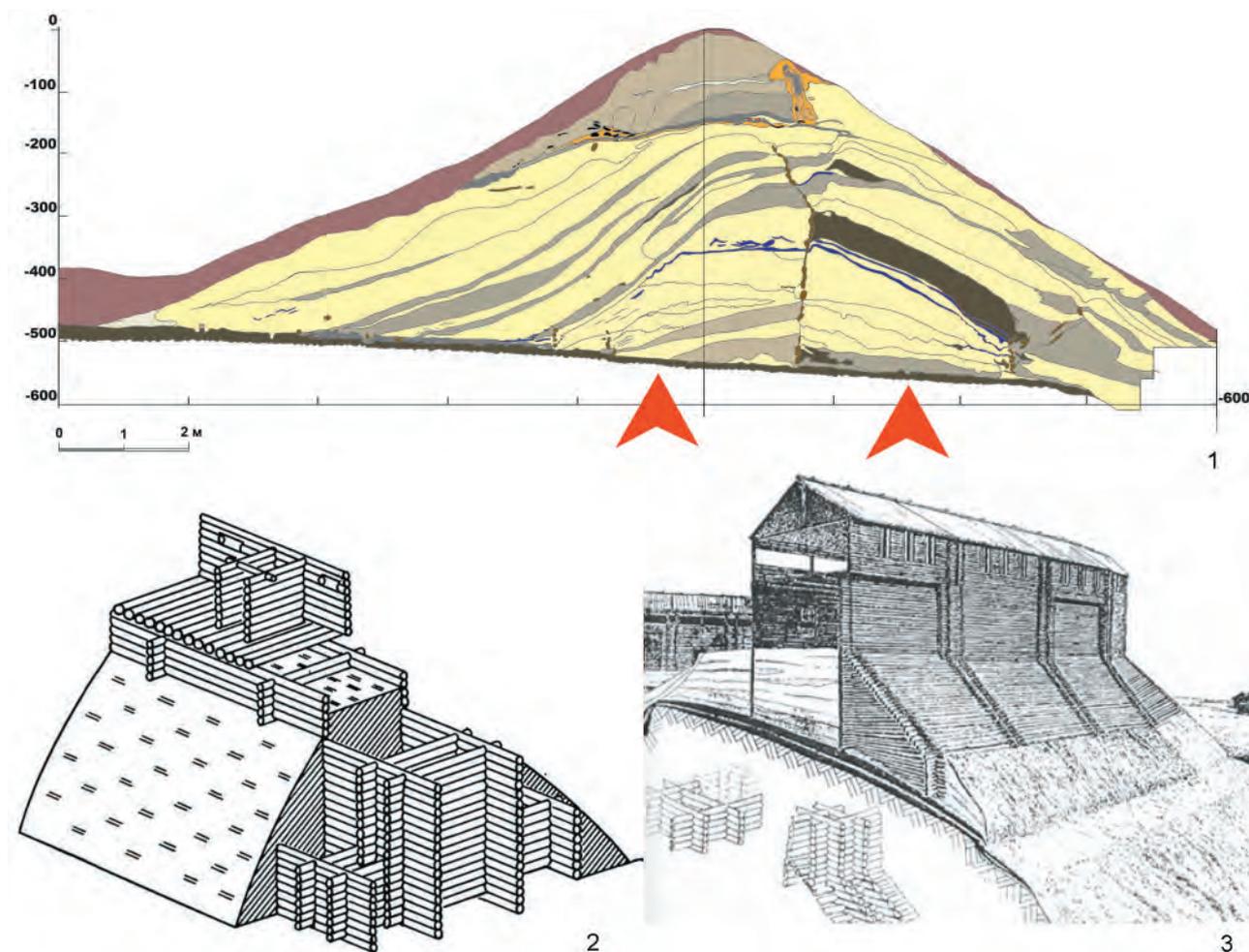

Рис. 9. 1 — разрез вала Южного городища Старой Рязани (Стрикалов, 2011. Рис. 3); 2 — реконструкция «приспы» к древо-земляной стене (Кучера, 1987. С. 124, рис. 91, а); 3 — реконструкция «талуса» у стены детинца Чернигова по В. П. Коваленко (Лук'яненко, 2017. Ил. 5). Красными стрелками указаны две соседние городни стены
 Fig. 9. 1 — section of the rampart of the Southern fortified site of Old Ryazan (Стрикалов, 2011. Рис. 3); 2 — reconstruction of the “prispa” to the timber-earthen wall (Кучера, 1987. С. 124, рис. 91, а); 3 — reconstruction of the “talus” at the wall of the detinets of Chernigov according to V. P. Kovalenko (Лук'яненко, 2017. Ил. 5). Red arrows indicate two adjacent timber boxes of wall

дней, либо от них осталось лишь несколько нижних венцов срубов. Образовавшиеся на месте таких городней осыпи приобретают в валах треугольный профиль (рис. 9), и далеко не всегда в них обнаруживаются все части деревянных конструкций. Дело в том, что если разборка стены происходила с целью ее перестройки, на месте прежней стены формировалась платформа для нового строительства, ширина которой оказывалась больше ширины основания новой стены. Образовавшаяся осыпь треугольного профиля оказывалась под воздействием постоянного проникновения влаги и воздуха, так что процесс гниения древесины в ней происходил гораздо интенсивнее, нежели в центральной части «вала». По этой причине та-

кие осыпи («полы вала») иногда воспринимаются археологами в качестве искусственно созданных «присп» или «талусов», которым приписывается фортификационное назначение (Кучера, 1987. С. 124, рис. 91; Лук'яненко, 2017). В действительности всякие присыпки к стенам ослабляли бы их защитные свойства и приводили бы к ускоренному разрушению оснований этих стен, поэтому их целенаправленное создание строителями крепостей, мягко говоря, маловероятно.

Появление приведенных абсурдных интерпретаций происходит из-за сложности разграничения разных этапов строительства (перестроек, разрушений) древо-земляных стен. Поскольку эти этапы следовали один за другим,

без существенных временных разрывов, они не отделены друг от друга стерильными прослойками, как это иногда бывает в культурных слоях (вернее, в большинстве случаев все прослойки вала оказываются лишены археологического материала). Поэтому отличить один этап от другого можно не всегда, и очевидным это различие бывает только тогда, когда менялась сама планировка городней (размеры, ориентация, число рядов). Малейшая ошибка в анализе полученных фиксационных данных приводит к тому, что разновременные части стен (или разные этапы их разрушения) начинают рассматриваться как синхронные, что влечет за собой искажение всей картины. Но надо признать, что далеко не всегда возможно однозначно верное прочтение стратиграфии валов и получение бесспорных выводов. Поэтому вариативность реконструкций пока неизбежна.

4. Редкой разновидностью древо-земляных стен являются трехстенные срубы, размещенные по склону возвышенности или опущенные ко дну рва, проходившего перед стеной, для увеличения высоты внешнего фаса этой стены. Наиболее яркие примеры таких конструкций дают материалы раскопок киевского детинца и Рюрикова городища (Носов, 2007; Михайлов, 2009; Хвоцинская, 2021). Особая сложность реконструкции планировки таких сооружений определяется тем, что при их разрушении отдельные части срубов начинают сползать вниз по склону, разрывая единую систему и превращая ее остатки в набор «обрывков стен», скорость движения которых по диагональной направляющей вниз была различной. Все это создает впечатление хаотичного расположения срубов на разных уровнях, дополняемого перекосом отдельных срубов, которые в процессе деформации на склоне утрачивают горизонтальность залегания бревен — накрываются в сторону склона, приобретая наклонное залегание, и распадаются на отдельные части.

Рассмотренные признаки ярко демонстрируют те трудности, с которыми сталкивается исследователь древо-земляных фортификаций Восточной Европы. Тем не менее само наличие таких признаков (то есть деревянных срубов или их следов, прямоугольных в плане структур грунта, вертикальных или наклонных разделительных структур в профилях валов) ясно указывает на то, что в древности исследуемый вал представлял собой древо-земляную стену — стену из деревянных срубов-городней, заполненных засыпным грунтом. В валах, представляющих собой насыпи, таких структур не наблюдается вовсе (Коваль, Ру-

саков, 2018): речь идет о валах городищ раннего железного века, валах городов волжских булгар, а также валах XVII–XVIII вв., предназначенных уже для противодействия артиллерии.

Здесь надо еще раз напомнить, что все сказанное касается именно древнерусской фортификации, существовавшей в X–XV вв., но не фортификаций всех времен и народов. Хорошо известен пример крепости Ландскрона, построенной шведами на территории современного Санкт-Петербурга в 1300 г., при возведении которой деревянные срубы использовались для создания платформы, на которой ставились древо-земляные стены (Сорокин, 2022). Строительство подобных древо-земляных платформ нехарактерно для древнерусской фортификации. Вместе с тем важно указать на то, что сама эта платформа имела оборонительное назначение и входила в комплекс фортификационных сооружений крепости, хотя и не являлась непосредственно стеной. О насыпях с деревянными конструкциями, возводившихся итальянскими инженерами XVI в., уже упоминалось ранее.

Из вышесказанного можно сделать один важный вывод: *если в валу древнерусского города обнаруживаются следы древесины или хотя бы прямоугольных в плане структур без всяких следов дерева, то эти признаки однозначно указывают на то, что данный вал является остатками древо-земляной стены.*

Следовательно, словосочетания «внутриральные конструкции» и «внутриральные каркасы», введенные в 1950-х гг. П. А. Раппопортом (1956. С. 73; 1961. С. 106) для обозначения следов древесины внутри валов, к дальнейшему использованию неприемлемы, поскольку они вводят в заблуждение. Отказ от таких словоформ ни в коей мере не умаляет авторитет замечательного археолога, корифея российской науки, поскольку развитие науки неизбежно приводит к отказу от неудачных формул, без этого невозможно продвижение вперед.

Разумеется, вал может включать как более ранние, так и более поздние (относительно древнерусской эпохи) насыпные элементы, то есть *руины стены вполне могут представлять лишь один из многих этапов формирования вала, среди которых могли быть и такие, когда вал дополнялся насыпями.* При этом нельзя полностью исключать того, что даже в древнерусское время в отдельных случаях стена могла дополняться искусственной насыпью, использовавшейся впоследствии в качестве основы для более поздних древо-земляных стен.

Таким образом, категория (и соответствующая ей дефиниция) «русские древо-земляные стены» относится к вполне определенному хронологическому интервалу (IX–XV вв.) и к достаточно четко очерченной территории, находившейся под управлением русской администрации в границах Восточной Европы. За пределами указанных территориальных и хронологических границ эта дефиниция требует проверки и уточнения. Остатки аналогичных стен известны в странах

Центральной и Западной Европы. В частности, перекладная техника строительства стен получила широчайшее распространение у западных славян, имеются также сведения о том, что сруб-городни использовались при возведении стен в ряде стран Европы (Англии, Франции, Северной Германии), а первый случай применения такого способа относится к раннему железному веку Центральной Европы (городище Бискупин и другие в Польше).

Борисевич, 1987 — Борисевич Г. В. Сооружения городища Слободка // *Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв.* М.: Наука, 1987. С. 180–182.

Коваль, 2015 — Коваль В. Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // *РА. 2015. № 1.* С. 73–87.

Коваль, 2022 — Коваль В. Ю. К поискам «итальянского следа» в древо-земляной фортификации Руси // *КСИА. 2022. Вып. 267.* С. 410–418.

Коваль, Костыльёва, 2021 — Коваль В. Ю., Костыльёва Е. Л. Раскопки вала в крепости Лух и проблема охраны историко-культурного наследия // *РА. 2021. № 2.* С. 131–146.

Коваль, Русаков, 2016 — Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского // *КСИА. 2016. Вып. 242.* С. 113–123.

Коваль, Русаков, 2018 — Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. Казань; М.: ИА АН Республики Татарстан; ИА РАН, 2018 (Материалы и исследования по археологии Великого Болгара; Т. 2). 160 с.

Кошман, 2022 — Кошман В. И. Новые данные об оборонительных сооружениях минского Замчища // *Оборонительные сооружения Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья и Нового времени: Материалы конф. / Отв. ред. О. М. Иоаннисян, П. Е. Сорокин; науч. ред. Д. Д. Ёлшин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2022 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. СХ).* С. 73–94.

Кучера, 1987 — Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1987. 218 с.

Лук'янченко, 2017 — Лук'янченко В. І. Городни — оборонні стіни Києва IX–XIII вв. Ч. 2: Талус // *Місто: історія, культура, суспільство. Київ: Інститут історії України НАН України; Історичний фак-т Київського нац. ун-ту ім. Т. Шевченка, 2017. № 1.* С. 9–22.

Медведь, 2021 — Медведь А. Н. Джамбаттиста Белуцци и его «Трактат о земляных укреплениях» // *КСИА. 2021. Вып. 264.* С. 376–387.

Михайлов, 2009 — Михайлов К. А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода

на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // *ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2009. Вып. 23.* С. 269–288.

Моргунов, 2009 — Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси. М.: Наука, 2009. 303 с.

Носов, 2007 — Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // *У истоков русской государственности: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.* С. 23–59.

Носов, 2019 — Носов К. С. Средневековые русские крепости. М.: Яуза-Каталог, 2019. 304 с.

Раппопорт, 1956 — Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии Древнерусских городов; Т. 5. МИА; № 52). 184 с.

Раппопорт, 1961 — Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 105). 246 с.

Сапожников, 1991 — Сапожников Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: МГУ, 1991.* С. 50–79.

Седов, 1961 — Седов В. В. Отчет о полевых работах Владимирской археологической экспедиции в 1961 г. // *НОА ИА РАН. Р-1. № 2293а.* 31 л.

Соловьев, 2022 — Соловьев Д. Б. Русская полевая фортификация эпохи наполеоновских войн // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, 2022. Вып. 14.* С. 341–368.

Сорокин, 2022 — Сорокин П. Е. Укрепления средневековых крепостей на Охтинском мысу // *Оборонительные сооружения Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья и Нового времени: Материалы конф. / Отв. ред. О. М. Иоаннисян, П. Е. Сорокин; науч. ред. Д. Д. Ёлшин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. СХ).* С. 158–170.

- Стеценко, 1992 — *Стеценко Н. К.* Отчет о комплексных научных археологических исследованиях вала в месте обрушения стен Новгородского Кремля в 1992 г. Т. 2 // НОА ИА РАН. Р-1. № 17336. 62 л.
- Стрикалов, 2011 — *Стрикалов И. Ю.* Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмоскoвья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2011. Вып. 7. С. 109–132.
- Хвоцинская, 2021 — *Хвоцинская Н. В.* Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // АВ. 2021. Вып. 33. С. 107–120.

Archaeological signs of Old Rus' timber-earthen fortification

B. Yu. Koval³

Keywords: rampart, moat, timber-earthen wall, fortification, medieval Rus'.

The ramparts of Old Rus' cities of the 9th–15th cen. are still often regarded as mound structures, whereas recent studies have proved that they represent the ruins of timber-earthen walls built in two different techniques — box walls (“boxes” of logs filled with earth) or (more rarely) rost-construction (hak-construction), which consisted in stacking tree trunks in layers, each one perpendicular to the previous layer (rost-constructions, especially popular among the Western Slavs, were probably borrowed from them). The most reliable sign of the bygone timber-earthen walls is therefore the wooden constructions discovered inside the ramparts (fig. 1; 8). However, wood is very poorly preserved in the dry soil of the ramparts, and therefore, most often only thin (up to 1 cm) strips of decayed wood (fig. 2; 3, 1; 6, 1) left from 20–30 cm thick logs can be recorded. Often the wood was completely decayed, leaving only cavities, which could also “shrink” to a diameter of 1–3 cm (fig. 3, 1; 4), and sometimes could leave even the slightest trace. In these cases, the presence of wooden walls in the past is detected only by the different colour and composition of the earth with which the “boxes” were filled, leaving rectangular structures in plan (fig. 5). Such structures are not detected in the ramparts representing mounds (in the Early Iron Age settlements, Volga towns, mound of the 17th–18th cen., designed to counter artillery).

Thus, it is necessary to draw an univocal conclusion: if in the rampart of the Old Rus' city traces of wood or even at least rectangular in plan structures without any traces of wood are found, then these signs unambiguously indicate that this rampart is the remain of a timber-earthen wall.

³ Vladimir Yu. Koval — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: kovaloka@mail.ru.

Вал Надбельского городища¹

И. А. Жарких, Е. Р. Михайлова, А. В. Русаков, В. Ю. Соболев²

Аннотация. В статье публикуются результаты исследований городища у дер. Надбелье (Лужский район Ленинградской области), проведенных в 1995–2001 и 2021 гг. В результате проведенных исследований уточнена его датировка, сделан анализ гранулометрического состава и мезоморфологических параметров составляющих вал городища почв.

Ключевые слова: Новгородская земля, городище, Надбелье, сопки.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-220-235

Городище близ дер. Надбелье Лужского района Ленинградской области располагается в регионе сплошного распространения сопок в нижнем течении Оредежа и, безусловно, связано с этой группой древностей.

История изучения

Археологические памятники у дер. Надбелье (рис. 1) впервые попали в поле зрения археологов во второй половине 1920-х гг. при проведении палеоэтнологического обследования Ленинград-

ской области (Шульц, Гроздилов, 1927. С. 113–115; Григорьева, Медведева, 2016). В 1927 г. П. Н. Шульц и Г. П. Гроздилов отметили близ имения (мызы) Надбелье³ «огромную», по словам местных жителей, сопку «не менее 2^x саженой высоты» и группу из 16 курганов на небольшом поросшем соснами возвышении, по правую сторону от дороги, ведущей в дер. Моровино и далее в Ям-Тёсово. По информации, полученной тогда же в Лужском музее, два кургана были исследованы землемером В. Н. Сергеевым. К северо-западу, ближе к устью р. Белой, было осмотрено мысовое городище, часть площадки которого распахивалась. Зафиксирован культурный слой темного цвета, с примесями золы, угля и включениями колотого гранита мощностью до 35 см; собрано несколько неорнаментированных черепков малых размеров; снят план и сделано два фотографических снимка.

В 1943 г. 35 курганов близ дер. Надбелье были раскопаны В. С. Пономаревым⁴, результаты работ кратко опубликованы в оккупационных газетах, находки были доставлены в Псковский музей

¹ Е. Р. Михайлова выполнила работу в рамках проекта СПбГУ «Культурно-исторические процессы на Северо-Западе Восточной Европы в начале Средневековья по археологическим данным» (Pure ID 107271130), В. Ю. Соболев — «Археологические карты Санкт-Петербургской губернии (1901–1904; 1926–1931) и современное состояние памятников». В статье использованы данные, полученные А. В. Русаковым и И. А. Жарких в Ресурсном центре микроскопии и микроанализа СПбГУ в рамках выполнения ВКР аспиранта по теме «Динамика природной среды Северо-Запада Русской равнины на основании почвенно-археологического изучения раннесредневековых славянских памятников» (номер протокола РК 43/1/18-02-1 от 22.01.2022).

² Жарких И. А., Михайлова Е. Р., Русаков А. В., Соболев В. Ю. — Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, Россия; e-mail: igor.j88@mail.ru, helena.mikhaylova@gmail.com, a.rusakov@spbu.ru, vlad.sobolev@mail.ru.

© Жарких И. А., Михайлова Е. Р., Русаков А. В., Соболев В. Ю., 2024

³ В тексте архивного документа во всех случаях название деревни дано как Надбелье, на дореволюционных картах название встречается как в таком виде, так и в современном написании Надбелье.

⁴ Большая часть курганов (31 из 35) была исследована В. С. Пономаревым в группе, находившейся в урочище Масляные Лужки, примерно в 2,5 км к юго-западу от деревни; информация о ней отсутствует в военных документах об археологических памятниках микрорегиона, в послевоенное время она также не была локализована.

(Пономарев, 1943а; 1943б; 1943в; Бернев, Ковалев, 2009). О «немецких раскопках» во время Великой Отечественной войны жители дер. Надбелье вспоминали еще в 1990-е гг.

В 1979 г. Ю. М. Лесман осмотрел памятники у дер. Надбелье, снял глазомерный план городища и нашел неизвестную ранее курганную группу на огородах деревни, в 100 м к западу от сопки (Лесман, 1980); в 1980-х гг. Е. М. Колпаков составил паспорта памятников.

В 1990-х гг. разведочное обследование, а потом и раскопки городища провел С. Л. Кузьмин. В ходе работ был изучен культурный слой мощностью 40–100 см, частично прорезан вал, выявлены следы застройки на площадке городища и перекладные деревянные конструкции в теле вала. Памятник был датирован IX — началом X в. (обоснование приведено далее).

В 2020 г. в ходе мониторинга объектов археологического наследия Ленинградской области Надбельское городище (ОАН «Надбелье-4. Городище») было обследовано С. А. Васильевым и С. А. Семеновым, снявшими инструментальный топографический план и определившими границы памятника (Городилов, 2020). В 2021 г. городище было вновь обследовано авторами настоящей статьи: был уточнен план памятника и характеристика его фортификации, а также выполнены две зачистки обнажений на валу городища⁵, откуда были взяты образцы погребенных почв (рис. 2).

Топография памятника

Городище расположено в 1,5 км к северо-востоку от дер. Надбелье, на узком пространстве левого коренного берега р. Оредеж, ограниченном впадающими в Оредеж небольшими реками Белой и Моровинкой (Моровкой), на локальном возвышении на изгибе левого коренного берега

⁵ Несколько слов об используемой авторами терминологии и интерпретации рассматриваемых конструкций (ср.: Моргунов, 2019; Коваль, 2021). Мы пользуемся словом «вал», поскольку именно в таком виде — как низкий оплывший земляной вал — дошли до нас остатки оборонительной стены по краю городищенской площадки. Его стратиграфия и выявленные конструкции однозначно свидетельствуют, что в своем первоначальном, «рабочем», виде это была насыпь из суглинка, глины и валунов, армированная перекладными деревянными конструкциями, которая представляла собой основание оборонительной стены. Состояла ли сама стена из частокола, заплота или каких-то рубленых конструкций, сказать невозможно, тем более что верхний уровень вала распахан на всем своем протяжении.

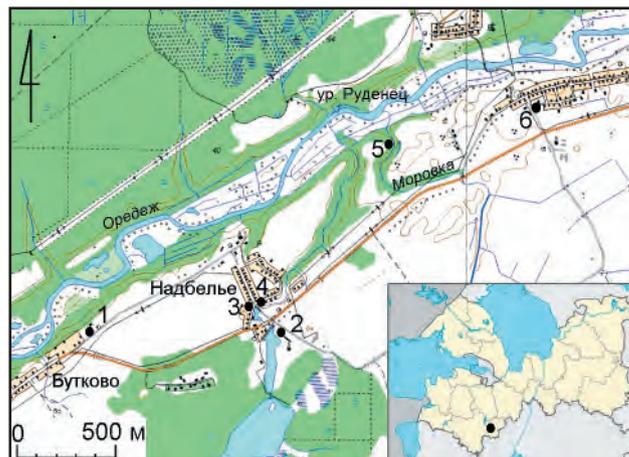

Рис. 1. Археологические памятники в окрестностях дер. Надбелье: 1 — курган Бутково-2 (не сохранился); 2 — курганно-жальничный могильник Надбелье-3; 3 — курганная группа Надбелье-2; 4 — сопка Надбелье-1; 5 — городище Надбелье-4; 6 — курганно-жальничный могильник Моровино-2

Fig. 1. Archaeological sites in the vicinity of the village Nadbelye: 1 — Butkovo-2 burial mound (non-extant); 2 — the burial mound-zhalnik complex Nadbelye-3; 3 — burial mound group Nadbelye-2; 4 — the hill Nadbelye-1; 5 — the fortified site Nadbelye-4; 6 — the burial mound-zhalnik complex Morovino-2

р. Моровинки, в 0,6 км к северу от автодороги Луга — Оредеж.

Площадка городища — почти трапециевидной в плане формы, размерами около 100 × 50–90 м — расширяется в северной части, обращенной к пойме Оредежа. С севера, востока и юга она ограничена крутыми склонами коренного берега р. Моровинки, огибающей городище. С западной, напольной, стороны городище ограничено крутым (эскарпированным) склоном, по краю которого проходит оплывший земляной вал. Высота городища над уровнем примыкающего с запада поля составляет 2,5–3,0 м, над уровнем р. Моровинки — чуть более 20 м. В настоящее время на площадку городища ведут два пути — тропинка со стороны поймы р. Оредеж к северо-западному углу городища и доступный для автомашин въезд с поля на юго-западный угол площадки.

Разведочные работы 2021 г. выявили следы эскарпирования северо-восточного и восточного склонов городища (со стороны р. Моровинки) в верхней трети / половине склона.

Раскоп С. Л. Кузьмина 1995–2000 гг. расположен в юго-западной части площадки городища, близ въезда, и в настоящее время густо зарос

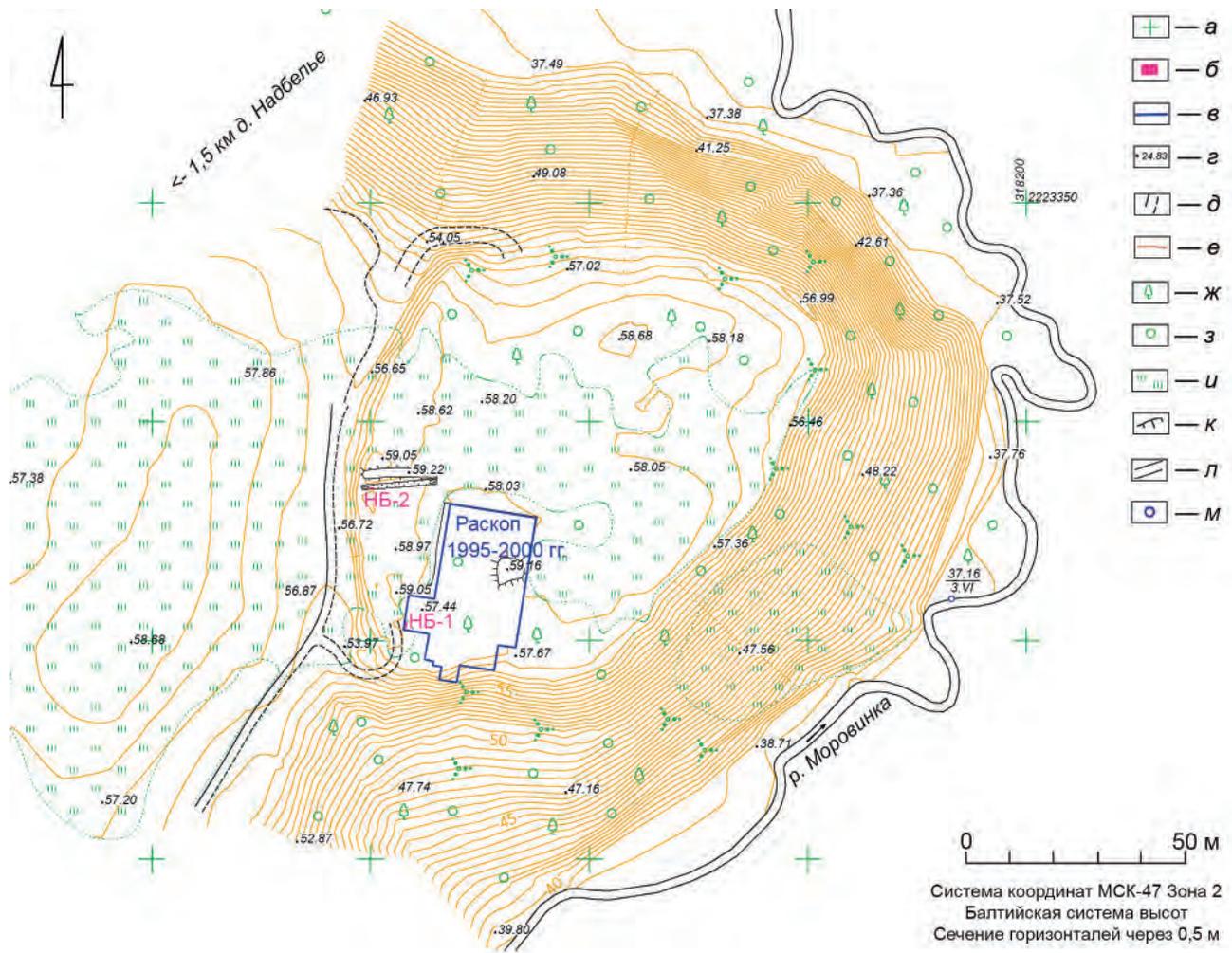

Рис. 2. Городище Надбелье. Топографический план памятника с указанием мест зачисток 2021 г. Съемка С. А. Васильева (2020 г.) с уточнениями авторов (*а* — точка пересечения координат; *б* — зачистки; *в* — граница раскопа 1995–2000 гг.; *г* — высотные отметки; *д* — полевая дорога; *е* — изолинии; *ж* — лиственный лес; *з* — дерево; *и* — высокотравье; *к* — траншеи и отвалы грунта; *л* — р. Моровинка; *м* — отметка уреза воды)

Fig. 2. Nadbelye fortified site. Topographic plan with the indication of 2021 clearings. Survey by S. A. Vasiliev (2020) with clarifications by the authors (*a* — the point of coordinates' intersection; *b* — cleanings; *v* — border of the excavation area of 1995–2000; *z* — height marks; *d* — field path; *e* — isolines; *zh* — deciduous forest; *z* — tree; *u* — tall grass; *k* — trenches and spoil dumps; *l* — the Morovinka river; *m* — mark the water's edge)

лиственными деревьями. Севернее раскопа, примерно посередине западной стороны городища, вал прорезан глубокой траншеей, выкопанной экскаватором в начале 2000-х гг., сейчас запыленной и задернованной (ширина траншеи — ≈ 2 м, длина — ≈ 20 м, видимая глубина — 1,2–1,5 м). Вдоль траншеи лежат задернованные отвалы грунта.

Результаты раскопок С. Л. Кузьмина в 1995–2000 гг. были опубликованы только тезисно (Кузьмин, 2000; Кузьмин, Тарасов, 2001). В настоящее время часть полевой документации оказалась утраченной, ряд находок сохранился только в зарисовках Е. Р. Михайловой, поэтому в этой статье

уместно дать общую характеристику памятника, в раскопках и документировании которого авторы (Е. Р. Михайлова и В. Ю. Соболев) принимали непосредственное участие. Всего на городище в 1995–2000 гг. было вскрыто последовательными прирезками 762 кв. м (рис. 3).

Стратиграфия

По всей территории городищенской площадки верхняя часть культурного слоя распашана на глубину до 50 см, на отдельных участках раскопа (в его восточной части) распашкой затронут материк.

Там, где культурный слой не был разрушен, он представлял собой почти черный гумусированный суглинок, содержащий одиночные камни, скопления камней, линзы прокаленной глины. Мощность слоя достигала 25 см. Под слоем черного гумусированного суглинка отмечен слой слабогумусированного суглинка бурого цвета мощностью 5–20 см, более интенсивный в западной части изученного участка (ближе к валу).

В материковой глине в границах раскопа было зафиксировано около 60 ям, разных по форме и размеру, местами прорезавших друг друга. Три из них представляют собой остатки подполий жилых построек, одна — примыкает к внутренней стенке вала и, вероятно, связана с его сооружением: отсюда брался грунт для возведения оборонительной конструкции (рис. 3).

Структура вала была изучена в раскопе 1995–2000 гг. (рис. 4). Согласно полевой документации, под современным дерном и слоем распаханного темно-серого суглинка последовательно сверху вниз залегали: слой аморфного темно-серого суглинка, перемешанного с глиной (≈ 20 см); слой оранжевой и красноватой глины, включавший многочисленные разноразмерные валуны (20–50 см); слой глины вперемешку с углем и золой (18–24 см). В слое глины с камнями были расчищены остатки деревянной конструкции из перпендикулярно уложенных друг на друга в 3–4 яруса обугленных деревянных бревен. Слои глины, вмещавшие деревянные конструкции, камни и уголь, были уложены на тонкий слой сильногумусированного суглинка — погребенную почву, то есть оборонительная стена была построена в самом начале жизни на городище.

На южном склоне городищенского холма была расчищена бессистемная россыпь некрупных валунов, вероятно, связанная с разрушением южной оконечности вала.

Керамический комплекс и индивидуальные находки

Вся собранная при исследовании городища керамика — лепная; исключение составляют несколько разрозненных фрагментов развитой круговой керамики, найденных при раскопках в верхнем пахотном слое.

Набор форм лепной керамики типичен для памятников сопочного круга Северо-Запада. Наиболее многочисленны слабо профилированные формы, среди которых можно выделить формы с S-образным профилем (рис. 5, 1–5) и невысокой прямой шейкой (рис. 5, 6–9); заметную долю со-

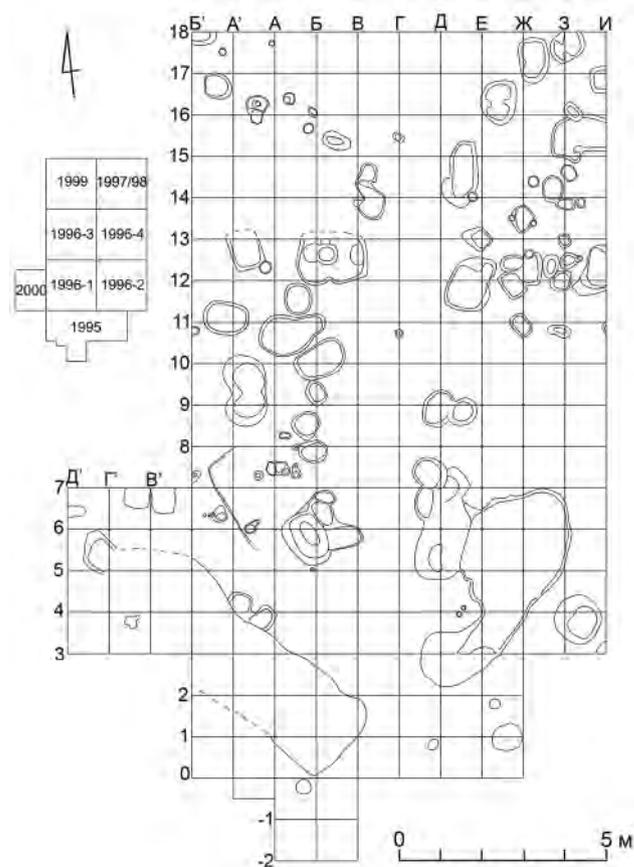

Рис. 3. Городище Надбелье. Сводный план раскопов 1995–2000 гг. на уровне материка

Fig. 3. Nadbelye fortified site. Summary plan of the excavations of 1995–2000 at the virgin soil level

ставляют также ребристые формы (рис. 5, 10–12). Нужно отметить сравнительную многочисленность широких мисковидных сосудов, среди которых представлены как слабо профилированные, так и ребристые формы (рис. 6, 4, 5).

Среди редких форм следует назвать сосуд на низком поддоне, сильно профилированную миску и миниатюрный сосудик (рис. 6, 1–3). Лепная керамика городища в основном не орнаментирована, но встречены единичные фрагменты с каннелюрой или рядом пальцевых вдавлений по плечу.

Особый интерес представляет низкий толсто-стенный сосуд с вогнутым дном из рыхлой формовочной массы, вероятно, связанный с металлообработкой (рис. 6, 6).

Вещевые находки характерны для поселенческих центров Северо-Запада конца I тыс. н. э. На городище собрана коллекция бус, металлических украшений (в том числе височные кольца, трапециевидные привески, спиральные пронизки,

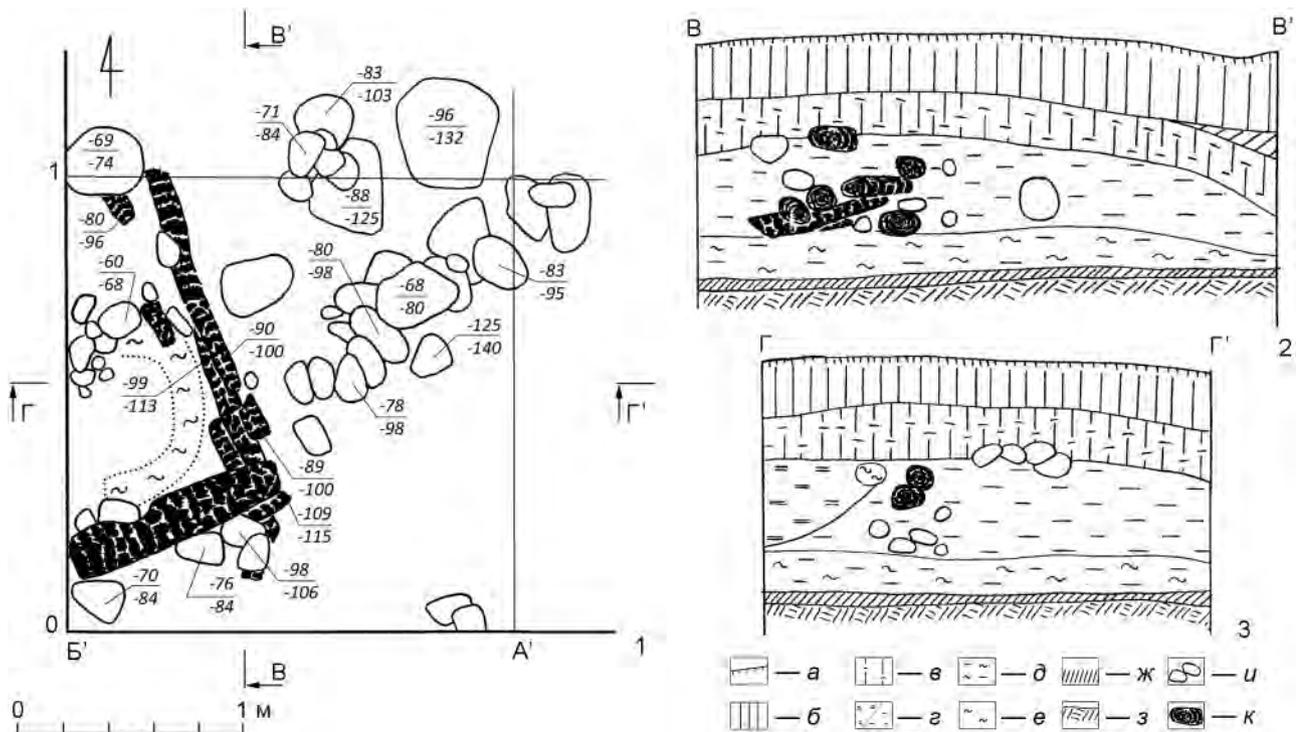

Рис. 4. Городище Надбелье. План (1) и разрезы (2, 3) вскрытого участка вала. 1996 г. (а — современный дерн; б — распаханый темно-серый суглинок; в — темно-серый суглинок, перемешанный с глиной; г — красноватая / оранжевая глина; д — глина, перемешанная с углем и золой; е — зола и золистый песок; ж — сильногумусированный суглинок; з — материковая глина; и — камни; к — обугленные плахи). Чертеж Е. Р. Михайловой

Fig. 4. Nadbelye fortified site. Plan (1) and sections (2, 3) of the uncovered part of the rampart. 1996 (a — modern turf; б — ploughed dark grey loam; в — dark grey loam mixed with clay; г — reddish / orange clay; д — clay mixed with coal and ash; е — ash and ashy sand; ж — heavily humous loam; з — virgin soil clay; и — stones; к — charred billets). Drawing by E. R. Mikhailova

подковообразные фибулы), льячек и тиглей, бытовых предметов из железа, камня и рога, предметов вооружения (рис. 7–10). Однотипные вещи представлены в разных стратиграфических слоях памятника довольно равномерно, хотя можно отметить отсутствие в нижней части культурного слоя (в буром суглинке и на поверхности материка) наконечников стрел, обломков роговых гребней, льячек и тиглей.

Коллекция вещевых находок из Надбелья имеет некоторые особенности.

Прежде всего, бросается в глаза малое количество найденных каменных бус и, напротив, многочисленность глиняных. Сердоликовых бус не найдено вовсе, хрустальных — всего две (14-гранная и призматическая), есть также два фрагмента янтарных бусин (рис. 10, 11, 24, 30). Глиняных бус в Надбелье найдено 14 экземпляров — четверть от общего количества бус. Кроме того, найдены два глиняных шарика без отверстий (рис. 10, 5, 20). Формы глиняных бус повторяют формы стеклянных (округлые, зонные). Одна из глиняных бусин имеет

форму 14-гранника с едва намеченными гранями (рис. 10, 49), известную как среди стеклянных бус, так и у каменных (14-гранная хрустальная бусина найдена и в Надбелье — рис. 10, 24). В связи с этим можно вспомнить комплекс из сопки у дер. Сковородки в Псковской области, где встречались 14-гранные глиняная и сердоликовая бусины (Михайлова, Соболев, 2022. С. 173, рис. 7, 9, 10).

Другая интересная особенность надбельской коллекции — форма топоров. Все типологически определяемые фрагменты топоров (11 экз.) — узколезвийные, в коллекции присутствуют также две щекавицы. Это позволяет отнести топоры, использовавшиеся на городище, к типу VIII, по А. Н. Кирпичникову: узколезвийные топоры, ширина лезвия которых составляет $\frac{1}{3}$ высоты, обычно снабженные боковыми щекавицами (Кирпичников, 1966. С. 39, 40). На территории Руси топоры типа VIII, по А. Н. Кирпичникову, немногочисленны и для древнерусского времени архаичны. Основной период их употребления и развития приходится на предшествующее время

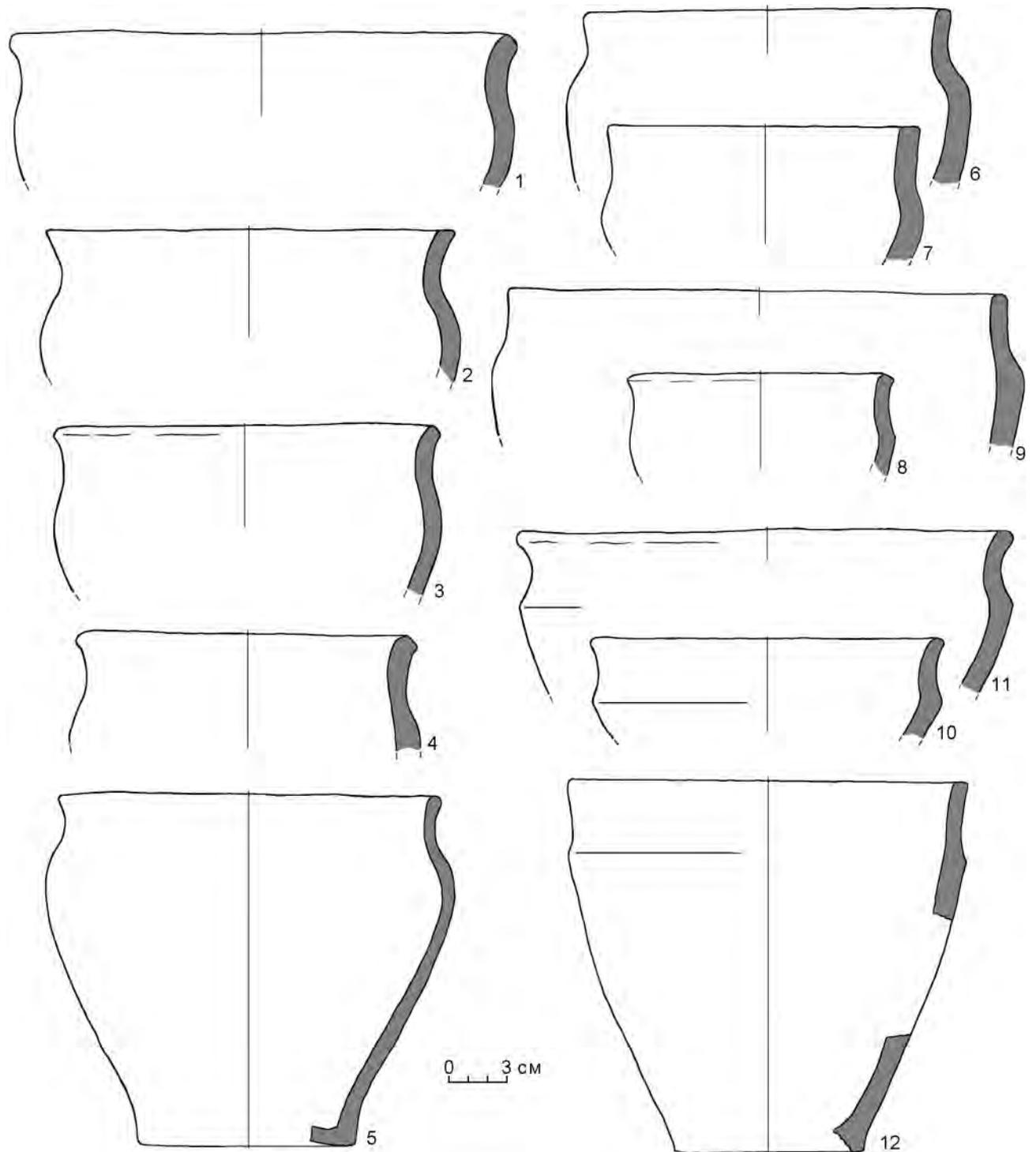

Рис. 5. Городище Надбелье. Основные формы лепной керамики. Рисунок Е. Р. Михайловой
Fig. 5. Nadbelye fortified site. Basic forms of handmade pottery. Drawing by E. R. Mikhailova

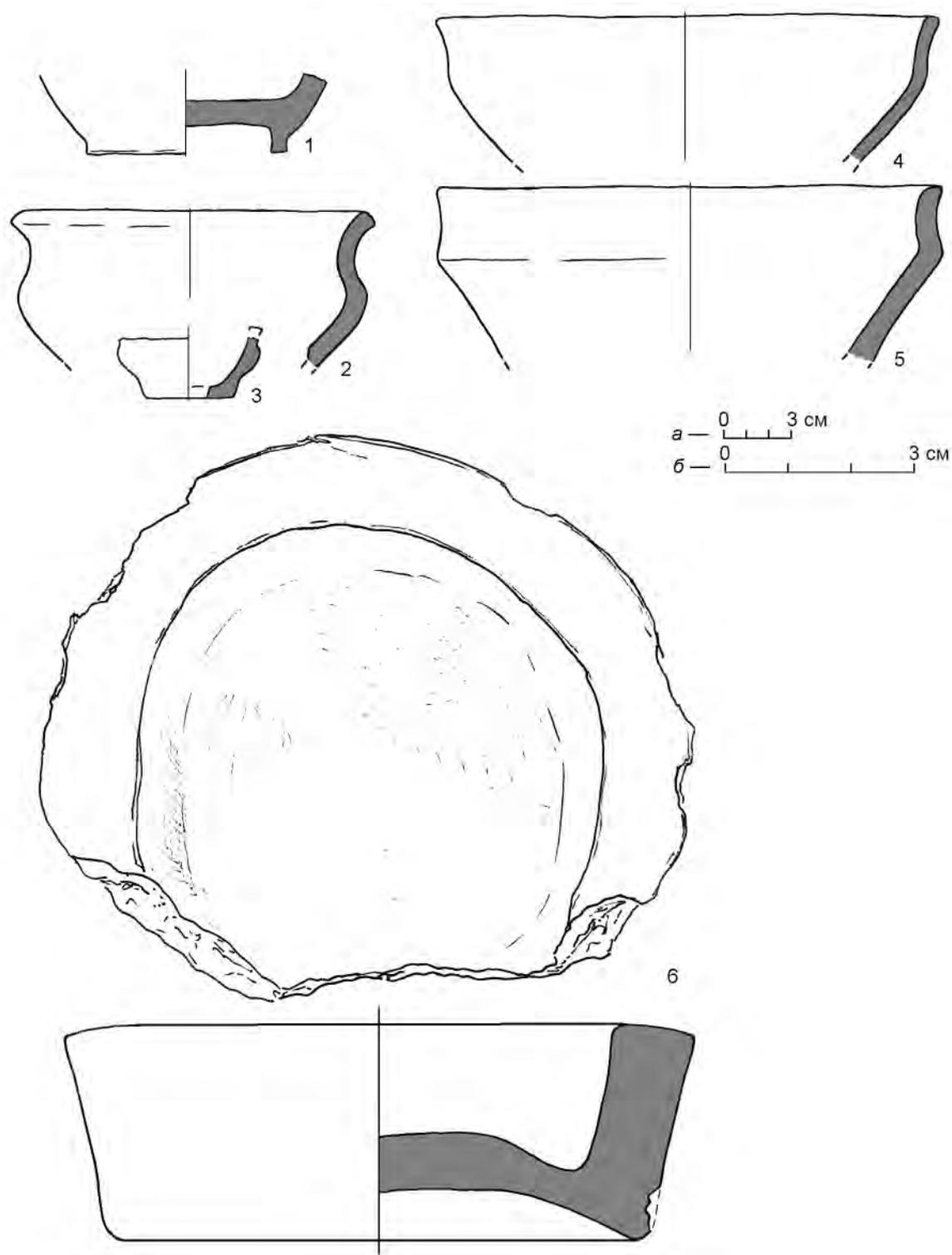

Рис. 6. Городище Надбелье. Редкие формы лепной керамики (1-5) и производственный сосуд (6).
Рисунок Е. Р. Михайловой. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6

Fig. 6. Nadbelye fortified site. Rare forms of the handmade pottery (1-5) and the production vessel (6).
Scale: a — for 1-5; б — for 6

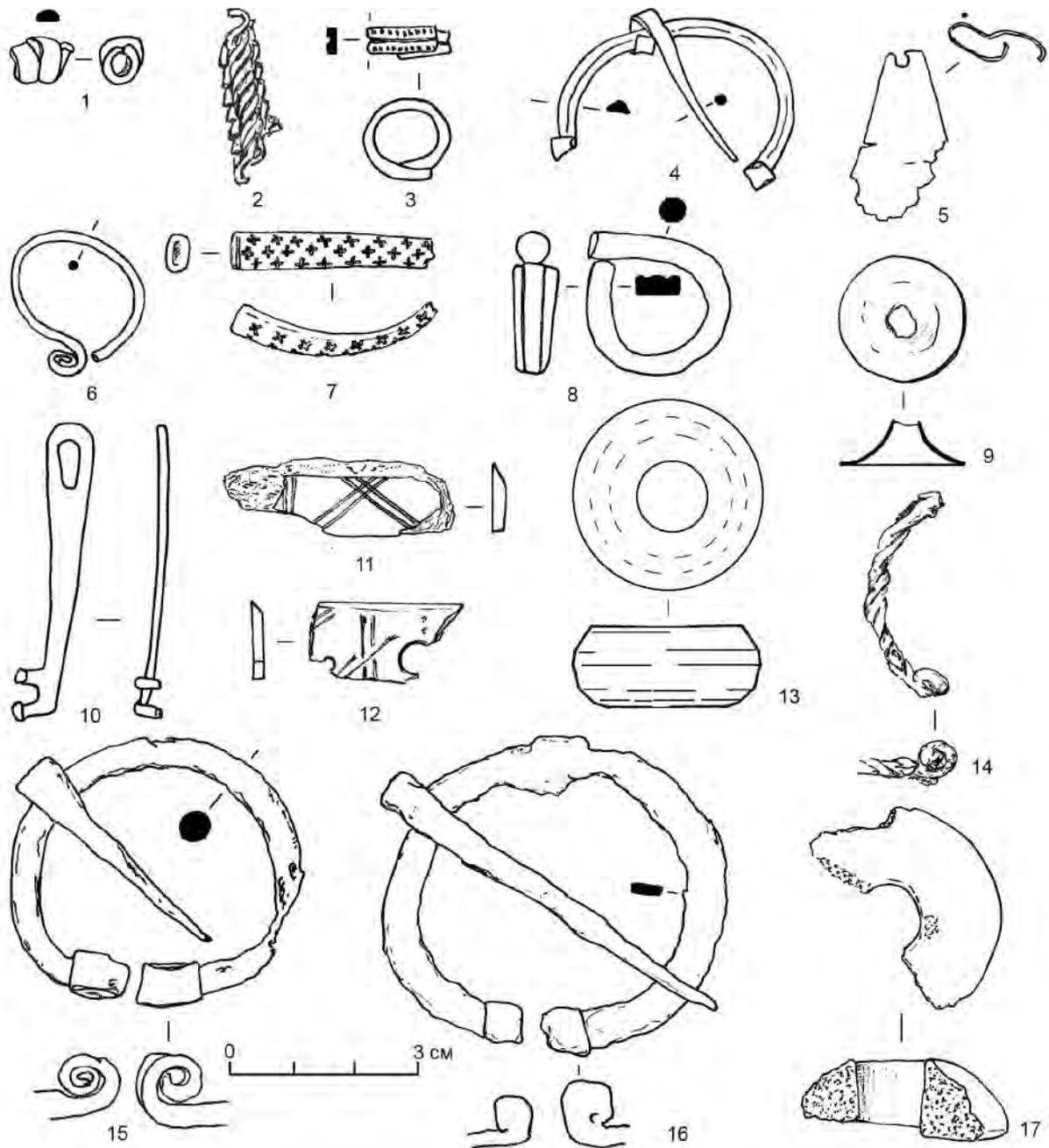

Рис. 7. Городище Надбелье. Металлические украшения и предметы из рога: 1 — спиралька; 2 — фрагмент цепочки; 3 — фрагмент «накосника»; 4 — застежка спиралеконечная; 5 — подвеска трапециевидная; 6 — височное кольцо; 7, 8 — фрагменты браслетов; 9 — подвеска; 10 — ключ; 11, 12 — фрагменты гребней; 13, 17 — фрагмент пряслица и пряслице; 14–16 — застежки подковообразные (1 — заполнение ямы 2А (1999 г.); 2, 16 — слой пахоты; 3, 4, 11, 13, 15, 17 — слой черного суглинка; 5, 14 — предматерик; 6 — заполнение ямы вдоль вала; 7 — отвал; 8 — слой бурого суглинка; 9 — заполнение ямы 2 (1999 г.); 12 — заполнение ямы 6 (1998 г.)). 1–10 — бронза; 11–13 — рог; 14–16 — железо; 17 — кость. Рисунок Е. Р. Михайловой

Fig. 7. Nadbeleye fortified site. Metal ornaments and objects from horn: 1 — spiral; 2 — fragment of chain; 3 — fragment of the “braid decor”; 4 — spiral-ended clasp; 5 — trapezoidal pendant; 6 — temple ring; 7, 8 — fragments of bracelets; 9 — pendant; 10 — key; 11, 12 — fragments of combs; 13, 17 — fragment of spinning wheel and the whole spindle wheel; 14–16 — horseshoe-like clasps (1 — filling of the pit 2A (1999); 2, 16 — layer of ploughed up land; 3, 4, 11, 13, 15, 17 — layer of black loam; 5, 14 — the lowest cultural horizon; 6 — filling of the pit along the rampart; 7 — dump; 8 — layer of brown loam; 9 — filling of the pit 2 (1999); 12 — filling of the pit 6 (1998)). 1–10 — bronze; 11–13 — horn; 14–16 — iron; 17 — bone. Drawing by E. R. Mikhailova

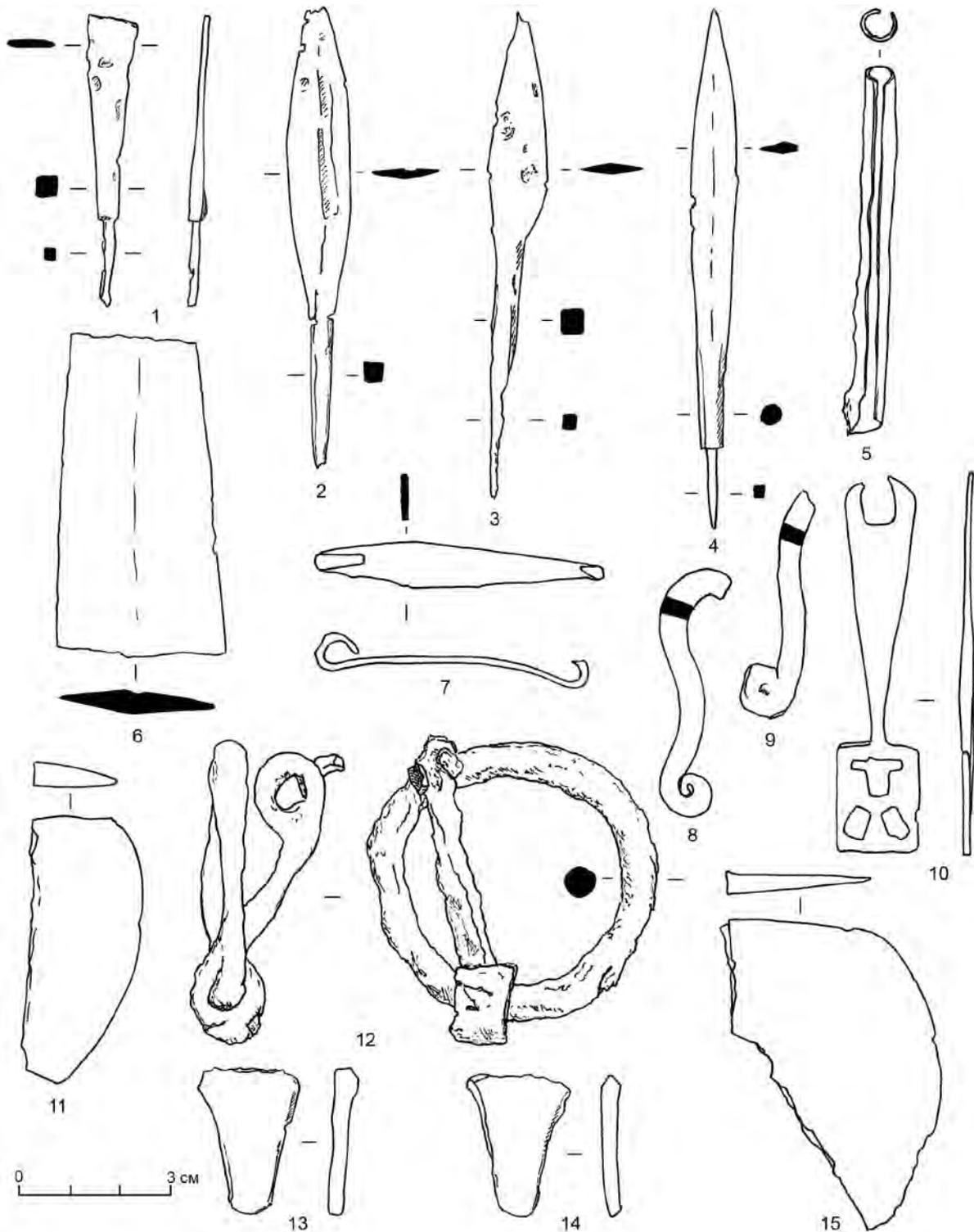

Рис. 8. Городище Надбелье. Железные изделия: 1-4 — наконечники стрел; 5 — фитильная трубка; 6 — фрагмент лезвия копья; 7 — крючок поясной; 8, 9 — фрагменты шумящих подвесок плети; 10 — ключ; 11, 13-15 — фрагменты топоров; 12 — фрагмент удила (1 — подъемный материал; 2, 5, 7, 9-11, 13 — слой черного суглинка; 3, 4, 8, 12, 14 — слой пахоты; 6 — в дерне; 15 — на материке). Рисунок Е. Р. Михайловой

Fig. 8. Nadbelye fortified site. Iron production: 1-4 — arrowheads; 5 — wick tube; 6 — fragment of a spear blade; 7 — belt hook; 8, 9 — fragments of jingling pendants for whip; 10 — key; 11, 13-15 — fragments of axes; 12 — fragment of a bridle-bit (1 — lifted material; 2, 5, 7, 9-11, 13 — layer of black loam; 3, 4, 8, 12, 14 — layer of ploughed up land; 6 — in turf; 15 — on the virgin soil). Drawing by E. R. Mikhailova

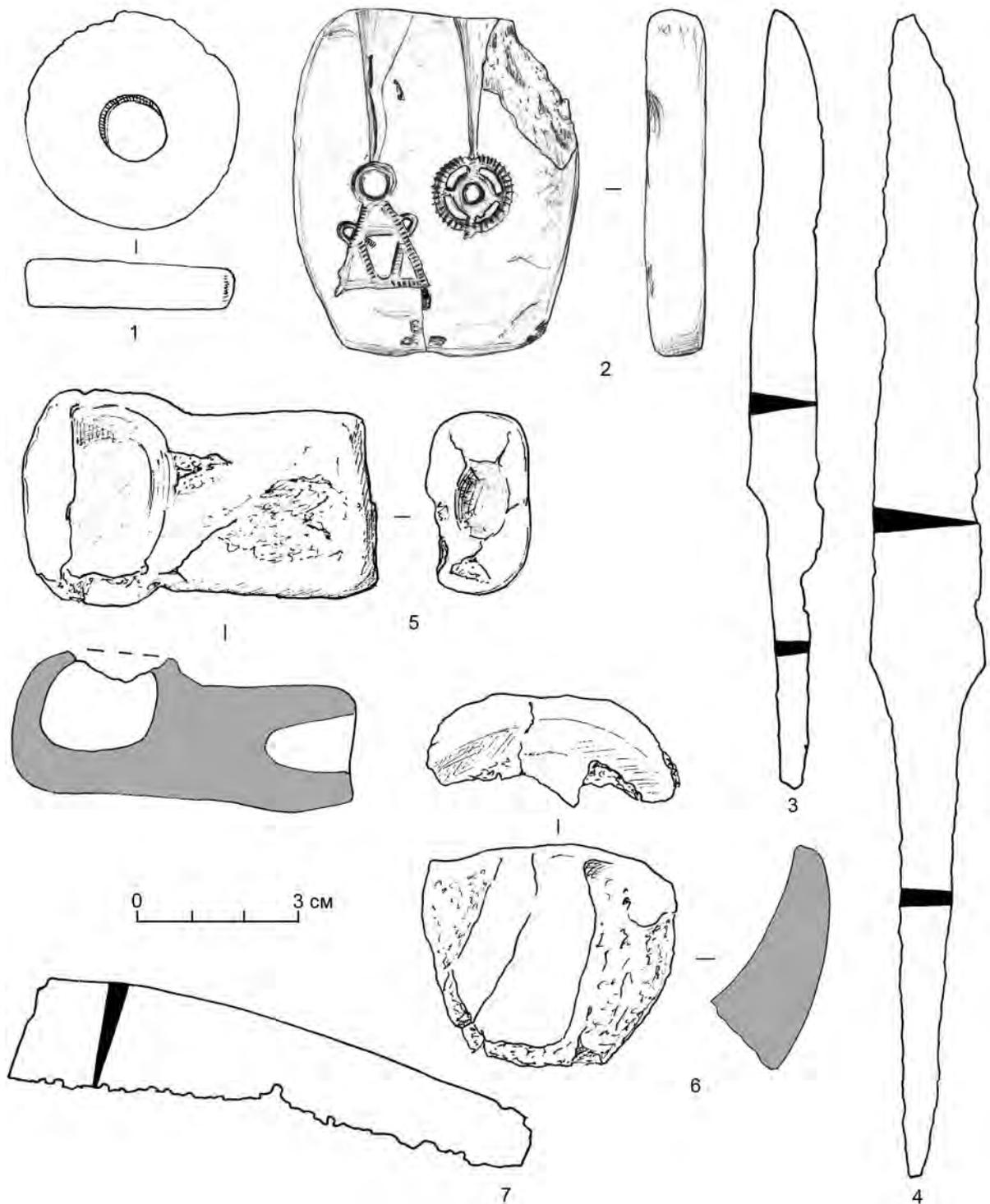

Рис. 9. Городище Надбелье. Бытовые и производственные предметы: 1 — пряслице; 2 — формочка литейная; 3, 4 — ножи; 5 — льячка; 6 — фрагмент тигля; 7 — фрагмент серпа (1-3, 6 — слой черного суглинка; 4 — заполнение ямы вдоль вала; 5 — отвал; 7 — заполнение ямы 2А (1999)). 1, 2 — камень; 3, 4, 7 — железо; 5, 6 — глина. Рисунок Е. Р. Михайловой

Fig. 9. Nadbelye fortified site. Domestic objects and industrial tools: 1 — spinning wheel; 2 — foundry mould; 3, 4 — knives; 5 — smelting ladle; 6 — fragment of crucible; 7 — fragment of sickle (1-3, 6 — black loam layer; 4 — pit filling along the rampart; 5 — dump; 7 — filling of the pit 2A (1999)). 1, 2 — stone; 3, 4, 7 — iron; 5, 6 — clay. Drawing by E. R. Mikhailova

Рис. 10. Городище Надбелье. Бусы: 1, 2, 6, 7, 9, 12, 28, 34, 47, 48, 55 — глухое стекло (так называемая паста); 3, 4, 8, 10, 16–18, 22, 23, 27, 29, 31–33, 35, 38–41, 45, 46, 52, 53, 56–59 — стекло; 5, 14, 15, 19–21, 25, 26, 36, 37, 42, 43, 49–51, 54 — глина; 11 — янтарь; 13, 44 — стекло, серебряная фольга; 24, 30 — хрусталь.

1–4, 7, 8, 12, 18, 19, 22–24, 26, 28, 34, 58, 59 — слой пахоты; 5, 6, 9–11, 13, 14, 16, 17, 20, 25, 29, 30, 33, 35, 36, 41–43, 50, 51 — слой черного суглинка; 15, 21, 31, 32, 38, 45, 48, 49, 53, 55 — заполнение материковых ям; 27 — слой бурого суглинка; 37, 47 — на материке; 39, 40, 46, 52, 54, 56, 57 — подъемный материал; 44 — в дерне.

Фото Е. Р. Михайловой, В. Ю. Соболева

Fig. 10. Nadbelye fortified site. Beads: 1, 2, 6, 7, 9, 12, 28, 34, 47, 48, 55 — glass paste; 3, 4, 8, 10, 16–18, 22, 23, 27, 29, 31–33, 35, 38–41, 45, 46, 52, 53, 56–59 — glass; 5, 14, 15, 19–21, 25, 26, 36, 37, 42, 43, 49–51, 54 — clay; 11 — amber; 13, 44 — glass, silver foil; 24, 30 — crystal. 1–4, 7, 8, 12, 18, 19, 22–24, 26, 28, 34, 58, 59 — layer of ploughed up soil; 5, 6, 9–11, 13, 14, 16, 17, 20, 25, 29, 30, 33, 35, 36, 41–43, 50, 51 — layer of black loam; 15, 21, 31, 32, 38, 45, 48, 49, 53, 55 — filling of pits in the virgin soil; 27 — layer of brown loam; 37, 47 — on the virgin soil; 39, 40, 46, 52, 54, 56, 57 — lifted material; 44 — in turf.

Photo by E. R. Mikhailova, V. Yu. Sobolev

(Михайлова, 2014. С. 144–147), однако в конце I тыс. н. э. такие топоры еще широко использовались. Упомянем, в частности, находку обуха узколезвийного топора с двумя парами щекавиц на Староладожском Земляном городище, в напластованиях 750–760-х гг. (Давидан, 1976. С. 115, рис. 7, 12; 1994. Рис. 2, 2).

В целом вещевой комплекс может быть датирован концом I тыс. н. э. Предложенной датировке соответствуют даты чеканки найденных на городище монет: восемь дирхемов (включая фрагменты) были отчеканены между 796–797 и 813–833 гг. Найден также фрагмент драхмы Хосрова II (591–628 гг.) (Кузьмин, 2000. С. 97).

Исследования 2021 г.

В 2021 г. вал городища был дополнительно исследован коллективом авторов настоящей статьи. Были выполнены две зачистки, каждая из которых была описана параллельно археологами и почвоведом. С целью почвенно-археологических изысканий были произведены вертикальная врезка в краевую часть вала на месте археологического раскопа 2000 г. (НБ-1), поперечный разрез в центральной части вала (НБ-2) (см. рис. 2) и заложен разрез фоновой почвы (НБ-Ф).

Взгляд археологов

Врезка (зачистка) НБ-1 шириной 1 м была выполнена на западной стенке раскопа 1995 г., в месте прорезки вала. Удивительно, но открытая стратиграфическая картина только в самых общих чертах совпадала с нашими воспоминаниями о работах 1995 г. и с полевой документацией, выполнявшейся тогда Е. Р. Михайловой (см. рис. 4). В зачистке 1 под современным дерном и слоем рыхлого серого суглинка — остатками отвала 1995 г. (общей мощностью до 30 см) — залегал насыпной слой белого песка, местами перемешанного с суглинком; его мощность составляла 40–45 см. Ниже находились конструкции основания вала, состоящие из перекрывающих друг друга линз местного бурого суглинка разных оттенков, прослоек переотложенного белого песка, углистых прослоек и фрагментов деревянных плах от перекладных конструкций в теле вала. Общая высота основания стены составляет 80–90 см, характер расположения составляющих его прослоек свидетельствует о единовременном сооружении этой конструкции. Основание вала покоится на слое погребенной почвы — темно-серого сильногумусированного плотного суглинка мощностью 4–6 см. Погребенная почва залегает на глубине 170–185 см от уровня современного дерна, понижаясь в северном направлении. Ниже по-

гребенной почвы — материк, верхнюю часть которого составлял тонкий слой стерильной светлой супеси, перекрывающий вязкую бурюю глину, насыщенную обломками местного известняка (рис. 11, 1, 2).

Врезка (зачистка) НБ-2 была выполнена в пределах заплывшей экскаваторной траншеи, в ее западном конце. Первоначально в пределах траншеи был заложен шурф размером 2 × 2 м. На глубине 130 см было достигнуто дно перекопа, и ниже этого уровня шурф был сужен до размеров около 1,0 × 1,0 м, чтобы достичь уровня погребенной почвы и материка. Фиксация стратиграфии проводилась по южной стенке траншеи, общая картина напластований оказалась близка зафиксированной в зачистке НБ-1.

Под современным дерном и слоем рыхлого серого суглинка — остатками отвала (общей мощностью до 30–40 см) — залегал насыпной слой белого песка, местами перемешанного с суглинком. Мощность слоя белого песка составляла от 25–30 до 85 см, нарастая к западу, к напольной стороне. Под слоем белого песка находилось основание вала, состоящее из перекрывающих друг друга линз желто-бурого и темно-бурого суглинка разных оттенков, прослоек погребенного дерна и редких углистых прослоек. Общая мощность основания вала достигает 150 см, характер расположения и общий вид прослоек свидетельствуют о единовременном сооружении этой конструкции из дерна и суглинистого грунта. В его внутренней структуре удалось отметить строительный прием, ранее неоднократно прослеживавшийся при раскопках курганных насыпей: фрагменты дерна и грунта были уложены таким образом, что образовывали низкий продольный валик, препятствовавший расползанию насыпанного грунта. Под основанием стены был зафиксирован слой погребенной почвы — темно-серого сильногумусированного плотного суглинка мощностью 3–6 см. Погребенная почва залегала на глубине 2,3–2,4 м от уровня современного дерна. Ниже погребенной почвы залегал материк — стерильный светло-желтый суглинок, аналогичный использованному при возведении вала (рис. 11, 3).

Взгляд почвоведов

Относительная высота вала составляет 2–3 м. Толща вала характеризуется сложноорганизованным почвенным материалом различного цвета и текстуры. В верхней части куполообразной вершины сформирована насыпь белесого песчаного материала с многочисленными включениями известковых глыб. На поверхности сформирован развитый гумусовый горизонт.

Рис. 11. Городище Надбелье. Работы 2021 г.: зачистка 1 (1 — вид с северо-востока, 2 — вид с востока); зачистка 2 (3), вид с юга

Fig. 11. Nadbelye fortified site. Works of 2021: clearing 1 (1 — view from the north-east, 2 — view from the east); clearing 2 (3), view from the south

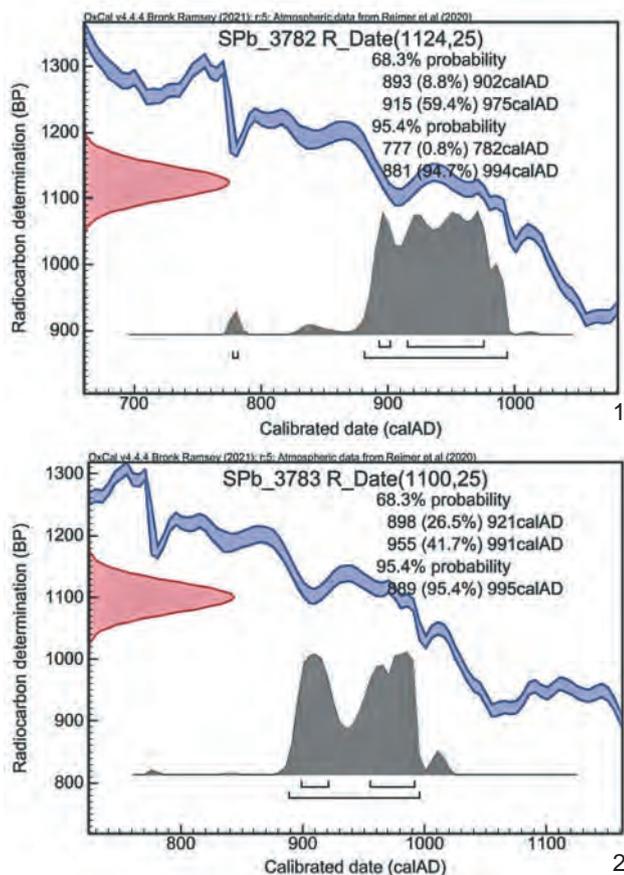

Рис. 12. Городище Надбелье, работы 2021 г. Радиоуглеродные даты: 1 — SPb_3782 (уголь, глубина 160 см); 2 — SPb_3783 (уголь, глубина 125 см)

Fig. 12. Nadbelye fortified site. Works of 2021. Radiocarbon dates: 1 — SPb_3782 (charcoal, ch. 160 cm); 2 — SPb_3783 (coal, ch. 125 cm)

Срединная часть сформирована из неоднородных слоев почвы супесчаного и суглинистого гранулометрического состава, переслоенными с фрагментами погребенного гумусового горизонта. Встречаются бурые пятна более тяжелого гранулометрического состава, углистые примазки, а также линзы белого песка. В материале боковой врезки обнаружены обугленные остатки досок или других деревянных конструкций на глубине 160 и 125 см.

По результатам лабораторного анализа пробы почв характеризуются преимущественно супесчаным гранулометрическим составом. Также отмечены слои с более высоким содержанием физической глины (легко- и среднесуглинистого состава)⁶. Вероятнее всего, это примесь материала почвообразующей и материнской породы. В целом характеристика неоднородности гранулометрического состава может свидетельствовать о значительном перемешивании исходного почвенного материала при постройке конструкции вала городища.

По результатам анализа⁷ возраста по содержанию ¹⁴C (рис. 12) датировка обнаруженных деревянных конструкций определяется 1100±25 BP (889–995 calAD, 2σ) и 1124±25 BP (880–994 calAD, 2σ) для проб дерева с глубин 125 и 160 см соответственно.

⁶ Анализ проводился в Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино Московской обл.).

⁷ Определение проводилось в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ им. А. И. Герцена.

В лабораторных условиях был проведен анализ мезоморфологических параметров материала почвенных проб. Первичное описание материала почвенных горизонтов производилось на кафедре почвоведения и экологии почв Института наук о Земле СПбГУ при помощи бинокля МБС-10. Дальнейшее детальное изучение производилось в Образовательном ресурсном центре микроанализа и микроскопии СПбГУ на стереомикроскопе Leica M205 C. По данным мезоморфологического анализа удалось выявить некоторые закономерности формирования насыпной рукотворной толщи и использования материала исходной дневной почвы.

Фоновая почва — темногумусовая постагрогенная, развитая на карбонатной морене (рендзина). Под достаточно мощным горизонтом AU залегает горизонт С1 — желтовато-палевый, супесчаного гранулометрического состава. Под ним залегает горизонт С2 — бурый, хорошо оструктуренный, легкосуглинистый. Порода, горизонт 2С2 (D), представляет собой верхнюю толщу девонских отложений в виде глыб и плиток мергеля с обильным щебнем и хрящеватым материалом. При этом горизонт С2 значительно отличается своей оструктуренностью и характером мелкоземистой фракции. В нем выявлены нарки глинистого материала по порам. Существует вероятность, что это реликтовый почвенный горизонт доголоценовой эпохи. Уточнение возраста слоя С2 является важной частью дальнейшего фундаментального исследования.

Остатки горизонта (С2) выявлены в нижней части врезки в вал городища (НБ-1) и в нижней части поперечного раскопа (НБ-2). Он является неким «маркирующим» пластом, характеризующим изначальную однородность исходной ненарушенной дневной почвы до постройки вала. Кроме того, агрегаты материала горизонта (С2) встречаются в средней части конструкции вала.

В материале двух разрезов конструкции вала выявлена серия чередующихся субгоризонтальных слоев, состоящих из гумусового горизонта и почвообразующей породы исходной почвы.

Фоновая почва в пределах метра подстилается доломитовым известняком, плотной породой, плохо поддающейся воздействию инструмента. В конструкции вала встречаются отдельные глыбы доломитовой подстилающей породы.

Исходя из полевого и лабораторного описания, можно представить схему сооружения вала. Видимо, при постройке производилось послойное снятие и насыпка попеременно гумусового горизонта исходной почвы и рыхлой бурой почвообразующей породы. Таким образом, строите-

ли послойно снимали рыхлую часть исходной почвы вокруг строящегося вала до подстилающей плотной породы.

При дальнейших исследованиях предстоит выяснить источник добычи и конструктивную значимость использования белёсого материала при формировании верхней куполообразной части конструкции вала, состоящей из кварцевого песка, скрепленного карбонатным цементом.

Заключение

Проведенные исследования позволили реконструировать начальный этап строительства оборонительных сооружений Надбельского городища. Городище возникло на ранее необжитом месте, и оборона выбранной площадки с самого начала была важной задачей его обитателей. С напольной стороны была сооружена оборонительная стена, от которой до нас дошли только остатки ее основания — оплывший земляной вал по западному краю городища. Основание оборонительной стены, сооруженное из взятого на месте грунта, дополнительно армированное деревянными конструкциями и крупными камнями, было возведено непосредственно на погребенной почве, никаких признаков культурных напластований под валом не обнаружено. Прослеженные в разрезах вала многочисленные субгоризонтальные и дугообразные прослойки гумусированного суглинка, сходным образом меняющие свою окраску от темно-бурой до почти желтой, являются фрагментами древнего дерна, снятого вместе с частью подстилающего грунта и использованного для возведения земляной насыпи.

Видимо, активное использование дерна было вполне осознанным строительным приемом, направленным на предотвращение оползания и осыпания вновь сооруженной насыпи. Той же цели служил невысокий дерново-земляной валик в основании насыпи вдоль ее внешнего края, отмеченный нами во врезке (зачистке) НБ-2. Сооружение аналогичных земляных или дерново-земляных валиков по внешнему контуру насыпи неоднократно отмечалось при раскопках курганов (см., например: Исследования..., 2010. С. 40–42, рис. 33, 34; 104, рис. 19; Михайлова, 2020. С. 441), в том числе в оредержских сопках (Исследования..., 2010. С. 127). Другой причиной снятия грунта на небольшую глубину, вероятно, было сравнительно неглубокое залегание здесь материковой скалы, которую строители вала по каким-то причинам не стали использовать даже в виде щебня.

Не до конца выясненной осталась роль деревянных конструкций в общем строении вала. Они достоверно отмечены на южном его конце, в районе

современного (а возможно, и древнего) въезда на городище (см. рис. 4, 1, 2). Однако во врезке (зачистке) НБ-2 никаких признаков деревянных конструкций не встречено. Возможно, это случайность (зачистка НБ-2 была доведена до материка на площади всего 1 кв. м), но может быть, дерево было использовано для придания прочности лишь оконечности вала. Прояснить это обстоятельство смогут только дальнейшие раскопки.

Полученные для надбельских конструкций радиоуглеродные даты укладываются в промежуток с конца IX по X в. (рис. 12), что соответствует датировке, предложенной на основании археологических коллекций, хотя, учитывая наличие на городище только лепной керамики, следует ориентироваться на начало этого периода.

Деревянные перекладные конструкции в основании городищенских валов на территории Северо-Западной Руси долгое время были известны только в прорезке вала городища Городец под Лугой, осуществленной Г. С. Лебедевым (*Lebedev*, 1982. Abb. 3). Однако в настоящее время перекладные конструкции в валах городищ выявлены уже на многих памятниках, древнейшие из которых расположены в Верхнем Поднепровье и Юго-Западном Приильменье (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 153, 154).

Еще меньше ясности со слоем белого песка, отмеченного в верхней части вала в обеих зачистках 2021 г. и странным образом не замеченного в 1995 г. Рыхлый и сыпучий, этот песок не мог служить для укрепления земляной насыпи, скорее можно предположить засыпку им каких-то конструкций, располагавшихся на валу. В ближайших окрестностях городища такого песка нет, но известно небольшое месторождение белого кварцевого песка на левом берегу Оредежа рядом с дер. Борщово, примерно в 7–8 км от Надбельского городища. Скорее всего, именно оттуда он и был привезен для строительства оборонительных сооружений.

Вал с напольной стороны был самым важным фортификационным сооружением городища,

но не единственным. В ходе разведочного обследования 2021 г. было отмечено наличие эскарпа высотой 4–5 м на восточном и северо-восточном склонах городища, со стороны глубокой и узкой долины р. Моровинки; здесь по краю городищенской площадки должна была существовать деревянная стена. По-видимому, первые жители городища и строители его укреплений предполагали наличие постоянной военной угрозы. О том же свидетельствует и отсутствие селища на поле у городища при плотной застройке городищенской площадки. Тщательные поиски не выявили на поле следов культурного слоя, хотя в 1998 г. там и был найден фрагмент дирхема.

Ближайшие к Надбельскому городищу сопки (и, вероятно, соответствующие им селища) располагаются в 1,5–2,0 км от городища. Данных об их датировке у нас нет. Ближайшие исследованные сопки находились в 8,5 км северо-восточнее, у дер. Пристань, и датируются X в., как и большинство так называемых новгородских сопков (*Исследования...*, 2010. С. 119–132). Вероятно, к моменту сооружения сопочных насыпей на территории современных деревень Надбелье и Моровино городок на берегу Моровинки был уже заброшен, а потомки его жителей обитали в открытых поселениях.

Как и любое исследование, изучение нами валов Надбельского городища, открыв ряд фактов, ставит и новые вопросы. В частности, требует дальнейшего уточнения хронология городища Надбелье — одного из самых ранних древнерусских памятников региона. Необходимо и продолжение раскопок самого «вала» для подробного изучения его структуры и внутренних конструкций. Очень перспективными представляются ландшафтно-почвоведческие изыскания, в том числе сопоставление материалов Надбелье и других памятников, расположенных в сходных ландшафтных условиях, например, на сложенных известняками берегах рек Великой и Волхова.

Бернев, Ковалев, 2009 — *Бернев С. К., Ковалев Б. Н.* К вопросу об археологических раскопках на оккупированной территории Северо-Запада России в 1942–1943 гг. // *ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ*, 2009. Вып. 23. С. 365–372.

Городилов, 2020 — *Городилов А. Ю.* Отчет о проведении инвентаризации с разработкой границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия Ленинградской области: Лужский и Воловский районы. Т. ЛШ (53): Городище (Надбелье 4. Городище). СПб., 2020. 70 с. // Отдел охранной археологии ИИМК РАН (хранение).

Григорьева, Медведева, 2016 — *Григорьева О. В., Медведева М. В.* Документальное наследие Г. П. Гроздилова в Научном архиве ИИМК РАН // *АИППЗ / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН*, 2016 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 61-го заседания, 2015 г.). Вып. 31. С. 426–443.

Давидан, 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // *АСГЭ. Л.: Аврора*, 1976. Вып. 17: Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы. С. 101–118.

- Давидан, 1994 — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник / Гл. ред. М. Б. Щукин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. Вып. 9. С. 156–166.
- Еремеев, Дзюба, 2010 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с., ил. Исследования..., 2010 — Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. 168 с.
- Кирпичников, 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 147 с.: ил., карт.
- Коваль, 2021 — Коваль В. Ю. Древнерусские древо-земляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 77–85.
- Кузьмин, 2000 — Кузьмин С. Л. Городище у деревни Надбелье на Оредеже // АИППЗ. Материалы науч. семинара 1996–1999 гг. Псков: б. и., 2000. С. 95–97.
- Кузьмин, Тарасов, 2001 — Кузьмин С. Л., Тарасов И. И. Раскопки на городище Надбелье // Археологические открытия 1999 года / Отв. ред. В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2001. С. 24.
- Лесман, 1980 — Лесман Ю. М. Отчет Оредежского отряда // НОА ИА РАН. Р-1. 1980. Д. 8513. 12 л.
- Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Михайлова, 2020 — Михайлова Е. Р. Древнерусские курганы могильника Которск IX // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти С. Рябцевой / Под ред. Р. А. Рабиновича, Н. П. Тельнова. Кishinev: Университет ВАШ, 2020. С. 433–447.
- Михайлова, Соболев, 2022 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Комплекс памятников у деревни Сковородка. История исследования и современное состояние // АВ. 2022. Вып. 36. С. 167–181.
- Моргунов, 2019 — Моргунов Ю. Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ. М.: ИА РАН, 2019 (Методика полевых археологических исследований; Вып. 10). 32 с.
- Пономарев, 1943а — Пономарев В. С. Археологические раскопки // «Доброволец» (Берлин). № 36, среда, 8 сентября 1943 года. С. 4.
- Пономарев, 1943б — Пономарев В. С. Что найдено при раскопках в Оредеже // «За Родину» (Псков). № 213 (308), понедельник, 13 сентября 1943 года. С. 4.
- Пономарев, 1943в — Пономарев В. С. Надбельские курганы // «За Родину» (Псков). № 297 (392), понедельник, 20 декабря 1943 года. С. 3.
- Шульц, Гроздилов, 1927 — Шульц П. Н., Гроздилов Г. П. Дневник палеоэтнологических исследований в Лужском уезде, произведенных сотрудниками Северо-Западной экспедиции КИПС'а Академии Наук Шульцем П. Н. и Гроздиловым Г. П. от 23 июня по 17 июля 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 106. 129 л.
- Lebedev, 1982 — Lebedev G. S. Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga (Zur Probleme den ost- und westslawischen Beziehungen) // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin, 1982 (Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege; Beiheft 17). Bd. II / Bearb. H. Kaufmann. S. 225–238.

The rampart of Nadbelye fortified site

I. A. Zharkikh, E. R. Mikhailova, A. V. Rusakov, V. Yu. Sobolev⁸

Keywords: Novgorod land, fortified site, Nadbelye, settlement of the Slavs, 9th century.

The article presents the results of excavations of a fortified settlement, which belongs to the complex of sites near the village of Nadbelye, Luga District, Leningrad Oblast. The settlement has been known since the early 20th cen., its field study was carried out in 1995–2001 by the North-Western Archaeological Expedition under the direction of S. L. Kuzmin and in 2021 by the authors of the article. More than 750 sq. m of the site were uncovered (fig. 1–3), about 60 pits in the virgin soil were investigated; the stratigraphy at different sections varies: from ploughed up land to the virgin soil to 1 m of stratified cultural layer on the area near the berm (fig. 4). The ceramic complex is presented exclusively by handmade ceramics (fig. 5; 6), small finds include jewelry, weapons, household items, and objects related to metalworking (fig. 7–10).

Investigations of 2021 were devoted to the study of the settlement's "rampart" unearthed by two clearings (fig. 11), which discovered remains of the wooden intramural structures; the analysis of the granulometric composition and mesomorphological parameters of the soils' was carried out, as well as the age analysis based on ¹⁴C content (1100±25 BP (889–995 calAD, 2σ) and 1124±25 BP (880–994 calAD, 2σ) (fig. 12).

⁸ Igor' A. Zharkikh, Elena R. Mikhailova, Alexey V. Rusakov, Vladislav Yu. Sobolev — St. Petersburg State University; St. Petersburg, Russia; e-mail: igor.j88@mail.ru, helena.mikhaylova@gmail.com, a.rusakov@spbu.ru, vlad.sobolev@mail.ru.

Городище Слуцк: изучение и сохранение археологического наследия

Л. В. Колединский¹

Аннотация. В публикации нашли отражение результаты исследований 1985, 1986 и 2016 гг. городища летописного Слуцка, культурный слой которого хорошо сохраняет предметы органического происхождения и участки застройки города XII–XIII вв. Археологический материал свидетельствует о высокой развитой материальной культуре. Изучены оборонительный вал, планировка и сооружения детинца древнего Слуцка.

Ключевые слова: Слуцк, городище, оборонительные сооружения, застройка, материальная культура.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43- 236-246

Первое и наиболее достоверное упоминание о Слуцке (летописном Слуцеске) относится к 1116 г. и связано с нападением на этот город минского князя Глеба (ПСРЛ, 1962. Ст. 22). Слуцк расположен в 100 км южнее Минска. Городище древнего Слуцка находится в центре современного города, при слиянии рек Случь и Бычок, занимает холм высотой 5–7 м (рис. 1, 1). Площадь городища 0,8 га. Небольшие раскопки проводили на этом памятнике Э. М. Загорульский в 1958 г. и П. Ф. Лысенко в 1968 г. Вскрытая их раскопками площадь составила около 40 кв. м (Лысенко, 1974. С. 147). Основные исследования памятника проведены нами в 1985, 1986 гг. и 2016 г. Раскопки носили охранный, или спасательный, характер и были связаны с предстоящими земляными работами на памятнике (Колединский, 1987; 1988; Колединский и др., 2018). Изученная при этом площадь составила около 400 кв. м.

В ходе этих раскопок были установлены стратиграфия и хронология культурного слоя городища, изучены его оборонительные сооружения, вскрыты участки городской застройки XII–XIII вв.: уличные мостовые, частоколы и 45 построек жилого и хозяйственного назначения. Получен богатый вещевой материал, который позволяет судить о бытовой и духовной культуре Слуцка XII — начала XIV в.

Древний Слуцк по археологическим данным
Стратиграфия памятника. Мощность культурного слоя — около 4 м (рис. 1, 2). Стратиграфически выделяются напластования XIV–XVII вв. мощностью 0,6–1,2 м; слой XII–XIII вв. — около 3 м; слой XI в. — 0,2–0,4 м. В предматериковом слое и материковых ямах встречаются материалы раннего железного века (Колединский, 1994). Наибольшую информативность представляет слой XII–XIII вв., где в силу его повышенной влажности хорошо сохранились предметы из органики и участки городской застройки.

Оборонительные сооружения представляли собой вал шириной в основании до 22 м, сохранившийся на высоту до 4 м. Ядро вала было сделано из плотной красной глины, а сама насыпь вала — из песка. В профиле вала прослеживаются несколько ремонтных подсыпок из песка и глины. С напольной стороны вала был ров шириной около 25 м и глубиной 2 м, который соединялся с речкой Бычок. По гребню вала шел частокол из дубовых бревен толщиной до 16–18 см и длиной около 6 м. Они выявлены во время земляных работ у подошвы городища, во рву. Один конец этих бревен был ровно обрублен, а второй — заострен на несколько граней. Более подробно об оборонительных сооружениях Слуцка говорится в специальной публикации (Калядзінскі, 1993).

Планировка и застройка. Основу планировки составляли уличные мостовые, их вскрыто четыре. Мостовые настилались из досок, плах и бревен на лаги, под которые укладывались поперечные бревенчатые подкладки на всю ширину мостовой

¹ Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси; Минск, Республика Беларусь.

© Колединский Л. В., 2024

(рис. 2, 1, 2). Ширина мостовых — до 2 м. Застройка усадебная, свидетельством тому являются остатки изгородей (рис. 2, 3).

Большинство построек представляет собой срубы, сохранившиеся на высоту двух–четырёх, иногда до пяти–шести венцов. В четырех случаях прослежено устройство дверных проемов (рис. 2, 4). Найдены дверные доски и целая дверь XIII в., а также элементы устройства крыши — кокошины (рис. 2, 5, 6).

Среди построек можно выделить жилища, клети, хлева и постройки производственного назначения. Жилища — срубы площадью 9–20 кв. м, рубленные из бревен толщиной 16–18 см техникой «в верхнее обло» с небольшим остатком. В жилищах выявлены остатки глинобитных печей (рис. 3, 3, 4): каркас из колышков и обкладка из камней по контуру пода печи. В качестве фундамента применялись подкладки в виде обрубков бревен под углы и стены сруба. Прослежен и так называемый окладный венец или фундаментная площадка. В отдельных постройках сохранились дощатые полы. В жилищах они укладывались на лаги-переводины на уровне второго венца сруба, в клетях — на землю (рис. 3, 1).

Клети и хлева были площадью 4–12 кв. м. В сооружении последних отмечена и столбовая техника «в паз» (рис. 3, 1). Из построек производственного назначения выявлена кузница XII в. (рис. 3, 2), в которой сохранились остатки печи-каменки и остов под точило, собранный из обломков жерновов. Найдены инструментари: наковальня для подсобных работ (рис. 4, 2), молоток-гвоздодер (рис. 4, 1), гвоздильни, зубила (рис. 4, 3–10), пробойники, напильники, заготовки, готовые изделия и брак производства. Изучены: постройка металлурга XIII в., мастерская кожевника, где в заполняющем слое находились многочисленные обрезки кожи, а рядом с ней — скопления обзоленной шерсти.

Особо отметим выявленную в раскопе 2016 г. ювелирную мастерскую XII в. площадью 8 кв. м. В ходе расчистки постройки найдены артефакты, относящиеся к ювелирному производству (рис. 5): сырье, заготовки для производства предметов, орудия труда, отходы, брак производства, целые предметы, среди них пуговицы из олова, бронзы и серебра, накладки-бляшки. Наиболее интересны находки трех колтов (рис. 6, 1–3). Они отлиты из свинцово-оловянистого сплава. Есть следы позолоты. в одном из них сохранилась овечья шерсть, которая, надо полагать, пропитывалась благовониями. Колтам из Слуцка посвящена

Рис. 1. Городище Слуцк: 1 — вид с юга с высоты птичьего полета, фото В. Е. Родина, 2016 г.; 2 — профиль северо-восточной стены раскопа 1986 г., фото Л. В. Колединского

Fig. 1. The fortified site of Slutsk: 1 — bird's-eye view from the south, photo by V. E. Rodin, 2016; 2 — profile of the north-eastern wall of the excavation in 1986, photo by L. V. Koledinsky

отдельная публикация (Колединский, Почобут, 2018).

Данные по планировке и застройке из наших раскопок позволяют сделать реконструкции отдельных участков слуцкого дегинца XIII в. (рис. 7).

Военное дело. Во время раскопок найдена коллекция предметов вооружения, которая насчитывает 40 единиц. По общерусской классификации она может быть разделена на оружие дальнего и ближнего боя, защитное вооружение, снаряжение всадника и боевого коня. Отметим лишь наиболее интересные предметы: бронзовое навершие булавы (рис. 8, 1), кистень (рис. 8, 2), целую шпору (рис. 8, 3), перекрестье меча, обоймицу от ножен сабли, кольцо кольчуги. Подробно предметы вооружения рассмотрены в специальной публикации (Калядзінскі, 1993).

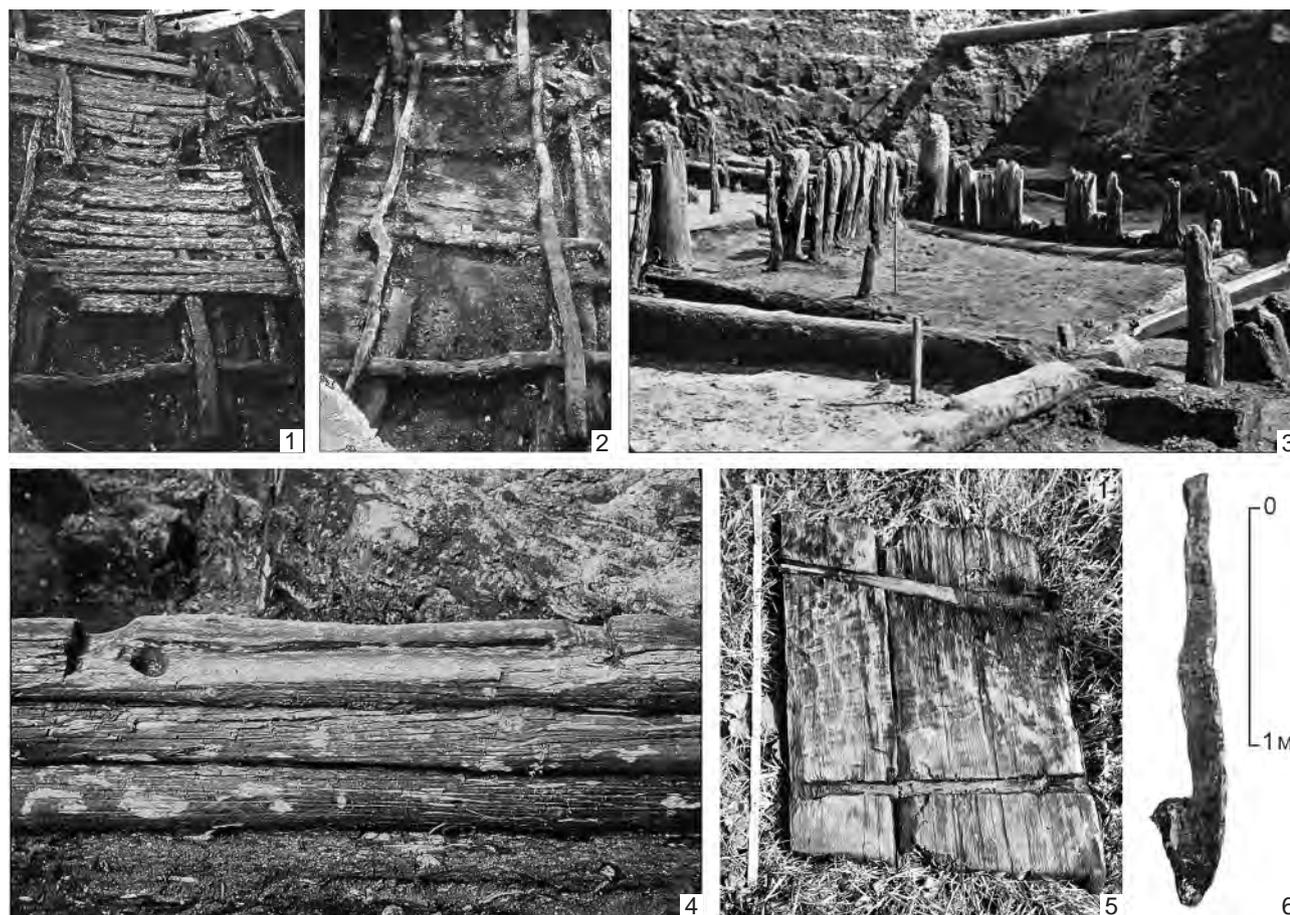

Рис. 2. Городище Слуцк. Участки застройки и элементы домостроительства XII–XIII вв.: 1, 2 — уличная мостовая XIII в. и ее устройство, раскоп 1985 г., вид с юга; 3 — участок бытовой застройки и частокол XIII в., раскоп 1986 г., вид с запада; 4 — дверной проем в жилище XIII в., вид с юга; 5, 6 — двери и кокошина XIII в.

Фото Л. В. Колединского

Fig. 2. The fortified site of Slutsk. Built-up sections and elements of house building of the 12th–13th cen.: 1, 2 — street pavement of the 13th cen. and its construction, excavation of 1985, view from the south; 3 — section of household building and the 13th cen. palisade, excavation of 1986, view from the west; 4 — doorway in the dwelling of the 13th cen., view from the south; 5, 6 — doors and *kokoshina* of the 13th cen. Photo by L. V. Koledinsky

Ремесло. Металлообработка. Показателен материал по металлургии и кузнечному делу. В раскопе 1985 г. были выявлены две разновременные кузницы. Одна из них, более ранняя и лучшей сохранности, представляла собой сруб площадью 12 кв. м с печью-каменкой и остовом под точило, она уже упоминалась. Именно в этой постройке собрано более трех десятков предметов из железа: полуфабрикаты, отходы металлообработки, готовые изделия как простой, так и весьма сложной в технологическом отношении продукции (например, цилиндрические замки). В раскопе 1986 г. выявлена постройка металлурга — сруб площадью 16 кв. м из дубовых и сосновых бревен толщиной 18–20 см с глинобитной печью в углу. В постройке и возле нее собрано 200 кусков шлаков. Встречены и крицы. Этим постройкам про-

изводственного назначения посвящена специальная публикация (Колединский, 1989). О местном ювелирном ремесле свидетельствует выявленная мастерская ювелира, о которой говорилось ранее.

Другие ремесла. В материалах раскопок хорошо представлено *косторезное* ремесло. Найдены десятки отходов этого производства: рога диких животных со следами их обработки топором, пилой, ножом. Коллекция костяных изделий насчитывает более сорока единиц. В технологии их изготовления можно проследить резьбу, шлифовку, сверление, декорирование, полировку поверхности. Среди изделий — разные бытовые предметы: проколки, гребни, пуговицы. Есть игрушки, например, вырезанное из рога яйцо (Калядзінскі, 2006). Продукция *кожевника* представлена находками обуви (целой и во фрагментах), галантереи

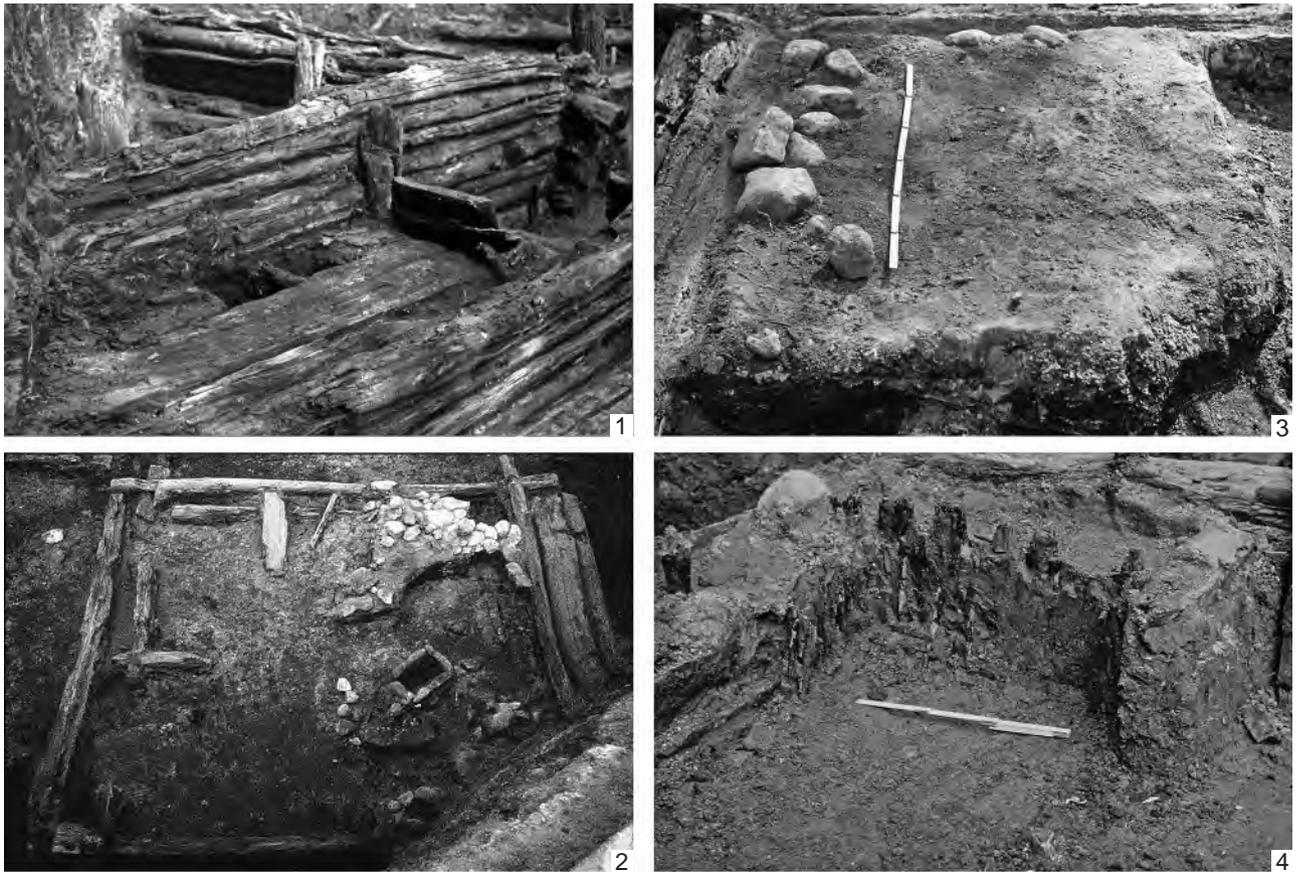

Рис. 3. Городище Слуцк. Участки бытовой застройки XII–XIII вв.: 1 — столбовая постройка между жилищем и клетью, XIII в., раскоп 1985 г., вид с запада; 2 — кузница XII в., раскоп 1985 г., вид с юга; 3 — печь в жилище XIII в., раскоп 1986 г., вид с запада; 4 — элемент устройства этой печи. Фото Л. В. Колединского

Fig. 3. The fortified site of Slutsk. Sections of household building of the 12th–13th cen.: 1 — pillar building between the dwelling and the *klet'*, 13th cen., excavation of 1985, view from the west; 2 — forge of the 12th cen., excavation of 1985, view from the south; 3 — oven in the dwelling of the 13th cen., excavation of 1986, view from the west; 4 — the oven's element. Photo by L. V. Koledinsky

Рис. 4. Городище Слуцк. Орудия труда XII–XIII вв.: 1 — молоток-гвоздодер; 2 — наковальня типа шперак; 3–10 — гвоздильни, зубила и пробойники. Черный металл. Фото Л. В. Колединского

Fig. 4. The fortified site of Slutsk. Working tools of the 12th–13th cen.: 1 — hammer-naildrawer; 2 — single arm anvil; 3–10 — naileries, chisels and punches. Black metal. Photo by L.V. Koledinsky

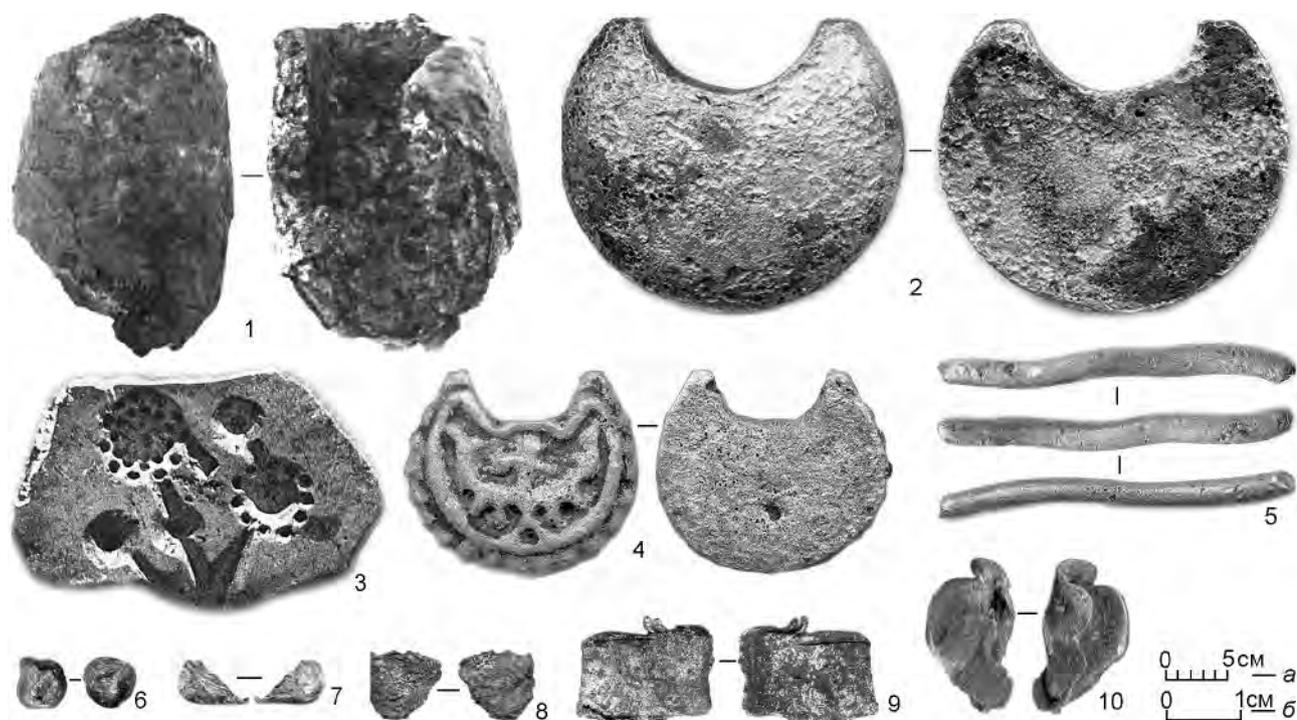

Рис. 5. Городище Слуцк. Свидетельства ювелирного производства: сырье, отходы и орудия труда XII–XIII вв.: 1 — тигль; 2, 4 — матрицы для изготовления колтов; 3 — формочка для отливки зеренных бус; 5 — проволока; 6–10 — кусочки свинца и олова. 1 — глина; 2, 4 — бронза; 3 — камень; 5 — серебро. Фото Л. В. Колединского. Масштаб: а — для 1, 6–10; б — для 2, 4, 5; 3 — без масштаба

Fig. 5. The fortified site of Slutsk. Evidences of jewelry production: raw materials, waste and tools 12th–13th cen.: 1 — crucible; 2, 4 — dies for making kolts; 3 — mould for granulated beads' casting; 5 — wire; 6–10 — pieces of lead and tin. 1 — clay; 2, 4 — bronze; 3 — stone; 5 — silver. Photo by L. V. Koledinsky. Scale: a — for 1, 6–10; b — for 2, 4, 5; 3 — without scale

(ремни, кошельки) и конской упряжи. Из обуви встречены поршни простые и ажурные, башмаки и детали сапог. Башмаки украшены орнаментом.

Изделия из дерева представлены традиционным для каждого владельца усадьбы набором: посуда бондарная, резная, точенная на токарном станке; детали зимних и летних, сухопутных и водных транспортных средств. Найдено почти целое рулевое весло.

Сельское хозяйство и промыслы. О занятиях земледелием красноречиво свидетельствуют находки орудий труда по обработке почвы (сошник, лопаты деревянные), для уборки (серпы) и переработки урожая (пест ручной ступы, трепала, жернова и порхлицы к ним деревянные и металлические), а также находки семян культурных и сорных растений. Последние могут свидетельствовать о системе севооборота.

Остеологическая коллекция из раскопок 1985–1986 гг. довольно репрезентативная. Так, костные остатки млекопитающих насчитывают 1700 еди-

ниц, представленных 15 видами, из которых девять — дикие животные. Остеологическая коллекция из раскопок Слуцкого детинца рассматривается в специальной публикации (Александрович, 1991). Она позволяет судить об охоте и животноводстве. Последнему посвящена специальная публикация (Александрович, Колединский, 1990). Представлена в коллекции орнитофауна и ихтиофауна. Рыболовство в Слуцке XII–XIII вв. рассмотрено в отдельной публикации (Калядзінскі, Ляшкевіч, 2000).

Важной отраслью является и лесной промысел: сбор ягод, орехов, грибов. Скорлупа лесных орехов встречалась в культурном слое на всем протяжении его исследования, а в материковой яме раскопа 1986 г. (конец XI в.) было собрано более двух сотен целых орехов. О сборе ягод и грибов могут косвенно свидетельствовать фрагменты берестяной посуды. Удивительно, но в слое конца XI — начала XII в., на глубине около 4 м, был найден сохранившийся гриб — ежевик пестрый (Калядзінскі, 1998).

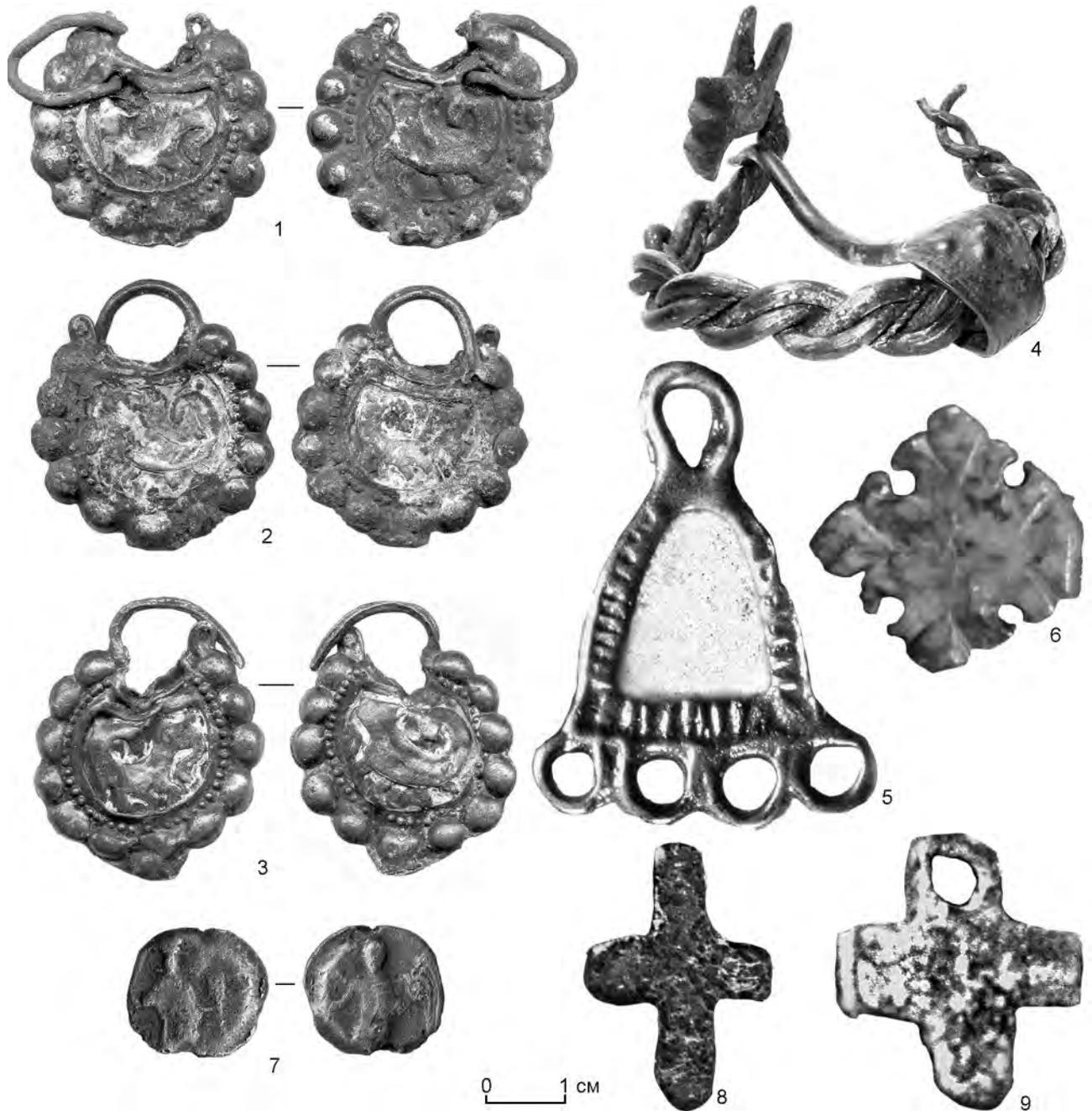

Рис. 6. Городище Слуцк. Находки: 1-3 — колты, XII в.; 4-6, 8, 9 — предметы импорта XII-XIII вв. (4 — фибула; 5, 6 — подвески; 8, 9 — крестики-корсунчики); 7 — вислая печать великого князя киевского Святослава Всеволодовича, середина XII в. 1-3, 5 — свинцово-оловянистый сплав; 4 — бронза; 6 — янтарь; 7 — свинец; 8, 9 — камень. 1-3 — фото Л. В. Колединского; 7 — фото В. С. Сиза

Fig. 6. Slutsk. Finds: 1-3 — *kolts*, 12th cen.; 4-6, 8, 9 — imported objects of 12th-13th cen. (4 — fibula; 5, 6 — pendants; 8, 9 — "Korsun" crosses); 7 — ligature seal of Svyatoslav Vsevolodovich, the Great Prince of Kiev, the middle of the 13th cen. 1-3, 5 — lead-tin alloy; 4 — bronze; 6 — amber; 7 — lead; 8, 9 — stone. 1-3 — photo by L. V. Koledinsky; 7 — photo by V. S. Siz

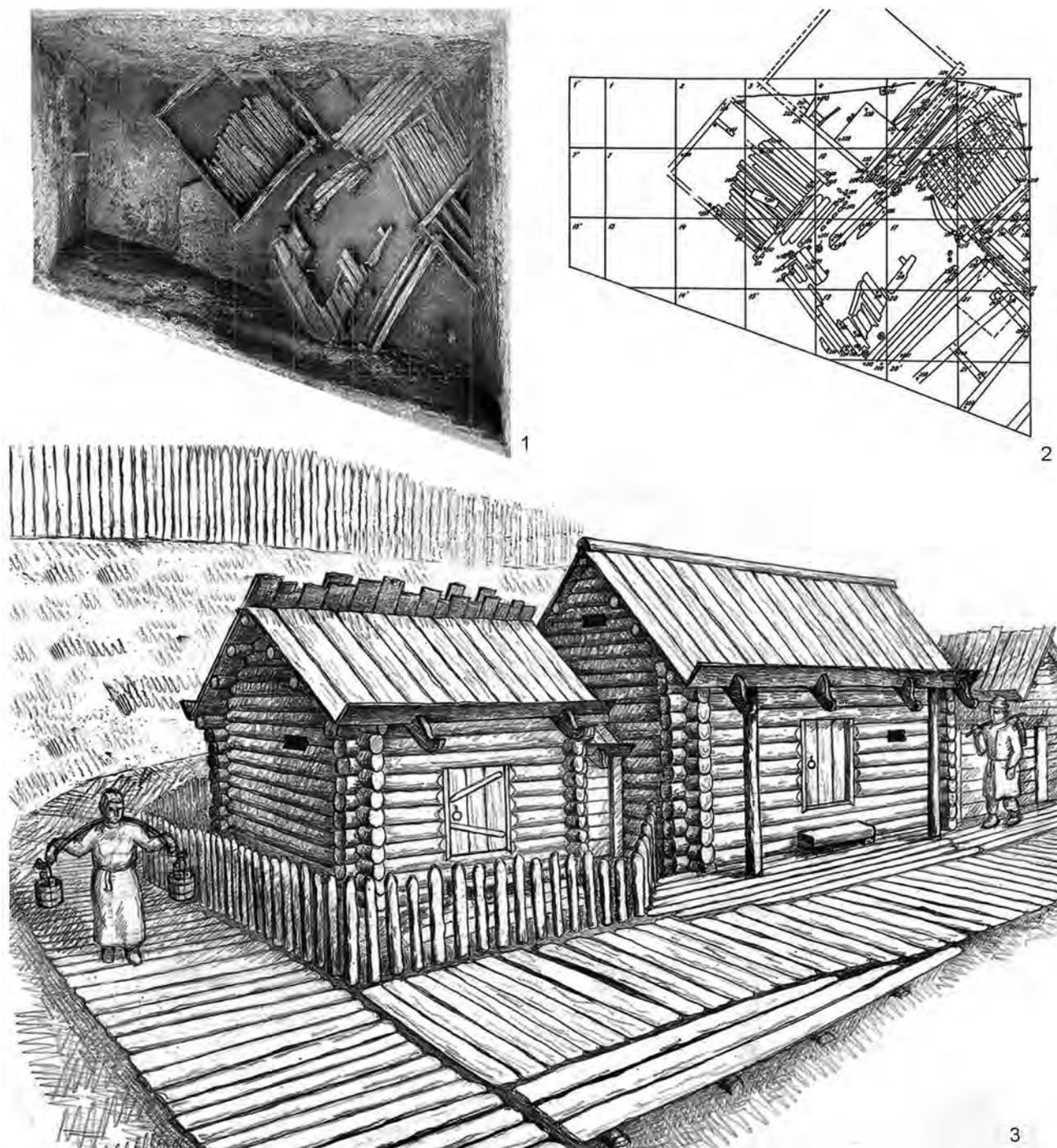

Рис. 7. Городище Слуцк: 1, 2 — участок городской застройки XIII в. раскопа 1985 г., вид с юга, фото и план Л. В. Колединского; 3 — реконструкция И. А. Титковского

Fig. 7. The fortified site of Slutsk: 1, 2 — section of the town building of the 13th cen. of the 1985 excavation, view from the south, photo and plan by L. V. Koledinsky; 3 — reconstruction by I. A. Titkovskiy

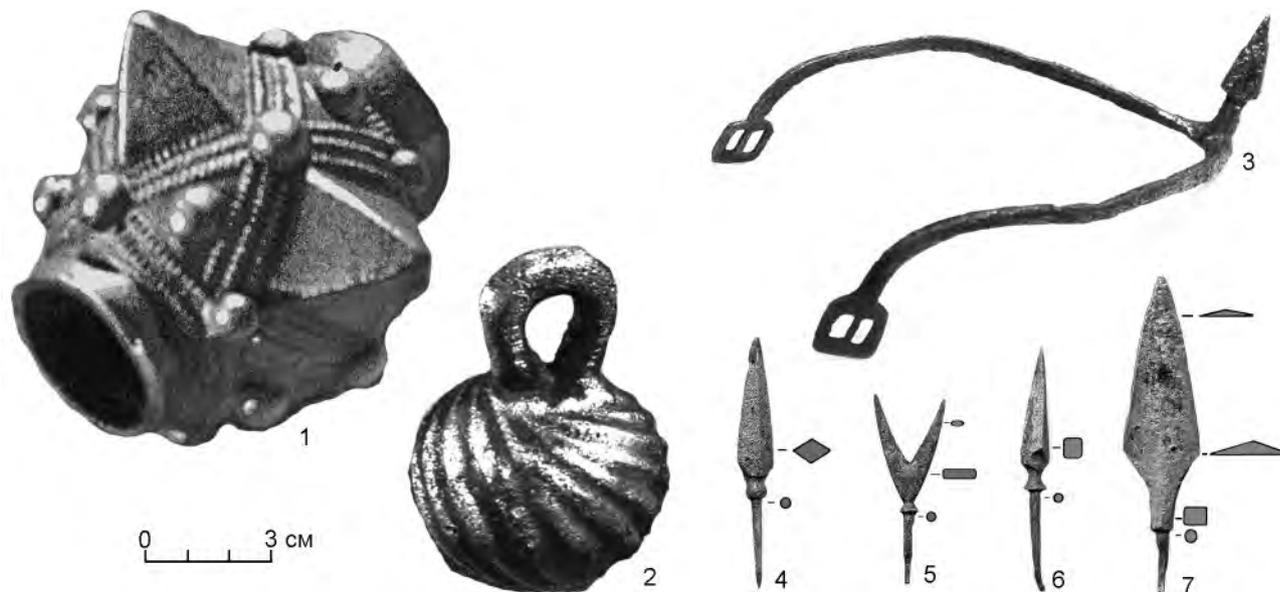

Рис. 8. Городище Слуцк. Предметы вооружения и снаряжения всадника XII–XIII вв.: 1 — навершие булавы; 2 — кистень; 3 — шпора; 4–7 — наконечники стрел. 1 — бронза; 2–7 — черный металл. Фото Л. В. Колединского. 1, 2 — без масштаба

Fig. 8. The fortified site of Slutsk. Arms and equipment of a horseman of the 12th–13th cen.: 1 — mace head; 2 — flail; 3 — spur; 4–7 — arrowheads. 1 — bronze; 2–7 — black metal. Photo by L.V. Koledinsky. 1, 2 — without scale

Торговый обмен. Торговля с округой, близкими и далекими землями. Найден почти целый безмен: гиря весом 6 фунтов, три кольца диаметром 7,5–9,5 см и обоймица. Товары ближайших соседей представлены шиферными пряслицами, стеклянной посудой, бусами и стеклянными браслетами (последних более 500), привезенными из южнорусских земель. Также найдены такие предметы византийского происхождения.

Есть вещи из Прибалтики — это янтарная подвеска и фибула (рис. 6, 4, 6). Из более отдаленных земель поступили сюда амфоры и крестикорсунчики (Крым, Херсонес) (рис. 6, 8, 9), сердоликовая бусина. Встречена подвеска финно-угорского облика (рис. 6, 5).

Духовная культура. Об уровне развития духовной культуры свидетельствуют следы стоявшего на слуцком детинце храма. Найдены плинфа и доломитовые плитки, что позволяет судить о технике и времени сооружения храма. Здание возводилось в технике смешанной кладки, аналогичной храмам Витебска и Новогрудка. Высказано мнение, что эти храмы возводила одна и та же строительная артель (Алексеев, 2006. С. 176). Возведен храм был, скорее всего, во второй половине XII в., то есть когда Слуцк выделился уже в удельное княжество.

Рис. 9. Городище Слуцк. Шахматные фигуры: 1 — пешка; 2 — слон; 3 — ладья; 4 — король. 1, 3, 4 — XII в.; 2 — XIII в. 1, 3 — дерево; 2, 4 — кость. Фото В. С. Сиза

Fig. 9. The fortified site of Slutsk. Chess pieces: 1 — pawn; 2 — bishop; 3 — rook; 4 — king. 1, 3, 4 — 12th cen.; 2 — 13th cen. 1, 3 — wood; 2, 4 — bone. Photo by V. S. Siz

Найдены писала и бондарное днище с вырезанной на нем буквой «N». Выявлены четыре шахматные фигуры (рис. 9). Пешка и ладья вырезаны из дерева, слон и король — из кости (Колединский, 2009). Последняя находка уникальна и является единственной находкой такого рода на территории Восточной Европы (Колединский, 2011а).

О политической принадлежности Слуцка может свидетельствовать находка вислой печати

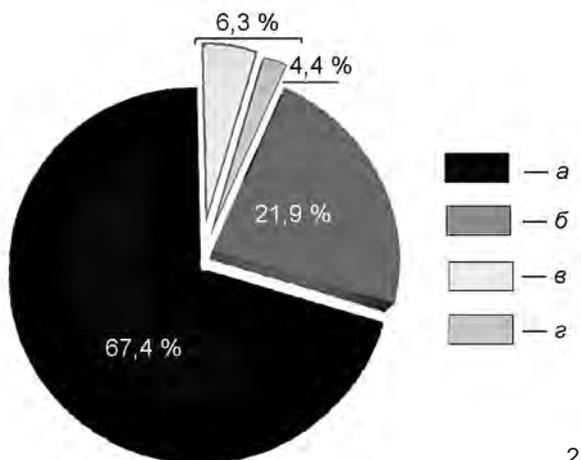

Рис. 10. Городище Слуцк: 1 — расположение раскопа 2016 г., фото В. Е. Родина; 2 — соотношение площадей исследованных и уничтоженных участков (а — уничтожено застройкой, б — под коммуникациями, асфальтом, газонами, в — изучено раскопками в разной степени, г — изучено до материка); 3 — охранная доска и памятный знак на городище, фото Л. В. Колединского

Fig. 10. The fortified site of Slutsk: 1 — location of the excavation of 2016, photo by V. E. Rodin; 2 — ratio of the areas of investigated and destroyed sites (а — destroyed by building, б — under communications, asphalt, lawns, в — studied by excavations in different degrees, г — studied to the virgin soil); 3 — protective board and a memorial sign on the settlement, photo by L. V. Koledinsky

(рис. 6, 7) великого князя киевского Святослава Всеволодовича (определение И. И. Синчука), который в середине XII в. занимал туровский стол и которому в это время мог принадлежать и Слуцк. В целом Слуцк можно охарактеризовать как один из небольших древнерусских городов.

Как охранялось и сохранялось археологическое наследие Слуцка

Городище Слуцк начало уничтожаться еще с 1885 г., когда здесь возводился Николаевский собор, занявший площадь около 140 кв. м. Последующие разрушения пришли на 1930–1940-е гг., когда на месте разрушенного собора возвели дом культуры, который занял площадь 1200 кв. м. Но самые разрушительные строительные работы велись в 1985–1986 гг., когда на памятнике археологии, сиречь памятнике культуры, с разрешения Министерства культуры сооружался дворец культуры, который занял уже 1925 кв. м и почти полностью уничтожил памятник археологии, то есть памятник культуры. В 2016 г. к старому дому культуры понадобилось проложить новые инженерные коммуникации. Охранные раскопки начались в середине сентября, проходили в тяжелых условиях (рис. 10, 1) и закончились с наступлением зимы. Сколько же площади памятника уничтожено, сколько сохранилось и сколько еще доступно для исследования на слуцком городище? Археологически изучено 10,7 % площади, уничтожено 3305 кв. м (или 67,4 %), оставшиеся 21,9 % недоступны для исследования (рис. 10, 2).

Как хранились наши находки, переданные в Слуцкий районный краеведческий музей? В 2005 г., проводя со студентами Белорусского государственного педагогического университета археологическую практику в Слуцком музее, в его хранилищах довелось увидеть удручающее зрелище. Переданные артефакты из наших раскопок хранились в сыром подвале. Мало того, они хранились рядом с образцами калийной соли, привезенной из АОО «Беларуськалий» для демонстрации ее посетителям музея. В результате этого расчищенные и законсервированные нами предметы из черного металла покрылись слоем ржавчины; на предметах из дерева и кожи образовалась плесень. Не выдержали такого хранения даже каменные жернова, которые начинали крошиться (Гусева, 2005). В 2005 г. находки были промыты, очищены и перенесены нами в сухое помещение (Колединский, 2011б).

В 2016 г. я вновь оказался в Слуцке для проведения спасательных раскопок. Все вернулось

на круги своя. В 2016 г. Слуцк отмечал юбилей, 900 лет упоминания его в летописи. Перед дворцом культуры на уничтоженном памятнике археологии по распоряжению районного отдела культуры установили памятник культуры — гранитный валун с охранной доской (рис. 10, 3),

что, мол, это городище древнего Слуцка, охраняемое государством, нанесение вреда карается законом.

И как тут не вспомнить известное выражение: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Только вот плачем ли? Это вопрос...

- Александрович*, 1991 — *Александрович Н. П.* Структурны аналіз з калекцый касткавых рэшткаў з раскопак Верхнега замка ў Слуцку (XII–XIII стст.) // *Весці АН БССР*. 1991 (Серыя грамадскіх навук). № 4. С. 74–78.
- Александрович*, *Колединский*, 1990 — *Александрович Н. П.*, *Колединский Л. В.* Животноводство Слуцка в XII–XIII вв. // *Гомельщина: археология, история, памятники (секция археологии и нумизматики): Тезисы второй Гомельской историко-краеведческой конф. по краеведению (Гомель, 1991 г.)*. Гомель: б. и., 1991. С. 71–73.
- Алексеев*, 2006 — *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 288 с.
- Гусева*, 2005 — *Гусева Т.* В Копыльском музее чтут историю. А в Слуцком? // «Капитал». 2005. 28 июня.
- Калядзінскі*, 1993 — *Калядзінскі Л. У.* Умацаванні і ўзбраенне дзяцінца летапіснага Слуцка (XII–XIII стст.) // *Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці Міхася Ткачова*. Мінск: Сантанас, 1993. Ч. 1. С. 160–180.
- Калядзінскі*, 1998 — *Калядзінскі Л.* Па грыбы ў... XI стагоддзе // *Родная прырода*. 1998. № 2. С. 37.
- Калядзінскі*, 2006 — *Калядзінскі Л. У.* Касцяныя вырабы з раскопак дзяцінца летапіснага Слуцка XII–XIII стст. // *Археалогія эпохі Сярэднявекі (да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі)*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006 (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; № 12). С. 149–153.
- Калядзінскі*, *Ляшкевіч*, 2000 — *Калядзінскі Л.*, *Ляшкевіч Э.* Іхтыяфаўна і прылады рыбалоўства з раскопак летапіснага Слуцка (XI–XIII стст.) // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2000. № 15. С. 123–125.
- Колединский*, 1987 — *Колединский Л. В.* Работы в Слуцке // *АО 1985 года*. М.: Наука, 1987. С. 452–457.
- Колединский*, 1988 — *Колединский Л. В.* Раскопки на детинце древнего Слуцка // *АО 1986 года*. М.: Наука, 1988. С. 366–367.
- Колединский*, 1989 — *Колединский Л. В.* Кузница и постройка металлурга из Слуцка XII–XIII вв. // *Первая Гомельская областная науч. конф. по историческому краеведению (Гомель, 27 февраля — 1 марта 1989 г.): Тезисы докл.* Гомель: б. и., 1989. С. 93–94.
- Колединский*, 1994 — *Колединский Л. В.* Городище Слуцк в раннем железном веке // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск: б. и., 1994. № 5. С. 199–206.
- Колединский*, 2009 — *Колединский Л. В.* Шахматы XII–XIII вв. из раскопок детинца летописного Слуцка // *Древняя история Восточной Европы: Сб. науч. ст., посв. 80-летию проф. Э. М. Загоруйского / Науч. ред. А. А. Егорейченко*. Минск: Белорусский ГУ, 2009. С. 79–86.
- Колединский*, 2011а — *Колединский Л. В.* Изобразительные фигуры шахматных королей XII–XIII вв. из городов Беларуси: интерпретация находок мнимая и реальная // *Европа: актуальные проблемы этнокультуры: Материалы Междунар. науч.-теорет. конф. (Минск, 23 июня 2011 г.)*. Минск: Белорусский гос. педагог. ун-т, 2011. С. 74–76.
- Колединский*, 2011б — *Колединский Л. В.* «Потерявши плачем...?» (выявление и сохранение артефактов из раскопок летописного Слуцка) // *Старажытныя гарады: Праблемы даследавання, музеіфікацыі, захавання помнікаў і гістарычных тэрыторый: матэрыялы канф. / Под ред М. У. Сульзіна. Заслаўе: Гісторыка-культурны музей-запаведнік Заслаўе*, 2011. С. 51–61.
- Колединский*, *Почобут*, 2018 — *Колединский Л. В.*, *Почобут Н. А.* Колты из раскопок детинца летописного Слуцка // *Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Материалы междунар. науч. конф., посв. 90-летию проф. Э. М. Загоруйского (Минск, 6–7 декабря 2018 г.)*. Минск: Белорусский ГУ, 2018. С. 135–141.
- Колединский и др.*, 2018 — *Колединский Л. В.*, *Почобут Н. А.*, *Родин В. Е.* Слуцк: итоги спасательных исследований 2016 г. // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. Мінск: Беларуская навука, 2018. Вып. 29: Даследаванні пахавальных і пасяленчых помнікаў эпохі сярэднявекі і Новага часу на тэрыторыі Беларусі і суседніх краін. С. 266–270.
- Лысенко*, 1974 — *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли / *Ред. В. В. Седов*. Минск: Наука и техника, 1974. 200 с.
- ПСРЛ*, 1962 — *Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. 4-е изд.* М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Фотопечать 2-го изд. 938 стб. + 108 с.

The fortified site of Slutsk: study and preservation of archaeological heritage

L. V. Koledinsky²

Keywords: Slutsk, fortified site, excavations, stratigraphy of the site and its defensive structures, material culture, protection and preservation of archaeological heritage.

The ancient fortified site of Slutsk is located in the centre of the modern town. It occupies a natural hill at the confluence of the rivers Sluch and Bychok (fig. 1). In the 12th–13th cen. there was a *detinets* of Sluchesk known from the chronicles, and in the 14th–17th cen. — the Upper castle of Slutsk. Small-scale archaeological excavations were carried out there in 1958 and 1968 (E. M. Zagorulsky, P. F. Lysenko) on the area 40 sq. m. In 1985, 1986 and 2016 we carried out conservation excavations on the area about 400 sq. m (fig. 11, 2). The defense rampart was studied; its width at the base was 22 m and height about 6 m. On the outer side there was a ditch 25 m wide and up to 2 m deep. The stratigraphy of the site includes layers of 14th–17th, 12th–13th and 11th cen. The pre-virgin soil layer and pits in the virgin soil contain Early Iron Age materials. The depth of the site's cultural layer is about 4 m (fig. 2). The 12th–13th cen. layer is the most informative, as it preserves organic objects. The layout and building of the *detinets* were studied, which allowed making a graphic reconstruction of some of its sections (fig. 7). The material culture of Slutsk is typical for most Old Rus' cities. Among these artifacts the finds of chessmen should particularly be noted (fig. 9), among which there is a unique pictorial figure of a chess king carved from a horn (fig. 9, 4). Unfortunately, a significant part of this site was destroyed in the course of building works (fig. 10, 2), and the archaeological material transferred to the local museum was stored in inappropriate conditions, which led to its deterioration.

² Leonid V. Koledinsky — The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus; Minsk, the Republic of Belarus.

Музеефикация объектов археологии на городище Турова

Н. А. Почобут¹

Аннотация. Публикация посвящена музеефикации городища древнерусского города Турова X–XIII вв. в Житковичском районе Гомельской области (Республика Беларусь). В ней отражены результаты исследований археологического памятника М. Д. Полубояриновой (1961 г.), М. К. Каргером (1963 г.), П. Ф. Лысенко (1992–1993, 2004–2005 гг.), которые были использованы в ходе создания археологического музея «Экспозиция древнего Турова» (2005 г.).

Ключевые слова: Беларусь, г. Туров, городище, раскопки, древнерусский храм, музеефикация, археологическое наследие.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-247-258

Первое упоминание о городе Турове (X–XIII вв.) на правом берегу Средней Припяти содержится в «Повести временных лет» и, согласно Ипатьевской летописи, относится к 980 г.: «Бе бо Рогволод перешел из-за моря, имяше волость свою Полотьске, а Тур Турове, от него же и туровци прозвашеся» (ПСРЛ, 1962. Стб. 63–64). Около 1005 г., а весьма вероятно, еще раньше — в 992 г. (Лысенко, 2004. С. 110, 131), была учреждена Туровская епископская кафедра. Городище древнерусского Турова располагается на северо-западе современного г. Турова Житковичского района Гомельской области (рис. 1, 1). Оно известно под названием Турова (Замковая, Церковная) гора. Находится на мысу, образованном р. Струмень, протекающей по старице Припяти, и притоком Струмени р. Язда. Участок Струмени возле городища получил в настоящее время свой собственный гидроним — оз. Раздэра, а основное русло Припяти проходит в 1,3 км севернее. Городище имеет подтреугольную форму, состоит из территории бывшего детинца (1 га, площадка 90 × 85 м), к которому с юго-востока полукольцом примыкает окольный город (1,5 га) (Там же. С. 22). Между этими частями сохранился ров. Площадка городища срезана (высота 4–6 м), но в 20-е гг. XX в. высота его составляла 4–10 м. Для понимания историче-

ской топографии Турова наиболее информативен план, составленный руководителем Мозырьского окружного краеведческого общества А. К. Круковским (*Крукоўскі*, 1926. С. 53) (рис. 1, 2). На нем отражен опоясывавший городище с напольной стороны оборонительный ров (с юга и востока), который заполнялся водой. Есть планы, составленные минским церковным историко-археологическим комитетом в 1909 г. (Лысенко, 2004. С. 18, рис. 4, 5), С. С. Шутовым и А. Д. Коваленей в 1927 г. (*Каваленя, Шутай*, 1930. С. 339–379; Лысенко, 2004. С. 20, рис. 7).

Стратиграфия напластований детинца впервые была изучена в 1961 г. М. Д. Полубояриновой, начальником Туровского отряда экспедиции Института археологии АН СССР. В ходе археологических раскопок 1961 г. вскрытая площадь составила 240 кв. м при мощности культурного слоя 1,8–2,5 м. Было выявлено шесть срубных построек и развал плинфы (26,0 × 16,0 × 3,5 см и 26,0 × 20,0 × 5,0–5,5 см), что позволило высказать предположение о находящемся рядом монументальном сооружении (Полубояринова, 1963. С. 45–47). В том же году на территории окольного города М. Д. Полубояринова совместно с П. А. Раппопортом обследовали упорядоченную кладку, случайно выявленную рабочими во дворе средней школы. Заложив шурф (1 × 1 м), археологи обнаружили внутренний угол сооружения из плинфы и сообщили об этом М. К. Каргеру. В 1962 г. Каргер вскрыл шурф, расчистил

¹ Институт истории НАН Беларуси; Минск, Республика Беларусь; e-mail: poczubutnatalia@tut.by.

© Почобут Н. А., 2024

Рис. 1. 1 — городище Турова во время разлива р. Припяти. Интернет-ресурс Коло Струменя // URL: <https://kolostrumenj.by/guide/городище-древнеготурова> (дата обращения: 20.01.2024); 2 — план Турова А. К. Круковского (*Крукоўскі*, 1926. С. 53)

Fig. 1. 1 — fortified site of Turov during the flooding of the Pripjat River. Internet resource Kolo Strumenya // URL: <https://kolostrumenj.by/guide/городище-древнеготурова> (accessed 20.01.2024); 2 — plan of Turov by A. K. Krukovsky (*Крукоўскі*, 1926. С. 53)

фундамент и фрагмент стены с пилястрой (Лысенко, 2004. С. 29), разведочными раскопками открыл хорошо сохранившийся северо-западный столб. Обнаруженную церковь он датировал серединой — второй половиной XII в. (Каргер, 1965. С. 131). В августе–сентябре 1963 г. Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедицией ЛОИА АН СССР и Ленинградского университета

под руководством М. К. Каргера было полностью вскрыто основание большого трехнефного шестистолпного храма с тремя полукруглыми апсидами и нартексом. Высота стен составляла от 0,3 до 0,5 м, лишь центральная апсида сохранилась на 2 м. Исследования 1963 г. велись методом закладки траншей шириной 0,3–1,0 м по наружному и внутреннему периметру, чтобы, прежде всего,

получить план церкви и датировать ее (Лысенко, 2005б. Л. 26). Руина демонстрировала признаки ранней строительной катастрофы и последующего восстановления. М. К. Каргером была названа причина саморазрушения — несмотря на значительную глубину заложения (1,2 м), малоустойчивым оказался фундамент, выведенный «насухо», без раствора, и погруженный в рыхлый культурный слой. Ширина фундамента не превышала толщину стен. Отсутствовали ленточные фундаменты, связывающие здание по основным осям (Каргер, 1965. С. 138, 139). Были отмечены: ремонт плинфой иного формата; древний уровень, на котором находился первоначальный плиточный майоликовый пол, погребший в пожаре; поднятый после ремонта на новый уровень второй пол храма. По окончании работ траншеи были засыпаны грунтом из отвалов. В ходе исследований в 1963 г. были найдены три саркофага из шиферных плит — в северо-западном и юго-западном углах основного объема, а также в юго-западном углу нартекса (Там же. С. 136, рис. 47). Один саркофаг находится в экспозиции Музея Белорусского Полесья в Пинске (рис. 2, 1), второй экспонировался в Туровском краеведческом музее и был перенесен в павильон археологического музея на городище (рис. 2, 2). Третий саркофаг не сохранился, его стенка, очевидно, была использована для экспонируемого в краеведческом музее саркофага.

Публикация М. К. Каргера (1965) о туровской церкви XII в. вызвала большой интерес, так как открывала единственный памятник сакральной архитектуры домонгольского времени на территории Белорусского Полесья. По технике равнослойной кладки из плинфы храм был отнесен М. К. Каргером к типу, сложившемуся в киевской архитектурной школе, но получившему развитие в региональном зодчестве. По мнению исследователя, туровский храм по своей плановой структуре ближе всего к Успенскому собору во Владимире-Волынском. Была отмечена лестница на хоры, отделенная тонкой стенкой в четверть окружности, в углу западной стены. Этот конструктивный элемент сближал храм с Нижней церковью XII в. в Гродно. По оценке П. А. Раппопорта, отличия от сооружений киевской школы свидетельствовали о предпосылках формирования самостоятельной местной школы в Турове (Раппопорт, 1986. С. 66, 67).

Городище древнего Турова в рамках плановой темы «Туровская земля» начал изучать с 1962 г. П. Ф. Лысенко, аспирант В. В. Седова. В период раскопок на детинце в 1962, 1963, 1968 гг. на площади 528 кв. м им были открыты 24 построй-

Рис. 2. Саркофаги, выявленные экспедицией М. К. Каргера в 1963 г.: 1 — в Музее Белорусского Полесья (г. Пинск) (фото 2023 г., предоставлено Н. П. Мельниковым); 2 — в павильоне экспозиции «Древний Туров» (фото Н. А. Почобут, 2023 г.)

Fig. 2. Sarcophagi discovered by M. K. Karger's expedition in 1963: 1 — in the Museum of Belarusian Polesie (Pinsk) (photo 2023, provided by N. P. Melnikov); 2 — in the pavilion of the exposition "Ancient Turov" (photo by N. A. Pochobut, 2023)

ки древнерусского времени (Лысенко, 2004. С. 28, 29). В 1984–1985 гг. П. Ф. Лысенко разработал «Концепцию создания культурно-исторического центра в г. Турове» (Лысенко, 2005б. Л. 4, 5). Одним из важнейших событий, сыгравших положительную роль в продвижении предложений по музеефикации археологических памятников Турова, стало причисление 28 апреля (11 мая) 1984 г. к Собору белорусских святых епископа Кирилла Туровского, при жизни которого был

построен храм XII в. на окольном городе. Тема создания археологического музея в Турове посвящены несколько страниц в научно-популярном издании «Сказание о Турове» (Лысенко, 2018. С. 112–115), что побудило к написанию данной статьи и стало возможным благодаря подробно изложению ключевых вопросов в полевых отчетах Петра Федоровича Лысенко.

Вне стен Института истории АН БССР возникла идея строительства нового приходского храма непосредственно на сохранившихся объемах XII в. Инициатором выступил архитектор Н. И. Лукьянчик. Проект начал разрабатываться в 1991 г. (Лысенко, 2004. С. 29). Туровским горпоселковым советом производился сбор денег среди местных жителей на реализацию проекта. Не принималась во внимание информация о состоянии древних стен, которые не обладали достаточной несущей способностью: в кладке апсид были сквозные трещины, южная стена имела сильный наклон, из-за чего произошел отрыв от нее нартекса. Эти сведения из отчета М. К. Каргера были представлены Л. Д. Поболем и П. Ф. Лысенко во время обсуждения проблемы с участием митрополита Филарета. Проект был признан неосуществимым. Пагубным для памятника намерениям воспрепятствовали обращения В. В. Седова и П. П. Толочко в адрес председателя Президиума Верховного совета С. С. Шушкевича. В новых обстоятельствах Н. И. Лукьянчик разработал второй проект «храма-мемориала архитектурным памятникам древней Руси», который перекрывал храм XII в., заключая руину в цокольный этаж.

Непринятие и этого проекта было связано с разительным отличием облика нового храма в псевдорусском стиле (Соболь, Лысенко, 1992а. Л. 2, 3) от архитектуры домонгольских памятников, к которым относилась туровская церковь, и фактическим игнорированием мнения специалистов. П. А. Раппопорт и О. М. Иоаннисян со ссылкой на выводы М. В. Малевской полагали, что волынский князь Ярослав Изяславич после добровольного отказа от княжения в Киеве (княжил в 1174 г.) привез часть киевской артели в Луцк на Волини, а по окончании возведения там церкви Иоанна Богослова передал мастеров своему свату — туровскому князю Юрию Ярославичу, после чего Юрий смог направить строителей брату своей жены — городенскому князю (Малевская, 1986. С. 268; Раппопорт, Иоаннисян, 1988). Исходя в том числе и из исторического контекста, П. Ф. Лысенко датировал туровский храм 1170–1175 гг. (Соболь, Лысенко, 1992б. Л. 4), позднее — 70-ми гг. XII в. (Лысенко, 2004. С. 36).

На заседании комиссии Верховного совета Республики Беларусь по образованию, культуре и сохранению исторического наследия 18 ноября 1991 г. был рассмотрен третий проект нового храма на городище древнего Турова. Проект представил Н. И. Лукьянчик (автор Г. А. Лаврецкий). Новый шестистолпный храм должен был стать значительно увеличенной копией туровской церкви XII в. (30,5 × 46,2 м), чтобы перекрыть памятник. П. Ф. Лысенко возражал против проекта, мотивируя свою позицию необходимостью сохранить памятник «в качестве основы самостоятельного объекта (музея)», что позволит избежать масштабного по площади разрушения культурного слоя. В качестве альтернативы предлагал возвести храм на новом месте (Соболь, Лысенко, 1992а. Л. 3). Комиссия большинством голосов одобрила третий проект, и в 1992 г. начались раскопки на месте будущих траншей под фундаменты. П. Ф. Лысенко заложил раскоп I площадью 160 кв. м (12 × 12 м) на расстоянии 2 м от южной стены церкви. В прирезке к раскопу, непосредственно у стены храма, были вскрыты два погребения, одно из которых находилось в деревянной колоде, перекрытой каменной плитой, второе — в шиферном саркофаге (не экспонируются, останки захоронены). Восточнее заложенного раскопа на 1,6 м, у средней лопатки, выявили торец шиферной плиты третьего саркофага, который оставили нетронутым (открыт в 2005 г.). В 1993 г. раскопки продолжились. Западнее раскопа I был разбит раскоп II площадью 256 кв. м (16 × 16 м), в предматериковом слое выявлены следы объекта, который автор интерпретировал как языческое святилище-капище конца X в. (Лысенко, 2004. С. 29, 98, рис. 46). Вокруг центральной круглой ямы (1,0 × 0,8 м, глубина 0,6 м) были расчищены два полукольца из ям, заполненных слоем с углем либо разложившимся углем. Оси ям ориентированы на единый центр. Второе полукольцо находилось в 2,5–2,7 м от центра. Северная часть объекта входила в профиль раскопа под южной стеной церкви (Соболь, Лысенко, 1994. Л. 41, 42).

Для начала строительства нового храма оказалось недостаточно финансовых средств. Основными причинами стали инфляция и допущенные в ходе предпроектных работ ошибки. Если в 1991 г. строительство оценивалось в 6 млн руб., то в 1992 г. — в 60–70 млн руб. Предполагаемая длительность строительства — 6–7 лет. Новый храм сначала планировали разместить в центре окольного города, когда же местоположение его было перенесено к храму XII в., то он пришелся

Рис. 3. «Иконки» (матрицы) из раскопок на Туровском городище, XIII–XIV вв.: 1 — Богородица; 2 — Кирилл Туровский (?); 3 — св. Варвара; 4 — прп. Евфросиния либо Анастасия (атрибуция святых приводится по версии П. Ф. Лысенко). Свинцово-оловянный сплав. Фотографии отдела археологии Средних веков и Нового времени Института истории НАН Беларуси

Fig. 3. “Icons” (matrixes) from excavations of Turov, 13th–14th cen.: 1 — Virgin Mary; 2 — Cyril of Turov (?); 3 — St. Barbara; 4 — St. Euphrosyne or St. Anastasia (attribution of saints according to P. F. Lysenko). Lead-tin alloy. Photos by the Department of Archaeology of the Middle Ages and Modern Times of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

на оборонительный ров между окольным городом и детинцем (*Там же*. С. 41, 42). Кроме того, размещение большой церкви грозило уничтожением 1350 кв. м культурного слоя.

В рамках выполнения мероприятий по музеефикации городища знаковым событием стало открытие 11 мая 1993 г. вблизи древнего храма памятника Кириллу Туровскому (1113 (?) — ок. 1182) — богослову, автору выдающихся произведений (поучений, притч, молитв, торжественных слов). Современники называли его «Златоустом, воссиявшим паче всех на Руси». Кирилл Туровский упоминается как епископ под 1169 г., похоронен на территории монастыря в Турове (вероятно, Борисоглебского), канонизирован не позднее XIII в., когда было составлено житийное сказание о нем, попавшее затем в «Пролог» (XIV в.) (*Сухомлинов*, 1908. С. 273–349). В 1909 г. на Борисоглебском кладбище у церкви был найден шиферный саркофаг (*Крукоўскі*, 1926. С. 53). В саркофаге церковно-археологической комиссией обнаружены золотые нити, возможно, от омофора епископа.

В 2004 г. вышла монография П. Ф. Лысенко «Древний Туров», годом ранее автор был удостоен государственной премии Республики Беларусь за цикл работ «Южная Беларусь в IX–XIII вв.». Общее число переданных музею в сентябре 1993 г. находок составило 6156 единиц хранения (*Соболь*, *Лысенко*, 1994. Л. 5–10). Большой общественный резонанс получила реконструкция П. Ф. Лысенко воздвизального (напрестольного) креста туровской епархии на основе найденных во время

раскопок 1962 г. на детинце в слоях второй половины XIII — начала XIV в. «иконок» (матриц) с погрудными высокорельефными изображениями святых, предположительно, Богородицы, Кирилла Туровского (?), великомученицы Варвары (?), преподобной Евфросинии или Анастасии (*Лысенко*, 2004. С. 100, рис. 47) (рис. 3). Они отлиты из свинцово-оловянистого сплава, имеют овальную форму, датировались исследователем в публикациях также XIII–XIV вв. (*Лысенко*, 2017. С. 33, 34) и XII в. (*Лысенко*, 2020. Фото 8).

Усилиям по музеефикации детинца и окольного города способствовала и подготовка к проведению Дня белорусской письменности (5 сентября 2004 г.). Город является местом создания одного из старейших восточнославянских рукописных памятников — Туровского Евангелия XI в. (апракоса), от которого сохранились 20 страниц, найденных в 1865 г. в Спасо-Преображенской церкви Турова. В апреле 2004 г. президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая перед жителями, отметил, что Туров имеет исключительно богатую историю и исторические традиции, которые должны быть использованы для создания на их основе культурно-исторического центра, способствующего туризму в Полесье (*Лысенко*, 2005б. Л. 41). В этом же году была предпринята попытка выявить местонахождение остатков башни-донжона XIII в. и изучить оборонительные укрепления, что позволило бы отразить в будущем музейном комплексе деревянную крепость и замок князя Константина Острожского (XVI в.).

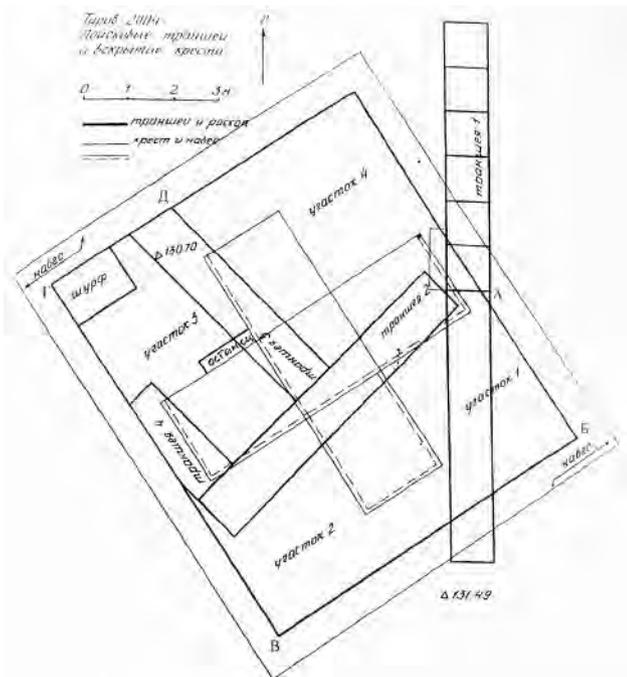

Рис. 4. План поисковых траншей на городище и вскрытого в 2004 г. объекта «крест» (Лысенко, 2005а. Л. 26, рис. 2)

Fig. 4. Plan of the search trenches at the fortified site and the object “cross” uncovered in 2004 (Лысенко, 2005а. Л. 26, рис. 2)

Раскоп заложили в 2004 г. на детинце, у внутреннего склона западного участка оборонительного вала, непосредственно на возвышении, на котором до революции стоял дом помещицы Татур (предполагаемое место нахождения донжона). Было открыто кирпичное сооружение XVI в. — иное, нежели ожидали, представляющее в плане четырехконечный крест (Лысенко, 2020. Фото 2) (рис. 4). Перекладыны «креста» имели почти равную длину, были ориентированы по сторонам света. Их длина по линии запад–восток — 6,95 м, по линии север–юг — 6,75 м. Ширина перекладин 2 м. «Крест» был выложен из восьми рядов кирпичика-пальчатки 25–26 × 13–14 × 5–6 см. Техника кладки ренессансная, с чередованием «ложковых» и «тычковых» рядов. Сверху обожженный кирпич перекрывали четыре ряда сырцового кирпича 32,0–33,0 × 16,0–17,0 × 8,5–8,9 см на известковом растворе. Отсутствие аналогий затруднило определение назначения сооружения (Лысенко, 2005а. Рис. 9, фото 71). По предложению исследователя уникальный объект решили включить в будущий музейный комплекс (Там же. С. 18), построили деревянный навес. В том же раскопе был прослежен

отрезок оборонительного вала XI в. Оба объекта планировали музеефицировать на детинце².

Первоочередным объектом музеефикации был назван храм XII в., началось обсуждение вопроса о полном открытии руин, из областного бюджета были выделены средства³. Вторым туристическим объектом должен был стать «кирпичный крест», но в 2008 г. без разрешения Института истории его «законсервировали» песком (распоряжение заместителя министра культуры по благоустройству), что, по мнению П. Ф. Лысенко, окончательно погубило сооружение.

Для вскрытия храма XII в. следовало определить местоположение основных осей сооружения, разбить раскоп и снять слой засыпки над кирпичной кладкой. Общая площадь, на которой шли работы, составила свыше 600 кв. м при мощности слоя до 3 м. Снятие дернового слоя выполнили бульдозером. На первом этапе пятью поисковыми шурфами (2,0 × 0,4 м) было уточнено местоположение храма на местности. Работы проводились в быстром темпе. Археологи за три дня выявили апсиды, северную и южную стены, что дало возможность проектной организации начать

² Для подготовки праздника 1025-летия Турова был создан Национальный комитет. Перед комитетом 6 августа 2004 г. на городище выступил П. Ф. Лысенко, показал объекты будущего культурно-исторического центра (Лысенко, 2005б. С. 5).

Вопрос о строительстве и проектировании павильона музея решался 15 апреля 2005 г. на совещании у заместителя председателя Гомельского облисполкома В. Г. Надточаева. Была поставлена задача создать музей и благоустроить территорию городища в чрезвычайно короткий срок — в течение 3–3,5 месяцев, к дате празднования 1025-летия Турова 18 сентября 2005 г. (Лысенко, 2005б. С. 8, 10). Определена кандидатура архитектора А. В. Бондаренко (Проектный институт «Полесьепроект», г. Мозырь), решен вопрос о размерах павильона — 30 × 40 м, типе фундамента. Архитектор ознакомился с музеем «Берестье» (Там же. С. 10, 67).

³ Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 10.08.2004 г. № 939 городскому поселку Туров был присвоен статус города, а облисполком поставил задачу вскрытия храма и строительства музея за счет областного бюджета (решение № 899 от 30.12.2004 г.). Осуществлялись мероприятия согласно договору от 26.06.2005 г. «Исследование культурного слоя над руинами храма XII в. в г. Турове Житковичского района», заключенному с Институтом истории НАН Беларуси (Лысенко, 2005б. С. 7–8). Создан Туровский отряд (П. Ф. Лысенко, Н. Н. Дубицкая, рабочий).

работу. Над раскопом возвели пленочное покрытие на деревянном каркасе. Было организовано механизированное удаление отработанного слоя. Разборкой завалов кирпичной кладки занималась бригада учащихся ГПТУ-182 г. Житковичи.

Постоянно шло обсуждение вопроса сохранения культурного слоя и самого храма. Возводить здание павильона на свайном основании методом ударного заглубления свай было невозможно, так как от ударов, несомненно, пострадал бы храм XII в. Сооружение ленточного фундамента из бетонных плит при глубине материка 3,2–3,6 м также было неприемлемо ввиду огромного объема работ, для выполнения которого требуется 5–7 лет. Материк — сильнообводненный песок — имел слабую несущую способность и находился практически на отметке уровня воды во время половодья (Лысенко, 2005б. Л. 66). Практически единственным методом возведения основания павильона было сооружение его на основе буронабивных свай, как в Археологическом музее «Берестье». Пришлось признать неизбежность потерь части культурного слоя там, где не было перекопа.

Особенностью процесса музеефикации стало совмещение этапов, которые, как правило, осуществляются последовательно. Это раскопки, проектные работы, строительство здания, консервация кладки, экспозиция. Территория была разбита на участки (северный, южный и западный), которые разрабатывались поочередно. Одновременно с шурфовкой и расчисткой стен производились работы по сооружению свай. С 30 мая по 18 сентября 2005 г. на разных участках одновременно бурили скважины под сваи фундамента здания. Скважины имели диаметр 0,6 м, забуривались на глубину до 3,6 м от дневной поверхности. Строители возводили ростверк под опоры, перекрытия и галерею, необходимые для осмотра церкви по периметру. Сооружались стены и кровля, производились монтаж электротехнического оборудования и укладка плитки на смотровой галерее.

Здание музея заняло площадь 1344 кв. м, размер павильона (сооружения шатрового типа с бесчердачным покрытием) — 42 × 32 м, высота в коньке 12,58 м. Кровля выполнена из металлочерепицы. Повторен «берестейский» подход к организации музейного пространства в павильоне — смотровая галерея на свайном основании с тематической экспозицией расположилась вокруг храма (рис. 5, 1).

Экспозиция позволяет принимать несколько групп посетителей в одно время. Она насыщена иллюстративными материалами по истории Турова X–XIII вв.

Храм XII в.

Экспонируются значительные объемы храма. Размеры сооружения 29,00 × 16,91 м (Лысенко, 2004. С. 102), уточненные размеры (28,5 × 17,3 м) совпадают с вычислениями П. Ф. Лысенко по плану М. К. Каргера (Соболь, Лысенко, 1992а. Л. 12; Лысенко, 2017. С. 39).

Алтарная часть храма

Северная апсида (жертвенник). Толщина кладки 1,45 м, высота с южной стороны — 1,75 м; укреплена, так как была разорвана четырьмя разломами. Обнаружена перегородка из плинфы (длина 1,9 м, толщина 0,9 м, сохранена на четыре ряда), отделяющая жертвенник от основного объема храма, в ней есть проход шириной 0,7 м.

Центральная полукруглая апсида глубиной 5,88 м, высотой 1,50–1,65 м, из красного кирпича 26,0–27,0 × 18,0–19,0 × 3,5–4,0 см на растворе с цемянкой, с толщиной швов 5–6 см. Между окончаниями полукружия расстояние 5,36 м. Апсида полностью расчищена от завала. При расчистке были измерены отдельные кирпичи (24,0–25,0 × 18,0 × 4,5 см) и в блоке кирпичной кладки от рухнувшего свода — 26,5 × 18,5–19,5 × 4,5 см. Вдоль внутренней стенки установили копии икон, которые возвышаются над краем законсервированной кладки.

Южная апсида (дьяконник) шириной 2,88 м, высотой 1,80 м. Повреждена, как полагал П. Ф. Лысенко, предположительно ковшом экскаватора в 1960-е гг., так как южная часть полностью отсутствует (рис. 5, 2). На внутренних стенах апсид сохранились лопатки, выступающие на 20–23 см, шириной 1,45–1,50 м. В настоящее время северная, центральная и южная апсиды сохраняются на 19–23 ряда плинфы.

В центре алтарной части храма создан престол в виде куба из собранных кирпичей на цементном растворе (рис. 5, 1), который в настоящее время эпизодически используется во время богослужений. В 2005 г. престол не был прослежен. Установлен современный столик у входа в жертвенник. Площадь алтарной части храма закрыли дощатым помостом поверх «второго» по хронологии пола. Помост связан с тремя металлическими лестницами, по которым посетители спускаются в раскоп. Доски повреждены коричневыми пятнами гнилостного грибка и белой плесени (ноябрь 2023 г.), частично заменены.

Подкупольное пространство (рис. 6)

Подкупольные столбы имеют размер 2 × 2 м в поперечном сечении. Кирпич буро-красного цвета имеет

Рис. 5. Павильон экспозиции «Древний Туров» на городище: 1 — вид с запада; 2 — вид с юго-востока; 3 — саркофаги у южной стены храма (слева — открытый в 1963 г., справа — открытый в 1992 г. и воссозданный в храме в 2005 г.). Фото Н. А. Почобут, 2023 г.

Fig. 5. Pavilion of the exposition “Ancient Turov” at the settlement: 1 — view from the west; 2 — view from the south-east; 3 — sarcophagi at the southern wall of the temple (left — opened in 1963, right — opened in 1992 and recreated in the temple in 2005). Photo by N. A. Pochobut, 2023

неравномерный обжиг, сохранился плохо, крошится. На северном столбе западной пары подкупольных столбов П. Ф. Лысенко выявлен фрагмент оштукатуренной поверхности (35 × 40 см). Восточная пара подкупольных столбов снабжена подпорными столбами-контрфорсами (1,8 × 1,8 м). Контрфорсы возведены из красного, хорошо обожженного кирпича, на более прочном по составу и более тонком слое связующего цемянного раствора (Лысенко, 2005б. Л. 28). В центре зального пространства оставлен фрагмент упавшего кирпичного свода 7,0 × 1,5 м (рис. 5, 1). Этот фрагмент образован тремя рядами поставленных на ребро кирпичей красного цвета и имеет толщину 0,7 м. Размеры кирпичей: длина 26,0–28,0 см, ширина 18,0–18,5 см, 19 см, 20 см, толщина 4,5–5,0 см. Максимальная толщина швов раствора с цемянкой — 4,0–4,5 см.

Под фрагментом свода зафиксирован слой, представляющий собой темный суглинок с включением культурного слоя или грунта, называемый П. Ф. Лысенко «вторым полом». Слой образовался после ремонта храма в XII в. Уровень, на который был положен наборный пол из поливных керамических плиток («первый пол», по П. Ф. Лысенко), прослежен исследователем на отдельных участках, его местами подстилала каменная вымостка⁴ и перекрывал слой развала строительного мусора (30–40 см).

В 2005 г. вдоль осевой линии восток–запад на уровне первоначального пола обнаружены скелеты двух мужчин (рис. 6, 1, 2), засыпанные первым развалом храма (Лысенко, 2005б. Л. 29, 34). Детское погребение («княжича») выявлено между перегородкой северной и центральной апсид и подкупольным столбом. Прослежено по древесному тлену от гроба (длина 95 см, ширина 30 см, длина скелета 66 см). Ребенок был похоронен сразу после возведения стен храма, до укладки пола из керамических плиток. Места обнаружения захоронений не отмечены внутри храма.

Северная и южная стены

Северная стена (шириной 1,5–1,8 м из плинфы 30 × 21 × 4–5 см на растворе с цемянкой, с толщиной швов 4–6 см) сохранилась на высоту 2–4 нижних ряда кладки, в отдельных местах до 16 рядов. Южная стена имела наклон к югу, сохранена на уровне 10–12 ряда кирпича. Открыты небольшие кирпичные контрфорсы у северной и южной стен, пристроенные с целью стабилизации стен после ремонта XII в.

⁴ Никаких сведений о характере этой вымостки в материалах П. Ф. Лысенко обнаружить не удалось.

П. Ф. Лысенко были уточнены размеры проемов боковых входов в северной и южной стенах (ширина 2,2 м). Не прослеживаются в экспозиции.

Западная часть храма и нартекс

Восточная стена нартекса высотой 0,8 м, шириной 1,4 м сохранена максимально на 12 рядов кирпича, читается проем в основной объем храма. Ширина проема 3,2 м. Расстояние от западной наружной поверхности стены храма до западной поверхности стены нартекса — 5 м. Под слоем упавшего во время землетрясения 1230 г. свода в западной части храма возле нартекса обнаружена прослойка истлевшего дерева от хор (10 см). Для экспозиции П. Ф. Лысенко была восстановлена недостающая (разрушенная до фундамента) часть западной стены нартекса, для чего использованы собранные кирпичи, которые уложены «насухо» в четыре слоя. План церкви хорошо читается с высоты окружающей галереи. Стенка, скрывавшая лестницу на хоры, наполовину разрушена. Консервация кладки (докомпоновка, вычинка, инъектирование трещин) не производилась⁵. Биоцидная обработка кладки, сушка тепловой газовой пушкой выполнена в 2011 г. Институтом микробиологии НАН Беларуси, результат положительный. Мониторинг состояния древней кладки в последние два года не ведется.

Погребения

Погребения музеефицированы по методу переноса в юго-западную часть основного объема храма. Восстановлена на цементном растворе с использованием кирпича из раскопа поврежденная камера саркофага (2,15 × 0,95 м) из красного кирпича-плинфы, перекрытая шиферной плитой (2,22 (2,14) × 0,7 м) (рис. 6, 3; 5, 3). П. Ф. Лысенко отмечал, что этот саркофаг попал в траншею экспедиции 1963 г. Северная и западная стенки камеры разрушены, плита накренилась (Лысенко, 2005б. Л. 45, 52, 179, рис. 57а). Поскольку камера была пуста, внутрь поместили детское погребение «княжича» в специально изготовленном

⁵ В 2006 г. сотрудники музея вынуждены были срезать на швах кладки и под настилом грибы; влажные стены памятника просушили газовыми горелками. Когда фонарь на крыше музея был поврежден ураганом, дождевая вода начала стекать по фермам и некоторое время заливала раскоп. Дважды заменен дощатый настил (2006, 2014), который не был пропитан в автоклавах защитными средствами. Вентиляция в павильоне отсутствует.

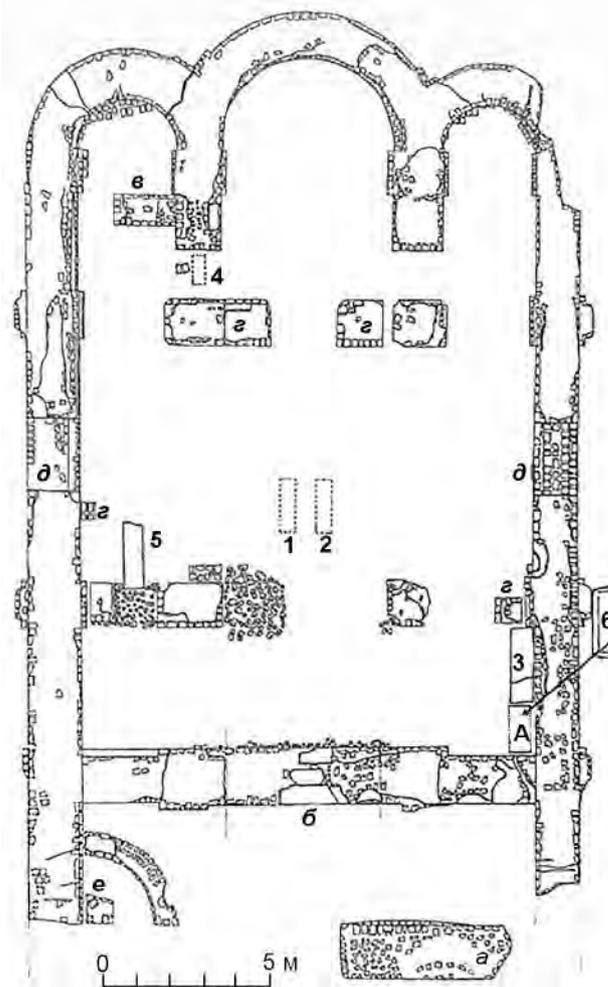

Рис. 6. План туровского епископального храма XII в. после вскрытия в 2005 г.: 1, 2, 4, 6 — погребения; 3 — саркофаг, открытый М. К. Каргером; 5 — целая шиферная плита; А — место экспонирования саркофага № 6 (а — участок западной стенки нартекса, б — три фрагмента шиферных плит, в — перегородка апсиды, з — подпорные столбы, д — проемы боковых входов, е — место закрытой лестницы на хоры) (план: Лысенко, 2005б. Л. 107, рис. 25; условные обозначения Н. А. Почобут)

Fig. 6. Plan of the 12th cen. Turov Episcopal temple after the unearthing in 2005: 1, 2, 4, 6 — burials; 3 — sarcophagus discovered by M. K. Karger; 5 — whole slate slab; A — place of exposition of sarcophagus No. 6 (a — a section of the western wall of the narthex, б — three fragments of slate slabs, в — apse partition, з — retaining pillars, д — openings of the side entrances, е — place of the closed staircase to the choir) (plan: Лысенко, 2005б. Л. 107, рис. 25; symbols by N. A. Pochobut)

гробу. Затем вскрыли и перенесли (по согласованию с епископом Туровским и Мозырьским Стефаном) саркофаг, выявленный снаружи храма в 1992 г. (рис. 6, б). Причинами срочного переноса стали большая влажность слоя, в котором пребывали останки, и строительные работы. Погребальная камера (1,90 × 0,95 м, внутренний размер 150 × 52 см), состоявшая из пяти рядов кирпичей (28 × 18 × 5 см), после переноса укреплена цементным раствором (соблюдено местоположение кирпичей в рядах), закрыта деревянным щитом и покрывалом. Внутри помещен скелет женщины 20–25 лет (для музея облик ее восстановлен по черепу скульптором Л. П. Яшенко). Кости погребенной в том же порядке, в котором лежали при вскрытии, уложены поверх накрытой пленкой смеси извести и земли в изготовленном гробу. Шиферные плиты, перекрывавшие саркофаги, находятся рядом на дощатых настилах. Оба саркофага изначально сооружались из кирпича, использовавшегося для ремонта церкви в XII в.

* * *

Музеефикация позволила продолжить изучение городища и храма, способствовала важным открытиям и наблюдениям. В последних публикациях П. Ф. Лысенко храм назван епископальным (кафедральным). В 2005 г. найдены следы штукатурки. В центральной апсиде в подсыпке под уровнем «второго» пола XII в. обнаружены три фрагмента гипсового декора («ангельские крылышки») (Лысенко, 2005б. Л. 63, 69) (рис. 7, 4–6). Собраны большие коллекции плинфы, плиток пола XII в., посуды X–XVII вв., других изделий. Изучены этапы функционирования храма: строительство и разрушение, связанное с пожаром XII в., а также ремонт и второе, уже окончательное, разрушение, вызванное Карпатским землетрясением 3 мая 1230 г. (Лысенко, 2004. С. 104). Наблюдение М. К. Каргера о слабости фундамента было дополнено указанием на плохие несущие способности материка, представлявшего собой влажный, сильно обводненный песок, отложившийся на мысу у впадения Язды в Припять, вода могла легко доходить до нижнего уровня фундамента, который на 20–25 см выше грунтовых вод.

В археологическом музее экспонируются только материалы раскопок М. Д. Полубояриновой и П. Ф. Лысенко. Исключение составляет шиферный саркофаг, выявленный М. К. Каргером (рис. 2, 2). Он ранее находился в экспозиции Туровского краеведческого музея и был собран, как видно, из плит двух саркофагов. Его перенесли

в археологический музей во время модернизации экспозиции, которую производило учреждение «Гомельский дворцово-парковый ансамбль» с 2013 г. В фондах и экспозиции шиферные плиты и многочисленные фрагменты не инвентаризированы; в экспозиции они не сопровождаются соответствующим этикетажом, неясно, где и когда были выявлены. Поскольку в 1963 г. Туровский музей был закрыт (до получения нового здания экспонаты хранили в школе), М. Д. Полубояринова не смогла вернуть после обработки 1,5 тыс. фрагментов керамики из раскопок.

В Национальный исторический музей Республики Беларусь в 2020 г. в целях обеспечения надежной охраны переданы 32 редкие и уникальные находки из раскопок П. Ф. Лысенко в Турове, хранившиеся в сейфе Института истории: свинцовая печать киевского митрополита Кирилла I (II) (1225–1232); костяная иконка с изображением Иисуса Христа с предстоящими (Богородицей, Иоанном Богословом, свв. Никоном и Николой), XV–XVI вв.⁶ (Лысенко, 2004. С. 117, рис. 58; Пластика..., 1983. С. 34, рис. 20), найденная на детинце (1963); «иконки» (матрицы) (Лысенко, 2004. С. 116–118; 2020. С. 107, фото 8, б); кадельница/кадило из латуни (рис. 7, 1–3) с тремя хорошо сохранившимися гравированными в медальонах изображениями свв. Георгия, Феодора и Архангела Михаила⁷ (от еще двух изображений есть лишь фрагменты ног и одеяний) (Лысенко, 2020. С. 105, фото 6, а–в) и др. Кадельница обнаружена в «развале храма над вторым полом» (Лысенко, 2005б. Л. 69), развал образовался, согласно выводам исследователя, после обрушения свода во время землетрясения 1230 г. Учитывая стратиграфию, кадельницу можно датировать XII–XIII вв.

В 2018–2020 гг. «иконки-вставки» (рис. 3) послужили образцом для выполненных в технике тиснения медальонов, украшающих созданный художником Е. Андрущенко и ювелиром О. Ермоловичем туровский напестольный четырехконечный крест, изготовленный на кипарисовой основе с использованием драгоценных материалов, с отсылкой к ставрографическим памятникам XII в., таким как крест Евфросинии Полоцкой и др. (изучались и изображения крестов

⁶ Высказываем благодарность за консультацию по предметам из Турова Анне Анисимовне Песковой.

⁷ Благодарим Альбину Александровну Мединцеву за интерпретацию набора изображений и расшифровку надписи на медальоне (поясняющая подпись — титул архангела, далее М+И в лигатурном написании — имя Михаил).

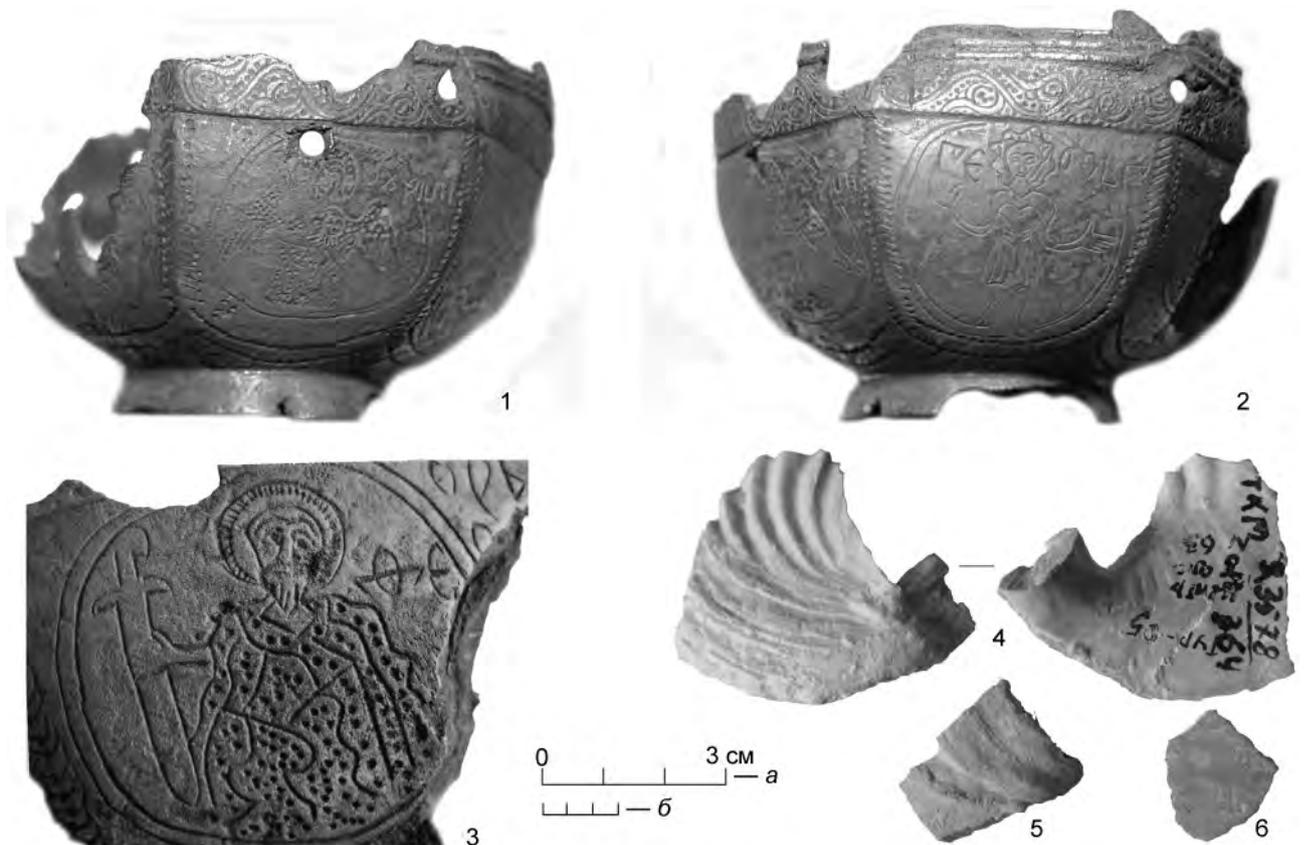

Рис. 7. Кадильница/кадило XIII в. из раскопок храма, 2005 г. (1, 2 — фото, 3 — фрагмент), фрагменты декора храма (4–6) из раскопок 2005 г. (фонды Туровского краеведческого музея). 1–3 — медный сплав; 4–6 — гипс. 1–3 — фото отдела археологии Средних веков и Нового времени Института истории НАН Беларуси; 4–6 — фото Н. А. Почобут, 2023 г. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 4–6

Fig. 7. Censer of the 13th cen. from the excavations of the temple, 2005 (1, 2 — photo, 3 — fragment), fragments of the temple decoration (4–6) from the excavations of 2005 (Funds of the Turov Local History Museum). 1–3 — copper alloy; 4–6 — plaster. 1–3 — photo by the Department of Archaeology of the Middle Ages and Modern Times of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 4–6 — photo by N. A. Pochobut, 2023. Scale: a — for 1, 2; б — for 4–6

на фресках Софии Киевской); добавлены изображения Андрея Боголюбского, свв. апостолов Петра и Павла. Крест создавался при поддержке митрополита Минского и Заславского Павла, патриаршего экзарха всея Беларуси, и премьер-министра Республики Беларусь С. Н. Румаса.

Филиал Туровского краеведческого музея на городище получил название «Экспозиция „Древний Туров“» и стал первым опытом музеефика-

ции памятника археологии периода независимой Республики Беларусь. Для дальнейшего сохранения памятника может быть полезен пример консервации церкви Благовещения (1103 г., XIV в.) на Городище под Великим Новгородом, открытой М. К. Каргером (1966, 1969, 1970), но полностью исследованной под руководством Вл. В. Седова (2016–2017) и законсервированной в 2018 г. (Полов, 2019. С. 178–185).

Каваленя, Шутаў, 1930 — Каваленя А. Дз., Шутаў С. С. Матэрыялы з дагісторыі Тураўшчыны // Запіскі аддзела гуманітарных навук БАН. Мінск, 1930. Кн. 11: Працы археалагічнай камісіі. Т. 2. С. 339–379.

Каргер, 1965 — Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. 1965. Вып. 100: Важнейшие археологические открытия 1960–1963 гг. С. 130–138.

Крукоўскі, 1926 — Крукоўскі А. Старадаўні Тураў і яго ваколіцы // Наш край. 1926. № 8–9. С. 50–56.

Лысенко, 2004 — Лысенко П. Ф. Древний Туров. Минск: Белорусская наука, 2004. 180 с.

Лысенко, 2005а — Лысенко П. Ф. Отчет о полевых исследованиях Туровской группы Днепровского отряда

- археологической экспедиции Института истории НАН Беларуси в 2004 г. Минск // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп. 1. Д. 2190. 26 л.
- Лысенко, 2005б — Лысенко П. Ф. Отчет о полевых исследованиях Туровского археологического отряда Института истории Национальной академии наук Беларуси в 2005 г. Минск, 2005 // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп. 1. Д. 2283. 183 л.
- Лысенко, 2017 — Лысенко П. Туровское княжество. Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2017 (История для школьников). 48 с.
- Лысенко, 2018 — Лысенко П. Ф. Сказание о Турове. 3-е изд., испр. и доп. Минск: Белорусская наука, 2018. 118 с.
- Лысенко, 2020 — Лысенко П. Ф. Материальная культура городов Туровской земли (X–XIII вв.). Минск: Белорусская наука, 2020. 179 с.
- Малевская, 1986 — Малевская М. В. Архитектурно-археологические исследования в Луцком замке // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 268.
- Пластыка..., 1983 — Пластыка Беларусі XII–XVIII стагоддзяў / Аўтар-склад. Н. Ф. Высоцкая. Мінск: Беларусь, 1983. 231 с.
- Полубояринова, 1963 — Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова // КСИА. 1963. Вып. 96: Исследования памятников средневековья. С. 44–47.
- Попов, 2019 — Попов В. А. Церковь Благовещения на Городище XII–XIV вв. Проект консервации и музеефикации и его осуществление // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 175–186.
- ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей: в 38 т. Т. II: Ипатьевская летопись. 4-е изд. М.: Наука, 1962. XVI, 938, 87 с.
- Раппопорт, 1986 — Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л.: Наука, 1986. 158 с.
- Раппопорт, Иоаннисян, 1988 — Раппопорт П. А., Иоаннисян О. М. О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Сборник радова: Студеница и византијска уметност око 1200 године. Београд: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1988 (Научни скупови Српске академје наука и уметности; Књ. X; Одељење ист. наука; Књ. II). С. 142–151.
- Соболь, Лысенко, 1992а — Соболь В. Е., Лысенко П. Ф. Отчет за 1992 г. Храм XII в. в г. п. Туров Житковичского района Гомельской области. Кн. 1: Раскоп 1 / АП «Белорусский реставрационно-проектный институт»; Институт истории АН Беларуси. Минск, 1992 // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп. 1. Д. 1408. 46 л.
- Соболь, Лысенко, 1992б — Соболь В. Е., Лысенко П. Ф. Отчет о полевых исследованиях на околном городе древнего Турова в 1992 г. Кн. 3: Раскоп 2 / АП «Белорусский реставрационно-проектный институт» (БРПИ); Институт истории АН Беларуси. Минск, 1992 // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп. 1. Д. 1410. 56 л.
- Соболь, Лысенко, 1994 — Соболь В. Е., Лысенко П. Ф. Отчет о полевых исследованиях Туровского археологического отряда Института истории АН Беларуси в 1993 г. (раскопки древнего Турова). Ч. II / Институт истории АН Беларуси; АП БРПИ. Минск, 1994 // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Оп. 1. Д. 1584. 152 л.
- Сухомлинов, 1908 — Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1908 (Сб. отделения русского языка и словесности Императорской академии наук; Т. 85, № 1). С. 273–349.

Museumification of archaeological objects at the fortified site of Turov

N. A. Pochobut⁸

Keywords: Belarus, Turov, fortified site, excavations, Old Russian temple, museumification, archaeological heritage.

The ancient settlement of Turov (10th–13th cen.) is located in the north-west of the modern town (Republic of Belarus, Gomel region, Zhitkovichi district, the right bank of the Pripyat River) (fig. 1). The site has a rounded-subtriangular shape and consists of the territory of the former *detinets* (1 ha), to which a roundabout town (1.5 ha) adjoins from the south-east (fig. 2). In 1963 M. K. Karger discovered a three-aisled six-column temple with three semicircular apses and a narthex. The building was uncovered for its museumification in 2005 by P. F. Lysenko (fig. 7). The temple, which dates back to the 1270s, functioned during the life of the famous theologian Cyril, bishop of Turov. The activities carried out for museumification of the ancient settlement of Turov and creation of an archaeological museum in the 1990s — early 2000s allowed to continue the study of the monument of Old Russian architecture, contributed to important archaeological discoveries and observations, ensured the preservation and presentation of the archaeological heritage of the city. Museumification of the temple is considered by the author as a process that includes archaeological research and architectural design. The author investigates the prerequisites and results of the museumification (fig. 8), identifies the factors that were crucial to ensure the creation of the museum complex. As the sources were used field reports by P. F. Lysenko, recollections of the participants of the work and the staff of the Turov Local History Museum.

⁸ Natalya A. Pochobut — Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; Minsk, Republic of Belarus; e-mail: poczobutnatalia@tut.by.

Особенности полоцкого кожевенного ремесла древнерусского периода¹

А. В. Курбатов²

Аннотация. В работе предлагается набор признаков для выделения полоцкой школы в кожевенном ремесле.

Ключевые слова: средневековая Русь, средневековый Полоцк, кожевенное ремесло, средневековые ремесленные центры.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-259-266

В Древней Руси в X–XI вв. сложились крупнейшие центры: в Южной Руси — Киев, в Западной Руси — Полоцк, в Северной Руси — Новгород. В этих городах были сосредоточены органы управления землями и сакральные функции для населения земель. Также в них отмечена самая интенсивная и широкая торговая и ремесленная деятельность. Они же стали и центрами сложения самобытных ремесленных школ в широком диапазоне производств.

Полоцк уже в начальный период, по выводам исследователей, был значительным центром торговли и ремесла. На территории окольного города в X — начале XI в. были открыты две ювелирные мастерские (Полоцк, 2012. С. 337–341, рис. 63). На древнейших участках застройки на Верхнем и Нижнем замках и в окольном городе археологи изучили различные мастерские — кузнечные, ювелирные, кожевенные, железоделательные, стеклодельные, косторезные, гончарные, среди которых выделено узкое производство — изготовление плинфы и изразцов (рис. 1, 1).

Обратимся к одному из ремесел — кожевному. Остатки этого производства прослежива-

ются по разновременным раскопкам нескольких исследователей. На Верхнем замке, в восточной части, где хорошо сохранились слои с органикой, М. К. Каргер в 1957 г. открыл три яруса домонгольской застройки. По его мнению, верхний ярус построек «не моложе XII — начала XIII в.». В полевом отчете ученый отмечал, что «в огромном количестве во всех слоях встречались остатки кожаных изделий, в первую очередь различной обуви. В еще большем количестве попадались обрезки кожи, что свидетельствует о наличии где-то поблизости соответствующих мастерских. Среди кожаных изделий особое значение имеет найденный на глубине 4,6 м кошелек. Обе стороны его покрыты тиснением, мотивы которого близко напоминают орнаменты ювелирных изделий XI–XII вв.» (Каргер, 1957. Л. 8, 9; Курбатов, 1999. С. 100). Сразу после раскопок, что отмечено в материалах отчета, этот кошелек был передан в Полоцкий музей. Прорисовка и фотографии кошелька неизвестны.

В 1959–1962 гг. в этой части Верхнего замка Г. В. Штыхов исследовал участок площадью 640 кв. м. На уровне VII горизонта застройки вокруг постройки 7Г было обнаружено много шерсти и кусков войлока (Штыхов, 1975. С. 41), что можно связать с находившейся поблизости мастерской валяльщика войлока. По другим регионам средневековой Руси мы знаем, что войлочники соседствовали с кожевниками. Здесь это подтверждается в нижнем, VIII, горизонте, где найдена постройка 8К, квадратная, со сторонами в 1 м, сложенная в обло из бревен диаметром

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: alkurba@ Rambler.ru.

© Курбатов А. В., 2024

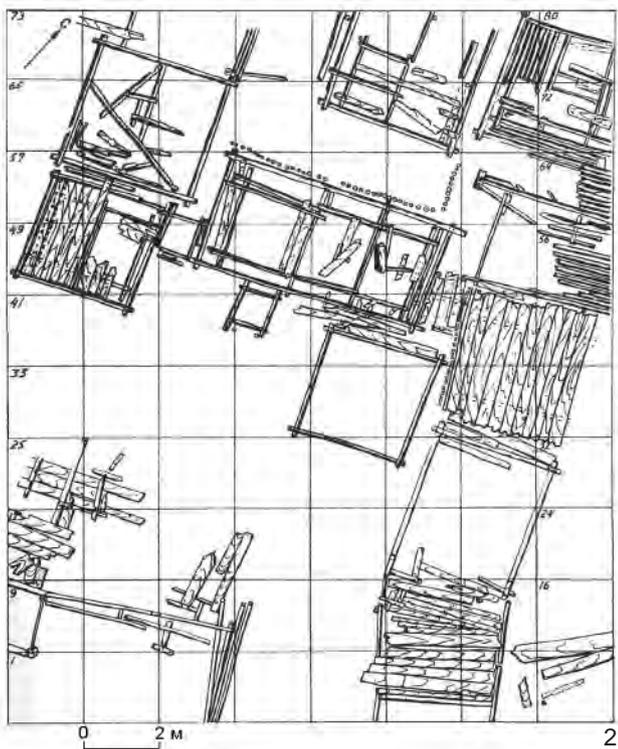
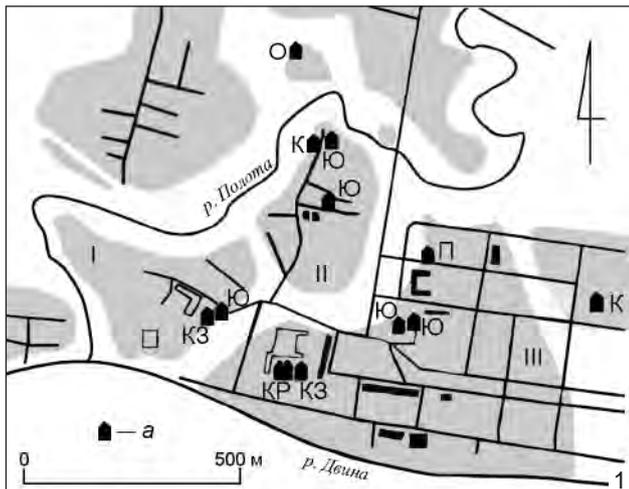

Рис. 1. Полоцк. 1 — размещение археологически выявленных ремесленных мастерских X–XVIII вв. (а — ремесленные мастерские: К — кожевенные, КР — косторезная, КЗ — кузнечные, О — оружейная, Ю — ювелирные, П — печи по обжигу плинфы, I — Верхний замок, II — Нижний замок, III — Великий посад) (Полоцк, 2012. Рис. 63, с изменениями); 2 — Верхний замок, раскопки Г. В. Штыхова, 1960 г., раскоп II, план строительного горизонта VIII (Там же. Рис. 40)

Fig. 1. Polotsk. 1 — location of archaeologically revealed workshops of the 10th–18th cen. (a — workshops: K — tanneries, KP — bone-cutting workshop, K3 — blacksmiths' shops, O — armory, YU — jewelry workshop, П — plinth kilns, I — the Upper Castle, II — the Lower Castle, III — Velikiy Posad) (Полоцк, 2012. Рис. 63, с изменениями); 2 — the Upper Castle, excavations by G. V. Shtykhov, 1960, section II, plan of the building horizon VIII (*Ibid.* Рис. 40)

18 см. Внутри и вокруг сооружения отмечено большое скопление шерсти, перемешанной с известью. Г. В. Штыхов справедливо увидел в нем ящик для золотения кож. Рядом была открыта срубная постройка 7А размерами 3,1 × 3,1 м, которую исследователь назвал жилищем-мастерской полоцкого кожевника-сапожника (Там же. С. 42, 43). На уровне IX горизонта открыта постройка 9Г площадью не менее 24 кв. м, внутри которой найден слой шерсти, содержащий остатки известкового раствора. По мнению Г. В. Штыхова, нет сомнений, что это помещение для выделки кож. Порубочная дата одного из бревен постройки — 1244 г. Справедливо утверждение, что на изученном участке Верхнего замка на протяжении 20 лет в середине XIII в. существовал кожевенный комплекс (Там же. С. 46). Правильнее говорить о двух мастерских: в постройке 7А, рядом с которой в теплое время мастер выдывал кожи, а зимой шил из них обувь, и в постройке 9Г, где выдывали кожи круглый год (Полоцк, 2012. С. 363). Здесь же найдены инструменты сапожников — 10 колодок-правил, шилья, ножи, иглы (Штыхов, 1975. С. 76).

Кожевенная мастерская или мастерские XVII–XVIII вв. выделены на Великом посаде Полоцка при археологических работах 2000 и 2002 гг. на местах прокладки инженерных коммуникаций (рис. 1, 1). Здесь обнаружено много предметов из кожи, а также инструменты ремесленника (Дук, Соловьев, 2004. С. 241 и сл.).

По изученным и обобщенным письменным данным известно, что в Полоцке в первой половине XVI в. кожевенно-обувное ремесло получило широкое развитие. В городе работали седляры, рымари, сыромятники, кожемяки, хомутники, рукавичники. В 1726 г. из состава цеха кушнеров, шапочников и чеботарей вышли чеботари и создали новый цех. В конце XVIII в. в Полоцке зарождается мануфактурное производство (кожевення Марка Лукашевича), а в 1786 г. уже действует 12 мастерских мануфактурного типа по выделке кож (Полоцк, 2012. С. 342, 343). Такое положение сохраняется и в дальнейшем, во второй половине XIX в., когда в городе сапожники и кожевники составляли значительный процент среди всех ремесленников (Глазырин, 1998. С. 84, табл. 3, 1).

Особенности полоцкого кожевенного ремесла древнерусского периода

Существенные трудности начинаются при попытках оценки состава и объема кожаных изделий в отдельных комплексах раскопок М. К. Каргера

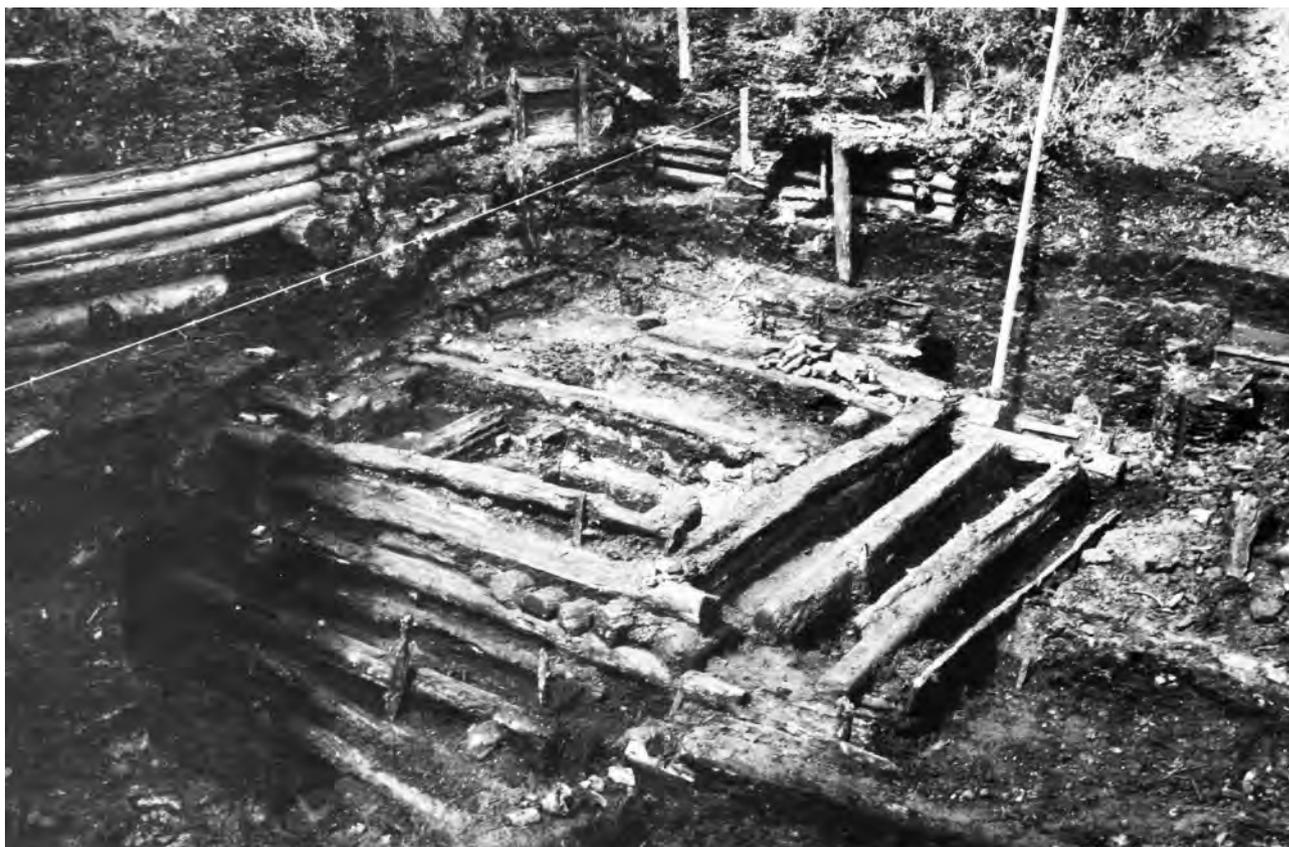

Рис. 2. Полоцк, раскопки М. К. Каргера, 1957 г., вскрытые разновременные напластования деревянной застройки (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О. 2956–18)

Fig. 2. Polotsk, excavations by M. K. Karger, 1957, uncovered multi-temporal layers of the timber building (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O. 2956–18)

и Г. В. Штыхова. В 1990-е гг. автор провел анализ полевой документации по раскопкам М. К. Каргера и публикации материалов Г. В. Штыхова. В результате представилась следующая картина: сходные топографические условия раскопок 1957 и 1959–1962 гг., которые, по оценке Г. В. Штыхова, практически примыкали друг к другу, дали также и равную мощность отложений, сопровождаемых горизонтальностью стратиграфии напластований и примерно одинаковой сохранностью органических материалов. В этой ситуации стало возможным объективное сопоставление горизонтов и ярусов застройки, выделенных на разных раскопках, на основании уровня залегания деревянных конструкций от современной поверхности. Следовательно, ярусы в раскопе 1957 г. должны соответствовать горизонтам в раскопках 1959–1962 гг. Таким образом обосновывается хронологическая привязка ярусов из раскопок 1957 г. на основании серий дендродат, полученных по спилам из раскопок 1959–1962 гг. (табл.).

Условный IV ярус у М. К. Каргера можно соотносить с нижней частью XIII горизонта

у Г. В. Штыхова. Можно добавить, что XI горизонт в раскопе 1957 г. Г. В. Штыховым не был отчетливо выделен. Стратиграфию ярусов в раскопе М. К. Каргера отражают полевые фотографии (рис. 2). Правильность такого соотношения подтверждают наблюдения исследователей за составом, количеством и динамикой распределения находок в слоях обоих раскопов.

Предпринятые исследовательские действия позволяют значительно (едва ли не вдвое) увеличить объем кожевенного материала, относимого к слоям последней четверти XII — первой половине XIII в. в полоцком кремле. Это существенно подкрепляет выводы, следующие из анализа данного кожевенного материала.

Открытой Г. В. Штыховым мастерской первой половины XIII в. на Верхнем замке «найжены детали от нескольких сот экземпляров обуви (есть обувь, сохранившаяся почти целиком)...», далее следует уточнение, что «в слоях XIII в. остатков башмаков 260, из них 92 украшенных вышивкой» (Штыхов, 1975. С. 76, 77). Также упоминается, что найдены 29 поршней, и некоторые «резные поршни»

Таблица. Полоцк. Восточная часть Верхнего замка. Раскопки 1957 и 1959–1962 гг.
Сопоставление горизонтов и ярусов
Table. Polotsk. Eastern part of the Upper Castle. Excavations of 1957 and 1959–1962.
Comparison of horizons and tiers

1957 г., раскопки М. К. Каргера. Ярус	1959–1962 гг., раскопки Г. В. Штыхова. Строительный горизонт (глубина, м)	Датировка по дендродатам раскопок Г. В. Штыхова
I	VIII–IX (3,2–4,0) (рис. 1, 2)	40–50-е гг. XIII в.
II	IX(?)–X (около 4,0–4,3)	30-е гг. XIII в.
III	XII–XIII (4,6–5,0)	Рубеж XII–XIII вв.
IV (условный)	XIII (5,0–5,2)	Последняя четверть XII в.

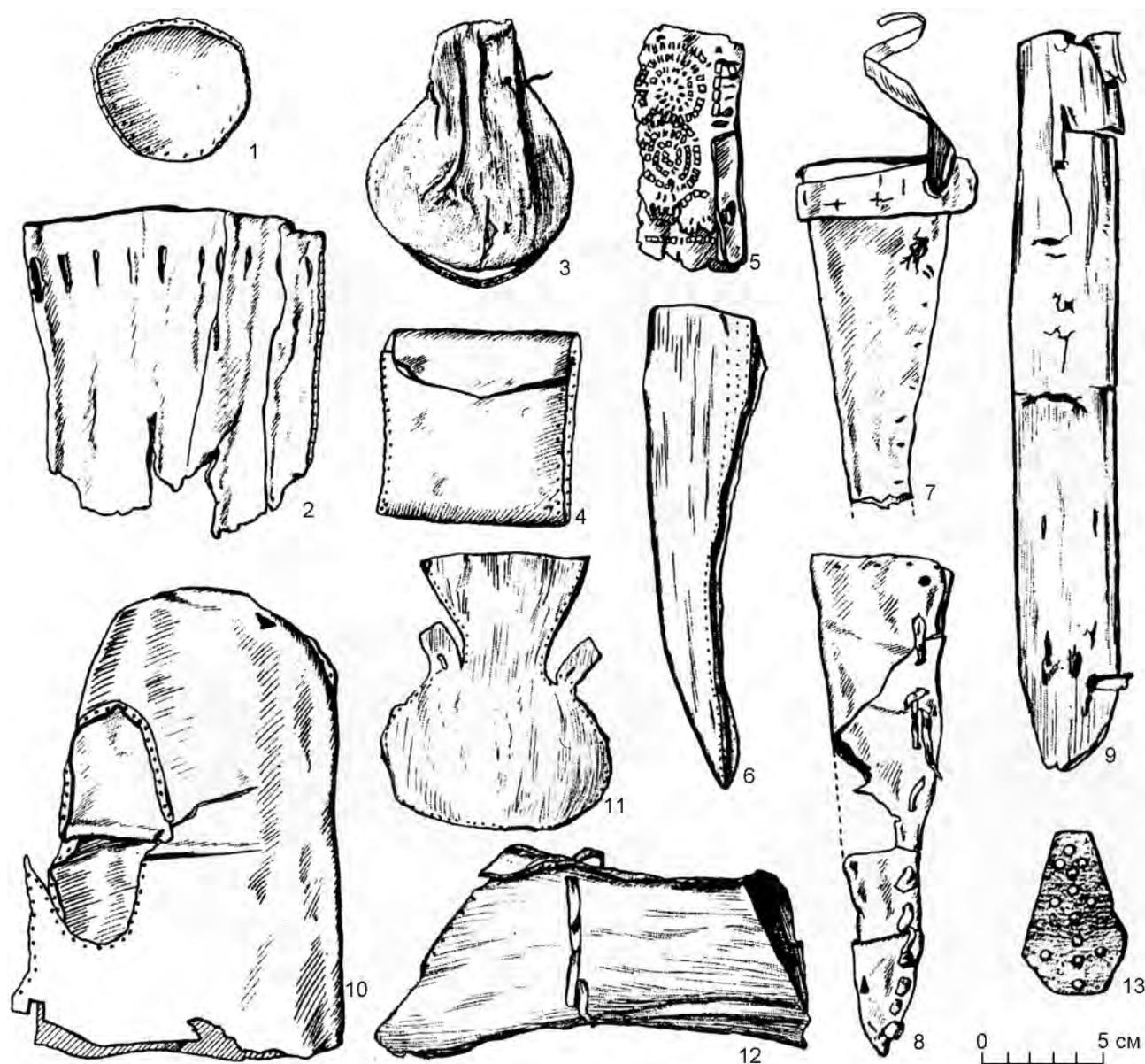

Рис. 3. Изделия из кожи X–XIII вв. из раскопок Г. В. Штыхова: 1 — деталь мяча; 2, 3, 11 — кошельки; 4, 5 — футляры; 6–9 — ножны; 10 — рукавица; 12 — деталь обуви (?); 13 — фрагмент кожи, инкрустированный металлом (Полоцк, 2012. Рис. 70)

Fig. 3. Leather goods of the 10th–13th cen. from G. V. Shtykhov's excavations: 1 — detail of a ball; 2, 3, 11 — purses; 4, 5 — cases; 6–9 — scabbards; 10 — glove; 12 — detail of shoes (?); 13 — fragment of leather inlaid with metal (Полоцк, 2012. Рис. 70)

Рис. 4. Из раскопок М. К. Каргера. Реставрированные части обуви (1-4): 1 — подшитые части верха; 2-4 — туфля, фрагмент (2 — носок со следами металлической вальцованной проволоки, 3 — носок со следами расшивки шерстяной нитью, 4 — носок с выраженным тиснением «сеточка»); 5 — чехол для ножниц. Фото автора. 1-3 — без масштаба

Fig. 4. From the excavations by M. K. Karger. Restored parts of a shoe (1-4): 1 — hemmed parts of the upper; 2-4 — shoe, fragment (2 — toe with traces of metal rolled wire, 3 — toe with traces of embroidery with woollen thread, 4 — toe with signified embossing “net”); 5 — scissor case. Photo by the author. 1-3 — without scale

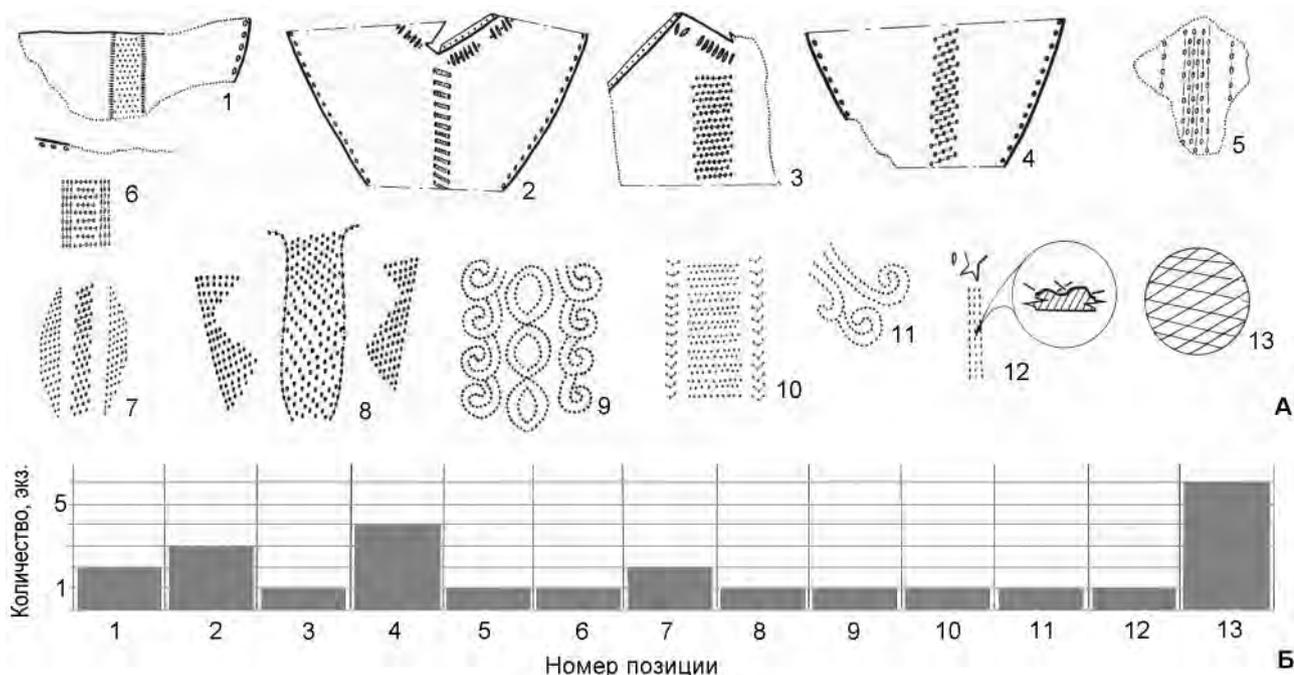

Рис. 5. Варианты декора полоцкой обуви из раскопок М. К. Каргера (А) и их представленное количество (Б): 1, 2, 4–6, 9, 10, 12, 13 — нитяная расшивка; 3 — сочетание нитяной расшивки и «продержки» из тонких кожаных ремешков; 7 — металлическая вальцованная проволока; 8 — двойная декоративная нитяная строчка с рельефным выступом кожи; 11 — тиснение поверхности «сеточка»

Fig. 5. Variants of Polotsk footwear decoration from M. K. Karger's excavations (A) and their represented quantity (B): 1, 2, 4–6, 9, 10, 12, 13 — thread stitching; 3 — combination of thread stitching and “spacer” of thin leather straps; 7 — metal rolled wire; 8 — double decorative thread stitching with a relief protrusion of leather; 11 — surface embossing “mesh”

хорошо сохранились. В «резных» надо видеть «ажурные» поршни (Там же. С. 79).

Достаточно много деталей относится к сапогам. Одних только деталей детских сапожков с цельнокроеными и неотрезными передами указано 44. Также названы голенища (12 экз.), переда (41 экз.), задники (39 экз.), отдельно приведено общее количество подошв — 415, которые, вероятно, отнесены именно к деталям сапог.

Среди других кожаных изделий выделены детали ножен (15 экз.), кошельков и футляров (9 экз.), рукавиц (4 экз.), неопределенная крупная деталь из красной кожи, «часто простроченной швами», деталь игрового мяча и «остаток кожаного изделия с орнаментом, составленным из узких медных пластинок» (рис. 3) (Там же. С. 79, 80). Последний предмет, сохранившийся фрагментарно, представлен среди прорисовок кожаных предметов в коллективной работе 2012 г. (Полоцк, 2012. С. 363–365, рис. 70, 5). Надо полагать, что здесь мы имеем дело с фрагментом кожаного чехла для ножей, украшенного вальцованной бронзовой проволокой (рис. 3, 5). Как показывают последние

разработки, подобные изделия с аналогичным декором были характерны в XII–XIV вв. для отдельных районов Прибалтики, Беларуси и Финляндии. Подражание такому декору ножен наблюдается особенно среди продукции новгородских кожевников (Курбатов, 2023. С. 116 и сл.).

Технико-технологические особенности кожаного ремесла и его продукции в Полоцке сегодня объективно можно проследить по коллекции из раскопок М. К. Каргера. В ее составе сохранилось 858 предметов, в том числе — основных деталей обуви — 295, дополнительных деталей обуви (обшивка верха, заплатки, прокладки в шов) — 26, других бытовых предметов — девять. Также выделено 208 обрезков обуви и 320 обрезков от раскроя, среди которых 39 — с края кожаного листа.

Технологические признаки: основной объем кожи — толщиной 1,0–1,5 мм, кожа хорошо продублена, расслоение слабое; поверхность кожи качественно тонирована в черный цвет; для подошв использовалась кожа толщиной 1,5–2,0 мм, более жесткая, чем для верха обуви (здесь надо предполагать

особые приемы дубления). Часть кож имеет дополнительную отделку — тиснение «сеточка».

Использовали три сорта кожи: эластичную коричневую внутри и черненую снаружи (по виду животного — коза или овца) использовали для верха обуви (рис. 4, 1); плотную черную кожу крупного рогатого скота — для верха сапог; жесткую коричневую — для подошв.

Раскрой и пошив обуви: выделено четыре вида мягкой обуви: туфли, сапоги, «домашние туфли» и поршни. Для мягких туфель выделено два вида раскроя: асимметричный, в одну деталь, и симметричный, в две детали.

Декор туфель присутствует на 25 из 38 моделей и различается по технике нанесения. Всего выделено 13 вариантов декора (рис. 5), среди которых:

— расшивка шерстяной цветной нитью по носку (рис. 5, А, 1, 2, 4–6, 9, 10, 12, 13);

— диагональное линование всей поверхности в форме «сеточка» (рис. 4, 4; 5, А, 11);

— полоса шириной 1,0–1,3 см из вальцованной металлической проволоки (шириной 1,5–2,0 мм), «навитая» по продольной оси на носок «головки» (рис. 4, 2; 5, А, 7);

— «продержка» из парных тонких полос кожи сквозь частые прорезы вдоль продольной оси носка (рис. 5, А, 3).

На некоторых предметах сохраняются фрагменты расшивки шерстяной нитью (рис. 4, 3). Варианты расшивки, отдельно и в сочетании с продержкой, демонстрируют определенное разнообразие, что позволяет сравнивать их с материалами из Берестя, Новгорода, Пскова и Твери.

Подробнее можно остановиться на своеобразном виде декора — диагональных отрезках, сделанных при помощи металлической вальцованной проволоки на продольной оси головки туфель. В полоцкой коллекции 1957 г. выделено три такие детали. При размыве изделий в швах были заме-

чены мелкие фрагменты вальцованной проволоки, металлографический анализ которой провел А. Н. Егорьев в лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН. Анализ показал, что основным металлом проволоки было железо. Кроме обуви металлической нитью, видимо, был прошит чехол для миниатюрных ножниц (рис. 4, 5).

Декор туфель вальцованной металлической проволокой сегодня можно считать нехарактерным для большинства древнерусских городов. Однако он применялся в некоторых городах Польши. Так, в Ополье металлическая «плетенка» была в ходу в конце X — первой половине XII в. (*Norska-Gulkova*, 1964. S. 10, рис. 3а, 13) и Гданьске — в середине XII в. (*Wiklak*, 1969. S. 499, рис. 42е). В Ополье встречены и мотивы расшивки цветными растительными (?) нитями, близкие или аналогичные используемым при металлической оплетке (*Hołubowicz*, 1956. S. 324, рис. 143).

В дополнение к изложенному отметим, что только в Полоцке встречен такой вариант западного декора, как металлические заклепки (рис. 3, 13).

Подытоживая, можно отметить, что в настоящее время постановка вопроса о самостоятельных школах во многих видах ремесел в древнерусских городах не находит отклика у исследователей. Тем не менее подобные «школы» признаются в архитектуре и отдельных художественных ремеслах (*Курбатов*, 2013. С. 478, 479).

Работа Г. В. Штыхова по комплексному анализу материалов древнего Полоцка (*Штыхов*, 1975) позволяет ставить вопрос о сложении в нем в XII–XIII вв. своеобразных форм и традиций в технике и технологии разных ремесел, выраженных в своеобразных чертах и признаках местной продукции. В ряду таких ремесел стоит и кожевенное дело. Значительным шагом в этом направлении может быть полная публикация кожевенного комплекса из раскопок Г. В. Штыхова 1959–1962 гг.

Глазырин, 1998 — *Глазырин Е.* О развитии ремесленного производства Полоцка во 2-й половине XIX в. // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнарод. навук. канф. (21–23 красавіка 1997 г., Полацк). Полацк: Полацкі гісторыка культурны музей-запаведнік; Полоцкі дзяржаўны ун-т*, 1998. С. 79–90.

Дук, Соловьев, 2004 — *Дук Д., Соловьев А.* Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000–2002 гг.) // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Минск, 2004. Т. 19. С. 241–250.

Каргер, 1957 — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции ИИ АН БССР в 1957 г. // *НА ИИМК РАН*. Ф. 85. Оп. 1. Р-24. 102 л.

Курбатов, 1999 — *Курбатов А. В.* Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов*. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 100–117.

Курбатов, 2013 — *Курбатов А. В.* Псковская школа кожевенного ремесла в средневековой Руси // *Российский археологический ежегодник*. № 3. СПб.:

- Университетский издательский консорциум, 2013. С. 478–498.
- Курбатов, 2023 — Курбатов А. В. Карельский след в продукции новгородских кожевников // АВ. 2023. Вып. 39. С. 116–121.
- Полоцк, 2012 — Полоцк / Гл. ред. А. А. Коваленя. Минск: Беларуская навука, 2012 (Древнейшие города Беларуси). 741 с.
- Штыхов, 1975 — Штыхов Г. В. Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.
- Hołubowicz, 1956 — Hołubowicz W. Opole w wiekach X–XII. Katowice: Wyd. “Slask”, 1956. 743 s.
- Norska-Gulkova, 1964 — Norska-Gulkova M. Wczesnośredniowieczne hafty na wyrobach skórzanych z ostrówka w Opolu z X–XIII w. // Wiadomości Archeologiczne. Warszawa, 1964. T. XXX. S. 1–17.
- Wiklak, 1969 — Wiklak H. Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII–XIII w. na podstawie wykopalisk // Materiały Wczesnosredniowieczne. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969. T. VI. S. 475–517.

Peculiarities of Polotsk leather craft of the Old Rus’ period

A. V. Kurbatov³

Keywords: medieval Russia, medieval Polotsk, leather craft, medieval craft centres.

Today, raising the question of independent craft schools in Old Rus’ cities does not find a response among researchers. Nevertheless, such “schools” have long been recognized in architecture and several artistic traditions.

The work by G. V. Shtykhov (1975) devoted to a complex analysis of the materials from ancient Polotsk allows us to raise the question about the formation of peculiar forms and traditions in the technique and technology of various crafts there in the 12th–13th cen. They expressed in peculiar features and characteristics of local products; leather craft was among such handicrafts. The complete publication of the tannery complex from the excavations by G. V. Shtykhov in 1960–1962 could be a significant step in this direction.

³ Alexander V. Kurbatov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: alkurba@rambler.ru.

Технологическая характеристика кузнечной продукции из Твери¹

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова²

Аннотация. Изучение технологии ремесленного производства относится к приоритетным темам в археологии, в связи с этим большой интерес представляет изучение материалов из посадов древнерусских городов. Статья вводит в научный оборот результаты археометаллографического анализа 35 железных предметов из Затьмацкого посада Твери. Распределение полученных данных по хронологическим периодам убедительно свидетельствует о резком сокращении в XV в. использования в кузнечном ремесле сложных технологических схем. Сравнение с аналогичными данными из Москвы и Переяславля Рязанского демонстрирует отличие тверских материалов от сравниваемых коллекций.

Ключевые слова: археометаллография, Затьмацкий посад, кузнечные изделия, технологическая группа.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-267-272

Одной из приоритетных тем в археологии является изучение технологии ремесленного производства. Несомненно, что в экономической структуре Древней Руси существенную роль играли ремесла, связанные с получением и обработкой черных металлов. За последние годы в изучении продукции этих ремесел достигнуты значительные успехи. В частности, было доказано, что древнерусское железообрабатывающее производство, в отличие от многих других ремесел, не претерпевает негативных изменений даже в условиях татаро-монгольского ига: продолжают активно применяться различные высокотехнологические приемы, например, наварка стального лезвия на железную основу (Завьялов и др., 2007. С. 129).

Это ярко демонстрируют материалы одного из крупнейших древнерусских городов — Твери, где на протяжении длительного времени прослежена устойчивость технологических традиций. Мы уже обращались к материалам из Твери. Но тогда были исследованы артефакты, происходящие из раскопов в Кремле и датированные

в сравнительно узких хронологических пределах конца XIII — середины XV в. (Розанова, Терехова, 2001). На основании археометаллографических анализов были сделаны выводы о том, что при изготовлении железных изделий преобладали высокотехнологичные схемы (различные варианты наварки). В то же время в XIV в. увеличивается доля орудий, изготовленных по простым технологиям (ковка орудий из железа и сырцовый стали, то есть стали, полученной при металлургическом процессе, для которой характерно неравномерное распределение и, как правило, невысокое содержание углерода). Этот факт, по-видимому, объясняется необходимостью наращивания объемов производства, что требовало применения более простых технологических схем. Подобное явление наблюдается в это время и в других древнерусских городах (Завьялов и др., 2007. С. 46).

В настоящее время мы провели аналитические исследования материалов из другого района Твери, а именно Затьмацкого посада (раскопы 56 и 71)³, где были сосредоточены ремесленные мастерские. Здесь археологически зафиксировано развитое ювелирное и бронзолитейное производство (раскоп 56) (Персов и др., 2009. С. 268) и,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 122011200264-9.

² В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова — Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru.
© Завьялов В. И., Терехова Н. Н., 2024

³ Выражаем признательность Н. Е. Персову и В. В. Солдатенковой за предоставленные для исследования материалы.

по письменным документам, участок, где проживали «кирпичники» (раскоп 71) — под этим названием в XIV–XV вв. часто фигурировали гончары. Следует отметить, что в древнерусских городах мастерские, связанные с огнеопасным производством, как правило, размещались в одном районе, то есть высока вероятность, что недалеко от ювелирных и бронзолитейных мастерских располагались и кузницы.

Ввиду отсутствия в настоящее время явных признаков местного железопроизводства на рассматриваемой территории большое значение имеет информация, которую можно получить в результате технологического анализа самих изделий.

Исследованная коллекция состоит из 35 предметов, которые датируются второй половиной XIII — XVIII в. (табл.). Представлены такие категории, как ножи (27 экз.)⁴, топоры (1 экз.), бородки (1 экз.), шилья (6 экз.). Вводимые в научный оборот результаты археометаллографического исследования позволяют проследить историю технологического развития кузнечного ремесла в Твери, поскольку в коллекции присутствуют материалы, отражающие более поздний, чем проанализированные ранее изделия из Кремля, хронологический период.

Исследование проводилось по стандартной методике. Образцы вырезались ручным инструментом с рабочей части изделий. Затем они для удобства дальнейшей обработки заправлялись в сплав Вуда, подвергались шлифовке и полировке. Для выявления микроструктур использовался реактив ниталь (4%-ный раствор азотной кислоты в этиловом спирте). С целью определения технологии изготовления подготовленные образцы изучались на металломикроскопе МИМ-7. Дополнительно на микротвердомере ПМТ-3 измерялась микротвердость отдельных составляющих.

Исследованный материал демонстрирует использование семи технологических схем, отражающих последовательность кузнечных операций, применяемых при изготовлении конкретного артефакта. Мы распределяем их по трем технологическим группам.

В группу I объединены изделия, откованные из металлургического сырья (железа и сырцово-стали), не подвергавшегося дополнительной обработке по улучшению рабочих качеств (рис. 1).

В нее входят девять предметов: семь ножей, бородок, лезвие топора (№ 12211) (рис. 1, 2а, 2б). Отметим, что два ножа были откованы из фосфористого железа, которое характеризуется повышенной по сравнению с обычным железом твердостью. Железо и сырцовая сталь в этой группе представлены примерно поровну (пять железных орудий и четыре — из сырцовой стали).

Группа II включает артефакты, при изготовлении которых использовались приемы, улучшающие рабочие качества изделия (термообработка, цементация заготовки или полуфабриката). В эту группу вошли восемь ножей (рис. 1, 3а, 3б, 8а, 8б, 9а, 9б, 11а, 11б) и все шилья. Обращает на себя внимание то, что все шилья были термически обработаны — три закалены, а три после закалки подверглись отпуску, то есть были нагреты до определенной температуры и охлаждены на открытом воздухе.

Группа III представлена изделиями, выполненными по высоким технологиям, связанным с технологической сваркой (рис. 1, 1а, 1б, 4а, 4б, 5а, 5б, 6а, 6б, 7а, 7б, 10а, 10б). Это исключительно ножи (8 экз.). Практически все изделия этой группы были термически обработаны различными способами: применялись резкая и мягкая закалка, закалка с последующим отпуском.

Распределение полученных данных по хронологическим периодам убедительно свидетельствует о резком сокращении использования сложных технологических схем (группа III), отмеченного на кремлевских материалах начиная с XIV в. Более того, среди изделий XVI–XVIII вв. из Затьмацкого посада обнаружено всего одно орудие с наварным лезвием (рис. 2, 1).

Следует отметить, что металлографических анализов изделий, датируемых XVI–XVIII вв., еще очень мало. В качестве сравнения мы можем привлечь коллекции из Москвы (66 анализов) и Переяславля Рязанского (47 анализов) (*Завьялов и др.*, 2007; *Завьялов, Терехова*, 2013). Аналитические данные, характеризующие кузнечную продукцию из этих городов, свидетельствуют, что при общей тенденции увеличения более простой в изготовлении продукции (технологические группы I и II) высокотехнологичные изделия (технологическая группа III) в этих городах продолжают доминировать (рис. 2, 2).

К сожалению, по сравнению с Москвой и Переяславлем Рязанским коллекция предметов из Твери, относящихся к позднему периоду, немногочисленна (всего 13 экз.). И все же факт почти полного отсутствия изделий с наварными

⁴ К сожалению, сохранность трех ножей не позволяет сделать однозначный вывод о технологии их изготовления; из дальнейшего рассмотрения они исключены.

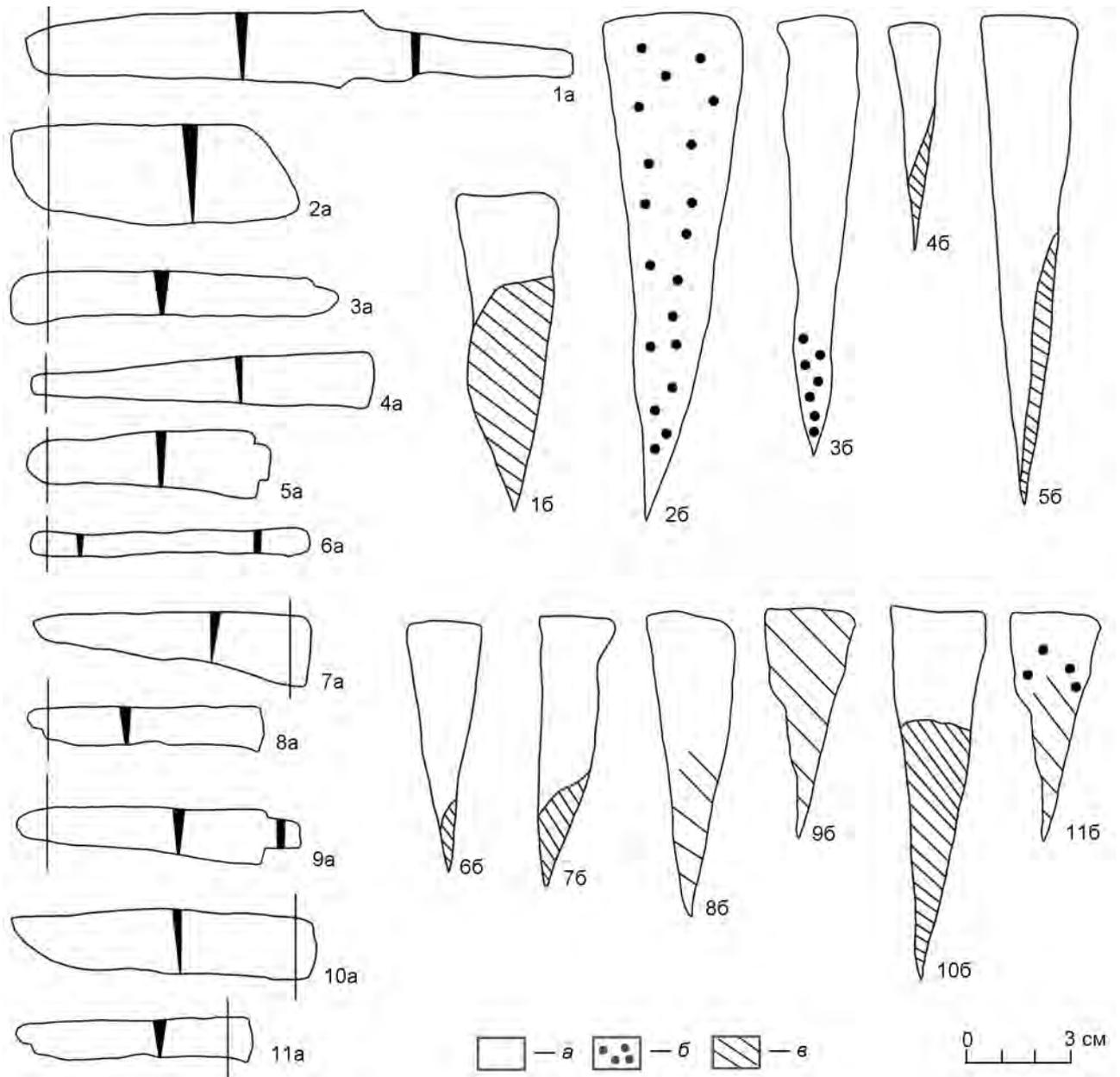

Рис. 1. Железные изделия из Затмацкого посада Твери (литера а) и технологические схемы их изготовления (литера б). Номер образца: 1 — 12209; 2 — 12211; 3 — 12213; 4 — 12225; 5 — 12227; 6 — 12230; 7 — 12232; 8 — 12233; 9 — 12238; 10 — 12239; 11 — 12240. Условные обозначения: а — железо; б — сталь; в — термообработка

Fig. 1. Ironware from the Zatmatsky Posad of Tver (lit. a) and technological schemes of their production (lit. б). Sample numbers: 1 — 12209; 2 — 12211; 3 — 12213; 4 — 12225; 5 — 12227; 6 — 12230; 7 — 12232; 8 — 12233; 9 — 12238; 10 — 12239; 11 — 12240. Keys: a — iron; б — steel; в — heat treatment

лезвиями в XVI–XVIII вв., учитывая широкое распространение подобных артефактов в предшествующее время, достаточно примечателен, хотя и не имеет однозначного толкования. Вполне вероятно, что сделанное наблюдение связано с малочисленностью исследованной коллекции. Однако, принимая во внимание значительную долю высокотехнологичных изделий и в Москве

(около 45 %), и в Переяславле Рязанском (около 65 %), это объяснение не является единственно возможным. Еще одним вариантом может быть сильная корродированность предметов, не позволяющая проследить применение сложных технологий. В любом случае, разрешение этого вопроса станет возможным только с увеличением количества аналитических данных.

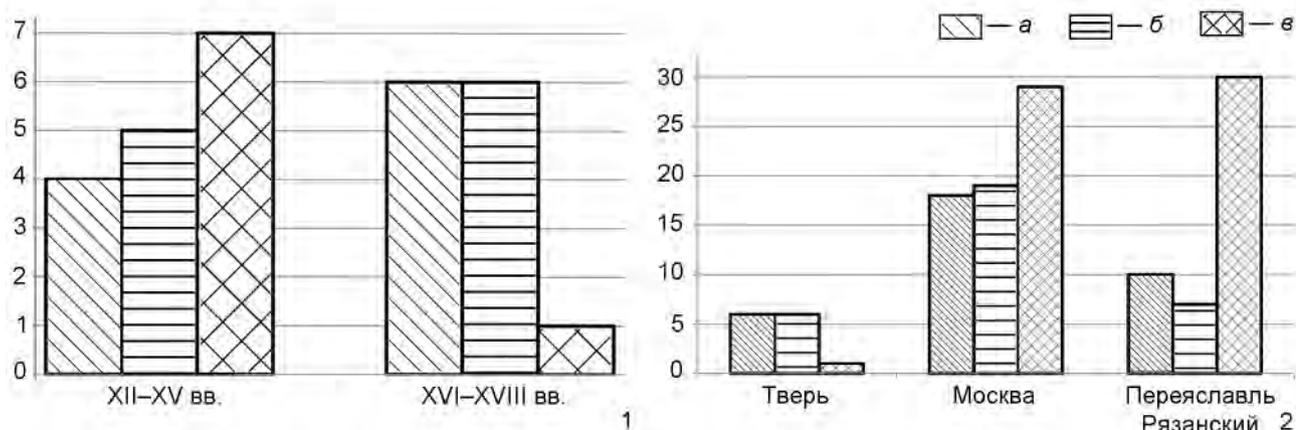

Рис. 2. Распределение технологических групп изготовления железных изделий: 1 — из Затьмацкого посада Твери по хронологии; 2 — XVI-XVIII вв. из Затьмацкого посада Твери, Москвы, Переяславля Рязанского. По вертикали — количество, экз. Условные обозначения: технологическая группа I — а; II — б; III — в

Fig. 2. Distribution of technological groups of ironware production: 1 — from Zatmatsky Posad of Tver by chronology; 2 — 16th-18th cen. from Zatmatsky Posad of Tver, Moscow, Pereyaslavl-Ryazansky. Vertical line — quantity, exemplars. Keys: technological group I — a; II — b; III — v

Таблица. Металлографические характеристики исследованных изделий
Table. Metallographic characteristics of the investigated items

Номер образца	Предмет	Дата, вв.	Рас- коп	Структурная составляющая	Содер- жание углеро- да, %	Микро- твёрдость (HV 0,1), kg/mm ²	Технология изготовления
12205	Нож	XIV-XV	71	Феррит	-	181-206	Из железа
12206	Нож	XVIII	71	Феррит, сорбит	-	116; 254-297	Плохая сохранность
12207	Нож	XVI-XVII	71	Феррит	-	143-160	Из железа
12208	Нож	XVI	71	Феррит с перлитом	0,2-0,3	128-221	Из сырцово- вой стали
12209	Нож	XV	71	Феррит, троостит, сорбит	-	160-170; 254-274	Торцовая наварка; закалка
12210	Нож	XV	71	Троостит, сорбит	-	297-322	Из стали; закалка
12211	Нож	XVI	71	Феррит, феррит с перлитом	0,4-0,5	128-160; 193-206	Из сырцово- вой стали
12212	Нож	XVIII	71	Сорбитообразный перлит	0,2-0,4	181-297	Из стали; термооб- работка
12213	Нож	XVI-XVII	71	Феррит, феррит с перлитом	0,4-0,5	193-206; 206-236	Торцовая наварка (?)
12214	Нож	XIV-XV	71	Феррит, феррит с перлитом	0,3-0,5	151-221; 236-297	Цементация
12215	Нож	XVI-XVII	71	Феррит, феррит с перлитом	-	181; 206-236	Из сырцово- вой стали
12216	Нож	XV-XVI	71	Феррит	-	221-274	Из железа
12217	Шило	XVI-XVII	71	Феррит, мартенсит	-	254-274; 420-514	Из сырцово- вой стали; закалка
12218	Шило	XVI-XVII	71	Феррит с перлитом, троостит с сорбитом	0,2-0,3	206-221; 274-322	Из сырцово- вой стали; цементация

Номер образца	Предмет	Дата, вв.	Рас- коп	Структурная составляющая	Содер- жание углеро- да, %	Микро- твердость (HV 0,1), kg/mm ²	Технология изготовления
12219	Бородок	XV	71	Феррит, следы феррита с перлитом	–	193–221	Из железа
12220	Шило	XVI–XVII	71	Троостит с сорбитом	–	297–350	Из стали; термообработка
12221	Шило	XV	71	Мартенсит	–	420–572	Из стали; закалка
12222	Шило	XVI	56	Феррит, мартенсит	–	274–297; 350	Из сырцової стали; закалка
12224	Шило	XV	56	Сорбит	–	274–322	Пакетирование; закалка с отпуском
12225	Нож	XV–XVI	56	Феррит, мартенсит	–	160–170; 514–642	Косая наварка; закалка
12226	Нож	XV–XVI	56	Феррит, сорбит	–	128–151; 297	Цементация; за- калка
12227	Нож	XIV–XV	56	Феррит, сорбит	–	181–206; 254–350	Косая наварка; термообработка
12228	Нож	XV	56	Феррит, следы феррита с перлитом	–	274–297; 236	Из железа
12229	Нож	XV–XVI	56	Феррит, сорбит	–	170–181; 322–350	Торцовая наварка; термообработка
12230	Нож	XIV–XV	56	Феррит, сорбит	–	170–193; 322–350	Косая наварка; термообработка
12231	Нож	XIV–XV	56	Феррит	–	274–322	Из железа (?), лез- вие не сохранилось
12232	Нож	XIII	56	Феррит, мартенсит	–	160–170; 464–514	Торцовая наварка; закалка
12233	Нож	XVIII	56	Феррит, сорбит	–	151–221; 236–274	Цементация с последующей закалкой
12234	Нож	XIII	56	Мартенсит	–	572–1100	Из стали; закалка
12235	Нож	XIII	56	Мартенсит с трооститом	–	322–350	Из стали; закалка
12236	Нож	XV–XVI	56	Феррит, феррит с перлитом, мартенсит с трооститом, мартенсит	–	128–135; 206; 464–642	Наварка или цементация (?), термообработка
12237	Нож	XIII	56	Мартенсит	–	572–642	Из стали; закалка
12238	Нож	XV–XVI	56	Сорбит, троостит, мартенсит	–	274–297; 322–420	Из стали; термообработка
12239	Нож	XV	56	Феррит с перлитом, мартенсит	–	135–160; 642–724	Торцовая наварка; закалка
12240	Нож	XIV–XV	56	Феррит, мартенсит	–	193; 420–642	Из стали; закалка

Завьялов и др., 2007 — *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Завьялов, Терехова, 2013 — *Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013. 272 с.

Персов и др., 2009 — *Персов Н. Е., Сарачева Н. Г., Солдатенкова В. В.* Средневековые ювелирные комплексы

бывшего Затьмацкого посада города Твери (по материалам раскопок 2001–2006 гг.) // *Археология Подмосковья*. М.: ИА РАН, 2009. Вып. 5. С. 268–280.

Розанова, Терехова, 2001 — *Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Производственные традиции в кузнечном ремесле Твери // *Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.)* / Ред. В. А. Лапшин. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 109–137.

Technological characteristics of forge production from Tver

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova⁵

Keywords: archaeometallography, Zatmatsky Posad, forge production, technological group.

The study of craft production technology is one of the prominent topics in archaeology. In this regard, the study of the materials from the ancient Russian towns' *posads* is of great interest. The present article introduces the results of archaeometallographic analysis of 35 iron objects from the Zatmatsky Posad of Tver. The distribution of the obtained data by chronological periods convincingly testifies to the sharp reduction in the 15th cen. of the use of complex technological schemes in the blacksmith's craft. Comparison with similar data from Moscow and Pereyaslavl-Ryazansky demonstrates the difference between the Tver materials and the compared collections.

⁵ Vladimir I. Zavyalov, Natalia N. Terekhova — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: v_zavyalov@list.ru.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К вопросу о клеях исторических эскимосов (по материалам могильника Эквен и этнографическим коллекциям)¹

В. В. Терехина²

Аннотация. Среди разнообразного погребального инвентаря одного из самых крупных раскопанных могильников древних эскимосов на северо-востоке Чукотки Эквена (I тыс. н. э.) большой интерес представляют сланцевые шлифованные ножи. В результате проведенного технико-технологического анализа четырех образцов клеящего состава с ножей исторических эскимосов и современных эскимосов и чукчей впервые было зафиксировано использование ими клеев на основе смолы хвойных деревьев. Полученные данные дополнили и расширили наши представления о древних технологиях и адаптации человека к суровым условиям Крайнего Севера.

Ключевые слова: Эквенский могильник, ножи, рукоятки, клей, технико-технологический анализ, этнографические данные.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-273-282

Введение

Эквенский могильник — самый крупный раскопанный могильник древних эскимосов на северо-востоке Чукотки.

Памятник расположен недалеко от мыса Дежнева, в 30 км к югу от поселка Уэлен на двух холмах. Могильник насчитывает примерно 500 погребений, из них исследовано к настоящему времени 330. Он был открыт в 1960 г. геологом О. Н. Ивановым, раскопки на нем производились в 1961–1967, 1970, 1974 гг. Чукотским отрядом экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством М. Г. Левина, Д. А. Сергеева, а затем в 1987–1991, 1993, 1995 гг. экспедицией Государственного музея Востока совместно с музейным центром «Наследие Чукотки» под руководством С. В. Гусева, К. А. Днепровского и др. (Арутюнов, Сергеев, 1975; 1983; Днепровский, 2007. С. 15).

Здесь были выделены комплексы древнеэскимосской культуры морских охотников: древне-

берингоморской (ДБК) и оквик — III/IV–VIII/IX вв., бирнир — IX–XI вв., пунук — XI–XIII вв. (Днепровский, Дэвлет, 2017. С. 210).

Среди разнообразного погребального инвентаря отдельного внимания заслуживают шлифованные каменные ножи из сланца. В 114 погребениях (что составляет 35 % от общего числа раскопанных могил) было найдено 198 ножей. Из них на Восточном холме — в 35 погребениях (39 % от общего числа раскопанных могил на Восточном холме), на Западном холме — в 79 погребениях (33 % от общего числа раскопанных могил на Западном холме). Могилы с женскими ножами (158 экз.) преобладают: на Восточном холме их число составило 31 (89 % от общего числа погребений с ножами на Восточном холме), на Западном — 64 (81 % от общего числа погребений с ножами на Западном холме). Мужские ножи найдены (40 экз.) на Восточном холме в 10 могилах (29 % от общего числа погребений с ножами на Восточном холме), на Западном — в 21 могиле (27 % от общего числа погребений с ножами на Западном холме). В шести могилах на Восточном и Западном холмах были найдены вместе мужские и женские сланцевые ножи, что составляет 17 % и 8 % соответственно от общего количества могил с ножами на каждом холме.

Крепление ножей к рукояткам было различно. Так, рукоятки мужских ножей крепились с помощью шпонки из клыка моржа и рога северного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 22-28-01295 «Реконструкция древних технологий в производственной деятельности эскимосов Чукотки: этноархеологический метод и данные естественных наук»).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: terehinavera@mail.ru.

© Терехина В. В., 2024

Таблица. Сводные данные о женских ножах с рукоятью из Эквенского могильника
Table. Summary of women's knives with a handle from the Ekven burial ground

№ погребения	Холм	Датировка	Материал рукояти	Рисунок
5	Западный	ДБК* II-III	Дерево, рог	1, 3, 11
17	Западный	?	Рог	1, 17
25	Западный	?	Моржовый клык	1, 7
29	Западный	?	Рог	1, 13
37	Западный	?	Дерево	1, 2
79	Западный	?	Моржовый клык	1, 8
88	Западный	?	Рог	1, 14
99	Восточный	ДБК III, Б-РП	Дерево	1, 4
122	Западный	ДБК II	Дерево	1, 5
154	Восточный	ДБК II-III	Рог	1, 15
171	Восточный	?	Рог	1, 16
260	Западный	Оквик	Рог	1, 12
301	Западный	ДБК II	Моржовый клык	1, 6
302	Западный	ДБК II-III	Моржовый клык	1, 10
309	Западный	ДБК II-III	Дерево	1, 1
313	Западный	ДБК II-III	Моржовый клык	1, 9

* ДБК — древнеберингоморский период; Б-РП — бирнирк — ранний пунук; римскими цифрами — нумерация стилей орнамента на костяных изделиях древних эскимосов.

оленя (Арутюнов, Сергеев, 1975; Терехина, 2020; Скакун и др., 2023). Рукояти к клинкам женских ножей могли привязываться с помощью сыромятной кожи, китового уса или сухожилий через просверленные в полотне ножа отверстия (Арутюнов, Сергеев, 1975; Днепровский, 2019; Терехина, 2020). На поселении Пайпельгак были найдены ножи-уляки с сохранившейся обвязкой рукояти китовым усом (Госкаталог.рф, № 26766846, 31462363, 36579971; фонды Государственного музея искусства народов Востока). Среди 158 шлифованных сланцевых женских ножей могильника Эквен только 17 были в рукоятях, из которых три были закреплены на клей (рис. 1). Отметим, что 3 экз. из них были найдены на Восточном холме, остальные 14 экз. — на Западном. В основном они датируются древнеберингоморской культурой (ДБК II-III). Только один нож в деревянной рукояти с Восточного холма датируется бирнирком (Б) — ранним пунуком (РП) (табл.).

Для изготовления рукоятей использовалось дерево (5 экз., погребения 5, 37, 99, 122, 309); моржовый клык (погребения 25, 79, 301, 302, 313) и рог северного оленя (погребения 5, 17, 29, 88, 154, 171, 260). Рукоять крепилась либо на обух ножа, либо на черешок, расположенный на нем. Среди черешковых женских ножей выделяются два типа: с черешком, оформленным с одной стороны, и с черешком, оформленным с обеих сторон (рис. 2). Нож вставлялся в паз рукояти и фикси-

ровался на клей. Информации о клеях, которыми пользовались исторические и современные эскимосы, крайне мало, а некоторые рецепты клеев, записанные этнографами, вызывают сомнения насчет их адгезионных свойств. Поэтому основной целью исследования стал анализ клея как с археологических артефактов, так и с этнографических экспонатов сланцевых шлифованных ножей с помощью естественно-научных методов, а также верификация результатов анализа и этнографических данных о рецептуре клеев, которыми пользовались эскимосы и чукчи³.

³ Автор выражает благодарность канд. искусствоведения В. Н. Киреевой за проведение технико-типологического анализа образцов клеев из Эквенского могильника и этнографических коллекций, а также подробные консультации о свойствах клеящих составов. Отдельно автор благодарит канд. ист. наук К. А. Днепровского и Е. С. Сухорукову (за консультации и предоставленные материалы по могильнику Эквен и поселению Пайпельгак, хранящиеся в фондах Государственного музея Востока (Москва)); главного хранителя фондов МАЭ РАН канд. филол. наук Н. П. Копаневу и старшего хранителя фондов Америки МАЭ РАН А. Ю. Сайфиеву (за возможность работы с материалами могильника Эквен); заместителя директора по учету, хранению и реставрации музейных ценностей РЭМ Н. Н. Прокопьеву и научного сотрудника высшей категории, хранителя фондов жесткого резерва отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ Н. А. Косяк (за возможность работы с этнографическими коллекциями эскимосов и чукчей).

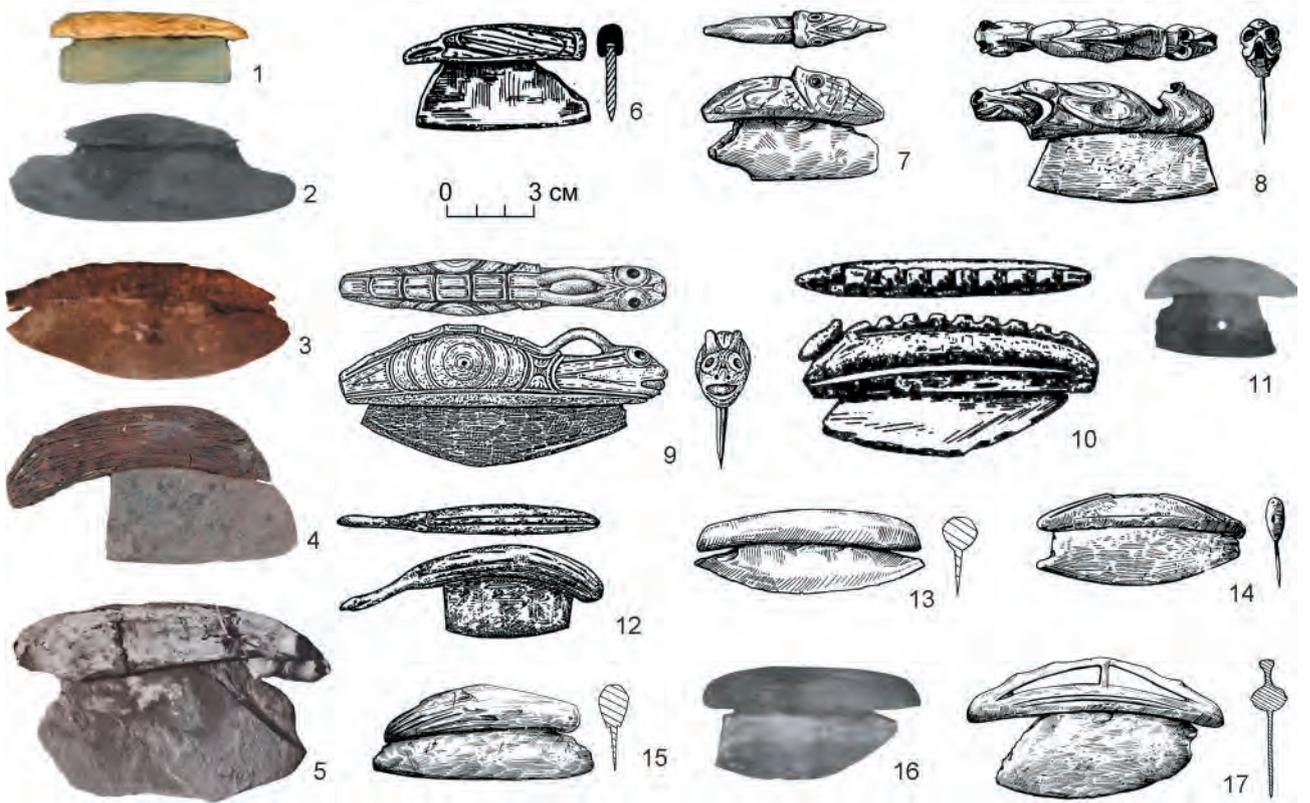

Рис. 1. Женские сланцевые шлифованные ножи с рукоятью из могильника Эквен: 1-5 — ножи с деревянной рукоятью; 6-10 — ножи с рукоятью из моржового клыка; 11-17 — ножи с рукоятью из рога северного оленя
 Fig. 1. Women's polished slate knives with hilt from the Ekven burial ground: 1-5 — knives with wooden hilt; 6-10 — knives with hilt made of walrus tusk; 11-17 — knives with hilt made of reindeer horn

Рис. 2. Оформление оббивкой черешка у женских сланцевых шлифованных ножей из могильника Эквен: 1-8 — с обеих сторон; 9-12 — с одной стороны
 Fig. 2. Formation of petiole trimming on women's slate polished knives from the Ekven burial ground: 1-8 — on both sides; 9-12 — on one side

Методика

Анализ клеящего вещества проводился на базе лаборатории Арт-консалтинга (Москва) с помощью технико-технологического анализа с использованием следующего оборудования: бинокулярных стереомикроскопов МБС-10 и «Микромед МС-1»; стенда с передвижным микроскопом (МСП-1, «МИКМЕД-2», поляризационными «ПОЛАМ Л-213М» и «ПОЛАМ Р-312»); ИК-спектрофотометра с Фурье-преобразователем SCIMITAR Series с алмазной приставкой GladiATR; ИК-микроскопа Varian 610-IR с ИК-спектрофотометром Varian 660-IR.

Исследование органических остатков включало микрохимический и гистохимический анализы, направленные на определение классов органических материалов. Гистохимические исследования проводились с помощью жировых и активных красителей по стандартным методикам. Для микрохимического тестирования были использованы реакции, выявляющие белковые и углеводные материалы, а также масла и природные смолы. Исследования проводились по стандартным методикам.

Указанные методы дали возможность выработать стратегию проведения завершающего исследования органических материалов, так называемое приборное окончание. Для проведения завершающего этапа исследования применялись: ИК-спектрофотометр с Фурье-преобразователем SCIMITAR Series с алмазной приставкой GladiATR (диапазон 4000–400 см⁻¹, число сканирований 50, разрешение 2 см⁻¹); ИК-микроскоп Varian 610-IR с ИК-спектрофотометром Varian 660-IR (диапазон 4000–400 см⁻¹, число сканирований — от 40 до 60, разрешение 1 и 2 см⁻¹). Для работы использовалось программное обеспечение IR SEARCH MASTER TM Bio-RAD.

Исследуемые ножи описаны с точки зрения технико-типологического анализа, а также приводится их функциональное назначение, установленное в ходе трасологического анализа с помощью бинокулярного стереомикроскопа МБС-10 с увеличением ×8–×98 и металлографического микроскопа Olympus с увеличением ×50–×500.

Верификация этнографических данных состава клеящего вещества проводилась посредством экспериментов, методика проведения которых охарактеризована в работах экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА/ИИМК РАН под руководством С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой (Коробкова, 1969; 1970; 1972; 1975; Коробкова, Щелинский, 1971; Семенов, 1968; Скакун и др., 2017).

Материалы

Для анализов были отобраны микроскопические пробы (не нарушающие сохранность предмета) с ножей и рукоятей из коллекции Эквенского могильника (МАЭ, № 6508-186/1, 2; 6561-607), коллекции Г. А. Борисова (РЭМ, № 1909-108 а, б) и этнографической коллекции второй половины XIX в. (РЭМ, № 8761-9905) (рис. 3).

Оба исследуемых ножа-уляка из Эквенского могильника были обнаружены на Западном холме и датируются I тыс. н. э.

Первый нож происходит из погребения 37 (МАЭ, № 6508-186/1, 2). Клинок размерами 14,0 × 5,3 × 0,4 см имеет слегка выпуклое лезвие, закругленные острия и черешок по центру, который вставлялся в паз деревянной рукояти очень плохой сохранности (МАЭ, № 6508-186/2). На черешке ножа сохранились фрагменты дерева с клеящим веществом (см. образец 1 в результатах технико-технологического анализа). Функция ножа неопределима.

Второй нож происходит из погребения 88 (МАЭ, № 6561-607). Клинок размерами 9,0 × 3,5 × 0,3 см имеет выпуклое лезвие, одна боковая сторона подработана ударами для того, чтобы обух входил в паз рукояти. Изготовлен из сланца серого цвета. Использовался для резания мяса. Рукоять размерами 9,5 × 1,5 × 1,1 см вырезана из рога северного оленя, украшена простым линейным орнаментом. Паз П-образного профиля имеет длину 7,4 см, ширину 0,4 см, глубину в центре 0,7 см. Стенки паза ровные вертикальные. Нож входил в паз до упора. На ноже были обнаружены черные сухие чешуйки оставшегося клеящего вещества, которое отслаивалось вместе с поверхностью клинка (см. образец 2).

Нож-уляк из коллекции Г. А. Борисова (РЭМ, № 1909-108 а, б) размерами 5,2 × 3,3 × 0,5 см имеет выпуклое лезвие. Изготовлен из сланца серо-зеленого цвета. Рукоять размерами 6,8 × 1,8 × 1,5 см вырезана из рога северного оленя. Паз (длиной 5,6 см, шириной 0,6 см, глубиной в центре 0,6 см) прорезан по всей длине рукояти, имеет П-образный профиль. В районе обуха на одной из боковых сторон клинка была серо-зеленого оттенка нашлепка, которая отслаивалась небольшими крупницами. Одна из этих крупниц была подвергнута технико-технологическому анализу (см. образец 3).

Что касается датировки всей коллекции Г. А. Борисова № 1909, то первоначальная опись предметов и акт передачи ее в РЭМ не сохранились, поэтому сведений об источнике ее происхождения нет (Руденко, 1947. С. 29). В архиве РЭМ сохранилась переписка за 1908 г. Г. А. Борисова,

Рис. 3. Женские сланцевые шлифованные ножи в рукоятях с остатками клея (выделено красным), проанализированного в статье: 1а, 1б, 2а, 2б, 2в — из могильника Эквен (МАЭ, № 6508-186/1, 2; 6561-607); 3а, 3б, 3в, 3г — из коллекции Г. А. Борисова (РЭМ, № 1909-108 а, б); 4 — из этнографической коллекции второй половины XIX в. (РЭМ, 8761-9905)

Fig. 3. Women's slate ground knives in handles with glue residues (highlighted in red) analyzed in the article: 1а, 1б, 2а, 2б, 2в — from the Ekven burial ground (МАЭ, № 6508-186/1, 2; 6561-607); 3а, 3б, 3в, 3г — from the collection of G. A. Borisov (РЭМ, № 1909-108 а, б); 4 — from the ethnographic collection of the second half of the 19th cen. (РЭМ, 8761-9905)

управляющего горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества Чукотского полуострова, с Д. А. Клеменцем, заведующим этнографическим отделом Русского музея императора Александра III. Информирова Георгия Андреевича о необходимых музее предметах, Дмитрий Александрович подчеркивал, что сборы должны быть систематическими и приобретать нужно все, что имеется в обиходе чукчей и эскимосов. В ряде писем Д. А. Клеменца упоминается о необходимости приобретения для музея археологического материала, что для него как археолога-практика необходимо для сравнительного материала разных исторических периодов при создании будущих экспозиций (Горбачева, 1998. С. 125, 126).

Отметим, что костяные и роговые экспонаты этой коллекции датируются древнеберингоморской культурой эскимосов, также отмечено наличие предметов следующего по времени пунукского периода (Мачинский, 1941; Горбачева, 2022.

С. 549, 550). Большинство сланцевых ножей представлено фрагментами клинков, собранных в различных поселках Чукотки, которые на современной карте не обозначены.

Четвертый нож происходит из этнографической коллекции второй половины XIX в. Чукотского полуострова. Нож прочно закреплен в деревянной рукояти клеем. Клинок имеет неправильную подчетырёхугольную форму, размеры видимой части 7,0 (в районе обушка 5,6) × 5,0 × 0,5 (в районе режущей кромки 0,3) см. Длина рукояти 10,3 см, ширина — 3,5 см, толщина — 2,7 см. Нож использовался в качестве скребка для обработки шкур. Для анализа была взята крупинка клея, заходящая на клинок лезвия (см. образец 4).

Результаты технико-технологического анализа
Образец 1 представляет собой микроскопические фрагменты дерева с включением органического материала. Органический материал

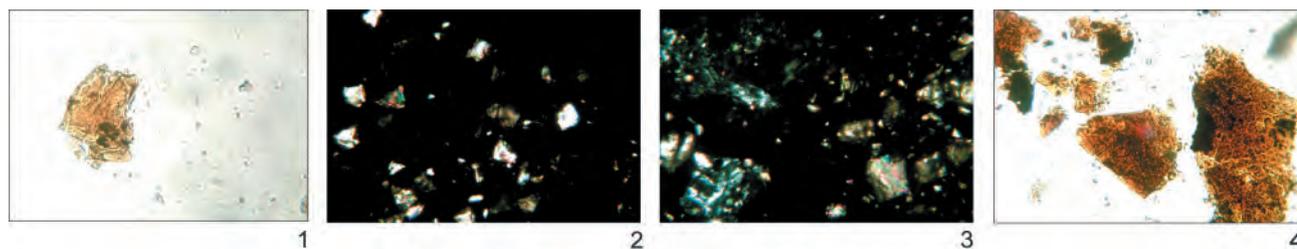

Рис. 4. Микрофото материалов проб клеящего вещества (1–3): 1 — образец 1 (в проходящем свете); смола хвойных деревьев; 2, 3 — образец 3 (в проходящем и поляризационном свете); 4 — минеральный наполнитель из группы каолинов (камедесмола), образец 4 (в проходящем свете)

Fig. 4. Microphotos of the materials of glue samples (1–3): 1 — sample 1 (in transmitted light); resin of coniferous trees; 2, 3 — sample 3 (in transmitted and polarising light); 4 — mineral filler from kaolinite group (gum resin), sample 4 (in transmitted light)

относится к природным смолам, более точной идентификации ввиду незначительности обнаруженного количества не подлежит. Минеральных пигментов исследованный образец не содержит (рис. 4, 1).

Образец 2 — темный порошок, являющийся смолой хвойных деревьев (растений). Минеральных пигментов исследованный образец не содержит.

Образец 3 — композиция из органического материала и минерального наполнителя. Органический материал представляет собой смолу деревьев из рода хвойных, минеральный наполнитель принадлежит к группе каолинов. Проба также содержит незначительное количество углерода (рис. 4, 2, 3).

Образец 4 — пластичное органическое вещество, являющееся камедесмолой, которую можно с большой долей вероятности идентифицировать как экссудат лиственницы. Минеральных пигментов исследованный образец не содержит (рис. 4, 4).

Этнографические данные

В этнографической литературе информации о клеях, которыми пользовались эскимосы и чукчи, крайне мало. Американский этнолог О. Т. Мэйсон (O. T. Mason), ссылаясь на Ф. У. Боаса (F. U. Boas), американского антрополога и этнолога, жившего в среде эскимосов залива Камберленд (Канада), писал, что они использовали в качестве клея либо смесь тюленьей крови, глины и собачьей шерсти, либо рыбий клей (Mason, 1892. С. 412). Описанная выше рецептура клея на основе тюленьей крови вызывает сомнения, так как не содержит адгезионных веществ. Из перечисленных ингредиентов только из крови, которая в своем составе содержит белок альбумин, в результате химических реакций можно получить клей. Для

этого нужно добавить щелочь, так как под ее воздействием белок приобретает высокий заряд, его конформация изменяется, макромолекулы белка «распрямляются» и укладываются друг относительно друга так, что раствор густеет и становится липким. Так называемый альбуминовый клей был запатентован в 1913 г. американским изобретателем Г. Хаскеллом (H. L. Haskell). Сначала из крови животного при температуре 75 °С выпаривали альбумин, затем растворяли его в воде в соотношении 1:9, а далее при добавлении 10%-ной гашеной извести получали желеобразную массу с адгезионными свойствами. Можно допустить, что эскимосы залива Камберленд добавляли в свой клей не глину, а гашеную известь, которую могли получить из местных известняков (карбонатов) путем обжига. Смесь желательно подогревать с целью ускорения клеобразования. Однако клеи на основе крови пригодны для использования только первые сутки.

Второй упомянутый О. Т. Мэйсоном клей — рыбий — является продуктом гидролиза коллагена. При разваривании различных частей животного организма (кожи, хрящей, костей, сухожилий) с водой или разбавленными кислотами образуются глютин и хондрин.

Глютин обладает сильной связывающей способностью и получается главным образом из шкур и костей. Он представляет собой бесцветное нейтральное вещество без запаха и вкуса, нелетучее и разлагающееся до плавления. Как его готовили эскимосы, доподлинно неизвестно. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона описана следующая технология: «Вынутый из рыбы плавательный пузырь отмывается от крови и разрезывается ножницами, так что из овального пузыря получается сердцевидная пластина, которая и растягивается на лубке наружной поверхностью

пузыря к лубку, а внутренней наружу. Эта последняя собственно и составляет чистый клей, наружная же, из соединительной ткани, оболочка пузыря отделяется и бросается. Просушенные на лубке „клеины“ имеют, при тщательном приготовлении и чистоте, полупрозрачный с перламутровым отливом вид; клей не имеет ни запаха, ни вкуса, растворяется в теплой воде почти без остатка. Употребляется для склеивания дорогих вещей и в гораздо большем количестве — для очистки, точнее для осаждения взвешенных частиц в бродящих жидкостях, главным образом при приготовлении пива, вин и при фабрикации наиболее ценных сортов конфет» (Энциклопедический словарь..., 1899. С. 397, 398).

Как готовили этот клей чукчи в XVIII в. известно из рукописи К. Мерка (участника Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг.) «Описание обычаев и образа жизни чукчей»: «...нуждаются чукчи в клее, который изготовляют следующим образом: кожу кеты или гольца очищают от чешуи путем жевания или с помощью ножа, помещают ее в кусок кишки, подвешивают в котел и варят. Или распаривают ее в таких же мешочках между горячими камнями и сырм мхом» (Мерк, 1978. С. 117).

Из этнографии Нижнего Амура известен еще один рецепт приготовления рыбьего клея, называемого дарпу (даалпон). Внутреннюю коллагеновую оболочку плавательного пузыря собирали, формовали и запекали при средней температуре на дне котла, все время переворачивая. Когда масса приобретала желтовато-янтарный цвет, ее слегка остужали, нарезали на ленты (один край обязательно заостряли, чтобы в дальнейшем было удобней работать с мелкими деталями изделия), большой иглой проделывали в одном из концов дырочки и нанизывали на нить. Эти гирлянды развешивали на ветерке, а когда они полностью высохали, хранили в берестяных коробах, защищавших рыбий клей от влаги. В сухом виде рыбий клей сохраняет свои свойства длительное время. Перед началом работы кончик палочки клея слегка подтесывали ножом (или обкусывали), а затем увлажняли слюной.

Кроме вышеописанной технологии, рыбий клей на Нижнем Амуре готовили из хорошо выскобленной шкурки кеты путем разваривания ее в воде до однородной массы. Чем больше выпаривалось жидкости, тем плотнее получался клей. Загустевшую жидкость процеживали и снова варили, пока она не начинала отставать от краев посу-

ды. Остывшую коллоидную массу также нарезали полосками и сушили. Иногда для изготовления клея в ход шли обрезки уже выделанной рыбьей кожи. Был и походный вариант клея — камдон. Для его получения на расщепленный конец палки наматывали чешуей вверх шкуру рыбы (предпочитали линька) и нагревали над костром. Как только чешуя начинала плавиться и появлялись капли клея, ими быстро смазывали необходимые поверхности и плотно прижимали (Глебова, 2012). Эскимосы могли для приготовления клея использовать шкуры лососевых рыб, таких как горбуша, кижуч, чавыча, кета, которые водились в Беринговом проливе.

Экспериментальные данные

В ходе экспериментов для закрепления ножей-уляков в рукояти были использованы: живица сосны и лиственницы, белая глина, альбумин, шерсть собаки (рис. 5). В первом случае мы смешали живицу сосны с белой глиной как наполнителем. Глина также улучшает свойство клея. Она уменьшает проникновение клея в склеиваемые предметы, благодаря чему склеиваются только поверхности предмета, что существенно сокращает расход клея.

Живица лиственницы была в отвердевшем состоянии. Для ее размягчения было достаточно подержать над паром в течение минуты, чтобы она снова приобрела пластичность.

Во втором случае готовилась смесь из альбумина, растворенного в воде, с добавлением глины и собачьей шерсти, но она обладала плохой адгезией.

В обоих случаях сначала паз забутовывался клеем, а затем в него с нажимом вставлялся нож. Выступивший лишний клей убирался палочкой. Для того чтобы после склейки отмыть руки от попавшего на них и на части ножа клей, использовался жир растительного и животного происхождения. Клеи на основе смол хвойных деревьев полностью застывали в течение суток. Для фиксации клинка в рукояти нож помещался лезвием вниз в песок.

Получить рыбий клей способом, описанным К. Мерком, нам не удалось, но эксперименты в этом направлении продолжают.

Ножи-уляки, закрепленные экспериментальными клеями, были использованы в различных экспериментах по резанию замороженного мяса, рыбы и сала, а также в качестве скребков для шкур. В ходе этих экспериментов рукояти оставались надежно зафиксированными.

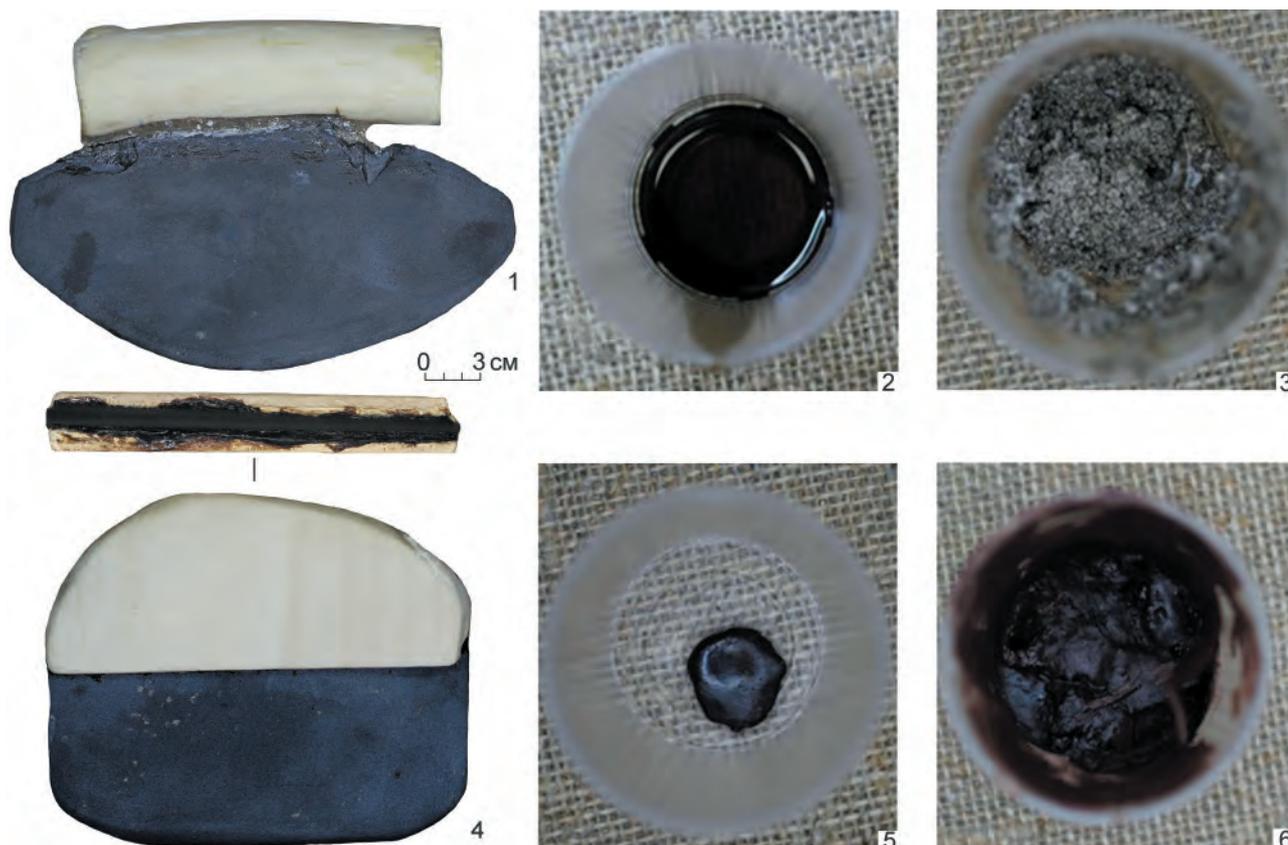

Рис. 5. Верификация с помощью экспериментов результатов технико-технологического анализа клея и этнографических данных: 1 — реплика ножа-уляка с рукоятью, закрепленной на клей из живицы сосны с добавлением глины; 2 — живица сосны; 3 — клей из живицы сосны с добавлением глины; 4 — реплика ножа-уляка с рукоятью, закрепленной на клей из живицы лиственницы; 5 — живица лиственницы; 6 — смесь крови животного, глины и собачьей шерсти

Fig. 5. Verification of the results of technical and technological analysis of glue and ethnographic data by means of experiments: 1 — replica of *ulak* knife with a handle fixed on glue made of pine oleoresin with the addition of clay; 2 — pine oleoresin; 3 — glue made of pine oleoresin with the addition of clay; 4 — replica of *ulak* knife with a handle fixed on glue made of larch oleoresin; 5 — larch oleoresin; 6 — a mixture of animal blood, clay and dog's hair

Выводы

В результате проведенного исследования впервые были задокументированы составы клеев, которые использовали древние эскимосы, современные их потомки и чукчи. Основой клеев являлись смолы хвойных деревьев. Этот клей сохранился до наших дней благодаря тому, что не подвержен разрушению бактериями и другими живыми организмами. Судя по этнографическим данным, могли использоваться также клеи на основе животного белка — коллагена и альбумина. Глина и собачья шерсть в составе клея выполняли

функцию наполнителя, а каолин препятствовал проникновению клея в более глубокие слои материала рукоятки. Вероятно, что Ф. Боас при описании клея, который использовали эскимосы залива Камберлэнд (Канада), допустил неточность, указав, что в тюленью кровь добавляли глину, а не гашеную известь, которая как щелочь придавала крови адгезионные свойства.

Полученные данные дополнили и расширили наши представления о древних технологиях и адаптации человека к суровым условиям Крайнего Севера.

- Арутюнов, Сергеев*, 1975 — *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.
- Арутюнов, Сергеев*, 1983 — *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974 гг.) // На стыке Чукотки и Аляски: Сб. ст. / Под ред. В. П. Алексеева. М.: Наука, 1983. С. 200–229.
- Глебова*, 2012 — *Глебова Е.* Волшебная палочка рыбьего клея // Словесница искусств: региональный культурно-просветительский журнал. 2012. № 2 (30) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.slovoart.ru/node/1232> (дата обращения: 25.04.2024).
- Горбачева*, 1998 — *Горбачева В. В. Д. А.* Клеменц и сибирские коллекции РЭМ // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца / Ред. И. В. Дубова. СПб.: Лань, 1998. С. 120–128.
- Горбачева*, 2022 — *Горбачева В. В.* Косторезное искусство коренных арктических народов Сибири в коллекционном собрании Российского этнографического музея // Полярные чтения-2021. Художественное освоение Арктики. Регионы в культуре, искусстве и философии: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.) / Отв. ред. П. А. Филин, ред. М. А. Емелина. М.: Паулсен, 2022. С. 545–559.
- Днепровский*, 2007 — *Днепровский К. А.* Древнеэскимосские памятники, исследованные чукотской археологической экспедицией // Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное: Каталог выставки / Авт.-сост. М. М. Бронштейн и др.; ред. Д. Н. Попов. М.: Департамент культуры, спорта, туризма и информационной политики Чукотского автономного округа РФ, 2007. С. 15–25.
- Днепровский*, 2019 — *Днепровский К. А.* Эскимосские ножи: современная древность. 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://goarctic.ru/live/eskimosskienozhi-sovremennaya-drevnost/> (дата обращения: 23.05.2022).
- Днепровский, Дэвлет*, 2017 — *Днепровский К. А., Дэвлет Е. Г.* К вопросу о конструктивных особенностях жилищ древних эскимосов по материалам археологии, этнографии и изобразительным источникам // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 210–251.
- Коробкова*, 1969 — *Коробкова Г. Ф.* Работы Лаборатории первобытной техники в Молдавской археологической экспедиции // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 389–391.
- Коробкова*, 1970 — *Коробкова Г. Ф.* Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 350–351.
- Коробкова*, 1972 — *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальное изучение орудий труда и древних производств эпохи палеолита // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 171–173.
- Коробкова*, 1975 — *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальный метод в процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологического исследования: Материалы симпозиума методол. семинара ЛОИА АН СССР (апрель 1975 г.) / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 44–49.
- Коробкова, Щелинский*, 1971 — *Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е.* Работы Оредежского опытного археологического отряда // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 331–332.
- Мачинский*, 1941 — *Мачинский Д. А.* Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 80–89.
- Мерк*, 1978 — *Мерк К. Г.* Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1978. С. 98–155.
- Руденко*, 1947 — *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 135 с., 38 л. ил.
- Семенов*, 1968 — *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
- Скаун и др.*, 2017 — *Скаун Н. Н., Жилин М. Г., Плиссон Х., Эредиа Х., Павлик А., Галимова М. Ш., Терехина В. В., Мартинез Г., Марреро Х.* Значение экспериментально-трасологических исследований для изучения древних костяных изделий // Археология евразийских степей. Казань, 2017. № 2: Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии. С. 340–358.
- Скаун и др.*, 2023 — *Скаун Н. Н., Эредиа Х., Терехина В. В., Днепровский К. А., Сухорукова Е. С., Агаханова В. А.* Мужские сланцевые шлифованные ножи древнеберингоморской культуры и технология их изготовления (по материалам Эквенского могильника и этнографическим данным) // Поволжская археология. 2023. № 3(43). С. 220–233.
- Терехина*, 2020 — *Терехина В. В.* Результаты изучения каменных ножей Эквенского могильника (этнотрасологический анализ) // Археология евразийских степей. 2020. № 3. С. 187–193.
- Энциклопедический словарь..., 1899 — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 86 т. СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1899. Т. XXVII (53): Розавен — Репа. 527 с.
- Mason*, 1892 — *Mason O. T.* The Ulu, or woman's knife, of the Eskimo. Washington: Government Printing Office, 1892. P. 411–416, 21 pls.

To the question of glues of the historical Eskimo (on the base of the burial ground Ekven and ethnographic collections)

V. V. Terekhina⁴

Keywords: Ekven burial ground, knives, handles, glue, technical and technological analysis, ethnographic data.

Among the various burial implements of Ekven — one of the largest excavated burial sites of ancient Eskimo in the north-east of Chukotka — shale polished knives are of great interest. If men's blades were fastened to the hilt with a key made of horn or walrus tusk, then there were several more variants of fastening of women's *ulak* knives. Judging by ethnographic data of the end of the 19th cen. from Alaska, the hilt and blade of a knife could be bound with rawhide, whalebone, pine roots or sinew, and knives could be braided with spruce roots. In the historical Eskimo settlements of Chukotka (e.g., Paipelgak), the use of whalebone to fasten handles has been recorded. Holes in knife blades also indicate that handles were tied to them. The use of glue by the historical Eskimo to fix the hilt is evidenced by the findings of 17 *ulak* knives in the burials of the burial ground Ekven, which were inserted into the groove of the hilt without additional devices (fig. 1). Three of them bear the remains of ancient glue. The aim of the study was to find out the composition of this glue and verify the obtained and ethnographic data experimentally.

As a result of the technical and technological analysis of four samples of adhesive composition from knives of historical Eskimo and modern Eskimo and Chukchi, their use of adhesives based on conifer resin was recorded for the first time (fig. 4). Judging by ethnographic data, glues based on animal protein — collagen and albumin — could have been used. Clay and dog hair in the glue composition fulfilled the function of filler. So, experiments verified obtained data and ethnographic information on glue compositions (fig. 5).

Our research has supplemented and expanded the ideas about ancient technologies and human adaptation to the harsh conditions of the Far North.

⁴ Vera V. Terekhina — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: terehinavera@mail.ru.

Технология производства античной керамики по данным петрографии¹

Е. В. Кузнецова, М. Н. Растегаева, Д. А. Шелепов²

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования петрографии как метода для реконструкции процесса производства керамической тары. Петрографические исследования позволяют получить информацию о таких этапах производственной цепочки, как подбор и обработка сырья, подготовка глиняного теста, формовка сосуда и его обжиг. Основой для таких исследований становится ряд характеристик формовочной массы уже готового сосуда — состав минерального сырья и его особенности, количество и морфология пор и пустот, содержащихся в обожженном тесте. В статье этапы керамического производства были проанализированы на примере шлифов, полученных с амфор Книда, Коса, Родоса и некоторых других средиземноморских центров производства.

Ключевые слова: керамическая петрография, археологическое источниковедение, технология производства античной керамики, естественно-научные методы.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-283-297

В археологическом источниковедении керамика продолжает оставаться самым массовым материалом, который в большинстве случаев используется как хроноиндикатор при исследовании той или иной археологической культуры. История исследования этой категории находок насчитывает уже не одно столетие. За это время в научном сообществе было сформировано множество школ и направлений, которые выработали свои методы изучения керамических изделий. К примеру, в отечественной науке в 70-х гг. XX в., во многом благодаря исследованиям А. А. Бобринского, начал применяться историко-культурный подход, в котором керамика стала рассматриваться как результат системно организован-

ной деятельности гончара. Подразумевалось, что продукт его труда содержит в себе информацию обо всех видах операций, связанных с глиняными изделиями (Цетлин, 2012. С. 33, 34). При этом древняя керамика в рамках метода стала изучаться не как «целостный объект» или «набор» признаков, а как результат совместного применения мастером определенных навыков для изготовления сосуда. Подобные навыки имели не только производственное обоснование, но и закреплялись в культурных традициях и передавались из поколения в поколение в рамках определенного коллектива (Там же. С. 33). Именно поэтому в историко-культурном подходе стали реконструироваться культурные традиции в керамическом производстве древних обществ — приготовление глиняной массы, технология формовки сосудов, использование технических приспособлений и орудий труда гончарами, создание определенных форм и орнаментация готовых изделий (Бердников, 2014. С. 20).

В действительности любой разговор о технологии производства керамических изделий рано или поздно сталкивается с проблемой скудности источников. Исследователи получают уже конечный результат керамического производства —

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 22-28-00375 «Минералогические исследования античной тарной керамики эпохи классики и эллинизма») (<https://rscf.ru/project/22-28-00375/>).

² Е. В. Кузнецова, М. Н. Растегаева, Д. А. Шелепов — Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; Саратов, Россия; e-mail: ev_kuznetsova@list.ru, marija_rastegaeva1698@gmail.com, shelepov-dmitriy@mail.ru.

© Кузнецова Е. В., Растегаева М. Н., Шелепов Д. А., 2024

Рис. 1. Коринфские пинаки из Пентескуфии: 1 — сцена добычи глины, фото Дж. Лоуренса (Jones, 2021. P. 113); 2 — сцена обжига готового сосуда, фото И. Геске (Ibid. P. 113); 3 — реконструкция сцены обжига сосудов в керамической печи на основании пинаки F893 (Hoffmann, Böhm, 1965. Fig. 147)

Fig. 1. Corinthian pinakes from Penteskouphia: 1 — scene of clay extraction, photo by J. Lawrence (Jones, 2021. P. 113); 2 — scene of firing of the finished vessel, photo by I. Geske (Ibid. P. 113); 3 — reconstruction of the scene of vessels' firing in a ceramic kiln on the basis of pinake F893 (Hoffmann, Böhm, 1965. Fig. 147)

сосуд определенной формы, принадлежащий к тем или иным хронологическим периодам и центрам. Конечно, реконструировать технологию керамического производства можно по находкам керамических печей, например, таких, какие были найдены в Херсонесе Таврическом в ходе работ В. В. Борисовой 1955–1957 гг. (Борисова, 1958. С. 144–153). Производственные традиции можно изучать и по специфическим находкам, подобным так называемым коринфским пинакам — глиняным расписным вотивным табличкам второй половины VII в. до н. э., найденным в Коринфе, на которых воспроизведены сцены добычи глины, выделки сосудов на гончарном круге и обжига сосудов в печи (рис. 1).

Но, как правило, при изучении технологии керамического производства дело приходится иметь непосредственно с целыми или археологически целыми сосудами. При этом некоторые особенности процесса изготовления керамических изделий могут быть видны невооруженным глазом — к примеру, следы обработки на гончарном круге, клейма, морфология, особенности глины, технологические швы, оставшиеся после соединения отдельных частей изделия и т. д. — круг вопросов достаточно широк. Однако детальнее особенности производства керамики могут быть изучены только при более тщательном рассмотрении.

Сегодня весьма действенным подспорьем в этом вопросе может стать керамическая петрография, которая предоставляет данные не только об особенностях формовочной массы и геологическом происхождении ее основы, но и о процессе изготовления сосуда. Петрографический анализ традиционно является одним из основных методов изучения минералов в археологической

керамике. Он был заимствован из геологии, где используется для описания и классификации горных пород (см. например: Круг, 1965. С. 146–151; Цетлин, 1997; Кулькова и др., 2018; Растегаева, 2022. С. 110–125; Quinn, 2022). Метод позволяет дать характеристику минерального состава глины на основании определения морфологических свойств и оптических констант минералов. Изучение особенностей глин происходит с помощью петрографических шлифов — пластинок толщиной 0,02–0,03 мм, которые исследуются с помощью поляризационного микроскопа. Это позволяет изучить состав теста, присутствующие в нем минеральные включения, поры и пустоты, а также следы, оставшиеся в результате механического воздействия на изделие в ходе его формовки. Все эти сведения дают возможность проследить совокупность действий гончара в процессе производства сосуда. Наиболее надежные свидетельства могут быть получены о таких этапах производственной цепочки, как подбор и обработка сырья, подготовка гончарного теста, обработка поверхностей, обжиг (Глушков и др., 1999. С. 152, 153).

В рамках совместной работы сотрудников Института археологии и культурного наследия и геологического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского над проектом «Минералого-петрографические исследования античной тарной керамики эпохи классики и эллинизма» были получены петрографические шлифы глин амфор некоторых центров-экспортеров (Книда, Коса, Родоса), на примере которых можно реконструировать отдельные этапы производства античной керамики. Основная часть изученных образцов была передана в распоряжение научного коллектива С. Ю. Монаховым,

которому авторы выражают свою признательность. Дополнить коллекцию удалось и благодаря содействию С. Ю. Соловьева и начальников участков Южного пригорода Херсонеса Таврического, которые любезно предоставили для петрографического анализа ряд найденных фрагментов (Кузнецова, Растегаева, 2022). Методика изучения петрографических шлифов была подробно описана в предварительной публикации результатов (Кузнецова и др., 2023), поэтому здесь этот вопрос затрагиваться не будет. Основная часть рассмотренных в этой статье образцов, отнесенных к производству Книда, была проанализирована в готовящейся к выходу публикации (Кузнецова, Шелепов, 2024). Остальные образцы, предварительно отнесенные к продукции Коса и Родоса, будут опубликованы научным коллективом в дальнейшем.

В этой статье рассматриваются три этапа производства керамических изделий на примере изученных петрографических шлифов: первоначальная обработка сырья, формовка сосуда, его обжиг. На каждом этапе существенную роль в исследовании будут играть две группы признаков: естественная и искусственная примеси в составе теста (так называемые отощители); размер и форма порового пространства. Первая группа признаков характеризует имеющиеся в керамике включения, которыми могут являться обломочные материалы различного генезиса, отображающие как естественную, так и искусственную составляющую. Ко второй группе относятся зафиксированные в шлифе поры и пустоты разнообразных размеров и форм, которые являются результатом техногенного воздействия на изделие.

На первом этапе производства происходит обработка исходного глиняного сырья и изготовление теста, которые направлены на улучшение технологических свойств массы, таких как пластичность, способность к усадке, теплопрочность, ударопрочность и т. д. (Williams, 1979. P. 74). В исходную глиняную основу вводятся различные добавки естественного и искусственного происхождения, называемые отощителем. При этом отощитель может быть характерным компонентом исходного сырья (например, алеврит или песок) или же, наоборот, полностью не соответствовать ей (в случае, если присутствуют добавки из другого источника, обломки органики и т. д.).

К естественным отощителям относят кварцевые материалы. Так, кварцевый песок содержит более 90 % кварца. Он состоит из окатанных или остроугольных зерен разной величины (0,05–2,00 мм). Пески угловатой формы в керамическом

производстве считаются лучшими, так как они имеют большую поверхность соприкосновения, что интенсифицирует протекание химических процессов при обжиге.

Примером использования естественного отощителя в качестве добавки может являться образец № 241 (рис. 2, 1), полученный с амфоры Родоса «александрийского» варианта середины II в. до н. э., происходящей из могильника городища Спорное, погребение 149 (5) (Монахов и др., 2022. С. 167, Rh. 20). Отощитель представлен обломками кварца, кварцитов алевритовой размерности (и мельче) и составляет около 5–7 % от общей площади шлифа. Второй подобный образец № I-Rh.1 (рис. 2, 2) получен с родосского клейма первой половины II в. до н. э. и происходит из раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического 2021 г. В нем отощитель представлен алевритовой фракцией (и мельче) и составляет около 5–7 % от общей площади шлифа. В состав входят обломки кварца и кварцитов различной формы с ярко выраженной мозаичной микрогранулообразной структурой и волнистым погасанием. При этом в представленных шлифах заметно, что включения кварца достаточно крупные и округлые, что свидетельствует о том, что они подвергались экзогенному воздействию до их добавления в формовочную массу. Следовательно, кварцевые материалы, присутствующие в рассматриваемых шлифах, либо были природным компонентом источника глины, либо не подвергались обработке перед их добавлением в тесто.

В большинстве песчаных отложений, которые, как правило, использовались в качестве отощителя, преобладают кварцевые обломки. Добавляемый песок мог также содержать округлые фрагменты раковин или кораллов, как в образце № I-Кп.2 (рис. 2, 3), датированном в широких рамках конца III — первой половины II в. до н. э., также обнаруженном во время раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического в 2021 г. и отнесенном к амфорам книдского производства. В составе отощителя здесь были зафиксированы обломки раковин карбонатного состава.

Однако в состав песчаных отложений могли входить полевые шпаты, а также другие минералы и фрагменты горных пород. К примеру, в образце № 53 (рис. 2, 4), полученном с книдской амфоры «геленджикского» варианта середины — третьей четверти IV в. до н. э.³, в алевритовой фракции

³ Хранится в Геленджикском историко-краеведческом музее (Монахов, 2003. С. 102, 103, табл. 71, 5).

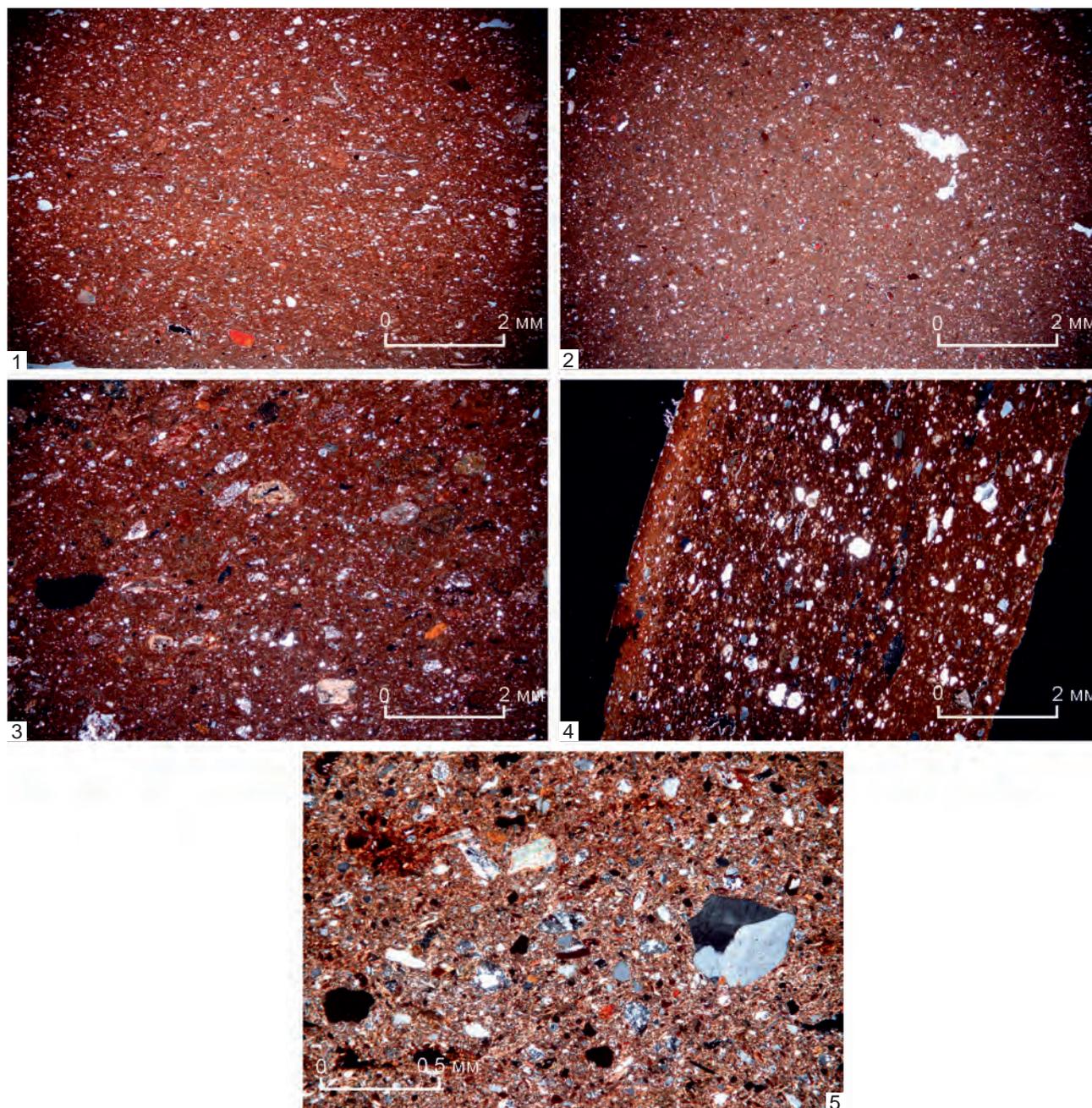

Рис. 2. Использование естественного отощителя в качестве добавки, фото шлифов: 1 — образец № 241, с обломками кварца и кварцитов; 2 — образец № I-Rh.1, с обломками кварца и кварцитов различной формы; 3 — образец № I-Kn.2, с обломками раковин карбонатного состава; 4 — образец № 53, с небольшим количеством полевых шпатов; 5 — образец № 165, с гранитами и их обломками

Fig. 2. Use of natural non-plastic inclusions as an additive, photo of the thin sections: 1 — sample No. 241, with fragments of quartz and quartzites; 2 — sample No. I-Rh.1, with fragments of quartz and quartzites of different shapes; 3 — sample No. I-Kn.2, with fragments of shells of carbonate composition; 4 — sample No. 53, with a small amount of feldspars; 5 — sample No. 165, with granites and their fragments

в небольшом количестве встречаются полевые шпаты, представленные ортоклазом и микроклином. Также гончары могли просеивать песчаный материал перед добавлением его в тесто, что фиксируется благодаря различиям в размерах зерен между естественными включениями и отощителем (Quinn, 2022. P. 230).

Кроме того, в качестве отощителя могли быть использованы крупнозернистые породы, склонные к дроблению на составляющие их кристаллы или обломки, которые при этом сохраняют форму и округлость/угловатость. С ними обычно связаны мономинеральные мелкозернистые и некристаллические породы, разрушающиеся при дроблении и образующие угловатые фрагменты. Появление крупных частично раздробленных кусков породы и связанных с ними более мелких мономинеральных включений может быть принято за свидетельство добавления дробленой горной породы в качестве отощителя. Гончары также могли дробить ненужные фрагменты разбитых или изношенных каменных орудий, таких как точильные камни и др. (Quinn, 2022. P. 230). Отощитель подобного типа можем встретить в образце № 165 (рис. 2, 5), полученном с амфоры Книда «елизаветовского» варианта 360–350-х гг. до н. э. из погребения 202 Прикубанского некрополя (Монахов и др., 2021. С. 197, Кн. 7). Отощитель представлен алевритовой (10–15 %) и псаммитовой (1 %) фракциями и состоит из зерен кварца, обломков кварцитов с мозаичной гранобластовой и микрогранобластовой структурой. Присутствуют обломки кислых плагиоклазов, большое количество изотропного, не реагирующего на поляризованный свет минерала (скорее всего, гранита), довольно крупные чешуйки свежего мусковита с яркой интерференционной окраской. Отмечаются единичные зерна свежих пироксенов. Минеральный набор отощителя свидетельствует, что в качестве добавки использовались граниты и их обломки.

Типичным представителем искусственных отощающих материалов является шамот. Он представляет собой кусочки перетертой необожженной глины, добавляемой гончаром в исходное тесто. При увеличении размера зерен шамота происходит уменьшение механической и химической стойкости материала, но при этом увеличивается его пористость и термическая устойчивость. С другой стороны, шамотная пыль, заполняя поры, придает изделиям большую прочность, понижая при этом способность выдержать резкие колебания температур (Водянина, 2004. С. 6, 7). Примером использования шамота в качестве

отощителя является образец № 239 (рис. 3, 1), полученный с родосской амфоры варианта «вилла-нова» ранней серии середины — второй половины III в. до н. э., находящейся на хранении в Анапском археологическом музее (Монахов, 2003. С. 118, табл. 81, 2). В нем присутствуют включения овальной формы, сложенные криптокристаллическим глинистым веществом и представляющие собой продукты обжига отощавших основную массу сухих глин. Шамот может быть идентифицирован по появлению обугленных (черных) пятен, оставленным пустотам или углублениям, которые также четко видны в шлифах (Whitbread, 1986. P. 82; Orton et al., 1993. P. 133–135; Velde, Druc, 1999. P. 142–144; Reedy, 2008. P. 184–189). Вторым примером использования шамота в качестве отощителя является образец № 55 (рис. 3, 2), взятый с горла книдской амфоры «херсонесского» варианта третьей четверти IV в. до н. э. с рельефным монограммным клеймом «ПАΘ» на ручке⁴. В составе полученного шлифа отмечаются равномерно распределенные округлые обособления красно-коричневого цвета, представляющие, по-видимому, продукты отжига отощавших основную массу сухих глин. Также присутствует единичный обломок овальной формы грязно-желтого шамота с алевритовой структурой, контрастно выделяющийся в основной массе (рис. 3, 3). Включенный в него алевритовый материал по минеральному составу схож с алевритовой фракцией образца, то есть в глиняное тесто добавляли сухую глину того же геологического происхождения.

В состав отощителя могут входить и обломки органики, как в случае с образцом № 279 (рис. 3, 4), предположительно второй половины IV — первой половины III в. до н. э., который ранее был отнесен к продукции книдского производства⁵. В составе присутствует карбонатный материал, представленный довольно большим количеством обломков раковин (двустворок и гастропод), что указывает на явное использование органического известняка ракушечника. Вторым примером использования органики в качестве отощителя — образец № 20 (рис. 3, 5), полученный с фрагментированной книдской амфоры конца IV в. до н. э. без горла из погребения 25 некрополя Горгиппии (Монахов, 1999. С. 444–446, табл. 193, 2).

⁴ Найдено в 1986 г. у пос. Героевка (Монахов, 2003. С. 103, табл. 72, 1).

⁵ Однако в настоящее время у нас нет оснований связывать этот экземпляр с продукцией книдских мастеров. См.: Кузнецова, Шелепов, 2023. С. 270.

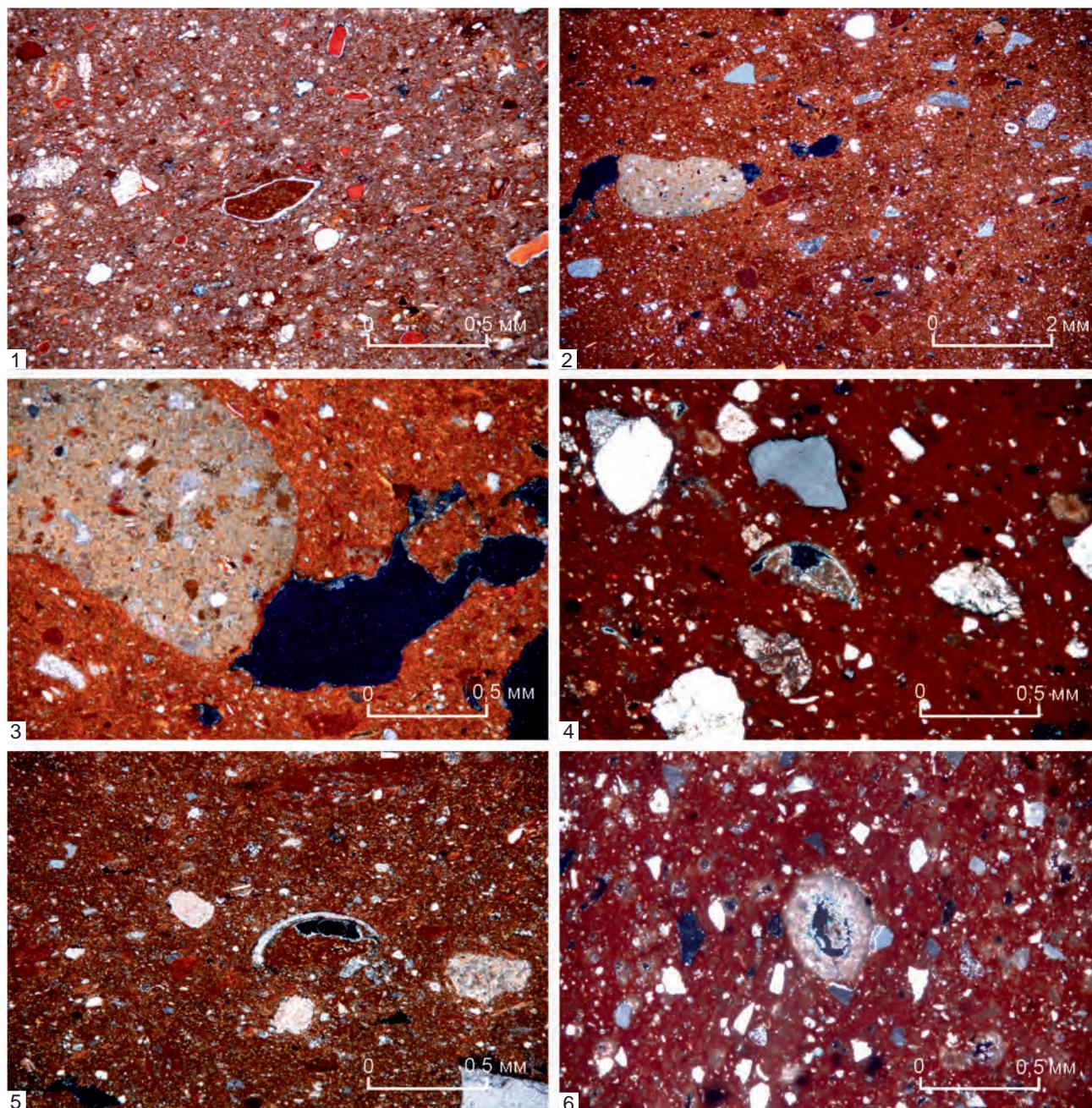

Рис. 3. Использование искусственного отощителя в качестве добавки, фото шлифов: 1 — образец № 239, с включениями шамота; 2 — образец № 55, с включениями шамота; 3 — образец № 55, с крупным фрагментом грязно-желтого шамота; 4 — образец № 279, с большим количеством обломков раковин (двустворок и гастропод); 5 — образец № 20, с обломками раковин карбонатного состава; 6 — образец № I-Kn.1, с зерном карбоната и плохо окатанным обломочным материалом

Fig. 3. Use of artificial non-plastic inclusions as an additive, photo of thin sections: 1 — sample No. 239, with chamotte inclusions; 2 — sample No. 55, with chamotte inclusions; 3 — sample No. 55, with a large fragment of dirty yellow chamotte; 4 — sample No. 279, with a large number of shell fragments (bivalves and gastropods); 5 — sample No. 20, with fragments of shells of carbonate composition; 6 — sample No. I-Kn.1, with carbonate grains and poorly pelleted clastic material

В этом шлифе карбонатное вещество в большом количестве рассеяно по основной массе. Карбонат хорошей сохранности, без следов и каемок разложения, зачастую с яркой перламутровой окраской. Иногда встречаются обломки раковин карбонатного состава.

Помимо добавления отошителя на технологические свойства как самой формовочной массы, так и готового сосуда, а также на скорость химических процессов благоприятно влияла степень измельченности зерна подобных добавок для получения необходимого размера и текстуры (Водянина, 2004. С. 6; Shepard, 1956. P. 117; Reedy, 2008. P. 131, 151). В качестве примера можно привести образец № I-Кп.1 (рис. 3, б), взятый с клейма, найденного в ходе раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического в 2021 г. и предположительно отнесенного к продукции Книда⁶. На фотографии отчетливо видно зерно карбоната. Обломочный материал отошителя в этом шлифе представлен в основном алевритовой фракцией (до 20 %), псаммитовая — не более 1 %. В состав отошителя входит кварц, в редких случаях — полевые шпаты (ортотлаз, плагиотлаз). Обломочный материал, как правило, плохо окатанный, угловатый с раковистым изломом. Складывается впечатление, что обломочный материал подвергался механическому дроблению.

Второй этап керамического производства заключается в непосредственной формовке изделия. Этот процесс предполагает приложение гончаром физической силы вручную или с помощью инструмента, что может приводить к выравниванию минеральных включений, содержащихся в тесте, а также к появлению в его составе порового пространства — пустот различных форм и размеров, которые можно отчетливо наблюдать в петрографических шлифах (Quinn, 2022. P. 241, 242). С технической стороны изучение пор в археологической керамике выглядит достаточно просто: керамический фрагмент с помощью вакуумной установки пропитывается синим контрастным красителем для лучшей диагностики. Такой краситель отчетливо виден при изучении шлифа с помощью поляризационного петрографического микроскопа при разном свете.

Морфологические особенности пор в керамическом тесте зависят от разных причин — плот-

ности замеса, количества воды при затворении, деформации массы при движении, температуры обжига, наличия органики и других деталей. Количество, форма и размер пор либо являются результатом техногенного воздействия при подготовке глиняного теста, либо возникают из-за выделения газа или усадки массы во время сушки и обжига керамического материала (Velde, Druc, 1999. P. 110–115; Reedy, 2008. P. 191–193). Поры также могут указывать на материалы, которые присутствовали при приготовлении глиняного теста, но были разрушены в процессе обжига (например, органику). Объем порового пространства, а также размер и форма пор могут влиять на плотность, прочность, проницаемость и термическое сопротивление керамики и, следовательно, могут дать представление о ее предполагаемой функции (Shepard, 1956. P. 125, 126).

Поэтому при описании пор, видимых под поляризационным микроскопом, обращается внимание на форму (округлая, вытянутая, удлинённая, уплощённая), размер в миллиметрах, примерное количество от объема шлифа, характер расположения, ориентацию относительно стенок черепка (Глушков и др., 1999. С. 158). Все эти параметры дают определенную информацию о технологии производства керамики.

Общее количество пор в исследованных шлифах условно можно разделить на диапазоны: слабопористые образцы (от 1–2 до 5 % от общей площади шлифа), образцы средней пористости (5–7 %) и сильнопористые образцы (7–10 %). При этом образцы с большим процентом пористости в изученных шлифах обнаружены не были, и, согласно некоторым исследованиям, изделия с суммарной пористостью 30–35 % не могли быть прочными и использоваться в быту, а потому являлись технологическим браком (Куклина, Андрушкевич, 2021. С. 126).

Различия в процентном соотношении пор к основной массе глины достаточно отчетливо можно наблюдать в изученных шлифах. Так, в образце № 90 (рис. 4, 1), взятом с фрагмента амфоры квидского производства варианта «хавиарас» третьей четверти IV в. до н. э. из Ольвии⁷, пористость находится в пределах 7–10 %. Поры различных морфологических типов: округлые, удлинённо-уплощённые размером 0,1–0,4 мм. Иная картина наблюдается в образце № 280, полученном с квидской амфоры «афинского» типа

⁶ В настоящее время у нас нет оснований связывать этот экземпляр с продукцией квидских мастеров. См.: Кузнецова, Шелепов, 2023. С. 270.

⁷ На ручке также стоит оттиск «ПАΘ» (Монахов, 2003. С. 103, табл. 73, 1).

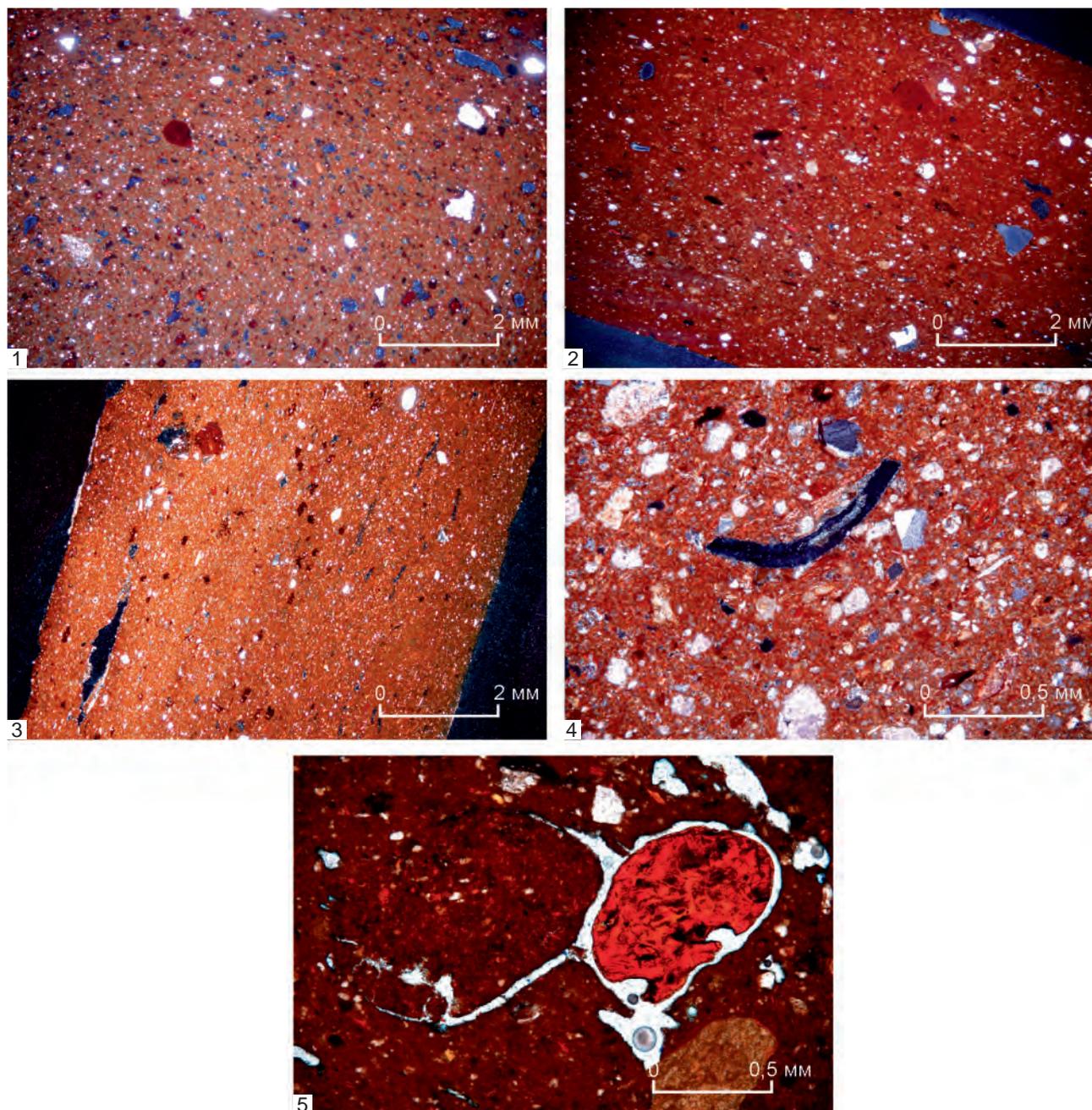

Рис. 4. Поревое пространство, фото шлифов: 1 — образец № 90, пористость в пределах 7–10 %; 2 — образец № 280, пористость около 1–2 %; 3 — образец № 179, с единичными порами вытянутой неправильной формы; 4 — образец № 89, поры повторяют очертания выгоревшей органики; 5 — образец № 278, вокруг зерна шамота каемка усадки, образовавшаяся в процессе обжига

Fig. 4. Pore space, photo of thin sections: 1 — sample No. 90, porosity within 7–10 %; 2 — sample No. 280, porosity about 1–2 %; 3 — sample No. 179, with single pores of elongated irregular shape; 4 — sample No. 89, pores repeat the outlines of burnt-out organics; 5 — sample No. 278, around the grain of chamotte shrinkage rim formed during firing

«с коническим горлом и кубаревидной ножкой» середины III в. до н. э. из раскопок кургана 2 на горе Горелой (рис. 4, 2) (*Кац и др.*, 2005. С. 108, рис. 1, 13). Пористость образца составляет около 1–2 %; при сопоставлении двух шлифов различия очевидны. Сами поры при этом, как и в предыдущем образце, различных морфологических типов — округлые, удлинённо-уплощенные.

Морфология пор также может дать некоторую информацию о технологии производства. Так, их ориентация относительно стенок изделия свидетельствует о степени физического воздействия гончара на формовочную массу. Морфологически крупные поры могли образовываться в момент формирования керамического изделия при «захвате» глиняным тестом пузырьков воздуха (*Куклина, Андрушкевич*, 2021. С. 126). К примеру, в образце № 179 (рис. 4, 3), взятом с амфоры второй четверти IV в. до н. э. неустановленного средиземноморского центра производства из погребения 39 Прикубанского некрополя (*Монахов и др.*, 2021. С. 215, Уп. 4), встречаются единичные поры вытянутой неправильной формы. Кроме того, различные по морфологии поры могли быть результатом выпаривания воды и уменьшения объемов глиняного теста при сушке и обжиге или выгорания органически привнесенной (и/или случайно попавшей) примеси, как в случае с образцом № 89 (рис. 4, 4) с косского клейма II в. до н. э. из Таманского толоса — в нем поры повторяют очертания выгоревшей органики (ветки, щепки и пр.).

На морфологию пор могло влиять и неравномерное изменение объема компонентов отощителя и основного глинистого вещества в процессе обжига (*Куклина, Андрушкевич*, 2021. С. 126–128). В этом случае в шлифе видна образовавшаяся вокруг такого включения каемка усадки, которая появляется при обжиге основной массы, как в образце № 278 (рис. 4, 5), взятом с книдской амфоры «пифоидного» варианта 330–290-х гг. до н. э. (*Монахов и др.*, 2022. С. 141, Кп. 18).

К этому же этапу производства, то есть этапу формовки сосуда, относится нанесение на глину ангоба или обмазки. Понятия эти часто путают, но есть ряд критериев, по которым их можно различать. К числу признаков, определяющих ангоб, обычно относят покрытие сосуда тестом другой цветности (*Руге*, 1981. Р. 54; *Сайко*, 1982. С. 117; *Reedy*, 2008. Р. 194–206), и именно освоение красящих свойств глин привело к использованию их в роли ангобов (*Сайко*, 1982. С. 117). Кроме того, важно отметить, что ангоб представ-

ляет собой намеренное покрытие сосуда слоем жидкой глиняной массы иного качественного состава для придания ему определенных технологических (прочность, водопоглощение) и эстетических (цветность, фон для росписи) свойств. При этом не следует забывать, что к изменению цвета поверхности сосуда приводит температура и атмосфера обжига в печи. Так, присутствующее на внешней стороне черепков родосских сосудов светло-бежевое или белое «покрытие», зачастую достаточно плотное, обычно принято называть ангобом. Однако последние исследования показали, что к ангобу оно не имеет никакого отношения. Изменения в цвете вызваны исключительно особенностями температуры и атмосферы обжига (*Betina, Skaltsa*, 2018. Р. 59–61).

Нанесение обмазки — метод не всегда сознательный и может быть частью последнего этапа изготовления сосуда, когда мастер заглаживает стенки влажной глиняной суспензией, оставшейся на руках, то есть глиняным составом, сходным с основной массой изделия. Слой мог наноситься на сосуд, когда тот пребывал в пластичном или полусухом состоянии (*Глушков*, 1996). После завершения формовки его частично протирали мокрой тряпкой, в результате чего создавалась более плотная и гладкая поверхность, покрытая своеобразной глиняной эмульсией. В процессе обжига влага по всей толщине стенки выходила наружу, увлекая за собой мельчайшие частички теста, что еще больше уплотняло поверхность. В процессе обжига мелкие частички глиняной поверхности быстрее реагировали на температурные изменения и характер среды (*Сайко*, 1982. С. 145). Соответственно при изучении подобных образцов в шлифах будет наблюдаться одинаковый минералогический состав поверхностного и основного слоев, а также параллельная ориентация пор и частиц в слое обмазки.

Примером сосуда с обмазкой является образец № 281 (рис. 5, 1), полученный с амфоры изолированной формы 330–310-х гг. до н. э. из погребения 381 в восточного могильника Старокорсунского городища 2⁸. Отличительной особенностью данного образца является наличие зональности. На фотографии шлифа хорошо заметна зона, где полностью отсутствует карбонатное вещество

⁸ Ранее была отнесена к продукции Книда, однако по результатам петрографических исследований не попадает в эту группу, см.: *Монахов и др.*, 2022. С. 147, Кп. 31; *Кузнецова и др.*, 2022. Р. 139–151; *Кузнецова, Шелепов*, 2023. С. 270; 2024.

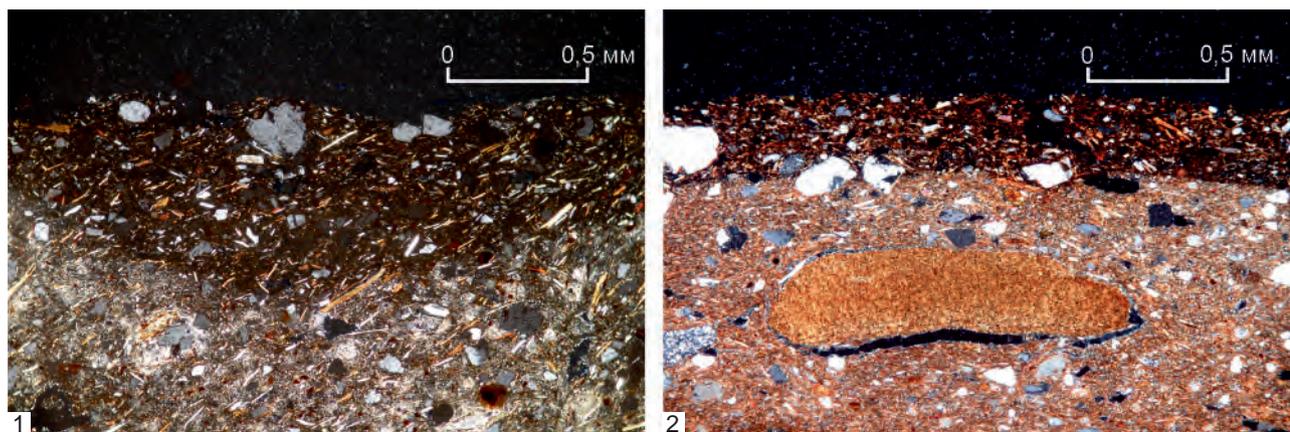

Рис. 5. Фото шлифов сосудов с обмазкой: 1 — образец № 281, с характерной зональностью; 2 — образец № 270, зональность по верхней поверхности

Fig. 5. Photographs of vessels' thin sections with coating: 1 — sample No. 281, with characteristic zoning; 2 — sample No. 270, zoning on the upper surface

при одинаковом минералогическом составе обеих зон, таким образом очевидно, что тесто имеет одинаковый минералогический состав во внешнем и внутреннем слоях. Кроме того, обломки чешуек слюд и амфиболов в основной массе расположены хаотично, но ближе к краевой части образца приобретают субпараллельную направленность и, вероятнее всего, являются результатом физического воздействия на тесто при нанесении обмазки. Следует особо подчеркнуть, что подобная зональность фиксируется лишь с одного края черепка. Внешняя зона без карбонатного вещества, скорее всего, является обмазкой по внешней поверхности уже сформированного и подсушенного изделия. Отсутствие карбонатного вещества во внешнем слое может свидетельствовать об особенностях его обжига, поэтому мы можем предположить, что карбонат разрушился во время обжига. Однако учитывая небольшую толщину слоя обмазки (не превышающую 1,5 мм) и сохранность карбоната под ней, версия о его искусственном добавлении в состав основной массы в качестве отощителя является более предпочтительной.

Нечто похожее мы можем наблюдать у образца № 270 (рис. 5, 2), полученного с фрагментированной квидской амфоры второй половины IV в. до н. э. из ямы 4/1988 г. Елизаветовского городища⁹. При рассмотрении шлифа при различном освещении четко видна зональность: по внешней поверхности черепка тесто имеет другой цвет, не отличаясь при этом от основной массы. Вме-

сте с тем мы видим отдельные частицы, которые одновременно интегрированы и в основную массу, и в поверхностный слой. Основная масса образца представлена тесным срастанием дегидрированных гидрослюдисто-глинистых минералов и выделений гидроокислов железа. В ней присутствует много бесцветной слюды (мусковита) с субпараллельной ориентацией, а также обломочный материал пелитовой фракции (около 10 %), который, резорбируясь, сливается с основной массой. Из-за этого невозможно уверенно утверждать, что внешняя часть сосуда была покрыта обмазкой или ангобом. В то же время можно предположить, что обмазка наносилась по уже достаточно подсушенному сосуду, что не привело к смещению крупных частиц. Примеры петрографических шлифов фрагментов изделий, на поверхности которых присутствует ангоб, в нашей выборке отсутствуют.

Последний этап изготовления керамики связан с обжигом готового изделия. При кажущейся простоте он вносит наибольшие изменения в структуру теста сосуда. Так, в зависимости от условий обжига (восстановительная или окислительная среда), температуры, времени температурного воздействия происходят сложные многостадийные процессы: изменение количества и морфологии порового пространства, дегидратация и преобразование минерального состава формовочной массы, изменения в обломочной и привнесенной составляющих, появление новообразованных минералов и многое другое. О температуре обжига сосуда могут свидетельствовать видимые изменения минералов, такие как

⁹ С клеймом КЛЕΩ (Монахов, 2003. С. 29, табл. 16, 4 — в публикации отнесена к продукции Самоса).

превращение слюды в гидрослюда, перекристаллизация карбоната, пелитизация плагиоклаза, оплавленность зерен кварца, измененность полевых шпатов и др. (Сайко, Кузнецова, 1977. С. 24–26; Внуков, 2006. С. 54, 55; Глушков и др., 1999. С. 155, 156; Reedy, 2008. Р. 185). Определенные минералы и включения горных пород меняют цвет или разрушаются при обжиге, поэтому также могут использоваться в качестве критериев при изучении петрографических шлифов. Например, амфиболы могут менять цвет от зеленого до коричневого при температуре около 750 °С. Вероятно, это происходит из-за окисления железа внутри минерала и, следовательно, не происходит при той же температуре в керамике при восстановительном обжиге. Серпентинит и глауконит меняют цвет, но при гораздо более низких температурах (<600 °С). Слюда также может претерпевать изменения во время обжига и в конечном итоге разрушаться, при этом биотит теряет свой плеохроизм, а более крупные кристаллы отделяются вдоль плоскостей их расщепления (Quinn, 2022. Р. 269). Получается, что изучение технологий обжига в керамической петрографии сосредоточено на двух основных параметрах — максимальной температуре и особенностях среды.

Однако данные петрографии для реконструкции температуры обжига также представляются весьма ограниченными. К примеру, при изучении низкотемпературных изделий (до 600–700 °С) петрографический метод, как правило, не срабатывает. Это связано с тем, что основные минеральные компоненты керамики дают оптические индикаторы температурных изменений начиная с 730–750 °С (Глушков и др., 1999. С. 158). В таких случаях петрография может применяться вместе с другими методами изучения археологической керамики — сканирующей электронной микроскопией (SEM) и рентгеновской дифракцией (XRD) для определения характеристик конкретных минералов, присутствующих в обожженной керамике (Quinn, 2022. Р. 266).

Но все же петрографические шлифы предоставляют исследователям сведения о различных характеристиках минерального состава керамики, которые могут свидетельствовать о разных температурных режимах в процессе обжига. Рассмотрим несколько примеров.

Образец № 272 (рис. 6, 1) был взят с амфоры косского производства первой трети III в. до н. э., найденной на усадьбе 7 поселения Панское 1. Полученный шлиф имеет бледный цвет, что говорит о невысоком содержании железа в исходной

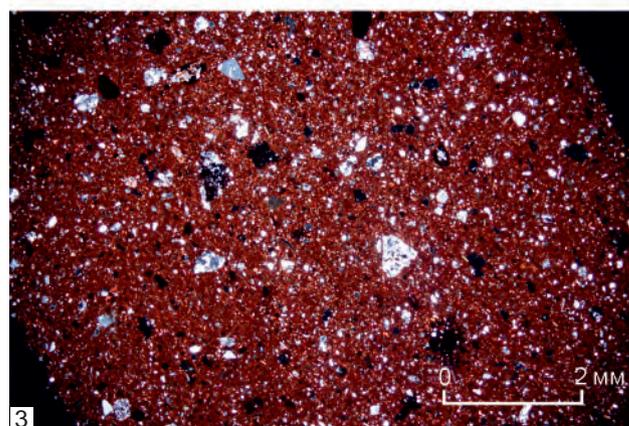
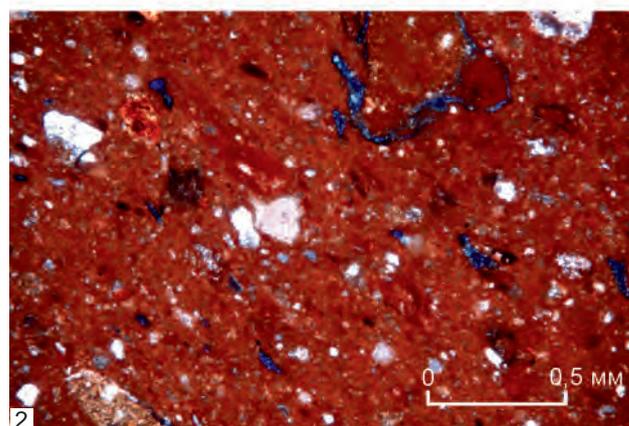
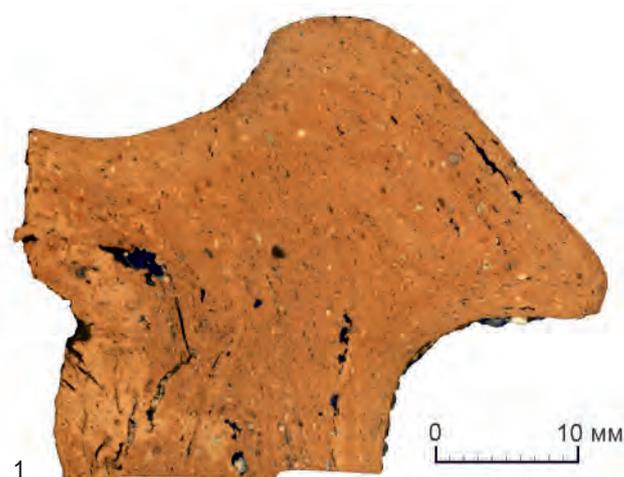

Рис. 6. Различные температурные режимы обжига на фото шлифов и аншлифов: 1 — образец № 272, температура обжига около 750 °С; 2 — образец № 18, температура обжига около 800–850 °С; 3 — образец № 158, температура обжига около 900 °С

Fig. 6. Different temperature modes of firing on the photo of slides and thin sections: 1 — sample No. 272, firing temperature about 750 °С; 2 — sample No. 18, firing temperature about 800–850 °С; 3 — sample No. 158, firing temperature about 900 °С

массе либо о недостаточной температуре для его перехода в более красные тона. В пользу второго предположения свидетельствует то, что сгустки гидроокислов в основной массе темно-коричневые, непрозрачные, без следов и каемок разложения. В основной массе рассеяно большое количество мелкодисперсного карбоната хорошей сохранности, что позволяет говорить о невысокой температуре обжига — около 750 °С.

Иную ситуацию можно наблюдать в образце № 18 (рис. 6, 2), полученном с квидской амфоры «пифоидного» варианта последней трети IV — начала III в. до н. э.¹⁰ Основная масса образца представлена срастанием тонкочешуйчатой смеси гидрослюдисто-глинистых минералов и выделений гидроокислов железа. Карбонатное вещество рассеяно по всей основной массе. Также наблюдаются многочисленные включения пелитоморфного известняка (кальцита) неправильной овальной формы различной степени измененности. Эти включения претерпели процесс декарбонатизации, что отражается в помутнении карбонатного вещества. Отмечаются включения овальной формы, окруженные каймой усадки, образовавшейся в процессе обжига основной массы. Присутствие остатков карбонатного вещества, степень его изменения, а также свежесть плагиоклазов позволяют предположить, что режим обжига не превышал 800–850 °С.

Еще более заметные изменения можно наблюдать в образце № 158 (рис. 6, 3), который был взят с амфоры неустановленного средиземноморского центра производства 360-х гг. до н. э., происходящей из погребения 88 Прикубанского некрополя (Монахов и др., 2021. С. 215, Уп. 3). Основная масса образца красно-коричневого цвета представлена глинисто-слюдистыми минералами с округлыми выделениями гидроокислов железа. Часто встречаются не диагностируемые, округлые, изотропные, практически не реагирующие на поляризованный свет обособления вещества аморфной структуры. Поскольку у некоторых обособлений наблюдаются каемки усадки, можно сделать предположение, что аморфизация вещества произошла при повышенных температурах — около 900 °С.

На основании этих замечаний можно сказать, что керамическая петрография является весьма результативным методом изучения технологии керамического производства.

С одной стороны, она предоставляет данные о технической стороне организации самого производства (минералогическом составе и количестве добавляемого в глину отощителя, особенностях формовки и температуре обжига сосудов), что позволяет говорить о характеристиках уже готового изделия. Так, в зависимости от того, какое изделие планируется изготовить, сырье или обогащают, добавляя огнеупорную глину, или делают более тощим, смешивая с песком. Для более тонкой продукции требуется более жирная глина, для крупных изделий с массивными частями используется сырье более тощее, иначе при обжиге изделие может лопнуть (Водянина, 2004. С. 17, 18). При этом поровое пространство является прямым индикатором технологии формовки гончарного изделия.

С другой стороны, изучение технологии керамического производства на основании петрографических шлифов может привести и к более широким выводам. Так, изучение минерального состава отощителя и соотнесение его с геологией того или иного центра производства могут внести изменения в определение локализации производства некоторых сосудов. В целом подобные данные должны расширить наше представление о региональных производственных традициях и их изменении на протяжении определенного промежутка времени, что также должно предоставить существенные сведения о локализации производства и датировке амфорной тары. Но это возможно сделать только при исследовании и сопоставлении целой серии образцов различных центров производства, с использованием единого механизма проведения археоминералогических исследований и стандарта описания и публикации материалов по керамической петрографии.

Кроме того, нельзя забывать, что производство керамики являлось лишь начальным этапом ее длительной истории существования, за которым следовало непосредственное использование сосуда, а также его последующее залегание в культурном слое. Все это неизбежно отражалось и на минеральном составе глины, который изменялся под воздействием окружающей среды. В таких обстоятельствах керамическая петрография может быть применима лишь в ряде случаев, к примеру, если содержимое сосуда содержит растворенные соли или минералы, которые оседают на его стенках во время использования, а потому могут проявляться и в шлифах. Кроме того, хранение в керамическом изделии некоторых жидкостей (например, уксуса) потенциально может

¹⁰ Обнаружена в 1981 г. в погребении 25 некрополя Горгиппии конца IV в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 444–446, табл. 193, 1; 2003. С. 106, табл. 73, 5).

привести к растворению минеральных включений (например, кальцита) в составе керамического теста (Quinn, 2022. P. 278–285).

Также минеральный состав может меняться при залегании керамики в культурном слое — под воздействием грунтовых вод или морской воды в случае с кораблекрушениями. Образовавшийся таким образом глинистый или известковый осадок будет виден и в петрографических шлифах, что в ряде случаев можно спутать с преднамеренной обработкой поверхности гончаром. Но подобный осадок, как правило, распределен на стенках сосуда неравномерно¹¹. При этом

¹¹ В последние годы эта тема рассматривалась в ряде работ, см., например: Miše et al., 2021. Основные

во время камеральной обработки найденных сосудов глинистый или известковый осадок принято удалять с помощью слабого раствора кислоты. Эта процедура также может влиять на минеральный состав керамики, растворяя известковые включения и увеличивая пористость черепков (Quinn, 2022. P. 288). Изменения в глиняном тесте, произошедшие уже в готовом изделии, необходимо учитывать при проведении петрографических анализов, поскольку они могут существенно отразиться на достоверности полученных выводов.

методологические замечания по этому поводу изложены в обстоятельной монографии П. Квинна: Quinn, 2022.

Бердников, 2014 — Бердников И. М. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования: учебное пособие / Под ред. И. М. Бердникова, Д. Н. Лохова. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2014. 163 с.

Борисова, 1958 — Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144–153.

Внуков, 2006 — Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. СПб.: Алетей, 2006. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. 320 с.

Водянина, 2004 — Водянина Л. К. Керамика. Сырьевые материалы: учебно-методическое пособие / Под ред. Л. К. Водяниной, Е. А. Сотниковой, Н. А. Фоминой. Благовещенск: Амурский ГУ, 2004. 25 с.

Глушков, 1996 — Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.

Глушков и др., 1999 — Глушков И. Г., Гребеничиков А. В., Журиховская И. С. Петрография археологической керамики: проблемы, возможности, перспективы // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А. А. Бобринского. Самара: Самарский гос. педагог. ун-т, 1999. С. 150–166.

Кац и др., 2005 — Кац В. И., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фонталовского полуострова // Четвертая кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика, 2005. С. 107–118.

Круг, 1965 — Круг О. Ю. Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки: Сб. / Под ред. Б. А. Колчина. М.: Наука, 1965. С. 146–151.

Кузнецова, Растегаева, 2022 — Кузнецова Е. В., Растегаева М. Н. Петрографическое изучение глин амфор:

характеристика коллекции образцов // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Материалы Всерос. науч. конф. (Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.) / Отв. ред. А. В. Зайков. Симферополь: Антиква, 2022. С. 109–113.

Кузнецова, Шелепов, 2023 — Кузнецова Е. В., Шелепов Д. А. Петрографическое исследование глин квидских амфор // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. В. А. Хршановского, В. Б. Жижиной-Гефтер, Н. К. Жижиной, С. В. Кашаева, О. Ю. Соколовой. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 265–272.

Кузнецова, Шелепов, 2024 — Кузнецова Е. В., Шелепов Д. А. Минералого-петрографическое исследование формовочной массы квидских амфор // МАИАСП. 2024 (в печати).

Кузнецова и др., 2022 — Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю. Погребение с квидскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2 // КСИА. 2022. № 267. С. 139–151.

Кузнецова и др., 2023 — Кузнецова Е. В., Шелепов Д. А., Андрушкевич С. О. Петрографический анализ формовочной массы амфор из погребения № 381в могильника Старокорсунского городища № 2 // КСИА. 2023. Вып. 272. С. 276–289.

Куклина, Андрушкевич, 2021 — Куклина А. А., Андрушкевич О. Ю. Особенности отбора и подготовки сырья гончарами Болгара: результаты петрографического анализа // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 122–129.

Кулькова и др., 2018 — Кулькова М. А., Смекалова Т. Н., Федосеев Н. Ф. Петрографические методы исследования античной керамики. Обзор исследований и некоторые результаты // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве

- античного мира: Материалы междунар. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. 2 / Под ред. В. Ю. Зуева, В. А. Хршановского. С. 297–304.
- Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов: Саратовский университет, 1999. 680 с.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммериды; Саратовский университет, 2003. 352 с.
- Монахов и др., 2021 — Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов: Волга, 2021. 324 с.
- Монахов и др., 2022 — Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022. 304 с.
- Растегаева, 2022 — Растегаева М. Н. Керамическая петрография: история метода и современное состояние // МАИАСП. 2022. № S1. С. 110–125.
- Сайко, 1982 — Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 210 с.
- Сайко, Кузнецова, 1977 — Сайко Э. В., Кузнецова Л. В. Методологические основы исследования древней керамики. М.: Информационный центр по проблемам культуры и искусства, 1977. 50 с.
- Цетлин, 1997 — Цетлин Ю. Б. Основные направления изучения технологии древней керамики за рубежом // РА. 1997. № 3. С. 83–92.
- Цетлин, 2012 — Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Betina, Skaltsa, 2018 — Betina L., Skaltsa S. Clays, amphoras and workshop locations of ancient Rhodes // *Skyllis*. 2018. Vol. 1. P. 50–66.
- Hoffmann, Böhm, 1965 — Hoffmann H., Böhm P. Wasserschale im Feuerungskanal eines korinthischen Töpferofens // *Bei Töpfern und Ziegeln in Suditalien, Sizilien und Griechenland* / Eds. R. Hampe, A. Winter. Mainz: Verlag des Römischen Germanischen Zentralmuseums, 1965. S. 226–235.
- Jones, 2021 — Jones R. The decoration and firing of greek pottery: a review of recent investigations // *Advances in archaeomaterials*. 2021. Vol. 2. P. 67–127.
- Miše et al., 2021 — Miše M., Quinn P. S., Glascock M. D. Lost at sea: Identifying the post-depositional alteration of amphorae in ancient shipwrecks // *Archaeological Science*. 2021. Vol. 134. P. 1–16.
- Orton et al., 1993 — Orton T., Tyers P., Vince A. *Pottery in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 280 p.
- Quinn, 2022 — Quinn P. S. *Thin section petrography geochemistry and scanning electron microscopy of archaeological ceramics*. Oxford: Archaeopress, 2022. 466 p.
- Reedy, 2008 — Reedy C. L. *Thin-Section Petrography of Stone and Ceramic Cultural Materials*. London: Archetype Publications, 2008. 256 p.
- Rye, 1981 — Rye O. S. *Pottery Technology. Principles and reconstruction. Manuals on archaeology*. Washington D. C.: Taraxacum, 1981. 150 p.
- Shepard, 1956 — Shepard A. O. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington D. C.: Carnegie Institution of Washington, 1956. 414 p.
- Velde, Druc, 1999 — Velde B., Druc I. C. *Archaeological Ceramic Materials*. Berlin: Springer-Verlag, 1999. 299 p.
- Whitbread, 1986 — Whitbread I. K. *The Characterization of Argillaceous Inclusions in Ceramic Thin Sections* // *Archaeometry*. 1986. Vol. 28. P. 79–88.
- Williams, 1979 — Williams D. F. *Ceramic Petrology and the Archaeologist* // *Pottery and the Archaeologist* / Ed. M. Millet. London: Institute of Archaeology Occasional Publications, 1979. P. 73–76.

Technology of production of antique ceramics according to petrography

E. V. Kuznetsova, M. N. Rastegaeva, D. A. Shelepov¹²

Keywords: ceramic petrography, archaeological source study, technology of production of ancient ceramics, scientific methods.

Ceramic containers serve as an important source for the history of trade relations and economy of the ancient Greek centres of the Northern Black Sea region and the Mediterranean; they also provide the main material

¹² Evgenia V. Kuznetsova, Marija N. Rastegaeva, Dmitriy A. Shelepov — Saratov State University; Saratov, Russia; e-mail: ev_kuznetsova@list.ru, marija.rastegaeva1698@gmail.com, shelepov-dmitriy@mail.ru.

for archaeological dating. Examining the issues of amphora imports, researchers deal with already finished vessels, while the processes of pottery production are often reconstructed from indirect sources (fig. 1). Ceramic petrography provides a clearer picture of the production chain's stages. In this article these stages have been examined on the basis of the example of thin sections obtained from the amphorae of Knidos, Kos, Rhodos and some other Mediterranean centers of production. The initial processing of the raw material by the potter consisted in the preparation of the clay paste, which should improve the technological characteristics of the mass (plasticity, shrinkage capacity, heat resistance, impact resistance, etc.). In the samples obtained, this stage was examined on the example of mineral additives present in the ceramic paste — natural (fig. 2, 1–5) and artificial non-plastic inclusions (fig. 3, 1–6). The second stage consisted in the direct moulding of the vessel, which implied mechanical impact of the potter on the clay mass. In thin sections, the peculiarities of this process can be traced on the basis of the quantity and morphology of the pore space of the finished product (fig. 4, 1–5), as well as by the engobe or clay coating applied to the clay (fig. 5, 1–2). The last stage of the production chain was the firing of the vessel, during which, depending on conditions, temperature and time, complex multistage processes of changing the mineral composition of the ceramic mass took place. Visible transformations of minerals (fig. 6, 1–3), as well as changes in clastic and introduced components (fig. 4, 4–5) can testify to the firing temperature of the vessel. The obtained results allow us to say that ceramic petrography is a very effective method of studying ceramic production technology. Such analyses provide information on the mineralogical composition and the amount of the non-plastic inclusions added to the raw material, on the peculiarities of the vessels' moulding and firing temperature, which can be further used in the study of production traditions in individual centres of ceramic production. However, significant conclusions can be obtained only by studying and comparing a whole series of samples, using a single technique of archaeomineralogical research.

Южная часть раннесредневекового Рюрикова городища (по материалам раскопок 1960-х гг.)¹

А. В. Плохов²

Аннотация. Статья посвящена публикации результатов археологических работ С. Н. Орлова, М. Д. Полубояриновой и Н. П. Пахомова на южном берегу Сиверсова канала в 1960-х гг. В работе анализируются все имеющиеся архивные материалы и находки из музейных коллекций. Полученные данные расширяют и дополняют имеющуюся информацию о хронологии и социально-топографической структуре поселения.

Ключевые слова: Рюриково городище, раннее Средневековье, эпоха викингов, С. Н. Орлов, М. Д. Полубояринова, Н. П. Пахомов.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-298-326

Рюриково городище занимает на правом берегу Волхова первое от озера Ильмень всхолмление, которое расположено в месте, где в древности от реки отделялся один из ее рукавов — Малый Волховец. В IX–X вв. это поселение было важным военно-административным и торгово-ремесленным центром всего Приильменя. В это время оно охватывало значительную площадь городищенского холма, а также низменный мысовой участок. Через последний в 1798–1803 гг. был проложен Сиверсов канал, уничтоживший к настоящему времени основную часть культурного слоя в этом месте. Это, безусловно, является большой утратой для науки, поскольку только здесь были отмечены стратифицированные отложения, содержащие органические материалы, в том числе остатки различных деревянных построек.

Поиски мест с ненарушенными культурными напластованиями постоянно приводили ученых на левый, южный, берег Сиверсова канала. Здесь проводили раскопки почти все археологи, рабо-

тавшие на Рюриковом городище. В 1929 г. на мысу южнее канала находилась одна из двух траншей, заложенных в ходе небольших разведывательных работ на Городище экспедиции ГИМ под руководством А. В. Арциховского (Арциховский, 1930. С. 28–30). 4 июня 1934 г. с раскопа на южном берегу Сиверсова канала начал свои многолетние работы на памятнике М. К. Каргер (Каргер, 1934. Л. 9). Недалеко от траншеи Арциховского он исследовал культурный слой на раскопе площадью 40 кв. м (Каргер, 1941. С. 20–22; 1947. С. 146–148). На следующий год Г. П. Гроздилов заложил новый раскоп площадью 124 кв. м, примыкающий к участку, изученному М. К. Каргером, с севера (Гроздилов, 1936; 1940). В 1960-х гг. здесь работали С. Н. Орлов, М. Д. Полубояринова, Н. П. Пахомов, а в 1975, 1979, 1980, 1983, 1993–1996 гг. проводила раскопки Новгородская областная экспедиция ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова (Носов, 1990; Носов и др., 2017).

Данная статья посвящена работам 1960-х гг. Материалы исследований этих лет уже были в той или иной степени введены в научный оборот (Пахомов, 1970; Полубояринова, 1972; Орлов, 1973а; Носов, 1990. С. 30, 33, 34). Новое обращение к ним связано не столько с необходимостью более полной публикации, сколько с их важностью для уточнения стратиграфии и планиграфии раннесредневекового поселения в этой части Рюрикова городища.

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF–2022–0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: a_plokhov@mail.ru.

© Плохов А. В., 2024

Следует отметить, что главной проблемой при работе с раскопами разных лет в южной части Городища является отсутствие их точной топографической привязки к какой-либо реперной точке. Они соотносились лишь с береговой линией (которая не только изменилась за прошедшие десятилетия, но и продолжает постоянно меняться в зависимости от уровня воды в Волхове), а расстояния устанавливались без помощи измерительных приборов. Археологические исследования были сосредоточены в основном на изучении культурных отложений по южному берегу Сиверсова канала, который постоянно разрушается в половодье. В 1963 г. С. Н. Орлов отмечал, что «в период весенних паводков вода в канале повышается на 3–4 м и интенсивно размывает толщу культурного слоя, вызывая к тому же оползни и осыпи» (Орлов, 1963а. Л. 27)³. По нашим наблюдениям, только за 11 лет, с 1983 по 1994 г., водами канала было смыто более 1,5 м культурного слоя (Носов и др., 2017. С. 196, 197). В результате ежегодного расширения канала места раскопов 1960–1970-х гг. в настоящее время находятся в пределах его русла.

Раскопки С. Н. Орлова

В первой половине 1960-х гг. охранные работы на Городище после значительных подъемов воды проводил С. Н. Орлов (Орлов, 1973а). В 1961 г. при посещении памятника исследователем были обследованы берега Сиверсова канала и собран подъемный материал из разрушенного культурного слоя. В береговых откосах С. Н. Орловым были отмечены мощные культурные отложения толщиной до 1,5 м с остатками деревянных построек и большим количеством находок, причем нижние слои, по его наблюдениям, содержали только лепную керамику (Орлов, 1961. Л. 27). Он полагал, что в южной части Городища, между руслом Малого Волховца и каналом, «культурные отложения древних периодов просматриваются на полосе длиной около 100 м и шириной 20–30 м» (Орлов, 1973а. С. 77)⁴. Наличие на памятнике лепных горшков, аналогичных посуде

³ О разрушении памятника «в связи с постоянными оползнями при весенних паводках» неоднократно писал также Н. П. Пахомов (Пахомов, 1968. Л. 1; 2020. С. 80–82).

⁴ В полевом отчете 1963 г. С. Н. Орлов написал, что «остатки культурного слоя с древнейшими отложениями раннеславянского поселения 8–9 вв., а может быть и более ранних веков, сохранились на левом берегу канала при его впадении в Волхов в виде узкой полосы, не более 15–20 м ширины и на длину 60–70 м» (Орлов, 1963а. Л. 26).

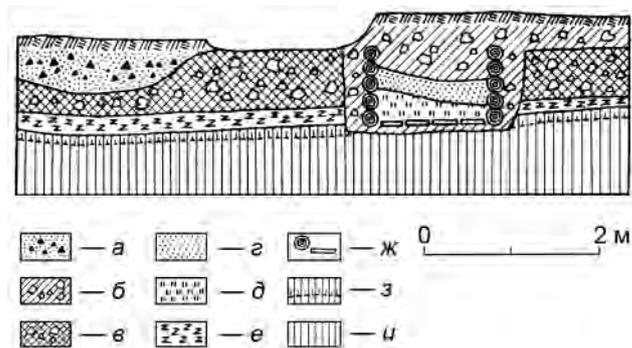

Рис. 1. Рюриково городище. Зачистка 1 С. Н. Орлова 1963 г. на южном берегу Сиверсова канала (а — зола с углем; б — перемешанный песок, глина, поздний кирпич; в — темный плотный перегной с битым кирпичом; г — песок; д — рыхлый темно-коричневый перегной с песком; е — плотный, сухой темно-коричневый перегной с органическими остатками; ж — дерево; з — предматерик (темный суглинок); и — материк (серая глина)) (Орлов, 1963а. Альбом. Л. 22)

Fig. 1. Rurikovo Gorodishche. Rabotage No. 1 by S. N. Orlov, 1963. on the southern bank of the Sivers Canal (a — ash with coal; б — mixed sand, clay, late brick; в — dark dense humus with broken brick; г — sand; д — loose dark brown humus with sand; е — dense, dry dark brown humus with organic remains; ж — wood; з — pre-virgin soil (dark loam); и — virgin soil (grey clay)) (Орлов, 1963а. Альбом. Л. 22)

из «нижних горизонтов Земляного городища Старой Ладogi», позволило ученому считать несомненным присутствие на нем напластований, предшествующих возникновению Новгорода (Там же. С. 79).

В августе 1963 г. С. Н. Орлов провел на памятнике «трехдневные охранные археологические работы» (Орлов, 1963а. Л. 26–31)⁵. В обресе южного берега Сиверсова канала «в 52 м от русла Волхова» исследователем были зафиксированы обнаружившиеся стенки небольшого бревенчатого сруба, сохранившегося на высоту пяти венцов, с полом из толстых досок (рис. 1). Сооружение было впущено в толщу культурного слоя и «перекрыто поздними отложениями с кирпичом XVIII в.»

⁵ Отчет об этих работах находится в НОА ИА РАН. В отделе хранения и изучения археологических коллекций НГОМЗ представлены десять фрагментов керамики (КП 16898; НВ 21142/ 788, 830, 832), а в отделе хранения и изучения письменных источников НГОМЗ имеется несколько полевых фотографий, дневник с записями о работах 1963 г. на Городище, опись находок, а также рукопись статьи С. Н. Орлова об исследованиях на памятнике, изданной в 135-м выпуске КСИА АН СССР.

(Там же. Л. 28; 1973. С. 78). Ученый предположил, что этот сруб был погребом⁶.

По обе стороны от остатков этого сооружения С. Н. Орлов сделал зачистку берега длиной в 7 м. В результате зачистки была выяснена стратиграфия культурных отложений в данном месте. К востоку от сруба, по наблюдениям исследователя, она была следующей: в верхней части под дерном «до глубины 0,6 м залегал слой темного перегноя с обломками кирпичей»; под этим слоем находилась «прослойка интенсивного пожара (толщиной до 0,05 м)»; ниже во всю длину зачистки зафиксирован слой «темно-коричневого цвета с органическими остатками (щепы, солома, кости животных)» мощностью 0,3 м; над материковой глиной была прослежена «темная прослойка из суглинка (толщиной не более 0,1–0,15 м)» (Орлов, 1963а. Л. 28, 29; 1973. С. 78).

При зачистке берегового откоса были изучены культурные отложения на ширину около 0,5 м. В полевом отчете С. Н. Орлова говорится, что при этом было найдено 68 обломков керамики. «В нижнем слое с органическими остатками, в предматериковом суглинке и особенно в прослойке пожара в основании темного перегноя встречалась только лепная, грубо изготовленная керамика» со слабой профилировкой и без орнаментации (Орлов, 1963а. Л. 29)⁷. Это заключение несколько противоречит данным, представленным в описи находок. В ней написано, что из слоя «коричневого перегноя в основании культурного слоя» кроме лепных фрагментов происходят фрагменты трех стенок гончарных сосудов с линейным орнаментом, а в слое «темного перегноя со следами пожара над навозом, который лежал на материке», найден обломок венчика слабопрофилированного лепного горшка «с орнаментом из слабых защипов по плечу»⁸ (Орлов, 1963б.

⁶ В полевом отчете С. Н. Орлов датировал погреб XVII в., хотя в тексте отмечено, что никаких находок внутри него не обнаружено (Орлов, 1963а. Л. 28). Скорее всего, открытый исследователем сруб является частью оборонительных сооружений Великой Отечественной войны, остатки которых были также зафиксированы в мысовой части Рюрикова городища при работах М. Д. Полубояриновой и Н. П. Пахомова.

⁷ Об обнаружении исключительно лепной керамики в слое с органическими остатками говорится и в публикации (Орлов, 1973а. С. 78).

⁸ В публикации к слою «с органическими остатками» отнесены три фрагмента, представленные на рис. 26 (Орлов, 1973а. С. 78, рис. 26, 1–3). Однако, судя

№ Г-16, Г-16-1). Вполне возможно, что гончарные обломки попали в отложения «с органическими остатками» из вышележащего слоя «темного перегноя», в котором, по публикации С. Н. Орлова, собраны фрагменты «только гончарной керамики и один обломок киевской амфоры» (Орлов, 1973а. С. 78). Хотя, судя по описи, в этом слое «в западном конце зачистки» были встречены также обломки венчиков, стенок и придонных частей лепных горшков (14 фрагментов; Орлов, 1963б. № Г-23–Г-25). Здесь же были найдены фрагменты верхних частей горшка/ов с ограниченным краем венчика (рис. 2, 1, 2)⁹. По нашим представлениям, подобный тип круговых сосудов на Рюриковом городище датируется 70-ми гг. X в. (Плохов, 2023).

В том же 1963 г. С. Н. Орловым на южном берегу канала «на расстоянии 85 м от русла Волхова» была проведена «вторая зачистка». Верхняя часть культурных отложений в этом месте была смыта водой, но под корнями ивового куста сохранился останец слоя длиной 5–6 м и наибольшей шириной 1 м, представляющий собой «темно-коричневый перегной с органическими остатками» толщиной до 0,4 м, «насыщенный перегорелым камнем, золой, углями» (Орлов, 1963а. Л. 29, 30; 1973а. С. 78). Над материковой глиной здесь так же, как на месте первой зачистки, отмечена прослойка темного суглинка. При разборке темно-коричневого слоя была найдена только керамика: 17 обломков лепных и шесть фрагментов «раннегончарных» горшков¹⁰. Среди лепной посуды представлены верхние части сосудов, украшенных слабыми пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, а также отпечатками веревочки на палочке (рис. 2, 3–6). Следует отметить, что данные три элемента орнамента являются наиболее распространенными в декоре лепной посуды Рюрикова городища (Плохов, 2009. С. 72, табл. 1). Обломки

по полевым номерам, все они, в том числе и украшенный ногтевыми вдавлениями по плечу, происходят из второй зачистки.

⁹ Фрагменты данного сосуда в публикации ошибочно отнесены к находкам, полученным при разборке слоя темно-коричневого перегноя на месте второй зачистки (Орлов, 1973а. С. 78, рис. 26, б). Это единственные находки из первой зачистки, представленные в фондах НГОМЗ.

¹⁰ По описи при зачистке «обреза размытого берега» найдено 13 лепных и девять гончарных фрагментов (Орлов, 1963б. № Г-45–Г-65). В рукописи статьи С. Н. Орлов написал, что фрагменты гончарных горшков происходят из «верхних горизонтов останца» (Орлов, 1973б).

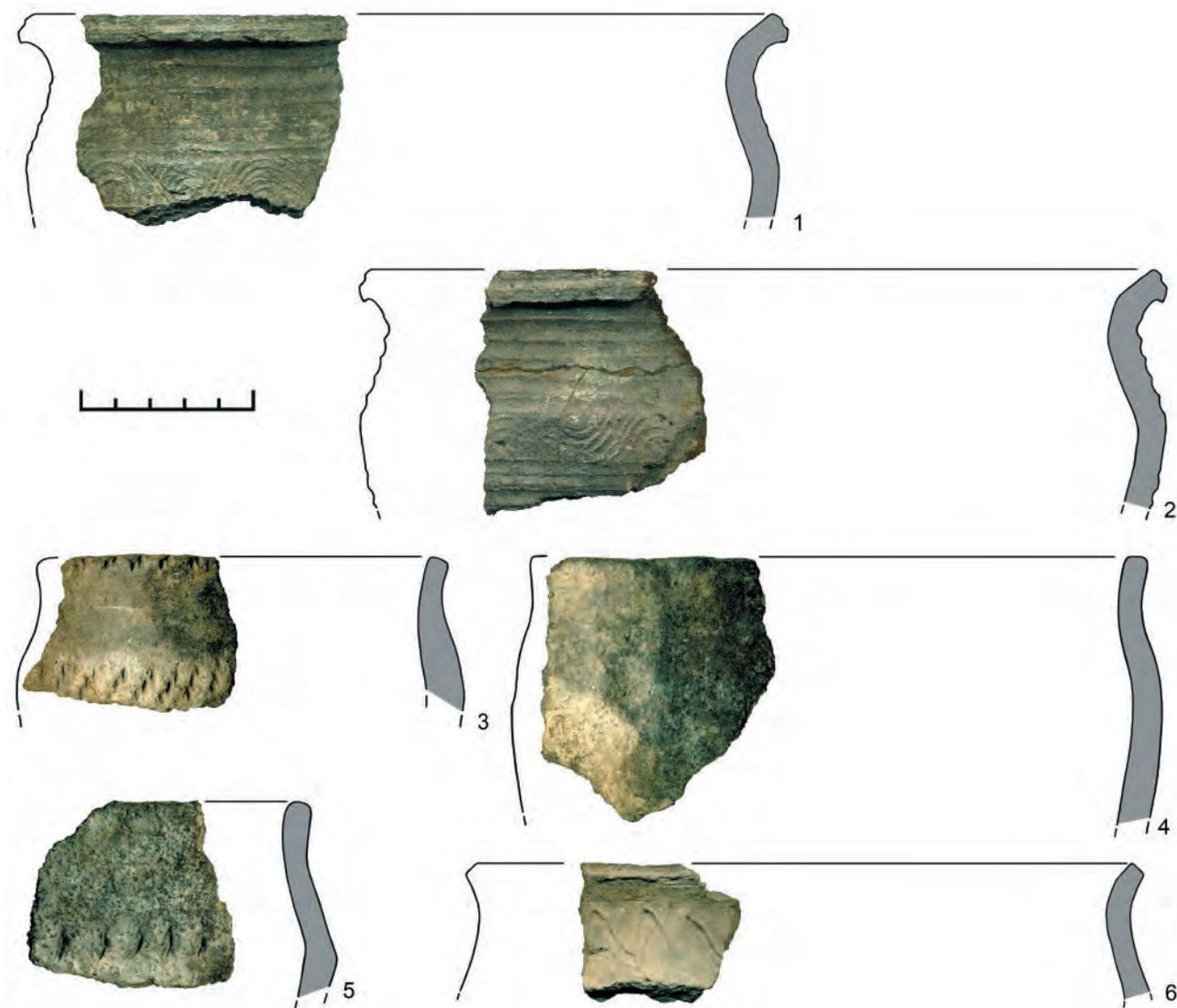

Рис. 2. Рюриково городище. Керамика из зачисток С. Н. Орлова 1963 г. на южном берегу Сиверсова канала: 1, 2 — первая зачистка; 3–6 — вторая зачистка

Fig. 2. Rurikovo Gorodishche. Ceramics from S. N. Orlov's rabotages of 1963 on the southern bank of the Sivers Canal: 1, 2 — rabotage No. 1; 3–6 — rabotage No. 2

горшков с неглубокими и слабозаметными отпечатками, нанесенными подушечками пальцев, расположенными на уровне наибольшего расширения тулова, в основном происходят с южного берега Сиверсова канала (Там же. С. 55, 56, табл. 1). Они представлены в материалах раскопа II 1969 г. Н. П. Пахомова, в раскопах 1975, 1980¹¹ и 1994–1995 гг. Новгородской областной экспедиции ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова, а также в шурфе, заложеном в 1983 г. М. В. Шориным¹².

¹¹ НГОМЗ, НВ 20588 и 20974.

¹² НГОМЗ, НВ 21142.

Раскопки М. Д. Полубояриновой

В июле 1965 г. на Городище провел раскопки отряд Новгородской археологической экспедиции под руководством М. Д. Полубояриновой. С целью поиска участков с «нетронутым культурным слоем <...> были заложены 4 шурфа на левом берегу Сиверсова канала и 2 шурфа — на правом» (Полубояринова, 1972)¹³.

¹³ Отчет находится в НОА ИА РАН. В фондах НГОМЗ в нескольких коллекциях (НГОМЗ, КП 25402/ А-26; КП 35043; НВ 21142) представлены вещевые находки, которые, согласно описям и этикеткам, найдены в ходе этих работ. Причем многие предметы не имеют точной привяз-

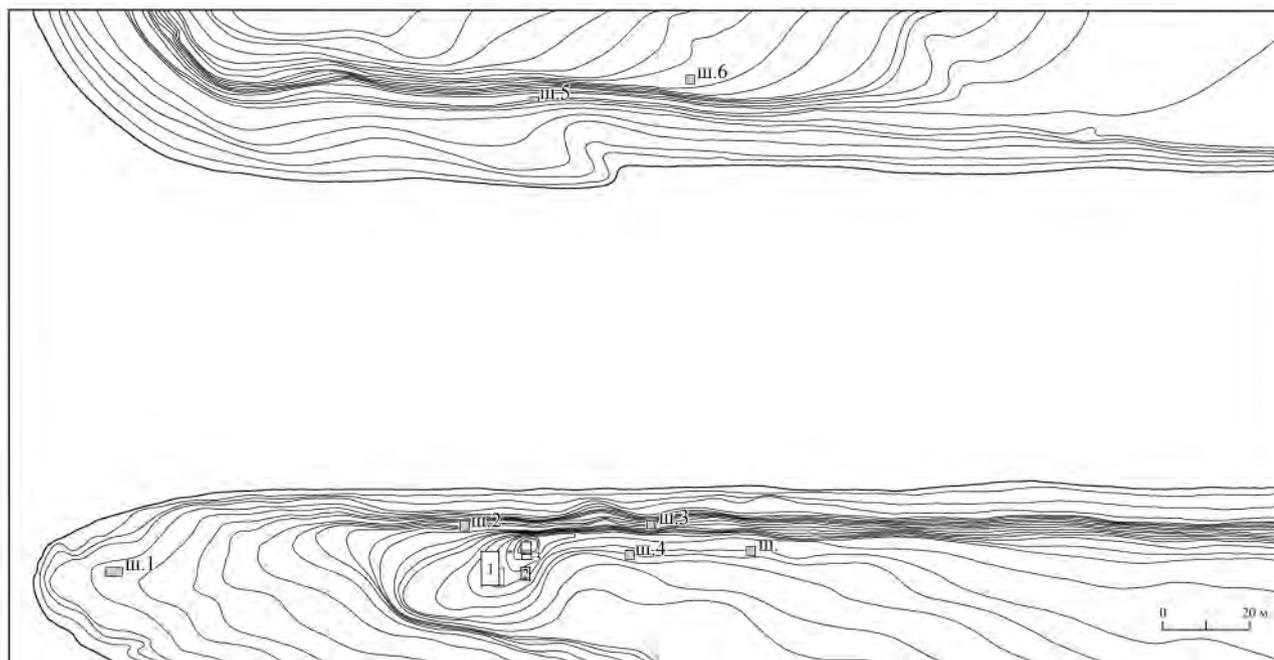

Рис. 3. Рюриково городище. Раскопки М. Д. Полубояриновой, 1965 г. План южной части с шурфами (ш.): 1 — дом; 2 — сарай; 3 — погреб (Полубояринова, 1965. Л. 8)

Fig. 3. Plan of the southern part of Rurikovo Gorodishche with pits by M. D. Poluboyarinova, 1965: 1 — house; 2 — barn; 3 — cellar (Полубояринова, 1965. Л. 8)

Первый из них (шурф 1) размерами 2 × 4 м, вытянутый с запада на восток, находился на мысу, на территории, затапливаемой в весеннее время (рис. 3). Культурный слой, представляющий песок с темной углистой прослойкой, имел толщину до 60 см. На материке были зафиксированы «незначительные остатки деревянного сооружения» (Полубояринова, 1965. Л. 1, 2; рис. 1; 1972. С. 218). При разборке этого слоя кроме обломков средневековой гончарной керамики, отнесенной М. Д. Полубояриновой к XII–XV вв., была встречена и лепная. По подсчетам исследовательницы, в нижнем, третьем, пласте обломков последней было в два раза больше, чем в двух верхних, хотя все равно в 15 раз меньше, чем круговой. Из вещевых находок к раннему периоду существования Городища можно отнести золотостеклянную «лимонку», хотя такие бусы бытовали в Новгороде и позже, до 30-х гг. XII в. (Лесман, 1984. С. 140).

Шурфы 2 и 3, согласно публикации, находились в 15 и 45 м к востоку от шурфа 1, но, если судить по плану, представленному в отчете, расстояние до них было около 78 и 116 м (рис. 3)¹⁴.

ки. Возможно, что часть находок из раскопок М. Д. Полубояриновой находится среди беспаспортных номеров.

¹⁴ В тексте отчета расстояния от шурфа 1 до шурфов 2 и 3 не указаны, отмечено только, что между

В этих местах сначала были сделаны зачистки берегового обрыва на протяжении 2 м, позволившие установить стратиграфию культурных отложений, а затем заложены шурфы, врезавшиеся в «толщину берега на 2,5 м» (Полубояринова, 1972. С. 218). В обоих шурфах под переотложенной в ходе строительства Сиверсова канала материковой глиной¹⁵ и тонкой прослойкой погребенной почвы были отмечены довольно значительные культурные напластования (рис. 4; 5)¹⁶. В нижней их части зафиксированы «черный плотный гумированный слой IV» и темно-коричневый слой V «с включениями навоза, со щепой, ореховой скорлупой» (Там же. С. 219, рис. 2)¹⁷.

последними 30 м (Полубояринова, 1965. Л. 6). Согласно плану (рис. 3), шурф 2, находился примерно в 5 м северо-западнее жилого дома, стоящего до середины 1970-х гг. в мысовой части Городища.

¹⁵ Очевидно, что шурф 2 был заложен восточнее первой зачистки С. Н. Орлова, поскольку там не был отмечен слой материковой глины, выброшенный на южный берег при строительстве канала.

¹⁶ В шурфе 3 их толщина составила 1,1–1,2 м (Полубояринова, 1965. Л. 4).

¹⁷ По М. Д. Полубояриновой, толщина черного слоя в шурфе 2 была до 0,3 м, а в шурфе 3 — 0,15–0,18 м, тогда как мощность темно-коричневого слоя — до 0,2 м

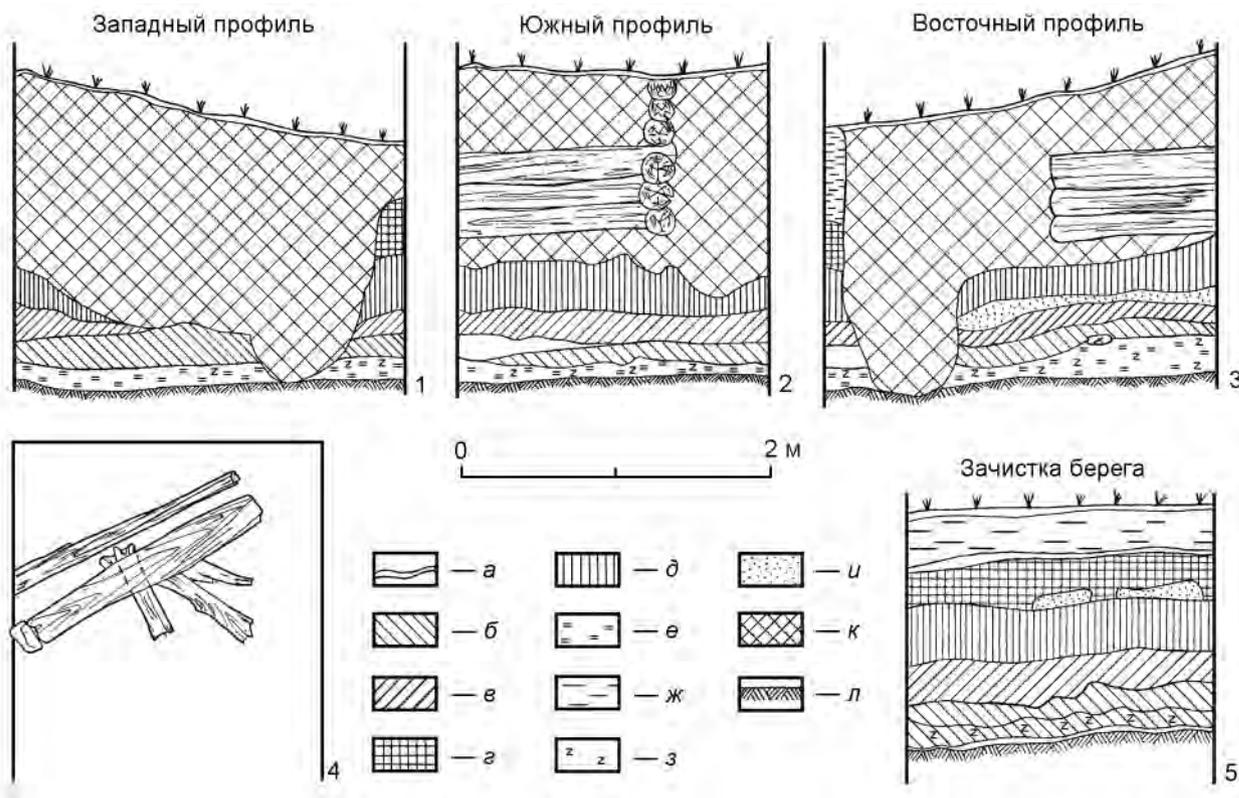

Рис. 4. Рюриково городище. Раскопки М. Д. Полубояриновой, 1965 г. Шурф 2: 1–3 — профили стенок; 4 — план; 5 — профиль зачистки берега (а — погребенная почва, б — темно-коричневый гумированный слой, в — черный слой, г — темно-серый плотный слой, д — светло-серый слой, е — серая глина, ж — желтая глина, з — щепа, и — песок, к — заполнение ямы, л — материк) (Полубояринова, 1965. Рис. II)

Fig. 4. Rurikovo Gorodishche. Pit No. 2 by M. D. Poluboyarinova, 1965: 1–3 — wall profiles; 4 — plan; 5 — shore cleaning profile (a — buried soil; б — dark brown humified layer; в — black layer; г — dark grey dense layer; д — light grey layer; е — grey clay; ж — yellow clay; з — wood chips; и — sand; к — pit filling; л — virgin soil) (Полубояринова, 1965. Рис. II)

В шурфе 2 культурные напластования, в том числе и черный слой, были нарушены при сооружении укреплений во время Великой Отечественной войны (рис. 4). Местами в сохранившемся темно-коричневом слое на материке зафиксированы «несколько бревен хорошей сохранности, одно из которых имеет продольный паз, и широкая доска, лежащая на подкладках» (рис. 4, 4; Полубояринова, 1972. С. 219, 220, рис. 2, 1). По данным М. Д. Полубояриновой, в этом слое преобладала лепная керамика, найдено 23 ее фрагмента, а гончарной посуды — семь. Среди вещевых находок в «слое навоза и щепы» были встречены две 14-гранные сердоликовые бусины (рис. 6, 1, 2), «стеклянная вставка перстня, следы двух разложившихся бронзовых

в шурфе 2 и до 0,3 м в шурфе 3 (Полубояринова, 1965. Л. 2, 3; рис. II, III; 1972. С. 219).

предметов, каменное рыболовное грузило» (Там же. С. 220)¹⁸.

В шурфе 3 в черном плотном слое с угольками было зафиксировано 160 фрагментов гончарной керамики, датированной автором раскопок по аналогиям X в.¹⁹, и 36 обломков лепной. Среди находок здесь представлены: половинка серебро-стеклянной «лимонки» (рис. 6, 4), «белая двухчастная» пронизка, часть бронзовой подковообразной фибулы (рис. 6, б), обломок костяного наборного

¹⁸ Места находок вставки и грузила не отмечены на плане слоя (Полубояринова, 1965. Рис. II; 1972. Рис. 2, 1). Вполне возможно, что они относятся к более позднему времени.

¹⁹ Судя по профилям гончарных сосудов, представленных в публикации (Полубояринова, 1972. Рис. 3, 2), часть сосудов относится к более позднему времени.

Рис. 5. Рюриково городище. Раскопки М. Д. Полубояриновой, 1965 г. Шурф 3: 1 — план; 2 — профиль стенок (а — темно-серый плотный слой; б — желтая глина; в — белая глина; г — светло-серый слой; д — темно-коричневый слой; е — погребенная почва; ж — навоз; з — щепы; и — черный слой) (Полубояринова, 1965. Рис. III)

Fig. 5. Rurikovo Gorodishche. Pit No. 3 by M. D. Poluboyarinova, 1965: 1 — plan; 2 — wall profile (а — dark grey dense layer, б — yellow clay, в — white clay, г — light grey layer, д — dark brown layer, е — buried soil, ж — dung, з — wood chips, и — black layer) (Полубояринова, 1965. Рис. III)

гребня (рис. 6, 7)²⁰, двекостяные проколки (рис. 6, 9) и дисковидное свинцовое «грузило» (рис. 6, 8) (Там же)²¹. Подковообразные фибулы с многогранными пирамидальными головками относятся к «интернациональным» типам украшений. Они широко представлены на памятниках эпохи викингов Древней Руси, Прибалтики, Скандинавии и Финляндии. В основном датируются IX–X вв. На Рюриковом городище было зафиксировано не менее 16 находок аналогичных фибул (Хвоцинская, 1999. С. 40–42; Носов и др., 2017. С. 192, 204, 226, рис. 88, 23, 27; 129, 33). «Три дисковидные свинцово-оловянные гирьки (?) с отверстиями в центре» были найдены при раскопках в пойменной части поселения гнёздовского археологического комплекса в отложениях, датированных второй четвертью X в. (Мурашѣва, Фетисов, 2013.

²⁰ На рисунке в публикации ошибочно представлен фрагмент накладки, по-видимому, от двухстороннего наборного гребня (Полубояринова, 1972. Рис. 1, 4). В отчете при описании находки дана ссылка на рисунок обломка односторонней составной гребенки, которая относится ко второй группе по классификации О. И. Давидан (Полубояринова, 1965. Рис. IV, 5). Именно этот предмет хранится в фондах НГОМЗ.

²¹ В отчете говорится, что в черном слое найдены также «синяя многочастная» («тройная») бусина (рис. 6, 5), «точильный брусок» и два железных гвоздя (Полубояринова, 1965. Л. 4, рис. III).

С. 204). Свинцовые предметы, похожие на «грузило» с Рюрикова городища, представлены также в древностях ювелирного производственного центра X в. у с. Новосел в Болгарии и отнесены исследователями к группе эксагий (Бонев, Дончева, 2011. С. 80, 81, 200, 201, табл. XXVII, 152–157, 159, 162, 164, 165, 170; XXVIII, 171, 172).

В расположенном ниже темно-коричневом «сильно гумированном» слое со щепой, навозом, ореховой скорлупой и берестой, а также «непосредственно на материке» расчищены большое бревно, несколько мелких досок и бревнышек (рис. 5, 1; Полубояринова, 1965. Л. 3, рис. III; 1972. С. 219, рис. 2, 3). При разборке слоя найдено 18 фрагментов лепной и 16 гончарной²² керамики, бракованная плоская дисковидная сердоликовая бусина (рис. 6, 3), четырехчастная серебростеклянная и двухчастная золотостеклянная пронизки, желтая и две синие рубленные бисерины, «каменное грузило, грубо обработанная костяная проколка, точильный брусок» и железный предмет (Полубояринова, 1965. Л. 3, рис. III; IV, 12, 14, 16; 1972. С. 220, рис. 1, 5). По заключению

²² В публикации отмечено, что среди этих фрагментов венчиков нет (Полубояринова, 1972. С. 220). Скорее всего, эти обломки являются «примесью сверху», поскольку при раскопках Новгородской областной экспедиции в темно-коричневом слое были зафиксированы единичные раннегончарные черепки.

Рис. 6. Рюриково городище. Раскопки М. Д. Полубояриновой, 1965 г. Находки из шурфов 2 и 3: 1–5 — бусы; 6 — фрагмент фибулы; 7 — обломок гребня; 8 — гирька; 9 — проколка

Fig. 6. Rurikovo Gorodishche. Finds from pits No. 2 and 3 by M. D. Poluboyarinova, 1965: 1–5 — beads; 6 — fragment of a brooch; 7 — fragment of a comb; 8 — weight; 9 — borer

М. Д. Полубояриновой, встреченные в нижних горизонтах (слоях IV и V) вещи «дают дату — X в.; может быть рубеж IX–X вв. — начало XI в.» (Полубояринова, 1972. С. 220).

Шурф 4 (2 × 2 м) был заложен юго-западнее шурфа 3, «к югу от глиняной гряды, на современном огороде» (рис. 3; Там же. С. 222). Исследование показало, что культурный слой, в данном месте мощностью 2,1 м, весь перекопан до материка. В шурфе найдена разновременная керамика. К раннесредневековым находкам, возможно, относится встреченная здесь черная глазчатая бусина с белыми петельками (Полубояринова, 1965. Л. 5, рис. IV, 9). По данным Ю. М. Лесмана, в Новгороде такие бусы отмечены в древнейших напластованиях, датируемых ранее 1161 г. (Лесман, 1984. С. 140).

В полевом отчете М. Д. Полубояриновой сообщается еще об одном шурфе на южном берегу

Сиверсова канала, расположенном, если судить по представленному в нем плану, на 26 м восточнее шурфа 4 (рис. 3). Культурного слоя в этом месте зафиксировано не было (Там же. Л. 5), что позволяет наметить юго-восточную границу средневекового поселения.

Раскопки Н. П. Пахомова

В 1967–1969 гг. разведочные археологические исследования на Рюриковом городище проводились Н. П. Пахомовым (Пахомов, 1968; 1969; 1970)²³. В 1967 г. один из раскопов (II) он заложил

²³ Отчет о раскопках 1967–1968 гг. имеется в НОА ИА РАН и в архиве НГОМЗ. В архиве ИА хранится также текст отчета об исследованиях 1969 г. и ряд большеформатных чертежей раскопов этого года. В фондах НГОМЗ в нескольких коллекциях (НГОМЗ, КП 25402/ А-26; КП 18517/ А-89; КП 18518/ А-90;

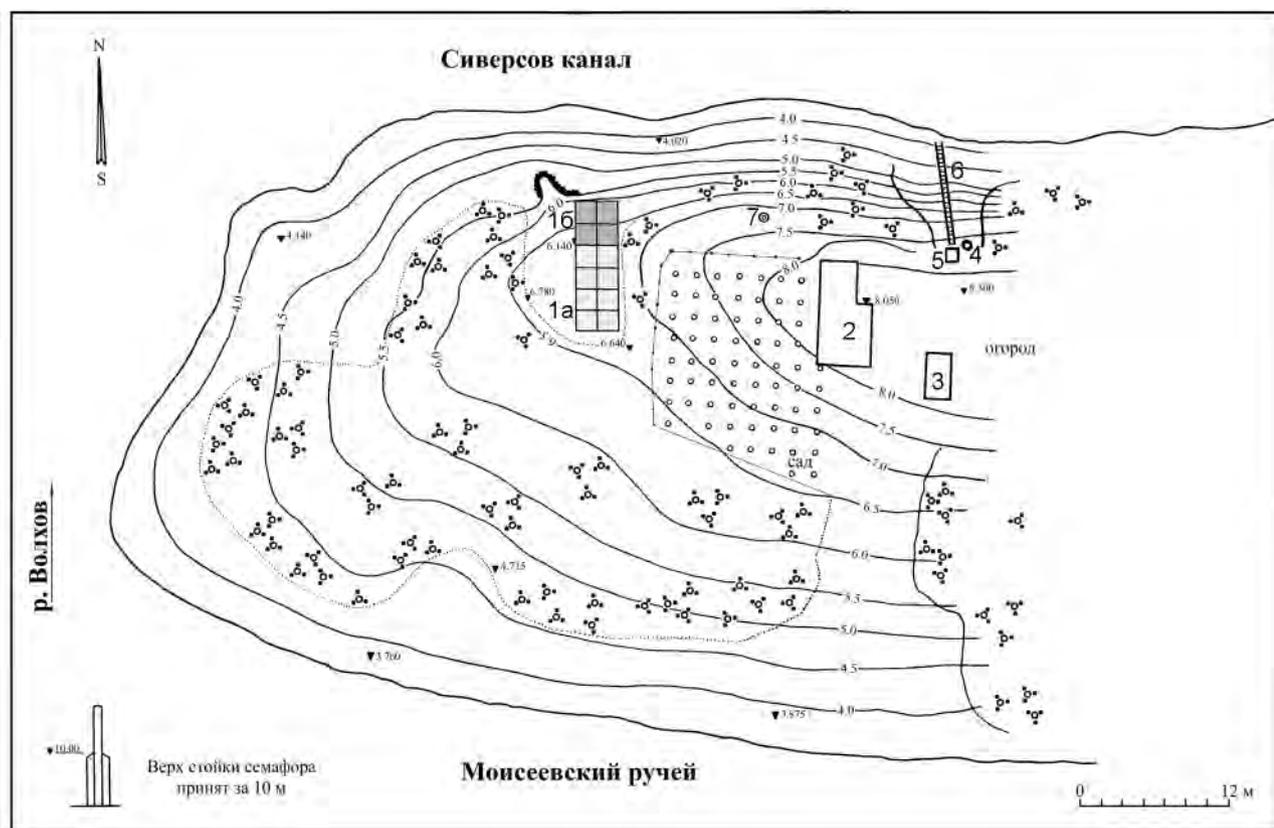

Рис. 7. Рюриково городище. План мысовой части с раскопами Н. П. Пахомова: 1а — раскоп II 1967–1968 гг.; 1б — раскоп I 1969 г.; 2 — жилой дом; 3 — сарай; 4 — речной семафор; 5 — служебное помещение; 6 — лестница; 7 — столб (Пахомов, 1968. Альбом. Л. 4, с добавлением)

Fig. 7. Plan of the cape part of Rurikovo Gorodishche with excavations by N. P. Pakhomov: 1а — excavation II, 1967–1968; 1б — excavation I, 1969; 2 — dwelling house; 3 — shed; 4 — river semaphore; 5 — service room; 6 — stairs; 7 — post (Пахомов, 1968. Альбом. Л. 4, with addition)

на южном берегу Сиверсова канала, несколько западнее шурфа 2 М. Д. Полубояриновой²⁴, на территории, затопляемой «при наиболее сильных весенних паводках» (рис. 7; Пахомов, 1968. Л. 9)²⁵.

КП 35043; НВ 21142) представлена часть вещевых находок и керамики, полученных в ходе археологических работ. Некоторые предметы не имеют точной привязки. Значительное количество предметов из коллекции А-89, в основном железных изделий, списано.

²⁴ Видимо, раскоп находился также западнее места первой зачистки С. Н. Орлова, поскольку в нем не отмечен предматериковый темно-коричневый слой с органическими остатками, зафиксированный как в данной зачистке, так и во всех шурфах и раскопах, заложенных разными исследователями на южном берегу Сиверсова канала.

²⁵ Выбор данного участка памятника для раскопа, по словам исследователя, был «обусловлен рядом причин, главными из которых были: свободная от построек территория, сравнительно большая толщина культурного

Этот раскоп площадью 32 кв. м (4 × 8 м), вытянутый в направлении север–юг, Н. П. Пахомов закончил копать в 1968 г., а в 1969 г. он сделал прирезку к нему с севера в 16 кв. м (раскоп I)²⁶.

слоя, судя по обнажениям разрушающегося берега, и, наконец, частые находки разнообразного подъемного материала за предшествующее раскопкам время (свинцовые печати XII–XV вв., товарные пломбы, различные монеты, стеклянные браслеты, бусы, многогранные медные гирьки с обозначением кратности, костяные гребни, мелкие обломки золотых и серебряных украшений и отходов ювелирного производства» (Пахомов, 1968. Л. 7).

²⁶ Н. П. Пахомов пишет, что причиной закладки нового раскопа в этом месте «являлось то, что после весеннего паводка 1969 года часть перемычки между каналом и раскопом была размывта, и масса интересного археологического материала унесена в канал, а оставшаяся часть могла разрушиться при последующих паводках и оползнях» (Пахомов, 1969. Л. 119).

Отложения разбирались горизонтальными пластами по 0,2 м, по ним же описывался характер напластований и фиксировались находки. Мощность культурного слоя на изученном в 1967–1968 гг. участке составила более 1,6 м²⁷. В раскопе, согласно чертежу профилей стенок (рис. 8), под дерном находился мощный слой углистого песка толщиной 0,4–1,0 м с включениями «горелых прослоек», который был нарушен сооружениями времен Великой Отечественной войны. Под этим слоем зафиксирован пласт песка толщиной 0,50–0,85 м с прослойками глины и угля в северной части раскопа. Над материком отмечен слой углистой супеси мощностью 0,18–0,45 м, отделенный почти на всей исследованной площади от выше залегавшего песка «горелой прослойкой». Данная стратиграфия существенно отличается от описания культурного слоя в тексте отчета (*Пахомов*, 1968. Л. 4–44). В нем в пластах 1–6 в основном говорится о слое темно-серого (иногда серого) песка с примесью древесного угля и пятнами серой глины. Ниже, на уровне пластов 7 и 8, отмечен темно-серый песок, местами почти черный от значительной примеси мелких древесных угольков²⁸, с пятнами серой глины и золы. Здесь было встречено большое количество камней различной величины «в виде отдельных скопления и небольших групп», многие — со следами воздействия огня. Наличие «значительного количества древесных углей, золы, кусков глиняной обмазки, а также прослойки насыпной серой глины, подстилающей» скопления камней, позволило автору раскопок считать их остатками печей-каменок (*Там же*. Л. 35, 38). На уровне пласта 8 было зафиксировано несколько разрозненных плохо сохранившихся плах и бревен, в том числе и обугленных. В кв. 1. обнаружена округлая, по-видимому, столбовая яма диаметром 22–23 см, углубленная в материк на 40 см, на стенках которой сохранился древесный тлен. Материк на исследованном Н. П. Пахомовым участке представлял, по его наблюдениям, «очень плотную зеленовато-серую

глину, без каких-либо культурных остатков» (*Там же*. Л. 44)²⁹.

При разборке культурного слоя встречено большое количество обломков глиняной посуды, причем в верхних шести пластах, по данным автора раскопок, это были только фрагменты гончарных сосудов. В пласте 7 из найденных 1476 обломков лепная керамика составила 16,7 % (246 фрагм.) (рис. 9, 2, 5, 8, 10), а в предматериковом пласте 8 из 603 обломков³⁰ на долю таких изделий приходится уже около 50 % (301 фрагм.) (рис. 9, 9). Кроме керамики в этих двух нижних пластах было собрано много костей животных, в том числе птиц, отмечены скопления рыбьих костей и чешуи. Отсюда происходит значительное число находок: не менее 85 из пласта 7 и более 51 — из пласта 8³¹. Среди этих находок немало железных вещей. В основном это гвозди, скобы (рис. 10, 33), «стержни» и другие предметы. Встречены здесь также три ножа (рис. 10, 27, 28), в том числе экземпляр с узким длинным черенком, отделенным от клинка четким уступом, — типичное орудие IV группы по классификации Р. С. Минасяна (*Минасян*, 1980. С. 72, 73), часть «гарпуна» (рис. 10, 35) и наконечник стрелы (рис. 10, 34). Однозубый «гарпун» имеет длинное ножевидное лезвие и перекрученный стержень. Подобные изделия, называемые в нашей литературе также острогами, известны на памятниках Северо-Запада России, Прибалтики, Беларуси, Финляндии и Готланда (Швеция) (*Люцинский* могильник, 1893. С. 47, табл. XIV, 6; *Спицын*, 1896. С. 33, табл. XVIII, 11; *Равдоникас*, 1934. С. 7, табл. I, 5; *Кустин*, 1967. С. 180; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 222, 39, 1–4 pav.; *Kivikoski*, 1973. S. 127, Abb. 993; *Latvijas...*, 1974: 244, lpp. 47, tab.: 8; 51. tab.: 3; 60. tab.: 25; *Selirand*, 1974. Lk. 114, 115, 284–287, tahv. XII, 8; *Зверуго*, 1975. С. 98, рис. 31, 21; *Кочкуркина*, 1982. С. 22, рис. 5, 1; *Артемьев*, 1991. С. 184–186, рис. 4; *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 287, 5; 1998. Taf. 251, 6; 2006. S. 302, 303). Ближайшую аналогию этому

²⁷ Согласно тексту отчета, культурный слой был «снят» на глубину восьми пластов, то есть на 1,6 м, после чего разобраны «каменные развалы», исследованы «подстилающие прослойки» и зачищено дно раскопа (*Пахомов*, 1968. Л. 44). Однако, судя по профилям стенок (рис. 8), мощность культурного слоя варьировалась от 1,7 м в северной части раскопа до 2,0 м в южной.

²⁸ Об углистых прослойках говорится только при описании слоя в кв. 1 пласта 7.

²⁹ В отчете отмечено, что в кв. 1 темно-серый песок «подстилался мелким светлым предматериковым песком», в котором найдены кремневые отщепы и фрагменты неолитической керамики (*Пахомов*, 1968. Л. 40).

³⁰ В отчете не представлены подсчеты по кв. 5, в котором было «собрано довольно много керамики» (*Пахомов*, 1968. Л. 42).

³¹ Имеются определенные противоречия по количеству и составу предметов, отмеченных при описании культурного слоя, списком находок из пластов в отчете, а также вещами, представленными в музейных коллекциях.

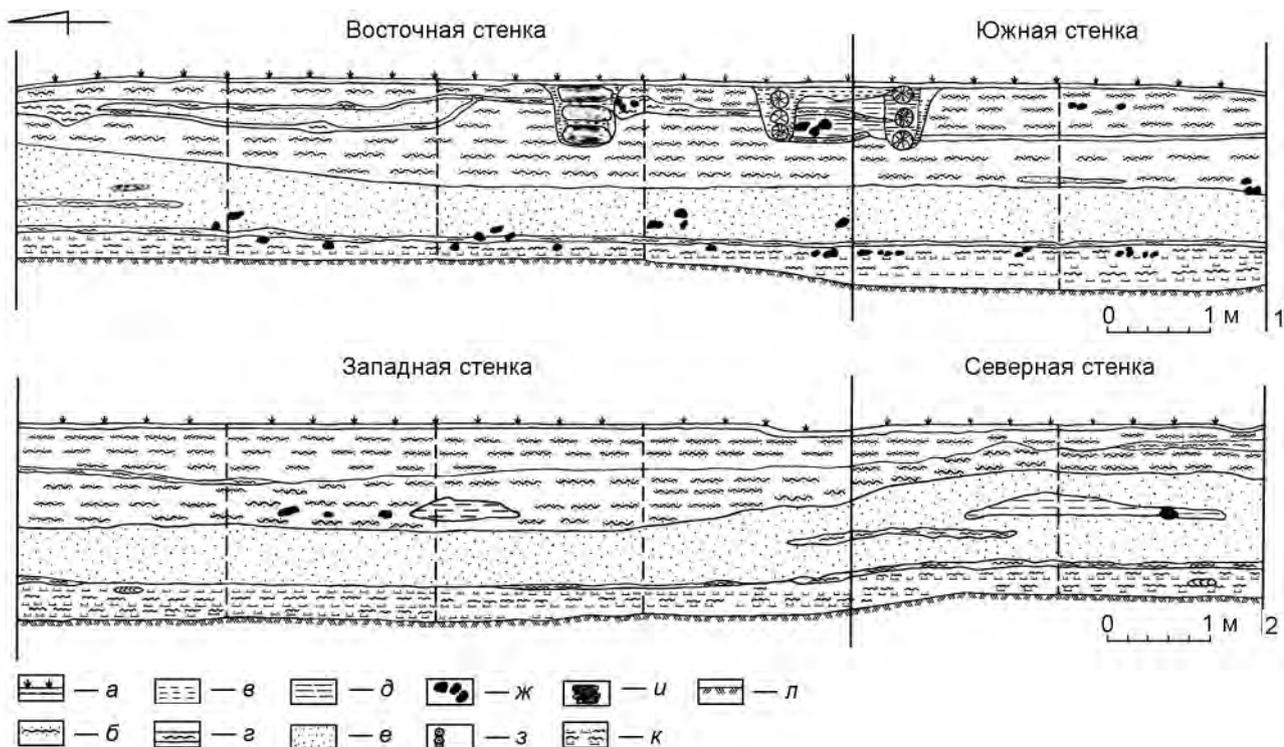

Рис. 8. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова. Профили стенок раскопа II 1967–1968 гг.: 1 — восточной и южной; 2 — западной и северной (а — дерн, б — углистый песок, в — глина бурая, г — горелая прослойка, д — глина серая, е — песок, ж — камни, з, и — остатки деревянных сооружений 1941–1945 гг., к — углистая супесь, л — материк) (Пахомов, 1968. Альбом. Л. 14)

Fig. 8. Rurikovo Gorodishche. Profiles of the walls of excavation II by N. P. Pakhomov, 1967–1968: 1 — eastern and southern; 2 — western and northern (а — turf, б — coal sand, в — brown clay, г — burnt interlayer, д — grey clay, е — sand, ж — stones, з, и — remains of wooden constructions, 1941–1945, к — coal loam, л — virgin soil) (Пахомов, 1968. Альбом. Л. 14)

предмету можно найти в материалах Неревского раскопа Великого Новгорода, где она датируется концом X — началом XI в. (Колчин, 1959. С. 77, 78, рис. 64, 6; Артемьев, 1991. С. 185). Некоторые ученые предположили, что подобные орудия имели не рыболовное назначение, а «были боевыми метательными дротиками» (Куза, 2016. С. 62) или метательными копьями (Кустин, 1967. С. 180; Volkaitė-Kulikauskienė, 1970. P. 222; Latvijas..., 1974. 244. lpp.; Selirand, 1974. Lk. 114, 115). Современные исследователи считают аналогичные одношпильные черешковые изделия наконечниками копий (Lehtosalo-Hilander, 1982. P. 36, fig. 10, 11, 12; Артемьев, 1991. С. 184–186; Thunmark-Nylén, 2006. S. 302, 303). Черешковый наконечник стрелы по типологии А. Ф. Медведева относится к ромбовидным новгородского типа (тип 46), которые в Восточной Европе имеют широкую датировку, хотя абсолютное большинство происходит из памятников IX–XI вв. (Медведев, 1966. С. 67, 68). В Новгороде они найдены в отложениях X–XIII вв., причем

крупные экземпляры, выделенные исследователем в первую разновидность, распространены в X–XI вв. (Медведев, 1959. С. 165). Находки из цветных металлов представлены несколькими «медными» предметами («скорлупообразной бляшкой», слитком (рис. 10, 36), «стерженем» и др.), а также свинцовым «брусочком». В нижних пластах отмечены три каменные (14-гранная и округлая сердоликовые (рис. 10, 12, 13), «призматическая» хрустальная) и 16 стеклянных бусин (рис. 10, 1–11)³². Среди предметов из рога и кости имеются: фрагменты двух одно-сторонних составных гребенок второй группы

³² В тексте отчета говорится о находке в пласте 8 в кв. 2 фрагмента оплавленного стеклянного сосуда (Пахомов, 1968. Л. 41). В музейных коллекциях его нет, поэтому нельзя однозначно сказать, является ли этот осколок «примесью сверху» или принадлежит к немногочисленной группе городищенских находок ранне-средневекового полого стекла (Плохов, 2020).

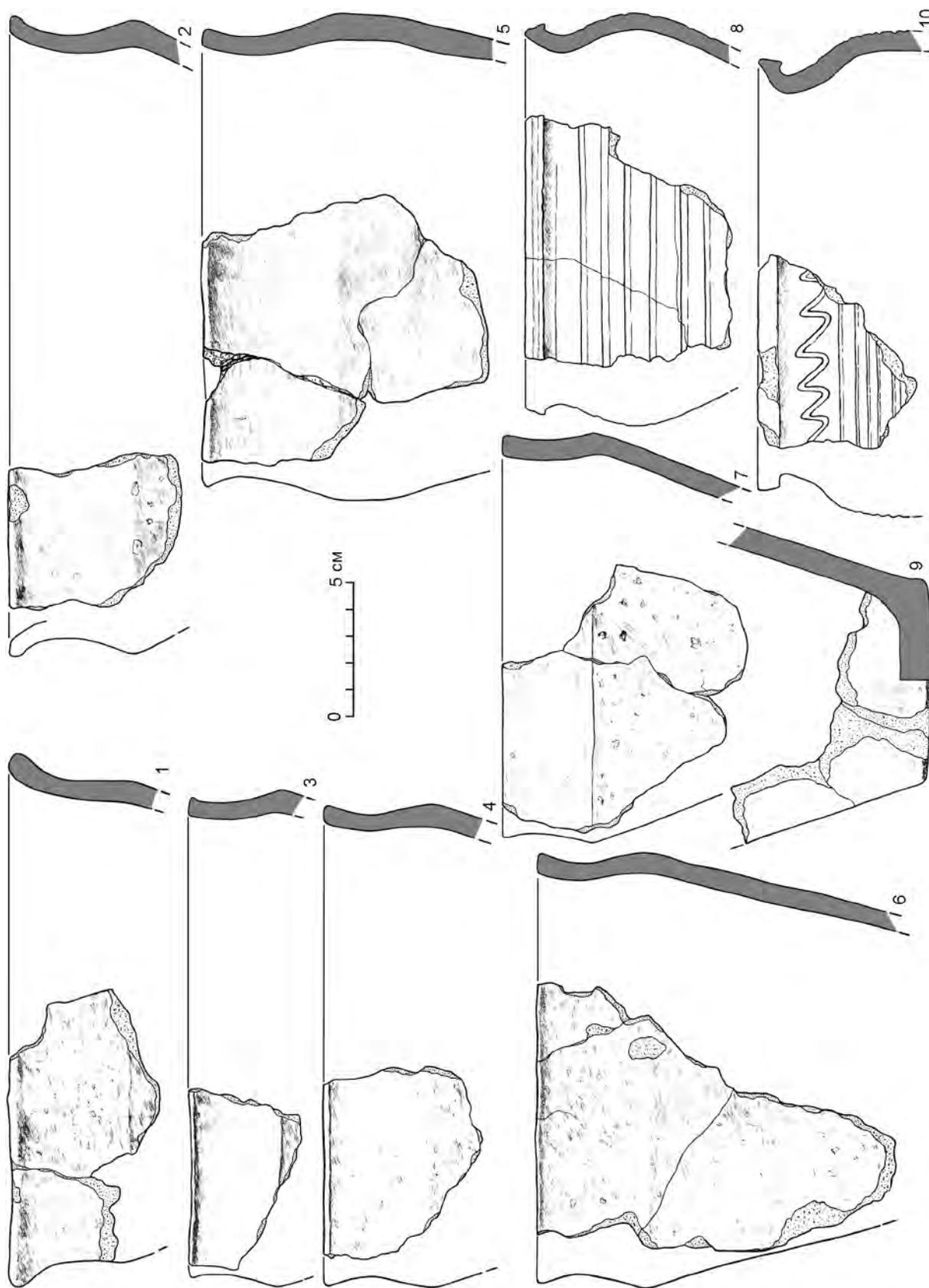

Рис. 9. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова. Керамика из раскопов II 1967–1968 гг. и I 1969 г.
Fig. 9. Rurikovo Gorodishche. Pottery from excavations II (1967–1968) and I (1969) by N. P. Pakhomov

Рис. 10. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова. Находки из раскопов 1967–1969 гг.: 1–26 — бусы; 27, 28 — ножи; 29 — фрагмент фибулы; 30, 31 — гири; 32 — фрагмент иглы от кольцевидной булавки; 33 — скоба; 34 — наконечник стрелы; 35 — наконечник копья; 36 — слиток; 37 — пластина; 38 — пряслице; 39 — грузило; 40 — оселок

Fig. 10. Rurikovo Gorodishche. Finds from the excavations by N. P. Pakhomov, 1967–1969: 1–26 — beads; 27, 28 — knives; 29 — fragment of a fibula; 30, 31 — weights; 32 — fragment of the needle of a ringed pin; 33 — bracket; 34 — arrow head; 35 — spear-head; 36 — ingot; 37 — plate; 38 — spindle whorls; 39 — netweight; 40 — hone-stone

по классификации О. И. Давидан (рис. 11, 1, 3), причем в одном случае — это часть бракованного недоделанного экземпляра с ненарезанными зубьями; обломок пластинки-заготовки (рис. 11, 4) с утонченным уходящим под накладку верхним краем и приостренным нижним, предназначенной для изготовления срединной зубчатой части подобных гребенок; наконечник стрелы (рис. 11, 9); обоймица (рис. 11, 5) и две проколки (рис. 11, 10, 11)³³. Гребни второй группы были широко распространены в эпоху викингов на территории Северной, Центральной и Восточной Европы (Кондратьева, 2011. С. 59–111). На Земляном городище Старой Ладogi все найденные экземпляры отнесены О. И. Давидан к горизонту Д (Давидан, 1962. С. 101; 1999. С. 171, 172). В результате дендрохронологических исследований Н. Б. Черных была получена надежная нижняя дата для построек данного горизонта — 930 г. (Рябинин, Черных, 1988. С. 97, 98; Черных, 1996. С. 113). Следовательно, казалось бы очевидным, что появление интересующих нас предметов туалета на ладожском поселении произошло не ранее этого года. Однако Я. В. Френкелем в трудах по археологии Старой Ладogi была отмечена «путаница в хронологической индикации границы горизонтов Е и Д стратиграфии Земляного городища» (Френкель, 2008. С. 245–247)³⁴. Поэтому требуется проведение работ по уточнению абсолютных датировок целого ряда ладожских находок, в том числе и гребней второй группы. Я. В. Френкель считает, что на Земляном городище ранние экземпляры таких гребней «отвечают хронологическим рамкам стратиграфического горизонта Е1-верхнее (890–920-е гг.)» (Седых, Френкель, 2022. С. 112).

³³ В фондах НГОМЗ хранятся не упомянутые в отчете точеное пряслице (рис. 11, 6) и позвонок крупной рыбы с отверстием (рис. 11, 8), найденные в пласте 8.

³⁴ В частности, О. И. Давидан горизонт Д датировала X — началом XI в. (Davidan, 1992. S. 8), поскольку, как и Е. А. Рябинин в работе 1985 г. (Рябинин, 1985. С. 36, 70), очевидно, относил культурные отложения, находящиеся между постройками горизонтов Е1 и Д, к последнему.

Так же, по его предположению, датируются древнейшие представители II группы, встреченные в раскопе В. П. Петренко на Варяжской улице³⁵. В Новгороде односторонние наборные гребни не отмечены выше 23-го яруса, то есть после 1076 г. (Лесман, 1984. С. 140).

Из предматериковых отложений происходят также «кости со следами спила (заготовки и отходы, чаще всего роговые)»³⁶. Среди прочих изделий отмечены: обломок «небольшого жернова из светлого мелкозернистого песчаника», четыре сланцевых точильных бруска, в том числе один с отверстием для подвешивания (рис. 10, 40), керамическое грузило от рыболовной сети (рис. 10, 39), каменное и три глиняных пряслица (рис. 10, 38).

Как уже говорилось, культурный слой в раскопе разбирался не по слоям, а по условным горизонтам, и, судя по профилям стенок, два нижних пласта, кроме раннесредневекового слоя «углистой супеси», местами не очень мощного, явно включали и более поздние отложения. Помимо этого были и перекопы. Так, в кв. 8 пласта 7 Н. П. Пахомов отметил «песок темно-серого цвета с большим количеством очень мелких обломков», который, по его предположению, был связан с нарушениями слоя во время Великой Отечественной войны (Пахомов, 1968. Л. 39). Поэтому, очевидно, что далеко не все найденные в пластах 7 и 8

³⁵ Согласно публикации И. В. и Н. Ю. Ивановых, в раскопе на Ладожском посаде гребни II группы встречены в слоях середины IX — второй половины X в. При этом авторами отмечено, что экземпляры середины IX в. «имели свои особенности в форме и орнаменте и были нетипичны для такого рода изделий ладожского поселения» (Иванова И., Иванова Н., 2012. С. 128). Когда на посаде появляются «типичные» гребни II группы, они не указали.

³⁶ Из заготовок и отходов косторезного производства в НГОМЗ находятся две крупные роговые пластины (рис. 12, 1, 2) и два отпиленных отростка рога лося (рис. 12, 3, 4) из пласта 8. Кусок рога со следами обработки был найден также в пласте 6. Благодарю А. К. Каспарова за определения.

Рис. 11. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова. Находки из кости и рога из раскопов 1967–1969 гг.: 1, 3, 7 — гребни; 2 — игольник; 4 — пластинка, заготовка для гребня; 5 — обоймица; 6 — пряслице; 8 — позвонок рыбы; 9 — наконечник стрелы; 10–12 — проколки

Fig. 11. Rurikovo Gorodishche. Bone and horn finds from the excavations by N. P. Pakhomov, 1967–1969: 1, 3, 7 — combs; 2 — needle case; 4 — plate, blank for comb; 5 — clip; 6 — spindle whorls; 8 — fish vertebra; 9 — arrow head; 10–12 — borers

предметы относятся к раннему этапу существования Рюрикова городища³⁷. В частности, к древнерусскому времени можно причислить встреченные здесь две стеклянные бусины с накладным декором (рис. 10, 10, 11).

На участке, исследованном в 1969 г., культурный слой, в основном представляющий собой темно-серый песок с углистыми включениями, имел мощность около 1,5 м³⁸. В нижней его части, в пластах 6 и 7, отмечены угли, древесный тлен, мелкие пятна серой глины, много костей животных и рыб, а в последнем помимо этого — щепы, остатки соломы и древесной коры. На уровне данных пластов была обнаружена часть деревянного сооружения «со следами лаг и пола из плах», некоторые из них имели обугленную поверхность. В пределах этого комплекса зафиксированы прослойка «светлого речного песка» и скопления камней (рис. 13; Пахомов, 1969. Л. 117, 118, 125–127). Одно из скоплений, находящееся на границе кв. 1 и 2, в совокупности с отмеченными в том же месте древесными углями и золой, было охарактеризовано автором раскопок как остатки печикаменки, а найденную среди обожженных камней сланцевую плиту размерами 25 × 30 см он посчитал ее подом³⁹. Под полом деревянной постройки на уровне пласта 8 исследован слой темно-серого песка со «значительной прослойкой щепы, древесной коры, соломы, с остатками дерева»,

зафиксировано «несколько остатков плах», а также разобрана вытянутая с севера на юг яма размерами 0,5–0,9 × 2,3 м и глубиной 0,15–0,35 м (Там же. Л. 117, 118, 128)⁴⁰. Дно ямы было выстлано слоем бересты. В заполнении данного сооружения и отчасти рядом с ним было собрано более 400 костей животных.

Немногочисленные обломки лепной керамики появились в раскопе на уровне пласта 4 (0,6–0,8 м). Круговая посуда преобладала и в следующем пласте⁴¹. Только в пласте 6 на глубине 1,0–1,2 м оба типа керамики представлены в примерно равных количествах (рис. 9, 3): если в одном квадрате (кв. 3) было больше фрагментов лепных горшков, то в другом (кв. 4) — встречена преимущественно раннегончарная посуда, «очень грубая и недостаточно хорошо обожженная» (Пахомов, 1969. Л. 122–127). Кроме керамики в пластах 5 и 6 встречен 21 предмет, среди которых, кроме упомянутой выше сланцевой плиты, можно отметить: семь бусин (шесть стеклянных (рис. 10, 14–17) и шарообразную сердоликовую); «медную подвеску»; железные наконечник стрелы, крючок⁴², гвоздь; крайнюю зубчатую пластину от односторонней роговой наборной гребенки второй группы, по О. И. Давидан (рис. 11, 7); рог лося со следами рубки (рис. 12, 8); «прямоугольный костяной брусок» (рис. 12, 7); спил с розетки лосиного рога (рис. 12, 5); сланцевый оселок с отверстием для подвешивания; обломки керамических пряслица и рыболовного грузила (Там же. Л. 131, 132).

В пласте 7 найдена «в основном лепная керамика, которой со всей площади раскопа собрано 146 фрагментов» (Там же. Л. 127) (рис. 9, 1, 4, 6, 7). Здесь же было обнаружено пять вещевых находок: 14-гранная гирька (рис. 10, 31), «предмет» и пластина из медного сплава (рис. 10, 37), спил с лосиного рога (рис. 12, 6) и железный гвоздь. 14-гранные разновесы представлены в материалах Городища значительным количеством экземпляров: 12 происходят из раскопок и около 30 — из подъемного материала. Немалое число подобных

³⁷ Какие-то поздние артефакты, возможно, оказались в древнейших напластованиях, выпав из стенок раскопа. По крайней мере, именно так Н. П. Пахомов объясняет нахождение в кв. 8 пласта 8 «9 фрагментов довольно поздней, серой, хорошо обожженной керамики XV–XVI вв.» (Пахомов, 1968. Л. 44).

³⁸ Н. П. Пахомов отметил, что в нижней части пласта 8 темно-серый слой сменился мелким речным песком, «в котором почти не было находок». «Желтый речной песок с отдельными редкими фрагментами кремневых отщепов» наблюдался и на уровне пласта 9 (Пахомов, 1969. Л. 129). Что было принято за материк, а также на какой глубине он находился, в отчете не сказано. Следует отметить, что на южном берегу Сиверсова канала только на данном участке, а также в кв. 1 раскопа 1967–1968 гг. ниже раннесредневековых культурных напластований был зафиксирован слой песка, вероятно, аллювиального происхождения. В других раскопах в этой части Рюрикова городища отложения эпохи викингов залегают на глине.

³⁹ В публикации и местами в отчете Н. П. Пахомов называет данное скопление остатками каменного очага (Пахомов, 1969. Л. 117, 125; 1970. С. 24).

⁴⁰ К сожалению, в НОА ИА РАН нет плана пласта 8, а также профилей стенок раскопа I 1969 г., отмеченных в отчете в описи чертежей (Пахомов, 1969. Л. 144).

⁴¹ В отчете представлены подсчеты только по кв. 2: «Керамики собрано 45 фрагментов, из них 16 фрагментов лепной» (Пахомов, 1969. Л. 124).

⁴² По-видимому, отмеченный в отчете «крючок» является фрагментом шпоры, хранящейся в фондах НГОМЗ (НВ 21142-965). Это находка, очевидно, относится к отложениям древнерусского времени.

Рис. 12. Рюриково городище. Находки заготовок и отходов косторезного производства из раскопов II (1967–1968 гг.) и I (1969 г.) Н. П. Пахомова: 1, 2 — роговые пластины; 3, 4 — отпиленные отростки рогов; 5, 9 — розетки лосиного рога; 6 — спил с лосиного рога; 7 — брусок; 8 — рог лося

Fig. 12. Rurikovo Gorodishche. Finds of billets and wastes of bone-cutting production from excavations II (1967–1968) and I (1969) by N. P. Pakhomov: 1, 2 — horny plates; 3, 4 — sawed-off horn shoots; 5, 9 — moose antler rosettes; 6 — cut from an elk antler; 7 — bar; 8 — moose horn

предметов было собрано Н. П. Пахомовым в ходе его регулярных посещений памятника в 1960–1970-х гг. На ладожском Земляном городище в раскопах В. И. Равдоникаса весовые гирьки 14-гранной формы были встречены только в горизонте Д (Давидан, 1987. С. 125). На площади, исследованной А. Н. Кирпичниковым, они были найдены в напластованиях второй половины IX — XI в. (Кирпичников, 2008. С. 350, 352, 355; 2009. Л. 27, 52, рис. 38, 42; 2012. С. 45, 49, 53, 56, рис. 18, 5). М. О. Жуковский, изучив имеющиеся данные о находках весовых гирек в раннем Средневековье в Северной и Восточной Европе, пришел к выводу, что 14-гранные, так же как бочонковидные, разновесы «появляются примерно синхронно, не позже 860-х годов» (Жуковский, 2022. С. 97, 278). По мнению исследователя, обе разновид-

ности «нормированных» грузов получили «широчайшее распространение» в рассмотренных регионах «с третьей четверти IX по первую половину XI в.» (Там же. С. 95)⁴³, причем «наибольшая концентрация находок» многогранных гирек на территории Древней Руси отмечена с конца IX по начало XI в. (Там же. С. 142).

Под остатками деревянной постройки, в слое и яме, за исключением двух обломков раннегончарных сосудов, была встречена только лепная керамика (рис. 9, б). Индивидуальные находки из этих предматериковых отложений представлены

⁴³ Правда, уже в следующем абзаце М. О. Жуковский пишет, что «широчайшее распространение... во всем североευропейском мире» происходит с рубежа IX–X вв. (Жуковский, 2022. С. 95).

еще одной 14-гранной гирькой (рис. 10, 30), костяным игольником горизонтального типа (рис. 11, 2), спилом с розетки лосиного рога (рис. 12, 9) и сланцевым точильным бруском. Похожие игольники из трубчатых костей найдены на Городище в раскопе 1977 г. на северном берегу Сиверсова канала в отложениях начала X в., а также в 2007 г. в центральной части памятника при разборке черного культурного слоя X в., сброшенного на восточный внешний склон рва (Носов, 1990. С. 73, рис. 28, 6; Носов и др., 2017. С. 99, ил. 19, 9). В Старой Ладогe в раскопах В. И. Равдоникаса на Земляном городище горизонтальные игольники представлены только в горизонте Д (Давидан, 1966. С. 111, рис. 2, 15), тогда как в раскопе на Варяжской улице они встречены в напластованиях второй половины IX — X в. (Иванова И., Иванова Н., 2012. С. 135, рис. 9, 8, 9, 11–13).

По мнению Н. П. Пахомова, в раскопе 1969 г. были «вскрыты остатки горелого сруба плохой сохранности» размерами 3,0 × 4,2 м с каменным очагом «в виде небольшого скопления обожженных камней» (Пахомов, 1970). Эта постройка была включена П. А. Раппопортом в число древнерусских жилищ лесной зоны VIII — первой половины X в. (Раппопорт, 1975. С. 49). Е. Н. Носов, изучив полевую документацию, написал, что в раскопе «были зафиксированы лишь остатки настила или настилов, но остатков собственно срубной постройки нет», не показаны на плане раскопа и «никакие развалы камней» (Носов, 1990. С. 33). Действительно, следов сруба при исследованиях отмечено не было, возможно, он был разобран или не был прослежен раскопщиком, тогда как скопления камней над настилом зафиксированы на чертеже в разных местах (рис. 13, 1). К остаткам отопительного устройства может относиться и отмеченная в раскопе прослойка светлого песка. Прослойки песка или супеси, связанные с постройками, были встречены в разные годы в раскопах на берегах Сиверсова канала (Носов и др., 2017. С. 219, 221, 238; рис. 119; А, 125). Так, прослойка белого песка была зафиксирована в 1975 г. в северо-восточном углу сруба, там, где находился развал печи-каменки (Носов, 1990. Рис. 8, 1). Пятно крупнозернистого песка было выявлено при разборке печи в доме, исследованном в 1994 г. (Носов и др., 2017. С. 194, рис. 100). В пользу интерпретации обнаруженных Н. П. Пахомовым деревянных конструкций как остатков жилой постройки говорит также большое количество вещевых и керамических находок, собранных при изучении предматериковых пластов.

Непростой проблемой является установление хронологических рамок функционирования открытого Н. П. Пахомовым сооружения. Исследователь полагал, что оно «относится ко времени не позднее X в.» (Пахомов, 1970. С. 25). П. А. Раппопорт «по наличию лепной керамики» датировал постройку ранее X в. (Раппопорт, 1975. С. 49). Индивидуальные находки, встреченные при разборке культурного слоя на уровне пола деревянной постройки и под ним (пласты 7 и 8), не дают оснований для ее датировки точнее, чем вторая половина IX — X в. Керамический комплекс из этих отложений, характеризующийся преобладанием лепной керамики над круговой, которой найдены единичные обломки, очевидно, относится к выделенному В. М. Горюновой первому этапу развития раннегончарной посуды Рюрикова городища. Это позволяет ограничить хронологические границы существования сооружения первой половиной X столетия (Носов и др., 2005. С. 94, 95). Отсутствие в коллекциях, хранящихся в Новгородском музее-заповеднике, фрагментов сосудов, изготовленных с помощью гончарного круга, не дает возможности для уточнения этой датировки. Постройка погибла в пожаре, о чем свидетельствует не только отмеченная автором раскопок обугленная поверхность «на нескольких лагах и плахах», но и «кусок оплавленной керамики», включенный в перечень находок пласта 7 (Пахомов, 1969. Л. 127, 132). Сгорело ли данное строение в крупном пожаре, произошедшем, по-видимому, около 930 г., в огне которого закончилось существование значительное количество сооружений в центральной части Городища (Плохов, 2022. С. 187–190), или причиной послужил локальный бытовой пожар на окраине поселения — однозначно определить нельзя.

Жизнь на исследованном Н. П. Пахомовым участке поселения продолжалась и в последующие годы X в. На это указывает довольно большое число индивидуальных и керамических находок в отложениях, перекрывающих остатки пола постройки в раскопе 1969 г. (в пластах 5 и 6), а также в предматериковых слоях раскопа 1967–1968 гг. (в пластах 7 и 8). Динамика соотношения гончарной⁴⁴ и лепной керамики в данных напластованиях имеет ту же тенденцию, что и в пластах 4–1 раскопа 1977–1979 гг. на северном берегу

⁴⁴ Конечно, следует учитывать присутствие в этих пластах какого-то количества фрагментов более поздней круговой посуды.

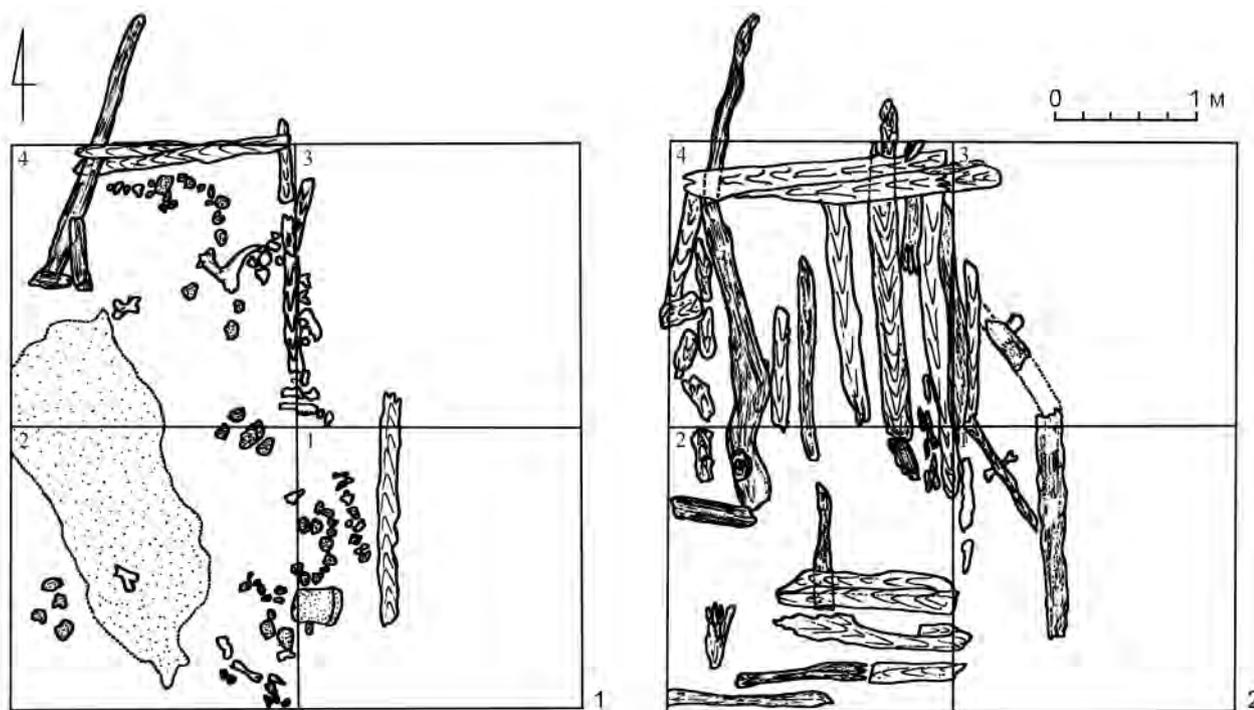

Рис. 13. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова. Раскоп I 1969 г. Планы на уровне пластов 6 (1) и 7 (2) (Пахомов, 1969. Большеформатный чертеж)

Fig. 13. Rurikovo Gorodishche. Excavation I (1969) by N. P. Pakhomov. Plans at the level of the 6th (1) and 7th (2) strata (Пахомов, 1969. Attached drawing)

Сиверсова канала⁴⁵. Это позволяет отнести их ко второй половине X в. (Носов и др., 2005. С. 90). Среди немногочисленных фрагментов раннекруговой посуды из раскопок 1967–1969 гг., хранящихся в фондах Новгородского музея-заповедника, имеются только два обломка верхних частей горшков. Один (рис. 9, 8), найденный в пласте 7 в раскопе 1967–1968 гг., принадлежит к типу I-Б второй группы раннегончарной керамики Городища, по В. М. Горюновой. Он имеет огранный край венчика, что позволяет датировать его 70-ми гг. X в. (Плохов, 2023). Второй (рис. 9, 10), происходящий из пласта 6 того же раскопа, относится к типу I-В (Носов и др., 2005. С. 85, 95), который появился на последнем, третьем, этапе развития раннегончарной посуды Рюрикова городища. Значительное количество находок, фрагменты дерева, а также скопление камней, связанные с зольными пятнами, массой мелких древесных углей и с подстилающими их прослойками глины, являющихся, по мнению Н. П. Пахомова,

остатками печей-каменок, могут свидетельствовать о нахождении во второй половине X в. в районе раскопок жилого дома⁴⁶. Автор раскопок полагал, что постройка «сильно пострадала от пожара, т. к. <...> сохранились остатки обугленной плахи или лаги» (Пахомов, 1968. Л. 40). О гибели сооружения в огне говорят находки многочисленных кусков обожженной глиняной обмазки и фрагментов «сильно ошлаковавшейся» гончарной посуды (Там же. Л. 35–38, 51, 52), а также «горелая прослойка», отделяющая на профилях стенок раскопа 1967–1968 гг. предматериковый слой углистой супеси от вышележащих напластований (рис. 8). Вполне возможно, что постройка сгорела в крупном пожаре, который, судя по материалам других раскопок, произошел на Городище около 980 г. (Плохов, 2021; 2022. С. 185).

Присутствие среди находок 1969 г. многочисленных «костей крупных животных, роговых

⁴⁵ Доля обломков раннегончарных сосудов согласно полевым подсчетам керамики в них следующая: пласт 4 — 46 %, пласт 3 — 69 %, пласт 2 — 84 %, пласт 1 — 87 %.

⁴⁶ Н. П. Пахомов писал, что в раскопе 1967–1968 гг. на уровне пласта 8, «судя по расположению плохо сохранившихся плах или бревен, можно говорить о наличии сруба» (Пахомов, 1968. Л. 40), но на представленном в отчете плане никаких явных деталей такого сооружения не зафиксировано.

спилов, костяных пластин» позволило автору работ писать о существовании местного косторезного производства, а яма, заполненная костями, была трактована им как «склад сырья» (Пахомов, 1970. С. 25). Обнаруженные в раскопах 1967–1969 гг. сырье для работы (лосиный рог), заготовки (крупные роговые пластины, бруски) и отходы (куски рога с отпилами, оставшиеся при отделении широких пластин, отпиленные отростки рогов), несомненно, являются свидетельствами проживания в мысовой части Рюрикова городища в эпоху викингов резчика по кости⁴⁷. Присутствие в коллекции недоделанного бракованного экземпляра составной гребенки второй группы и обломка пластинки для зубьев (рис. 11, 1, 4) указывает на то, что подобные предметы туалета изготавливались на поселении. Спилы с лосиного рога, найденные в отложениях, связанных с постройкой первой половины X в., свидетельствуют о функционировании косторезной мастерской уже в это время. Находки из вышележащих слоев могут быть объяснены как деятельностью данной мастерской, так и другой, появившейся почти на том же месте после пожара. Последнее кажется более вероятным, но только в том случае, если в обеих мастерских работал один и тот же ремесленник.

В 1969 г. Н. П. Пахомовым был заложен еще один раскоп (II) на южном берегу Сиверсова канала площадью 16 кв. м (4 × 4 м). В нем под мощным слоем коричневой глины, образовавшемся при сооружении канала, были исследованы культурные напластования толщиной около 1 м (рис. 14). Стратиграфия культурных отложений в раскопе во многом близка той, что зафиксирована М. Д. Полубояриновой в шурфе 3 (рис. 5)⁴⁸.

⁴⁷ Следует отметить, что заготовки и отходы косторезного ремесла представлены в коллекциях раскопов, заложенных в разных частях Рюрикова городища (Носов, 1990. С. 73, 128; Носов и др., 2005. С. 64, табл. 34, 3, 9, 12; 2017. С. 56, 86, 99, 184, 204, 236, ил. 15, 3; 19, 7; рис. 94, 1, 2; 132, 12; Кудрявцев, Андриенко, 2019. С. 118, ил. 10, 6). С мастерской, расположенной в мысовой части поселения, по-видимому, связаны подчетырехугольная роговая пластина и часть рога со следами спилов (Носов, 1990. С. 41), встреченные при разборке слоя черного гумуса в раскопе 1979 г., заложенного несколько восточнее участка, исследованного Н. П. Пахомовым, а также некоторые находки из подъемного материала 1960–1970-х гг.

⁴⁸ Очевидно, что Н. П. Пахомов был знаком с отчетом М. Д. Полубояриновой. Условные обозначения,

использованные на их чертежах, во многом схожи. При этом в подписях имеются существенные расхождения. Если у М. Д. Полубояриновой под верхним «темно-серым плотным слоем» идет «светло-серый», то у Н. П. Пахомова наоборот — под «серой плотной почвой» залегает «темно-серая» супесь. Исследования Е. Н. Носова показали, что в данном случае права М. Д. Полубояринова (Носов, 1990. С. 37, рис. 9, IV). Следует отметить, что, как и в других раскопах, Н. П. Пахомов разбирает и описывает культурные напластования по пластам. Поэтому в тексте отчета, давая характеристику пластам 1 и 2, он вместо указанных двух различных слоев говорит только о «темно-сером слое», причем в основном о суглинке (Пахомов, 1969. Л. 133–135).

⁴⁹ В условных обозначениях к чертежу этот слой назван «темно-коричневым гумированным». В отчете при характеристике его состава в пласте 3 говорится о «темно-бурой», а в пласте 4 — «темно-серой» супеси. Видимо, данная разница в описании объясняется размерностью органических включений. Если в одном случае это древесный глен, то в другом — остатки «дерева в виде бурых тонких пластин» (Пахомов, 1969. Л. 136, 137).

⁵⁰ На профилях раскопа II 1969 г. показано два «горелых» слоя, ограничивающих сверху и снизу темно-коричневый гумус (рис. 14), при этом в тексте отчета сказано только об одной «горелой прослойке» в пласте 3 и о большом количестве древесных углей в пласте 4 (Пахомов, 1969. Л. 136, 137).

⁵¹ «Довольно большое количество камней, расположенных небольшими группами по всей площади 1-го квадрата», было зафиксировано и в пласте 4 (Пахомов, 1969. Л. 137). По мнению Н. П. Пахомова, скопление является свидетельством нахождения в этом месте очага. Возможная связь этих камней с вышележащим деревянным сооружением в отчете не рассматривается.

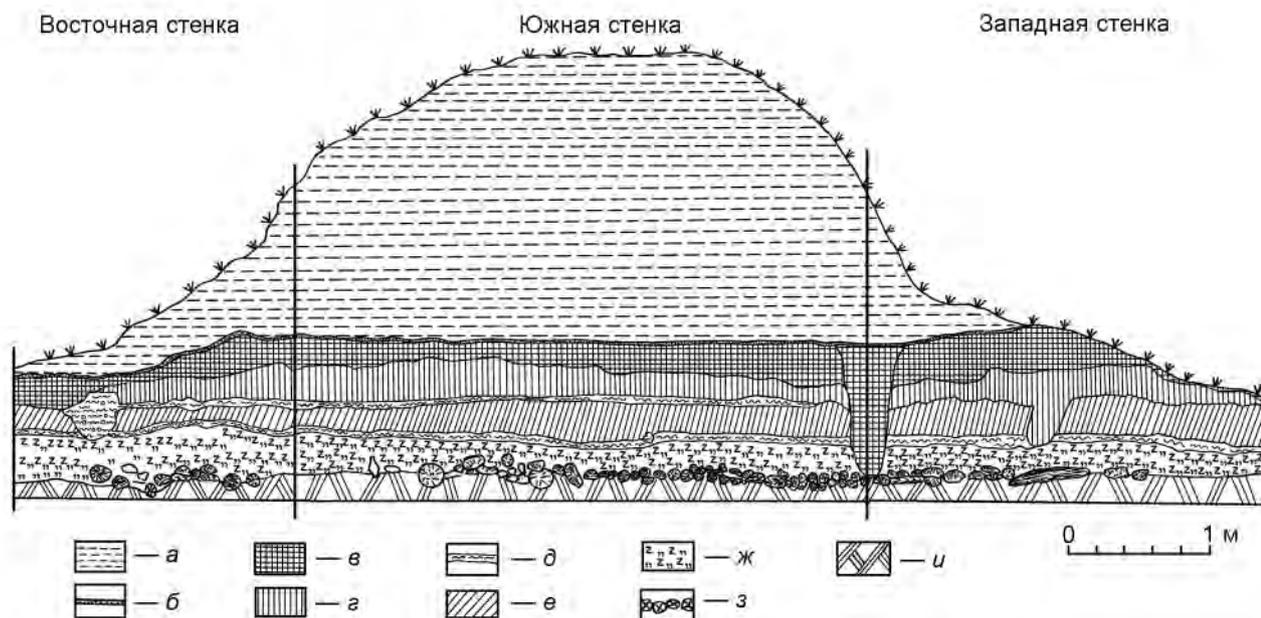

Рис. 14. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова. Профили стенок раскопа II 1969 г. (а — коричневая глина (выброс из русла канала); б — погребенная почва (конец XVIII в.); в — серая плотная почва; г — темно-серая, почти черная, супесь; д — горелый слой; е — темно-коричневый гумированный слой; ж — бурый слой щепы и навоза; з — деревянный настил; и — материк) (Пахомов, 1969. Большеформатный чертеж)

Fig. 14. Rurikovo Gorodishche. Profiles of the walls of excavation II (1969) by N. P. Pakhomov (a — brown clay (ejection from the channel bed); б — buried soil (the end of the 18 cen.); в — grey dense soil; г — dark grey, almost black loam; д — burnt layer; е — dark brown humified layer; ж — brown layer of wood chips and dung; з — wooden planking; и — virgin soil) (Пахомов, 1969. Attached drawing)

По мнению автора раскопок, им были «вскрыты остатки сруба, сильно пострадавшего от огня, с развалом очага из камней» (Пахомов, 1970. С. 25).

Под темно-серой супесью в нижней части пласта 4 и в пласте 5 залегал слой серовато-бурого цвета толщиной от 0,2 до 0,4 м, состоящий из щепы, навоза, древесной коры и соломы (рис. 14). Ниже, в основании этого слоя, в южной половине раскопа открыты различные деревянные конструкции (рис. 15, Б). В кв. 1 и западной части кв. 2 был зафиксирован «настил из плотно пригнанных друг к другу различных по толщине бревен и жердей», а на остальной площади кв. 2 отмечены бревна и плахи, которые своим расположением напомнили Н. П. Пахомову «сруб с различными деталями и подкладками» (Пахомов, 1969. Л. 138). По данным автора раскопок, конструкции были сооружены в основном из ольхи и березы. Только «при сооружении „сруба“» были использованы «небольшое сосновое дерево и три дубовых чурбака, изготовленных из одного, расколотого вдоль, небольшого бревна» (Там же). Основанием для открытых деревянных сооружений служили четыре бревна, зафиксированные на уровне пласта 6. Эти бревна находились на ма-

терике — серой глине. Два больших неокоренных березовых бревна толщиной 25–35 см, вдавленные в глину на глубину до 15 см, лежали параллельно друг другу в направлении север–юг на расстоянии 1 м. Один их конец уходил под южную стенку раскопа, а другой, «обращенный в сторону канала, был заострен топором» (Там же. Л. 139). В одном из бревен имелось «углубление для крепления переводины» (Там же). «Еще два нетолстых бревна», уходящие под южную и западную стенки раскопа, располагались «почти перпендикулярно» первым (Там же)⁵². Наличие в пласте 5 «значительного слоя щепы, соломы и навоза» привело Н. П. Пахомова к предположению о нахождении на исследованном участке поселения загона для скота (Там же. Л. 138).

При разборке культурного слоя в пластах 3–5 собрано большое количество костей животных⁵³ и керамики. Среди последней на уровне пласта 3,

⁵² В публикации Н. П. Пахомова открытые предматериковые конструкции описаны как «деревянное сооружение из трех толстых (до 35 см) березовых бревен со сплошным жердевым березовым настилом» (Пахомов, 1970. С. 25).

⁵³ Отмечено, что в пласте 5 собрано 352 кости (Пахомов, 1969. Л. 138).

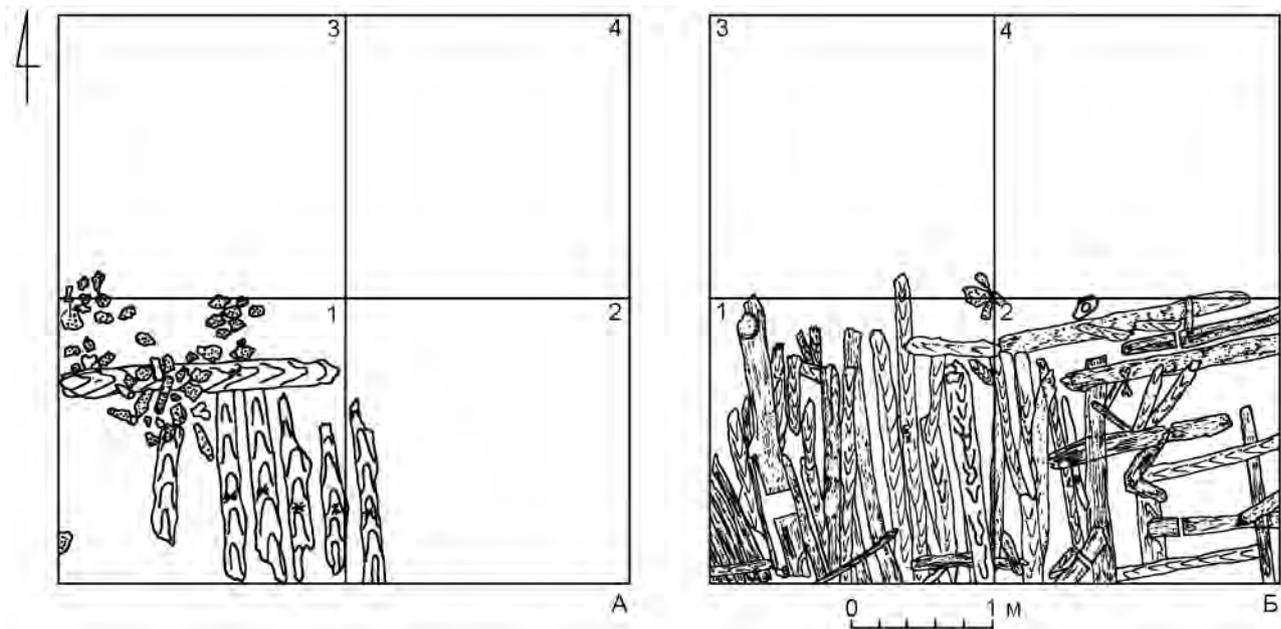

Рис. 15. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова, 1969 г. Раскоп II. Планы на уровне пластов 3 (А) и 5 (Б) (Пахомов, 1969. Большеформатный чертеж)

Fig. 15. Rurikovo Gorodishche. Excavation II (1969) by N. P. Pakhomov. Plans at the level of the 3rd (A) and 5th (B) strata (Пахомов, 1969. Attached drawing)

по словам Н. П. Пахомова, «наряду с гончарной ранних типов было довольно много лепной» (Пахомов, 1969. Л. 136)⁵⁴. Из индивидуальных находок здесь встречены только три стеклянные бусины: синяя и желтая (рис. 10, 19) рубленные бисерины, а также фрагмент многочастной пронизки. В пласте 4 найдено значительное число обломков керамической посуды, в основном лепной (рис. 16, 3, 5, 8)⁵⁵, а также несколько других предметов: пластинка и часть иглы от кольцевидной булавки (рис. 10, 32) из медного сплава, два железных гвоздя, желтая бисерина (рис. 10, 18)⁵⁶,

⁵⁴ В фондах НГОМЗ керамики из этого пласта практически не представлено, за исключением одного лепного фрагмента (рис. 16, 1). Зато в коллекции есть обломки лепных и раннегончарных горшков (рис. 16, 1, 4, 6, 7, 9), которые, судя по шифрам, происходят из вышележащего пласта 2. В соответствующем месте текста отчета о них не говорится. Возможно, имеет место какая-то путаница.

⁵⁵ Н. П. Пахомов в тексте отчета сообщает о найденных в этом пласте фрагментах венчиков, по краю которых «имеется орнамент в виде ломаной линии» (Пахомов, 1969. Л. 138). Многочисленные обломки горшка с таким декором присутствуют в коллекции (рис. 17, 8), но они зашифрованы как происходящие из кв. 1 и 2 пласта 5.

⁵⁶ В фондах НГОМЗ хранится также зеленая бисерина (рис. 10, 20), отнесенная по коллекционной описи к тому же пласту и квадрату, что и желтая.

керамический шарик. Кольцевидные булавки, найденные на территории Древней Руси, являлись деталями скандинавской мужской одежды эпохи викингов (Янссон, 1999. С. 27–29; Носов, Хвоцинская, 2004). На Городище представлено около 30 экземпляров этой категории украшений (Носов, Хвоцинская, 2004. С. 229–232; Носов и др., 2017. С. 48, 71, 74, 92, 95, 184, рис. 6, 5, 7; 38, 5, 7; 88, 18; ил. 18, 21). При разборке пласта 5 была встречена исключительно лепная керамика (рис. 17, 1, 3, 5, 6, 8). Среди вещевых находок в предматериковом слое «щепы и навоза» отмечены: фрагмент подковообразной фибулы с многогранными головками (рис. 10, 29), четыре железных гвоздя, костяная проколка (рис. 11, 12), сланцевые точильные бруски (один целый и два фрагмента) и обломок глиняного пряслица, а на одном из бревен настила в кв. 1 было найдено дно берестяного туеса. Под деревянными конструкциями никаких артефактов не встречено.

Важным моментом представляется определение месторасположения раскопа II и его соотношения с другими раскопами, заложенными в разные годы на южном берегу Сиверсова канала. В отчете Н. П. Пахомова написано, что он находился в 35 м восточнее первого и «примыкал своей восточной стенкой к раскопу 1965 г., который исследовался М. Д. Полубояриновой»

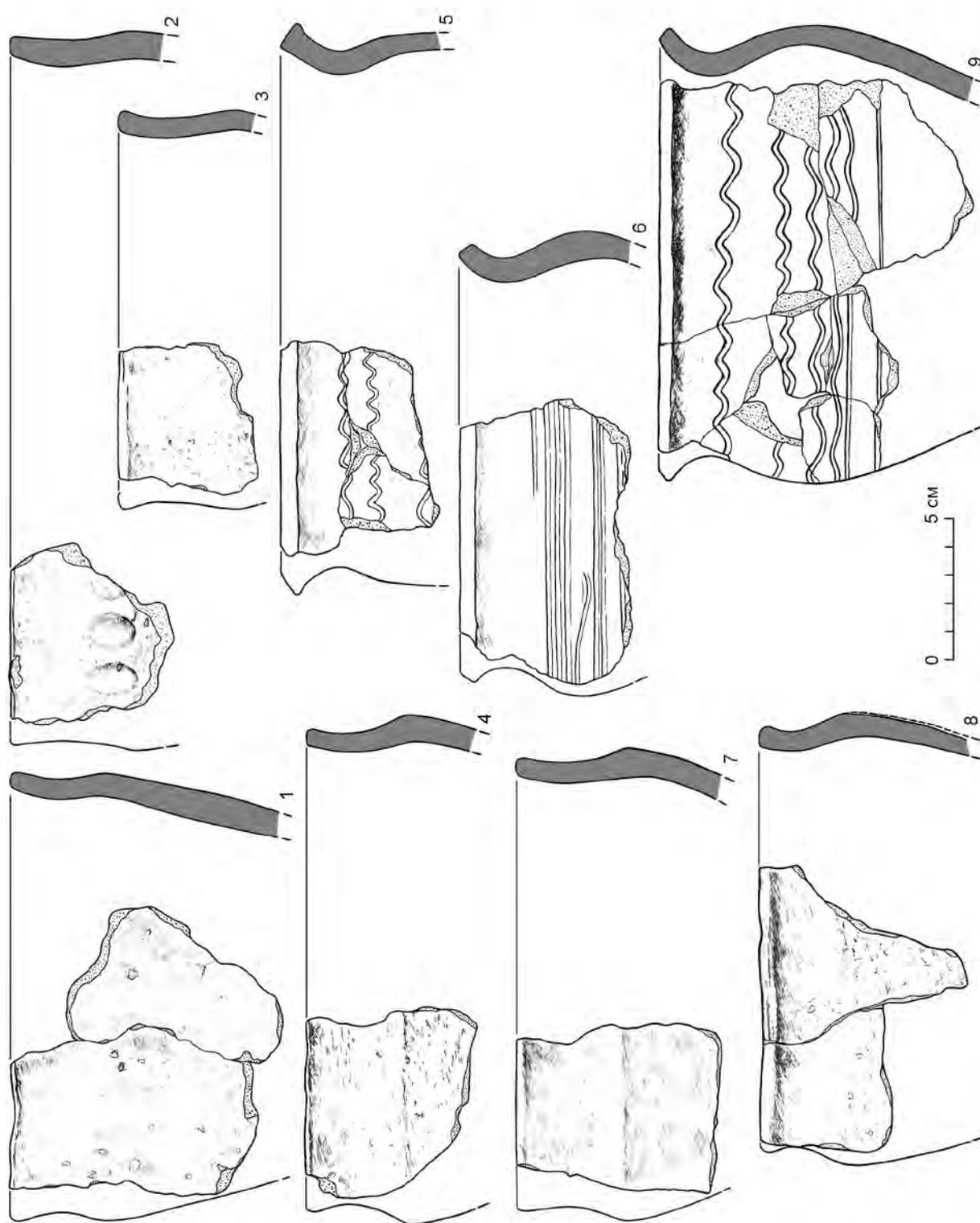

Рис. 16. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова, 1969 г. Керамика из раскопа II
 Fig. 16. Rurikovo Gorodishche. Pottery from the excavation II (1969) by N. P. Pakhomov

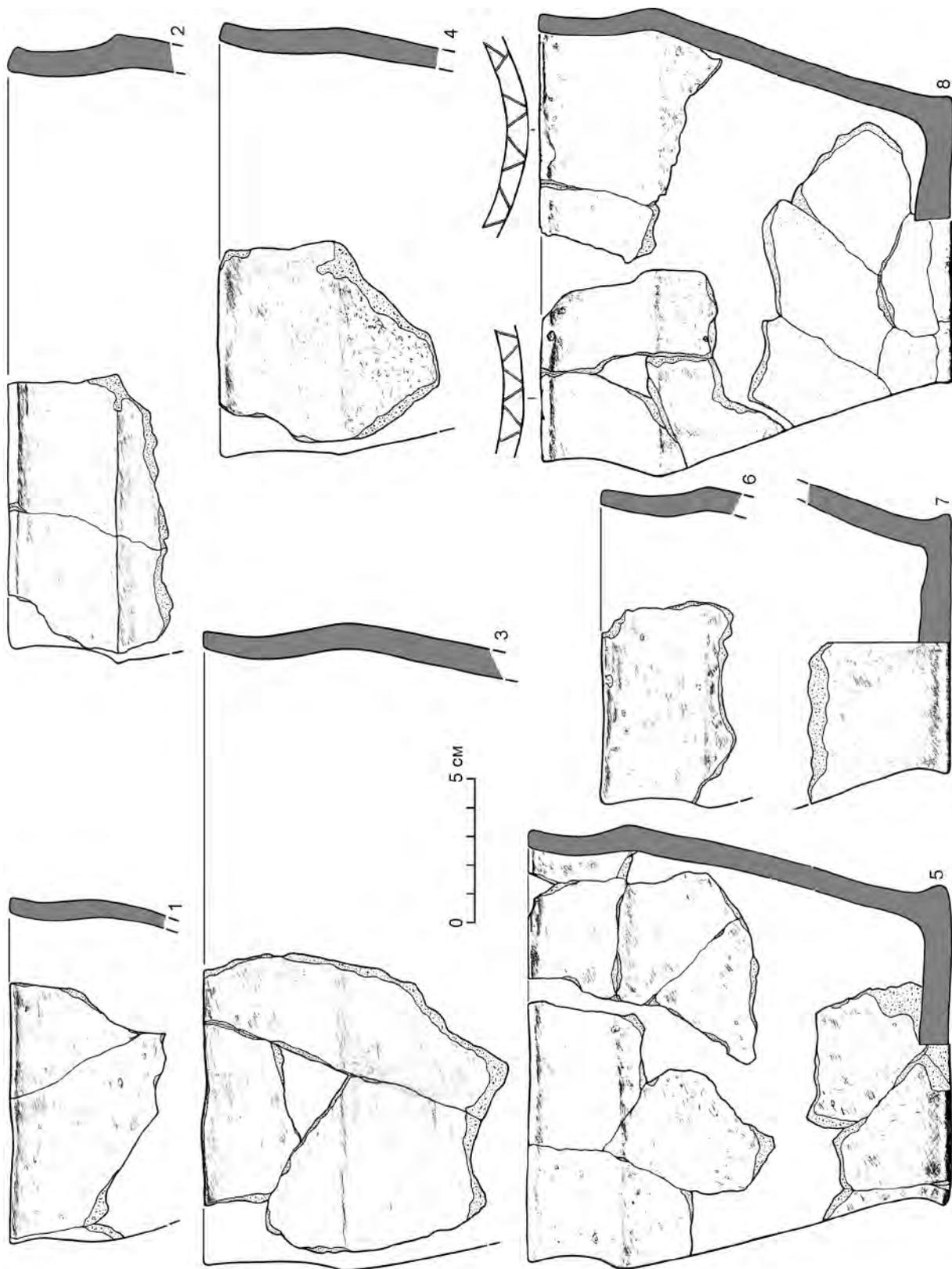

Рис. 17. Рюриково городище. Раскопки Н. П. Пахомова, 1969 г. Керамика из раскопов II и IV
Fig. 17. Rurikovo Gorodishche. Pottery from the excavations II and IV (1969) by N. P. Pakhomov

(Пахомов, 1969. Л. 133), то есть к ее шурфу 3⁵⁷. В полевом дневнике Е. Н. Носова за 1975 г. говорится, что раскоп этого сезона «вплотную примыкает с востока к раскопу Н. П. Пахомова 1969 г.» (Носов, 1975. Л. 3)⁵⁸. Другие данные представлены ученым в книге 1990 г. В ней написано, что «траншея 1975 г. <...> находилась в 100 м от Волхова, в 20 м к востоку от шурфа № 3 М. Д. Полубояриновой и раскопа II 1969 г. Н. П. Пахомова» (Носов, 1990. С. 37). На плане Городища последние расположены к северу от раскопа 1980 г. (Там же. Рис. 4). Однако, скорее всего, остатки сгоревшего сооружения, зафиксированного в пласте 3, являются частью срубного жилого дома, исследованной позднее в раскопах 1975 и 1993–1996 гг. (Носов, 1990. С. 40, рис. 8, I; Носов и др., 2017. С. 194, рис. 100, А)⁵⁹. Исходя из наличия в слое лепной и круговой керамики, Н. П. Пахомов считал, что эту постройку следует датировать «временем не позднее X в.» (Пахомов, 1970. С. 25). При исследовании отложений черного гумуса в раскопе 1975 г. было собрано большое количество фрагментов раннегончарной керамики. По наблюдениям В. М. Горюновой, здесь отмечены как сосуды, изготовленные в архаичной технологии, так и горшки поздних типов, появившихся на Городище на третьем этапе развития раннекруговой посуды, отнесенном исследовательницей к последним десятилетиям X в. (Носов и др., 2005. С. 93, 95–97). Присутствие в коллекции 1975 г. нескольких фрагментов перекаленных и ошлакованных обломков гончарной керамики позволяет предположительно датировать пожар, в котором сгорел зафиксированный при раскопках дом, 980 г. (Плохов, 2021).

Кроме исследований на двух небольших раскопах в 1969 г. Н. П. Пахомовым была проведена

зачистка культурных отложений на южном берегу Сиверсова канала на участке длиной 28 м. При этом были зафиксированы значительные участки неотроженного культурного слоя с хорошо сохранившимися остатками раннесредневековых деревянных построек (Пахомов, 1970). К сожалению, в отчете имеется только упоминание об этих работах, но никакой документации не представлено (Пахомов, 1969. Л. 139). В фондах Новгородского музея-заповедника хранится несколько находок, привязанных к раскопу, или шурфу, IV 1969 г. (два обломка стеклянных браслетов, пять экземпляров рубленого бисера (рис. 10, 21–25), глазчатая бусина (рис. 10, 26), 14-гранная сердоликовая бусина, несколько фрагментов лепной (рис. 17, 2, 4) и гончарной керамики), которые, скорее всего, происходят из этой зачистки.

Заключение

Таким образом, исследованиями 1960-х гг. была изучена стратиграфия культурных напластований в южной части Рюрикова городища. Работы показали присутствие на памятнике отложений конца I тыс. н. э., в которых были зафиксированы остатки различных деревянных объектов. Материалы из шурфов М. Д. Полубояриновой показывают, что древнейшие стратифицированные слои в этой части Городища залегают узкой полосой вдоль берега канала, а далее к югу, в сторону древнего русла Волховца, резко выклиниваются. Эти данные в дальнейшем были подтверждены в ходе работ экспедиции Е. Н. Носова (Носов, 1990. С. 37–47). Один из шурфов М. Д. Полубояриновой позволяет ограничить территорию средневекового поселения на юго-востоке. Н. П. Пахомовым была отмечена хорошая сохранность дерева из древнейших отложений, что, как он справедливо предполагал, «может в дальнейшем сыграть важную роль для дендрохронологической датировки» культурных слоев и сооружений на Городище (Пахомов, 1969. Л. 139). В результате раскопок собраны разнообразные находки, в том числе говорящие о функционировании на памятнике в эпоху викингов косторезной мастерской. Анализ имеющихся материалов археологических работ 1960-х гг. в южной части Рюрикова городища дает важную информацию для дальнейшего изучения хронологии и социально-топографической структуры поселения⁶⁰.

⁵⁷ Очевидно, что линия берегового обрыва за четыре года, прошедшие со времени работы М. Д. Полубояриновой, изменилась в результате весенних половодий. Особенно сильные последствия должно было вызвать наводнение 1966 г., когда максимальный уровень воды в Новгороде на 765 см превысил ноль водомерного поста (Ильина, Грахов, 1980. С. 35). Так что к 1969 г., по видимому, могла быть видна только южная часть шурфа 3. Возможно, поэтому профиль восточной стенки раскопа II Н. П. Пахомова имеет ширину только 2 м.

⁵⁸ Против плотного «примыкания» говорит не только наличие чертежа западной стенки раскопа 1975 г., но и то, что в процессе работ он был расширен на квадрат в эту сторону.

⁵⁹ Это подтверждается стыкующимися фрагментами лепного сосуда, найденными в 1969 и 1975 гг. (Рг-69, ш. 2, пл. 5, кв. 1 и Рг-75, № 223, кв. 10, темно-коричневый слой).

⁶⁰ Благодаря сотрудникам отдела хранения и изучения археологических коллекций НГОМЗ, а также сотрудников НОА ИА РАН А. А. Кудрявцева и С. А. Володина за помощь в работе над статьей.

- Артемьев*, 1991 — *Артемьев А. Р.* О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990* / Ред. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция МГУ; ИА АН СССР; НМЗ, 1991. С. 183–197.
- Арциховский*, 1930 — *Арциховский А. В.* Раскопки 1929 г. в Новгородской округе // *Материалы и исследования. Новгород: НМЗ, 1930. Вып. I. С. 20–30.*
- Бонев, Дончева*, 2011 — *Бонев С., Дончева С.* Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново: Фабер, 2011. 324 с.
- Гроздилов*, 1936 — *Гроздилов Г. П.* Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. // *СА. 1936. Т. I. С. 279–280.*
- Гроздилов*, 1940 — *Гроздилов Г. П.* Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове // *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. № 6–7: Итоги работ Второго пленума Комиссии ископаемого человека Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA) / Отв. ред. И. М. Губкин. С. 36–38.*
- Давидан*, 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi // *АСГЭ. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. Вып. 4: Славянские древности. С. 95–108.*
- Давидан*, 1966 — *Давидан О. И.* Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // *АСГЭ. Л.; М.: Советский художник, 1966. Вып. 8: Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. С. 103–115.*
- Давидан*, 1987 — *Давидан О. И.* Весовые гири Старой Ладogi // *АСГЭ. Л.: Искусство, 1987. Вып. 28: Материалы и исследования по археологии СССР. С. 119–126.*
- Давидан*, 1999 — *Давидан О. И.* Новые находки гребней в Старой Ладogi // *РА. 1999. № 1. С. 167–174.*
- Жуковский*, 2022 — *Жуковский М. О.* Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 381 с.
- Зверуго*, 1975 — *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.
- Иванова И., Иванова Н.*, 2012 — *Иванова И. В., Иванова Н. Ю.* Коллекция костяных изделий Ладogi (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладoga) // *АВ. 2012. Вып. 18. С. 124–144.*
- Ильина, Грахов*, 1980 — *Ильина Л., Грахов А.* Волхов. Л.: Гидрометеоздат, 1980. 120 с.
- Каргер*, 1934 — *Каргер М. К.* Дневник Новгородской археологической экспедиции. 1934 г. // *НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 399. 49 л.*
- Каргер*, 1941 — *Каргер М. К.* Новгород. Рюриково городище, 1934 г. // *Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 18–24.*
- Каргер*, 1947 — *Каргер М. К.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // *СА. 1947. Т. IX. С. 137–168.*
- Кирпичников*, 2008 — *Кирпичников А. Н.* Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладoga (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. Революционный терроризм и русская революция / Отв. ред. В. Н. Плешков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 329–362.
- Кирпичников*, 2009 — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладoga Волховского района Ленинградской области в 2009 г. // *НОА ИА РАН. Р-1. № 38397. 169 л. Альбом № 38397а. 94 л.*
- Кирпичников*, 2012 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки в Старой Ладogi в 2008 г. // *Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. С. 37–58.*
- Колчин*, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // *Труды Новгородской археологической экспедиции / Ред. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 7–120.*
- Кондратьева*, 2011 — *Кондратьева О. А.* Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси — России. Археологические и этнографические очерки. СПб.: Российский этнографический музей, 2011. 244 с.
- Кочкуркина*, 1982 — *Кочкуркина С. И.* Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.
- Кудрявцев, Андриенко*, 2019 — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (материалы археологических исследований 2016–2017 гг.) // *Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 113–128.*
- Куза*, 2016 — *Куза А. В.* Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 208 с.
- Кустин*, 1967 — *Кустин А. Э.* Археологические памятники начала II тысячелетия на островах Сааремаа и Муху // *СА. 1967. № 1. С. 176–186.*
- Лесман*, 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологические исследования Новгородской земли / Ред. Г. С. Лебедев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. С. 118–153.*
- Люцинский могильник, 1893* — *Люцинский могильник. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1893 (Материалы по археологии России; № 14. Древности Северо-Западного края; Т. I, вып. 2). 47 с., прил. 36 с., XV табл.*

- Медведев*, 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции / Ред. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 121–191.
- Медведев*, 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 184 с.
- Минасян*, 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21: Материалы и исследования по археологии СССР. С. 68–74.
- Мурашнёва, Фетисов*, 2013 — *Мурашнёва В. В., Фетисов А. А.* Торговый инвентарь в контексте «портового хозяйства» Гнёздова // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто и чл.-кор. АН СССР А. П. Новосельцева (Москва, 17–19 апреля 2013 г.): Материалы конф. / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. С. 203–205.
- Носов*, 1975 — *Носов Е. Н.* Полевой дневник раскопок на «Рюриковом» городище под г. Новгородом // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1975. Д. 70. 15 л.
- Носов*, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Носов, Хвоцинская*, 2004 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В. В. Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 227–233.
- Носов и др.*, 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя: Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII). 404 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- Орлов*, 1961 — *Орлов С. Н.* Отчет об археологических раскопках древнего поселения близ Перыни под Новгородом // НОА ИА РАН. Р-1. № 2350. 27 л.
- Орлов*, 1963а — *Орлов С. Н.* Отчет к открытому листу № 146 на имя Орлова Сергея Николаевича по исследованию остатков Аркажского монастыря под Новгородом // НОА ИА РАН. Р-1. № 2760. 74 л. Альбом № 2760а. 23 л.
- Орлов*, 1963б — *Орлов С. Н.* Описание археологических находок с Рюрикова городища, 1963 год // НГОМЗ. Отдел хранения и изучения письменных источников. КП 38136/193. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 105.
- Орлов*, 1973а — *Орлов С. Н.* Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1973. № 135: Славяно-русские древности. С. 77–79.
- Орлов*, 1973б — *Орлов С. Н.* Рукопись статьи «Археологические исследования на „Рюриковом“ городище по Новгородом» // НГОМЗ. Отдел хранения и изучения письменных источников. КП 38136/340. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 197.
- Пахомов*, 1968 — *Пахомов Н. П.* Отчет об археологических раскопках Новгородского музея на территории Рюрикова (Новгородского) городища в 1967–68 гг. // НОА ИА РАН. Р-1. № 4217. 56 л., 2 чертежа большого формата. Альбом 4217а. 39 л., 39 ил.
- Пахомов*, 1969 — *Пахомов Н. П.* Археологические исследования 1969 г. в южной части «Рюрикова» (Новгородского) городища // *Арциховский А. В., Янин В. Л., Колчин Б. А., Авдусина Г. А., Ершевский Б. Д.* Отчет Новгородской экспедиции за 1969 г. НОА ИА РАН. Р-1. № 3996. Л. 117–141, чертеж большого формата.
- Пахомов*, 1970 — *Пахомов Н. П.* Раскопки Рюрикова городища // Археологические открытия 1969 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 24–25.
- Пахомов*, 2020 — *Пахомов Н. П.* Монетные клады Новгородской области. М.: ИА РАН, 2020. 124 с.
- Плохов*, 2009 — *Плохов А. В.* Орнаментация лепной керамики Рюрикова городища // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье: Доклады Междунар. российско-литовского семинара (С.-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 52–79.
- Плохов*, 2020 — *Плохов А. В.* Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища // АВ. 2020. № 28. С. 88–108.
- Плохов*, 2021 — *Плохов А. В.* Пожар последней четверти X в. на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 119–128.
- Плохов*, 2022 — *Плохов А. В.* Планиграфия и хронология раннесредневекового Рюрикова городища по материалам раскопок 1980-х гг. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2022. Вып. 35. С. 181–196.
- Плохов*, 2023 — *Плохов А. В.* Один из типов раннекруговой посуды Рюрикова городища: продукция гончара Владимира Святославовича? // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: Сб. ст. в честь 70-летия М. Казанского* / Отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антикава, 2023 (Византийский Крым). С. 245–251.
- Полубояринова*, 1965 — *Полубояринова М. Д.* Отчет о работах на Городище в 1965 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 3319. 9 л., 10 ил., 3 чертежа большого формата.
- Полубояринова*, 1972 — *Полубояринова М. Д.* Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое

- в археологии: Сб. ст., посв. 70-летию А. В. Арциховского / Ред. В. Л. Янин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 217–223.
- Равдоникас*, 1934 — *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // *Известия ГАИМК*. 1934. Вып. 94. С. 4–53.
- Раппопорт*, 1975 — *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. СПб.: Наука, 1975 (САИ; Вып. Е1-32). 180 с.
- Рябинин*, 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на земляном городище 1972–1975 гг.) // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования* / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин, Черных*, 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // *СА*. 1988. № 1. С. 72–100.
- Седых, Френкель*, 2022 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Опыт датировки кургана с сожжениями, исследованного в 1990 г. в Тимерёвском некрополе: некоторые соображения, касающиеся некрополей Верхнего Поволжья, ладожских бус и скандинавских фибул // *Ладожские чтения. История, археология, искусство*. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Залогина. Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2022. С. 104–116.
- Спицын*, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896 (Материалы по археологии России; № 20). 124 с.
- Френкель*, 2008 — *Френкель Я. В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // *АИППЗ*. Вып. 23. Псков: ИА РАН, 2008 (Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы LIII заседания). С. 228–252.
- Хвоцинская*, 1999 — *Хвоцинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина*: Сб. ст. / Ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 39–50.
- Черных*, 1996 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология. М.: Нох, 1996. 216 с.
- Янссон*, 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина*: Сб. ст. / Ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Davidan*, 1992 — *Davidan O. I.* Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Die Sammlung der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. 1992. Jahr. 20. Köln; Bonn, 1992. S. 5–61.
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki: Weilin & Göös, 1973. 150 S., 147 Taf.
- Latvijas...*, 1974 — *Latvijas PSR arheoloģija*. Riga: Zinātne, 1974. 374 p.
- Lehtosalo-Hilander*, 1982 — *Lehtosalo-Hilander P. L.* Luistari II. The Artefacts. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1982 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; Vol. 82: 2). 197 p.
- Selirand*, 1974 — *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11–13 sajand.). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 376 lk.
- Thunmark-Nylén*, 1995 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm: Kung. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. 396 p.
- Thunmark-Nylén*, 1998 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm: Kung. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. 18 p., 316 Pl.
- Thunmark-Nylén*, 2006 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. III: 1. Text. Stockholm: Kung. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2006. 376 p.
- Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970 — *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuvai IX–XII amžiais. Vilnius: Mintis, 1970. P. 296.

Southern part of the early medieval Rurikovo Gorodishche (on the materials of excavations of the 1960s)

A. V. Plokhov⁶¹

Keywords: Rurikovo Gorodishche, Early Middle Ages, Viking age, S. N. Orlov, M. D. Poluboyarinova, N. P. Pakhomov.

In the Early Middle Ages the settlement at Gorodishche occupied a significant part of the first hillock from Lake Ilmen on the right bank of the Volkhov River, as well as the adjacent lowland promontory. The Sivers Canal, built

⁶¹ Alexey V. Plokhov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: a_plokhov@mail.ru.

through the latter in 1798–1803, destroyed the main part of its cultural layer. The researchers looking for places with undisturbed stratified cultural deposits constantly came to the southern bank of the canal. Almost all archaeologists who worked on Rurikovo Gorodishche conducted excavations here.

This article is devoted to the research carried out in the 1960s in this part of the site by S. N. Orlov (fig. 1; 2), M. D. Poluboyarinova (fig. 3–6) and N. P. Pakhomov (fig. 7–17). The turning to the materials of these works is connected both with the necessity of their more complete publication and with their importance for clarifying the stratigraphy and spatial organization of the early medieval settlement in this part of the Rurikovo Gorodishche.

The studies of the 1960s revealed the stratigraphy of cultural deposits in different places of the southern part of Rurikovo Gorodishche. The works showed the presence of sediments of the end of the 1st millennium AD, in which the remains of various wooden objects were recorded. The materials obtained by M. D. Poluboyarinova show that the oldest stratified layers in this part of the settlement lie in a narrow strip along the canal's bank, and further to the south, towards the old riverbed of Volkhovets, they sharply wedge out. One of the pits laid by the researcher allows to limit the territory of the medieval settlement in the south-east. N. P. Pakhomov noted the good preservation of wood from the oldest sediments, which, as he rightly assumed, would play an important role for dendrochronological dating of cultural layers and structures at Gorodishche. As a result of the excavations, various finds were collected, including those indicating the functioning of a bone-carving workshop at the site during the Viking age. The analysis of the available materials of archaeological works of the 1960s in the southern part of Rurikovo Gorodishche provides important information for further study of the settlement's chronology, social and topographical structure.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О взаимосвязях элементов обряда и биологических характеристик погребенных (на примере объекта Гонур 20)¹

В. В. Куфтерин, О. В. Сычева, А. В. Фрибус, Н. А. Дубова²

Аннотация. С целью выявления взаимосвязей между элементами погребального обряда (восемь признаков), а также биологическими и палеопатологическими характеристиками погребенных (10 признаков) проанализированы материалы из раскопок памятника Гонур 20. Статистическая обработка данных включала расчет ранговых корреляций между переменными с последующей точечной проверкой статистической значимости. Обнаружен ряд достоверных трендов в распределении остеологических индикаторов и изменчивости признаков погребального обряда.

Ключевые слова: биоархеология, погребение, неравенство, остеологические индикаторы, эпоха бронзы, БМАК / Цивилизация Окса, Туркменистан.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-327-338

Введение

Реконструкции социально-экономических аспектов функционирования древних обществ, выполненные на стыке дисциплин и с привлечением разнообразных групп источников, продолжают оставаться популярным направлением изучения материалов погребальных памятников (Quinn, Beck, 2016; Dong et al., 2017; Binsfeld et al., 2022; Kay et al., 2022).

Особый интерес в этом контексте вызывают разработки в области выявления социального

«статуса» и социальной стратификации (социального неравенства) в сложных социумах с опорой на данные биоархеологии и археологии погребений (Robb et al., 2001; Griffin et al., 2011; Dong et al., 2017; Kay et al., 2022). Древнеземледельческие общества Средней Азии, очевидно, характеризовались жесткой иерархией социальных рангов и развитой социальной стратификацией еще в догосударственный период (Алёкшин, 1986. С. 161, 176). В связи с этим большой интерес представляет продолжение исследований вышеобозначенных аспектов на материалах Гонур-депе (2300–1500 гг. до н. э.) — одного из наиболее крупных и полно изученных памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (цивилизации Окса) в Юго-Восточном Туркменистане.

Вопрос о социальной стратификации гонурского общества впервые был поставлен В. И. Сариниди. Опираясь на материалы раскопок Большого некрополя Гонура и типологию погребальных сооружений, он отмечал, что представители «элиты» захоранивались в камерных гробницах и цистах (4–5 % погребений), «среднего класса» — в подбойных (шахтных) могилах (75–85 %), бедного слоя населения — в простых грунтовых ямах (10–20 %) (Сариниди, 2001. С. 35, 36; Sarinidi, 2007. Р. 124, 125). Ряд работ в аспекте изучения социальной стратификации на материалах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01720, <https://rscf.ru/project/23-28-01720/>) в ИИМК РАН. Все работы в Гонурском оазисе проводятся в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана.

² Куфтерин В. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Москва, Россия; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru. Сычева О. В., Фрибус А. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: olysycheva@gmail.com, fribus@list.ru. Дубова Н. А. — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Москва, Россия; e-mail: dubova_n@mail.ru.

© Куфтерин В. В., Сычева О. В., Фрибус А. В., Дубова Н. А., 2024

памятника был проведен с привлечением данных краниологии (Дубова, Куфтерин, 2017; 2019; Куфтерин и др., 2023), палеопатологии (Куфтерин и др., 2021) и зооархеологии (Сатаев и др., 2023). В этих исследованиях, однако, недостаточное внимание уделялось специфике отдельных локальных участков комплекса.

Детальное изучение локальных некрополей, особенно с учетом «длинной» хронологии Гонур-депе, представляет несомненный интерес в плане выявления как временных, так и пространственных трендов в изменчивости элементов погребального обряда, которые могли быть обусловлены спецификой социального «статуса» погребенных. Специальным вопросом является рассмотрение взаимосвязей между предполагаемыми социальными и биологическими характеристиками индивидов, реконструируемыми с опорой на остеологические материалы.

В настоящей работе с целью выявления взаимосвязей между элементами погребального обряда, а также биологическими и палеопатологическими характеристиками погребенных анализируются материалы из раскопок памятника Гонур 20. Отметим, что предварительные результаты палеопатологического изучения части антропологической коллекции из этого объекта ранее были опубликованы одним из авторов (Куфтерин, 2012).

Материал и методика исследования

Гонур 20 — сателлитное поселение, расположенное в 2 км к югу от дворцово-храмового комплекса Северного Гонура. Памятник был открыт в 2010 г. Р. М. Сатаевым и В. В. Куфтеринным, раскопки проводились в 2010–2011, 2019 и 2023 гг. На поселении выделяются два участка. На южном (раскоп 1) зафиксировано не менее 14 керамических печей, жилые постройки и производственные зоны, а также 10 погребений (четыре из них принадлежат животным). Северный участок (раскоп 2) имеет более сложную планировку (рис. 1, 1). Здесь исследовано несколько жилых кварталов, производственные помещения, а также 82 объекта (погребения и поминальники) (Сарианиди, Дубова, 2012. С. 40–43; Дубова и др., 2021. С. 119–126). Анализ планиграфии показывает, что отдельные типы погребений не образуют на памятнике выраженных локальных групп (рис. 1, 2, 3).

С археологической точки зрения характерной особенностью некрополя Гонура 20 является присутствие нетипичных погребальных конструк-

ций, включая надмогильные сооружения, большое количество сосудов, наличие редких престижных предметов в составе сопроводительных наборов (Агаханова и др., 2022; Фрибус и др., 2023; Fribus et al., 2020). Имеющиеся на сегодняшний момент даты по ^{14}C позволяют синхронизировать основную часть погребений Гонура 20 с периодом активного развития центрального комплекса Гонур-депе (2100–1800 гг. до н. э.).

В основу исследования положены материалы из всех раскопанных к настоящему времени погребений Гонура 20, содержащих скелетные останки взрослых (≥ 18 лет) индивидов. На последние приходится 48,4 % (44/91) от общего числа объектов, исследованных на двух раскопах памятника, и 65,7 % (44/67) от общего числа погребений с антропологическим материалом (остальные — детские). Всего проанализированы восемь элементов погребального обряда: конструкция погребального сооружения (в целях формализации выделены три типа — «циста», «подбой», «яма»); положение погребенного (на правом или левом боку); общее количество инвентаря в погребении; количество сосудов и инвентаря за исключением сосудов; наличие металлических изделий; наличие статусных артефактов (жезлов, изделий из слоновой кости, уникальных предметов); присутствие напутственной мясной пищи (костей животных за исключением таранных костей МРС — «альчиков»).

Отметим, что формализация некоторых характеристик обряда (в частности, типа погребального сооружения) произведена из соображений необходимости увеличения числа наблюдений в выборке. В связи с этим конструктивные особенности отдельных типов погребений (подтипы) не учитывались. По аналогичным соображениям редкие типы погребальных конструкций (например, единичные камерные гробницы) объединены в одну группу с цистами. Из-за небольшого объема выборки также не рассматриваются отдельные слабо изменчивые (ориентация, положение рук погребенных) или, наоборот, сильно переменные (отдельные типы сосудов и инвентаря) элементы погребального обряда. Подобный подход позволил апробировать и верифицировать методику, которая в дальнейшем может быть использована для анализа больших массивов данных локальных некрополей Гонур-депе.

В качестве биологических и палеопатологических коррелятов погребального обряда привлечен набор из 10 признаков. Базовыми индивидуальными характеристиками погребенных выступали

биологический пол и категориальная (< 35 лет, ≥ 35 лет) и точечная (середина возрастного интервала) оценки скелетного возраста. Как прокси-показатели стрессовых воздействий в детском возрасте рассматривались реконструированная дефинитивная длина тела и наличие или отсутствие линейной гипоплазии эмали зубов. Пять признаков: наличие или отсутствие кариозных поражений, узлов Шморля (хрящевых грыж) позвонков грудного и поясничного отделов, отложений новообразованной костной ткани на диафизах длинных костей («периостит»), скелетных травм, а также общий средний балл развития рельефа длинных костей, — выступали остеологическими индикаторами стрессов и габитуальными характеристиками взрослого состояния (Robb, 2019. P. 62).

Пол и возраст определялись в соответствии с морфологическими и инволютивными особенностями имеющихся в сохранности скелетных элементов, прежде всего таза и черепа (Buikstra, Ubelaker, 1994. P. 16–38). В силу особенностей комплектности и сохранности материала длина тела рассчитывалась по любой имеющейся в наличии длинной трубчатой кости (предпочтительно бедренной или большеберцовой). Использовались формулы М. Троттера и Г. Глезера в редакции 1952 г. для женщин и 1958 г. — для мужчин (Trotter, Gleser, 1952; 1958). Учет эмалевого гипоплазии и кариеса велся на индивида, при выраженности признака от балла 2 и наличии минимум половины передних зубов в первом случае (Steckel et al., 2018. P. 406, 407) и любой степени повреждения при наличии минимум половины задних зубов — во втором (Бужилова, 1998. С. 99). Учитывались узлы Шморля любой локализации и любой степени выраженности (Там же. С. 119, 120) при наличии в сохранности более половины позвонков грудного и поясничного отделов. «Периостит» регистрировался на всех имеющихся длинных костях, при этом баллы 1 и 2 выраженности показателя («отсутствие» и «продольная исчерченность диафиза» соответственно) во внимание не принимались (Steckel et al., 2018. P. 418, 419). Учитывались все типы скелетных повреждений со следами заживления, вне зависимости от количества и локализации у индивида (Ibid. P. 417, 418). Степень развития элементов рельефа длинных костей оценивалась по трехбалльной шкале с включением промежуточных градаций (Медникова, 1998). В качестве индивидуального показателя развития рельефа выступал модифицированный общий средний балл (ОСБ) (Пежемский, 2000) — среднее

арифметическое баллов всех доступных для оценки признаков по всем имеющимся в сохранности длинным костям.

Специфика статистической обработки подобных массивов данных заключается в том, что они включают переменные разных типов: как номинальные (пол, наличие или отсутствие той или иной патологии или категории предметов) и ординальные (конструкция погребального сооружения) категориальные, так и дискретные (количество сосудов и инвентаря) и непрерывные (длина тела) числовые. Первый способ анализа такого рода смешанных данных заключается в использовании многомерных методов, например, неметрического многомерного шкалирования матрицы коэффициентов сходства Гауэра (Pechenkina, Delgado, 2006), а также простого или множественного анализа соответствий (с включением только категориальных данных) (Griffin et al., 2011; Laffranchi et al., 2021). Второй способ состоит в применении двухмерных или более сложных перекрестных таблиц для оценки вероятности связей между переменными с последующей точечной проверкой статистической значимости (Robb et al., 2001). Ввиду наличия значительного количества пропусков в данных и проблематичности их восстановления для категориальных переменных (Wissler et al., 2022) был выбран второй способ.

На первом этапе производилось сравнение характеристик обряда и особенностей распределения остеологических индикаторов в подвыборках, сформированных по половому принципу (мужчины vs женщины). Для категориальных данных использовался точный тест Фишера или критерий хи-квадрат, для числовых данных — тест Манна–Уитни, в ряде случаев параллельно с непарным *t*-критерием. На втором этапе для всей совокупности и разнополых подвыборок были рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции между всеми анализируемыми переменными. Для пар переменных, между которыми выявлены статистически значимые корреляции ($p < 0,05$), проводилась точечная проверка взаимосвязей с использованием тестов Манна–Уитни или однофакторного ANOVA параллельно с тестом Краскела–Уоллиса. Для бинарных переменных точечная проверка проводилась с применением индексов, учитывающих как положительные, так и отрицательные совпадения — расширенного коэффициента Жаккара (Baroni Urbani, 1980; Chung et al., 2019) в первом случае и коэффициента Барони–Урбани–Бюссера (Baroni Urbani, Buser, 1976) — во втором.

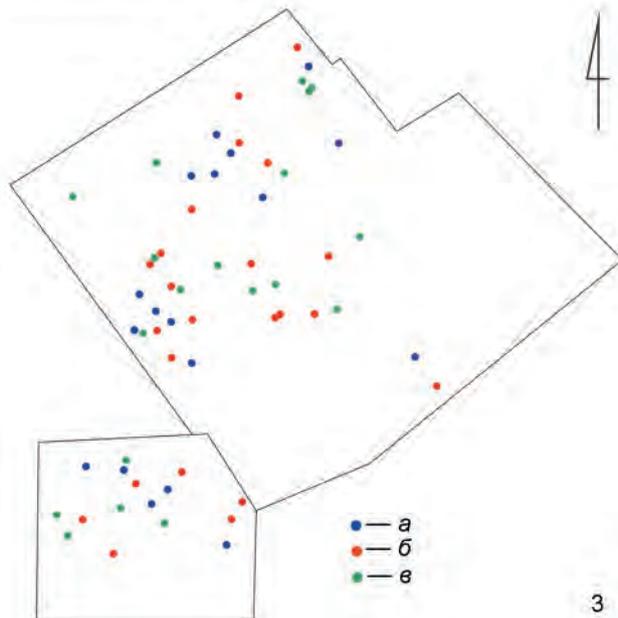
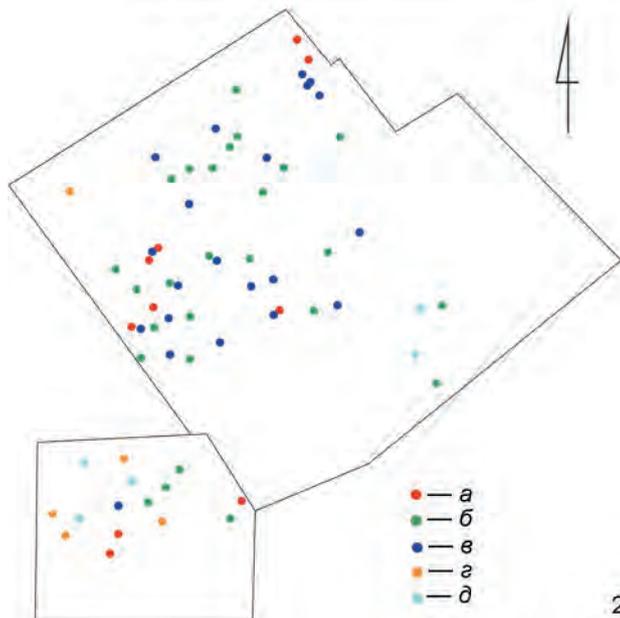

Рис. 1. Общий план памятника Гонур 20, раскоп 2 и планиграфия погребений: 1 — общий план (*a* — погребения, *b* — поминальники); 2 — локализация основных типов погребальных конструкций (*a* — циста, *b* — подбой, *v* — яма, *z* — хум, *d* — нетипичная конструкция); 3 — локализация мужских, женских и детских могил (*a* — мужские погребения, *b* — женские погребения, *v* — детские погребения)

Fig. 1. Gonur 20, Area 2. General plan and burial planigraphy: 1 — general plan (*a* — burials, *b* — ritual objects); 2 — location of the main types of burial structures (*a* — cist, *b* — shaft tomb, *v* — pit, *z* — hum, *d* — atypical construction); 3 — location of male, female and non-adult (child) graves (*a* — male, *b* — female, *v* — non-adult)

Результаты

Рассмотрение данных, представленных в таблице 1, позволяет констатировать, что достоверные различия в распределении остеологических индикаторов и характеристиках обряда между подвыборками, сформированными по гендерному принципу, отсутствуют. Единственное исключение, по очевидным причинам, касается длины тела: у индивидов, чья половая принадлежность определена как мужская, значения показателя статистически значимо выше таковых для индивидов, чей пол установлен как женский. Заметные, но не достигающие уровня статистической значимости различия касаются также некоторого преобладания узлов Шморля в мужской подгруппе. В ней же больше погребений с наличием костей животных (напутственная пища) и меньше — с металлическими артефактами. В целом гендерная принадлежность, по-видимому, не являлась определяющей для дифференциации элементов обряда, а распределение остеологических индикаторов в выборке в слабой степени обусловлено фактором пола.

Анализ коэффициентов ранговой корреляции позволяет выявить в общей сложности 18 пар признаков, между которыми имеются статистически значимые связи, в основном умеренной или средней силы (табл. 2). В мужской подвыборке выявлено 13 значимых корреляций ($p < 0,05$), девять из которых высоко значимы ($p < 0,01$). Наиболее сильные связи ($r_s > 0,70$) обнаруживают здесь две пары признаков: длина тела обратно скоррелирована с возрастом погребенных, а наличие узлов Шморля прямо связано с наличием травматических повреждений. В женской подвыборке значимых корреляций всего пять, из них одна высоко значимая — между общим количеством инвентаря и наличием металлических артефактов в погребении (как и у мужчин), а одна характеризуется сильной связью — для погребенных в цистах характерно лучшее развитие мышечного рельефа длинных костей. В объединенной по полу выборке значимых корреляций 17 (не подтверждается выявленная в мужской группе связь длины тела с возрастом). Из них высоко значимы десять, а

две пары признаков характеризуются сильной связью: ОСБ развития рельефа длинных костей выше у погребенных в цистах, и у этих же индивидов чаще наблюдались кариозные поражения зубов.

Точечная проверка для пар переменных, между которыми выявлены статистически значимые корреляции в объединенной выборке, не подтвердила связь между степенью развития мышечного рельефа длинных костей и типом (конструкцией) погребального сооружения, а также количеством сосудов в погребении и наличием заупокойной пищи (табл. 3). Для бинарных признаков рассмотрение коэффициентов сходства позволяет усомниться в валидности связи между наличием металлических и статусных артефактов в погребении (табл. 4). Учет только положительных совпадений продемонстрировал приближающееся к достоверному уровню сходство в распределении лишь узлов Шморля и травматических повреждений. С учетом отрицательных совпадений достоверным оказывается сходство не только в распределении этих признаков, но и между наличием статусных артефактов с одной стороны, а также узлов Шморля и скелетных травм — с другой. Распределение последних демонстрирует сходство и с наличием металлических артефактов в погребении. Попутно следует отметить, что применение коэффициентов общности, учитывающих негативные совпадения, серьезно критикуется, в том числе по той причине, что редкие признаки с частым совпадением нулевых ячеек получают высокие значения индекса, тогда как целью является поиск совместно встречающихся, а не совместно отсутствующих признаков (Казарницкий и др., 2015. С. 68).

Обобщая полученные результаты, можно констатировать наличие следующих достоверных трендов в распределении остеологических индикаторов и изменчивости признаков погребального обряда для объединенной выборки из объекта Гонур 20. Захоронения в цистах сопровождаются большим количеством как инвентаря в целом, так и сосудов. Количество последних положительно связано с наличием в погребении металлических

артефактов, а инвентаря — еще и с наличием заупокойной пищи. Наконец, большим количеством инвентаря и сосудов сопровождаются наиболее типичные захоронения с положением погребенного на правом боку. Труположение на правом или левом боку при этом не связано с конструкцией погребального сооружения ($r_s = 0,17$; $p = 0,347$). Определенные положительные связи, по-видимому, есть между наличием травм на скелете погребенного и присутствием инвентаря без сосудов, в том числе статусных и металлических артефактов. Наличие скелетных травм нередко сопровождается присутствием индикаторов механической нагрузки на осевой скелет — узлов Шморля, а кариозных поражений — большей выраженностью мышечного рельефа длинных костей. Длина тела ожидаемо оказалась связанной с полом (больше у мужчин) и возрастом погребенных (уменьшается от младших взрослых возрастов к старшим).

Обсуждение результатов и заключение

Между мужской и женской подвыборками из Гонура 20 не обнаруживается различий ни в среднем возрасте смерти, ни в распределении патологических особенностей. Для тотальной выборки из раскопок Гонур-депе в целом (все участки) также характерен практически одинаковый средний возраст смерти мужчин и женщин (34,5 и 34,2 лет соответственно), несколько уступающий полученному для обсуждаемой группы (Курфтерин, 2022. С. 118, 119). Однако распределение патологических индикаторов в совокупной серии из раскопок памятника по ряду рассматриваемых в настоящем исследовании признаков демонстрирует достоверные межполовые отличия: зубной кариес чаще встречается у женщин, узлы Шморля и «периостит» костей голени — у мужчин (Там же. С. 153–156, 160–162). В выборке из Гонура 20 тенденции в распределении данных патологических проявлений те же, но различия не достигают статистически значимого уровня. Последнее может быть обусловлено как малым объемом выборочных данных (высокой вероятностью совершения ошибки второго рода), так и свидетельствовать об отсутствии существенных различий в габитуальных характеристиках и сходном спектре стрессовых воздействий для мужчин и женщин этого сателлитного поселения.

Подчеркивать наличие статистически значимых различий в реконструированной длине тела у мужчин и женщин, как это делается в некоторых публикациях (Laffranchi et al., 2021.

Р. 8), с нашей точки зрения, совершенно бессмысленно. При применении формул М. Троттер и Г. Глезер в редакции 1952 г. (Trotter, Gleser, 1952), например, разница в реконструируемой длине тела между индивидами с одинаковой длиной бедренной кости, скажем, 450 мм (средней для мужчин и большей для женщин), только за счет использования неодинаковых формул для разных полов будет составлять величину 3,3 см. Очевидно, что для любой выборки существование полового диморфизма по длине тела — это правило, а не исключение. Интересным представляется анализ временных трендов во внутривидовой изменчивости показателя, как, например, это сделано для материалов неолита (Яншао) — эпохи бронзы (Восточная Чжоу) с территории Китая (Dong et al., 2017). Дальнейший анализ материалов Гонур-депе в перспективе позволит рассмотреть тенденции в вариативности длины тела (и других признаков) между группами с различных локальных участков памятника, то есть пространственную изменчивость показателей.

Статистически значимых различий между мужскими и женскими погребениями в количестве инвентаря и сосудов нет. При этом в мужских захоронениях чаще присутствуют остатки заупокойной пищи, а в женских — металлические изделия (бронзовые булавки, аппликаторы, браслеты, в двух случаях бронзовые печати и в одном — зеркало). Последнее в известной степени согласуется с данными по Большому некрополю Гонура, в материалах которого отмечалось большее «богатство» и более широкий ассортимент артефактов (в том числе металлических) именно женских погребений (Сарианиди, 2001. С. 44, 45). При этом на Гонуре 20 не наблюдается характерного для Большого некрополя двукратного преобладания керамических изделий в женских захоронениях³. Количественное сходство в наборах погребального инвентаря, характерное (по В. А. Алёшкину) для среднеазиатских обществ периодов архаической и развитой экономики производящего типа (Алехин, 1986. С. 43), позволяет предполагать равноправное положение мужчин и женщин в гонурском обществе (по крайней мере, в свете обсуждаемых материалов).

³ Более того, в некоторых мужских погребениях количество сосудов более чем вдвое превышает средние значения. Так, например, в могилу 86 (погребение мужчины 35–45 лет) было помещено 29 разнотипных керамических сосудов.

Примечательна связь между встречаемостью узлов Шморля — индикаторов механической нагрузки на осевой скелет — и скелетных травм: два случая заживших переломов носовых костей, по одному случаю компрессионных переломов двух позвонков и перелома локтевой кости в мужской подгруппе, по одному случаю переломов локтевой кости, двух ребер и травматического повреждения лобной кости — в женской. Корреляция между встречаемостью грудно-поясничных узлов Шморля и травм других отделов скелета подтверждается на материалах документированной португальской коллекции (*Magno*, 2022. P. 116, 117). По этим же данным хрящевые грыжи грудно-поясничного отдела, особенно у женщин, чаще встречаются в группе лиц, занимавшихся ручным трудом, нередко в сочетании с травмами конечностей (*Ibid.* P. 118, 119).

Как отмечалось, в объединенной по полу выборке из Гонура 20 и травмы, и узлы Шморля ассоциированы с наличием статусных артефактов в захоронении, а первые — еще и с наличием металлических изделий. В свете этих данных можно предполагать, что, по крайней мере, для части гонурского общества социальный «престиж» (как он отражен в погребальном инвентаре) отчасти определялся «трудовыми заслугами» — высокой интенсивностью переносившихся физических нагрузок. Примечательна в этой связи и не подтвердившаяся при точечной проверке связь между ОСБ рельефа длинных костей и конструкцией погребального сооружения — наибольшие значения показателя наблюдаются у захороненных в цистах.

Наличие узлов Шморля (особенно у молодых индивидов), частая встречаемость переломов и энтезопатий традиционно рассматриваются в качестве остеологических характеристик, типичных для «неэлитных» захоронений (*Binsfeld et al.*, 2022. P. 15). В выборке из Гонура 20 мы наблюдаем другую ситуацию, что может свидетельствовать либо об отсутствии выраженных различий в характере и интенсивности физических нагрузок у представителей разных социальных групп (при условии объективного отражения погребальным обрядом реальности их существования), либо, в известном смысле, об эгалитарном устройстве общественной жизни на этом сателлитном поселении. Естественно, что данные рассуждения нуждаются

в верификации на большем материале, в том числе с других объектов и локальных некрополей Гонура.

В то же время, судя по среднему общему количеству инвентаря (17,14 единиц в цистах, 4,91 — в подбоях и 6,80 — в ямных могилах) и количеству сосудов (14,71 единиц в цистах, 3,68 — в подбоях, 5,60 — в ямных могилах), цисты являются наиболее «элитным» типом погребального сооружения. Данный факт соотносится с мнением В. И. Сариниди о том, что «...погребенные в цистах покойники при жизни занимали достаточно высокое положение в местном обществе, хотя, возможно, и не такое, как аристократы, погребенные в камерных гробницах...» (*Сариниди*, 2001. С. 22). О существовании группы «аристократов» применительно к Гонуру 20 в свете обсуждаемых материалов говорить не приходится.

Поскольку вся совокупность данных указывает на сложную иерархическую организацию гонурского общества (дворцовая и храмовая архитектура, ирригационные сооружения и т. п.), на настоящем этапе и рассмотренном материале пока сложно однозначно ответить на вопрос: имеем ли мы дело с полностью институционализированным неравенством, отраженным, в том числе, в погребальном обряде, или же последний маскирует существующее неравенство.

В свете концепции К. Куинна и Дж. Бек о реально существовавшем и представляемом погребальной практикой равенстве / неравенстве в древних обществах (*Quinn, Beck*, 2016) для гонурского социума выбор между сценариями соотношения этих категорий затруднен. Другими словами, для части захоронений (отдельных участков памятника) мы, безусловно, имеем дело с полностью институционализированным (прослеживаемым в обряде) неравенством (наличие «Царского некрополя»), с другой — для некоторых объектов (Гонур 20) наблюдается не вполне четкое отражение в погребальном обряде реалий общественной жизни. На последнее указывает некоторое противоречие между «статусами» погребенных на данном сателлитном поселении в свете остеологических и археологических данных. Все изложенное требует дальнейших исследований и осмысления взаимосвязи между блоками биолого-антропологической и археологической информации на материалах Гонур-депе.

Таблица 1. Статистическое тестирование гендерных различий в распределении остеологических индикаторов и особенностях погребального обряда во взрослой выборке из объекта Гонур 20

Table 1. Statistical testing of gendered differences in skeletal markers and funerary treatment in the Gonur 20 adult sample

Признак*	Мужчины	Женщины	Критерий	Статистика критерия
<i>Особенности погребального обряда</i>				
Погребения в цистах, n/N (%)	7/21 (33,3)	7/22 (31,8)	χ^2 с поправкой Йейтса (φ^2)	$\chi^2 = 0,05$; $df = 1$; $p = 0,826$ ($\varphi^2 = 0,000$)
Количество артефактов в погребении (среднее)	9,95	8,15	Непарный Стьюдента / Манна–Уитни	$t = 0,62$; $df = 40$; $p = 0,541$ / $U = 204,0$; $Z = 0,39$; $p = 0,696$
Количество сосудов в погребении (среднее)	8,27	6,65	Непарный Стьюдента / Манна–Уитни	$t = 0,68$; $df = 40$; $p = 0,503$ / $U = 194,0$; $Z = 0,64$; $p = 0,521$
Количество артефактов без сосудов (среднее)	1,68	1,50	Непарный Стьюдента / Манна–Уитни	$t = 0,22$; $df = 40$; $p = 0,827$ / $U = 185,5$; $Z = -0,86$; $p = 0,392$
Погребения с металлическими артефактами, n/N (%)	5/21 (23,8)	9/20 (45,0)	χ^2 с поправкой Йейтса (φ^2)	$\chi^2 = 1,21$; $df = 1$; $p = 0,271$ ($\varphi^2 = 0,050$)
Погребения со статусными артефактами, n/N (%)	2/21 (9,5)	2/20 (10,0)	Точный тест Фишера	$p = 1,000$
Наличие заупокойной пищи в погребении, n/N (%)	5/21 (23,8)	2/22 (9,1)	Точный тест Фишера	$p = 0,240$
<i>Остеологические индикаторы погребенных</i>				
Эмалевая гипоплазия, n/N (%)	2/7 (28,6)	1/6 (16,7)	Точный тест Фишера	$p = 1,000$
Длина тела (см), \bar{x} (n)	170,3 (13)	158,8 (10)	Манна–Уитни	$U = 15,5$; $Z = 3,04$; $p = 0,002^{***}$
Зубной кариес, n/N (%)	3/9 (33,3)	3/8 (37,5)	Точный тест Фишера	$p = 1,000$
Узлы Шморля, n/N (%)	4/14 (28,6)	1/10 (10,0)	Точный тест Фишера	$p = 0,358$
«Периостит» костей голени, n/N (%)	1/14 (7,1)	0/13 (0,0)	Точный тест Фишера	$p = 1,000$
Травмы, n/N (%)	4/15 (26,7)	3/12 (25,0)	Точный тест Фишера	$p = 1,000$
ОСБ** рельефа длинных костей, \bar{x} (n)	1,69 (4)	1,72 (5)	Манна–Уитни	$U = 9,0$; $Z = -0,12$; $p = 0,903$
Индивиды в возрасте 35+ лет, % (n)	60,0 (12)	50,0 (11)	χ^2 с поправкой Йейтса (φ^2)	$\chi^2 = 0,12$; $df = 1$; $p = 0,734$ ($\varphi^2 = 0,010$)
Средний возраст смерти, лет	38,9	38,2	Непарный Стьюдента / Манна–Уитни	$t = 0,21$; $df = 40$; $p = 0,834$ / $U = 200,5$; $Z = 0,48$; $p = 0,632$

*n — число случаев, N — число наблюдений, \bar{x} — выборочное среднее.

** ОСБ — *общий средний балл* развития рельефа всех имеющихся длинных костей (среднее арифметическое баллов по всем доступным для наблюдения признакам).

*** — достоверные различия для $p > 95$ % выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2. Коэффициенты ранговой корреляции (r_s) между остеологическими индикаторами и признаками погребального обряда в подвыборках из объекта Гонур 20Table 2. Spearman rank correlations (r_s) between skeletal markers and funerary treatment variables in the Gonur 20 subsamples

Пары признаков	Мужчины	Женщины	Объединенная выборка
Длина тела — Возраст	-0,71; $p = 0,007$	n.s.*	n.s.
Длина тела — Пол	–	–	-0,66; $p = 0,001$
Узлы Шморля — Наличие статусных артефактов	0,65; $p = 0,013$	n.s.	0,43; $p = 0,038$
Травмы — Количество инвентаря без сосудов	0,58; $p = 0,023$	n.s.	0,49; $p = 0,010$
Травмы — Наличие металлических артефактов	0,66; $p = 0,008$	n.s.	0,42; $p = 0,029$
Травмы — Наличие статусных артефактов	0,65; $p = 0,009$	n.s.	0,47; $p = 0,014$
ОСБ рельефа длинных костей — Тип погребения	n.s.	-0,89; $p = 0,041$	-0,75; $p = 0,021$
Кариес — ОСБ рельефа длинных костей	n.s.	n.s.	0,85; $p = 0,008$
Узлы Шморля — Травмы	0,83; $p = 0,000$	n.s.	0,65; $p = 0,001$
Тип погребения (циста) — Количество инвентаря	0,64; $p = 0,002$	0,48; $p = 0,031$	0,57; $p = 0,000$
Тип погребения (циста) — Количество сосудов	0,68; $p = 0,001$	0,51; $p = 0,023$	0,59; $p = 0,000$
Положение на правом боку — Количество инвентаря	n.s.	n.s.	0,49; $p = 0,004$
Положение на правом боку — Количество сосудов	n.s.	n.s.	0,42; $p = 0,016$
Количество инвентаря — Наличие металлических артефактов	0,63; $p = 0,002$	0,65; $p = 0,002$	0,62; $p = 0,000$
Количество инвентаря — Наличие заупокойной пищи	0,46; $p = 0,034$	n.s.	0,34; $p = 0,030$
Количество сосудов — Наличие металлических артефактов	0,60; $p = 0,004$	0,55; $p = 0,012$	0,53; $p = 0,000$
Количество сосудов — Наличие заупокойной пищи	0,45; $p = 0,038$	n.s.	0,31; $p = 0,050$
Наличие металлических артефактов — Наличие статусных артефактов	0,58; $p = 0,006$	n.s.	0,46; $p = 0,003$

* — значения коэффициентов ранговой корреляции статистически не значимы при $p < 0,05$.

Таблица 3. Статистическое тестирование взаимосвязей между остеологическими индикаторами и признаками погребального обряда в объединенной выборке взрослых индивидов из объекта Гонур 20

Table 3. Statistical testing of relations among skeletal markers and funerary treatment variables in the Gonur 20 pooled adult sample

Пары признаков	Критерий	Статистика критерия
Травмы — Количество инвентаря без сосудов	Манна–Уитни	$U = 31,0; Z = -2,13; p = 0,014^*$
ОСБ рельефа длинных костей — Тип погребения	Краскела–Уоллиса	$H = 4,55; df = 2; p = 0,103$
Кариес — ОСБ рельефа длинных костей	Манна–Уитни	$U = 0,0; Z = 2,09; p = 0,037$
Тип погребения — Количество инвентаря	ANOVA / Краскела–Уоллиса	$F_{2,38} = 11,22; p = 0,000 / H = 16,48; df = 2; p = 0,000$
Тип погребения — Количество сосудов	ANOVA / Краскела–Уоллиса	$F_{2,38} = 15,38; p = 0,000 / H = 17,92; df = 2; p = 0,000$
Положение погребенного — Количество инвентаря	Манна–Уитни	$U = 15,5; Z = 2,71; p = 0,007$
Положение погребенного — Количество сосудов	Манна–Уитни	$U = 23,5; Z = 2,31; p = 0,021$
Количество инвентаря — Наличие металлических артефактов	Манна–Уитни	$U = 46,0; Z = -3,92; p = 0,000$
Количество инвентаря — Наличие заупокойной пищи	Манна–Уитни	$U = 47,0; Z = 2,12; p = 0,034$
Количество сосудов — Наличие металлических артефактов	Манна–Уитни	$U = 68,5; Z = -3,30; p = 0,001$
Количество сосудов — Наличие заупокойной пищи	Манна–Уитни	$U = 52,5; Z = 1,92; p = 0,055$

* — статистически значимые величины для $p > 95\%$ выделены полужирным шрифтом.

Таблица 4. Коэффициенты сходства в распределении бинарных признаков в объединенной выборке взрослых индивидов из объекта Гонур 20

Table 4. Similarity coefficients for binary variables in the Gonur 20 pooled adult sample

Пары признаков	K_J^*	K_{BU-B}^{**}
Узлы Шморля — Наличие статусных артефактов	0,333; $p = 0,50^{***}$	0,667; $p = 0,95^{****}$
Травмы — Наличие металлических артефактов	0,417; $p = 0,75$	0,661; $p > 0,95$
Травмы — Наличие статусных артефактов	0,375; $p = 0,50$	0,678; $p > 0,95$
Узлы Шморля — Травмы	0,571; $p = 0,90$	0,803; $p > 0,99$
Наличие металлических артефактов — Наличие статусных артефактов	0,286; $p < 0,50$	0,590; $p < 0,90$

* — расширенный коэффициент Жаккара (коэффициент Танимото), рассчитанный по формуле (Baroni Urbani, 1980; Chung et al., 2019):

$$K_J = \frac{A}{A+B+C},$$

где A — истинно положительные результаты (1 и 1), B — ложноположительные результаты (1 и 0), C — ложноотрицательные результаты (0 и 1).

** — коэффициент Барони-Урбани и Бюссера, рассчитанный по формуле (Baroni Urbani, Buser, 1976):

$$K_{BU-B} = \frac{\sqrt{AD+A}}{\sqrt{AD+A+B+C}},$$

где A — истинно положительные результаты (1 и 1), B — ложноположительные результаты (1 и 0), C — ложноотрицательные результаты (0 и 1), D — истинно отрицательные результаты (0 и 0).

*** — доверительная вероятность p в соответствии с таблицей критических значений распределения коэффициентов Жаккара из работы Ч. Барони-Урбани (Baroni Urbani, 1980. P. 288, 289).

**** — доверительная вероятность p в соответствии с таблицей критических значений распределения коэффициентов сходства из работы Ч. Барони-Урбани и М. Бюссера (Baroni Urbani, Buser, 1976. P. 256, 257); значимые величины для $p \geq 95\%$ выделены полужирным шрифтом.

Агаханова и др., 2022 — Агаханова В. А., Юминов А. М., Фрибус А. В., Дубова Н. А. Находка печати из шпейза с Гонур-депе // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 334–337.

Алёкшин, 1986 — Алёкшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 192 с.

Бужилова, 1998 — Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Отв. ред. Е. З. Година. М.: Старый сад, 1998. С. 87–146.

Дубова, Куфтерин, 2017 — Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Данные археологии и антропологии по социальной стратификации древнеземледельческого общества Маргианы (Туркменистан) // Труды V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Т. III / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. С. 31–37.

Дубова, Куфтерин, 2019 — Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Внутригрупповая вариация краниологических

параметров серии Гонур-депе (Туркменистан, эпоха бронзы) и ее зависимость от социально-культурных характеристик // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции): Материалы междунар. конф. / Отв. ред. В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 42–45.

Дубова и др., 2021 — Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 годах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 8: Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг. / Гл. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2021. С. 89–130.

Казарницкий и др., 2015 — Казарницкий А. А., Туркина И. С., Белькевич Е. В., Панасюк Н. В. О методах сравнительного анализа погребального обряда и краниологических данных (на примере ямной культуры Северо-Западного Прикаспия) // АВ. 2015. Вып. 21. С. 65–74.

Куфтерин, 2012 — Куфтерин В. В. Предварительный палеопатологический анализ антропологических

- материалов из раскопок объекта Гонур 20 // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. / Гл. ред. В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. С. 77–86.
- Куфтерин, 2022 — Куфтерин В. В. Население Юго-Восточного Туркменистана в эпоху бронзы (методологические аспекты исследования): Дис. ... д-ра биол. наук: 03.03.02 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2022. 334 с.
- Куфтерин и др., 2021 — Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Сатаев Р. М. Диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз у населения Гонур-депе — показатель социальной дифференциации? // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 8: Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг. / Гл. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2021. С. 180–191.
- Куфтерин и др., 2023 — Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Фрибус А. В. Еще раз о социальной стратификации на Гонур-депе в свете данных краниологии и типологии погребальных сооружений // АВ. 2023. Вып. 40. С. 221–230.
- Медникова, 1998 — Медникова М. Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Отв. ред. Е. З. Година. М.: Старый сад, 1998. С. 151–165.
- Пежемский, 2000 — Пежемский Д. В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. № 4. С. 66–76.
- Сарияниди, 2001 — Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.
- Сарияниди, Дубова, 2012 — Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. / Гл. ред. В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. С. 29–55.
- Сатаев и др., 2023 — Сатаев Р. М., Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Сатаева Л. В. Мясная напутственная пища в погребальном обряде населения Гонур-депе // Вестник Томского ГУ. История. 2023. № 82. С. 168–175.
- Фрибус и др., 2023 — Фрибус А. В., Дубова Н. А., Хью К., Куфтерин В. В., Сычева О. В. Редкие типы погребальных конструкций Гонур-депе: исключение из правил или развитие традиции? // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2023. С. 139–144.
- Baroni Urbani, 1980 — Baroni Urbani C. A statistical table for the degree of coexistence between two species // Oecologia. 1980. Vol. 44. P. 87–289.
- Baroni Urbani, Buser, 1976 — Baroni Urbani C., Buser M. W. Similarity of binary data // Systematic Zoology. 1976. Vol. 25. P. 251–259.
- Binsfeld et al., 2022 — Binsfeld A., Kelp U., Teegen W.-R. Wealthy and healthy? Methodological approaches to non-élite burials — an Introduction // Wealthy and Healthy? Methodological Approaches to Non-Élite Burials: Panel 1.2: Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology (Cologne/Bonn 2018) / Eds. U. Kelp, W.-R. Teegen. Heidelberg: Propylaeum, 2022 (Archaeology and Economy of the Ancient World; Vol. 1). P. 1–32.
- Buikstra, Ubelaker, 1994 — Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (eds.). Standards for data collection from human skeletal remains. Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1994 (AAS Research Series; No. 44). vi+266 p.
- Chung et al., 2019 — Chung N. C., Miasojedow B., Startek M., Gambin A. Jaccard/Tanimoto similarity test and estimation methods for biological presence-absence data // BMC Bioinformatics. 2019. Vol. 20, Suppl. 5: 644. P. 1–11.
- Dong et al., 2017 — Dong Y., Morgan C., Chinenov Y., Zhou L., Fan W., Ma X., Pechenkina K. Shifting diets and the rise male-biased inequality on the Central Plains of China during Eastern Zhou // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. P. 932–937.
- Fribus et al., 2020 — Fribus A., Dubova N., Sataev R., Sataeva L., Kufterin V., Begliev M. New polychrome painting from Gonur Depe, Turkmenistan // Antiquity. 2020. Vol. 94 (376): e22, 1–9.
- Griffin et al., 2011 — Griffin R., Pitts M., Smith R., Brook A. Inequality at late Roman Baldock, UK: The impact of social factors on health and diet // Journal of Anthropological Research. 2011. Vol. 67. P. 533–556.
- Kay et al., 2022 — Kay K., Haddow S., Knüsel C., Mazzacato C., Milella M., Veropoulidou R., Twiss K. C. No gentry but grave-makers: Inequality beyond property accumulation in Neolithic Çatalhöyük // World Archaeology. 2022. Vol. 54, no. 4. P. 584–601.
- Laffranchi et al., 2021 — Laffranchi Z., Beck De Lotto M. A., Delpino C., Lösch S., Milella M. Social differentiation and well-being in the Italian Iron Age: Exploring the relationship between sex, age, biological stress, and burial complexity among the Picenes of Novilara (8th–7th c. BC) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13: 182. P. 1–19.
- Magno, 2022 — Magno G. Biocultural study of ante mortem fractures in the Lisbon Collection of Identified Skeletons: PhD in Anthropology Thesis / Universidade de Lisboa. Lisbon, 2022. xxiv+229 p.
- Pechenkina, Delgado, 2006 — Pechenkina E. A., Delgado M. Dimensions of health and social structure in the Early Intermediate period cemetery at Villa El Salvador, Peru // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 131. P. 218–235.
- Quinn, Beck, 2016 — Quinn C. P., Beck J. Essential tensions: A framework for exploring inequality through mortuary archaeology and bioarchaeology // Open Archaeology. 2016. Vol. 2. P. 18–41.

- Robb*, 2019 — *Robb J.* Beyond individual lives: Using comparative osteobiography to trace social patterns in Classical Italy // *Bioarchaeology International*. 2019. Vol. 3, no. 1. P. 58–77.
- Robb et al.*, 2001 — *Robb J., Bigazzi R., Lazzarini L., Scarsini C., Sonego F.* Social “status” and biological “status”: A comparison of grave goods and skeletal indicators from Pontecagnano // *American Journal of Physical Anthropology*. 2001. Vol. 115. P. 213–222.
- Sarianidi*, 2007 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. 2nd ed. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.
- Steckel et al.*, 2018 — *Steckel R. H., Larsen C. S., Sciulli P. W., Walker P. L.* Data collection codebook // *The Backbone of Europe: Health, Diet, Work and Violence over Two Millennia* / Eds. R. H. Steckel, C. S. Larsen, C. A. Roberts, J. Baten. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 397–427.
- Trotter, Gleser*, 1952 — *Trotter M., Gleser G. C.* Estimation of stature from long bones of American Whites and Negroes // *American Journal of Physical Anthropology*. 1952. Vol. 10. P. 463–514.
- Trotter, Gleser*, 1958 — *Trotter M., Gleser G. C.* A re-evaluation of estimation of stature based on measurements of stature taken during life and of long bones after death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1958. Vol. 16. P. 79–123.
- Wissler et al.*, 2022 — *Wissler A., Blevins K. E., Buikstra J. E.* Missing data in bioarchaeology II: A test of ordinal and continuous data imputation // *American Journal of Biological Anthropology*. 2022. Vol. 179. P. 349–364.

Exploring relations between funerary treatment and skeletal data: A case of Gonur 20 archaeological site

V. V. Kufterin, O. V. Sycheva, A. V. Fribus, N. A. Dubova⁴

Keywords: bioarchaeology, burial, inequality, skeletal markers, Bronze Age, BMAC / Oxus Civilization, Turkmenistan.

In this paper we analyzed relations between skeletal data and funerary treatment variables in a sample of 44 adult individual (22 males and 22 females) from Gonur 20 site (Bronze Age, BMAC, Southeastern Turkmenistan). Archaeological data included eight variables: grave type, position of the buried individual, total items per burial, total ceramic vessels per burial, total items other than vessels per burial, presence or absence of metal and high status artifacts, and food offerings for the deceased (animal bones placed in graves). Ten features are analyzed as an osteological correlates of the funerary treatment variables: biological sex, estimated age-at-death (age class and midpoint of age interval), and stature, presence or absence of enamel hypoplasia, dental caries, Schmorl’s nodes, subperiosteal new bone growth (“periostitis”), skeletal trauma, and an individual average enthesal score as evidence of habitual activity. At the first step we compared differences in skeletal markers and funerary treatment variables between male and female subsamples using Fisher’s exact or chi-square tests and Mann–Whitney *U* test parallel with unpaired *t*-test. At the second step we calculated Spearman rank correlations between skeletal markers and funerary treatment variables followed by direct inspection of statistical significance using Mann–Whitney *U* test or ANOVA parallel with Kruskal–Wallis *H* test as well as similarity tests for binary data. As it is shown in Table 1 there are no significant differences between male and female burials either in the funerary treatment variables or in the skeletal markers (with exception for living stature). For the pooled sample a number of trends were detected in the archaeological data variability as well as in the osteological indicators (Table 2). Cist graves are characterized by large number of grave goods and ceramic vessels. The number of vessels is related to the presence of metal artifacts in the burial, and total items are also related to the presence of meat funeral offerings. A large number of total items and vessels were placed in graves where the buried individual was lying in the most typical right side position. There are positive relationships between the presence of skeletal trauma and total items other than vessels, including metal and status artifacts. The presence of traumas is often associated with Schmorl’s nodes, and dental caries is often directly related to the higher average enthesal score.

⁴ Vladimir V. Kufterin — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru. Olga V. Sycheva, Alexey V. Fribus — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: olysicheva@gmail.com, fribus@list.ru. Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: dubova_n@mail.ru.

Первые радиоуглеродные даты памятника позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму¹

М. А. Кулькова, А. А. Горошников, З. В. Горошникова, М. А. Стрельцов, М. А. Маркова²

Аннотация. Для поселения Багай 1 — одного из самых больших и широкомасштабно раскопанных объектов позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму — были получены первые радиоуглеродные даты по коллагену из костной ткани. Они позволили установить хронологию выявленных объектов. Сопоставление с археологическим материалом, обнаруженным в постройках поселения, дало возможность охарактеризовать объекты, относящиеся к сабатиновской и белозерской культурам. Была установлена непрерывная хронология развития поселения в позднем бронзовом веке — с XV по начало X в. до н. э.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, памятник Багай 1, Северо-Западный Крым, хронология позднего бронзового века, сабатиновская культура, белозерская культура.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-339-346

На территории Северо-Западного Крыма полномасштабных раскопок археологических поселений эпохи бронзы было проведено не так много. Для этого региона только начинает формироваться банк абсолютных дат, полученных радиоуглеродным методом, особенно немного дат для эпохи бронзы — раннего железного века. Поселения позднего бронзового века Бурун-Эли 1 и Бай-Кият I были раскопаны широкой площадью (Колотухин, 2003. С. 28–39, рис. 35–48). По археологическому материалу эти памятники были отнесены к сабатиновской и белозерской культурам.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00065, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

² М. А. Кулькова, М. А. Стрельцов, М. А. Маркова — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; С.-Петербург, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru, michail1996@mail.ru, mcprav@yandex.ru. А. А. Горошников, З. В. Горошникова — Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: goroshnikov89@bk.ru, leben7@mail.ru.

© Кулькова М. А., Горошников А. А., Горошникова З. В., Стрельцов М. А., Маркова М. А., 2024

В 2021–2022 гг. под руководством А. А. Горошникова было раскопано и изучено еще одно большое поселение, Багай 1, общая исследованная площадь которого составила около 1,38 га. Поселение Багай 1 расположено в Сакском районе Республики Крым, в окрестностях с. Суворовского, в средней части Багайской балки, впадающей в озеро Сасык-Сиваш (рис. 1)³. Археологические раскопки, проведенные на территории памятника, позволили выделить различные типы объектов, связанные с жизнью и погребальной практикой обитателей поселения: хозяйственные ямы; отдельные каменные сложения; остатки сооружения квадратной формы, предположительно для хранения пищи, обложенного по периметру вертикально установленными плитами; каменные постройки хозяйственного и жилого назначения; три погребения (Горошников, Горошникова, 2022). На поселении также был обнаружен жертвенник, который имел площадку со входом, представляющим собой две вертикально вкопанные кости ног крупного рогатого скота. На площадке

³ В северной части поселения проводились охраняемые раскопки экспедиции ИА РАН в связи с проведением работ по проекту «Строительство и реконструкция автомобильной дороги Симферополь — Евпатория — Мирный (на участке Скворцово — Евпатория с обходом озера Сасык-Сиваш)».

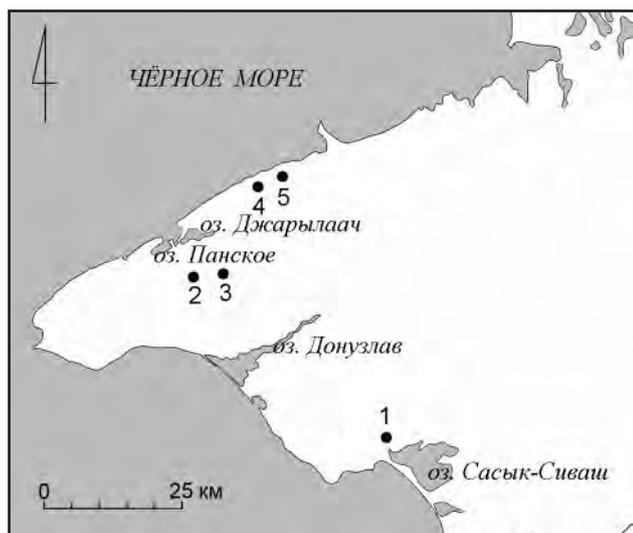

Рис. 1. Памятники позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму: 1 — Багай 1; 2 — Тарханкут-Н2; 3 — Тарханкут-Н8; 4 — Бай-Кият; 5 — Бурун-Эли

Fig. 1. Late Bronze Age sites in the North-Western Crimea: 1 — Bagay 1; 2 — Tarkhankut-N2; 3 — Tarkhankut-N8; 4 — Bai-Kiyat; 5 — Burun-Eli

находился развал лепного сосуда, обложенный камнями, и скопление зубов крупного копытного животного (Там же). Было установлено, что жилые постройки имеют прямоугольную форму, заглублены в материк, по периметру обложены крупными плитами известняка, установленными как в системе орфостатной, так и постелистой кладки. По внешнему периметру были обнаружены массивные обкладки округлой формы, состоящие из крупных обломков известняка.

Результаты междисциплинарных исследований позволяют утверждать, что памятник является долговременным стационарным поселком скотоводов либо поселением, предназначенным для проживания в зимний период. На поселении выделяется жилая зона (в южной части раскопа), вокруг которой — обширная хозяйственная периферия с явно выраженными следами скотоводства: каменными загонами, имеющими различные форму и размеры, использовавшимися для кормления и содержания скота (длительного или кратковременного) или для дойки и последующей переработки молочной продукции. Также нельзя исключать совместное пребывание в помещениях животных и человека, особенно в холодное время года, когда скот использовался как источник тепла (Борисов и др., 2023).

Материальный вещественный комплекс достаточно представителен (Горошников, Горошни-

кова, 2022; Борисов и др., 2023). На памятнике была собрана значительная коллекция разнообразной глиняной кухонной и столовой посуды. Часть сосудов декорирована рельефным или врезным орнаментом. Каменные изделия представлены растиральниками, наковаленками, оселками, обломками ступы, фрагментом половины двусоставной формы для отливки металлического изделия. Сохранились остатки кремневой индустрии, фрагмент кремневого серпа (Там же).

Костяные изделия представлены, в основном, проколками, стругами и иными орудиями, предназначенными для выделки кожи на разных этапах ее обработки.

Металлические предметы, относящиеся к позднему бронзовому веку, представлены однолезвийным ножом, проколками, иглами, фрагментом серпа, бляшкой, булавками со свернутой головкой, орнаментированным топором-кельтом с ушком.

В верхних слоях поселения найдены также изделия раннего железного века, античности и позднего Средневековья — Нового времени (Горошников и др., 2023). В зоологической коллекции поселения были определены кости домашних животных: крупного рогатого скота *Bos Taurus*, лошади *Equus caballus*, мелкого рогатого скота — овцы *Ovis aries* и козы *Capra hircus*, свиньи *Sus domesticus*, собаки *Canis familiaris* (Смекалова и др., 2023). Основную часть коллекции составляют кухонные остатки. На костях крупных и средних домашних животных были обнаружены следы кухонной разделки.

В целом багайские материалы имеют значительное сходство с находками позднего бронзового века из таманских памятников. Однако эта тема требует отдельного рассмотрения.

В структуре поселения выделяются три основных объекта (7, 19, 21) (рис. 2), из которых были взяты образцы для радиоуглеродного датирования. В объекте 7 остеологический материал обнаружен в 15 помещениях (образцы 1–14, 19), в объекте 19 — в помещении 2, в объекте 21 — в пяти помещениях (образцы 1–3, 5, 6).

Радиоуглеродный анализ костных остатков и древесины

Для радиоуглеродного датирования были отобраны кости крупных домашних животных хорошей сохранности. Были отобраны: из помещений 4 и 9 объекта 7 — два образца, один образец взят вне помещений; из объекта 19 — один образец, из объекта 21 — два образца, один

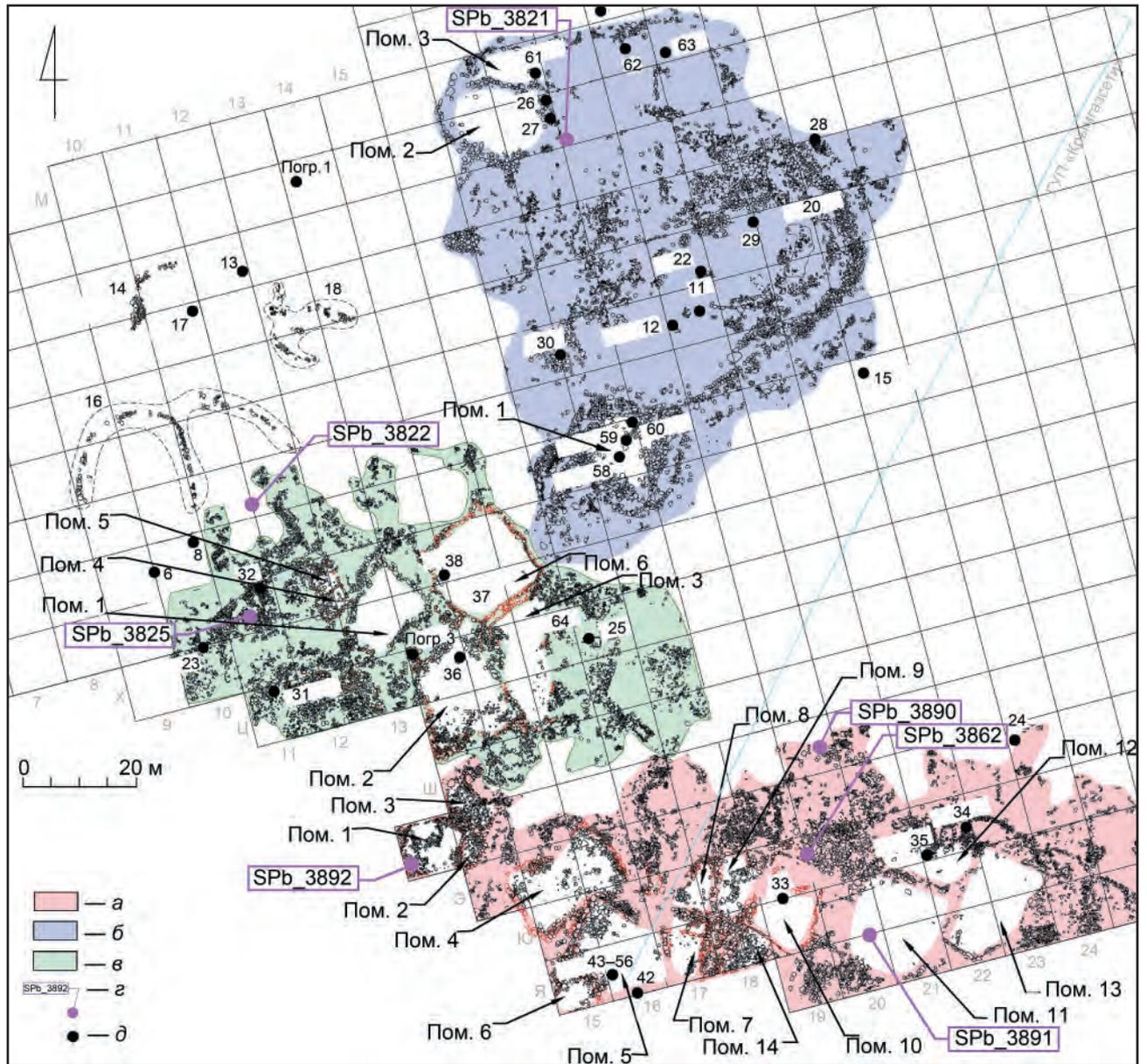

Рис. 2. Поселение Багай 1. Раскоп 1, 2021–2022 гг., план (а — объект 7; б — объект 19; в — объект 21; з — место отбора образцов на ^{14}C -датирование; д — места находок (об.) с номерами по полевой описи, нумерация для каждого структурного объекта своя; Пом. — помещение)

Fig. 2. Bagay 1 settlement. Excavation 1, 2021–2022, plan (a — object 7; b — object 19; v — object 21; z — sampling site for ^{14}C -dating; d — places of finds (ob.) with numbers according to the field inventory, each structural object has its own numbering; Пом. — room)

из помещения 6; из объекта 7, об. 34⁴ — один образец древесины (рис. 2).

Радиоуглеродный радиометрический (сцинтилляционный) анализ проводился в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» на базе РГПУ им. А. И. Герцена с использованием

⁴ В полевой описи находки по каждому структурному объекту поселения тоже названы объектами. Во избежание путаницы в статье они обозначены «об.».

традиционных методик пробоподготовки (Кулькова, 2011). Из костной ткани химическими методами выделялся коллаген. Древесина обрабатывалась по стандартной химической процедуре (метод АВА — acid-base-acid protocol): 3%-ной соляной кислотой (HCl) для удаления древних карбонатных загрязнений, затем 1%-ной щелочью (NaOH) для удаления молодых гумусовых остатков, снова соляной кислотой. Кости были предварительно обработаны разбавленной соляной кислотой

в холодильнике для удаления минеральной составляющей, полученная масса выпаривалась до получения органического белка — коллагена, с предварительной очисткой от загрязнений щелочным раствором. Пробоподготовка также включала процесс карбидизации образца при температуре 750 °С и получение карбида лития. Бензол синтезировался при разложении карбида лития, образуя ацетилен, который затем полимеризировался с образованием бензола на хромовом катализаторе. Полученные образцы бензола были направлены сцинтиллирующими добавками (РОРОР и РОР) для получения счетного вещества, которое использовалось для определения возраста.

Активность радиоуглерода в бензоле была измерена с помощью низкофонового жидкостного сцинтилляционного счетчика Quantulus 1220 (Schönhofer, 1999; Schafer G., Schafer I., 2002). В качестве стандартного образца в сцинтилляционном методе используется принятый Национальным институтом стандартов и технологий Мариленда, США (NIST), образец щавелевой кислоты Oxalic Acid I (C₂H₂O₄). 95 % активности щавелевой кислоты 1950 г. приравнивается к измеренной активности абсолютного радиоуглеродного стандарта из древесины 1890 г. Активность радиоуглерода в древесине этого возраста была скорректирована на активность радиоуглерода в образцах 1950 г. Поэтому 1950 г. принимается за ноль в радиоуглеродном датировании. Стандарт щавелевой кислоты был изготовлен из урожая сахарной свеклы 1955 г. Изотопное соотношение НО : I = 19,3 ‰ по отношению к PBD-стандарту белемнита (Stuiver, Polach, 1977; Hua et al., 1999). В российских радиометрических лабораториях используется скорректированный бензольный стандарт,

активность которого в 5,01 раза выше активности международного стандарта. Российский стандарт был разработан в радиоуглеродной лаборатории Геологического института АН (Москва) в 1960-х гг.

Обработка полученных результатов датирования и калибровка дат была проведена методом Байесовой статистики с использованием программы OxCal 4.4. (Bronk Ramsey, 2017) и атмосферной кривой IntCal 20 (Reimer et al., 2020).

Результаты датирования и обсуждение

Результаты датирования археологического материала из раскопа поселения Багай 1 представлены в таблице. Обработка данных методом Байесовой статистики (рис. 3) позволяет выделить несколько групп датировок и соотнести их с этапами заселения памятника.

Наиболее ранняя дата, полученная по коллагену из костей крупного животного, — 3180±40 ВР (SPb_3821), относится к объекту 19 и соответствует в калиброванных значениях периоду 1519–1320 гг. до н. э. В объекте 19 костные остатки были обнаружены только в помещении 2. В структуре объекта 19 (Р. 1⁵, объект 19, п. о. 574 и 575) были найдены две булавки с закрученной головкой (тип ролленадель) длиной 5,65 см при толщине 0,1 см (п. о. 574) и длиной 9,6 см при толщине 0,05 см (п. о. 574). Булавки изготовлены из оловянистой бронзы: п. о. 574 (Cu — 78,19 %, Sn — 20,71 %, As — 0,41 %, Sb — 0,14 %, Pb — 0,20 %, Fe — 0,35 %), п. о. 575 (Cu — 88,06 %, Sn — 7,15 %, As — 0,84 %, Sb — 0,33 %, Pb — 0,84 %, Fe — 2,68 %) (Горошников и др., 2023). По типологии и анализу металла бронзовые булавки имеют достаточно широкие аналогии, они были

⁵ Р. 1 — раскоп 1; п. о. — номер по полевой описи.

Таблица. Поселение Багай 1. Радиоуглеродные даты
Table. Bagay 1 settlement. Radiocarbon dates

Индекс лаборатории	¹⁴ C дата, ВР	Калиброванная дата, 2σ	Медиана	Место отбора, раскоп 1	Материал
SPb_3821	3180±40	1519–1320 calBC	1454 calBC	Объект 19	Кости крупного животного, коллаген
SPb_3890	3020±30	1390–1130 calBC	1269 calBC	Объект 7, помещение 9	То же
SPb_3892	3048±35	1411–1216 calBC	1310 calBC	Объект 7, помещение 4	То же
SPb_3822	2870±35	1193–927 calBC	1044 calBC	Объект 21, помещение 6	То же
SPb_3825	2844±30	1111–920 calBC	1002 calBC	Объект 21	То же
SPb_3891	1278±25	665–798 calAD	725 calAD	Объект 7	То же
SPb_3832	Современный	1960–1970 calAD	–	Объект 7, об. 34	Древесина

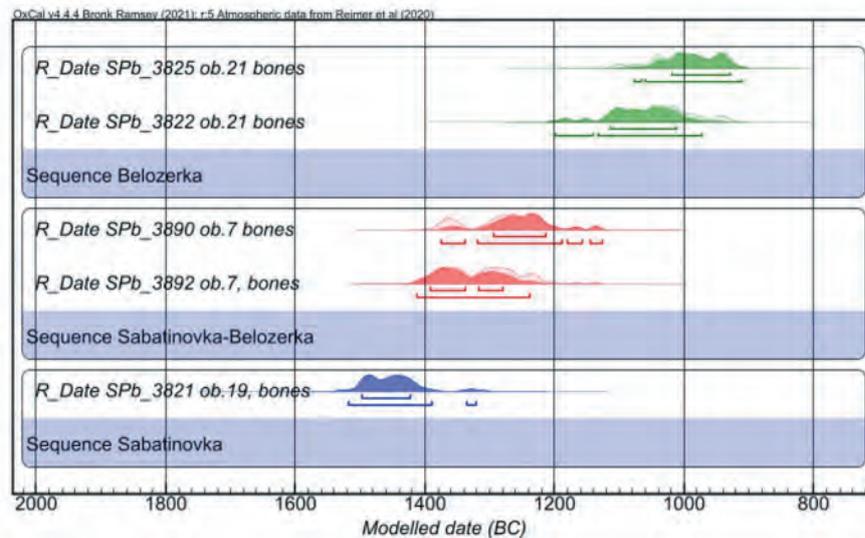

Рис. 3. График распределения калиброванных радиоуглеродных дат для поселения Багай 1
 Fig. 3. Distribution graph of calibrated radiocarbon dates for the settlement Bagay 1

распространены в Карпато-Дунайском бассейне и Северном Причерноморье в XV–VI вв. до н. э.

По данным радиоуглеродного анализа объект 19 можно отнести к концу XVI — XIV в. до н. э., что соответствует распространению носителей блока культур Ноуа-Сабатиновка в Северном Причерноморье. Другими маркерами этих культур являются костяные штампы, также найденные в заполнении этого объекта, которые представлены двумя фрагментами зубчатых орудий из лопаток — разбивальников, приспособлений для обработки шкур мелкого рогатого скота (Панковський, 2003; 2012. С. 53–55, 437, рис. 3.20, 3, 4). Такие орудия характерны для блока культур Ноуа-Сабатиновка и имеют большое количество аналогий на территории от Карпат до Приазовья (см.: Панковський, 2003; 2012. С. 192–203).

Следующая группа дат, полученная по коллагену из костей крупных животных, — 3020±30 ВР (SPb_3890), 3048±35 ВР (SPb_3892) — отражает время обитания жителей на поселении в объекте 7. Комбинированная калиброванная дата по двум результатам соответствует периоду 1386–1218 гг. до н. э. (рис. 4). Из объекта 7 поселения Багай 1 получено большое количество находок (Горошников и др., 2023). Из металлических отметим кельт с одним «лобным» ушком, овальной в сечении втулкой, двумя арковидными фасками на лезвии (Р. 1, объект 7, п. о. 945; состав: Cu — 85,97 %, Sn — 11,98 %, As — 0,50 %, Sb — 0,63 %, Pb — 0,70 %, Fe — 0,02 %); рукояточную часть серпа с плавным переходом в откованный стержень прямоугольного сечения (Р. 1, объ-

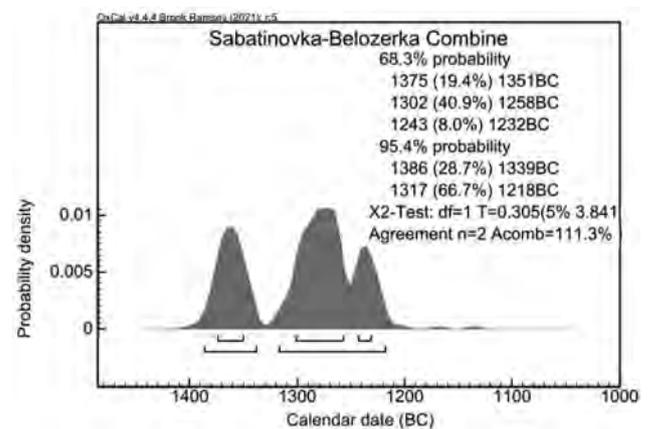

Рис. 4. Комбинированная калиброванная дата для объекта 7
 Fig. 4. Combined calibrated date for site 7

ект 7, п. о. 944; состав: Cu — 94,69 %, Sn — 2,74 %, As — 1,1 %, Sb — 0,49 %, Pb — 0,81 %, Fe — 0,03 %); пинцет из сплюсненной проволоки (Р. 1, объект 7, п. о. 943); нож (состав: Cu — 97,74 %, Sn — 0,16 %, As — 0,17 %, Sb — 0,16 %, Pb — 0,04 %, Fe — 0,11 %); коллекцию бронзовых проколов с содержанием олова (1–12 %); булавку с закрученной головкой (состав: Cu — 91,42 %, Sn — 5,48 %, As — 0,27 %, Sb — 1,12 %, Pb — 0,19 %, Fe — 1,41 %). Как отмечают авторы раскопок (Там же), топор-кельт по составу бронзы близок к топорам карпато-трансильванской группы, а серп имеет аналогии с серпами, найденными в Ахметовском кладе позднего бронзового века и в Таманском кладе сабаиновского времени XIII–XII вв. до н. э.

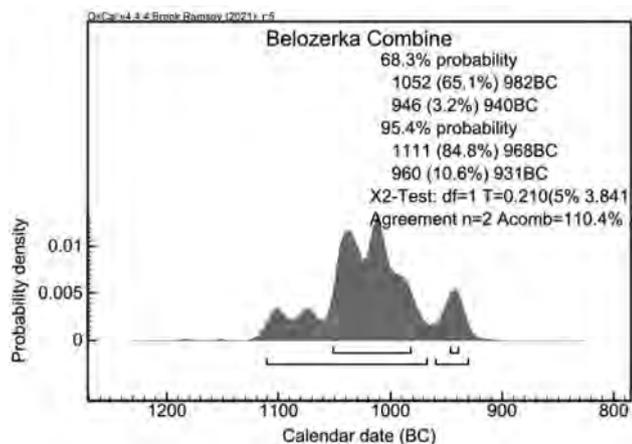

Рис. 5. Комбинированная калиброванная дата для объекта 21

Fig. 5. Combined calibrated date for site 21

Подобный нож обнаружен в нижнем слое городища Тудорово позднего бронзового века в Молдавии. Бронзовые проколки сабастиновской и белозерской культур обнаружены на многих памятниках на территории Крыма, а в последнее время и на территории Таманского полуострова (материалы раскопок поселения Панагия 1, в процессе публикации). Медиана радиоуглеродных дат, полученных для объекта 7, соответствует XIV–XIII вв. до н. э. Культурная и хронологическая атрибуция материалов дает возможность отнести этот объект к сабастиновской культуре и началу появления носителей белозерской культуры.

Группа дат, относящихся к объекту 21, включает две радиоуглеродные даты: 2870 ± 35 BP (SPb_3822), 2844 ± 30 BP (SPb_3825). Комбинированная калиброванная дата по двум результатам соответствует периоду 1111–931 гг. до н. э. (рис. 5). Металлические артефакты, обнаруженные в помещениях объекта 21 (*Там же*), включают четырехугольный в сечении продолговатый стержень (Р. 1, объект 21, п. о. 701; состав: Cu — 95,00 %, Sn — 2,7 %, As — 0,12 %, Sb — 0,45 %, Pb — 0,51 %, Fe — 0,89 %); проколку с уплощенным и заостренным краями (Р. 1, объект 21, п. о. 699; состав: Cu — 90,69 %, Sn — 0,13 %, Sb — 0,05 %, Pb — 0,36 %, Fe — 8,59 %); проколку с изгибом в нижней части (Р. 1, объект 21, п. о. 700; состав: Cu — 85,84 %, Sn — 12,11 %, As — 0,37 %, Sb — 0,75 %, Pb — 0,66 %, Fe — 0,05 %); округлые бляшки (Р. 1, объект 21, п. о. 702 и 703; состав: Cu — 71,8 / 90,7 %, Sn — 19,63 / 5,29 %, As — 2,81 / 2,26 %, Sb — 0,46 / 0,20 %, Pb — 4,34 / 0,40 %, Fe — 0,18 / 0,95 %). Авторы раскопок находят аналогии этим

предметам в материалах поселений блока культур Ноуа-Сабатиновка в Молдавии, а также в поселениях бронзового века на Тамани (*Там же*). Бляшка из оловянно-свинцово-мышьяковой бронзы по составу сплава может относиться уже к раннему железному веку. Также можно отметить проколку, в состав которой входит медь (90,69 %) и железо в высоком содержании (8,59 %). По данным радиоуглеродного анализа, медиана радиоуглеродных дат для объекта 21 — XII–X в. до н. э., что соответствует появлению и развитию белозерской культуры в Северо-Западном Крыму.

Для образца древесины из объекта 7, об. 34 (SPb_3832) была получена дата современного возраста — 1960–1970-е гг. По коллагену из кости животного (SPb_3891) из объекта 7 получена дата 1278 ± 25 BP (2σ, 665–798 calAD), что соответствует VII–VIII вв. н. э. и относится уже к Средневековью, периоду расцвета Хазарского каганата. Нужно отметить, что этот образец кости отличается от остальных образцов лучшей сохранностью, а также, возможно, он имеет следы обработки, что предполагает использование костей в хозяйственной деятельности. Подобные костяные орудия отмечаются в хазарских слоях Фанагории (*Голофаст, Добровольская, 2018*), они использовались в качестве рашпелей (коньков или гладилок).

Заключение

Проведенное радиоуглеродное датирование материалов на поселении Багай 1 позволяет выделить следующие этапы заселения памятника. Наиболее ранним объектом на поселении, содержащим предметы XVI–XIV вв. до н. э., является объект 19. По археологическому материалу и результатам датирования можно предположить первое появление в этом регионе носителей блока культур Ноуа-Сабатиновка. Дальнейшее развитие памятника относится к периоду XIV–XIII вв. до н. э., когда происходит заселение объекта 7. В структуре объекта выделяется множество различных помещений. Разнообразие артефактов, найденных здесь, по типологии и морфологии позволяет отнести эту структуру к сабастиновской культуре и началу белозерской культуры. По видимому, это наиболее интенсивно обитаемый участок, как в период бытования сабастиновской культуры, так и в более поздний период, так как, несмотря на отсутствие радиоуглеродных дат, здесь были выявлены артефакты более позднего времени вплоть до Средневековья. Белозерская культура, как и в Нижнем Поднепровье, вероятно, начинает развиваться на рубеже XIII–XII вв.

до н. э. (см.: *Kulkova et al.*, 2022) и в Северо-Западном Крыму. Заселение объекта 21 на участке Багай 1 относится к периоду XII–X вв. до н. э., что и по археологическому материалу соответствует белозерской культуре. Кризис белозерской культуры в Понтийских степях относится к XI–X вв. до н. э. (*Ibid.*). На территории Тарханкутского полуострова этому времени соответствуют поселения Тарханкут-Н2 сабагиновской культуры и Тарханкут-Н8 белозерской культуры (*Kashuba et al.*, 2021). Радиоуглеродная дата, полученная для памятника Тарханкут-Н2, находится в диапазоне 1440–1234 гг. до н. э. и совпадает по времени с существованием объектов 19 и 7 на поселении Багай 1. Комбинированная радиоуглерод-

ная дата, полученная из трех дат для поселения Тарханкут-Н8, попадает в интервал 1125–941 гг. до н. э., что полностью совпадает с комбинированной датой, полученной для объекта 21 на поселении Багай 1 (1111–921 гг. до н. э.).

Таким образом, можно отметить непрерывное заселение и развитие культур на памятнике Багай 1 в позднем бронзовом веке. Если использовать медиану, рассчитанную для каждой радиоуглеродной даты, то можно составить непрерывную хронологию развития поселения в позднем бронзовом веке — с XV в. по начало X в. до н. э. Дальнейшее развитие поселения связано уже с ранним железным веком и культурами скифского времени и требует дополнительного изучения.

Борисов и др., 2023 — Борисов А. В., Горошников А. А., Каширская Н. Н., Мимоход Р. А., Пинской В. Н., Потапова А. В., Смекалова Т. Н. Почвенно-микробиологические подходы к реконструкции назначения построек на древних поселениях // *Нижевожский археологический вестник*. 2023. Т. 22, № 1. С. 10–35.

Голофаст, Добровольская, 2018 — Голофаст Л. А., Добровольская Е. В. Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории* / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2018. Т. 7, вып. 4. С. 77–90.

Горошников, Горошников, 2022 — Горошников А. А., Горошников З. В. Предварительные исследования поселения «Багай 1» в Северо-Западном Крыму в 2021 и 2022 г. // *Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV науч.-практ. конф. (п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 г.)* / Отв. ред. С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 202–218.

Горошников и др., 2023 — Горошников А. А., Горошников З. В., Смекалова Т. Н., Антипенко А. В. Состав сплава металлических предметов из раскопок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // *Stratum plus*. 2023. № 2: Страсти по детям. С. 319–337.

Колотухин, 2003 — Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стило, 2003. 139 с.

Кулькова, 2011 — Кулькова М. А. Радиоуглерод (^{14}C) в окружающей среде и метод радиоуглеродного датирования: Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 40 с.

Панковський, 2003 — Панковський В. Б. Про призначення «зубчастих лопаток» // *Археологія*. 2003. № 3. С. 134–144.

Смекалова и др., 2023 — Смекалова Т. Н., Тимонина Г. И., Семенова С. В., Горошников А. А., Горошни-

кова З. В., Борисов А. В., Мимоход Р. А., Леонов Л. Л. Результаты археозоологических исследований поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2023. Вып. XXVIII. С. 7–23.

Панковський, 2012 — Панковський В. Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012. 596 с.

Bronk Ramsey, 2017 — *Bronk Ramsey C.* Methods for summarizing radiocarbon datasets // *Radiocarbon*. 2017. Vol. 59(6). P. 1809–1833. Available at: <https://doi.org/10.1017/RDC.2017.108> (accessed: 20.04.2024).

Hua et al., 1999 — *Hua Q., Barbetti M., Worbes M., Head J., Levchenko V. A.* Review of radiocarbon data from atmospheric and tree ring samples for the period 1950–1997 AD // *IAWA Journal (The Journal of the International Association of Wood Anatomists)*. 1999. Vol. 20, № 3. P. 261–283.

Kashuba et al., 2021 — *Kashuba M. T., Smekalova T. N., Kulkova M. A., Gurov E. Yu.* New Results of Interdisciplinary Study of Bronze Age Settlements in Northwestern Crimea // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. Vol. 66, is. 4. P. 1270–1295. Available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.414> (accessed: 20.04.2024).

Kulkova et al., 2022 — *Kulkova M. A., Kashuba M. T., Agulnikov S. M., Kulkov A. M., Streltsov M. A., Vetrova M. N., Zanoci A.* Impact of Paleoclimatic Changes on the Cultural and Historical Processes at the Turn of the Late Bronze — Early Iron Ages in the Northern Black Sea Region // *Heritage*. 2022. Vol. 5 (3). P. 2258–2281. Available at: <https://doi.org/10.3390/heritage5030118> (accessed: 20.04.2024).

Reimer et al., 2020 — *Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrichet M. et al.*

The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62(4). P. 725–757. Available at: <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41> (accessed: 20.04.2024).

Schafer G., Schafer I., 2002 — *Schafer G., Schafer I.* Radionuclide Identification of Beta-Emitters by Energy Calibration in Liquid Scintillation Spectroscopy // In *Advances in Liquid Scintillation Spectrometry*. Radiocar-

bon / Eds. S. Mobius, J. E. Noakes, F. Schönhofer. 2002. P. 107–114.

Schönhofer, 1999 — *Schönhofer F.* Liquid Scintillation Counting in Analytical and Environmental Radiochemistry // Abstract of the 45th Conference on Bioassay, Analytical and Environmental Radiochemistry (Gaithersburg, USA, 18–22 October 1999).

Stuiver, Polach, 1977 — *Stuiver M., Polach H. A.* Discussion Reporting of ¹⁴C Data // *Radiocarbon*. 1977. Vol. 19 (3). P. 355–363.

The first radiocarbon dates of the Late Bronze Age settlement Bagay 1 in the North-Western Crimea

M. A. Kulkova, A. A. Goroshnikov, Z. V. Goroshnikova, M. A. Streltsov, M. A. Markova⁶

Keywords: radiocarbon dating, Bagay 1, North-Western Crimea, chronology of the Late Bronze Age, Sabatinovka culture, Belozerka culture.

One of the largest Late Bronze Age settlements “Bagay 1” was excavated in 2021 and 2022 in the Saky District in North-Western Crimea under the direction of A. A. Goroshnikov. The investigated area was about 1.38 ha (fig. 1). Archaeological excavations conducted in the territory of the site allowed to identify different types of objects associated with residential, economic activities and burial practices of the settlement’s inhabitants. The material complex includes a large set of items made of various materials. Bones of large domestic animals of good preservation were selected for radiocarbon dating: from rooms 4 and 9 of the object 7 — two samples, from the object 19 — one sample, from the object 21 — two samples, from the room 6 — one sample (fig. 2). Radiocarbon radiometric (scintillation) analysis was carried out in the laboratory of isotope studies of the Geoecology Research Centre at the Herzen State Pedagogical University, using traditional sample preparation techniques. The results of dating of archaeological material from the excavations of Bagay 1 settlement are presented in Table 1. Data processing by the method of Bayesian statistics (fig. 3) allows us to identify several groups of dating and correlate them with the stages of the site’s settlement. The earliest object on the settlement, containing materials of the end of the 16th–14th cen. BC is the object 19. According to the archaeological material and dating results, we can assume the first appearance in this region of the carriers of the Noua-Sabatinovka cultures’ circle. Further development of the site belongs to the period of 14th–13th cen. BC when the settlement of object 7 takes place. The structure of the object is characterized by many different rooms. The variety of metal artifacts found inside the object allows us to attribute this structure to the Sabatinovka culture and the beginning of the Belozerka culture on the base of its typology and morphology. The settlement of the object 21 at Bagay 1 belongs to the period 12th–10th cen. BC, which corresponds to the Belozerka culture according to the archaeological material and the composition of metal items. Comparison with radiocarbon dates obtained for other sites (Tarkhankut-H2, Tarkhankut-H8) gives an opportunity to make a correlation with the identified cultural and chronological stages. Thus, we can note the continuous settlement and development of cultures at the Bagay 1 site in the Late Bronze Age — from the 15th cen. to the beginning of the 10th cen. BC.

⁶ Marianna A. Kulkova, Mikhail A. Streltsov, Maria A. Markova — Herzen State Pedagogical University of Russia; St. Petersburg, Russia; e-mail: kulkova@mail.ru, michail1996@mail.ru, mcpav@yandex.ru. Andrey A. Goroshnikov, Zoya V. Goroshnikova — Institute of Archeology RAS; Moscow, Russia; e-mail: goroshnikov89@bk.ru, leben7@mail.ru.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ранний палеолит Закавказского нагорья в свете открытий начала XXI в.

Рецензия на книгу: Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022 (Archaeologica Petropolitana). 276 с. ISBN 978-5-85803-607-4¹

Н. К. Анисюткин

Ключевые слова: Закавказье, ашель, хронология, вариабельность индустрий.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-43-347-352

Очень важными археологическими открытиями конца XX — начала XXI в. следует признать обнаружение и исследование на территории Кавказского перешейка памятников древнейшего палеолита, чьи каменные индустрии сопоставимы и синхронны олдованским. Эти открытия дают возможность проанализировать ряд важнейших проблем преистории Евразии. Одной из них является давно дискутируемая проблема времени первоначального заселения Кавказа и юга Восточно-Европейской равнины древнейшими предками ископаемых людей. Не менее важная проблема — время и территория, с которых началось проникновение в Закавказье древнейших человеческих коллективов с каменными индустриями ашельского типа. Общеизвестно, что ашель является основой раннего палеолита Большого Кавказа.

Еще совсем недавно заметная часть ученых, используя известные в то время источники, полагала, что территория юга Восточной Европы была заселена только в позднеашельское время (Палеолит СССР, 1984). В самом конце прошлого века данное представление существенно измени-

лось: было открыто доашельское местонахождение Дманиси (Любин, 1998. С. 174). Тем не менее все еще продолжало существовать мнение о весьма позднем возрасте кавказского ашеля, который, как полагали некоторые исследователи раннего палеолита, соответствовал лишь второй половине среднего плейстоцена (Дороничев и др., 2007. С. 248). Считалось, что известный на то время ашель проник с более южной территории Леванта (Сирии, Палестины, Израиля), где давно открыты разновременные памятники раннего палеолита. Важно отметить, что Левант граничит с Африкой, которая рассматривается как прародина человечества. Здесь изучены и введены в научный оборот самые древние стоянки предков ископаемых людей возрастом около 3 млн лет назад. Отсюда гоминины начали заселять необозримые просторы Старого Света, проникая прежде всего на соседние территории.

Сейчас наиболее древние и надежно датированные комплексы раннего плейстоцена обнаружены лишь в Закавказье — в Грузии и Армении. Основу их составляют стратифицированные памятники, выявленные недавно в северной части Армении (в Лорийской котловине) Армяно-Российской археологической экспедицией. К ним относятся, в первую очередь, наиболее ранние объекты с многочисленными коллекциями каменных орудий возрастом около 2 млн лет назад. Они синхронны ранее обнаруженному олдованскому местонахождению Дманиси в Южной Грузии. Эта группа новых древнейших комплексов раннего

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022. 0019).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com.
© Анисюткин Н. К., 2024

и среднего плейстоцена существенно расширила источниковедческую базу, сформировав значительную совокупность из 80 разнообразных ашельских стоянок и местонахождений, включая памятники с надежной стратиграфией.

Рассматриваемая монографическая публикация «Ашельские памятники Закавказского нагорья» написана авторитетным и опытным ученым Е. В. Беляевой, чьи научные труды по раннему и среднему палеолиту Кавказа хорошо известны и высоко оцениваются профессионалами. Ее основой является докторская диссертация, успешно защищенная в конце 2023 г. Структура монографии типична для публикаций подобного типа: введение, восемь глав, заключение. Археологический материал изложен логично, выводы достаточно надежно аргументированы, качественные иллюстрации хорошо дополняют текст.

Глава 1 «Ашель: эволюция понятия и методические подходы к анализу каменных индустрий» — очень важная и весьма содержательная. В ней даны как общее, так и уточненное понятия самого термина «ашель», учитывающие прежние данные и новые открытия и публикации. Хорошо показана история трансформации общего термина «ашель». В итоге к ашелю отнесены все памятники с ручными рубилами, пиками и кливерами, для изготовления которых широко использовались крупные отщепы и подходящие по размерам обломки сырья. Выделяются группы ашельских индустрий, отличающихся по технологиям и составу орудий. Одна группа характеризуется бифасами и кливерами из крупных отщепов, а вторая — бифасами и своеобразными крупными орудиями, изготовленными из плитчатых обломков (с. 18, 19). Подразделение ашеля на ранний, средний и поздний основывается на принадлежности таких индустрий к разным отрезкам раннего или среднего плейстоцена. В основе его лежат новейшие данные по ашелю Африки, где сейчас известны наиболее ранние стоянки и местонахождения, чей возраст составляет около 1,7 млн лет назад. Ныне такое понимание ашельского технокомплекса, как отмечено в монографии, разделяют многие исследователи раннего палеолита.

Важен раздел, посвященный анализу ашельских каменных индустрий. В нем весьма основательно рассмотрены сложности, возникающие перед исследователем, изучающим столь древние каменные индустрии со слабовыраженной стандартизацией. Здесь, как выясняется, особое значение имеет качество первичного сырья. Проблема с некачественным сырьем отмечена в наиболее

древних комплексах, которые представлены такими важными местонахождениями Армении, как Карахач, Мурадово, Куртан 1. Данное сырье очень плохо поддается раскалыванию. В этом основная причина малочисленности в коллекциях продуктов расщепления — нуклеусов и отщепов — одних из наиболее надежных показателей каменных изделий, изготовленных человеком, а не образовавшихся в результате воздействия природных факторов. К тому же необходимые для выявления артефактов признаки порой нечетко выражены. В этих случаях на помощь пришли опыт и высочайший профессионализм, который в полной мере был продемонстрирован в рассматриваемой работе Е. В. Беляевой. В частности, весьма показателен анализ ручных рубил и пик, при описании которых среди специалистов нередко выявляются некоторые разночтения. Особенно заметны они при характеристике пиков. В частности, на мой взгляд, не вполне обосновано выделение пиков с долотовидными рабочими краями. В соответствии со своим названием орудие должно иметь острый конец, который «образован равномерно сходящимися краями, обработанными оббивкой, и более или менее заострен» (Амирханов, 2016. С. 148). Правда, большинство разногласий, как правило, касаются второстепенных признаков. Основной же принцип выделения данных орудий остается неизменным. В монографии подобный общий принцип был удачно назван «морфолого-функциональным». По этому поводу Е. В. Беляева пишет так: «Вследствие ограниченного круга основных функций, которые могут выполнять каменные орудия (рубка, разрезание, скобление или перфорация твердых и мягких материалов), наборы этих технических форм в разных индустриях аналогичны или, как минимум, очень близки» (с. 21).

Весьма интересен подход, примененный при описании и выделении таких форм, как комбинированные орудия. К примеру, на ранних стадиях ашеля обычно хорошо заметны переходные формы между пиками, стрелчатыми чопперами, грубыми массивными ручными рубилами. Это явление наиболее характерно для африканского раннего палеолита (с. 22).

В целом проблема технико-морфологического анализа всех рассматриваемых в монографии сложных комплексов древнейших каменных орудий, на мой взгляд, удачно решена. Здесь достаточно полно использован как мировой, так и богатый собственный опыт, накопленный за десятки лет продуктивного изучения палеолита

Кавказа. Наблюдаемые несогласия в оценке тех или иных категорий каменных орудий обычны и носят дискуссионный характер.

Глава 2 называется «Закавказское нагорье: географический очерк, геологическая история и палеоэкологическая динамика в ашельскую эпоху». В ней приведены обширные сведения по геологии и палеогеографии региона. Особый интерес представляют исследования ученых смежных научных дисциплин, принимавших самое активное участие в работах Армяно-Российской археологической экспедиции. Результаты междисциплинарных исследований трудно переоценить. Они позволили получить обоснованную абсолютную хронологию и установить специфику природной среды во время обитания на данной территории творцов ашельского технокомплекса.

Глава 3 «История исследований ашеля Закавказского нагорья и современная картина распространения памятников» дает вполне объективное представление о продолжительной истории изучения ашеля на территории Закавказья и прежде всего в Армении. Как известно, здесь давно были обнаружены выразительные комплексы с типичными ручными рубилами ашельского облика. Правда, большая часть этих местонахождений представлена лишь подъемными материалами, которые не давали надежных свидетельств по хронологии, способствуя, в первую очередь, простору интерпретаций, основанных на технико-морфологическом анализе.

Исключением являются пещерные стоянки с хорошей стратиграфией с территории Грузии и Азербайджана. Междисциплинарные исследования позволили получить представление об их относительной геохронологии и природных условиях во время обитания здесь людей ашельской эпохи. В данном случае чрезвычайно важное значение имеет обнаружение в Армении открытых стратифицированных памятников, которые наряду с материалами известной стоянки Дманиси значительно изменили наши представления о древнейших этапах заселения Большого Кавказа. В свете этих открытий стало очевидно, что предки ископаемых людей появились здесь около 2 млн лет назад. Следует особо подчеркнуть, что работы Армяно-Российской археологической экспедиции вывели эти исследования на новый уровень, позволив получить достаточно полное представление об относительной и абсолютной хронологии, а также выявить этапы эволюции ашеля Закавказья.

Глава 4 «Поздний ашель Закавказского нагорья. Основные памятники и характеристика ин-

дустрий». В данном случае речь идет о наиболее многочисленных памятниках. Абсолютно преобладают местонахождения с подъемными материалами. Среди находок следует отметить серии выразительных ручных рубил, вторичная обработка которых соответствует образцам позднего и развитого ашеля. В первую очередь нужно указать на типичные рубила с новых стратифицированных стоянок Даштадем 3 и Нор Гехи, причем для стоянки Нор Гехи получены абсолютные даты из культурных слоев (325–335 тыс. лет назад), которые наиболее характерны, как считает Е. В. Беляева, для комплексов позднего ашеля (с. 54).

Среди давно известных нестратифицированных памятников с подъемным материалом интерес представляет местонахождение Сатани-Дар, где была выявлена хорошая серия ручных рубил ашельского облика. Коллекция была детально проанализирована и опубликована М. З. Паничкиной еще в 1950 г. Ей тогда удалось на основе лишь технико-морфологического анализа выделить два разновременных комплекса — «шелльский» и ашельский. Как известно, в Советском Союзе еще до середины XX в. господствовало представление о существовании особо ранней стадии развития палеолита, предшествующей ашельской, — «шелльской» (Паничкина, 1950). Позднее, в связи с упразднением шелльской стадии, ранний комплекс Сатани-Дара стал рассматриваться как раннеашельский (Борисковский, 1979). По мнению Е. В. Беляевой, материал этого памятника должен восприниматься как единый и датироваться поздним ашеlem. Подобная датировка вполне вероятна, хотя мое знакомство с материалами Сатани-Дара позволяет предложить иную интерпретацию. Напомню, что в течение 11 лет (1963–1975 гг.) я был хранителем секции палеолита Эрмитажа и, естественно, интересовался этой коллекцией. По моим наблюдениям, здесь прослеживается очевидная взаимосвязь между сохранностью поверхностей изделий и их морфологией, что предоставляет явную возможность выделения двух разновременных комплексов. В раннем комплексе преобладают грубые артефакты с патиной и худшей сохранностью поверхностей. По данным М. З. Паничкиной, они были изготовлены лишь из обсидиана. В позднем же комплексе заметно присутствие разного сырья, а поверхность каменных изделий имеет более хорошую сохранность и слабо патинирована; отщепы менее массивны и отличаются более тонкими поперечными сечениями. Это, на мой взгляд, указывает на разновременность коллекций.

Но насколько этот временной разрыв был значителен? На подобный вопрос нет однозначного ответа. Для достаточно обоснованных выводов требуются более основательные исследования с использованием, прежде всего, стратифицированных коллекций, которые помогут проверить предложенные интерпретации.

Особое значение имеют материалы пещерных памятников, включая Азых, Кударо I и III. Прежде всего следует обратить внимание на коллекции каменных изделий из ашельских слоев пещеры Кударо I, где проведены наиболее качественные раскопки, а результаты данных исследований профессионально опубликованы (Любин, Беляева, 2004). На мой взгляд, сложно объяснить наблюдаемую архаичность каменной индустрии лишь низким качеством сырья. Наличие в коллекции из ашельских слоев пещеры Кударо I бесспорно крайне древних форм, включая чопперы и массивные нуклевидные скребки, а также господство архаичной техники первичного раскалывания камня дают определенное основание для сомнения относительно предлагаемого возраста этой коллекции. А если применить в качестве аналогий комплексы с позднеашельскими ручными рубилами Западной Европы, то различия становятся более чем очевидны. Правда, в Европе постоянно использовалось более качественное сырье. Однако если же относить к позднему ашелю все каменные индустрии второй половины среднего плейстоцена, как это предлагается в монографии, то все сомнения как будто исчезают (с. 143). Тем не менее крайне озадачивает чрезмерная длительность «позднего ашеля» и кратковременность «среднего». С моей точки зрения, периодизация ашеля на основе геохронологии, которая предложена Е. В. Беляевой, сегодня все же остается дискуссионной, особенно если распространять ее за пределы Закавказья.

В главе 5 «Стратифицированные памятники с ранне- и среднеашельскими индустриями» рассматриваются памятники, отражающие ранние этапы ашеля Закавказья, открытые лишь в 2003 г. Армяно-Российской археологической экспедицией. Основные работы проводились на четырех объектах с надежной стратиграфией — Карахач, Мурадово, Куртан I и Ягдан.

Фундаментальные междисциплинарные исследования проводились на материалах трех первых местонахождений. Раскопки в пункте Ягдан носят пока предварительный характер.

Памятник Карахач (около 1800 м над уровнем моря) расположен в пределах карьера Карахач,

который имеет вид огромной траншеи длиной 340 м и шириной 90–110 м, пересекающей нижнюю часть пологого склона, прилегающего к лавовому потоку. Здесь в стенках карьера обнаружены две пачки отложений. Верхняя часть пачки I имеет обратную полярность (эпоха Матуяма), а нижняя — нормальную (эпизод Харамильо). В основании пачки II выявлена обратная полярность. Полученные абсолютные даты из этой пачки были в пределах 1,9–1,7 млн лет назад. Более ранняя пачка III вскрыта раскопками в пяти пунктах. Ее абсолютный возраст соответствует 1,9–1,8 млн лет назад. В данной пачке обнаружена каменная индустрия раннеашельского возраста. Относительно многочисленный материал из раскопок происходил из частично поврежденных, но не переотложенных культурных слоев. Скопления артефактов можно объяснить исключительно лишь человеческой деятельностью. В итоге памятник интерпретируется как местообитание, состоящее из ряда местонахождений, на которых была сосредоточена жизнедеятельность раннеашельских людей.

Мурадово. Памятник (1649 м над уровнем моря) расположен примерно в 3,5 км к востоку от карьера Карахач. На нем выделены девять литологических слоев с находками ашельских артефактов. Плейстоценовые слои 3–9 содержали 1011 находок из риолита, риодацита и андезита ранне- и среднеашельского облика. В слоях 1 и 2, являющихся почвой голоценового возраста, найдены явно переотложенные позднеашельские каменные изделия. В основании слоев лежат трахидацитовые лавы с K-Ar датой более 1,81 млн лет назад (с. 83).

Карьер Куртан I, где проводились раскопки, расположен примерно в 30–35 км восточнее Мурадово и Карахача. Здесь обнаружен ашельский памятник с многочисленными каменными артефактами. Под голоценовым гумусом было выделено семь литологических слоев с каменными предметами. Для слоя 4, представленного тонкослоистым пеплом, получена абсолютная SIMS U-Pb дата — более 1,4 млн лет назад. Образец из верхнего горизонта этого же слоя показал обратную намагниченность. Сходные даты были получены для слоев 5 и 6 (с. 86). В основании разреза выявлена обратная намагниченность, а также абсолютная K-Ar дата около 2,08 млн лет назад.

Главы 6 и 7 посвящены анализу каменных индустрий стоянок Карахач, Мурадово и Куртан I. Речь в основном идет о раннем ашеле с очень примитивными каменными изделиями. Находки же

среднего ашеля малочисленны. Хронологические позиции этих комплексов указывают на возрастной диапазон, соответствующий второй половине раннего плейстоцена и самому началу среднего плейстоцена (с. 127).

Так как для описания любой каменной индустрии должна постоянно учитываться возможность ее сравнения с другими, то всегда необходимо использовать уже существующие единицы классификации. Это правило соблюдается в данной монографии, но в общих чертах. Широко используются единицы анализа, которые предложены в работах М. Лики и прочих исследователей палеолита Африки, а также в публикациях Ф. Борда и В. П. Любина.

Остановлюсь на таком важном факторе, как сырьевой материал для изготовления каменных орудий. Данное сырье, напомним еще раз, плохо поддается раскалыванию. В этом причина малочисленности в этих комплексах продуктов первичного расщепления камня, которые обычно преобладают во всех коллекциях раннего плейстоцена, в частности олдована и раннего ашеля. Изделия изготавливали из местных вулканических пород, включая риолит, риодацит и иногда андезит. Полностью господствует особо прочный риолит, который древние обитатели добывали за пределами стоянки (с. 165). Этот факт наряду с прочими однозначно указывает на то, что обнаруженные каменные артефакты были изготовлены ископаемыми людьми и никак не могли быть «игрой природы». Преобладает сырьевой материал со слоистой структурой, естественные обломки которого имеют вид плиток различной формы и размеров. Из них было сделано большинство выразительных орудий. Обитатели стоянок раннего ашеля подбирали естественные обломки плиток нужных форм и размеров, делая из них с помощью вторичной обработки необходимые орудия, многие из которых имели геометрические очертания. По набору характерных форм орудий ранний ашель Северной Армении подобен, несмотря на разницу в сырье, синхронным индустриям ашеля Африки. Здесь найдены аналогичные категории каменных орудий.

В целом речь идет о единой индустриальной традиции, которая названа карахачской. Наблюдаемые различия между коллекциями были весьма незначительны и в большинстве случаев зависели от источников сырья. Так, сырье более высокого качества влияло на увеличение доли отщепов и нуклеусов. Более высокая доля продуктов расщепления характерна для верхних

слоев Мурадово, что, учитывая их более поздний возраст, позволяет Е. В. Беляевой видеть здесь эволюцию. В данном случае это явление можно рассматривать как продолжение развития единой традиции на начальной стадии среднего ашеля.

Глава 8 называется «Появление и развитие ашеля на Закавказском нагорье в свете современных данных». В соответствии с имеющимися на данной территории Большого Кавказа материалами Е. В. Беляева отмечает существование здесь двух различных комплексов — олдована и ашеля. Они, естественно, проникли сюда с территории Африки, соответствуя начальной стадии заселения Евразии. В связи с этим обращает на себя внимание интересное замечание автора монографии: «В этом процессе участвовали как древние гоминиды с примитивными каменными индустриями (олдован), так и более развитые ранние люди, производившие индустрии ашельского типа, отличающиеся усложнением технологий обработки камня и появлением набора крупных орудий разного назначения» (с. 5). Действительно, как мы хорошо видим, каменные орудия со стоянок раннего ашеля Армении и, возможно, Тамани существенно отличаются от орудий олдованского комплекса Дманиси не только большим разнообразием форм, но и более сложными технологиями их изготовления. К тому же обнаруженные в Дманиси антропологические находки принадлежат очень ранней форме ископаемых гоминин, которые обладали примитивными признаками *Homo ergaster* и *Homo habilis* (Деревянко, 2015).

Расположенная восточнее, на территории Дагестана, стоянка Мухкай (слой 80) с олдованской каменной индустрией в целом синхронна Дманиси. Ее комплекс отличается наличием орудий на отщепе и обломках (Ожерельев, 2021). Однако и здесь эти орудия менее разнообразны, чем в карахачском комплексе. Этот пример указывает на присутствие заметных различий между индустриями раннего ашеля и олдована. Правда, более основательные выводы все же нуждаются в новых дополнительных доказательствах. В частности укажу, что в ашеле Большого Кавказа до сих пор отсутствуют антропологические находки.

В монографии убедительно доказано, что ашель Закавказья не проник из Леванта, а сформировался на местной основе и эволюционировал здесь же. В этом случае прежняя идея о миграции ашельцев с более южной территории и лишь во второй половине среднего плейстоцена должна быть пересмотрена. Наиболее древние каменные индустрии с набором орудий явно

ашельского облика выявлены в отложениях второй половины раннего плейстоцена на местонахождениях в северной части Армении. Эти заключения сделаны на основе междисциплинарных исследований, где особое значение имеет серия полученных абсолютных дат. Сегодня, базируясь на выводах Е. В. Беляевой, можно уверенно утверждать, что носители карахачской каменной индустрии появились на территории Закавказья около 2 млн лет назад. В это же время, возможно, здесь обитали и творцы олдованских индустрий.

Междисциплинарные исследования показали, что еще во второй половине раннего плейстоцена для региона была характерна почти такая же природная среда, что и на африканской прародине. Поэтому адаптация к ней у первых колонистов не была чрезмерно сложной. В дальнейшем им пришлось все же приспосабливаться к меняющимся климатическим условиям. А на формирование и развитие их своеобразных региональных каменных индустрий на всем протяжении эпохи, безусловно, влияло использование местного вулканического сырья. Как отмечает Е. В. Беляева, наиболее интенсивно заселение территории происходило в раннем — начале среднего ашеля, а затем в позднем, в периоды наиболее благоприятных природных условий. Между этими двумя этапами, во время заметного ухудшения природной обстановки в первой половине среднего плейстоцена, ашельские памятники неизвестны (с. 144). В связи с этим нужно специально подчеркнуть, что данная гипотеза не является окончательной,

для ее подтверждения все же требуются дополнительные данные. Не исключено, что памятники с соответствующими культурными отложениями все еще не найдены.

Методика обработки и описания каменных индустрий, предложенная в монографии, является своего рода «ключом», с помощью которого возможно прочтение своеобразной и в значительной мере фрагментарной «летописи» преистории первых этапов заселения Закавказского нагорья. Для построения хронологической колонки исторического развития чрезвычайно важно, что значительная часть Закавказья — и в первую очередь Армения — расположена на территории с интенсивной вулканической деятельностью, что благоприятствует получению многочисленных и надежных абсолютных дат. Это обстоятельство делает хронологию раннего ашеля очень надежной. Исключительно важное значение для исследования комплексов регионального раннего палеолита имеет то обстоятельство, что изучение проводили такие выдающиеся ученые, как В. П. Любин (на первом этапе) и Е. В. Беляева. Их гигантский опыт, эрудицию и талант очень сложно переоценить. Данный научный труд дает относительно полное представление об ашеле Закавказья и соседних территорий. В настоящее время, на мой взгляд, это одна из наиболее совершенных научных работ по раннему палеолиту. Нет сомнения в том, что книга Е. В. Беляевой весьма долго будет востребована очень широким кругом исследователей раннего палеолита Евразии.

Амирханов, 2016 — Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. М.; Махачкала: Мавраевъ, 2016. 344 с.

Борисковский, 1979 — Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества / Ред. В. П. Якимов. М.: Наука, 1979. 240 с.

Деревянко, 2015 — Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа / Ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 612 с.

Доронищев и др., 2007 — Доронищев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гаррутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф. Треугольная

пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2017. 270 с.

Любин, 1998 — Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с.

Любин, Беляева, 2004 — Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка *Ното erectus* в пещере Кударо I. Центральный Кавказ. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с.

Ожерельев, 2021 — Ожерельев Д. В. Мухкай II, слой 80. Стоянка эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: ИА РАН, 2021. 160 с.

Палеолит СССР, 1984 — Палеолит СССР. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). 384 с.

Паничкина, 1950 — Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л.: Изд-во и тип. Гос. Эрмитажа, 1950. 170 с.

IN MEMORIAM

Памяти Петра Петровича Толочко (21 февраля 1938 г. — 28 апреля 2024 г.)

Археологическое сообщество Украины и России постигла тяжелая утрата. 28 апреля 2024 г. в Киеве на 87-м году жизни скончался Петр Петрович Толочко — выдающийся советский, украинский археолог и историк, академик, вице-президент Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, иностранный член Российской академии наук и почетный доктор ИИМК РАН, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Германского археологического института (Берлин) и Всевенгерского общества археологии и искусств (Будапешт).

Петр Петрович родился 21 февраля 1938 г. в селе Пристомы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области УССР в семье председателя колхоза. Будучи студентом, П. П. Толочко принимал участие в работе археологических экспедиций под руководством таких выдающихся советских археологов, как С. Н. Бибиков, В. И. Довженок и Б. А. Рыбаков. Одной из первых археологических экспедиций Петра Петровича стала работа в летописном Любече под руководством Б. А. Рыбакова. В 1961 г., после окончания кафедры археологии историко-философского факультета Киевского государственного университета им. Тараса Шевченко, он начал свою научную деятельность в Институте археологии АН УССР, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом, а затем и директора. Тридцать лет, с 1987 по 2017 г., он возглавлял Институт археологии АН УССР / АН НАНУ, определив магистральные направления развития украинской археологии для нескольких поколений исследователей.

Научное наследие Петра Петровича огромно: более 500 научных статей и 30 монографий, посвященных археологии и истории Киева, Киевской земли и Древней Руси в целом.

Особое место в исследованиях П. П. Толочко занимал древний Киев. Это отражено в теме кандидатской диссертации — «Вопросы исторической топографии древнего Киева», защищенной

Петр Петрович Толочко
Peter Petrovich Tolochko

в 1966 г., и в названиях двух первых монографий «Таємниці Київських підземель» (1968 г.) и «Історична топографія стародавнього Києва» (1970 г.), не утративших своего научного значения и поныне.

Огромная заслуга ученого — возрождение систематического археологического изучения древнерусской столицы и создание школы средневековой городской археологии. Благодаря ему стали регулярно издаваться коллективные работы, посвященные средневековой городской археологии Киева и его окружи. В 1970 г. Петром Петровичем была создана постоянно действующая Киевская

экспедиция, которая дала начало систематическим раскопкам памятников на территории города. Усилиями сотрудников экспедиции в 1970-е гг. развернулись широкомасштабные исследования Подола, в результате которых были выявлены и исследованы уникальные стратиграфические разрезы городского культурного слоя, что позволило создать в дальнейшем хронологическую шкалу киевских древностей. Итогом многолетних работ стала докторская диссертация «Киев и Киевская земля», защищенная в 1975 г.

Помимо древнего Киева исследователь активно изучал его округу. Так, в 1962–1963 гг. Петр Петрович занимался раскопками сельских поселений на р. Тетерев, в 1973 г. — городищ в Киевской и Черкасской областях, в 1979 г. — древнерусского Вышгорода, в 1982–1984 гг. — городищ Иван и Ходоров на Среднем Днепре. Обобщение материалов из раскопок древнерусской столицы и окружающих ее поселений с привлечением анализа письменных источников легло в основу монографии «Древняя Русь. Очерки социально-политической истории» (1987 г.).

В 1974 г. Петр Петрович стал заведующим отделом археологии Киева, а с 1982 г. возглавил отдел древнерусской и средневековой археологии. В 1988 г. ему присвоено звание профессора, в 1990 г. — члена-корреспондента АН УССР, действительного члена академии.

Петр Петрович Толочко был не только выдающимся ученым, но и талантливым научным руководителем. Благодаря его усилиям в 1970–

1980-е гг. сложилась самобытная школа киевской городской археологии, хорошо известная в Восточной и Западной Европе. Многочисленные ученики Петра Петровича занимались и продолжают заниматься раскопками в различных научных центрах. Среди них такие известные исследователи средневековых городов, как А. П. Моця, Г. Ю. Ивакин, В. Н. Зоценко, В. П. Коваленко, Б. А. Звиздецкий, С. Р. Кирилевич, И. И. Мовчан, В. И. Якубовский и многие другие.

С особой теплотой Петра Петровича вспоминают в академических центрах Петербурга и Москвы. Он десятилетиями поддерживал дружеские и научные связи с А. Н. Кирпичниковым, В. В. Седовым и М. В. Седовой, В. Л. Яниным и многими другими российскими коллегами. Петра Петровича и его многочисленных учеников связывали давние дружеские отношения с ленинградскими/петербургскими археологами, которые десятилетиями работали в одних и тех же экспедициях, регулярно встречались на конференциях. Истинный масштаб потери и разрыв этой связи нам только предстоит осознать, но уже сейчас можно сказать, что нас покинул талантливый ученый, большой научный организатор и великий наставник. Мы надеемся, что его труды, посвященные древнему Киеву, еще долгие годы будут востребованы будущими поколениями украинских и российских исследователей. Искренне скорбим и приносим свои соболезнования коллегам и близким Петра Петровича. Светлая память о нем останется в наших сердцах!

К. А. Михайлов

Список сокращений

- АВ — Археологические вести.
- АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли.
- АП БРПИ — Арендное предприятие «Белорусский реставрационно-проектный институт».
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии.
- БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
- БНЦ — Бурятский научный центр.
- БС — Балтийская система высот.
- ВА — ведомственный архив.
- ВАШ — Высшая антропологическая школа.
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
- ГИИ — Государственный институт искусствознания.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ГК — Государственный каталог.
- ГРМ — Государственный Русский музей.
- ГУ — государственный университет.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж.
- ДВО — Дальневосточное отделение.
- ЗВОРАО — Записки восточного отделения Российского археологического общества.
- ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины.
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.
- ИАЭт — Институт археологии и этнографии.
- ИИ — Институт истории.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- ИЭА — Институт этнологии и антропологии.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
- КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Украины.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).
- МИА — Материалы и исследования по археологии.
- МРС — мелкий рогатый скот.
- НА — научный архив.
- НАН — национальная академия наук.
- НБУВ — Національна бібліотека України ім. Г. В. Вернадського.
- НГМ КП — Новгородский государственный музей, книга поступлений.
- НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
- НИИ ИЯЛ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
НИМ РБ — Национальный исторический музей Республики Беларусь.
НМЗ — Новгородский музей-заповедник.
НМИУ — Национальный музей истории Украины.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
НОА — научно-отраслевой архив.
НЦ — научный центр.
ОДРИ — Отдел древнерусского искусства.
ОПИ — Отдел письменных источников.
ОСБ — общий средний балл.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.
ПНН — предмет неизвестного назначения.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РНФ — Российский научный фонд.
РО — рукописный отдел.
РЭМ — Российский этнографический музей.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
САИПИ — Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СО — Сибирское отделение.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
ФАНД — Фонд археологической научной документации.
ФНИ ГАН — фундаментальные научные исследования государственных академий наук.
ФО — фотографический отдел.
ЦНА — Центральный научный архив.
ЦНА НАН Беларусі — Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі.
ВСАА — Bonn Contributions to Asian Archaeology.
ИМС RAS — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences.
Man. Dep. — Manuscript department.
Photo Dep. — Photographic department.
SA — Scientific archive.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 43**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 20.10.2024. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 44,5. Тираж 300 экз. Заказ 711.
Дата выхода: 20 ноября 2024 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 43 —

